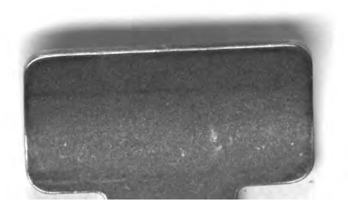

Полное собраніе сочиненій Льва Николаевича Толстого.

Томъ X.

Подъ редакціей и съ примѣчаніями
П. И. Бирюкова.

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., с. д.
Москва.—1913.

АННА КАРЕНИНА.

(1873—1876 года).

РОМАНЪ

ВЪ ВОСЬМИ ЧАСТЯХЪ.

ПЯТАЯ ЧАСТЬ.

I.

Княгиня Щербацкая находила, что сдѣлать свадьбу до поста, до котораго оставалось пять недѣль, было невозможно, такъ какъ половина приданаго не могла поспѣть къ этому времени; но она не могла не согласиться съ Левинымъ, что послѣ поста было бы уже и слишкомъ поздно, такъ какъ старая родная тетка князя Щербацкаго была очень больна и могла скоро умереть, и тогда трауръ задержалъ бы еще свадьбу. И потому, рѣшивъ раздѣлить приданое на двѣ части — большое и малое приданое, княгиня согласилась сдѣлать свадьбу до поста. Она рѣшила, что малую часть приданаго она приготовитъ всю теперь, большую же вышлетъ послѣ, и очень сердилась на Левина за то, что онъ никакъ не могъ серьезно отвѣтить ей, согласенъ ли онъ на это или нѣтъ. Это соображенiе было тѣмъ болѣе удобно, что молодые ѣхали тотчасъ послѣ свадьбы въ деревню, гдѣ вещи большого приданаго не будутъ нужны.

Левинъ продолжалъ находиться все въ томъ же состоянiи сумасшествiя, въ которомъ ему казалось, что онъ и его счастье составляютъ главную и единственную цѣль всего существующаго и что думать и заботиться теперь ему ни о чемъ не нужно, что все дѣлается и сдѣлается для него другими. Онъ даже не имѣлъ никакихъ плановъ и цѣлей для будущей жизни, онъ предоставлялъ рѣшенiе этого другимъ, зная, что все будетъ прекрасно. Братъ его Сергѣй Ивановичъ, Степанъ Аркадьевичъ и княгиня руководили его въ томъ, что ему слѣдовало дѣлать. Онъ только былъ совершенно согласенъ на все, что ему предлагали. Братъ занялъ для него денегъ, княгиня посовѣтовала уѣхать изъ Москвы послѣ свадьбы. Степанъ Аркадьевичъ посовѣтовалъ ѣхать за границу. Онъ на все былъ согласенъ. «Дѣлайте, что хотите, если вамъ это весело. Я счастливъ, и счастiе мое не можетъ быть ни больше, ни меньше, что бы вы

ни дѣлали», думалъ онъ. Когда онъ передалъ Кити совѣтъ Степана Аркадьевича — ѣхать за границу, онъ очень удивился, что она не соглашалась на это, а имѣла насчетъ ихъ будущей жизни какія-то свои опредѣленныя требованія. Она знала, что у Левина есть дѣло въ деревнѣ, которое онъ любитъ. Она, какъ онъ видѣлъ, не только не понимала этого дѣла, но и не хотѣла понимать. Это не мѣшало ей, однако, считать это дѣло очень важнымъ. И потому она знала, что ихъ домъ будетъ въ деревнѣ, и желала ѣхать не за границу, гдѣ она не будетъ жить, а туда, гдѣ будетъ ихъ домъ. Это опредѣленно выраженное намѣреніе удивило Левина. Но такъ какъ ему было все равно, онъ тотчасъ же попросилъ Степана Аркадьевича, какъ будто это была его обязанность, ѣхать въ деревню и устроить тамъ все, что онъ знаетъ, съ тѣмъ вкусомъ, котораго у него такъ много.

— Однако послушай, — сказалъ разъ Степанъ Аркадьевичъ Левину, возвратившись изъ деревни, гдѣ онъ все устроилъ для пріѣзда молодыхъ, — есть у тебя свидѣтельство о томъ, что ты былъ на духу?

— Нѣтъ. А что?

— Безъ этого нельзя вѣнчать.

— Ай, ай, ай! — вскрикнулъ Левинъ. — Я вѣдь, кажется, уже лѣтъ девять не говѣлъ. Я и не подумалъ.

— Хорошъ!—смѣясь сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, — а меня же называешь нигилистомъ! Однако вѣдь это нельзя. Тебѣ надо говѣть.

— Когда же? Четыре дня осталось.

Степанъ Аркадьевичъ устроилъ и это. И Левинъ сталъ говѣть. Для Левина, какъ для человѣка невѣрующаго и вмѣстѣ съ тѣмъ уважающаго вѣрованія другихъ людей, присутствіе и участіе во всякихъ церковныхъ обрядахъ было очень тяжело. Теперь, въ томъ чувствительномъ ко всему, размягченномъ состояніи духа, въ которомъ онъ находился, эта необходимость притворяться была Левину не только тяжела, но показалась совершенно невозможной. Теперь, въ состояніи своей славы, своего цвѣтенія, онъ долженъ будетъ или лгать или кощунствовать. Онъ чувствовалъ себя не въ состояніи дѣлать ни того, ни другого. Но сколько онъ ни допрашивалъ Степана Аркадьевича, нельзя ли получить свидѣтельство не говѣя, Степанъ Аркадьевичъ объявилъ, что это невозможно.

— Да и что тебѣ стоитъ—два дня? И онъ премилый, умный старичокъ. Онъ тебѣ выдернетъ этотъ зубъ такъ, что ты и не замѣтишь.

Стоя у первой обѣдни, Левинъ попытался освѣжить въ себѣ юношескія воспоминанія того сильнаго религіознаго чувства, которое онъ пережилъ отъ шестнадцати до семнадцати лѣтъ; но тотчасъ же убѣдился, что это для него совершенно невозможно. Онъ попытался смотрѣть на все это, какъ на неимѣющій значенія пустой обычай, подобный обычаю дѣланія визитовъ; но почувствовалъ, что и этого онъ никакъ не могъ сдѣлать. Левинъ находился въ отношеніи къ религіи, какъ и большинство его современниковъ, въ самомъ неопредѣленномъ положеніи. Вѣрить онъ не могъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не былъ твердо убѣжденъ въ томъ, чтобы все это было несправедливо. И поэтому, не будучи въ состояніи вѣрить въ значительность того, что онъ дѣлалъ, ни смотрѣть на это равнодушно, какъ на пустую формальность, во все время этого говѣнья онъ испытывалъ чувство неловкости и стыда, дѣлая то, чего самъ не понимаетъ, и потому, какъ ему говорилъ внутренній голосъ, что-то лживое и нехорошее.

Во время службы онъ то слушалъ молитвы, стараясь приписывать имъ значеніе такое, которое бы не расходилось съ его взглядами, то, чувствуя, что онъ не можетъ понимать и долженъ осуждать ихъ, старался не слушать ихъ, а занимался своими мыслями, наблюденіями и воспоминаніями, которыя съ чрезвычайною живостью во время этого празднаго стоянія въ церкви бродили въ его головѣ.

Онъ отстоялъ обѣдню, всенощную и вечернія правила и на другой день, вставъ раньше обыкновеннаго, не пивъ чаю, пришелъ въ восемь часовъ утра въ церковь для слушанія утреннихъ правилъ и исповѣди.

Въ церкви никого не было, кромѣ нищаго солдата, двухъ старушекъ и церковнослужителей.

Молодой дьяконъ, съ двумя рѣзко обозначавшимися половинками длинной спины подъ тонкимъ подрясникомъ, встрѣтилъ его и тотчасъ же, подойдя къ столику у стѣны, сталъ читать правила. По мѣрѣ чтенія, въ особенности при частомъ и быстромъ повтореніи тѣхъ же словъ: «Господи помилуй», которыя звучали какъ «помилосъ, помилосъ». Левинъ чувствовалъ, что мысль его заперта и запечатана и что трогать и шевелить ее теперь не слѣдуетъ, а то выйдетъ путаница, и потому онъ, стоя позади дьякона, продолжалъ, не слушая и не вникая, думать о своемъ. «Удивительно много выраженія въ ея рукѣ», думалъ онъ, вспоминая, какъ вчера они сидѣли у углового стола. Говорить имъ не о чемъ было, какъ всегда почти въ это время, и она, положивъ на столъ руку, раскрывала и закрывала ее, и сама засмѣялась, глядя на ея движеніе. Онъ вспо-

мнилъ, какъ онъ поцѣловалъ руку и какъ потомъ разсматривалъ сходящіяся черты на розовой ладони. «Опять помилосъ», подумалъ Левинъ, крестясь, кланяясь и глядя на гибкое движеніе спины кланяющагося дьякона. «Она взяла потомъ мою руку и разсматривала линіи:—у тебя славная рука, — сказала она». И онъ посмотрѣлъ на свою руку и на короткую руку дьякона. «Да, теперь скоро кончится, — думалъ онъ. — Нѣтъ, кажется, опять съ начала, — подумалъ онъ, прислушиваясь къ молитвамъ. — Нѣтъ, кончается; вотъ уже онъ кланяется въ землю. Это всегда передъ концомъ».

Незамѣтно получивъ рукой въ плисовомъ обшлагѣ трехрублевую бумажку, дьяконъ сказалъ, что онъ запишетъ, и, бойко звуча новыми сапогами по плитамъ пустой церкви, прошелъ въ алтарь. Черезъ минуту онъ выглянулъ оттуда и поманилъ Левина. Запертая до сихъ поръ мысль зашевелилась въ головѣ Левина, но онъ поспѣшилъ отогнать ее. «Какъ-нибудь устроится», подумалъ онъ и пошелъ къ амвону. Онъ вошелъ на ступеньки и, повернувъ направо, увидалъ священника. Старичокъ-священникъ, съ рѣдкою полусѣдою бородой, съ усталыми, добрыми глазами, стоялъ у аналоя и перелистывалъ требникъ. Слегка поклонившись Левину, онъ тотчасъ же началъ читать привычнымъ голосомъ молитвы. Окончивъ ихъ, онъ поклонился въ землю и обратился лицомъ къ Левину.

— Здѣсь Христосъ невидимо предстоитъ, принимая вашу исповѣдь, — сказалъ онъ, указывая на распятіе.—Вѣруете ли вы во все то, чему учитъ насъ святая апостольская церковь?— продолжалъ священникъ, отворачивая глаза отъ лица Левина и складывая руки подъ епитрахиль.

— Я сомнѣвался, я сомнѣваюсь во всемъ,—проговорилъ Левинъ непріятнымъ для себя голосомъ и замолчалъ.

Священникъ подождалъ нѣсколько секундъ, не скажетъ ли онъ еще чего, и, закрывъ глаза, быстрымъ владимірскимъ на «о» говоромъ сказалъ:

— Сомнѣнія свойственны слабости человѣческой, но мы должны молиться, чтобы милосердый Господь укрѣпилъ насъ. Какіе особенные грѣхи имѣете?—прибавилъ онъ безъ малѣйшаго промежутка, какъ бы стараясь не терять времени.

— Мой главный грѣхъ есть сомнѣніе. Я во всемъ сомнѣваюсь и большею частью нахожусь въ сомнѣніи.

— Сомнѣніе свойственно слабости человѣческой,—повторилъ тѣ же слова священникъ.—Въ чемъ же преимущественно вы сомнѣваетесь?

— Я во всемъ сомнѣваюсь. Я сомнѣваюсь иногда даже въ существованіи Бога,—невольно сказалъ Левинъ и ужаснулся неприличію того, что онъ говорилъ. Но на священника слова Левина не произвели, какъ казалось, впечатлѣнія.

— Какія же могутъ быть сомнѣнія въ существованіи Бога?— съ чуть замѣтною улыбкой поспѣшно сказалъ онъ.

Левинъ молчалъ.

— Какое же вы можете имѣть сомнѣніе о Творцѣ, когда вы воззрите на творенія Его?—продолжалъ священникъ быстрымъ, привычнымъ говоромъ.—Кто же украсилъ свѣтилами сводъ небесный? Кто облекъ землю въ красоту ея? Какъ же безъ Творца?—сказалъ онъ, вопросительно взглянувъ на Левина.

Левинъ чувствовалъ, что неприлично было бы вступать въ философскія пренія съ священникомъ, и потому сказалъ въ отвѣтъ только то, что прямо относилось къ вопросу.

— Я не знаю,—сказалъ онъ.

— Не знаете? То какъ же вы сомнѣваетесь въ томъ, что Богъ сотворилъ все?—съ веселымъ недоумѣніемъ сказалъ священникъ.

— Я не понимаю ничего,—сказалъ Левинъ, краснѣя и чувствуя, что слова его глупы и что они не могутъ не быть глупы въ такомъ положеніи.

— Молитесь Богу и просите Его. Даже святые отцы имѣли сомнѣнія и просили Бога объ утвержденіи своей вѣры. Дьяволъ имѣетъ большую силу, и мы не должны поддаваться ему. Молитесь Богу, просите Его. Молитесь Богу,—повторилъ онъ поспѣшно.

Священникъ помолчалъ нѣсколько времени, какъ бы задумавшись.

— Вы, какъ я слышалъ, собираетесь вступить въ бракъ съ дочерью моего прихожанина и сына духовнаго, князя Щербацкаго?—прибавилъ онъ съ улыбкой.—Прекрасная дѣвица.

— Да,—краснѣя за священника, отвѣчалъ Левинъ. «Къ чему ему нужно спрашивать объ этомъ на исповѣди?» подумалъ онъ.

И, какъ бы отвѣчая на его мысль, священникъ сказалъ ему:

— Вы собираетесь вступить въ бракъ, и Богъ, можетъ быть, наградитъ васъ потомствомъ, не такъ ли? Что же, какое воспитаніе можете дать вы вашимъ малюткамъ, если не побѣдите въ себѣ искушеніе дьявола, влекущаго васъ къ невѣрію?—сказалъ онъ съ кроткою укоризной.—Если вы любите свое чадо, то вы, какъ добрый отецъ, не одного богатства, роскоши, почести будете желать своему дѣтищу: вы будете желать его спасенія, его духовнаго просвѣщенія свѣтомъ истины. Не такъ ли? Что

же вы отвѣтите ему, когда невинный малютка спроситъ у васъ: «папаша, кто сотворилъ все, что прельщаетъ меня въ этомъ мірѣ,—землю, воды, солнце, цвѣты, травы»? Неужели вы скажете ему: «я не знаю»? Вы не можете не знать, какъ Господь Богъ по великой милости Своей открылъ вамъ это. Или дитя ваше спроситъ васъ: «что ждетъ меня въ загробной жизни?» Что вы скажете ему, когда вы ничего не знаете? Какъ же вы будете отвѣчать ему? Предоставите его прелести міра и дьявола? Это нехорошо!—сказалъ онъ и остановился, склонивъ голову на бокъ и глядя на Левина добрыми, кроткими глазами.

Левинъ ничего не отвѣчалъ теперь — не потому, что онъ не хотѣлъ вступать въ споръ съ священникомъ, но потому, что никто ему не задавалъ такихъ вопросовъ, а когда малютки его будутъ задавать эти вопросы, еще будетъ время подумать, что отвѣчать.

— Вы вступаете въ пору жизни,—продолжалъ священникъ,— когда надо избирать путь и держаться его. Молитесь Богу, чтобъ Онъ по Своей благости помогъ вамъ и помиловалъ,—заключилъ онъ.—Господь и Богъ нашъ Іисусъ Христосъ, благодатію и щедротами Своего человѣколюбія, да проститъ ти, чадо...— и, окончивъ разрѣшительную молитву, священникъ благословилъ и отпустилъ его.

Вернувшись въ этотъ день домой, Левинъ испытывалъ радостное чувство того, что неловкое положеніе кончилось и кончилось такъ, что ему не пришлось лгать. Кромѣ того, у него осталось неясное воспоминаніе о томъ, что то, что говорилъ этотъ добрый и милый старичокъ, было совсѣмъ не такъ глупо, какъ ему показалось сначала, и что тутъ что-то есть такое, что нужно уяснить.

«Разумѣется, не теперь,—думалъ Левинъ,—но когда-нибудь послѣ». Левинъ, больше чѣмъ прежде, чувствовалъ теперь, что въ душѣ у него что-то неясно и нечисто и что въ отношеніи къ религіи она находится въ томъ же самомъ положеніи, которое онъ такъ ясно видѣлъ и не любилъ въ другихъ и за которое онъ упрекалъ пріятеля своего Свіяжскаго.

Проводя этотъ вечеръ съ невѣстой у Долли, Левинъ былъ особенно веселъ, и, объясняя Степану Аркадьевичу то возбужденное состояніе, въ которомъ онъ находился, сказалъ, что ему весело, какъ собакѣ, которую учили скакать черезъ обручъ и которая, понявъ, наконецъ, и совершивъ то, что отъ нея требуется, взвизгиваетъ и, махая хвостомъ, прыгаетъ отъ восторга на столы и окна.

II.

Въ день свадьбы Левинъ, по обычаю (на исполненіи всѣхъ обычаевъ строго настаивали княгиня и Дарья Александровна), не видалъ своей невѣсты и обѣдалъ у себя въ гостиницѣ съ случайно собравшимися къ нему тремя холостяками: Сергѣй Ивановичъ, Катавасовъ, товарищъ по университету, теперь профессоръ естественныхъ наукъ, котораго, встрѣтивъ на улицѣ, Левинъ затащилъ къ себѣ, и Чириковъ, шаферъ, московскій мировой судья, товарищъ Левина по медвѣжьей охотѣ. Обѣдъ былъ очень веселый. Сергѣй Ивановичъ былъ въ самомъ хорошемъ расположеніи духа и забавлялся оригинальностью Катавасова. Катавасовъ, чувствуя, что его оригинальность оцѣнена и понимаема, щеголялъ ею. Чириковъ весело и добродушно поддерживалъ всякій разговоръ.

— Вѣдь вотъ,—говорилъ Катавасовъ, по привычкѣ, пріобрѣтенной на каѳедрѣ, растягивая свои слова,—какой былъ способный малый нашъ пріятель Константинъ Дмитричъ. Я говорю про отсутствующихъ, потому что его уже нѣтъ. И науку любилъ тогда, по выходѣ изъ университета, интересы имѣлъ человѣческіе, теперь же одна половина его способностей направлена на то, чтобъ обманывать себя, и другая—чтобъ оправдывать этотъ обманъ.

— Болѣе рѣшительнаго врага женитьбы, какъ вы, я не видалъ,—сказалъ Сергѣй Ивановичъ.

— Нѣтъ, я не врагъ. Я — другъ раздѣленія труда. Люди, которые дѣлать ничего не могутъ, должны дѣлать людей, а остальные содѣйствовать ихъ просвѣщенію и счастію. Вотъ какъ я понимаю. Мѣшать два эти ремесла есть тьма охотниковъ; я не изъ ихъ числа.

— Какъ я буду счастливъ, когда узнаю, что вы влюбитесь!— сказалъ Левинъ.—Пожалуйста, позовите меня на свадьбу.

— Я влюбленъ уже.

— Да, въ каракатицу. Ты знаешь,—обратился Левинъ къ брату,—Михаилъ Семенычъ пишетъ сочиненіе о питаніи и...

— Ну, ужъ не путайте! Это все равно о чемъ. Дѣло въ томъ, что я точно люблю каракатицу.

— Но она не помѣшаетъ вамъ любить жену.

— Она-то не помѣшаетъ, да жена помѣшаетъ.

— Отчего же?

— А вотъ увидите. Вы вотъ хозяйство любите, охоту; ну, посмотрите!

— А нынче Архипъ былъ, говорилъ, что лосей пропасть въ Прудномъ и два медвѣдя,—сказалъ Чириковъ.

— Ну, ужъ вы ихъ безъ меня возьмете.

— Вотъ и правда,—сказалъ Сергѣй Ивановичъ.—Да и впередъ простись съ медвѣжьею охотой: жена не пуститъ!

Левинъ улыбнулся. Представленіе, что жена его не пуститъ, было ему такъ пріятно, что онъ готовъ былъ навсегда отказаться отъ удовольствія видѣть медвѣдей.

— А вѣдь все-таки жалко, что этихъ двухъ медвѣдей безъ васъ возьмутъ. А помните въ Хапиловѣ послѣдній разъ? Чудная была бы охота,—сказалъ Чириковъ.

Левинъ не хотѣлъ его разочаровывать въ томъ, что гдѣ-нибудь можетъ быть что-нибудь хорошее безъ нея, и потому ничего не сказалъ.

— Не даромъ установился этотъ обычай прощаться съ холостою жизнью,—сказалъ Сергѣй Ивановичъ.—Какъ ни будь счастливъ, все-таки жаль свободы.

— А признайтесь, есть это чувство, какъ у Гоголевскаго жениха, что въ окошко хочется выпрыгнуть?

— Навѣрно есть, но не признается!—сказалъ Катавасовъ и громко захохоталъ.

— Что же, окошко открыто... Поѣдемъ сейчасъ въ Тверь! Одна медвѣдица, на берлогу можно идти. Право, поѣдемъ на пятичасовомъ! А тутъ какъ хотятъ,—сказалъ улыбаясь Чириковъ.

— Ну вотъ, ей-Богу,—улыбаясь сказалъ Левинъ,—не могу найти въ своей душѣ этого чувства сожалѣнія о своей свободѣ!

— Да у васъ въ душѣ такой хаосъ теперь, что ничего не найдете,—сказалъ Катавасовъ.—Погодите, какъ разберетесь немножко, то найдете.

— Нѣтъ, я бы чувствовалъ хоть немного, что кромѣ своего чувства (онъ не хотѣлъ сказать при немъ любви)... и счастія все-таки жаль потерять свободу... Напротивъ, я этой-то потерѣ свободы и радъ.

— Плохо! Безнадежный субъектъ!—сказалъ Катавасовъ.—Ну, выпьемъ за его исцѣленіе или пожелаемъ ему только, чтобъ хоть одна сотая его мечтаній сбылась. И это ужъ будетъ такое счастіе, какого не бывало на землѣ.

Вскорѣ послѣ обѣда гости уѣхали, чтобы успѣть переодѣться къ свадьбѣ.

Оставшись одинъ и вспоминая разговоры этихъ холостяковъ, Левинъ еще разъ спросилъ себя: есть ли у него въ душѣ это чувство сожалѣнія о своей свободѣ, о которомъ они говорили?

Онъ улыбнулся при этомъ вопросѣ. «Свобода? Зачѣмъ свобода? Счастіе только въ томъ, чтобы любить и желать, думать ея желаніями, ея мыслями, то-есть никакой свободы,—вотъ это счастіе!»

«Но знаю ли я ея мысли, ея желанія, ея чувства?» вдругъ шепнулъ ему какой-то голосъ. Улыбка исчезла съ его лица, и онъ задумался. И вдругъ на него нашло странное чувство. На него нашелъ страхъ и сомнѣніе,—сомнѣніе во всемъ.

«Что какъ она не любитъ меня? Что какъ она выходитъ за меня только для того, чтобы выйти замужъ? Что если она сама не знаетъ того, что дѣлаетъ?—спрашивалъ онъ себя.—Она можетъ опомниться и, только выйдя замужъ, пойметъ, что не любитъ и не могла любить меня». И странныя, самыя дурныя мысли о ней стали приходить ему. Онъ ревновалъ ее къ Вронскому, какъ годъ тому назадъ, какъ будто этотъ вечеръ, когда онъ видѣлъ ее съ Вронскимъ, былъ вчера. Онъ подозрѣвалъ, что она не все сказала ему.

Онъ быстро вскочилъ. «Нѣтъ, это такъ нельзя!—сказалъ онъ себѣ съ отчаяніемъ.—Пойду къ ней, спрошу, скажу послѣдній разъ: мы свободны, и не лучше ли остановиться? Все лучше, чѣмъ вѣчное несчастіе, позоръ, невѣрность!!» Съ отчаяніемъ въ сердцѣ и со злобой на всѣхъ людей, на себя, на нее онъ вышелъ изъ гостиницы и поѣхалъ къ ней.

Онъ засталъ ее въ заднихъ комнатахъ. Она сидѣла на сундукѣ и о чемъ-то распоряжалась съ дѣвушкой, разбирая кучи разноцвѣтныхъ платьевъ, разложенныхъ на спинкахъ стульевъ и на полу.

— Ахъ!—вскрикнула она, увидавъ его и вся просіявъ отъ радости.—Какъ ты, какъ же вы? (До этого послѣдняго дня она говорила ему то «ты», то «вы».) Вотъ не ждала! А я разбираю мои дѣвичьи платья, кому какое...

— А! это очень хорошо!—сказалъ онъ, мрачно глядя на дѣвушку.

— Уйди, Дуняша, я позову тогда,—сказала Кити.—Что съ тобой?—спросила она, рѣшительно говоря ему «ты», какъ только дѣвушка вышла. Она замѣтила его странное лицо, взволнованное и мрачное и на нее нашелъ страхъ.

— Кити, я мучаюсь. Я не могу одинъ мучиться,—сказалъ онъ съ отчаяніемъ въ голосѣ, останавливаясь предъ ней и умоляюще глядя ей въ глаза. Онъ уже видѣлъ по ея любящему правдивому лицу, что ничего не можетъ выйти изъ того, что̀ онъ намѣренъ былъ сказать, но ему все-таки нужно было, чтобы она сама разувѣрила его.—Я пріѣхалъ сказать, что еще время не ушло. Это все можно уничтожить и поправить.

— Что? Я ничего не понимаю. Чтó съ тобой?

— То, что я тысячу разъ говорилъ и не могу не думать... то, что я не стою тебя. Ты не могла согласиться выйти за меня замужъ. Ты подумай. Ты ошиблась. Ты подумай хорошенько. Ты не можешь любить меня... Если.... лучше скажи,—говорилъ онъ, не глядя на нее.—Я буду несчастливъ. Пускай всѣ говорятъ, что хотятъ; все лучше, чѣмъ несчастіе... Все лучше теперь, пока есть время...

— Я не понимаю,—испуганно отвѣчала она,—то-есть что ты хочешь отказаться... что не надо?

— Да, если ты не любишь меня.

— Ты съ ума сошелъ!—вскрикнула она, покраснѣвъ отъ досады. Но лицо его было такъ жалко, что она удержала свою досаду и, сбросивъ платья съ кресла, пересѣла ближе къ нему.— Что ты думаешь? скажи все.

— Я думаю, что ты не можешь любить меня. За что ты можешь любить меня?

— Боже мой, что же я могу?..—сказала она и заплакала.

— Ахъ, что я сдѣлалъ!—вскрикнулъ онъ и, ставъ предъ ней на колѣни, сталъ цѣловать ея руки.

Когда княгиня черезъ пять минутъ вошла въ комнату, она нашла ихъ уже совершенно помирившимися. Кити не только увѣрила его, что она его любитъ, но даже, отвѣчая на его вопросъ, за что она любитъ его, объяснила ему за что. Она сказала ему, что она любитъ его за то, что она понимаетъ его всего, за то, что она знаетъ, чтó онъ долженъ любить, и что все, что онъ любитъ, все хорошо. И это показалось ему вполнѣ ясно. Когда княгиня вошла къ нимъ, они рядомъ сидѣли на сундукѣ, разбирали платья и спорили о томъ, что Кити хотѣла отдать Дунягиѣ то коричневое платье, въ которомъ она была, когда Левинъ ей сдѣлалъ предложеніе, а онъ настаивалъ, чтобы это платье никому не отдавать, а дать Дуняшѣ голубое.

— Какъ ты не понимаешь? Она брюнетка и ей не будетъ идти... У меня это все разсчитано.

Узнавъ, зачѣмъ онъ пріѣзжалъ, княгиня полушуточно, полусерьезно разсердилась и услала его домой одѣваться и не мѣшать Кити причесываться, такъ какъ Шарль сейчасъ пріѣдетъ.

— Она и такъ ничего не ѣстъ всѣ эти дни и подурнѣла, а ты еще ее разстраиваешь своими глупостями,—сказала она ему.—Убирайся, убирайся, любезный.

Левинъ, виноватый и пристыженный, но успокоенный, вернулся въ свою гостиницу. Его братъ, Дарья Александровна и Степанъ Аркадьевичъ, всѣ въ полномъ туалетѣ, уже ждали его,

чтобы благословить образомъ. Медлить некогда было. Дарья Александровна должна была еще заѣхать домой, съ тѣмъ чтобы взять своего напомаженнаго и завитого сына, который долженъ былъ везти образъ съ невѣстой. Потомъ одну карету надо было послать за шаферомъ, а другую, которая отвезетъ Сергѣя Ивановича, прислать назадъ... Вообще соображеній весьма сложныхъ было очень много. Одно было несомнѣнно, что надо было не мѣшкать, потому что уже половина седьмого.

Изъ благословенья образомъ ничего не вышло. Степанъ Аркадьевичъ сталъ въ комически-торжественную позу рядомъ съ женой, взялъ образъ и, велѣвъ Левину кланяться въ землю, благословилъ его съ доброю и насмѣшливою улыбкой и поцѣловалъ его троекратно; то же сдѣлала и Дарья Александровна и тотчасъ же заспѣшила ѣхать и опять запуталась въ предначертаніяхъ движенія экипажей.

— Ну, такъ вотъ что мы сдѣлаемъ: ты поѣзжай въ нашей каретѣ за нимъ, а Сергѣй Ивановичъ уже если бы былъ такъ добръ заѣхать, а потомъ послать.

— Что же, я очень радъ.

— А мы сейчасъ съ нимъ пріѣдемъ. Вещи отправлены?— сказалъ Степанъ Аркадьевичъ.

— Отправлены,—отвѣчалъ Левинъ и велѣлъ Кузьмѣ подавать одѣваться.

III.

Толпа народа, въ особенности женщинъ, окружала освѣщенную для свадьбы церковь. Тѣ, которые не успѣли проникнуть въ средину, толпились около оконъ, толкаясь, споря и заглядывая сквозь рѣшетки.

Больше двадцати каретъ уже были разставлены жандармами вдоль по улицѣ. Полицейскій офицеръ, пренебрегая морозомъ, стоялъ у входа, сіяя своимъ мундиромъ. Безпрестанно подъѣзжали еще экипажи, и то дамы въ цвѣтахъ съ поднятыми шлейфами, то мужчины, снимая кепи или черную шляпу, вступали въ церковь. Въ самой церкви уже были зажжены обѣ люстры и всѣ свѣчи у мѣстныхъ образовъ. Золотое сіяніе на красномъ фонѣ иконостаса, и золоченая рѣзьба иконъ, и серебро паникадилъ и подсвѣчниковъ, и плиты пола, и коврики, и хоругви вверху у клиросовъ, и ступеньки амвона, и старыя почернѣвшія книги, и подрясники, и стихари—все было залито свѣтомъ. На правой сторонѣ теплой церкви, въ толпѣ фраковъ и бѣлыхъ галстуковъ, мундировъ и штофовъ, бархата, атласа,

волосъ, цвѣтовъ, обнаженныхъ плечъ и рукъ и высокихъ перчатокъ, шелъ сдержанный и оживленный говоръ, странно отдававшійся въ высокомъ куполѣ. Каждый разъ, какъ раздавался пискъ отворяемой двери, говоръ въ толпѣ затихалъ и всѣ оглядывались, ожидая видѣть входящихъ жениха и невѣсту. Но дверь уже отворялась болѣе чѣмъ десять разъ, и каждый разъ это былъ—или запоздавшій гость или гостья, присоединявшіеся къ кружку званныхъ, направо, или зрительница, обманувшая или умилостивившая полицейскаго офицера, присоединявшаяся къ чужой толпѣ, налѣво. И родные и посторонніе уже прошли чрезъ всѣ фазы ожиданія.

Сначала полагали, что женихъ съ невѣстой сію минуту пріѣдутъ, не приписывая никакого значенія этому запозданію. Потомъ стали чаще и чаще поглядывать на дверь, поговаривая о томъ, что не случилось ли чего-нибудь. Потомъ это опозданіе стало уже неловко, и родные и гости старались дѣлать видъ, что они не думаютъ о женихѣ и заняты своимъ разговоромъ.

Протодьяконъ, какъ бы напоминая о цѣнности своего времени, нетерпѣливо покашливалъ, заставляя дрожать стекла въ окнахъ. На клиросѣ слышны были то пробы голосовъ, то сморканіе соскучившихся пѣвчихъ. Священникъ безпрестанно высылалъ то дьячка, то дьякона узнать, не пріѣхалъ ли женихъ, и самъ въ лиловой рясѣ и шитомъ поясѣ чаще и чаще выходилъ къ боковымъ дверямъ, ожидая жениха. Наконецъ одна изъ дамъ, взглянувъ на часы, сказала: «однако это странно!» и всѣ гости пришли въ безпокойство и стали громко выражать свое удивленіе и неудовольствіе. Одинъ изъ шаферовъ поѣхалъ узнать, что случилось. Кити въ это время, давно уже совсѣмъ готовая, въ бѣломъ платьѣ, длинной вуали и вѣнкѣ померанцевыхъ цвѣтовъ, съ посаженою матерью и сестрой Львовой стояла въ залѣ Щербацкаго дома и смотрѣла въ окно, тщетно ожидая уже болѣе получаса извѣстія отъ своего шафера о пріѣздѣ жениха въ церковь.

Левинъ же между тѣмъ въ панталонахъ, но безъ жилета и фрака ходилъ взадъ и впередъ по своему нумеру, безпрестанно высовываясь въ дверь и оглядывая коридоръ. Но въ коридорѣ не видно было того, кого онъ ожидалъ, и онъ, съ отчаяніемъ возвращаясь и взмахивая руками, относился къ спокойно курившему Степану Аркадьевичу.

— Былъ ли когда-нибудь человѣкъ въ такомъ ужасномъ дурацкомъ положеніи!—говорилъ онъ.

— Да, глупо,—подтвердилъ Степанъ Аркадьевичъ, смягчительно улыбаясь.—Но успокойся, сейчасъ привезутъ.

— Нѣтъ, какъ же!—съ сдержаннымъ бѣшенствомъ говорилъ Левинъ.—И эти дурацкіе открытые жилеты! Невозможно!—говорилъ онъ, глядя на измятый передъ своей рубашки.—И что какъ вещи увезли уже на желѣзную дорогу!—вскрикнулъ онъ съ отчаяніемъ.

— Тогда мою надѣнешь.

— И давно бы такъ надо.

— Нехорошо быть смѣшнымъ... Погоди, *образуется.*

Дѣло было въ томъ, что, когда Левинъ потребовалъ одѣваться, Кузьма, старый слуга Левина, принесъ фракъ, жилетъ и все, что нужно было.

— А рубашка!—вскрикнулъ Левинъ.

— Рубашка на васъ, — со спокойною улыбкой отвѣтилъ Кузьма.

Рубашки чистой Кузьма не догадался оставить, и, получивъ приказаніе все уложить и свезти къ Щербацкимъ, отъ которыхъ въ нынѣшній же вечеръ уѣзжали молодые, онъ такъ и сдѣлалъ, уложивъ все, кромѣ фрачной пары. Рубашка, надѣтая съ утра, была измята и невозможна съ открытой модой жилетовъ. Посылать къ Щербацкимъ было далеко. Послали купить рубашку. Лакей вернулся: все заперто—воскресенье. Послали къ Степану Аркадьевичу, привезли рубашку; она была невозможно широка и коротка. Послали наконецъ къ Щербацкимъ разложить вещи. Жениха ждали въ церкви, а онъ, какъ запертый въ клѣткѣ звѣрь, ходилъ по комнатѣ, выглядывая въ коридоръ и съ ужасомъ и отчаяніемъ вспоминая, чтó онъ наговорилъ Кити и чтó она можетъ теперь думать.

Наконецъ виноватый Кузьма, насилу переводя духъ, влетѣлъ въ комнату съ рубашкой.

— Только засталъ. Ужъ на ломового поднимали,—сказалъ Кузьма.

Черезъ три минуты, не глядя на часы, чтобы не растравлять раны, Левинъ бѣгомъ бѣжалъ по коридору.

— Ужъ этимъ не поможешь,—говорилъ Степанъ Аркадьевичъ съ улыбкой, неторопливо поспѣшая за нимъ —*Обрѵзуется, образуется*... говорю тебѣ.

IV.

— Пріѣхали!—Вотъ онъ!—Который?—Помоложе-то, что ль?—А она-то, матушка, ни жива, ни мертва! — заговорили въ толпѣ, когда Левинъ, встрѣтивъ невѣсту у подъѣзда, съ нею вмѣстѣ вошелъ въ церковь.

Степанъ Аркадьевичъ разсказалъ женѣ причину замедленія, и гости улыбаясь перешептывались между собой. Левинъ ничего и никого не замѣчалъ; онъ, не спуская глазъ, смотрѣлъ на свою невѣсту.

Всѣ говорили, что она очень подурнѣла въ эти послѣдніе дни и была подъ вѣнцомъ далеко не такъ хороша, какъ обыкновенно; но Левинъ не находилъ этого. Онъ смотрѣлъ на ея высокую прическу съ длинною бѣлою вуалью и бѣлыми цвѣтами, на высоко стоявшій сборчатый воротникъ, особенно дѣвственно закрывавшій съ боковъ и открывавшій спереди ея длинную шею, и поразительно тонкую талію, и ему казалось, что она была лучше, чѣмъ когда-нибудь, не потому, чтобъ эти цвѣты, эта вуаль, это выписанное изъ Парижа платье прибавляли что-нибудь къ ея красотѣ, но потому, что, несмотря на эту приготовленную пышность наряда, выраженіе ея милаго лица, ея взгляда, ея губъ было все тѣмъ же ея особеннымъ выраженіемъ невинной правдивости.

— Я думала уже, что ты хотѣлъ бѣжать,—сказала она и улыбнулась ему.

— Такъ глупо, что̀ со мной случилось, совѣстно говорить!—сказалъ онъ краснѣя и долженъ былъ обратиться къ подошедшему Сергѣю Ивановичу.

— Хороша твоя исторія съ рубашкой!—сказалъ Сергѣй Ивановичъ, покачивая головой и улыбаясь.

— Да, да,—отвѣчалъ Левинъ, не понимая, о чемъ ему говорятъ.

— Ну, Костя, теперь надо рѣшить,—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ съ притворно-испуганнымъ видомъ, — важный вопросъ. Ты именно теперь въ состояніи оцѣнить всю важность его. У меня спрашиваютъ: обожженныя ли свѣчи зажечь или не обожженныя? Разница десять рублей,—присовокупилъ онъ, собирая губы въ улыбку.—Я рѣшилъ, но боюсь, что ты не изъявишь согласія.

Левинъ понялъ, что это была шутка, но не могъ улыбнуться.

— Такъ какъ же: не обожженныя или обожженныя? вотъ вопросъ.

— Да, да! не обожженныя.

— Ну, я очень радъ! Вопросъ рѣшенъ!—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ улыбаясь.—Однако какъ глупѣютъ люди въ этомъ положеніи,—сказалъ онъ Чирикову, когда Левинъ, растерянно поглядѣвъ на него, подвинулся къ невѣстѣ.

— Смотри, Кити, первая стань на коверъ,—сказала графиня Нордстонъ подходя.—Хороши вы!—обратилась она къ Левину.

— Что, не страшно?—сказала Марья Дмитріевна, старая тетка.

— Тебѣ не свѣжо ли? Ты блѣдна. Постой, нагнись!—сказала сестра Кити, Львова, и, округливъ свои полныя прекрасныя руки, съ улыбкой поправила ей цвѣты на головѣ.

Долли подошла, хотѣла сказать что-то, но не могла выговорить, заплакала и неестественно засмѣялась.

Кити смотрѣла на всѣхъ такими же отсутствующими глазами, какъ и Левинъ.

Между тѣмъ церковнослужители облачились, и священникъ съ дьякономъ вышли къ аналою, стоявшему въ притворѣ церкви. Священникъ обратился къ Левину, что-то сказавъ. Левинъ не разслушалъ того, что сказалъ священникъ.

— Берите за руку невѣсту и ведите,—сказалъ шаферъ Левину.

Долго Левинъ не могъ понять, чего отъ него требовали. Долго поправляли его и хотѣли уже бросить,—потому что онъ бралъ все не тою рукой или не за ту руку,—когда онъ понялъ наконецъ, что надо было правою рукой, не перемѣняя положенія, взять ее за правую же руку. Когда онъ, наконецъ, взялъ невѣсту за руку какъ надо было, священникъ прошелъ нѣсколько шаговъ впереди ихъ и остановился у аналоя. Толпа родныхъ и знакомыхъ, жужжа говоромъ и шурша шлейфами, подвинулась за ними. Кто-то, нагнувшись, поправилъ шлейфъ невѣсты. Въ церкви стало такъ тихо, что слышалось паденіе капель воска.

Старичокъ-священникъ въ камилавкѣ, съ блестящими серебромъ сѣдыми прядями волосъ, разобранными на двѣ стороны за ушами, выпроставъ маленькія старческія руки изъ-подъ тяжелой серебряной съ золотымъ крестомъ на спинѣ ризы, перебиралъ что-то у аналоя.

Степанъ Аркадьевичъ осторожно подошелъ къ нему, пошепталъ что-то и, подмигнувъ Левину, зашелъ опять назадъ.

Священникъ зажегъ двѣ украшенныя цвѣтами свѣчи, держа ихъ бокомъ въ лѣвой рукѣ, такъ что воскъ капалъ съ нихъ медленно, и повернулся лицомъ къ новоневѣстнымъ. Священникъ былъ тотъ же самый, который исповѣдывалъ Левина. Онъ посмотрѣлъ усталымъ и грустнымъ взглядомъ на жениха и невѣсту, вздохнулъ и, выпроставъ изъ-подъ ризы правую руку, благословилъ ею жениха и такъ же, но съ оттѣнкомъ осторожной нѣжности, наложилъ сложенные персты на склоненную голову Кити. Потомъ онъ подалъ имъ свѣчи и, взявъ кадило, медленно отошелъ отъ нихъ.

«Неужели это правда?» подумалъ Левинъ и оглянулся на невѣсту. Ему нѣсколько сверху виднѣлся ея профиль, и по чуть замѣтному движенію ея губъ и рѣсницъ онъ зналъ, что она почувствовала его взглядъ. Она не оглянулась, но высокій оборчатый воротникъ зашевелился, поднимаясь къ ея розовому маленькому уху. Онъ видѣлъ, что вздохъ остановился въ ея груди и задрожала маленькая рука въ высокой перчаткѣ, державшая свѣчу.

Вся суета рубашки, опозданія, разговоръ съ знакомыми, родными, ихъ неудовольствіе, его смѣшное положеніе—все вдругъ исчезло, и ему стало радостно и страшно.

Красивый рослый протодьяконъ въ серебряномъ стихарѣ, съ стоящими по сторонамъ расчесанными завитыми кудрями бойко выступилъ впередъ и, привычнымъ жестомъ приподнявъ на двухъ пальцахъ орарь, остановился противъ священника.

«Бла-го-сло-ви вла-дыко!» медленно, одинъ за другимъ, колебля волны воздуха, раздались торжественные звуки.

«Благословенъ Богъ нашъ всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ», смиренно и пѣвуче отвѣтилъ старичокъ-священникъ, продолжая перебирать что-то на аналоѣ. И, наполняя всю церковь отъ оконъ до сводовъ, стройно и широко поднялся, усилился, остановился на мгновеніе и тихо замеръ полный аккордъ невидимаго клира.

Молились, какъ и всегда, о свышнемъ мирѣ и спасеніи, о синодѣ, о государѣ; молились и о нынѣ обручающихся рабѣ Божіемъ Константинѣ и Екатеринѣ.

«О еже ниспослатися имъ любви совершеннѣй, мирнѣй, и помощи, Господу помолимся», какъ бы дышала вся церковь голосомъ протодьякона.

Левинъ слушалъ слова, и они поражали его. «Какъ они догадались, что помощи, именно помощи?—думалъ онъ, вспоминая всѣ свои недавніе страхи и сомнѣнія.—Что я знаю? что я могу въ этомъ страшномъ дѣлѣ,—думалъ онъ,—безъ помощи? Именно, помощи мнѣ нужно теперь».

Когда дьяконъ кончилъ ектенью, священникъ обратился къ обручавшимся съ книгой:

«Боже вѣчный! разстоящіяся собравый въ соединеніе»,—читалъ онъ кроткимъ пѣвучимъ голосомъ, — «и союзъ любве положивый имъ неразрушимый, благословивый Исаака и Ревекку, наслѣдники я Твоего обѣтованія показавый: Самъ благослови и рабы Твоя сія, Константина, Екатерину, наставляя я на всякое дѣло благое. Яко милостивый и человѣколюбецъ Богъ еси, и Тебѣ славу возсылаемъ, Отцу и Сыну, и Святому Духу, нынѣ

и присно, и во вѣки вѣковъ».—«Аминь», опять разлился въ воздухѣ невидимый хоръ.

«Разстоящіяся собравый въ соединеніе и союзъ любве положивый», какъ глубокомысленны эти слова и какъ соотвѣтственны тому, что чувствуешь въ эту минуту! — думалъ Левинъ. — Чувствуетъ ли она то же, что я?»

И, оглянувшись, онъ встрѣтилъ ее взглядъ.

И по выраженію этого взгляда онъ заключилъ, что она понимала то же, что и онъ. Но это было неправда: она совсѣмъ почти не понимала словъ службы и даже не слушала ихъ во время обрученія. Онъ не могла слушать и понимать ихъ: такъ сильно было то одно чувство, которое наполняло ея душу и все болѣе и болѣе усиливалось. Чувство это была радость полнаго совершенія того, что уже полтора мѣсяца совершилось въ ея душѣ и что въ продолженіе всѣхъ этихъ шести недѣль радовало и мучило ее. Въ душѣ ея въ тотъ день, какъ она въ своемъ коричневомъ платьѣ въ залѣ арбатскаго дома подошла къ нему молча и отдалась ему, — въ душѣ ея въ этотъ день и часъ совершился полный разрывъ со всею прежнею жизнью, и началась совершенно другая, новая, совершенно неизвѣстная ей жизнь, въ дѣйствительности же продолжалась старая. Эти шесть недѣль были самое блаженное и самое мучительное для нея время. Вся жизнь ея, всѣ желанія, надежды были сосредоточены на одномъ этомъ непонятномъ еще для нея человѣкѣ, съ которымъ связывало ее какое-то еще болѣе непонятное, чѣмъ самъ человѣкъ, то сближающее, то отталкивающее чувство, а вмѣстѣ съ тѣмъ она продолжала жить въ условіяхъ прежней жизни. Живя старою жизнью, она ужасалась на себя, на свое полное непреодолимое равнодушіе ко всему своему прошедшему: къ вещамъ, къ привычкамъ, къ людямъ, любившимъ и любящимъ ее, къ огорченной этимъ равнодушіемъ матери, къ милому, прежде больше всего на свѣтѣ любимому, нѣжному отцу. То она ужасалась на это равнодушіе, то радовалась тому, что̀ привело ее къ этому равнодушію. Ни думать, ни желать она ничего не могла внѣ жизни съ этимъ человѣкомъ; но этой новой жизни еще не было, и она не могла себѣ даже представить ее ясно. Было одно ожиданіе — страхъ и радость новаго и неизвѣстнаго. И теперь вотъ-вотъ ожиданіе, и неизвѣстность, и раскаяніе въ отреченіи отъ прежней жизни — все кончится и начнется новое. Это новое не могло не быть страшно по своей неизвѣстности; но страшно или не страшно, — оно уже совершилось еще шесть недѣль тому назадъ въ ея душѣ, теперь же только освящалось то, что давно уже сдѣлалось въ ея душѣ.

Повернувшись опять къ аналою, священникъ съ трудомъ поймалъ маленькое кольцо Кити и, потребовавъ руку Левина, надѣлъ на первый суставъ его пальца. «Обручается рабъ Божій Константинъ рабѣ Божіей Екатеринѣ». И, надѣвъ большое кольцо на розовый, маленькій, жалкій своею слабостью палецъ Кити, священникъ проговорилъ то же.

Нѣсколько разъ обручаемые хотѣли догадаться, что̀ надо сдѣлать, и каждый разъ ошибались, и священникъ шопотомъ поправлялъ ихъ. Наконецъ, сдѣлавъ, что нужно было, перекрестивъ ихъ кольцами, онъ опять передалъ Кити большое, а Левину маленькое; опять они запутались, и два раза передавали кольцо изъ руки въ руку, и все-таки выходило не то, что требовалось.

Долли, Чириковъ и Степанъ Аркадьевичъ выступили впередъ поправить ихъ. Произошло замѣшательство, шопотъ и улыбки, но торжественно-умиленное выраженіе на лицахъ обручаемыхъ не измѣнилось; напротивъ, путаясь руками, они смотрѣли серьезнѣе и торжественнѣе, чѣмъ прежде, и улыбка, съ которою Степанъ Аркадьевичъ шепнулъ, чтобы теперь каждый надѣлъ свое кольцо, невольно замерла у него на губахъ. Ему чувствовалось, что всякая улыбка оскорбитъ ихъ.

«Ты бо изъ начала создалъ еси мужескій полъ и женскій, — читалъ священникъ вслѣдъ за перемѣной колецъ, — и отъ Тебе сочетавается мужу жена, въ помощь и въ воспріятіе рода человѣча. Самъ убо, Господи Боже нашъ, пославый истину на наслѣдіе Твое и обѣтованіе Твое, на рабы Твоя отцы наша, въ коемждо родѣ и родѣ, избранныя Твоя: призри на раба Твоего Константина и на рабу Твою Екатерину и утверди обрученіе ихъ въ вѣрѣ и единомысліи, и истинѣ, и любви...»

Левинъ чувствовалъ все болѣе и болѣе, что всѣ его мысли о женитьбѣ, его мечты о томъ, какъ онъ устроитъ свою жизнь, что все это было ребячество и что это что-то такое, чего онъ не понималъ до сихъ поръ и теперь еще менѣе понимаетъ, хотя это и совершается надъ нимъ; въ груди его все выше и выше поднимались содроганія, и непокорныя слезы выступали ему на глаза.

V.

Въ церкви была вся Москва, родные и знакомые. И во время обряда обрученія, въ блестящемъ освѣщеніи церкви, въ кругу разряженныхъ женщинъ, дѣвушекъ и мужчинъ въ бѣлыхъ галстукахъ, фракахъ и мундирахъ не переставалъ прилично тихій

говоръ, который преимущественно затѣвали мужчины, между тѣмъ какъ женщины были поглощены наблюденіемъ всѣхъ подробностей столь всегда затрогивающаго ихъ священнодѣйствія.

Въ кружкѣ, самомъ близкомъ къ невѣстѣ, были ея двѣ сестры: Долли, старшая, и спокойная красавица Львова, пріѣхавшая изъ-за границы.

— Что же это Мари въ лиловомъ, точно черное, на свадьбу? — говорила Корсунская.

— Съ ея цвѣтомъ лица одно спасеніе... — отвѣчала Друбецкая. — Я удивляюсь, зачѣмъ они вечеромъ сдѣлали свадьбу. Это купечество...

— Красивѣе. Я тоже вѣнчалась вечеромъ, — отвѣчала Корсунская и вздохнула, вспомнивъ о томъ, какъ мила она была въ этотъ день, какъ смѣшно былъ влюбленъ ея мужъ и какъ теперь все другое.

— Говорятъ, что кто больше десяти разъ бываетъ шаферомъ, тотъ не женится; я хотѣлъ десятый быть, чтобы застраховать себя, но мѣсто было занято, — говорилъ графъ Синявинъ хорошенькой княжнѣ Чарской, которая имѣла на него виды.

Чарская отвѣчала ему только улыбкой. Она смотрѣла на Кити, думая о томъ, какъ и когда она будетъ стоять съ графомъ Синявинымъ въ положеніи Кити и какъ она тогда напомнитъ ему его теперешнюю шутку.

Щербацкій говорилъ старой фрейлинѣ Николаевой, что онъ намѣренъ надѣть вѣнецъ на шиньонъ Кити, чтобъ она была счастлива.

— Не надо было надѣвать шиньона, — отвѣчала Николаева, давно рѣшившая, что если старый вдовецъ, котораго она ловила, женится на ней, то свадьба будетъ самая простая. — Я не люблю этотъ фастъ.

Сергѣй Ивановичъ говорилъ съ Дарьей Дмитріевной, шутя увѣряя ее, что обычай уѣзжать послѣ свадьбы распространяется потому, что новобрачнымъ всегда бываетъ нѣсколько совѣстно.

— Братъ вашъ можетъ гордиться. Она чудо какъ мила. Я думаю, вамъ завидно?

— Я уже это пережилъ, Дарья Дмитріевна, — отвѣчалъ онъ, и лицо его неожиданно приняло грустное и серьезное выраженіе.

Степанъ Аркадьевичъ разсказывалъ своячиницѣ своей каламбуръ о разводѣ.

— Надо поправить вѣнокъ, — отвѣчала она, не слушая его.

— Какъ жаль, что она такъ подурнѣла, — говорила графиня Нордстонъ Львовой. — А все-таки онъ не стòитъ ея пальца. Не правда ли?

— Нѣтъ, онъ мнѣ очень нравится. Не оттого, что онъ будущій beau-frère, — отвѣчала Львова. — И какъ онъ хорошо себя держитъ! А это такъ трудно держать себя хорошо въ этомъ положеніи, — не быть смѣшнымъ. А онъ не смѣшонъ, не натянутъ, онъ видно что тронутъ.

— Кажется, вы ждали этого?

— Почти. Она всегда его любила.

— Ну, будемъ смотрѣть, кто изъ нихъ прежде станетъ на коверъ. Я совѣтовала Кити.

— Все равно, — отвѣчала Львова, — мы всѣ покорныя жены, это у насъ въ породѣ.

— А я такъ нарочно первая стала съ Васильемъ. А вы, Долли?

Долли стояла подлѣ нихъ, слышала ихъ, но не отвѣчала. Она была растрогана. Слезы стояли у нея въ глазахъ, и она не могла бы ничего сказать не расплакавшись. Она радовалась на Кити и Левина; возвращаясь мыслью къ своей свадьбѣ, она взглядывала на сіяющаго Степана Аркадьевича, забывала все настоящее и помнила только свою первую невинную любовь. Она вспомнила не одну себя, но всѣхъ женщинъ, близкихъ и знакомыхъ ей: она вспомнила о нихъ въ то единственное торжественное для нихъ время, когда онѣ, такъ же какъ Кити, стояли подъ вѣнцомъ съ любовью, надеждой и страхомъ въ сердцѣ, отрекаясь отъ прошедшаго и вступая въ таинственное будущее. Въ числѣ этихъ всѣхъ невѣстъ, которыя приходили ей на память, она вспомнила и свою милую Анну, подробности о предполагаемомъ разводѣ которой она недавно слышала. И она такъ же чистая стояла въ померанцевыхъ цвѣтахъ и вуали. А теперь что̀? «Ужасно странно», проговорила она.

Не однѣ сестры, пріятельницы и родня слѣдили за всѣми подробностями священнодѣйствія: постороннія женщины, зрительницы съ волненіемъ, захватывающимъ дыханіе, слѣдили, боясь упустить каждое движеніе, выраженіе лица жениха и невѣсты и съ досадой не отвѣчали и часто не слыхали рѣчей равнодушныхъ мужчинъ, дѣлавшихъ шутливыя или постороннія замѣчанія.

— Что же такъ заплакана? Или поневолѣ идетъ?

— Чего же поневолѣ за такого молодца? Князь, что ли?

— А это сестра въ бѣломъ атласѣ? Ну, слушай, какъ рявкнетъ дьяконъ: «да боится своего мужа».

— Чудовскіе?

— Синодальные.

— Я лакея спрашивала. Говорятъ, сейчасъ везетъ къ себѣ въ вотчину. Богатъ страсть, говорятъ. Затѣмъ и выдали.

— Нѣтъ, парочка хороша.

— А вотъ вы спорили, Марья Васильевна, что карналины въ отлетъ носятъ. Глянь-ка у той въ пюсовомъ, посланница, говорятъ, съ какимъ подборомъ... Такъ и опять этакъ.

— Экая милочка невѣста-то, какъ овечка убранная! А какъ ни говорите, жалко нашу сестру.

Такъ говорилось въ толпѣ зрительницъ, успѣвшихъ проскочить въ двери церкви.

VI.

Когда обрядъ обрученія окончился, церковнослужитель постлалъ передъ аналоемъ въ срединѣ церкви кусокъ розовой шелковой ткани, хоръ запѣлъ искусный и сложный псаломъ, въ которомъ басъ и теноръ перекликались между собой, и священникъ, оборотившись, указалъ обрученнымъ на разостланный розовый кусокъ ткани. Какъ ни часто и много слышали оба о примѣтѣ, что кто первый ступитъ на коверъ, тотъ будетъ главой въ семьѣ, ни Левинъ, ни Кити не могли объ этомъ вспомнить, когда они сдѣлали эти нѣсколько шаговъ. Они не слышали и громкихъ замѣчаній и споровъ о томъ, что, по наблюденію однихъ, онъ сталъ прежде, по мнѣнію другихъ — оба вмѣстѣ.

Послѣ обычныхъ вопросовъ о желаніи ихъ вступить въ бракъ и не обѣщались ли они другимъ и ихъ странно для нихъ самихъ звучавшихъ отвѣтовъ началась новая служба. Кити слушала слова молитвы, желая понять ихъ смыслъ, но не могла. Чувство торжества и свѣтлой радости по мѣрѣ совершенія обряда все больше и больше переполняло ея душу и лишало ее возможности вниманія.

Молились: «еже податися имъ цѣломудрію, и плоду чрева на пользу, о еже возвеселится имъ видѣніемъ сыновъ и дщерей». Упоминалось о томъ, что Богъ сотворилъ жену изъ ребра Адама, и «сего ради оставитъ человѣкъ отца и матерь, и прилѣпится къ женѣ, будетъ два въ плоть едину», и что «тайна сія велика есть»; просили, чтобы Богъ далъ имъ плодородіе и благословеніе, какъ Исааку и Ревеккѣ, Іосифу, Моисею и Сепфорѣ, и чтобъ они видѣли сыны сыновъ своихъ. «Все это прекрасно,— думала Кити, слушая эти слова,—все это и не можетъ быть иначе», и улыбка радости, сообщавшаяся невольно всѣмъ смотрѣвшимъ на нее, сіяла на ея просвѣтлѣвшемъ лицѣ.

—Надѣньте совсѣмъ! — послышались совѣты, когда священникъ надѣлъ на нихъ вѣнцы, и Щербацкій, дрожа рукою въ трехпуговичной перчаткѣ, держалъ высоко вѣнецъ надъ ея головой.

— Надѣньте! — прошептала она улыбаясь.

Левинъ оглянулся на нее и былъ пораженъ тѣмъ радостнымъ сіяніемъ, которое было на ея лицѣ; и чувство это невольно сообщилось ему. Ему стало такъ же, какъ и ей, свѣтло и весело.

Имъ весело было слушать чтеніе посланія апостольскаго и раскатъ голоса протодьякона при послѣднемъ стихѣ, ожидаемый съ такимъ нетерпѣніемъ постороннею публикой. Весело было пить изъ плоской чаши теплое красное вино съ водой и стало еще веселѣе, когда священникъ, откинувъ ризу и взявъ ихъ обѣ руки въ свою, повелъ ихъ при порывахъ баса, выводившаго «Исаіе ликуй», вокругъ аналоя. Щербацкій и Чириковъ, поддерживавшіе вѣнцы, путаясь въ шлейфѣ невѣсты, тоже улыбаясь и радуясь чему-то, то отставали, то натыкались на вѣнчаемыхъ при остановкахъ священника. Искра радости, зажегшаяся въ Кити, казалось, сообщилась всѣмъ бывшимъ въ церкви. Левину казалось, что и священнику и дьякону, такъ же какъ и ему, хотѣлось улыбаться.

Снявъ вѣнцы съ головъ ихъ, священникъ прочелъ послѣднюю молитву и поздравилъ молодыхъ. Левинъ взглянулъ на Кити, и никогда онъ не видалъ ея до сихъ поръ такою. Она была прелестна тѣмъ новымъ сіяніемъ счастья, которое было на ея лицѣ. Левину хотѣлось сказать ей что-нибудь, но онъ не зналъ, кончилось ли. Священникъ вывелъ его изъ затрудненія. Онъ улыбнулся своимъ добрымъ ртомъ и тихо сказалъ: «поцѣлуйте жену, и вы поцѣлуйте мужа», и взялъ у нихъ изъ рукъ свѣчи.

Левинъ поцѣловалъ съ осторожностью ея улыбавшіяся губы, подалъ ей руку и, ощущая новую странную близость, пошелъ изъ церкви. Онъ не вѣрилъ, не могъ вѣрить, что это была правда. Только когда встрѣчались ихъ удивленные и робкіе взгляды, онъ вѣрилъ этому, потому что чувствовалъ, что они уже были одно.

Послѣ ужина въ ту же ночь молодые уѣхали въ деревню.

VII.

Вронскій съ Анной три мѣсяца уже путешествовали вмѣстѣ по Европѣ. Они объѣздили Венецію, Римъ, Неаполь и только что пріѣхали въ небольшой итальянскій городъ, гдѣ хотѣли поселиться на нѣкоторое время.

Красавецъ оберъ-кельнеръ съ начинавшимся отъ шеи проборомъ въ густыхъ напомаженныхъ волосахъ, во фракѣ и съ широкою бѣлою батистовою грудью рубашки, со связкой брелокъ надъ округленнымъ брюшкомъ, заложивъ руки въ карманы, презрительно прищурившись, строго отвѣчалъ что-то остановившемуся господину. Услыхавъ съ другой стороны подъѣзда шаги, всходившіе на лѣстницу, оберъ-кельнеръ обернулся и, увидавъ русскаго графа, занимавшаго у нихъ лучшія комнаты, почтительно вынулъ руки изъ кармановъ и, наклонившись, объяснилъ, что курьеръ былъ и что дѣло съ наймомъ палаццо состоялось. Главный управляющій готовъ подписать условіе.

— А! Я очень радъ, — сказалъ Вронскій. — А госпожа дома или нѣтъ?

— Онѣ выходили гулять, но теперь вернулись, — отвѣчалъ кельнеръ.

Вронскій снялъ со своей головы мягкую съ большими полями шляпу и отеръ платкомъ потный лобъ и отпущенные до половины ушей волосы, зачесанные назадъ и закрывавшіе его лысину. И, взглянувъ разсѣянно на стоявшаго еще и приглядывавшагося къ нему господина, онъ хотѣлъ пройти.

— Господинъ этотъ русскій и спрашивалъ про васъ, — сказалъ оберъ-кельнеръ.

Со смѣшаннымъ чувствомъ досады, что никуда не уѣдешь отъ знакомыхъ, и желанія найти хоть какое-нибудь развлеченіе отъ однообразія своей жизни Вронскій еще разъ оглянулся на отошедшаго и остановившагося господина, и въ одно и то же время у обоихъ просвѣтлѣли глаза.

— Голенищевъ!

— Вронскій!

Дѣйствительно, это былъ Голенищевъ, товарищъ Вронскаго по пажескому корпусу. Голенищевъ въ корпусѣ принадлежалъ къ либеральной партіи, изъ корпуса вышелъ гражданскимъ чиномъ и нигдѣ не служилъ. Товарищи совсѣмъ разошлись по выходѣ изъ корпуса и встрѣтились послѣ только одинъ разъ.

При этой встрѣчѣ Вронскій понялъ, что Голенищевъ избралъ какую-то высокоумную либеральную дѣятельность и вслѣдствіе этого хотѣлъ презирать дѣятельность и званіе Вронскаго. Поэтому Вронскій при встрѣчѣ съ Голенищевымъ далъ ему тотъ холодный и гордый отпоръ, который онъ умѣлъ давать людямъ и смыслъ котораго былъ таковъ: «вамъ можетъ нравиться или не нравиться мой образъ жизни, но мнѣ это совершенно все равно: вы должны уважать меня, если хотите меня знать». Го-

ленищевъ же былъ презрительно-равнодушенъ къ тону Вронскаго. Эта встрѣча, казалось бы, еще больше должна была разобщить ихъ. Теперь же они просіяли и вскрикнули отъ радости, узнавъ другъ друга. Вронскій никакъ не ожидалъ, что онъ такъ обрадуется Голенищеву, но, вѣроятно, онъ самъ не зналъ, какъ ему было скучно. Онъ забылъ непріятное впечатлѣніе послѣдней встрѣчи и съ открытымъ радостнымъ лицомъ, протянулъ руку бывшему товарищу. Такое же выраженіе радости замѣнило прежнее тревожное выраженіе лица Голенищева.

— Какъ я радъ тебя встрѣтить! — сказалъ Вронскій, выставляя дружелюбною улыбкой свои крѣпкіе бѣлые зубы.

— А я слышу: Вронскій, но который — не зналъ. Очень, очень радъ!

— Войдемъ же. Ну, что ты дѣлаешь?

— Я уже второй годъ живу здѣсь. Работаю.

— А! — съ участіемъ сказалъ Вронскій. — Войдемъ же.

И по обычной привычкѣ русскихъ, вмѣсто того чтобъ именно по-русски сказать то, что онъ хотѣлъ скрыть отъ слугъ, заговорилъ по-французски.

— Ты знакомъ съ Карениной? Мы вмѣстѣ путешествуемъ. Я къ ней иду, — по-французски сказалъ онъ, внимательно вглядываясь въ лицо Голенищева.

— А! Я и не зналъ (хотя онъ зналъ), — равнодушно отвѣчалъ Голенищевъ. — Ты давно пріѣхалъ? — прибавилъ онъ.

— Я? четвертый день, — отвѣтилъ Вронскій, еще разъ внимательно вглядываясь въ лицо товарища.

— Да, онъ порядочный человѣкъ и смотритъ на дѣло какъ должно, — сказалъ себѣ Вронскій, понявъ значеніе выраженія лица Голенищева и перемѣны разговора.— Можно познакомить его съ Анной, онъ смотритъ какъ должно.

Вронскій въ эти три мѣсяца, которые онъ провелъ съ Анной за границей, сходясь съ новыми людьми, всегда задавалъ себѣ вопросъ о томъ, какъ это новое лицо посмотритъ на его отношенія къ Аннѣ, и большею частью встрѣчалъ въ мужчинахъ *какое должно* пониманіе. Но если бъ его спросили и спросили тѣхъ, которые понимали «какъ должно», въ чемъ состояло это пониманіе, и онъ и они были бы въ большомъ затрудненіи.

Въ сущности, понимавшіе, по мнѣнію Вронскаго, «какъ должно» никакъ не понимали этого, а держали себя вообще, какъ держатъ себя благовоспитанные люди относительно всѣхъ сложныхъ и неразрѣшимыхъ вопросовъ, со всѣхъ сторонъ окружающихъ жизнь, держали себя прилично, избѣгая намековъ и непріятныхъ вопросовъ. Они дѣлали видъ, что вполнѣ понима-

ютъ значенiе и смыслъ положенiя, признаютъ и даже одобряютъ его, но считаютъ неумѣстнымъ и лишнимъ объяснять все это.

Вронскiй сейчасъ же догадался, что Голенищевъ былъ однимъ изъ такихъ, и потому вдвойнѣ былъ радъ ему. Дѣйствительно, Голенищевъ держалъ себя съ Карениной, когда былъ введенъ къ ней, такъ, какъ только Вронскiй могъ желать этого. Онъ очевидно безъ малѣйшаго усилiя избѣгалъ всѣхъ разговоровъ, которые могли бы повести къ неловкости.

Онъ не зналъ прежде Анны и былъ пораженъ ея красотой и еще болѣе тою простотой, съ которой она принимала свое положенiе. Она покраснѣла, когда Вронскiй ввелъ Голенищева, и эта дѣтская краска, покрывшая ея открытое и красивое лицо, чрезвычайно понравилась ему. Но особенно понравилось ему то, что она тотчасъ же, какъ бы нарочно, чтобы не могло быть недоразумѣнiй при чужомъ человѣкѣ, назвала Вронскаго просто Алексѣемъ и сказала, что они переѣзжаютъ съ нимъ во вновь нанятый домъ, который здѣсь называютъ палаццо. Это прямое и простое отношенiе къ своему положенiю понравилось Голенищеву. Глядя на добродушно-веселую, энергическую манеру Анны, зная Алексѣя Александровича и Вронскаго, Голенищеву казалось, что онъ вполнѣ понимаетъ ее. Ему казалось, что онъ понимаетъ то, чего она никакъ не понимала: именно то, какъ она могла, сдѣлавъ несчастiе мужа, бросивъ его и сына и потерявъ добрую славу, чувствовать себя энергически веселою и счастливою.

— Онъ въ гидѣ есть, — сказалъ Голенищевъ про тотъ палаццо, который нанималъ Вронскiй. — Тамъ прекрасный Тинторетто есть. Изъ его послѣдней эпохи.

— Знаете что? Погода прекрасная, пойдемте туда, еще разъ взглянемъ, — сказалъ Вронскiй, обращаясь къ Аннѣ.

— Очень рада, я сейчасъ пойду надѣну шляпу. Вы говорите, что жарко? — сказала она, остановившись у двери и вопросительно глядя на Вронскаго. И опять яркая краска покрыла ея лицо.

Вронскiй понялъ по ея взгляду, что она не знала, въ какихъ отношенiяхъ онъ хочетъ быть съ Голенищевымъ, и что она боится, такъ ли она вела себя, какъ онъ бы хотѣлъ.

Онъ посмотрѣлъ на нее нѣжнымъ продолжительнымъ взглядомъ.

— Нѣтъ, не очень, — сказалъ онъ.

И ей показалось, что она все поняла, главное то, что онъ доволенъ ею; и, улыбнувшись ему, она быстрою походкой вышла изъ двери.

Пріятели взглянули другъ на друга, и въ лицахъ обоихъ произошло замѣшательство, какъ будто Голенищевъ, очевидно любовавшійся ею, хотѣлъ что-нибудь сказать о ней и не находилъ что́, а Вронскій желалъ и боялся того же.

— Такъ вотъ какъ, — началъ Вронскій, чтобы начать какой-нибудь разговоръ. — Такъ ты поселился здѣсь? Такъ ты все занимаешься тѣмъ же?—продолжалъ онъ, вспоминая, что ему говорили, что Голенищевъ писалъ что-то.

— Да, я пишу вторую часть *Двухъ Началъ*, — сказалъ Голенищевъ, вспыхнувъ отъ удовольствія при этомъ вопросѣ, — то-есть, чтобы быть точнымъ, я не пишу еще, но подготовляю, собираю матеріалы. Она будетъ гораздо обширнѣе и захватитъ почти всѣ вопросы. У насъ, въ Россіи, не хотятъ понять, что мы наслѣдники Византіи, — началъ онъ длинное горячее объясненіе.

Вронскому было сначала неловко за то, что онъ не зналъ и первой статьи о *Двухъ Началахъ*, про которую ему говорилъ авторъ, какъ про что-то извѣстное. Но потомъ, когда Голенищевъ сталъ излагать свои мысли и Вронскій могъ слѣдить за нимъ, то, и не зная *Двухъ Началъ*, онъ не безъ интереса слушалъ его, такъ какъ Голенищевъ говорилъ хорошо. Но Вронскаго удивляло и огорчало то раздраженное волненіе, съ которымъ Голенищевъ говорилъ о занимавшемъ его предметѣ. Чѣмъ дальше онъ говорилъ, тѣмъ больше у него разгорались глаза, тѣмъ поспѣшнѣе онъ возражалъ мнимымъ противникамъ и тѣмъ тревожнѣе и оскорбленнѣе становилось выраженіе его лица. Вспоминая Голенищева худенькимъ, живымъ, добродушнымъ и благороднымъ мальчикомъ, всегда первымъ ученикомъ въ корпусѣ, Вронскій никакъ не могъ понять причины этого раздраженія и не одобрялъ его. Въ особенности ему не нравилось то, что Голенищевъ, человѣкъ хорошаго круга, становился на одну доску съ какими-то писаками, которые его раздражали, и сердился на нихъ. Стоило ли это того? Это не нравилось Вронскому, но, несмотря на то, онъ чувствовалъ, что Голенищевъ несчастливъ, и ему жалко было его. Несчастіе, почти умопомѣшательство, видно было въ этомъ подвижномъ, довольно красивомъ лицѣ, въ то время какъ онъ, не замѣчая даже выхода Анны, продолжалъ торопливо и горячо высказывать свои мысли.

Когда Анна вышла въ шляпѣ и накидкѣ и, быстрымъ движеніемъ красивой руки играя зонтикомъ, остановилась подлѣ него, Вронскій съ чувствомъ облегченія оторвался отъ пристально устремленныхъ на него жалующихся глазъ Голенищева

и съ новою любовью взглянулъ на свою прелестную, полную жизни и радости подругу. Голенищевъ съ трудомъ опомнился и первое время былъ унылъ и мраченъ, но Анна, ласково расположенная ко всѣмъ (такою она была это время), скоро освѣжила его своимъ простымъ и веселымъ обращенiемъ. Попытавъ разные предметы разговора, она навела его на живопись, о которой онъ говорилъ очень хорошо, и внимательно слушала его. Они дошли пѣшкомъ до нанятаго дома и осмотрѣли его.

— Я очень рада одному, — сказала Анна Голенищеву, когда они уже возвратились:—у Алексѣя будетъ atelier хорошiй. Непремѣнно ты возьми эту комнату,—сказала она Вронскому порусски и говоря ему *ты*, такъ какъ она уже поняла, что Голенищевъ въ ихъ уединенiи сдѣлается близкимъ человѣкомъ и что предъ нимъ скрываться не нужно.

— Развѣ ты пишешь? — сказалъ Голенищевъ, быстро оборачиваясь къ Вронскому.

— Да, я давно занимался и теперь немного началъ, — сказалъ Вронскiй краснѣя.

— У него большой талантъ, — сказала Анна съ радостною улыбкой.—Я, разумѣется, не судья. Но судьи знающiе то же сказали.

VIII.

Анна въ этотъ первый перiодъ своего освобожденiя и быстраго выздоровленiя чувствовала себя непростительно счастливою и полною радости жизни. Воспоминанiе несчастiя мужа не отравляло ея счастiя. Воспоминанiе это, съ одной стороны, было слишкомъ ужасно, чтобы думать о немъ; съ другой стороны, несчастiе ея мужа дало ей слишкомъ большое счастiе, чтобы раскаиваться. Воспоминанiе обо всемъ, что случилось съ нею послѣ болѣзни: примиренiе съ мужемъ, разрывъ, извѣстiе о ранѣ Вронскаго, его появленiе, приготовленiе къ разводу, отъѣздъ изъ дома мужа, прощанiе съ сыномъ,—все это казалось ей горячечнымъ сномъ, отъ котораго она проснулась одна съ Вронскимъ за границей. Воспоминанiе о злѣ, причиненномъ мужу, возбуждало въ ней чувство, похожее на отвращенiе и подобное тому, какое испытывалъ бы тонувшiй человѣкъ, оторвавшiй отъ себя вцѣпившагося въ него человѣка. Человѣкъ этотъ утонулъ. Разумѣется, это было дурно, но это было единственное спасенiе, и лучше не вспоминать объ этихъ страшныхъ подробностяхъ.

Одно успокоительное разсужденiе о своемъ поступкѣ пришло ей тогда въ первую минуту разрыва, и, когда она вспоминала

теперь обо всемъ прошедшемъ, она вспоминала это одно разсужденіе. «Я неизбѣжно сдѣлала несчастіе этого человѣка, — думала она, — но я не хочу пользоваться этимъ несчастіемъ; я тоже страдаю и буду страдать: я лишаюсь того, чѣмъ я болѣе всего дорожила, — я лишаюсь честнаго имени и сына. Я сдѣлала дурно и потому не хочу счастія, не хочу развода и буду страдать позоромъ и разлукой съ сыномъ». Но какъ ни искренно хотѣла Анна страдать, она не страдала. Позора никакого не было. Съ тѣмъ тактомъ, котораго такъ много было у обоихъ, они за границей, избѣгая русскихъ дамъ, никогда не ставили себя въ фальшивое положеніе и вездѣ встрѣчали людей, которые притворялись, что вполнѣ понимали ихъ взаимное положеніе гораздо лучше, чѣмъ они сами понимали его. Разлука съ сыномъ, котораго она любила, и та не мучила ее первое время. Дѣвочка, его ребенокъ, была такъ мила и такъ привязала къ себѣ Анну съ тѣхъ поръ, какъ у нея осталась одна эта дѣвочка, что Анна рѣдко вспоминала о сынѣ.

Потребность жизни, увеличенная выздоровленіемъ, была такъ сильна и условія жизни были такъ новы и пріятны, что Анна чувствовала себя непростительно счастливой. Чѣмъ больше она узнавала Вронскаго, тѣмъ больше она любила его. Она любила его за его самого и за его любовь къ ней. Полное обладаніе имъ было ей постоянно радостно. Близость его ей была всегда пріятна. Всѣ черты его характера, который она узнавала больше и больше, были для нея невыразимо милы. Наружность его, измѣнившаяся въ штатскомъ платьѣ, была для нея привлекательна, какъ для молодой влюбленной. Во всемъ, что онъ говорилъ, думалъ и дѣлалъ, она видѣла что-то особенно благородное и возвышенное. Ея восхищеніе предъ нимъ часто пугало ее самое: она искала и не могла найти въ немъ ничего непрекраснаго. Она не смѣла показывать ему сознаніе своего ничтожества предъ нимъ. Ей казалось, что онъ, зная это, скорѣе можетъ разлюбить ее; а она ничего такъ не боялась теперь, хотя и не имѣла къ тому никакихъ поводовъ, какъ потерять его любовь. Но она не могла не быть благодарна ему за его отношенія къ ней и не показывать, какъ она цѣнитъ это. Онъ, по ея мнѣнію, имѣвшій такое опредѣленное призваніе къ государственной дѣятельности, въ которой долженъ былъ играть видную роль, — онъ пожертвовалъ честолюбіемъ для нея, никогда не показывая ни малѣйшаго сожалѣнія. Онъ былъ болѣе чѣмъ прежде любовно-почтителенъ къ ней, и мысль о томъ, чтобъ она никогда не почувствовала неловкости своего положенія, ни на минуту не покидала его. Онъ, столь мужествен-

ный человѣкъ, въ отношеніи ея не только никогда не противорѣчилъ, но не имѣлъ своей воли и былъ, казалось, только занятъ тѣмъ, какъ предупредить ея желанія. И она не могла не цѣнить этого, хотя эта самая напряженность его вниманія къ ней, эта атмосфера заботъ, которою онъ окружалъ ее, иногда тяготили ее.

Вронскій между тѣмъ, несмотря на полное осуществленіе того, чего онъ желалъ такъ долго, не былъ вполнѣ счастливъ. Онъ скоро почувствовалъ, что осуществленіе его желанія доставило ему только песчинку изъ той горы счастья, которой онъ ожидалъ. Это осуществленіе показало ему ту вѣчную ошибку, которую дѣлаютъ люди, представляя себѣ счастіе осуществленіемъ желанія. Первое время послѣ того, какъ онъ соединился съ нею и надѣлъ штатское платье, онъ почувствовалъ всю прелесть свободы вообще, которой онъ не зналъ прежде, и свободы любви, и былъ доволенъ, но недолго. Онъ скоро почувствовалъ, что въ душѣ его поднялось желаніе желаній — тоска. Независимо отъ своей воли, онъ сталъ хвататься за каждый мимолетный капризъ, принимая его за желаніе и цѣль. Шестнадцать часовъ дня надо было занять чѣмъ-нибудь, такъ какъ они жили за границей на совершенной свободѣ, внѣ того круга условій общественной жизни, который занималъ время въ Петербургѣ. Объ удовольствіяхъ холостой жизни, которыя въ прежнія поѣздки за границу занимали Вронскаго, нельзя было и думать, такъ какъ одна попытка такого рода произвела неожиданное и несоотвѣтствующее позднему ужину съ знакомыми уныніе въ Аннѣ. Сношеній съ обществомъ мѣстнымъ и русскимъ, при неопредѣленности ихъ положенія, тоже нельзя было имѣть. Осматриваніе достопримѣчательностей, не говоря о томъ, что все уже было видѣно, не имѣло для него, какъ для русскаго и умнаго человѣка, той необъяснимой значительности, которую умѣютъ приписывать этому дѣлу англичане.

И какъ голодное животное хватаетъ всякій попадающійся предметъ, надѣясь найти въ немъ пищу, такъ и Вронскій совершенно безсознательно хватался то за политику, то за новыя книги, то за картины.

Такъ какъ смолоду у него была способность къ живописи и такъ какъ онъ, не зная, куда тратить свои деньги, началъ собирать гравюры, онъ остановился на живописи, сталъ заниматься ею и въ нее положилъ тотъ незанятый запасъ желаній, который требовалъ удовлетворенія.

У него была способность понимать искусство и вѣрно, со вкусомъ подражать искусству, и онъ подумалъ, что у него есть то

самое, что нужно для художника, и, нѣсколько времени поколебавшись, какой онъ выберетъ родъ живописи: религіозный, историческій, жанръ или реалистическій, онъ принялся писать. Онъ понималъ всѣ роды и могъ вдохновляться и тѣмъ и другимъ, но онъ не могъ себѣ представить того, чтобы можно было вовсе не знать, какіе есть роды живописи, и вдохновляться непосредственно тѣмъ, что есть въ душѣ, не заботясь, будетъ ли то, что онъ напишетъ, принадлежать къ какому-нибудь извѣстному роду. Такъ какъ онъ не зналъ этого и вдохновлялся не непосредственно жизнью, а посредственно жизнью, уже воплощенною искусствомъ, то онъ вдохновлялся очень быстро и легко и такъ же быстро и легко достигалъ того, что то, что онъ писалъ, было очень похоже на тотъ родъ, которому онъ хотѣлъ подражать.

Болѣе всѣхъ другихъ родовъ ему нравился французскій, граціозный и эффектный, и въ такомъ родѣ онъ началъ писать портретъ Анны въ итальянскомъ костюмѣ, и портретъ этотъ казался ему и всѣмъ, кто его видѣлъ, очень удачнымъ.

IX.

Старый, запущенный палаццо, съ высокими лѣпными плафонами и фресками на стѣнахъ, съ мозаичными полами, съ тяжелыми желтыми штофными гардинами на высокихъ окнахъ, вазами на консоляхъ и каминахъ, съ рѣзными дверями и съ мрачными залами, увѣшанными картинами, — палаццо этотъ, послѣ того какъ они переѣхали въ него, самою своею внѣшностью поддерживалъ во Вронскомъ пріятное заблужденіе, что онъ не столько русскій помѣщикъ шталмейстеръ безъ службы, сколько просвѣщенный любитель и покровитель искусствъ, и самъ — скромный художникъ, отрекшійся отъ свѣта, связей, честолюбія для любимой женщины.

Избранная Вронскимъ роль съ переѣздомъ въ палаццо удалась совершенно, и, познакомившись черезъ посредство Голенищева съ нѣкоторыми интересными лицами, первое время онъ былъ спокоенъ. Онъ писалъ подъ руководствомъ итальянскаго профессора живописи этюды съ натуры и занимался средневѣковою итальянскою жизнью. Средневѣковая итальянская жизнь въ послѣднее время такъ прельстила Вронскаго, что онъ даже шляпу и пледъ черезъ плечо сталъ носить по-средневѣковски, что̀ очень шло къ нему.

— А мы живемъ и ничего не знаемъ, — сказалъ разъ Вронскій пришедшему къ нимъ поутру Голенищеву. — Ты видѣлъ

картину Михайлова? — сказалъ онъ, подавая ему только что полученную утромъ русскую газету и указывая на статью о русскомъ художникѣ, жившемъ въ томъ же городѣ и окончившемъ картину, о которой давно ходили слухи и которая впередъ была куплена. Въ статьѣ были укоры правительству и академіи за то, что замѣчательный художникъ былъ лишенъ всякаго поощренія и помощи.

— Видѣлъ, — отвѣчалъ Голенищевъ. — Разумѣется, онъ не лишенъ дарованія, но совершенно фальшивое направленіе. Все то же Ивановско-Штраусовско-Ренановское отношеніе ко Христу и религіозной живописи.

— Что представляетъ картина? — спросила Анна.

— Христосъ предъ Пилатомъ. Христосъ представленъ евреемъ со всѣмъ реализмомъ новой школы.

И, вопросомъ о содержаніи картины наведенный на одну изъ самыхъ любимыхъ темъ своихъ, Голенищевъ началъ излагать:

— Я не понимаю, какъ они могутъ такъ грубо ошибаться. Христосъ уже имѣетъ Свое опредѣленное воплощеніе въ искусствѣ великихъ стариковъ. Стало быть, если они хотятъ изображать не Бога, а революціонера или мудреца, то пусть изъ исторіи берутъ Сократа, Франклина, Шарлоту Корде, но только не Христа. Они берутъ то самое лицо, которое нельзя брать для искусства, и потомъ...

— А что же, правда, что этотъ Михайловъ въ такой бѣдности? — спросилъ Вронскій, думая, что ему, какъ русскому меценату, несмотря на то, хороша или дурна картина, надо бы помочь художнику.

— Едва ли. Онъ портретистъ замѣчательный. Вы видѣли его портретъ Васильчиковой? Но онъ, кажется, не хочетъ больше писать портретовъ, и потому можетъ быть что и точно онъ въ нуждѣ. Я говорю, что...

— Нельзя ли его попросить сдѣлать портретъ Анны Аркадьевны? — сказалъ Вронскій.

— Зачѣмъ мой? — сказала Анна. — Послѣ твоего я не хочу никакого портрета. Лучше Ани (такъ она звала свою дѣвочку). Вотъ и она, — прибавила она, выглянувъ въ окно на красавицу итальянку-кормилицу, которая вынесла ребенка въ садъ, и тотчасъ же незамѣтно оглянувшись на Вронскаго. Красавица-кормилица, съ которой Вронскій писалъ голову для своей картины, была единственное тайное горе въ жизни Анны. Вронскій, писавъ съ нея, любовался ея красотой и средневѣковостью, и Анна не смѣла себѣ признаться, что она боится ревновать эту корми-

лицу, и потому особенно ласкала и баловала и ее и ея маленькаго сына.

Вронскій взглянулъ тоже въ окно и въ глаза Анны и, тотчасъ же обратившись къ Голенищеву, сказалъ:

— А ты знаешь этого Михайлова?

— Я его встрѣчалъ. Но онъ чудакъ и безъ всякаго образованія. Знаете, одинъ изъ этихъ дикихъ новыхъ людей, которые теперь часто встрѣчаются; знаете, изъ тѣхъ вольнодумцевъ, которые d'emblée воспитаны въ понятіяхъ невѣрія, отрицанія и матеріализма. Прежде, бывало,— говорилъ Голенищевъ, не замѣчая или не желая замѣтить, что и Аннѣ и Вронскому хотѣлось говорить,—прежде, бывало, вольнодумецъ былъ человѣкъ, который воспитался въ понятіяхъ религіи, закона, нравственности и самъ борьбой и трудомъ доходилъ до вольнодумства; но теперь является новый типъ самородныхъ вольнодумцевъ, которые выростаютъ и не слыхавъ даже, что были законы нравственности, религіи, что были авторитеты, а которые прямо выростаютъ въ понятіяхъ отрицанія всего, т.-е. дикими. Вотъ онъ такой. Онъ сынъ, кажется, московскаго оберъ-лакея и не получилъ никакого образованія. Когда онъ поступилъ въ академію и сдѣлалъ себѣ репутацію, онъ, какъ человѣкъ неглупый, захотѣлъ образоваться. И обратился къ тому, что̀ ему казалось источникомъ образованія, — къ журналамъ. И, понимаете, въ старину человѣкъ, хотѣвшій образоваться, положимъ, французъ, сталъ бы изучать всѣхъ классиковъ: и богослововъ, и трагиковъ, и историковъ, и философовъ, и, понимаете, весь трудъ умственный, который бы предстоялъ ему. Но у насъ теперь онъ прямо попалъ на отрицательную литературу, усвоилъ себѣ очень быстро весь экстрактъ науки отрицательной — и готовъ. И мало того, лѣтъ двадцать тому назадъ онъ нашелъ бы въ этой литературѣ признаки борьбы съ авторитетами, съ вѣковыми воззрѣніями, онъ бы изъ этой борьбы понялъ, что было что-то другое; но теперь онъ прямо попадаетъ на такую, въ которой даже не удостоиваютъ споромъ старинныя воззрѣнія, а прямо говорятъ: ничего нѣтъ: évolution, подборъ, борьба за существованіе, — и все. Я въ своей статьѣ...

— Знаете что? — сказала Анна, уже давно осторожно переглядывавшаяся съ Вронскимъ и знавшая, что Вронскаго не интересовало образованіе этого художника, а занимала только мысль помочь ему и заказать ему портретъ. — Знаете что? — рѣшительно перебила она разговорившагося Голенищева. — Поѣдемте къ нему!

Голенищевъ опомнился и охотно согласился. Но такъ какъ художникъ жилъ въ дальнемъ кварталѣ, то рѣшили взять коляску.

Черезъ часъ Анна рядомъ съ Голенищевымъ и съ Вронскимъ на переднемъ мѣстѣ коляски подъѣхали къ новому некрасивому дому въ дальнемъ кварталѣ. Узнавъ отъ вышедшей къ нимъ жены дворника, что Михайловъ пускаетъ въ свою студію, но что онъ теперь у себя на квартирѣ въ двухъ шагахъ, они послали ее къ нему со своими карточками, прося позволенія видѣть его картины.

X.

Художникъ Михайловъ, какъ и всегда, былъ за работой, когда ему принесли карточки графа Вронскаго и Голенищева. Утро онъ работалъ въ студіи надъ большою картиной. Придя къ себѣ, онъ разсердился на жену за то, что она не умѣла обойтись съ хозяйкой, требовавшей денегъ.

— Двадцать разъ тебѣ говорилъ, не входи въ объясненія. Ты и такъ дура, а начнешь по-итальянски объясняться, то выйдешь тройная дура, — сказалъ онъ ей послѣ долгаго спора.

— Такъ ты не запускай, я не виновата. Если бы у меня были деньги...

— Оставь меня въ покоѣ, ради Бога! — вскрикнулъ со слезами въ голосѣ Михайловъ и, заткнувъ уши, ушелъ въ свою рабочую комнату за перегородкой и заперъ за собою дверь. «Безтолковая!» сказалъ онъ себѣ, сѣлъ за столъ и, раскрывъ папку, тотчасъ съ особеннымъ жаромъ принялся за начатый рисунокъ.

Никогда онъ съ такимъ жаромъ и успѣхомъ не работалъ, какъ когда жизнь его шла плохо и въ особенности когда онъ ссорился съ женой. «Ахъ! провалиться бы куда-нибудь!» думалъ онъ, продолжая работать. Онъ дѣлалъ рисунокъ для фигуры человѣка, находящагося въ припадкѣ гнѣва. Рисунокъ былъ сдѣланъ прежде, но онъ былъ недоволенъ имъ. «Нѣтъ, тотъ былъ лучше... Гдѣ онъ?» Онъ пошелъ къ женѣ и, насупившись, не глядя на нее, спросилъ у старшей дѣвочки, гдѣ та бумага, которую онъ далъ имъ. Бумага съ брошеннымъ рисункомъ нашлась, но была испачкана и закапана стеариномъ. Онъ все-таки взялъ рисунокъ, положилъ къ себѣ на столъ и, отдалившись и прищурившись, сталъ смотрѣть на него. Вдругъ онъ улыбнулся и радостно взмахнулъ руками.

— Такъ, такъ!—проговорилъ онъ и тотчасъ же, взявъ карандашъ, началъ быстро рисовать. Пятно стеарина давало человѣку новую позу.

Онъ рисовалъ эту новую позу, и вдругъ ему вспомнилось съ выдающимся подбородкомъ энергическое лицо купца, у котораго онъ бралъ сигары, и онъ это самое лицо, этотъ подбородокъ нарисовалъ человѣку. Онъ засмѣялся отъ радости. Фигура вдругъ изъ мертвой, выдуманной стала живая и такая, которой нельзя уже было измѣнить. Фигура эта жила и была ясно и несомнѣнно опредѣлена. Можно было поправить рисунокъ сообразно съ требованіями этой фигуры, можно и должно даже было иначе разставить ноги, совсѣмъ перемѣнить положеніе лѣвой руки, откинуть волосы. Но, дѣлая эти поправки, онъ не измѣнялъ фигуры, а только откидывалъ то, что скрывало фигуру. Онъ какъ бы снималъ съ нея тѣ покровы, изъ-за которыхъ она не вся была видна; каждая новая черта только больше выказывала всю фигуру во всей ея энергической силѣ, такою, какою она явилась ему вдругъ отъ произведеннаго стеариномъ пятна. Онъ осторожно доканчивалъ фигуру, когда ему принесли карточки.

— Сейчасъ, сейчасъ!

Онъ прошелъ къ женѣ.

— Ну, полно, Саша, не сердись!—сказалъ онъ ей, робко и нѣжно улыбаясь.—Ты была виновата. Я былъ виноватъ. Я все устрою.—И, помирившись съ женой, онъ надѣлъ оливковое съ бархатнымъ воротникомъ пальто и шляпу и пошелъ въ студію. Удавшаяся фигура уже была забыта имъ. Теперь его радовало и волновало посѣщеніе его студіи этими важными русскими, пріѣхавшими въ коляскѣ.

О своей картинѣ, той, которая стояла теперь на его мольбертѣ, у него въ глубинѣ души было одно сужденіе,—то, что подобной картины никто никогда не писалъ. Онъ не думалъ, чтобы картина его была лучше всѣхъ Рафаэлевыхъ, но онъ зналъ, что того, что онъ хотѣлъ передать въ этой картинѣ, никто никогда не передавалъ. Это онъ зналъ твердо и зналъ уже давно, съ тѣхъ поръ какъ началъ писать ее; но сужденія людей, какія бы они ни были, имѣли для него все-таки огромную важность и до глубины души волновали его. Всякое замѣчаніе, самое ничтожное, показывающее, что судьи видятъ хоть маленькую часть того, что онъ видѣлъ въ этой картинѣ, до глубины души волновало его. Судьямъ своимъ онъ приписывалъ всегда глубину пониманія больше той, какую онъ самъ имѣлъ, и всегда ждалъ отъ нихъ чего-нибудь такого, чего онъ самъ

не видалъ въ своей картинѣ. И часто въ сужденіяхъ зрителей, ему казалось, онъ находилъ это.

Онъ подходилъ быстрымъ шагомъ къ двери своей студіи, и, несмотря на его волненіе, мягкое освѣщеніе фигуры Анны, стоявшей въ тѣни подъѣзда и слушавшей горячо говорившаго ей что-то Голенищева и въ то же время очевидно желавшей оглядѣть подходящаго художника, поразило его. Онъ и самъ не замѣтилъ, какъ онъ, подходя къ нимъ, схватилъ и проглотилъ это впечатлѣніе, такъ же какъ и подбородокъ купца, продававшаго сигары, и спряталъ его куда-то, откуда онъ вынетъ его, когда понадобится. Посѣтители, разочарованные уже впередъ разсказомъ Голенищева о художникѣ, еще болѣе разочаровались его внѣшностью. Средняго роста, плотный, съ вертлявою походкой, Михайловъ въ своей коричневой шляпѣ, оливковомъ пальто и узкихъ панталонахъ, тогда какъ уже давно носили широкія, въ особенности обыкновенностью своего широкаго лица и соединеніемъ выраженія робости и желанія соблюсти свое достоинство произвелъ непріятное впечатлѣніе.

— Прошу покорно, — сказалъ онъ, стараясь имѣть равнодушный видъ, и, войдя въ сѣни, досталъ ключъ изъ кармана и отперъ дверь.

XI.

Войдя въ студію, художникъ Михайловъ еще разъ оглянулъ гостей и отмѣтилъ въ своемъ воображеніи еще выраженіе лица Вронскаго, въ особенности его скулъ. Несмотря на то, что его художественное чувство не переставая работало, собирая себѣ матеріалы, несмотря на то, что онъ чувствовалъ все большее и большее волненіе отъ того, что приближалась минута сужденій о его работѣ, онъ быстро и тонко изъ незамѣтныхъ признаковъ составлялъ себѣ понятіе объ этихъ трехъ лицахъ. Тотъ (Голенищевъ) былъ здѣшній русскій. Михайловъ не помнилъ ни его фамиліи, ни того, гдѣ встрѣтилъ его и что съ нимъ говорилъ. Онъ помнилъ только его лицо, какъ помнилъ всѣ лица, которыя онъ когда-либо видѣлъ; но онъ помнилъ тоже, что это было одно изъ лицъ, отложенныхъ въ его воображеніи въ огромный отдѣлъ фальшиво-значительныхъ и бѣдныхъ по выраженію. Большіе волосы и очень открытый лобъ давали внѣшнюю значительность лицу, въ которомъ было одно маленькое дѣтское безпокойное выраженіе, сосредоточившееся надъ узкою переносицей. Вронскій и Каренина, по соображеніямъ Михайлова, должны были быть знатные и богатые русскіе, ничего не

понимающіе въ искусствѣ, какъ и всѣ эти богатые русскіе, но прикидывавшіеся любителями и цѣнителями. «Вѣрно уже осмотрѣли всю старину и теперь объѣзжаютъ студіи новыхъ, шарлатана нѣмца и дурака прерафаэлита англичанина, и ко мнѣ пріѣхали только для полноты обозрѣнія», думалъ онъ. Онъ зналъ очень хорошо манеру дилетантовъ (чѣмъ умнѣе они были, тѣмъ хуже) осматривать студіи современныхъ художниковъ только съ тою цѣлью, чтобы имѣть право сказать, что искусство пало и что чѣмъ больше смотришь на новыхъ, тѣмъ болѣе видишь, какъ неподражаемы остались великіе древніе мастера. Онъ всего этого ждалъ, все это видѣлъ въ ихъ лицахъ, видѣлъ въ той равнодушной небрежности, съ которою они говорили между собой, смотрѣли на манекены и бюсты и свободно прохаживались, ожидая того, чтобъ онъ открылъ картину. Но, несмотря на это, въ то время какъ онъ перевертывалъ свои этюды, поднималъ сторы и снималъ простыню, онъ чувствовалъ сильное волненіе, и тѣмъ больше, что, несмотря на то, что всѣ знатные и богатые русскіе должны были быть скоты и дураки въ его понятіи, и Вронскій, и въ особенности Анна нравились ему.

— Вотъ не угодно ли? — сказалъ онъ, вертлявою походкой отходя къ сторонѣ и указывая на картину. — Это увѣщаніе Пилатомъ. Матѳея глава XXVII,—сказалъ онъ, чувствуя, что губы его начинаютъ трястись отъ волненія. Онъ отошелъ и сталъ позади ихъ.

Въ тѣ нѣсколько секундъ, во время которыхъ посѣтители молча смотрѣли на картину, Михайловъ тоже смотрѣлъ на нее и смотрѣлъ равнодушнымъ, постороннимъ глазомъ. Въ эти нѣсколько секундъ онъ впередъ вѣрилъ тому, что высшій, справедливѣйшій судъ будетъ произнесенъ ими, именно этими посѣтителями, которыхъ онъ такъ презиралъ минуту тому назадъ. Онъ забылъ все то, что онъ думалъ о своей картинѣ прежде, въ тѣ три года, когда онъ писалъ ее; онъ забылъ всѣ тѣ ея достоинства, которыя были для него несомнѣнны, — онъ видѣлъ картину ихъ равнодушнымъ, постороннимъ, новымъ взглядомъ и не видѣлъ въ ней ничего хорошаго. Онъ видѣлъ на первомъ планѣ досадовавшее лицо Пилата и спокойное лицо Христа и на второмъ планѣ фигуры прислужниковъ Пилата и вглядывавшееся въ то, что происходило, лицо Іоанна. Всякое лицо, съ такимъ исканіемъ, съ такими ошибками, поправками, выросшее въ немъ со своимъ особеннымъ характеромъ, каждое лицо, доставлявшее ему столько мученій и радости, и всѣ эти лица, столько разъ перемѣщаемыя для соблюденія общаго всѣ оттѣнки

колорита и тоновъ, съ такимъ трудомъ достигнутые имъ, — все это вмѣстѣ теперь, глядя ихъ глазами, казалось ему пошлостью, тысячу разъ повторенною. Самое дорогое ему лицо, лицо Христа, средоточіе картины, доставившее ему такой восторгъ при своемъ открытіи, все было потеряно для него, когда онъ взглянулъ на картину ихъ глазами. Онъ видѣлъ хорошо написанное (и то даже не хорошо, — онъ ясно видѣлъ теперь кучу недостатковъ) повтореніе тѣхъ безконечныхъ Христовъ Тиціана, Рафаэля, Рубенса и тѣхъ же воиновъ и Пилата. Все это было пошло, бѣдно и старо и даже дурно написано — пестро и слабо. Они будутъ правы, говоря притворно - учтивыя фразы въ присутствіи художника и жалѣя его и смѣясь надъ нимъ, когда останутся одни.

Ему стало слишкомъ тяжело это молчаніе (хотя оно продолжалось не болѣе минуты). Чтобы прервать его и показать, что онъ не взволнованъ, онъ, сдѣлавъ усиліе надъ собой, обратился къ Голенищеву.

— Я, кажется, имѣлъ удовольствіе встрѣчаться, — сказалъ онъ ему, безпокойно оглядываясь то на Анну, то на Вронскаго, чтобы не проронить ни одной черты изъ выраженія ихъ лицъ.

— Какъ же! мы видѣлись у Росси, помните, на этомъ вечерѣ, гдѣ декламировала эта итальянская барышня — новая Рашель? — свободно заговорилъ Голенищевъ, безъ малѣйшаго сожалѣнія отводя взглядъ отъ картины и обращаясь къ художнику.

Замѣтивъ однако, что Михайловъ ждетъ сужденія о картинѣ, онъ сказалъ:

— Картина ваша очень подвинулась съ тѣхъ поръ, какъ я послѣдній разъ видѣлъ ее. И какъ тогда, такъ и теперь меня необыкновенно поражаетъ фигура Пилата. Такъ понимаешь этого человѣка, добраго, славнаго малаго, но чиновника до глубины души, который не вѣдаетъ, чтó творитъ. Но мнѣ кажется...

Все подвижное лицо Михайлова вдругъ просіяло: глаза засвѣтились. Онъ хотѣлъ что-то сказать, но не могъ выговорить отъ волненія и притворился, что откашливается. Какъ ни низко онъ цѣнилъ способность пониманія искусства Голенищевымъ, какъ ни ничтожно было то справедливое замѣчаніе о вѣрности выраженія лица Пилата, какъ чиновника, какъ ни обидно могло бы ему показаться высказываніе перваго такого ничтожнаго замѣчанія, тогда какъ не говорилось о важнѣйшихъ, — Михайловъ былъ въ восхищеніи отъ этого замѣчанія. Онъ самъ думалъ о фигурѣ Пилата то же, что сказалъ Голенищевъ. То, что это

соображеніе было одно изъ милліоновъ другихъ соображеній, которыя, какъ Михайловъ твердо зналъ это, всѣ были бы вѣрны, не уменьшило для него значенія замѣчанія Голенищева. Онъ полюбилъ Голенищева за это замѣчаніе и отъ состоянія унынія вдругъ перешелъ къ восторгу. Тотчасъ же вся картина его ожила предъ нимъ со всею невыразимою сложностью всего живого. Михайловъ опять попытался сказать, что онъ такъ понималъ Пилата, но губы его непокорно тряслись и онъ не могъ выговорить. Вронскій и Анна тоже что - то говорили тѣмъ тихимъ голосомъ, которымъ, отчасти, чтобы не оскорбить художника, отчасти, чтобы не сказать громко глупость, которую такъ легко сказать, говоря объ искусствѣ, обыкновенно говорятъ на выставкахъ картинъ. Михайлову казалось, что картина и на нихъ произвела впечатлѣніе. Онъ подошелъ къ нимъ.

— Какъ удивительно выраженіе Христа!—сказала Анна. Изъ всего, что она видѣла, это выраженіе ей больше всего понравилось и она чувствовала, что это центръ картины и потому похвала эта будетъ пріятна художнику.—Видно, что Ему жалко Пилата.

Это было опять одно изъ того милліона вѣрныхъ соображеній, которыя можно было найти въ его картинѣ и въ фигурѣ Христа. Она сказала, что Ему жалко Пилата. Въ выраженіи Христа должно быть и выраженіе жалости, потому что въ Немъ есть выраженіе любви, неземного спокойствія, готовности къ смерти и сознанія тщеты словъ. Разумѣется, есть выраженіе чиновника въ Пилатѣ и жалости въ Христѣ, такъ какъ одинъ — олицетвореніе плотской, другой — духовной жизни. Все это и многое другое промелькнуло въ мысли Михайлова. И опять лицо его просіяло восторгомъ.

— Да, и какъ сдѣлана эта фигура, сколько воздуха. Обойти можно, — сказалъ Голенищевъ, очевидно этимъ замѣчаніемъ показывая, что онъ не одобряетъ содержаніе и мысли фигуры.

— Да, удивительное мастерство!—сказалъ Вронскій.—Какъ эти фигуры на заднемъ планѣ выдѣляются! Вотъ техника, — сказалъ онъ, обращаясь къ Голенищеву и этимъ намекая на бывшій между ними разговоръ о томъ, что Вронскій отчаивался пріобрѣсти эту технику.

— Да, да, удивительно! — подтвердили Голенищевъ и Анна.

Несмотря на возбужденное состояніе, въ которомъ онъ находился, замѣчаніе о техникѣ больно заскребло на сердцѣ Михайлова, и онъ, сердито посмотрѣвъ на Вронскаго, вдругъ насупился. Онъ часто слышалъ это слово техника и рѣшительно не понималъ, что такое подъ этимъ разумѣли. Онъ зналъ, что

подъ этимъ словомъ разумѣли механическую способность писать и рисовать, совершенно независимую отъ содержанія. Часто онъ замѣчалъ, какъ и въ настоящей похвалѣ, что технику противополагали внутреннему достоинству, какъ будто можно было написать хорошо то, что было дурно. Онъ зналъ, что надо было много вниманія и осторожности для того, чтобы, снимая покровы, не повредить самаго произведенія, и для того, чтобы снять всѣ покровы; но искусство писать — техники тутъ никакой не было. Если бы малому ребенку или его кухаркѣ также открылось то, что онъ видѣлъ, то и она сумѣла бы вылущить то, что она видитъ. А самый опытный и искусный живописецъ-техникъ одною механическою способностью не могъ бы написать ничего, если бы ему не открылись прежде границы содержанія. Кромѣ того, онъ видѣлъ, что если уже говорить о техникѣ, то нельзя было его хвалить за нее. Во всемъ, что онъ писалъ и написалъ, онъ видѣлъ рѣжущіе ему глаза недостатки, происходившіе отъ неосторожности, съ которою онъ снималъ покровы, и которыхъ онъ теперь уже не могъ исправить, не испортивъ всего произведенія. И почти на всѣхъ фигурахъ и лицахъ онъ видѣлъ еще остатки не вполнѣ снятыхъ покрововъ, портившіе картину.

— Одно, что можно сказать, если вы позволите сдѣлать это замѣчаніе... — замѣтилъ Голенищевъ.

— Ахъ, я очень радъ и прошу васъ, — сказалъ Михайловъ, притворно улыбаясь.

— Это то, что Онъ у васъ человѣкобогъ, а не Богочеловѣкъ. Впрочемъ, я знаю, что вы этого и хотѣли.

— Я не могъ писать того Христа, котораго у меня нѣтъ въ душѣ, — сказалъ Михайловъ мрачно.

— Да, но въ такомъ случаѣ, если вы позволите сказать свою мысль... картина ваша такъ хороша, что мое замѣчаніе не можетъ повредить ей, и потомъ это мое личное мнѣніе. У васъ это другое. Самый мотивъ другой. Но возьмемъ хоть Иванова. Я полагаю, что если Христосъ сведенъ на степень историческаго лица, то лучше было бы Иванову и избрать другую историческую тему, свѣжую, нетронутую.

— Но если это величайшая тема, которая представляется искусству?

— Если поискать, то найдутся другія. Но дѣло въ томъ, что искусство не терпитъ спора и разсужденій. А при картинѣ Иванова для вѣрующаго и для невѣрующаго является вопросъ: Богъ это или не Богъ? и разрушаетъ единство впечатлѣнія.

— Почему же? Мнѣ кажется, что для образованныхъ людей, — сказалъ Михайловъ,—спора уже не можетъ существовать

Голенищевъ не согласился съ этимъ и, держась своей первой мысли о единствѣ впечатлѣнія, нужнаго для искусства, разбилъ Михайлова.

Михайловъ волновался, но не умѣлъ ничего сказать въ защиту своей мысли.

XII.

Анна съ Вронскимъ уже давно переглядывались, сожалѣя объ умной говорливости своего пріятеля; наконецъ Вронскій перешелъ, не дожидаясь хозяина, къ другой небольшой картинѣ.

— Ахъ, какая прелесть, что за прелесть! Чудо! Какая прелесть, — заговорили они въ одинъ голосъ.

«Что имъ такъ понравилось?» подумалъ Михайловъ. Онъ и забылъ про эту, три года тому назадъ писанную картину. Забылъ всѣ страданія и восторги, которые онъ пережилъ съ этою картиной, когда она нѣсколько мѣсяцевъ одна неотступно день и ночь занимала его, забылъ, какъ онъ всегда забывалъ про оконченныя картины. Онъ не любилъ даже смотрѣть на нее и выставилъ только потому, что ждалъ англичанина, желавшаго купить ее.

— Это такъ, этюдъ давнишній, — сказалъ онъ.

— Какъ хорошо! — сказалъ Голенищевъ, тоже, очевидно, искренно подпавшій подъ прелесть картины.

Два мальчика въ тѣни ракиты ловили удочками рыбу. Одинъ, старшій, только что закинулъ удочку и старательно выводилъ поплавокъ изъ-за куста, весь поглощенный этимъ дѣломъ; другой, помоложе, лежалъ въ травѣ, облокотивъ спутанную бѣлокурую голову на руки, и смотрѣлъ задумчивыми голубыми глазами на воду. О чемъ онъ думалъ?

Восхищеніе предъ этою его картиной шевельнуло въ Михайловѣ прежнее волненіе, но онъ боялся и не любилъ этого празднаго чувства къ прошедшему, и потому, хотя ему и радостны были эти похвалы, онъ хотѣлъ отвлечь посѣтителей къ третьей картинѣ.

Но Вронскій спросилъ, не продается ли картина. Для Михайлова теперь, взволнованнаго посѣтителями, рѣчь о денежномъ дѣлѣ была весьма непріятна.

— Она выставлена для продажи,—отвѣчалъ онъ, мрачно насупливаясь.

Когда посѣтители уѣхали, Михайловъ сѣлъ противъ картины Пилата и Христа и въ умѣ своемъ повторялъ то, что было сказано, и хотя и не сказано, но подразумѣваемо этими посѣтителями. И странно: то, что имѣло такой вѣсъ для него, когда они

были тутъ и когда онъ мысленно переносился на ихъ точку зрѣнія, вдругъ потеряло для него всякое значеніе. Онъ сталъ смотрѣть на свою картину всѣмъ своимъ полнымъ художественнымъ взглядомъ и пришелъ въ то состояніе увѣренности въ совершенствѣ и потому въ значительности своей картины, которое нужно было ему для того исключающаго всѣ другіе интересы напряженія, при которомъ одномъ онъ могъ работать.

Нога Христа въ ракурсѣ все-таки была не то. Онъ взялъ палитру и принялся работать. Исправляя ногу, онъ безпрестанно всматривался въ фигуру Іоанна на заднемъ планѣ, которой посѣтители и не замѣтили, но которая, онъ зналъ, была верхъ совершенства. Окончивъ ногу, онъ хотѣлъ взяться за эту фигуру, но почувствовалъ себя слишкомъ взволнованнымъ для этого. Онъ одинаково не могъ работать, когда былъ холоденъ, какъ и тогда, когда былъ слишкомъ размягченъ и слишкомъ видѣлъ все. Была только одна ступень на этомъ переходѣ отъ холодности къ вдохновенію, на которой возможна была работа. А нынче онъ слишкомъ былъ взволнованъ. Онъ хотѣлъ закрыть картину, но остановился и, держа рукой простыню, блаженно улыбаясь, долго смотрѣлъ на фигуру Іоанна. Наконецъ, какъ бы съ грустью отрываясь, опустилъ простыню, и усталый, но счастливый, пошелъ къ себѣ.

Вронскій, Анна и Голенищевъ, возвращаясь домой, были особенно оживлены и веселы. Они говорили о Михайловѣ и его картинахъ. Слово *талантъ*, подъ которымъ они разумѣли прирожденную, почти физическую способность, независимую отъ ума и сердца, и которымъ они хотѣли назвать все, что́ переживаемо было художникомъ, особенно часто встрѣчалось въ ихъ разговорѣ, такъ какъ оно имъ было необходимо для того, чтобы называть то, о чемъ они не имѣли никакого понятія, но хотѣли говорить. Они говорили, что въ талантѣ ему нельзя отказать, но что талантъ его не могъ развиться отъ недостатка образованія — общаго несчастія нашихъ русскихъ художниковъ. Но картина мальчиковъ запала въ ихъ памяти, и нѣтъ-нѣтъ они возвращались къ ней. «Что за прелесть! Какъ это удалось ему и какъ просто! Онъ и не понимаетъ, какъ это хорошо! Да, надо не упустить и купить ее», говорилъ Вронскій.

XIII.

Михайловъ продалъ Вронскому свою картину и согласился дѣлать портретъ Анны. Въ назначенный день онъ пришелъ и началъ работу.

Портретъ съ пятаго сеанса поразилъ всѣхъ, въ особенности Вронскаго, не только сходствомъ, но и особенною красотой. Странно было, какъ могъ Михайловъ найти ту ея особенную красоту. «Надо было знать и любить ее, какъ я любилъ, чтобы найти это самое милое ея душевное выраженіе», думалъ Вронскій, хотя онъ по этому портрету только узналъ это самое милое ея душевное выраженіе. Но выраженіе это было такъ правдиво, что ему и другимъ казалось, что они давно знали его.

— Я сколько времени бьюсь и ничего не сдѣлалъ,—говорилъ онъ про свой портретъ, — а онъ посмотрѣлъ и написалъ. Вотъ что значитъ техника.

— Это придетъ,—утѣшалъ его Голенищевъ, въ понятіи котораго Вронскій имѣлъ талантъ и, главное, образованіе, дающее возвышенный взглядъ на искусство. Убѣжденіе Голенищева въ талантѣ Вронскаго поддерживалось еще и тѣмъ, что ему нужны были сочувствіе и похвалы Вронскаго его статьямъ и мыслямъ, и онъ чувствовалъ, что похвалы и поддержка должны быть взаимны.

Въ чужомъ домѣ, и въ особенности въ палаццо у Вронскаго, Михайловъ былъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ, чѣмъ у себя въ студіи. Онъ былъ непріязненно - почтителенъ, какъ бы боясь сближенія съ людьми, которыхъ онъ не уважалъ. Онъ называлъ Вронскаго—ваше сіятельство и никогда, несмотря на приглашенія Анны и Вронскаго, не оставался обѣдать и не приходилъ иначе какъ для сеансовъ. Анна была болѣе, чѣмъ къ другимъ, ласкова къ нему и благодарна за свой портретъ. Вронскій былъ съ нимъ болѣе чѣмъ учтивъ и, очевидно, интересовался сужденіемъ художника о своей картинѣ. Голенищевъ не пропускалъ случая внушать Михайлову настоящія понятія объ искусствѣ. Но Михайловъ оставался одинаково холоденъ ко всѣмъ. Анна чувствовала по его взгляду, что онъ любилъ смотрѣть на нее; но онъ избѣгалъ разговоровъ съ нею. На разговоры Вронскаго о его живописи онъ упорно молчалъ и такъ же упорно молчалъ, когда ему показали картину Вронскаго, и, очевидно, тяготился разговорами Голенищева и не возражалъ ему.

Вообще Михайловъ своимъ сдержаннымъ и непріятнымъ, какъ бы враждебнымъ, отношеніемъ очень не понравился имъ, когда они узнали его ближе. И они рады были, когда сеансы кончились, въ рукахъ ихъ остался прекрасный портретъ, а онъ пересталъ ходить.

Голенищевъ первый высказалъ мысль, которую всѣ имѣли, именно, что Михайловъ просто завидовалъ Вронскому.

— Положимъ, не завидуетъ, потому что у него *талантъ*; но ему досадно, что придворный и богатый человѣкъ, еще графъ (вѣдь они все это ненавидятъ), безъ особеннаго труда дѣлаетъ то же, если не лучше, чѣмъ онъ, посвятившій на это всю жизнь. Главное—образованіе, котораго у него нѣтъ.

Вронскій защищалъ Михайлова, но въ глубинѣ души онъ вѣрилъ этому, потому что, по его понятію, человѣкъ другого, низшаго, міра долженъ былъ завидовать.

Портретъ Анны,—одно и то же, и писанное съ натуры имъ и Михайловымъ, должно бы было показать Вронскому разницу, которая была между нимъ и Михайловымъ, но онъ не видалъ ея. Онъ только послѣ Михайлова пересталъ писать свой портретъ Анны, рѣшивъ, что это теперь было излишне. Картину же свою изъ средневѣковой жизни онъ продолжалъ. И онъ самъ, и Голенищевъ, и въ особенности Анна находили, что она была очень хороша, потому что была гораздо болѣе похожа на знаменитыя картины, чѣмъ картина Михайлова.

Михайловъ между тѣмъ, несмотря на то, что портретъ Анны очень увлекъ его, былъ еще болѣе радъ, чѣмъ они, когда сеансы кончились и ему не надо было больше слушать толки Голенищева объ искусствѣ и можно было забыть про живопись Вронскаго. Онъ зналъ, что́ нельзя было запретить Вронскому баловать живописью; онъ зналъ, что онъ и всѣ дилетанты имѣли полное право писать что̀ имъ угодно, но ему было непріятно. Нельзя запретить человѣку сдѣлать себѣ большую куклу изъ воска и цѣловать ее. Но если бъ этотъ человѣкъ съ куклой пришелъ и сѣлъ предъ влюбленными и принялся бы ласкать свою куклу, какъ влюбленный ласкаетъ ту, которую онъ любитъ, то влюбленному было бы непріятно. Такое же непріятное чувство испытывалъ Михайловъ при видѣ живописи Вронскаго: ему было и смѣшно, и досадно, и жалко, и оскорбительно.

Увлеченіе Вронскаго живописью и средними вѣками продолжалось недолго. Онъ имѣлъ настолько вкуса къ живописи, что не могъ докончить своей картины. Картина остановилась. Онъ смутно чувствовалъ, что недостатки ея, мало замѣтные при началѣ, будутъ поразительны, если онъ будетъ продолжать. Съ нимъ случилось то же, что́ и съ Голенищевымъ, чувствующимъ, что ему нечего сказать, и постоянно обманывающимъ себя тѣмъ, что мысль не созрѣла, что онъ вынашиваетъ ее и готовитъ матеріалы. Но Голенищева это озлобило и измучило, Вронскій же не могъ обманывать и мучить себя и въ особенности озлобляться. Онъ, со свойственною ему рѣшительностью характера,

ничего не объясняя и не оправдываясь, пересталъ заниматься живописью.

Но безъ этого занятія жизнь и его и Анны, удивлявшейся его разочарованію, показалась имъ такъ скучна въ итальянскомъ городѣ, палаццо вдругъ сталъ такъ очевидно старъ и грязенъ, такъ непріятно пригляделись пятна на гардинахъ, трещины на полахъ, отбитая штукатурка на карнизахъ и такъ скученъ сталъ все одинъ и тотъ же Голенищевъ, итальянскій профессоръ и нѣмецъ путешественникъ, что надо было перемѣнить жизнь. Они рѣшили ѣхать въ Россію, въ деревню. Въ Петербургѣ Вронскій намѣревался сдѣлать раздѣлъ съ братомъ, а Анна повидать сына. Лѣто же они намѣревались прожить въ большомъ родовомъ имѣніи Вронскаго.

XIV.

Левинъ былъ женатъ третій мѣсяцъ. Онъ былъ счастливъ, но совсѣмъ не такъ, какъ ожидалъ. На каждомъ шагу онъ находилъ разочарованіе въ прежнихъ мечтахъ и новое неожиданное очарованіе. Онъ былъ счастливъ, но, вступивъ въ семейную жизнь, на каждомъ шагу видѣлъ, что это было совсѣмъ не то, что онъ воображалъ. На каждомъ шагу онъ испытывалъ то, что испыталъ бы человѣкъ, любовавшійся плавнымъ, счастливымъ ходомъ лодочки по озеру, послѣ того какъ онъ бы самъ сѣлъ въ эту лодочку. Онъ видѣлъ, что мало того, чтобы сидѣть ровно, не качаясь, — надо еще соображаться, ни на минуту не забывая, куда плыть, что подъ ногами вода и надо грести, и что непривычнымъ рукамъ больно, что только смотрѣть на это легко, а что дѣлать это хотя и очень радостно, но очень трудно.

Бывало холостымъ, глядя на чужую супружескую жизнь, на мелочныя заботы, ссоры, ревность, онъ только презрительно улыбался въ душѣ. Въ его будущей супружеской жизни не только не могло быть, по его убѣжденію, ничего подобнаго, но даже всѣ внѣшнія формы, казалось ему, должны были быть во всемъ совершенно не похожи на жизнь другихъ. И вдругъ вмѣсто этого жизнь его съ женой не только не сложилась особенно, а, напротивъ, вся сложилась изъ тѣхъ самыхъ ничтожныхъ мелочей, которыя онъ такъ презиралъ прежде, но которыя теперь, противъ его воли, получали необыкновенную и неопровержимую значительность. И Левинъ видѣлъ, что устройство всѣхъ этихъ мелочей совсѣмъ не такъ легко было, какъ

ему казалось прежде. Несмотря на то, что̀ Левинъ полагалъ, что онъ имѣетъ самыя точныя понятія о семейной жизни, онъ, какъ и всѣ мужчины, представлялъ себѣ невольно семейную жизнь только какъ наслажденіе любви, которой ничто не должно было препятствовать и отъ которой не должны были отвлекать мелкія заботы. Онъ долженъ былъ, по его понятію, работать свою работу и отдыхать отъ нея въ счастіи любви. Она должна была быть любима и только. Но онъ, какъ и всѣ мужчины, забывалъ, что и ей надо работать. И онъ удивлялся, какъ она, эта поэтическая, прелестная Кити, могла въ первыя же не только недѣли, въ первые дни семейной жизни думать, помнить и хлопотать о скатертяхъ, о мебели, о тюфякахъ для пріѣзжихъ, о подносѣ, о поварѣ, обѣдѣ и т. п. Еще бывши женихомъ, онъ былъ пораженъ тою опредѣленностью, съ которою она отказалась отъ поѣздки за границу и рѣшила ѣхать въ деревню, какъ будто она знала что-то такое, что̀ нужно, и, кромѣ своей любви, могла еще думать о постороннемъ. Это оскорбило его тогда, и теперь нѣсколько разъ ея мелочныя хлопоты и заботы оскорбляли его. Но онъ видѣлъ, что это ей необходимо. И онъ, любя ее, хотя и не понималъ зачѣмъ, хотя и посмѣивался надъ этими заботами, не могъ не любоваться ими. Онъ посмѣивался надъ тѣмъ, какъ она разставляла мебель, привезенную изъ Москвы, какъ убирала по-новому свою и его комнату, какъ вѣшала гардины, какъ распредѣляла будущее помѣщеніе для гостей, для Долли, какъ устраивала помѣщеніе своей новой дѣвушкѣ, какъ заказывала обѣдъ старику-повару, какъ входила въ препиранья съ Агаѳьей Михайловной, отстраняя ее отъ провизіи. Онъ видѣлъ, что старикъ-поваръ улыбался, любуясь ею и слушая ея неумѣлыя, невозможныя приказанія; видѣлъ, что Агаѳья Михайловна задумчиво и ласково покачивала головой на новыя распоряженія молодой барыни въ кладовой; видѣлъ, что Кити была необыкновенно мила, когда она, смѣясь и плача, приходила къ нему объявлять, что дѣвушка Маша привыкла считать ее барышней и оттого ея никто не слушаетъ Ему это казалось мило, но странно, и онъ думалъ, что лучше бы было безъ этого.

Онъ не зналъ того чувства перемѣны, которое она испытывала послѣ того, какъ ей дома иногда хотѣлось капусты съ квасомъ или конфетъ и ни того, ни другого нельзя было имѣть, а теперь она могла заказать, что хотѣла, купить груды конфетъ, издержать сколько хотѣла денегъ и заказать какое хотѣла пирожное.

Она теперь съ радостью мечтала о пріѣздѣ Долли съ дѣтьми, въ особенности потому, что она для дѣтей будетъ заказывать

любимое каждымъ пирожное, а Долли оцѣнитъ все ея новое устройство. Она сама не знала зачѣмъ и для чего, но домашнее хозяйство неудержимо влекло ее къ себѣ. Она, инстинктивно чувствуя приближеніе весны и зная, что будутъ и ненастные дни, вила, какъ умѣла, свое гнѣздо и торопилась въ одно время и вить его, и учиться, какъ это дѣлать.

Эта мелочная озабоченность Кити, столь противоположная идеалу Левина возвышеннаго счастія перваго времени, было одно изъ разочарованій, и эта милая озабоченность, которой смысла онъ не понималъ, но не могъ не любить, было одно изъ новыхъ очарованій.

Другое разочарованіе и очарованіе были ссоры. Левинъ никогда не могъ себѣ представить, чтобы между нимъ и женой могли быть другія отношенія, кромѣ нѣжныхъ, уважительныхъ, любовныхъ, и вдругъ съ первыхъ же дней они поссорились, такъ что она сказала ему, что онъ не любитъ ея, любитъ себя одного, заплакала и замахала руками.

Первая эта ихъ ссора произошла отъ того, что Левинъ поѣхалъ на новый хуторъ и пробылъ полчаса долѣе, потому что хотѣлъ проѣхать ближнею дорогой и заблудился. Онъ ѣхалъ домой, только думая о ней, о ея любви, о своемъ счастіи, и чѣмъ ближе подъѣзжалъ, тѣмъ больше разгоралась въ немъ нѣжность къ ней. Онъ вбѣжалъ въ комнату съ тѣмъ же чувствомъ и еще сильнѣйшимъ, чѣмъ то, съ какимъ онъ пріѣхалъ къ Щербацкимъ дѣлать предложеніе. И вдругъ его встрѣтило мрачное, никогда невиданное имъ въ ней выраженіе. Онъ хотѣлъ поцѣловать ее; она оттолкнула его.

— Что ты?

— Тебѣ весело... — начала она, желая быть спокойно-ядовитою.

Но только что она открыла ротъ, какъ слова упрековъ безсмысленной ревности, всего, что мучило ее въ эти полчаса, которые она неподвижно провела, сидя на окнѣ, вырвались у нея. Тутъ только въ первый разъ онъ ясно понялъ то, чего онъ не понималъ, когда послѣ вѣнца повелъ ее изъ церкви. Онъ понялъ, что она не только близка ему, но что онъ теперь не знаетъ, гдѣ кончается она и начинается онъ. Онъ понялъ это по тому мучительному чувству раздвоенія, которое онъ испытывалъ въ эту минуту. Онъ оскорбился въ первую минуту, но въ ту же секунду онъ почувствовалъ, что онъ не можетъ быть оскорбленъ ею, что она была онъ самъ. Онъ испыталъ въ первую минуту чувство подобное тому, какое испытываетъ человѣкъ, когда, получивъ вдругъ сильный ударъ сзади, съ досадой и желаніемъ мести обо-

рачивается, чтобы найти виновнаго, и убѣждается, что это онъ самъ нечаянно ударилъ себя, что сердиться не на кого и надо перенести и утишить боль.

Никогда онъ съ такой силою послѣ уже не чувствовалъ этого, но въ этотъ первый разъ онъ долго не могъ опомниться. Естественное чувство требовало отъ него оправдаться, доказать ей вину ея; но доказать ей вину значило еще болѣе раздражить ее и сдѣлать больше тотъ разрывъ, который былъ причиной всего горя. Одно привычное чувство влекло его къ тому, чтобы снять съ себя и на нее перенести вину; другое чувство, болѣе сильное, влекло къ тому, чтобы скорѣе, какъ можно скорѣе, не давая увеличиться происшедшему разрыву, загладить его. Оставаться съ такимъ несправедливымъ обвиненіемъ было мучительно, но, оправдавшись, сдѣлать ей больно было еще хуже. Какъ человѣкъ въ полуснѣ томящійся болью, онъ хотѣлъ оторвать, отбросить отъ себя больное мѣсто и, опомнившись, чувствовалъ, что больное мѣсто — онъ самъ. Надо было стараться только помочь больному мѣсту перетерпѣть, и онъ постарался это сдѣлать.

Они помирились. Она, сознавъ свою вину, но не высказавъ ея, стала нѣжнѣе къ нему, и они испытали новое удвоенное счастіе любви. Но это не помѣшало тому, чтобы столкновенія эти не повторялись, и даже особенно часто, по самымъ неожиданнымъ и ничтожнымъ поводамъ. Столкновенія эти происходили часто и отъ того, что они не знали еще, что́ другъ для друга важно, и отъ того, что все это первое время они оба часто бывали въ дурномъ расположеніи духа. Когда одинъ былъ въ хорошемъ, а другой въ дурномъ, то миръ не нарушался, но когда оба случались въ дурномъ расположеніи, то столкновенія происходили изъ такихъ непонятныхъ, по ничтожности, причинъ, что они потомъ никакъ не могли вспомнить, о чемъ они ссорились. Правда, когда они оба были въ хорошемъ расположеніи духа, радость жизни ихъ удвоялась. Но все-таки это первое время было тяжелое для нихъ время.

Во все первое время особенно живо чувствовалась натянутость, какъ бы подергиванье въ ту и другую сторону той цѣпи, которою они были связаны. Вообще тотъ медовый мѣсяцъ, т.-е. мѣсяцъ послѣ свадьбы, отъ котораго, по преданію, ждалъ Левинъ столь многаго, былъ не только не медовымъ, но остался въ воспоминаніи ихъ обоихъ самымъ тяжелымъ и унизительнымъ временемъ ихъ жизни. Они оба одинаково старались въ послѣдующей жизни вычеркнуть изъ своей памяти всѣ уродливыя, постыдныя обстоятельства этого нездороваго времени, когда

оба они рѣдко бывали въ нормальномъ настроенiи духа, рѣдко бывали сами собой.

Только на третiй мѣсяцъ супружества, послѣ возвращенiя ихъ изъ Москвы, куда они ѣздили на мѣсяцъ, жизнь ихъ стала ровнѣе.

XV.

Они только что прiѣхали изъ Москвы, и рады были своему уединенiю. Онъ сидѣлъ въ кабинетѣ у письменнаго стола и писалъ. Она, въ томъ темно-лиловомъ платьѣ, которое она носила въ первые дни замужества и нынче опять надѣла и которое было особенно памятно и дорого ему, сидѣла на диванѣ, на томъ самомъ кожаномъ старинномъ диванѣ, который стоялъ всегда въ кабинетѣ у дѣда и отца Левина, и шила broderie anglaise. Онъ думалъ и писалъ, не переставая радостно чувствовать ея присутствiе. Занятiя его и хозяйствомъ, и книгой, въ которой должны были быть изложены основанiя новаго хозяйства, не были оставлены имъ; но какъ прежде эти занятiя и мысли показались ему малы и ничтожны въ сравненiи съ мракомъ, покрывшимъ всю жизнь, такъ точно неважны и малы они казались теперь въ сравненiи съ тою, облитою яркимъ свѣтомъ счастiя, предстоящею жизнью. Онъ продолжалъ свои занятiя, но чувствовалъ теперь, что центръ тяжести его вниманiя перешелъ на другое и что вслѣдствiе этого онъ совсѣмъ иначе и яснѣе смотритъ на дѣло. Прежде дѣло это было для него спасенiемъ отъ жизни. Прежде онъ чувствовалъ, что безъ этого дѣла жизнь его будетъ слишкомъ мрачна. Теперь же занятiя эти ему были необходимы, чтобы жизнь не была слишкомъ однообразно свѣтла. Взявшись опять за свои бумаги, перечтя то, что было написано, онъ съ удовольствiемъ нашелъ, что дѣло стоило того, чтобъ имъ заниматься. Многiя изъ прежнихъ мыслей показались ему излишними и крайними, но многiе пробѣлы стали ему ясны, когда онъ освѣжилъ въ своей памяти все дѣло. Онъ писалъ теперь новую главу — о причинахъ невыгоднаго положенiя земледѣлiя въ Россiи. Онъ доказывалъ, что бѣдность Россiи происходитъ не только отъ неправильнаго распредѣленiя поземельной собственности и ложнаго направленiя, но что этому содѣйствовали въ послѣднее время ненормально привитая Россiи внѣшняя цивилизацiя, въ особенности пути сообщенiя, желѣзныя дороги, повлекшiя за собою централизацiю въ городахъ, развитiе роскоши и вслѣдствiе того, въ ущербъ земледѣлiю, развитiе фабричной промышленности, кредита и его спутника —

биржевой игры. Ему казалось, что при нормальномъ развитіи богатства въ государствѣ всѣ эти явленія наступаютъ, только когда на земледѣліе положенъ уже значительный трудъ, когда оно стало въ правильныя — по крайней мѣрѣ, въ опредѣленныя — условія; что богатство страны должно расти равномѣрно и въ особенности такъ, чтобы другія отрасли богатства не опережали земледѣлія; что сообразно съ извѣстнымъ состояніемъ земледѣлія должны быть соотвѣтствующіе ему и пути сообщенія, и что при нашемъ неправильномъ пользованіи землей желѣзныя дороги, вызванныя не экономическою, но политическою необходимостью, были преждевременны и, вмѣсто содѣйствія земледѣлію, котораго ожидали отъ нихъ, опередивъ земледѣліе и вызвавъ развитіе промышленности и кредита, остановили его, и что потому, такъ же какъ одностороннее и преждевременное развитіе одного органа въ животномъ помѣшало бы его общему развитію, такъ для общаго развитія богатства въ Россіи кредитъ, пути сообщенія, усиленіе фабричной дѣятельности, несомнѣнно необходимые въ Европѣ, гдѣ они своевременны, у насъ только сдѣлали вредъ, отстранивъ главный очередной вопросъ устройства земледѣлія.

Между тѣмъ какъ онъ писалъ свое, она думала о томъ, какъ ненатурально внимателенъ былъ ея мужъ съ молодымъ княземъ Чарскимъ, который очень безтактно любезничалъ съ нею наканунѣ отъѣзда. «Вѣдь онъ ревнуетъ, — думала она. — Боже мой! какъ онъ милъ и глупъ. Онъ ревнуетъ меня! Если бъ онъ зналъ, что они всѣ для меня какъ Петръ поваръ, — думала она, глядя съ страннымъ для себя чувствомъ собственности на его затылокъ и красную шею. — Хоть и жалко отрывать его отъ занятій (но онъ успѣетъ!), надо посмотрѣть его лицо; почувствуетъ ли онъ, что я смотрю на него? Хочу, чтобъ онъ оборотился... Хочу, ну!» и она шире открыла глаза, желая этимъ усилить дѣйствіе взгляда.

— Да, они отвлекаютъ къ себѣ всѣ соки и даютъ ложный блескъ, — пробормоталъ онъ, остановившись писать, и, чувствуя, что она глядитъ на него и улыбается, оглянулся.

— Что? — спросилъ онъ, улыбаясь и вставая.

«Оглянулся», подумала она.

— Ничего, я хотѣла, чтобы ты оглянулся, — сказала она, глядя на него и желая догадаться, досадно ему или нѣтъ то, что она оторвала его.

— Ну, вѣдь какъ хорошо намъ вдвоемъ! Мнѣ то-есть, — сказалъ онъ, подходя къ ней и сіяя улыбкой счастья.

— Мнѣ такъ хорошо! Никуда не поѣду, особенно въ Москву.

— А о чемъ ты думала?

— Я? я думала... Нѣтъ, нѣтъ, иди пиши, не развлекайся, — сказала она, морща губы, — и мнѣ надо теперь вырѣзать вотъ эти дырочки, видишь?

Она взяла ножницы и стала вырѣзывать.

— Нѣтъ, скажи же что? — сказалъ онъ, подсаживаясь къ ней и слѣдя за кругообразнымъ движеніемъ маленькихъ ножницъ.

— Ахъ, я что думала? Я думала о Москвѣ, о твоемъ затылкѣ.

— За что именно мнѣ такое счастіе? Ненатурально. Слишкомъ хорошо, — сказалъ онъ, цѣлуя ея руку.

— Мнѣ, напротивъ, чѣмъ лучше, тѣмъ натуральнѣе.

— А у тебя косичка, — сказалъ онъ, осторожно поворачивая ея голову, — косичка. Видишь, вотъ тутъ. Нѣтъ, нѣтъ, мы дѣломъ занимаемся!

Занятіе уже не продолжалось, и они, какъ виноватые, отскочили другъ отъ друга, когда Кузьма вошелъ доложить, что чай поданъ.

— А изъ города пріѣхали? — спросилъ Левинъ у Кузьмы.

— Только что пріѣхали, разбираются.

— Приходи же скорѣе, — сказала она ему, уходя изъ кабинета, — а то безъ тебя прочту письма. И давай въ четыре руки играть.

Оставшись одинъ и убравъ свои тетради въ новый, купленный ею портфель, онъ сталъ умывать руки въ новомъ умывальникѣ съ новыми, все съ нею же появившимися, элегантными принадлежностями. Левинъ улыбался своимъ мыслямъ и неодобрительно покачивалъ головой на эти мысли; чувство, подобное раскаянію, мучило его. Что - то стыдное, изнѣженное, капуйское, какъ онъ себѣ называлъ это, было въ его теперешней жизни. «Жить такъ не хорошо,— думалъ онъ. — Вотъ скоро три мѣсяца, а я ничего почти не дѣлаю. Нынче почти въ первый разъ я взялся серьезно за работу, и что же? Только началъ и бросилъ. Даже обычныя свои занятія — и тѣ я почти оставилъ. По хозяйству — и то я почти не хожу и не ѣзжу. То мнѣ жалко ее оставить, то я вижу, что ей скучно. А я-то думалъ, что до женитьбы жизнь такъ себѣ, кое-какъ, не считается, а что послѣ женитьбы начнется настоящая. А вотъ три мѣсяца скоро, и я никогда такъ праздно и безполезно не проводилъ время. Нѣтъ, это нельзя, надо начать. Разумѣется, она не виновата. Ее не въ чемъ было упрекнуть. Я самъ долженъ былъ быть тверже, выгородить свою мужскую независимость. А то этакъ можно самому привыкнуть и ее пріучить... Разумѣется, она не виновата», говорилъ онъ себѣ.

Но трудно человѣку недовольному не упрекать кого - нибудь другого, и того самаго, кто ближе всего ему, въ томъ, въ чемъ онъ недоволенъ. И Левину смутно приходило въ голову, что не то что она сама виновата (виноватою она ни въ чемъ не могла быть), но виновато ея воспитаніе, слишкомъ поверхностное и фривольное («этотъ дуракъ Чарскій: она, я знаю, хотѣла, но не умѣла остановить его»). «Да, кромѣ интереса къ дому (это есть у нея), кромѣ своего туалета и кромѣ broderie anglaise, у нея нѣтъ серьезныхъ интересовъ. Ни интереса къ своему дѣлу, къ хозяйству, къ мужикамъ, ни къ музыкѣ, въ которой она довольна сильна, ни къ чтенію. Она ничего не дѣлаетъ и совершенно удовлетворена». Левинъ въ душѣ осуждалъ это и не понималъ еще, что она готовилась къ тому періоду дѣятельности, который долженъ былъ наступить для нея, когда она будетъ въ одно и то же время женой мужа, хозяйкой дома, будетъ носить, кормить и воспитывать дѣтей. Онъ не понималъ, что она чутьемъ знала это, и, готовясь къ этому страшному труду, не упрекала себя въ минутахъ беззаботности и счастія любви, которыми она пользовалась теперь, весело свивая свое будущее гнѣздо.

XVI.

Когда Левинъ вошелъ наверхъ, жена его сидѣла у новаго серебрянаго самовара за новымъ чайнымъ приборомъ и, посадивъ у маленькаго столика старую Агаѳью Михайловну съ налитой ей чашкой чая, читала письмо отъ Долли, съ которою онѣ были въ постоянной и частой перепискѣ.

— Вишь, посадила меня ваша барыня, велѣла съ ней сидѣть, — сказала Агаѳья Михайловна, дружелюбно улыбаясь на Кити.

Въ этихъ словахъ Агаѳьи Михайловны Левинъ прочелъ развязку драмы, которая въ послѣднее время происходила между Агаѳьей Михайловной и Кити. Онъ видѣлъ, что, несмотря на все огорченіе, причиненное Агаѳьѣ Михайловнѣ новою хозяйкой, отнявшей у нея бразды правленія, Кити все-таки побѣдила ее и заставила себя любить.

— Вотъ я и прочла твое письмо, — сказала Кити, подавая ему безграмотное письмо. — Это отъ той женщины, кажется, твоего брата...—сказала она.—Я не прочла. А это отъ моихъ и отъ Долли. Представь! Долли возила къ Сарматскимъ на дѣтскій балъ Гришу и Таню; Таня была маркизой.

Но Левинъ не слушалъ ея: онъ, покраснѣвъ, взялъ письмо отъ Марьи Николаевны, бывшей любовницы брата Николая, и сталъ читать его. Это было уже второе письмо отъ Марьи Николаевны. Въ первомъ письмѣ Марья Николаевна писала, что братъ прогналъ ее отъ себя безъ вины, и съ трогательною наивностью прибавляла, что хотя она опять въ нищетѣ, но ничего не проситъ, не желаетъ, а что только убиваетъ ее мысль о томъ, что Николай Дмитріевичъ пропадетъ безъ нея по слабости своего здоровья, и просила брата слѣдить за нимъ. Теперь она писала другое. Она нашла Николая Дмитріевича, опять сошлась съ нимъ въ Москвѣ и съ нимъ поѣхала въ губернскій городъ, гдѣ онъ получилъ мѣсто на службѣ. Но что тамъ онъ поссорился съ начальникомъ и поѣхалъ назадъ въ Москву, но дорогой такъ заболѣлъ, что едва ли встанетъ, — писала она. «Все о васъ поминали, да и денегъ больше нѣтъ».

— Прочти, о тебѣ Долли пишетъ, — начала было Кити улыбаясь, но вдругъ остановилась, замѣтивъ перемѣнившееся выраженіе лица мужа. — Что ты? Что такое?

— Она мнѣ пишетъ, что Николай, братъ, при смерти. Я поѣду.

Лицо Кити вдругъ перемѣнилось. Мысли о Танѣ маркизой, о Долли, все это исчезло.

— Когда же ты поѣдешь? — сказала она.

— Завтра.

— И я съ тобой, можно? — сказала она.

— Кити! ну, что это? — съ упрекомъ сказалъ онъ.

— Какъ что? — оскорбившись за то, что онъ какъ бы съ неохотой и досадой принимаетъ ея предложеніе. — Отчего же мнѣ не ѣхать? Я тебѣ не буду мѣшать. Я...

— Я ѣду потому, что мой братъ умираетъ, — сказалъ Левинъ. — Для чего ты...

— Для чего? Для того же, для чего и ты.

«И въ такую для меня важную минуту она думаетъ только о томъ, что ей будетъ скучно одной», подумалъ Левинъ. И эта отговорка въ дѣлѣ такомъ важномъ разсердила его.

— Это невозможно, — сказалъ онъ строго.

Агаѳья Михайловна, видя, что дѣло доходитъ до ссоры, тихо поставила чашку и вышла. Кити даже не замѣтила ея. Тонъ, которымъ мужъ сказалъ послѣднія слова, оскорбилъ ее въ особенности тѣмъ, что онъ, видимо, не вѣрилъ тому, что́ она сказала.

— А я тебѣ говорю, что, если ты поѣдешь, и я поѣду съ тобой, непремѣнно поѣду, — торопливо и гнѣвно заговорила

она. — Почему невозможно? Почему ты говоришь, что невозможно?

— Потому что ѣхать Богъ знаетъ куда, по какимъ дорогамъ, гостиницамъ... Ты стѣснять меня будешь, — говорилъ Левинъ, стараясь быть хладнокровнымъ.

— Нисколько. Мнѣ ничего не нужно. Гдѣ ты можешь, тамъ и я...

— Ну, уже по одному тому, что тамъ эта женщина, съ которой ты не можешь сближаться.

— Я ничего не знаю и знать не хочу, кто тамъ и что. Я знаю, что братъ моего мужа умираетъ и мужъ ѣдетъ къ нему, и я ѣду съ мужемъ, чтобы...

— Кити! не разсердись. Но ты подумай, дѣло это такъ важно, что мнѣ больно думать, что ты смѣшиваешь чувство слабости, нежеланія остаться одной. Ну, тебѣ скучно будетъ одной, ну, поѣзжай въ Москву.

— Вотъ ты *всегда* приписываешь мнѣ дурныя, подлыя мысли,—заговорила она со слезами оскорбленія и гнѣва.—Я ничего, ни слабости, ничего... Я чувствую, что мой долгъ быть съ мужемъ, когда онъ въ горѣ, но ты хочешь нарочно сдѣлать мнѣ больно, нарочно хочешь не понимать...

— Нѣтъ, это ужасно. Быть рабомъ какимъ-то! — вскрикнулъ Левинъ, вставая и не въ силахъ болѣе удерживать своей досады. Но въ ту же секунду почувствовалъ, что онъ бьетъ самъ себя.

— Такъ зачѣмъ ты женился? Былъ бы свободенъ. Зачѣмъ, если ты раскаиваешься? — заговорила она, вскочила и побѣжала въ гостиную.

Когда онъ пришелъ за ней, она всхлипывала отъ слезъ.

Онъ началъ говорить, желая найти тѣ слова, которыя могли бы не то что разубѣдить, но успокоить только ее. Но она не слушала его и ни съ чѣмъ не соглашалась. Она нагнулся къ ней и взялъ ея сопротивляющуюся руку. Онъ поцѣловалъ ея руку, поцѣловалъ ея волосы, опять поцѣловалъ руку, — она все молчала. Но когда онъ взялъ ее обѣими руками за лицо и сказалъ: «Кити!» — вдругъ она опомнилась, поплакала и примирилась.

Было рѣшено ѣхать завтра вмѣстѣ. Левинъ сказалъ женѣ, что онъ вѣритъ, что она желала ѣхать только, чтобы быть полезною, согласился, что присутствіе Марьи Николаевны при братѣ не представляетъ ничего неприличнаго; но въ глубинѣ души онъ ѣхалъ недовольный ею и собой. Онъ былъ недоволенъ ею за то, что она не могла взять на себя отпустить его, когда это было нужно (и какъ странно ему было думать, что

онъ, такъ недавно еще не смѣвшій вѣрить тому счастію, что она можетъ полюбить его, теперь чувствовалъ себя несчастнымъ отъ того, что она слишкомъ любитъ его!), и недоволенъ собой за то, что не выдержалъ характера. Еще болѣе онъ былъ въ глубинѣ души несогласенъ съ тѣмъ, что ей нѣтъ дѣла до той женщины, которая съ братомъ, и онъ съ ужасомъ думалъ о всѣхъ могущихъ встрѣтиться столкновеніяхъ. Ужъ одно, что его жена, его Кити, будетъ въ одной комнатѣ съ дѣвкой, заставляло его вздрагивать отъ отвращенія и ужаса.

XVII.

Гостиница губернскаго города, въ которой лежалъ Николай Левинъ, была одна изъ тѣхъ губернскихъ гостиницъ, которыя устраиваются по новымъ усовершенствованнымъ образцамъ, съ самыми лучшими намѣреніями чистоты, комфорта и даже элегантности, но которыя по публикѣ, посѣщающей ихъ, съ чрезвычайною быстротой превращаются въ грязные кабаки съ претензіей на современныя усовершенствованія и дѣлаются этою самою претензіей еще хуже старинныхъ, просто грязныхъ гостиницъ. Гостиница эта уже пришла въ это состояніе; и солдатъ въ грязномъ мундирѣ, курящій папироску у входа, долженствовавшій изображать швейцара, и чугунная, сквозная, мрачная и непріятная лѣстница, и развязный половой въ грязномъ фракѣ, и общая зала съ пыльнымъ восковымъ букетомъ цвѣтовъ, украшающихъ столъ, и грязь, пыль и неряшество вездѣ, и вмѣстѣ какая-то новая современно желѣзнодорожная самодовольная озабоченность этой гостиницы—произвели на Левиныхъ послѣ ихъ молодой жизни самое тяжелое чувство, въ особенности тѣмъ, что фальшивое впечатлѣніе, производимое гостиницей, никакъ не мирилось съ тѣмъ, что ожидало ихъ.

Какъ всегда, оказалось, что послѣ вопроса о томъ, въ какую цѣну имъ угодно нумеръ, ни одного хорошаго нумера не было: одинъ хорошій нумеръ былъ занятъ ревизоромъ желѣзной дороги, другой — адвокатомъ изъ Москвы, третій — княгиней Астафьевой изъ деревни. Оставался одинъ грязный нумеръ, рядомъ съ которымъ къ вечеру обѣщали опростать другой. Досадуя на жену за то, что сбывалось то, чего онъ ждалъ, именно то, что въ минуту пріѣзда, тогда какъ у него сердце захватывало отъ волненія при мысли о томъ, что́ съ братомъ, ему приходилось заботиться о ней, вмѣсто того чтобы бѣжать тотчасъ же къ брату, Левинъ ввелъ жену въ отведенный имъ нумеръ.

— Иди, иди! — сказала она, робкимъ, виноватымъ взглядомъ глядя на него.

Онъ молча вышелъ изъ двери и тутъ же столкнулся съ Марьей Николаевной, узнавшей о его прiѣздѣ и не смѣвшей войти къ нему. Она была точно такая же, какою онъ видѣлъ ее въ Москвѣ: то же шерстяное платье, и голыя руки и шея, и то же добродушно-тупое, нѣсколько пополнѣвшее рябое лицо.

— Ну! что? Какъ онъ? что?

— Очень плохо. Не встаютъ. Они все ждали васъ. Они... Вы.. съ супругой.

Левинъ не понялъ въ первую минуту того, что́ смущало ее, но она тотчасъ же разъяснила ему.

— Я уйду, я на кухню пойду,—выговорила она.—Они рады будутъ. Они слышали, и ихъ знаютъ и помнятъ за границей.

Левинъ понялъ, что она разумѣла его жену, и не зналъ, что отвѣтить.

— Пойдемте, пойдемте!—сказалъ онъ.

Но только что онъ двинулся, дверь его нумера отворилась, и Кити выглянула. Левинъ покраснѣлъ и отъ стыда, и отъ досады на свою жену, поставившую себя и его въ это тяжелое положенiе, но Марья Николаевна покраснѣла еще больше. Она вся сжалась и покраснѣла до слезъ и, ухвативъ обѣими руками концы платка, свертывала ихъ красными пальцами, не зная, что́ говорить и что́ дѣлать.

Первое мгновенiе Левинъ видѣлъ выраженiе жаднаго любопытства въ томъ взглядѣ, которымъ Кити смотрѣла на эту непонятную, для нея ужасную женщину; но это продолжалось только одно мгновенiе.

— Ну, что же? что же онъ?—обратилась она къ мужу и потомъ къ ней.

— Да нельзя же въ коридорѣ разговаривать!—сказалъ Левинъ, съ досадой оглядываясь на господина, который, подрагивая ногами, какъ будто по своему дѣлу шелъ въ это время по коридору.

— Ну, такъ войдите,—сказала Кити, обращаясь къ оправившейся Марьѣ Николаевнѣ; но, замѣтивъ испуганное лицо мужа,—или идите, идите и пришлите за мной,—сказала она и вернулась въ нумеръ. Левинъ пошелъ къ брату.

Онъ никакъ не ожидалъ того, что́ онъ увидалъ и почувствовалъ у брата. Онъ ожидалъ найти то же состоянiе самообманыванiя, которое, онъ слыхалъ, такъ часто бываетъ у чахоточныхъ и которое такъ сильно поразило его во время осенняго прiѣзда брата. Онъ ожидалъ найти физическiе признаки при-

ближающейся смерти болѣе опредѣленными, бóльшую слабость, бóльшую худобу, но все-таки — почти то же положеніе. Онъ ожидалъ, что самъ испытаетъ то же чувство жалости къ утратѣ любимаго брата и ужаса передъ смертью, которое онъ испыталъ тогда, но только въ большей степени. И онъ готовился на это; но нашелъ совсѣмъ другое.

Въ маленькомъ, грязномъ нумерѣ, заплеванномъ по раскрашеннымъ панно стѣнъ, за тонкой перегородкой котораго слышался говоръ, въ пропитанномъ удушливымъ запахомъ нечистотъ воздухѣ, на отодвинутой отъ стѣны кровати лежало покрытое одѣяломъ тѣло. Одна рука этого тѣла была сверхъ одѣяла, и огромная, какъ грабли, кисть этой руки непонятно была прикрѣплена къ тонкой и ровной отъ начала до средины длинной цѣвкѣ. Голова лежала бокомъ на подушкѣ. Левину видны были потные, рѣдкіе волосы на вискахъ и обтянутый, точно прозрачный лобъ.

«Не можетъ быть, чтобъ это страшное тѣло было братъ Николай», подумалъ Левинъ. Но онъ подошелъ ближе, увидалъ лицо, и сомнѣніе уже стало невозможно. Несмотря на страшное измѣненіе лица, Левину стоило взглянуть въ эти живые, поднявшіеся на входившаго глаза, замѣтить легкое движеніе рта подъ слипшимися усами, чтобы понять ту страшную истину, что это мертвое тѣло было живой братъ.

Блестящіе глаза строго и укоризненно взглянули на входившаго брата. И тотчасъ этимъ взглядомъ установилось живое отношеніе между живыми. Левинъ тотчасъ же почувствовалъ укоризну въ устремленномъ на него взглядѣ и раскаяніе за свое счастіе.

Когда Константинъ взялъ его за руку, Николай улыбнулся. Улыбка была слабая, чуть замѣтная, и, несмотря на улыбку, строгое выраженіе глазъ не измѣнилось.

— Ты не ожидалъ меня найти такимъ,—съ трудомъ выговорилъ онъ.

— Да... нѣтъ, — говорилъ Левинъ, путаясь въ словахъ.— Какъ же ты не далъ знать прежде, то-есть во время еще моей свадьбы? Я наводилъ справки вездѣ.

Надо было говорить, чтобы не молчать, а онъ не зналъ, что́ говорить, тѣмъ болѣе что братъ ничего не отвѣчалъ, а только смотрѣлъ, не спуская глазъ, и очевидно вникалъ въ значеніе каждаго слова. Левинъ сообщилъ брату, что жена его пріѣхала съ нимъ. Николай выразилъ удовольствіе, но сказалъ, что боится испугать ее своимъ положеніемъ. Наступило молчаніе. Вдругъ Николай зашевелился и началъ что-то говорить. Левинъ ждалъ чего-нибудь особенно значительнаго и важнаго по

выраженію его лица, но Николай заговорилъ о своемъ здоровьѣ. Онъ обвинялъ доктора, жалѣлъ, что нѣтъ московскаго знаменитаго доктора, и Левинъ понялъ, что онъ все еще надѣялся.

Выбравъ первую минуту молчанія, Левинъ всталъ, желая избавиться хоть на минуту отъ мучительнаго чувства, и сказалъ, что пойдетъ приведетъ жену.

— Ну, хорошо, а я велю подчистить здѣсь. Здѣсь грязно и воняетъ, я думаю. Маша, убери здѣсь,—съ трудомъ сказалъ больной. — Да какъ уберешь, сама уйди,—прибавилъ онъ, вопросительно глядя на брата.

Левинъ ничего не отвѣтилъ. Выйдя въ коридоръ, онъ остановился. Онъ сказалъ, что приведетъ жену, но теперь, давъ себѣ отчетъ въ томъ чувствѣ, которое онъ испытывалъ, онъ рѣшилъ, что, напротивъ, постарается уговорить ее, чтобъ она не ходила къ больному. «За что ей мучиться, какъ я?» подумалъ онъ.

— Ну, что? какъ?—съ испуганнымъ лицомъ спросила Кити.

— Ахъ, это ужасно, ужасно! Зачѣмъ ты пріѣхала?—сказалъ Левинъ.

Кити помолчала нѣсколько секундъ, робко и жалостно глядя на мужа; потомъ подошла и обѣими руками взялась за его локоть.

— Костя, сведи меня къ нему, намъ легче будетъ вдвоемъ. Ты только сведи меня, сведи меня, пожалуйста, и уйди,—заговорила она.—Ты пойми, что мнѣ видѣть тебя и не видѣть его тяжелѣе гораздо. Тамъ я могу быть, можетъ быть, полезна тебѣ и ему. Пожалуйста, позволь!—умоляла она мужа, какъ будто счастіе жизни ея зависѣло отъ этого.

Левинъ долженъ былъ согласиться, и, оправившись и совершенно забывъ уже про Марью Николаевну, онъ опять съ Кити пошелъ къ брату.

Легко ступая и безпрестанно взглядывая на мужа и показывая ему храброе и сочувственное лицо, она вошла въ комнату больного и, неторопливо повернувшись, безшумно затворила дверь. Неслышными шагами она быстро подошла къ одру больного и, зайдя такъ, чтобъ ему не нужно было поворачивать головы, тотчасъ же взяла въ свою свѣжую, молодую руку остовъ его огромной руки, пожала ее и съ тою, только женщинамъ свойственною, неоскорбляющею и сочувствующею тихою оживленностью начала говорить съ нимъ.

— Мы встрѣчались, но не были знакомы, въ Соденѣ,—сказала она.—Вы не думали, что я буду ваша сестра.

— Вы бы не узнали меня,—сказалъ онъ съ просіявшею при ея входѣ улыбкой.

— Нѣтъ, я узнала бы. Какъ хорошо вы сдѣлали, что дали намъ знать! Не было дня, чтобы Костя не вспоминалъ о васъ и не безпокоился.

Но оживленіе больного продолжалось недолго.

Еще она не кончила говорить, какъ на лицѣ его установилось опять строгое, укоризненное выраженіе зависти умирающаго къ живому.

— Я боюсь, что вамъ здѣсь не совсѣмъ хорошо, — сказала она, отворачиваясь отъ его пристальнаго взгляда и оглядывая комнату.—Надо будетъ спросить у хозяина другую комнату,—сказала она мужу,—и потомъ чтобы намъ быть ближе.

XVIII.

Левинъ не могъ спокойно смотрѣть на брата, не могъ быть самъ естественъ и спокоенъ въ его присутствіи. Когда онъ входилъ къ больному, глаза и вниманіе его безсознательно застилались и онъ не видѣлъ и не различалъ подробностей положенія брата. Онъ слышалъ ужасный запахъ, видѣлъ грязь, безпорядокъ и мучительное положеніе и стоны и чувствовалъ, что помочь этому нельзя. Ему и въ голову не приходило подумать, чтобы разобрать всѣ подробности состоянія больного, подумать о томъ, какъ лежало тамъ, подъ одѣяломъ, это тѣло, какъ сгибаясь уложены были эти исхудалыя голени, кострецы, спина и нельзя ли какъ-нибудь лучше уложить ихъ, сдѣлать что-нибудь, чтобы было хоть не лучше, но менѣе дурно. Его морозъ пробиралъ по спинѣ, когда онъ начиналъ думать о всѣхъ этихъ подробностяхъ. Онъ былъ убѣжденъ несомнѣнно, что ничего сдѣлать нельзя ни для продленія жизни, ни для облегченія страданій. Но сознаніе того, что онъ признаетъ всякую помощь невозможной, чувствовалось больнымъ и раздражало его. И потому Левину было еще тяжелѣе. Быть въ комнатѣ больного было для него мучительно, не быть — еще хуже. И онъ безпрестанно подъ разными предлогами выходилъ и опять входилъ, не въ силахъ будучи оставаться однимъ.

Но Кити думала, чувствовала и дѣйствовала совсѣмъ не такъ. При видѣ больного ей стало жалко его. И жалость въ ея женской душѣ произвела совсѣмъ не то чувство ужаса и гадливости, которое она произвела въ ея мужѣ, а потребность дѣйствовать, узнать всѣ подробности его состоянія и помочь имъ. И такъ какъ въ ней не было ни малѣйшаго сомнѣнія, что она должна помочь ему, она не сомнѣвалась и въ томъ, что это можно,

и тотчасъ же принялась за дѣло. Тѣ самыя подробности, одна мысль о которыхъ приводила ея мужа въ ужасъ, тотчасъ же обратили ея вниманіе. Она послала за докторомъ, послала въ аптеку, заставила пріѣхавшую съ ней дѣвушку и Марью Николаевну мести, стирать пыль, мыть, что-то сама обмывала, промывала, что-то подкладывала подъ одѣяло. Что-то по ея распоряженію вносили и уносили изъ комнаты больного. Сама она нѣсколько разъ ходила въ свой нумеръ, не обращая вниманія на проходившихъ ей навстрѣчу господъ, доставала и приносила простыни, наволочки, полотенца, рубашки.

Лакей, подававшій въ общей залѣ обѣдъ инженерамъ, нѣсколько разъ съ сердитымъ лицомъ приходилъ на ея зовъ и не могъ не исполнить ея приказаній, такъ какъ она съ такою ласковою настоятельностью отдавала ихъ, что никакъ нельзя было уйти отъ нея. Левинъ не одобрялъ этого всего; онъ не вѣрилъ, чтобы изъ этого вышла какая-нибудь польза для больного. Болѣе же всего онъ боялся, чтобы больной не разсердился. Но больной, хотя, казалось, и былъ равнодушенъ къ этому, не сердился, а только стыдился, вообще же какъ будто интересовался тѣмъ, что она надъ нимъ дѣлала. Вернувшись отъ доктора, къ которому посылала его Кити, Левинъ, отворивъ дверь, засталъ больного въ ту минуту, когда ему, по распоряженію Кити, перемѣняли бѣлье. Длинный, бѣлый остовъ спины съ огромными, выдающимися лопатками и торчащими ребрами и позвонками былъ обнаженъ, и Марья Николаевна съ лакеемъ запутались въ рукавѣ рубашки и не могли направить въ него длинную, висѣвшую руку. Кити, поспѣшно затворившая дверь за Левинымъ, не смотрѣла въ ту сторону; но больной застоналъ, и она быстро направилась къ нему.

— Скорѣе же, — сказала она.

— Да не ходите, — проговорилъ сердито, больной — я самъ...

— Что говорите? — переспросила Марья Николаевна.

Но Кити разслышала и поняла, что ему совѣстно и непріятно было быть обнаженнымъ при ней.

— Я не смотрю, не смотрю!—сказала она, поправляя руку.— Марья Николаевна, а вы зайдите съ той стороны, поправьте,— прибавила она.

— Поди, пожалуйста, у меня въ маленькомъ мѣшочкѣ сткляночку,—обратилась она къ мужу,—знаешь, въ боковомъ карманчикѣ, принеси пожалуйста, а покуда здѣсь уберутъ совсѣмъ.

Вернувшись со стклянкой, Левинъ нашелъ уже больного уложеннымъ и все вокругъ него совершенно измѣненнымъ. Тяжелый запахъ замѣнился запахомъ уксуса съ духами, который,

выставивъ губы и раздувъ румяныя щеки, Кити прыскала въ трубочку. Пыли нигдѣ не было видно, подъ кроватью былъ коверъ. На столѣ стояли аккуратно стклянки, графинъ и сложено было нужное бѣлье и работа broderie anglaise Кити. На другомъ столѣ у кровати больного были питье, свѣча и порошки. Самъ больной, вымытый и причесанный, лежалъ на чистыхъ простыняхъ, на высоко поднятыхъ подушкахъ, въ чистой рубашкѣ съ бѣлымъ воротникомъ около неестественно тонкой шеи и съ новымъ выраженіемъ надежды, не спуская глазъ, смотрѣлъ на Кити.

Привезенный Левинымъ и найденный въ клубѣ докторъ былъ не тотъ, который лѣчилъ Николая Левина и которымъ тотъ былъ недоволенъ. Новый докторъ досталъ трубочку и прослушалъ больного, покачалъ головой, прописалъ лѣкарство и съ особенною подробностью объяснилъ сначала, какъ принимать лѣкарство, потомъ, какую соблюдать діэту. Онъ совѣтовалъ яйца сырыя или чуть свареныя и сельтерскую воду съ парнымъ молокомъ извѣстной температуры. Когда докторъ уѣхалъ, больной что-то сказалъ брату, но Левинъ разслышалъ только послѣднія слова: «твоя Катя», по взгляду же, которымъ онъ посмотрѣлъ на нее, Левинъ понялъ, что онъ хвалилъ ее. Онъ подозвалъ и Катю, какъ онъ звалъ ее.

— Мнѣ гораздо ужъ лучше,—сказалъ онъ.—Вотъ съ вами я бы давно выздоровѣлъ. Какъ хорошо!—Онъ взялъ ея руку и потянулъ ее къ своимъ губамъ, но, какъ бы боясь, что это ей непріятно будетъ, раздумалъ, выпустилъ и только погладилъ ее. Кити взяла эту руку обѣими руками и пожала ее.

— Теперь переложите меня на лѣвую сторону и идите спать,—проговорилъ онъ.

Никто не разслышалъ того, что онъ сказалъ, одна Кити поняла. Она понимала, потому что не переставая слѣдила мыслью за тѣмъ, что ему нужно было.

— На другую сторону, — сказала она мужу, — онъ спитъ всегда на той. Переложи его, непріятно звать слугъ. Я не могу. А вы не можете?—обратилась она къ Марьѣ Николаевнѣ.

— Я боюсь,—отвѣчала Марья Николаевна.

Какъ ни страшно было Левину обнять руками это страшное тѣло, взяться за тѣ мѣста подъ одѣяломъ, про которыя онъ хотѣлъ не знать, но, поддаваясь вліянію жены, Левинъ сдѣлалъ свое рѣшительное лицо, какое знала его жена, и, запустивъ руки, взялся, но, несмотря на свою силу, былъ пораженъ странною тяжестью этихъ изможденныхъ членовъ. Пока онъ поворачивалъ его, чувствуя свою шею обнятою огромною,

исхудалою рукой, Кити быстро, неслышно перевернула подушку, подбила ее и поправила голову больного и рѣдкіе его волосы, опять прилипшіе на вискѣ.

Больной удержалъ въ своей рукѣ руку брата. Левинъ чувствовалъ, что онъ хочетъ что-то сдѣлать съ его рукой и тянетъ ее куда-то. Левинъ отдавался замирая. Да, онъ притянулъ ее къ своему рту и поцѣловалъ. Левинъ затрясся отъ рыданія и, не въ силахъ ничего выговорить, вышелъ изъ комнаты.

XIX.

«Скрылъ отъ премудрыхъ и открылъ дѣтямъ и неразумнымъ», такъ думалъ Левинъ про свою жену, разговаривая съ ней въ этотъ вечеръ.

Левинъ думалъ объ евангельскомъ изреченіи не потому, чтобъ онъ считалъ себя премудрымъ. Онъ не считалъ себя премудрымъ, но не могъ не знать, что онъ былъ умнѣе жены и Агаѳьи Михайловны, и не могъ не знать того, что, когда онъ думалъ о смерти, онъ думалъ всѣми силами души. Онъ зналъ тоже, что многіе мужскіе большіе умы, мысли которыхъ объ этомъ онъ читалъ, думали объ этомъ и не знали одной сотой того, что знали объ этомъ его жена и Агаѳья Михайловна. Какъ ни различны были эти двѣ женщины, Агаѳья Михайловна и Катя, какъ ее называлъ братъ Николай и какъ теперь Левину было особенно пріятно называть ее, онѣ въ этомъ были совершенно похожи. Обѣ несомнѣнно знали, что̀ такое была жизнь и что̀ такое была смерть, и хотя никакъ не могли отвѣтить и не поняли бы даже тѣхъ вопросовъ, которые представлялись Левину, обѣ не сомнѣвались въ значеніи этого явленія и совершенно одинаково, не только между собой, но раздѣляя этотъ взглядъ съ милліонами людей, смотрѣли на это. Доказательство того, что онѣ знали твердо, что такое была смерть, состояло въ томъ, что онѣ, ни секунды не сомнѣваясь, знали, какъ надо дѣйствовать съ умирающими, и не боялись ихъ. Левинъ же и другіе, хотя и многое могли сказать о смерти, очевидно не знали, потому что боялись смерти и рѣшительно не знали, что дѣлать, когда люди умираютъ. Если бы Левинъ былъ теперь одинъ съ братомъ Николаемъ, онъ бы съ ужасомъ смотрѣлъ на него и еще съ бо̀льшимъ ужасомъ ждалъ, и больше ничего бы не умѣлъ сдѣлать.

Мало того, онъ не зналъ, что говорить, какъ смотрѣть, какъ ходить. Говорить о постороннемъ ему казалось оскорбительнымъ, нельзя; говорить о смерти, о мрачномъ — тоже нельзя.

Молчать—тоже нельзя. «Смотрѣть — онъ подумаетъ, что я изучаю его, боюсь; не смотрѣть—онъ подумаетъ, что я о другомъ думаю; ходить на цыпочкахъ—онъ будетъ недоволенъ; на всю ногу — совѣстно». Кити же очевидно не думала и не имѣла времени думать о себѣ; она думала о немъ, потому что знала что-то, и все выходило хорошо. Она и про себя разсказывала, и про свою свадьбу, и улыбалась, и жалѣла, и ласкала его, и говорила о случаяхъ выздоровленія, и все выходило хорошо; стало быть, она знала. Доказательствомъ того, что дѣятельность ея и Агаѳьи Михайловны была не инстинктивная, животная, неразумная, было то, что, кромѣ физическаго ухода, облегченія страданій, и Агаѳья Михайловна и Кити требовали для умирающаго еще чего-то такого, болѣе важнаго, чѣмъ физическій уходъ, и чего-то такого, что не имѣло ничего общаго съ условіями физическими. Агаѳья Михайловна, говоря объ умершемъ старикѣ, сказала: «Что жъ, слава Богу, причастили, соборовали, дай Богъ каждому такъ умереть». Катя точно такъ же, кромѣ всѣхъ заботъ о бѣльѣ, пролежняхъ, питьѣ, въ первый же день успѣла уговорить больного въ необходимости причаститься и собороваться./

Вернувшись отъ больного на ночь въ свои два нумера, Левинъ сидѣлъ, опустивъ голову, не зная, что дѣлать. Не говоря уже о томъ, чтобъ ужинать, устраиваться на ночлегъ, обдумывать, что они будутъ дѣлать, онъ даже и говорить съ женой не могъ: ему совѣстно было. Кити же, напротивъ, была дѣятельнѣе обыкновеннаго. Она даже была оживленнѣе обыкновеннаго. Она велѣла принести ужинать, сама разобрала вещи, сама помогла стлать постели и не забыла обсыпать ихъ персидскимъ порошкомъ. Въ ней были возбужденія и быстрота соображенія, которыя появляются у мужчинъ предъ сраженіемъ, борьбой, въ опасныя и рѣшительныя минуты жизни, — тѣ минуты, когда разъ навсегда мужчина показываетъ свою цѣну и то, что все прошедшее его было не даромъ, а приготовленіемъ къ этимъ минутамъ.

Все дѣло спорилось у нея, и еще не было двѣнадцати, какъ всѣ вещи были разобраны чисто, аккуратно, какъ-то такъ особенно, что нумеръ сталъ похожъ на домъ, на ея комнаты: постели постланы, щетки, гребни, зеркальца выложены, салфеточки постланы.

Левинъ находилъ, что непростительно ѣсть, спать, говорить даже теперь, и чувствовалъ, что каждое движеніе его было неприлично. Она же разбирала щеточки, но дѣлала все это такъ, что ничего въ этомъ оскорбительнаго не было.

Ѣсть, однако, они ничего не могли, и долго не могли заснуть, и даже долго не ложились спать.

— Я очень рада, что уговорила его завтра собороваться,— говорила она, сидя въ кофточкѣ предъ своимъ складнымъ зеркаломъ и расчесывая частымъ гребнемъ мягкіе душистые волосы. — Я никогда не видала этого, но знаю, мама мнѣ говорила, что тутъ молитвы объ исцѣленіи.

— Неужели ты думаешь, что онъ можетъ выздоровѣть?—сказалъ Левинъ, глядя на постоянно закрывавшійся, какъ только она впередъ проводила гребень, узкій рядъ назади ея круглой головки.

— Я спрашивала доктора: онъ сказалъ, что онъ не можетъ жить больше трехъ дней. Но развѣ они могутъ знать? Я всетаки очень рада, что уговорила его,—сказала она, косясь на мужа изъ-за волосъ.—Все можетъ быть,—прибавила она съ тѣмъ особеннымъ, нѣсколько хитрымъ выраженіемъ, которое на ея лицѣ всегда бывало, когда она говорила о религіи.

Послѣ ихъ разговора о религіи, когда они были еще женихомъ и невѣстой, ни онъ, ни она никогда не затѣвали разговора объ этомъ, но она исполняла свои обряды посѣщенія церкви, молитвы, всегда съ одинаковымъ спокойнымъ сознаніемъ, что это такъ нужно. Несмотря на его увѣренія въ противномъ, она была твердо увѣрена, что онъ такой же и еще лучше христіанинъ, чѣмъ она, и что все то, что онъ говоритъ объ этомъ, есть одна изъ его смѣшныхъ мужскихъ выходокъ, какъ то, что онъ говорилъ про broderie anglaise: будто добрые люди штопаютъ дыры, а она ихъ нарочно вырѣзываетъ, и т. п.

— Да, вотъ эта женщина, Марья Николаевна, не умѣла устроить всего этого,— сказалъ Левинъ.—И... долженъ признаться, что я очень, очень радъ, что ты пріѣхала. Ты такая чистота, что...—Онъ взялъ ея руку и не поцѣловалъ (цѣловать ея руку въ этой близости смерти ему казалось непристойнымъ), а только пожалъ ее, съ виноватымъ выраженіемъ глядя въ ея просвѣтлѣвшіе глаза.

— Тебѣ бы такъ мучительно было одному,—сказала она и, поднявъ высоко руки, которыя закрывали ея покраснѣвшія отъ удовольствія щеки, свернула на затылкѣ косы и зашпилила ихъ.—Нѣтъ,—продолжала она,—она не знала... Я, къ счастію, научилась многому въ Соденѣ.

— Неужели тамъ такіе же были больные?

— Хуже.

— Для меня ужасно то, что я не могу не видѣть его, какимъ онъ былъ молодымъ... Ты не повѣришь, какой онъ былъ прелестный юноша, но я не понималъ его тогда.

— Очень, очень вѣрю. Какъ, я чувствую, мы бы дружны *были* съ нимъ,—сказала она и испугалась за то, что̀ сказала, оглянулась на мужа, и слезы выступили ей на глаза.

— Да, *были бы*,—сказалъ онъ грустно.—Вотъ именно одинъ изъ тѣхъ людей, о которыхъ говорятъ, что они не для этого міра.

— Однако намъ много предстоитъ дней, надо ложиться,— сказала Кити, взглянувъ на свои крошечные часы.

XX.

СМЕРТЬ.

На другой день больного причастили и соборовали. Во время обряда Николай Левинъ горячо молился. Въ большихъ глазахъ его, устремленныхъ на поставленный на ломберномъ, покрытомъ цвѣтною салфеткой столѣ образъ, выражалась такая страстная мольба и надежда, что Левину было ужасно смотрѣть на это. Левинъ зналъ, что эта страстная мольба и надежда сдѣлаютъ только еще тяжелѣе для него разлуку съ жизнью, которую онъ такъ любилъ. Левинъ зналъ брата и ходъ его мыслей; онъ зналъ, что невѣріе его произошло не потому, что ему легче было жить безъ вѣры, но потому, что шагъ за шагомъ современно-научныя объясненія явленій міра вытѣснили вѣрованія, и потому онъ зналъ, что теперешнее возвращеніе его не было законное, совершившееся путемъ той же мысли, но было только временное, корыстное, съ безумною надеждой исцѣленія. Левинъ зналъ тоже, что Кити усилила эту надежду еще разсказами о слышанныхъ ею необыкновенныхъ исцѣленіяхъ. Все это зналъ Левинъ, и ему мучительно больно было смотрѣть на этотъ умоляющій, полный надежды взглядъ и на эту исхудалую кисть руки, съ трудомъ поднимающуюся и кладущую крестное знаменіе на туго-обтянутый лобъ, на эти выдающіеся плечи и хрипящую пустую грудь, которые уже не могли вмѣстить въ себѣ той жизни, о которой больной просилъ. Во время таинства Левинъ и дѣлалъ то, что онъ, невѣрующій, тысячу разъ дѣлалъ. Онъ говорилъ, обращаясь къ Богу: «сдѣлай, если Ты существуешь, то, чтобъ исцѣлился этотъ человѣкъ (вѣдь это самое повторялось много разъ), и Ты спасешь его и меня».

Послѣ помазанія больному стало вдругъ гораздо лучше. Онъ не кашлялъ ни разу въ продолженіе часа, улыбался, цѣловалъ руку Кити, со слезами благодаря ее, и говорилъ, что ему хорошо, нигдѣ не больно и что онъ чувствуетъ аппетитъ и силу. Онъ даже самъ поднялся, когда ему принесли супъ, и попро-

силъ еще котлету. Какъ ни безнадеженъ онъ былъ, какъ ни очевидно было при взглядѣ на него, что онъ не можетъ выздоровѣть, Левинъ и Кити находились этотъ часъ въ одномъ и томъ же счастливомъ и робкомъ, какъ бы не ошибиться, возбужденіи.

— Лучше?—Да, гораздо.—Удивительно.—Ничего нѣтъ удивительнаго.—Все-таки лучше,—говорили они шопотомъ, улыбаясь другъ другу.

Обольщеніе это было непродолжительно. Больной заснулъ спокойно, но черезъ полчаса кашель разбудилъ его. И вдругъ исчезли всѣ надежды и въ окружающихъ его, и въ немъ самомъ. Дѣйствительность страданія безъ сомнѣнія, даже безъ воспоминаній о прежнихъ надеждахъ, разрушила ихъ въ Левинѣ и Кити и въ самомъ больномъ.

Не понимая даже о томъ, чему онъ вѣрилъ полчаса назадъ, какъ будто совѣстно и вспоминать объ этомъ, онъ потребовалъ, чтобы ему дали іоду для вдыханія въ стклянкѣ, покрытой бумажкой съ проткнутыми дырочками. Левинъ подалъ ему банку, и тотъ же взглядъ страстной надежды, съ которою онъ соборовался, устремился теперь на брата, требуя отъ него подтвержденія словъ доктора о томъ, что вдыханія іода производятъ чудеса.

— Что, Кити нѣтъ? — прохрипѣлъ онъ оглядываясь, когда Левинъ неохотно подтвердилъ слова доктора. — Нѣтъ, такъ можно сказать... Для нея я продѣлалъ эту комедію. Она такая милая, но уже намъ съ тобою нельзя обманывать себя. Вотъ этому я вѣрю, — сказалъ онъ и, сжимая стклянку костлявою рукой, сталъ дышать надъ ней.

Въ восьмомъ часу вечера Левинъ съ женой пилъ чай въ своемъ нумерѣ, когда Марья Николаевна, запыхавшись прибѣжала къ нимъ. Она была блѣдна, и губы ея дрожали.—Умираетъ!—прошептала она.—Я боюсь, сейчасъ умретъ.

Оба побѣжали къ нему. Онъ, поднявшись, сидѣлъ, облокотившись рукой, на кровати, согнувъ свою длинную спину и низко опустивъ голову.

— Что ты чувствуешь?—спросилъ шопотомъ Левинъ послѣ молчанія.

— Чувствую, что отправляюсь,—съ трудомъ, но съ чрезвычайною опредѣленностью, медленно выжимая изъ себя слова, проговорилъ Николай. Онъ не поднималъ головы, но только направлялъ глаза вверхъ, не достигая ими лица брата.—Катя, уйди!—проговорилъ онъ еще.

Левинъ вскочилъ и повелительнымъ шопотомъ заставилъ ее выйти.

— Отправляюсь,—сказалъ онъ опять.

— Почему ты думаешь?—сказалъ Левинъ, чтобы сказать что-нибудь.

— Потому что отправляюсь,—какъ будто полюбивъ это выраженіе, повторилъ онъ. — Конецъ.

Марья Николаевна подошла къ нему.

— Вы бы легли, вамъ легче,—сказала она.

— Скоро буду лежать, — тихо проговорилъ онъ, — мертвый,—сказалъ онъ насмѣшливо, сердито.—Ну, положите, коли хотите.

Левинъ положилъ брата на спину, сѣлъ подлѣ него и не дыша глядѣлъ на его лицо. Умирающій лежалъ, закрывъ глаза, но на лбу его изрѣдка шевелились мускулы, какъ у человѣка, который глубоко и напряженно думаетъ. Левинъ невольно думалъ вмѣстѣ съ нимъ о томъ, чтò такое совершается теперь въ немъ, но, несмотря на всѣ усилія мысли, чтобъ идти съ нимъ вмѣстѣ, онъ видѣлъ по выраженію этого спокойнаго строгаго лица и игрѣ мускула надъ бровью, что для умирающаго уясняется и уясняется то, чтò все такъ же темно остается для Левина.

— Да, да, такъ,—съ разстановкой, медленно проговорилъ умирающій.—Постойте.—Опять онъ помолчалъ.—Такъ!—вдругъ успокоительно протянулъ онъ, какъ будто все разрѣшилось для него.—О Господи!—проговорилъ онъ и тяжело вздохнулъ.

Марья Николаевна пощупала его ноги.

— Холодѣютъ,—прошептала она.

Долго, очень долгò, какъ показалось Левину, больной лежалъ неподвижно. Но онъ все еще былъ живъ и изрѣдка вздыхалъ. Левинъ уже усталъ отъ напряженія мысли. Онъ чувствовалъ, что, несмотря на все напряженіе мысли, онъ не могъ понять то, что было *такъ*. Онъ чувствовалъ, что давно уже отсталъ отъ умирающаго. Онъ не могъ уже думать о самомъ вопросѣ смерти, но невольно ему приходили мысли о томъ, чтò теперь, сейчасъ придется ему дѣлать: закрывать глаза, одѣвать, заказывать гробъ. И, странное дѣло, онъ чувствовалъ себя совершенно холоднымъ и не испытывалъ ни горя, ни потери, ни еще меньше жалости къ брату. Если было у него чувство къ брату теперь, то скорѣе зависть за то знаніе, которое имѣетъ теперь умирающій, но котораго онъ не можетъ имѣть.

Онъ еще долго сидѣлъ такъ надъ нимъ, все ожидая конца. Но конецъ не приходилъ. Дверь отворилась, и показалась Кити. Левинъ всталъ, чтобъ остановить ее. Но въ то время, какъ онъ вставалъ, онъ услыхалъ движеніе мертвеца.

— Не уходи,—сказалъ Николай и протянулъ руку. Левинъ подалъ ему свою и сердито замахалъ женѣ, чтобъ она ушла.

Съ рукой мертвеца въ своей рукѣ онъ сидѣлъ полчаса, часъ, еще часъ. Онъ теперь уже вовсе не думалъ о смерти. Онъ думалъ о томъ, что дѣлаетъ Кити, кто живетъ въ сосѣднемъ нумерѣ, свой ли домъ у доктора. Ему захотѣлось ѣсть и спать. Онъ осторожно выпросталъ руку и ощупалъ ноги. Ноги были холодны, но больной дышалъ. Левинъ опять на цыпочкахъ хотѣлъ выйти, но больной опять зашевелился и сказалъ: «не уходи». . . . .

. . . .

Разсвѣло; положеніе больного было то же. Левинъ потихоньку выпросталъ руку, не глядя на умирающаго, ушелъ къ себѣ и заснулъ. Когда онъ проснулся, вмѣсто извѣстія о смерти брата, котораго онъ ждалъ, онъ узналъ, что больной пришелъ въ прежнее состояніе. Онъ опять сталъ садиться, кашлять, сталъ опять ѣсть, сталъ говорить и опять пересталъ говорить о смерти, опять сталъ выражать надежду на выздоровленіе и сдѣлался еще раздражительнѣе и мрачнѣе, чѣмъ прежде. Никто, ни братъ, ни Кити, не могли успокоить его. Онъ на всѣхъ сердился и всѣмъ говорилъ непріятности, всѣхъ упрекалъ въ своихъ страданіяхъ и требовалъ, чтобъ ему привезли знаменитаго доктора изъ Москвы. На всѣ вопросы, которые ему дѣлали о томъ, какъ онъ себя чувствуетъ, онъ отвѣчалъ одинаково съ выраженіемъ злобы и упрека: «страдаю ужасно, невыносимо!»

Больной страдалъ все больше и больше, въ особенности отъ пролежней, которые нельзя уже было залѣчить, и все больше и больше сердился на окружающихъ, упрекая ихъ во всемъ и въ особенности за то, что ему не привозили доктора изъ Москвы. Кити всячески старалась помочь ему, успокоить его, но все было напрасно, и Левинъ видѣлъ, что она сама и физически и нравственно была измучена, хотя и не признавалась въ этомъ. То чувство смерти, которое было вызвано во всѣхъ его прощаніемъ съ жизнью въ ту ночь, когда онъ призвалъ брата, было разрушено. Всѣ знали, что онъ неизбѣжно и скоро умретъ, что онъ наполовину мертвъ уже. Всѣ одного только желали, чтобъ онъ какъ можно скорѣе умеръ, и всѣ, скрывая это, давали ему изъ стклянки лѣкарства, искали лѣкарствъ, докторовъ и обманывали его, и себя, и другъ друга. Все это была ложь, гадкая, оскорбительная и кощунственная ложь. И эту ложь и по свойству своего характера, и потому, что онъ больше всѣхъ любилъ умирающаго, Левинъ особенно больно чувствовалъ.

Левинъ, котораго давно занимала мысль о томъ, чтобы помирить братьевъ хоть передъ смертью, писалъ брату Сергѣю Ивановичу и, получивъ отъ него отвѣтъ, прочелъ это письмо больному. Сергѣй Ивановичъ писалъ, что не можетъ самъ пріѣхать, но въ трогательныхъ выраженіяхъ просилъ прощенія у брата.

Больной ничего не сказалъ.

— Что же мнѣ писать ему?—спросилъ Левинъ.—Надѣюсь, ты не сердишься на него?

— Нѣтъ, нисколько!—съ досадой на этотъ вопросъ отвѣчалъ Николай.—Напиши ему, чтобъ онъ прислалъ ко мнѣ доктора.

Прошли еще мучительные три дня; больной былъ все въ томъ же положеніи. Чувство желанія его смерти испытывали теперь всѣ, кто только видѣлъ его: и лакеи гостиницы, и хозяинъ ея, и всѣ постояльцы, и докторъ, и Марья Николаевна, и Левинъ и Кити. Только одинъ больной не выражалъ этого чувства, а, напротивъ, сердился за то, что не привезли доктора, и продолжалъ принимать лѣкарство, и говорилъ о жизни. Только въ рѣдкія минуты, когда опіумъ заставлялъ его на мгновеніе забыться отъ непрестанныхъ страданій, онъ въ полуснѣ иногда говорилъ то, что сильнѣе, чѣмъ у всѣхъ другихъ, было въ его душѣ: «ахъ, хоть бы одинъ конецъ!» или: «когда это кончится!»

Страданія, равномѣрно увеличиваясь, дѣлали свое дѣло и приготовляли его къ смерти. Не было положенія, въ которомъ бы онъ не страдалъ, не было минуты, въ которую бы онъ забылся, не было мѣста, члена его тѣла, которые бы не болѣли, не мучили его. Даже воспоминанія, впечатлѣнія, мысли этого тѣла теперь уже возбуждали въ немъ такое же отвращеніе, какъ и самое тѣло. Видъ другихъ людей, ихъ рѣчи, свои собственныя воспоминанія — все это было для него только мучительно. Окружающіе чувствовали это и безсознательно не позволяли себѣ при немъ ни свободныхъ движеній, ни разговоровъ, ни выраженій своихъ желаній. Вся жизнь его сливалась въ одно чувство страданія и желанія избавиться отъ него.

Въ немъ очевидно совершался тотъ переворотъ, который долженъ былъ заставить его смотрѣть на смерть, какъ на удовлетвореніе его желаній, какъ на счастіе. Прежде каждое отдѣльное желаніе, вызванное страданіемъ или лишеніемъ, какъ голодъ, усталость, жажда, удовлетворялось отправленіемъ тѣла, дававшимъ наслажденіе, но теперь лишеніе и страданіе не получали удовлетворенія, а попытка удовлетворенія вызывала новое страданіе. И потому всѣ желанія сливались въ одно—желаніе

избавиться отъ всѣхъ страданій и ихъ источника, тѣла. Но для выраженія этого желанія освобожденія не было у него словъ, и потому онъ не говорилъ объ этомъ, а по привычкѣ требовалъ удовлетворенія тѣхъ желаній, которыя уже не могли быть исполнены. Переложите меня на другой бокъ,—говорилъ онъ и тотчасъ послѣ требовалъ, чтобы его положили какъ прежде.— Дайте бульону. Унесите бульонъ. Разскажите что-нибудь, что вы молчите.—И какъ только начинали говорить, онъ закрывалъ глаза и выражалъ усталость, равнодушіе и отвращеніе.

На десятый день послѣ пріѣзда въ городъ Кити заболѣла. У нея сдѣлалась головная боль, рвота, и она все утро не могла встать съ постели.

Докторъ объяснилъ, что болѣзнь произошла отъ усталости, волненія, и предписалъ ей душевное спокойствіе.

Послѣ обѣда, однако, Кити встала и пошла, какъ всегда, съ работой къ больному. Онъ строго посмотрѣлъ на нее, когда она вошла, и презрительно улыбнулся, когда она сказала, что была больна. Въ этотъ день онъ безпрестанно сморкался и жалобно стоналъ.

— Какъ вы себя чувствуете?—спросила она его.

— Хуже,—съ трудомъ выговорилъ онъ.—Больно!

— Гдѣ больно?

— Вездѣ.

— Нынче кончится, посмотрите,—сказала Марья Николаевна хотя и шопотомъ, но такъ, что больной, очень чуткій, какъ замѣчалъ Левинъ, долженъ былъ слышать ее. Левинъ зашикалъ на нее и оглянулся на больного. Николай слышалъ, но эти слова не произвели на него никакого впечатлѣнія. Взглядъ его былъ все тотъ же укоризненный и напряженный.

— Отчего вы думаете?—спросилъ Левинъ ее, когда она вышла за нимъ въ коридоръ.

— Сталъ обирать себя,—сказала Марья Николаевна.

— Какъ обирать?

— Вотъ такъ,—сказала она, обдергивая складки своего шерстяного платья. Дѣйствительно, Левинъ замѣтилъ, что во весь этотъ день больной хваталъ на себѣ и какъ будто хотѣлъ сдергивать что-то.

Предсказаніе Марьи Николаевны было вѣрно. Больной къ ночи уже былъ не въ силахъ поднимать рукъ и только смотрѣлъ предъ собой, не измѣняя внимательно сосредоточеннаго выраженія взгляда. Даже когда братъ или Кити наклонялись надъ нимъ, такъ, чтобъ онъ могъ ихъ видѣть, онъ такъ же смотрѣлъ. Кити послала за священникомъ, чтобы читать отходную.

Пока священникъ читалъ отходную, умирающій не показывалъ никакого признака жизни; глаза были закрыты. Левинъ, Кити и Марья Николаевна стояли у постели. Молитва еще не была дочтéна священникомъ, какъ умирающій потянулся, вздохнулъ и открылъ глаза. Священникъ, окончивъ молитву, приложилъ къ холодному лбу крестъ, потомъ медленно завернулъ его въ епитрахиль и, постоявъ еще молча минуты двѣ, дотронулся до похолодѣвшей и безкровной огромной руки.

— Кончился, — сказалъ священникъ и хотѣлъ отойти, но вдругъ слипшіеся усы мертвеца шевельнулись, и ясно въ тишинѣ послышались изъ глубины груди опредѣленно-рѣзкіе звуки:

— Не совсѣмъ... Скоро.

И черезъ минуту лицо просвѣтлѣло, подъ усами выступила улыбка, и собравшіяся женщины озабоченно принялись убирать покойника.

Видъ брата и близость смерти возобновили въ душѣ Левина то чувство ужаса предъ неразгаданностью и вмѣстѣ близостью и неизбѣжностью смерти, которое охватило его въ тотъ осенній вечеръ, когда пріѣхалъ къ нему братъ. Чувство это теперь было еще сильнѣе, чѣмъ прежде; еще менѣе, чѣмъ прежде, онъ чувствовалъ себя способнымъ понять смыслъ смерти, и еще ужаснѣе представлялась ему ея неизбѣжность, но теперь, благодаря близости жены, чувство это не приводило его въ отчаяніе: онъ, несмотря на смерть, чувствовалъ необходимость жить и любить. Онъ чувствовалъ, что любовь спасла его отъ отчаянія и что любовь эта подъ угрозой отчаянія становилась еще сильнѣе и чище.

Не успѣла на его глазахъ совершиться одна тайна смерти, остававшаяся неразгаданной, какъ возникла другая, столь же неразгаданная, вызывавшая къ любви и жизни.

Докторъ подтвердилъ свои предположенія насчетъ Кити. Нездоровье ея была беременность.

XXI.

Съ той минуты, какъ Алексѣй Александровичъ понялъ изъ объясненій съ Бетси и со Степаномъ Аркадьевичемъ, что отъ него требовалось только то, чтобы онъ оставилъ свою жену въ покоѣ не утруждая ее своимъ присутствіемъ, и что сама жена его желала этого, онъ почувствовалъ себя столь потеряннымъ, что не могъ ничего самъ рѣшить, не зналъ самъ, чего онъ хотѣлъ теперь, и, отдавшись въ руки тѣхъ, которые съ такимъ

удовольствіемъ занимались его дѣлами, на все отвѣчалъ согласіемъ. Только когда Анна уже уѣхала изъ его дома и англичанка прислала спросить его, должна ли она обѣдать съ нимъ или отдѣльно, онъ въ первый разъ понялъ ясно свое положеніе и ужаснулся ему.

Труднѣе всего въ этомъ положеніи было то, что онъ никакъ не могъ соединить и примирить своего прошедшаго съ тѣмъ, что̀ теперь было. Не то прошедшее, когда онъ счастливо жилъ съ женой, смущало его. Переходъ отъ того прошедшаго къ знанію о невѣрности жены онъ страдальчески пережилъ уже; состояніе это было тяжело, но было понятно ему. Если бы жена тогда, объявивъ о своей невѣрности, ушла отъ него, онъ былъ бы огорченъ, несчастливъ, но онъ не былъ бы въ томъ, для самого себя безвыходномъ, непонятномъ положеніи, въ какомъ онъ чувствовалъ себя теперь. Онъ не могъ теперь никакъ примирить свое недавнее прощеніе, свое умиленіе, свою любовь къ больной женѣ и чужому ребенку съ тѣмъ, что̀ теперь было, то-есть съ тѣмъ, что, какъ бы въ награду за все это, онъ теперь очутился одинъ, опозоренный, осмѣянный, никому ненужный и всѣми презираемый.

Первые два дня послѣ отъѣзда жены Алексѣй Александровичъ принималъ просителей, правителя дѣлъ, ѣздилъ въ комитетъ и выходилъ обѣдать въ столовую, какъ и обыкновенно. Не давая себѣ отчета, для чего онъ это дѣлаетъ, онъ всѣ силы своей души напрягалъ въ эти два дня только на то, чтобъ имѣть видъ спокойный и даже равнодушный. Отвѣчая на вопросы о томъ, какъ распорядиться съ вещами и комнатами Анны Аркадьевны, онъ дѣлалъ величайшія усилія надъ собой, чтобы имѣть видъ человѣка, для котораго случившееся событіе не было непредвидѣннымъ и не имѣетъ въ себѣ ничего выходящаго изъ ряда обыкновенныхъ событій, и онъ достигалъ своей цѣли: никто не могъ замѣтить въ немъ признаковъ отчаянія. Но на второй день послѣ отъѣзда, когда Корней подалъ ему счетъ изъ моднаго магазина, который забыла заплатить Анна, и доложилъ, что приказчикъ самъ тутъ, Алексѣй Александровичъ велѣлъ позвать приказчика.

— Извините, ваше превосходительство, что осмѣливаюсь безпокоить васъ. Но если прикажете обратиться къ ея превосходительству, то не благоволите ли сообщить ихъ адресъ.

Алексѣй Александровичъ задумался, какъ показалось приказчику, и вдругъ, повернувшись, сѣлъ къ столу. Опустивъ голову на руки, онъ долго сидѣлъ въ этомъ положеніи, нѣсколько разъ пытался заговорить и останавливался.

Понявъ чувства барина, Корней попросилъ приказчика придти въ другой разъ. Оставшись опять одинъ, Алексѣй Александровичъ понялъ, что онъ не въ силахъ болѣе выдержать роль твердости и спокойствія. Онъ велѣлъ отложить дожидавшуюся карету, никого не велѣлъ принимать и не вышелъ обѣдать.

Онъ почувствовалъ, что ему не выдержать того всеобщаго напора презрѣнія и ожесточенія, которыя онъ ясно видѣлъ на лицѣ и этого приказчика, и Корнея, и всѣхъ безъ исключенія, кого онъ встрѣчалъ въ эти два дня. Онъ чувствовалъ, что не можетъ отвратить отъ себя ненависти людей, потому что ненависть эта происходила не отъ того, что онъ былъ дуренъ (тогда бы онъ могъ стараться быть лучше), но отъ того, что онъ постыдно и отвратительно несчастливъ. Онъ зналъ, что за это, за то самое, что сердце его истерзано, они будутъ безжалостны къ нему. Онъ чувствовалъ, что люди уничтожатъ его, какъ собаки задушатъ истерзанную, визжащую отъ боли собаку. Онъ зналъ, что единственное спасеніе отъ людей—скрыть отъ нихъ свои раны, и онъ это безсознательно пытался дѣлать два дня, но теперь почувствовалъ себя уже не въ силахъ продолжать эту неравную борьбу.

Отчаяніе его еще усиливалось сознаніемъ, что онъ былъ совершенно одинокъ со своимъ горемъ. Не только въ Петербургѣ у него не было ни одного человѣка, кому бы онъ могъ высказать все, что испытывалъ, кто бы пожалѣлъ его не какъ высшаго чиновника, не какъ члена общества, но просто какъ страдающаго человѣка, но и нигдѣ у него не было такого человѣка.

Алексѣй Александровичъ росъ сиротой. Ихъ было два брата. Отца они не помнили, мать умерла, когда Алексѣю Александровичу было десять лѣтъ. Состояніе было маленькое. Дядя Каренинъ, важный чиновникъ и когда-то любимецъ покойнаго императора, воспиталъ ихъ.

Окончивъ курсы въ гимназіи и университетѣ съ медалями, Алексѣй Александровичъ съ помощью дяди тотчасъ сталъ на видную служебную дорогу и съ той поры исключительно отдался служебному честолюбію. Ни въ гимназіи, ни въ университетѣ, ни послѣ, на службѣ, Алексѣй Александровичъ не завязалъ ни съ кѣмъ дружескихъ отношеній. Братъ былъ ему самый близкій по душѣ человѣкъ, но онъ служилъ по министерству иностранныхъ дѣлъ, жилъ всегда за границей, гдѣ онъ и умеръ скоро послѣ женитьбы Алексѣя Александровича.

Во время его губернаторства тетка Анны, богатая губернская барыня, свела хоть не молодого уже человѣка, но молодого губернатора со своею племянницей и поставила его въ такое положеніе, что онъ долженъ былъ или высказаться, или уѣхать

изъ города. Алексѣй Александровичъ долго колебался. Столько же доводовъ было тогда за этотъ шагъ, сколько и противъ, и не было того рѣшительнаго повода, который бы заставилъ его измѣнить своему правилу: воздерживаться въ сомнѣніи; но тетка Анны внушила ему черезъ знакомаго, что онъ уже компрометировалъ дѣвушку и что долгъ чести обязываетъ его сдѣлать предложеніе. Онъ сдѣлалъ предложеніе и отдалъ невѣстѣ и женѣ все то чувство, на которое былъ способенъ.

Та привязанность, которую онъ испытывалъ къ Аннѣ, исключила въ его душѣ послѣднія потребности сердечныхъ отношеній къ людямъ. И теперь изъ всѣхъ его знакомыхъ у него не было никого близкаго. Много было того, что называется связями, но дружескихъ отношеній не было. Было у Алексѣя Александровича много такихъ людей, которыхъ онъ могъ позвать къ себѣ обѣдать, попросить объ участіи въ интересовавшемъ его дѣлѣ, о протекціи къ какому-нибудь искателю, съ которыми онъ могъ обсуждать откровенно дѣйствія другихъ лицъ и высшаго правительства, но отношенія къ этимъ лицамъ были заключены въ одну, твердо опредѣленную обычаемъ и привычкой область, изъ которой невозможно было выйти. Былъ одинъ университетскій товарищъ, съ которымъ онъ сблизился послѣ и съ которымъ онъ могъ бы поговорить о личномъ горѣ; но товарищъ этотъ былъ попечителемъ въ дальнемъ учебномъ округѣ. Изъ лицъ же, бывшихъ въ Петербургѣ, ближе и возможнѣе всѣхъ были правитель канцеляріи и докторъ.

Михаилъ Васильевичъ Слюдинъ, правитель дѣлъ, былъ простой, умный, добрый и нравственный человѣкъ, и въ немъ Алексѣй Александровичъ чувствовалъ личное къ себѣ расположеніе; но пятилѣтняя служебная ихъ дѣятельность положила между ними преграду для душевныхъ объясненій.

Алексѣй Александровичъ, окончивъ подписку бумагъ, долго молчалъ, взглядывая на Михаила Васильевича, и нѣсколько разъ пытался, но не могъ заговорить. Онъ приготовилъ уже фразу: «вы слышали о моемъ горѣ?», но кончилъ тѣмъ, что сказалъ, какъ и обыкновенно:—Такъ вы это приготовите мнѣ,—и съ тѣмъ отпустилъ его.

Другой человѣкъ былъ докторъ, который тоже былъ хорошо расположенъ къ нему; но между ними уже давно было молчаливымъ соглашеніемъ признано, что оба завалены дѣлами и обоимъ надо торопиться.

О женскихъ своихъ друзьяхъ и о первѣйшемъ изъ нихъ, о графинѣ Лидіи Ивановнѣ, Алексѣй Александровичъ не думалъ. Всѣ женщины, просто какъ женщины, были страшны и противны ему.

XXII.

Алексѣй Александровичъ забылъ о графинѣ Лидіи Ивановнѣ, но она не забыла его. Въ эту самую тяжелую минуту одинокаго отчаянія она пріѣхала къ нему и безъ доклада вошла въ его кабинетъ. Она застала его въ томъ положеніи, въ которомъ онъ сидѣлъ, опершись головой на обѣ руки.

— J'ai forcé la consigne,—сказала она, входя быстрыми шагами и тяжело дыша отъ волненія и быстраго движенія.—Я все слышала, Алексѣй Александровичъ, другъ мой!—продолжала она, крѣпко обѣими руками пожимая его руку и глядя ему въ глаза своими прекрасными задумчивыми глазами.

Алексѣй Александровичъ хмурясь привсталъ и, выпроставъ отъ нея руку, подвинулъ ей стулъ.

— Не угодно ли, графиня? Я не принимаю, потому что я боленъ, графиня,—сказалъ онъ, и губы его задрожали.

— Другъ мой!—повторила графиня Лидія Ивановна, не спуская съ него глазъ, и вдругъ брови ея поднялись внутренними сторонами, образуя треугольникъ на лбу; некрасивое желтое лицо ея стало еще некрасивѣе; но Алексѣй Александровичъ почувствовалъ, что она жалѣетъ его и готова плакать. И на него нашло умиленіе: онъ схватилъ ея пухлую руку и сталъ цѣловать ее.

— Другъ мой!—сказала она прерывающимся отъ волненія голосомъ,—вы не должны отдаваться горю. Горе ваше велико, но вы должны найти утѣшеніе.

— Я разбитъ, я убитъ, я не человѣкъ болѣе!—сказалъ Алексѣй Александровичъ, выпуская ея руку, но продолжая глядѣть въ ея наполненные слезами глаза. Положеніе мое тѣмъ ужасно, что я не нахожу нигдѣ, въ самомъ себѣ не нахожу точки опоры.

— Вы найдете опору, ищите ее не во мнѣ, хотя прошу васъ вѣрить въ мою дружбу,—сказала она со вздохомъ.—Опора наша есть любовь, та любовь, которую Онъ завѣщалъ намъ. Бремя Его легко, — сказала она съ тѣмъ восторженнымъ взглядомъ, который такъ зналъ Алексѣй Александровичъ.—Онъ поддержитъ васъ и поможетъ вамъ.

Несмотря на то, что въ этихъ словахъ было то умиленіе предъ своими высокими чувствами и было то, казавшееся Алексѣю Александровичу излишнимъ, новое восторженное, недавно распространившееся въ Петербургѣ мистическое настроеніе, Алексѣю Александровичу пріятно было это слышать теперь.

— Я слабъ. Я уничтоженъ. Я ничего не предвидѣлъ и теперь ничего не понимаю.

— Другъ мой!—повторяла Лидія Ивановна.

— Не потеря того, чего нѣтъ теперь, не это!—продолжалъ Алексѣй Александровичъ.—Я не жалѣю. Но я не могу не стыдиться предъ людьми за то положеніе, въ которомъ я нахожусь. Это дурно, но я не могу, я не могу.

— Не вы совершили тотъ высокій поступокъ прощенія, которымъ я восхищаюсь и всѣ, но Онъ, обитая въ вашемъ сердцѣ,—сказала графиня Лидія Ивановна, восторженно поднимая глаза,—и потому вы не можете стыдиться своего поступка.

Алексѣй Александровичъ нахмурился и, загнувъ руки, сталъ трещать пальцами.

— Надо знать всѣ подробности,—сказалъ онъ тонкимъ голосомъ.—Силы человѣка имѣютъ предѣлы, графиня, и я нашелъ предѣлъ своихъ. Цѣлый день нынче я долженъ былъ дѣлать распоряженія, распоряженія по дому, вытекавшія (онъ налегъ на слово *вытекавшія)* изъ моего новаго, одинокаго положенія. Прислуга, гувернантка, счеты... Этотъ мелкій огонь сжегъ меня, я не въ силахъ былъ выдержать. За обѣдомъ... я вчера едва не ушелъ отъ обѣда. Я не могъ перенести того, какъ сынъ мой смотрѣлъ на меня. Онъ не спрашивалъ меня о значеніи всего этого, но онъ хотѣлъ спросить, и я не могъ выдержать этого взгляда? Онъ боялся смотрѣть на меня, но этого мало...—Алексѣй Александровичъ хотѣлъ упомянуть про счетъ, который принесли ему, но голосъ его задрожалъ и онъ остановился. Про этотъ счетъ на синей бумагѣ за шляпку, ленты онъ не могъ вспомнить безъ жалости къ самому себѣ.

— Я понимаю, другъ мой!—сказала графиня Лидія Ивановна.—Я все понимаю. Помощь и утѣшеніе вы найдете не во мнѣ, но я все-таки пріѣхала только за тѣмъ, чтобы помочь вамъ, если могу. Если бы я могла снять съ васъ всѣ эти мелкія унижающія заботы... Я понимаю, что нужно женское слово, женское распоряженіе. Вы поручаете мнѣ?

Алексѣй Александровичъ молча и благодарно пожалъ ея руку.

— Мы вмѣстѣ займемся Сережей. Я не сильна въ практическихъ дѣлахъ. Но я возьмусь, я буду ваша экономка. Не благодарите меня. Я дѣлаю это не сама...

— Я не могу не благодарить.

— Но, другъ мой, не отдавайтесь этому чувству, о которомъ вы говорили,—стыдиться того, что есть высшая высота христіанина: *кто унижаетъ себя, тотъ возвысится.* И благодарить

меня вы не можете. Надо благодарить Его и просить Его о помощи. Въ Немъ одномъ мы найдемъ спокойствіе, утѣшеніе, спасеніе и любовь,—сказала она и, поднявъ глаза къ небу, начала молиться, какъ понялъ Алексѣй Александровичъ по ея молчанію.

Алексѣй Александровичъ слушалъ ее теперь, и тѣ выраженія, которыя прежде не то что были непріятны ему, а казались излишними, теперь показались естественны и утѣшительны. Алексѣй Александровичъ не любилъ этотъ новый восторженный духъ. Онъ былъ вѣрующій человѣкъ, интересовавшійся религіей преимущественно въ политическомъ смыслѣ, и новое ученіе, позволявшее себѣ нѣкоторыя новыя толкованія, потому именно, что оно открывало двери спору и анализу, по принципу было непріятно ему. Онъ прежде относился холодно и даже враждебно къ этому новому ученію и съ графиней Лидіей Ивановной, увлекавшейся имъ, никогда не спорилъ, а старательно обходилъ молчаніемъ ея вызовы. Теперь же въ первый разъ онъ слушалъ ея слова съ удовольствіемъ и внутренно не возражалъ имъ.

— Я очень, очень благодаренъ вамъ и за дѣла, и за слова ваши,—сказалъ онъ, когда она кончила молиться.

Графиня Лидія Ивановна еще разъ пожала обѣ руки своего друга.

— Теперь я приступаю къ дѣлу,—сказала она съ улыбкой, помолчавъ и отирая съ лица остатки слезъ.—Я иду къ Сережѣ. Только въ крайнемъ случаѣ я обращусь къ вамъ.—И она встала и вышла.

Графиня Лидія Ивановна пошла на половину Сережи и тамъ, обливая слезами щеки испуганнаго мальчика, сказала ему, что отецъ его святой и что мать его умерла.

Графиня Лидія Ивановна исполнила свое обѣщаніе. Она дѣйствительно взяла на себя всѣ заботы по устройству и веденію дома Алексѣя Александровича. Но она не преувеличивала, говоря, что она не сильна въ практическихъ дѣлахъ. Всѣ ея распоряженія надо было измѣнять, такъ какъ они были неисполнимы, и измѣнялись они Корнеемъ, камердинеромъ Алексѣя Александровича, который незамѣтно для всѣхъ повелъ теперь весь домъ Каренина и спокойно и осторожно во время одѣванья барина докладывалъ ему, что̀ было нужно. Но помощь Лидіи Ивановны все-таки была въ высшей степени дѣйствительна; она дала нравственную опору Алексѣю Александровичу въ сознаніи ея любви и уваженія къ нему, и въ особенности въ томъ, что, какъ ей утѣшительно было думать, она почти

обратила его въ христіанство, т.-е. изъ равнодушно и лѣниво вѣрующаго обратила его въ горячаго и твердаго сторонника того новаго объясненія христіанскаго ученія, которое распространилось въ послѣднее время въ Петербургѣ. Алексѣю Александровичу легко было убѣдиться въ этомъ объясненіи. Алексѣй Александровичъ, такъ же какъ и Лидія Ивановна и другіе люди, раздѣлявшіе ихъ воззрѣнія, былъ вовсе лишенъ глубины воображенія, той душевной способности, благодаря которой представленія, вызываемыя воображеніемъ, становятся такъ дѣйствительны, что требуютъ соотвѣтствія съ другими представленіями и съ дѣйствительностью. Онъ не видѣлъ ничего невозможнаго и несообразнаго въ представленіи о томъ, что смерть, существующая для невѣрующихъ, для него не существуетъ и что, такъ какъ онъ обладаетъ полнѣйшею вѣрой, судьей мѣры которой онъ самъ, то и грѣха ужъ нѣтъ въ его душѣ, и онъ испытываетъ здѣсь на землѣ уже полное спасеніе.

Правда, что легкость и ошибочность этого представленія о своей вѣрѣ смутно чувствовалась Алексѣю Александровичу и онъ зналъ, что, когда онъ, вовсе не думая о томъ, что его прощеніе есть дѣйствіе высшей силы, отдался этому непосредственному чувству, онъ испыталъ больше счастія, чѣмъ когда онъ, какъ теперь, каждую минуту думалъ, что въ его душѣ живетъ Христосъ и что, подписывая бумаги, онъ исполняетъ Его волю; но для Алексѣя Александровича было необходимо такъ думать, ему было такъ необходимо въ его униженіи имѣть ту, хотя бы и выдуманную, высоту, съ которой онъ, презираемый всѣми, могъ бы презирать другихъ, что онъ держался, какъ за спасеніе, за свое мнимое спасеніе.

XXIII.

Графиня Лидія Ивановна очень молодою восторженною дѣвушкой была выдана замужъ за богатаго, знатнаго, добродушнаго и распутнѣйшаго весельчака. На второй мѣсяцъ мужъ бросилъ ее и на восторженныя ея увѣренія въ нѣжности отвѣчалъ только насмѣшкой и даже враждебностью, которую люди, знавшіе и доброе сердце графа и не видѣвшіе никакихъ недостатковъ въ восторженной Лидіи, никакъ не могли объяснить себѣ. Съ тѣхъ поръ, хотя они не были въ разводѣ, они жили врозь, и когда мужъ встрѣчался съ женой, то всегда относился къ ней съ неизмѣнною ядовитою насмѣшкой, причину которой нельзя было понять.

Графиня Лидія Ивановна давно уже перестала быть влюбленною въ мужа, но никогда съ тѣхъ поръ не переставала быть влюбленною въ кого-нибудь. Она бывала влюблена въ нѣсколькихъ вдругъ, и въ мужчинъ и въ женщинъ; она бывала влюблена во всѣхъ почти людей, чѣмъ-нибудь особенно выдающихся. Она была влюблена во всѣхъ новыхъ принцессъ и принцевъ, вступавшихъ въ родство съ царскою фамиліей, была влюблена въ одного митрополита, въ одного викарнаго и одного священника, была влюблена въ одного журналиста, въ трехъ славянъ, въ Комисарова; въ одного министра, одного доктора, одного англійскаго миссіонера и въ Каренина. Всѣ эти любови, то ослабѣвая, то усиливаясь, не мѣшали ей въ веденіи самыхъ распространенныхъ и сложныхъ придворныхъ и свѣтскихъ отношеній. Но съ тѣхъ поръ какъ она, послѣ несчастія, постигшаго Каренина, взяла его подъ свое особенное покровительство, съ тѣхъ поръ какъ она потрудилась въ домѣ Каренина, заботясь о его благосостояніи, она почувствовала, что всѣ остальныя любови не настоящія, а что она истинно влюблена теперь въ одного Каренина. Чувство, которое она теперь испытывала къ нему, казалось ей сильнѣе всѣхъ прежнихъ чувствъ. Анализируя свое чувство и сравнивая его съ прежними, она ясно видѣла, что не была бы влюблена въ Комисарова, если бъ онъ не спасъ жизни государя, не была бы влюблена въ Ристичъ-Куджицкаго, если бы не было славянскаго вопроса, но что Каренина она любила за него самого, за его высокую непонятую душу, за милый для нея тонкій звукъ его голоса, съ его протяжными интонаціями, за его усталый взглядъ, за его характеръ и мягкія бѣлыя руки съ напухшими жилами. Она не только радовалась встрѣчѣ съ нимъ, но она искала на его лицѣ признаковъ того впечатлѣнія, которое она производила на него. Она хотѣла нравиться ему не только рѣчами, но и всею своею особой. Она для него занималась теперь своимъ туалетомъ больше, чѣмъ когда-нибудь прежде. Она заставала себя на мечтаніяхъ о томъ, что̀ было бы, если бъ она не была замужемъ и онъ былъ бы свободенъ. Она краснѣла отъ волненія, когда онъ входилъ въ комнату; она не могла удержать улыбку восторга, когда онъ говорилъ ей пріятное.

Уже нѣсколько дней графиня Лидія Ивановна находилась въ сильнѣйшемъ волненіи: она узнала, что Анна съ Вронскимъ въ Петербургѣ. Надо было спасти Алексѣя Александровича отъ свиданія съ нею, надо было спасти его даже отъ мучительнаго знанія того, что эта ужасная женщина находится въ одномъ городѣ съ нимъ, что онъ каждую минуту можетъ встрѣтить ее.

Лидія Ивановна черезъ своихъ знакомыхъ развѣдывала о томъ, что намѣрены дѣлать эти *отвратительные люди*, какъ она называла Анну съ Вронскимъ, и старалась руководить въ эти дни всѣми движеніями своего друга, чтобъ онъ не могъ встрѣтить ихъ. Молодой адъютантъ, пріятель Вронскаго, черезъ котораго она получала свѣдѣнія и который черезъ графиню Лидію Ивановну надѣялся получить концессію, сказалъ ей, что они кончили свои дѣла и уѣзжаютъ на другой день. Лидія Ивановна уже стала успокаиваться, какъ на другое же утро ей принесли записку, почеркъ которой она съ ужасомъ узнала. Это былъ почеркъ Анны Карениной. Конвертъ былъ изъ толстой, какъ лубокъ, бумаги; на продолговатой желтой бумагѣ была огромная монограмма, и отъ письма пахло прекрасно.

— Кто принесъ?

— Комиссіонеръ изъ гостиницы.

Графиня Лидія Ивановна долго не могла сѣсть, чтобы прочесть письмо. У нея отъ волненія сдѣлался припадокъ одышки, которой она былъ подвержена. Когда она успокоилась, она прочла слѣдующее французское письмо:

«Madame la Comtesse, христіанскія чувства, которыя наполняютъ ваше сердце, даютъ мнѣ, я чувствую, непростительную смѣлость писать вамъ. Я несчастна отъ разлуки съ сыномъ. Я умоляю о позволеніи видѣть его одинъ разъ передъ моимъ отъѣздомъ. Простите меня, что я напоминаю вамъ о себѣ. Я обращаюсь къ вамъ, а не къ Алексѣю Александровичу только потому, что не хочу заставить страдать этого великодушнаго человѣка воспоминаніемъ о себѣ. Зная вашу дружбу къ нему, вы поймете меня. Пришлете ли вы Сережу ко мнѣ, или мнѣ пріѣхать въ домъ въ извѣстный назначенный часъ, или вы мнѣ дадите знать, когда и гдѣ я могу его видѣть внѣ дома? Я не предполагаю отказа, зная великодушіе того, отъ кого это зависитъ. Вы не можете себѣ представить ту жажду его видѣть, которую я испытываю, и потому не можете представить ту благодарность, которую во мнѣ возбудитъ ваша помощь.

Анна».

Все въ этомъ письмѣ раздражило графиню Лидію Ивановну: и содержаніе, и намекъ на великодушіе, и въ особенности развязный, какъ ей показалось тонъ.

— Скажи, что отвѣта не будетъ,—сказала графиня Лидія Ивановна и тотчасъ, открывъ бюваръ, написала Алексѣю Александровичу, что надѣется видѣть его въ первомъ часу на поздравленіи во дворцѣ.

«Мнѣ нужно переговорить съ вами о важномъ и грустномъ дѣлѣ. Тамъ мы условимся—гдѣ. Лучше всего у меня, гдѣ я велю приготовить *вашъ* чай. Необходимо. Онъ налагаетъ крестъ, но Онъ даетъ и силы», прибавила она, чтобы хоть немного приготовить его.

Графиня Лидія Ивановна писала обыкновенно по двѣ и по три записки въ день Алексѣю Александровичу. Она любила этотъ процессъ сообщенія съ нимъ, имѣющій въ себѣ элегантность и таинственность, какихъ недоставало въ ея личныхъ сношеніяхъ.

XXIV.

Поздравленіе кончилось. Уѣзжавшіе, встрѣчаясь, переговаривались о послѣдней новости дня—вновь полученныхъ наградахъ и перемѣщеніи важныхъ служащихъ.

— Какъ бы графинѣ Марьѣ Борисовнѣ — военное министерство, а начальникомъ бы штаба княгиню Ватковскую,—говорилъ, обращаясь къ высокой красавицѣ-фрейлинѣ, спрашивавшей у него о перемѣщеніи, сѣдой старичокъ въ расшитомъ золотомъ мундирѣ.

— А меня въ адъютанты,—отвѣчала фрейлина улыбаясь.

— Вамъ ужъ есть назначеніе. Васъ по духовному вѣдомству. И въ помощники вамъ—Каренина.

— Здравствуйте, князь!—сказалъ старичокъ, пожимая руку подошедшему.

— Что вы про Каренина говорили?—сказалъ князь.

— Онъ и Путятовъ Александра Невскаго получили.

— Я думалъ, что у него ужъ есть.

— Нѣтъ. Вы взгляните на него,—сказалъ старичокъ, указывая расшитою шляпой на остановившагося въ дверяхъ залы съ однимъ изъ вліятельныхъ членовъ государственнаго совѣта Каренина въ придворномъ мундирѣ съ новою красною лентой черезъ плечо.—Счастливъ и доволенъ, какъ мѣдный грошъ,—прибавилъ онъ, останавливаясь, чтобы пожать руку атлетически-сложенному красавцу-камергеру.

— Нѣтъ, онъ постарѣлъ,—сказалъ камергеръ.

— Отъ заботъ. Онъ теперь все проекты пишетъ. Онъ теперь не отпуститъ несчастнаго, пока не изложитъ все по пунктамъ.

— Какъ постарѣлъ? Il fait des passions. Я думаю, графиня Лидія Ивановна ревнуетъ его теперь къ женѣ.

— Ну, что! Про графиню Лидію Ивановну, пожалуйста, не говорите дурного.

— Да развѣ это дурно, что она влюблена въ Каренина?

— А правда, что Каренина здѣсь?

— То-есть не здѣсь, во дворцѣ, а въ Петербургѣ. Я вчера встрѣтилъ ихъ съ Алексѣемъ Вронскимъ, bras dessus, bras dessous, на Морской.

— C'est un homme qui n'a pas...—началъ было камергеръ, но остановился, давая дорогу и кланяясь проходившей особѣ царской фамиліи.

Такъ не переставая говорили объ Алексѣѣ Александровичѣ, осуждая его и смѣясь надъ нимъ, между тѣмъ какъ онъ, заступивъ дорогу пойманному имъ члену государственнаго совѣта и ни на минуту не прекращая своего изложенія, чтобы не упустить его, по пунктамъ излагалъ ему финансовый проектъ.

Почти въ одно и то же время, какъ жена ушла отъ Алексѣя Александровича, съ нимъ случилось и самое горькое для служащаго человѣка событіе: прекращеніе восходящаго служебнаго движенія. Прекращеніе это совершилось, и всѣ ясно видѣли это, но самъ Алексѣй Александровичъ не сознавалъ еще того, что карьера его кончена. Столкновеніе ли со Стремовымъ, несчастіе ли съ женой, или просто то, что Алексѣй Александровичъ дошелъ до предѣла, который ему былъ предназначенъ, но для всѣхъ въ нынѣшнемъ году стало очевидно, что служебное поприще его кончено. Онъ еще занималъ важное мѣсто, онъ былъ членомъ многихъ комиссій и комитетовъ; но онъ былъ человѣкомъ, который весь вышелъ и отъ котораго ничего болѣе не ждутъ. Что бы онъ ни говорилъ, что бы ни предлагалъ, его слушали такъ, какъ будто то, что онъ предлагаетъ, давно уже извѣстно и есть то самое, чтò не нужно. Но Алексѣй Александровичъ не чувствовалъ этого и, напротивъ того, будучи устраненъ отъ прямого участія въ правительственной дѣятельности, яснѣе чѣмъ прежде видѣлъ теперь недостатки и ошибки въ дѣятельности другихъ и считалъ своимъ долгомъ указывать на средства къ исправленію ихъ. Вскорѣ послѣ своей разлуки съ женой онъ началъ писать свою первую записку о новомъ судѣ изъ безчисленнаго ряда никому ненужныхъ записокъ по всѣмъ отраслямъ управленія, которыя было суждено написать ему.

Алексѣй Александровичъ не только не замѣчалъ своего безнадежнаго положенія въ служебномъ мірѣ и не только не огорчался имъ, но больше чѣмъ когда-нибудь былъ доволенъ своею дѣятельностью.

«Женатый заботится о мірскомъ, какъ угодить женѣ, неженатый заботится о Господнемъ, какъ угодить Господу», говоритъ апостолъ Павелъ, и Алексѣй Александровичъ, во всѣхъ дѣлахъ

руководившійся теперь писаніемъ, часто вспоминалъ этотъ текстъ. Ему казалось, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ остался безъ жены, онъ этими самыми проектами болѣе служилъ Господу, чѣмъ прежде.

Очевидное нетерпѣніе члена совѣта, желавшаго уйти отъ него, не смущало Алексѣя Александровича; онъ пересталъ излагать, только когда членъ, воспользовавшись проходомъ лица царской фамиліи, ускользнулъ отъ него.

Оставшись одинъ, Алексѣй Александровичъ опустилъ голову, собирая мысли, потомъ разсѣянно оглянулся и пошелъ къ двери, у которой надѣялся встрѣтить графиню Лидію Ивановну.

«И какъ они всѣ сильны и здоровы физически», подумалъ Алексѣй Александровичъ, глядя на могучаго, съ расчесанными душистыми бакенбардами, камергера и на красную шею затянутаго въ мундирѣ князя, мимо которыхъ ему надо было пройти. «Справедливо сказано, что все въ мірѣ есть зло», подумалъ онъ косясь еще разъ на икры камергера.

Неторопливо передвигая ногами, Алексѣй Александровичъ съ обычнымъ видомъ усталости и достоинства поклонился этимъ господамъ, говорившимъ о немъ, и, глядя въ дверь, отыскивалъ глазами графиню Лидію Ивановну.

— А! Алексѣй Александровичъ!—сказалъ старичокъ, злобно блестя глазами, въ то время какъ Каренинъ поравнялся съ нимъ и холоднымъ жестомъ склонилъ голову.—Я васъ еще не поздравилъ,—сказалъ старичокъ, указывая на его новополученную ленту.

— Благодарю васъ,—отвѣчалъ Алексѣй Александровичъ.— Какой нынче *прекрасный* день,—прибавилъ онъ, по своей привычкѣ особенно налегая на словѣ «прекрасный».

Что они смѣялись надъ нимъ, онъ зналъ это, но онъ и не ждалъ отъ нихъ ничего, кромѣ враждебности; онъ уже привыкъ къ этому.

Увидавъ воздымающіяся изъ корсета желтыя плечи графини Лидіи Ивановны, вошедшей въ дверь, и зовущіе къ себѣ прекрасные задумчивые глаза ея, Алексѣй Александровичъ улыбнулся, открывъ неувядающіе бѣлые зубы, и подошелъ къ ней.

Туалетъ Лидіи Ивановны стоилъ ей большого труда, какъ и всѣ ея туалеты въ это послѣднее время. Цѣль ея туалета была теперь совсѣмъ обратная той, которую она преслѣдовала тридцать лѣтъ тому назадъ. Тогда ей хотѣлось украсить себя чѣмъ-нибудь, и чѣмъ больше, тѣмъ лучше. Теперь, напротивъ, она обязательно была такъ несоотвѣтственно годамъ и фигурѣ разукрашена, что заботилась лишь о томъ, чтобы противополож-

ность этихъ украшеній съ ея наружностью была не слишкомъ ужасна. И въ отношеніи Алексѣя Александровича она достигла этого и казалась ему привлекательной. Для него она была единственнымъ островомъ не только добраго къ нему расположенія, но любви среди моря враждебности и насмѣшки, которое окружало его.

Проходя сквозь строй насмѣшливыхъ взглядовъ, онъ естественно тянулся къ ея влюбленному взгляду, какъ растеніе къ свѣту.

— Поздравляю васъ,—сказала она ему, указывая глазами на ленту.

Сдерживая улыбку удовольствія, онъ пожалъ плечами, закрывъ глаза, какъ бы говоря, что это не можетъ радовать его. Графиня Лидія Ивановна знала хорошо, что это одна изъ его главныхъ радостей, хотя онъ и никогда не признается въ этомъ.

— Что нашъ ангелъ?—сказала графиня Лидія Ивановна, подразумѣвая Сережу.

— Не могу сказать, чтобъ я былъ вполнѣ доволенъ имъ,—поднимая брови и открывая глаза, сказалъ Алексѣй Александровичъ.—И Ситниковъ недоволенъ имъ. (Ситниковъ былъ педагогъ, которому было поручено свѣтское воспитаніе Сережи.) Какъ я говорилъ вамъ, есть въ немъ какая-то холодность къ тѣмъ самымъ главнымъ вопросамъ, которые должны трогать душу всякаго человѣка и всякаго ребенка,—началъ излагать свои мысли Алексѣй Александровичъ по единственному, кромѣ службы, интересовавшему его вопросу, воспитанію сына.

Когда Алексѣй Александровичъ съ помощью Лидіи Ивановны вновь вернулся къ жизни и дѣятельности, онъ почувствовалъ своею обязанностью заняться воспитаніемъ оставшагося на его рукахъ сына. Никогда прежде не занимавшись вопросами воспитанія, Алексѣй Александровичъ посвятилъ нѣсколько времени на теоретическое изученіе предмета. Прочтя нѣсколько книгъ антропологіи, педагогики и дидактики, Алексѣй Александровичъ составилъ себѣ планъ воспитанія и, пригласивъ лучшаго петербургскаго педагога для руководства, приступилъ къ дѣлу. И дѣло это постоянно занимало его.

— Да, но сердце? Я вижу въ немъ сердце отца, и съ такимъ сердцемъ ребенокъ не можетъ быть дуренъ,—сказала Лидія Ивановна съ восторгомъ.

— Да, можетъ быть... Что до меня, то я исполняю свой долгъ. Это все, что я могу сдѣлать.

— Вы пріѣдете ко мнѣ,—сказала графиня Лидія Ивановна, помолчавъ,—намъ надо поговорить о грустномъ для васъ дѣлѣ.

Я все бы дала, чтобъ избавить васъ отъ нѣкоторыхъ воспоминаній, но другіе не такъ думаютъ. Я получила отъ *нея* письмо. *Она* здѣсь, въ Петербургѣ.

Алексѣй Александровичъ вздрогнулъ при упоминаніи о женѣ, но тотчасъ же на лицѣ его установилась та мертвая неподвижность, которая выражала совершенную безпомощность въ этомъ дѣлѣ.

— Я ждалъ этого,—сказалъ онъ.

Графиня Лидія Ивановна посмотрѣла на него восторженно, и слезы восхищенія предъ величіемъ его души выступили на ея глаза.

XXV.

Когда Алексѣй Александровичъ вошелъ въ маленькій, уставленный стариннымъ фарфоромъ и увѣшанный портретами, уютный кабинетъ графини Лидіи Ивановны, самой хозяйки еще не было.

Она переодѣвалась.

На кругломъ столѣ была накрыта скатерть и стоялъ китайскій приборъ и серебряный спиртовой чайникъ. Алексѣй Александровичъ разсѣянно оглянулъ безчисленные знакомые портреты, украшавшіе кабинетъ, и, присѣвъ къ столу, раскрылъ лежавшее на немъ Евангеліе. Шумъ шелковаго платья графини развлекъ его.

— Ну вотъ, теперь мы сядемъ спокойно,—сказала графиня Лидія Ивановна, съ взволнованною улыбкой поспѣшно пролѣзая между столомъ и диваномъ,—и поговоримъ за нашимъ чаемъ.

Послѣ нѣсколькихъ словъ приготовленія графиня Лидія Ивановна, тяжело дыша и краснѣя, передала въ руки Алексѣя Александровича полученное ею письмо.

Прочтя письмо, онъ долго молчалъ.

— Я не полагаю, чтобъ я имѣлъ право отказать ей,—сказалъ онъ робко, поднявъ глаза.

— Другъ мой, вы ни въ комъ не видите зла!

— Я, напротивъ, вижу, что все есть зло. Но справедливо ли это...

Въ лицѣ его была нерѣшительность и исканіе совѣта, поддержки и руководства въ дѣлѣ для него непонятномъ.

— Нѣтъ,—перебила его графиня Лидія Ивановна.—Есть предѣлъ всему. Я понимаю безнравственность,—не совсѣмъ искренно сказала она, такъ какъ она никогда не могла понять того, что приводитъ женщинъ къ безнравственности,—но я не

понимаю жестокости, къ кому же? къ вамъ! Какъ оставаться въ томъ городѣ, гдѣ вы? Нѣтъ, вѣкъ живи—вѣкъ учись.. И я учусь понимать вашу высоту и ея низость.

— А кто бросить камень?—сказалъ Алексѣй Александровичъ, очевидно довольный своею ролью.—Я все простилъ и потому не могу лишать ее того, что есть потребность любви для нея,—любви къ сыну...

— Но любовь ли это, другъ мой? Искренно ли это? Положимъ, вы простили, вы прощаете... но имѣемъ ли мы право дѣйствовать на душу этого ангела? Онъ считаетъ ее умершею. Онъ молится за нее и проситъ Бога простить ея грѣхи... И такъ лучше. А тутъ что онъ будетъ думать?

— Я не думалъ объ этомъ,—сказалъ Алексѣй Александровичъ, очевидно соглашаясь.

Графиня Лидія Ивановна закрыла лицо руками и помолчала. Она молилась.

— Если вы спрашиваете моего совѣта,—сказала она, помолившись и открывая лицо,—то я не совѣтую вамъ дѣлать этого. Развѣ я не вижу, какъ вы страдаете, какъ это раскрыло всѣ ваши раны? Но, положимъ, вы, какъ всегда, забываете о себѣ. Но къ чему же это можетъ повести? Къ новымъ страданіямъ съ вашей стороны, къ мученіямъ для ребенка? Если въ ней осталось что-нибудь человѣческое, она сама не должна желать этого. Нѣтъ, я, не колеблясь, не совѣтую, и если вы разрѣшаете мнѣ, я напишу къ ней.

И Алексѣй Александровичъ согласился, и графиня Лидія Ивановна написала слѣдующее французское письмо:

«Милостивая государыня!

«Воспоминаніе о васъ для вашего сына можетъ повести къ вопросамъ съ его стороны, на которые нельзя отвѣчать, не вложивъ въ душу ребенка духа осужденія къ тому, что должно быть для него святыней, и потому прошу понять отказъ вашего мужа въ духѣ христіанской любви. Прошу Всевышняго о милосердіи къ вамъ.

Графиня Лидія».

Письмо это достигло той затаенной цѣли, которую графиня Лидія Ивановна скрывала отъ самой себя. Оно до глубины души оскорбило Анну.

Съ своей стороны Алексѣй Александровичъ, вернувшись отъ Лидіи Ивановны домой, не могъ въ этотъ день предаться своимъ обычнымъ занятіямъ и найти то душевное спокойствіе вѣрующаго и спасеннаго человѣка, которое онъ чувствовалъ прежде.

Воспоминаніе о женѣ, которая такъ много была виновата предъ нимъ и предъ которою онъ былъ такъ святъ, какъ справедливо говорила ему графиня Лидія Ивановна, не должно было бы смущать его; но онъ не былъ спокоенъ: онъ не могъ понимать книги, которую онъ читалъ, не могъ отогнать мучительныхъ воспоминаній о своихъ отношеніяхъ къ ней, о тѣхъ ошибкахъ, которыя онъ, какъ ему теперь казалось, сдѣлалъ относительно ея. Воспоминаніе о томъ, какъ онъ принялъ, возвращаясь со скачекъ, ея признаніе въ невѣрности (то въ особенности, что онъ требовалъ отъ нея только внѣшняго приличія, а не вызвалъ на дуэль), какъ раскаяніе мучило его. Также мучило его воспоминаніе о письмѣ, которое онъ написалъ ей; въ особенности его прощеніе, никому ненужное, и его заботы о чужомъ ребенкѣ жгли его сердце стыдомъ и раскаяніемъ.

И точно такое же чувство стыда и раскаянія онъ испытывалъ теперь, перебирая все свое прошедшее съ нею и вспоминая неловкія слова, которыми онъ послѣ долгихъ колебаній сдѣлалъ ей предложеніе.

«Но въ чемъ же я виноватъ?» говорилъ онъ себѣ. И этотъ вопросъ всегда вызывалъ въ немъ другой вопросъ,—о томъ, иначе ли чувствуютъ, иначе ли любятъ, иначе ли женятся эти другіе люди, эти Вронскіе, Облонскіе... эти камергеры съ толстыми икрами. И ему представлялся цѣлый рядъ этихъ сочныхъ, сильныхъ, несомнѣвающихся людей, которые невольно всегда и вездѣ обращали на себя его любопытное вниманіе. Онъ отгонялъ отъ себя эти мысли, онъ старался убѣждать себя, что онъ живетъ не для здѣшней временной жизни, а для вѣчной, что въ душѣ его находятся миръ и любовь. Но то, что онъ въ этой временной, ничтожной жизни сдѣлалъ, какъ ему казалось, нѣкоторыя ничтожныя ошибки, мучило его такъ, какъ будто и не было того вѣчнаго спасенія, въ которое онъ вѣрилъ. Но искушеніе это продолжалось недолго, и скоро опять въ душѣ Алексѣя Александровича возстановились то спокойствіе и та высота, благодаря которымъ онъ могъ забывать о томъ, чего не хотѣлъ помнить.

XXVI.

— Ну что, Капитонычъ?—сказалъ Сережа, румяный и веселый, возвратившись съ гулянья наканунѣ дня своего рожденія и отдавая свою сборчатую поддевку высокому, улыбающемуся на маленькаго человѣка съ высоты своего роста, старому швей-

цару.—Что, былъ сегодня подвязанный чиновникъ? Принялъ папа?

— Приняли. Только правитель вышли, я и доложилъ,—весело подмигнувъ, сказалъ швейцаръ.—Пожалуйте, я сниму.

— Сережа! — сказалъ славянинъ-гувернеръ, остановясь въ дверяхъ, ведшихъ во внутреннія комнаты, — сами снимите.

Но Сережа, хотя и слышалъ слабый голосъ гувернера, не обратилъ на него вниманія. Онъ стоялъ, держась рукой за перевязь швейцара, и смотрѣлъ ему въ лицо.

— Что жъ, и сдѣлалъ для него папа, что надо?

Швейцаръ утвердительно кивнулъ головой.

Подвязанный чиновникъ, ходившій уже семь разъ о чемъ-то просить Алексѣя Александровича, интересовалъ и Сережу, и швейцара. Сережа засталъ его разъ въ сѣняхъ и слышалъ, какъ онъ жалостно просилъ швейцара доложить о себѣ, говоря, что ему съ дѣтьми умирать приходится.

Съ тѣхъ поръ Сережа, другой разъ встрѣтивъ чиновника въ сѣняхъ, заинтересовался имъ.

— Что жъ, очень радъ былъ?—спрашивалъ онъ.

— Какъ же не радъ! Чуть не прыгаетъ пошелъ отсюда.

— А что-нибудь принесли?—спросилъ Сережа помолчавъ.

— Ну, сударь,—покачивая головой, шопотомъ сказалъ швейцаръ,—есть отъ графини.

Сережа тотчасъ понялъ, что то, о чемъ говорилъ швейцаръ, былъ подарокъ отъ графини Лидіи Ивановны къ его рожденію.

— Что ты говоришь? Гдѣ?

— Къ папѣ Корней внесъ. Должно, хороша штучка!

— Какъ велико? Этакъ будетъ?

— Поменьше, да хороша.

— Книжка?

— Нѣтъ, штука. Идите, идите, Василій Лукичъ зоветъ,—сказалъ швейцаръ, слыша приближавшіеся шаги гувернера и осторожно расправляя ручку въ до половины снятой перчаткѣ, державшую его за перевязь, и подмигивая головой на Вунича.

— Василій Лукичъ, сію минуточку! — отвѣчалъ Сережа съ тою веселою и любящею улыбкой, которая всегда побѣждала исполнительнаго Василія Лукича.

Сережѣ было слишкомъ весело, слишкомъ все было счастливо, чтобъ онъ могъ не подѣлиться со своимъ другомъ швейцаромъ еще семейною радостью, про которую онъ узналъ на гуляньи въ Лѣтнемъ саду отъ племянницы графини Лидіи Ивановны. Радость эта особенно важна казалась ему по совпаденію

съ радостью чиновника и своею радостью о томъ, что принесли игрушки. Сережѣ казалось, что нынче такой день, въ который всѣ должны быть рады и веселы.

— Ты знаешь, папа получилъ Александра Невскаго?

— Какъ не знать! Ужъ пріѣзжали поздравлять.

— Что жъ, онъ радъ?

— Какъ царской милости не радоваться. Значитъ, заслужилъ,—сказалъ швейцаръ строго и серьезно.

Сережа задумался, вглядываясь въ изученное до малѣйшихъ подробностей лицо швейцара, въ особенности въ подбородокъ, висѣвшій между сѣдыми бакенбардами, котораго никто не видалъ, кромѣ Сережи, смотрѣвшаго на него всегда не иначе, какъ снизу.

— Ну, а твоя дочь давно была у тебя?

Дочь швейцара была балетная танцовщица.

— Когда же ходить по буднямъ? У нихъ тоже ученье. И вамъ ученье, сударь, идите.

Придя въ комнату, Сережа, вмѣсто того чтобы сѣсть за уроки, разсказалъ учителю свое предположеніе о томъ, что то, что принесли, должно быть машина.

— Какъ вы думаете?—спросилъ онъ.

Но Василій Лукичъ думалъ только о томъ, что надо учить урокъ грамматики для учителя, который придетъ въ два часа.

— Нѣтъ, вы мнѣ только скажите, Василій Лукичъ,—спросилъ онъ вдругъ, уже сидя за рабочимъ столомъ и держа въ рукахъ книгу,—что больше Александра Невскаго? Вы знаете, папа получилъ Александра Невскаго?

Василій Лукичъ отвѣчалъ, что больше Александра Невскаго есть Владиміръ.

— А выше?

— А выше всего Андрей Первозванный.

— А выше еще Андрея?

— Я не знаю.

— Какъ, и вы не знаете?—и Сережа, облокотившись на руки, углубился въ размышленія.

Размышленія его были самыя сложныя и разнообразныя. Онъ соображалъ о томъ, какъ отецъ его получитъ вдругъ и Владиміра и Андрея, и какъ онъ вслѣдствіе этого нынче на урокѣ будетъ гораздо добрѣе, и какъ онъ самъ, когда будетъ большой, получитъ всѣ ордена и то, что выдумаютъ выше Андрея. Только что выдумаютъ, а онъ заслужитъ. Они еще выше выдумаютъ, а онъ сейчасъ и заслужитъ.

Въ такихъ размышленіяхъ прошло время, и когда учитель пришелъ, урокъ объ обстоятельствахъ времени и мѣста и образа дѣйствія былъ не готовъ, и учитель былъ не только недоволенъ, но и огорченъ. Это огорченіе учителя тронуло Сережу. Онъ чувствовалъ себя невиноватымъ за то, что не выучилъ урока; какъ бы онъ ни старался, онъ рѣшительно не могъ этого сдѣлать; покуда учитель толковалъ ему, онъ вѣрилъ и какъ будто понималъ, но какъ только онъ оставался одинъ, онъ рѣшительно не могъ вспомнить и понять, что коротенькое и такое понятное слово «вдругъ» есть *обстоятельство образа дѣйствія;* но все-таки ему жалко было то, что онъ огорчилъ учителя.

Онъ выбралъ минуту, когда учитель молча смотрѣлъ въ книгу.

— Михаилъ Иванычъ, когда бываютъ ваши именины?—спросилъ онъ вдругъ.

— Вы бы лучше думали о своей работѣ, а именины никакого значенія не имѣютъ для разумнаго существа. Такой же день, какъ и другіе, въ которые надо работать.

Сережа внимательно посмотрѣлъ на учителя, на его рѣдкую бородку, на очки, которыя спустились ниже зарубки, бывшей на носу, и задумался такъ, что уже ничего не слыхалъ изъ того, что ему объяснялъ учитель. Онъ понималъ, что учитель не думаетъ того, что говоритъ, онъ это чувствовалъ по тону, которымъ это было сказано. «Но для чего они всѣ сговорились это говорить все однимъ манеромъ, все самое скучное и ненужное? Зачѣмъ онъ отталкиваетъ меня отъ себя, за что онъ не любитъ меня?» спрашивалъ онъ себя съ грустью и не могъ придумать отвѣта.

XXVII.

Послѣ учителя былъ урокъ отца. Пока отецъ не приходилъ, Сережа сѣлъ къ столу, играя ножичкомъ, и сталъ думать. Въ числѣ любимыхъ занятій Сережи было отыскиваніе своей матери во время гулянья. Онъ не вѣрилъ въ смерть вообще и въ особенности въ ея смерть, несмотря на то, что Лидія Ивановна сказала ему и отецъ подтвердилъ это, и потому, и послѣ того какъ ему сказали, что она умерла, онъ во время гулянья отыскивалъ ее. Всякая женщина полная, граціозная, съ темными волосами была его мать. При видѣ такой женщины въ душѣ его поднималось чувство нѣжности такое, что онъ задыхался и слезы выступали на глаза. И онъ вотъ-вотъ ждалъ что она подойдетъ къ нему, подниметъ вуаль. Все лицо ея будетъ видно, она улыбнется, обниметъ его, онъ услышитъ ея запахъ, почув-

ствуетъ нѣжность ея руки и заплачетъ счастливо, какъ онъ разъ вечеромъ легъ ей въ ноги и она щекотала его, а онъ хохоталъ и кусалъ ея бѣлую съ кольцами руку. Потомъ, когда онъ узналъ случайно отъ няни, что мать его не умерла, и отецъ съ Лидіей Ивановной объяснили ему, что она умерла для него, потому что она нехорошая (чему онъ уже никакъ не могъ вѣрить, потому что любилъ ее), онъ точно такъ же отыскивалъ и ждалъ ее. Нынче въ Лѣтнемъ саду была одна дама въ лиловой вуали, за которой онъ съ замираніемъ сердца, ожидая, что это она, слѣдилъ въ то время, какъ одна подходила къ нимъ по дорожкѣ. Дама эта не дошла до нихъ и куда-то скрылась. Нынче сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь, Сережа чувствовалъ приливы любви къ ней и теперь, забывшись, ожидая отца, изрѣзалъ весь край стола ножичкомъ, блестящими глазами глядя предъ собой и думая о ней.

— Папа идетъ,—развлекъ его Василій Лукичъ.

Сережа вскочилъ, подошелъ къ отцу и, поцѣловавъ его руку, поглядѣлъ на него внимательно, отыскивая признаковъ радости въ полученіи Александра Невскаго.

— Ты гулялъ хорошо?—сказалъ Алексѣй Александровичъ, садясь на свое кресло, подвигая къ себѣ книгу Ветхаго завѣта и открывая ее. Несмотря на то, что Алексѣй Александровичъ не разъ говорилъ Сережѣ, что всякій христіанинъ долженъ твердо знать священную исторію, онъ самъ въ Ветхомъ завѣтѣ часто справлялся съ книгой, и Сережа замѣтилъ это.

— Да, очень весело было, папа,—сказалъ Сережа, садясь бокомъ на стулѣ и качая его, что было запрещено.—Я видѣлъ Наденьку. (Наденька была воспитывавшаяся у Лидіи Ивановны ея племенница). Она мнѣ сказала, что вамъ дали звѣзду новую. Вы рады, папа?

— Во-первыхъ, не качайся пожалуйста,—сказалъ Алексѣй Александровичъ.—А во-вторыхъ, дорога не награда, а трудъ. И я желалъ бы, чтобы ты понималъ это. Вотъ если ты будешь трудиться, учиться для того, чтобы получить награду, то трудъ тебѣ покажется тяжелъ; но когда ты трудишься (говорилъ Алексѣй Александровичъ, вспоминая, какъ онъ поддерживалъ себя сознаніемъ долга при скучномъ трудѣ нынѣшняго утра, состоявшемъ въ подписаніи ста восемнадцати бумагъ), любя трудъ, ты въ немъ найдешь для себя награду.

Блестящіе нѣжностью и весельемъ глаза Сережи потухли и опустились подъ взглядомъ отца. Это былъ тотъ самый давно знакомый тонъ, съ которымъ отецъ всегда относился къ нему и къ которому Сережа научился уже поддѣлываться. Отецъ

всегда говорилъ съ нимъ—такъ чувствовалъ Сережа—какъ будто онъ обращался къ какому-то воображаемому имъ мальчику, одному изъ такихъ, какіе бываютъ въ книжкахъ, но совсѣмъ не похожему на Сережу. И Сережа всегда съ отцомъ старался притворяться этимъ самымъ книжнымъ мальчикомъ.

— Ты понимаешь это, я надѣюсь!—сказалъ отецъ.

— Да, папа,—отвѣчалъ Сережа, притворяясь воображаемымъ мальчикомъ.

Урокъ состоялъ въ выучиваніи наизусть нѣсколькихъ стиховъ изъ Евангелія и повторенія начала Ветхаго завѣта. Стихи изъ Евангелія Сережа зналъ порядочно, но въ ту минуту, какъ онъ говорилъ ихъ, онъ заглядѣлся на кость лба отца, которая загибалась такъ круто у виска, что онъ запутался и конецъ одного стиха на одинаковомъ словѣ переставилъ къ началу другого. Для Алексѣя Александровича было очевидно, что онъ не понималъ того, что говорилъ, и это раздражило его.

Онъ нахмурился и началъ объяснять то, что̀ Сережа уже много разъ слышалъ и никогда не могъ запомнить, потому что слишкомъ ясно понималъ,—въ родѣ того, что «вдругъ» есть обстоятельство образа дѣйствія. Сережа испуганнымъ взглядомъ смотрѣлъ на отца и думалъ только объ одномъ: заставитъ или нѣтъ отецъ повторить то, что онъ сказалъ, какъ это иногда бывало. И эта мысль такъ пугала Сережу, что онъ уже ничего не понималъ. Но отецъ не заставилъ повторить и перешелъ къ уроку изъ Ветхаго завѣта. Сережа разсказалъ хорошо самыя событія, но, когда надо было отвѣчать на вопросы о томъ, что прообразовали нѣкоторыя событія, онъ ничего не зналъ, несмотря на то, что былъ уже наказанъ за этотъ урокъ. Мѣсто же, гдѣ онъ уже ничего не могъ сказать и мялся, и рѣзалъ столъ, и качался на стулѣ, было то, гдѣ ему надо было сказать о допотопныхъ патріархахъ. Изъ нихъ онъ никого не зналъ, кромѣ Еноха, взятаго живымъ на небо. Прежде онъ помнилъ имена, но теперь забылъ совсѣмъ, въ особенности потому, что Енохъ былъ любимое его лицо изъ всего Ветхаго завѣта и ко взятію Еноха живымъ на небо въ головѣ его привязывался цѣлый длинный ходъ мысли, которому онъ и предался теперь, остановившимися глазами глядя на цѣпочку часовъ отца и до половины застегнутую пуговицу жилета.

Въ смерть, про которую ему такъ часто говорили, Сережа не вѣрилъ совершенно. Онъ не вѣрилъ въ то, что любимые имъ люди могутъ умереть, и въ особенности въ то, что онъ самъ умретъ. Это было для него совершенно невозможно и непонятно. Но ему говорили, что всѣ умрутъ; онъ спрашивалъ даже лю-

дей, которымъ вѣрилъ, и тѣ подтверждали это: няня тоже говорила, хоть неохотно. Но Енохъ не умеръ, стало быть, не всѣ умираютъ. «И почему же и всякій не можетъ такъ же заслужить предъ Богомъ и быть взятъ живымъ на небо?» думалъ Сережа. Дурные, то-есть тѣ, которыхъ Сережа не любитъ, тѣ могли умереть, но хорошіе всѣ могутъ быть какъ Енохъ.

— Ну, такъ какіе же патріархи?

— Енохъ, Еносъ.

— Да ужъ это ты говорилъ. Дурно, Сережа, очень дурно. Если ты не стараешься узнать того, что нужнѣе всего для христіанина,—сказалъ отецъ вставая,—то что же можетъ занимать тебя? Я недоволенъ тобой, и Петръ Игнатьевичъ (это былъ главный педагогъ) недоволенъ тобой... Я долженъ наказать тебя.

Отецъ и педагогъ были оба недовольны Сережей, и, дѣйствительно, онъ учился очень дурно. Но никакъ нельзя было сказать, чтобы онъ былъ неспособный мальчикъ. Напротивъ, онъ былъ много способнѣе тѣхъ мальчиковъ, которыхъ педагогъ ставилъ въ примѣръ Сережѣ. Съ точки зрѣнія отца, онъ не хотѣлъ учиться тому, чему его учили. Въ сущности же онъ не могъ этому учиться. Онъ не могъ потому, что въ душѣ его были требованія, болѣе для него обязательныя, чѣмъ тѣ, которыя заявляли отецъ и педагогъ. Эти требованія были въ противорѣчіи, и онъ прямо боролся со своими воспитателями.

Ему было девять лѣтъ, онъ былъ ребенокъ; но душу свою онъ зналъ, она была дорога ему, онъ берегъ ее, какъ вѣко бережетъ глазъ, и безъ ключа любви никого не пускалъ въ свою душу. Воспитатели его жаловались, что онъ не хотѣлъ учиться, а душа его была переполнена жаждой познанія. И онъ учился у Капитоныча, у няни, у Наденьки, у Василія Лукича, а не у учителей. Та вода, которую отецъ и педагогъ ждали на свои колеса, давно уже просочилась и работала въ другомъ мѣстѣ.

Отецъ наказалъ Сережу, не пустивъ его къ Наденькѣ, племянницѣ Лидіи Ивановны; но это наказаніе оказалось къ счастію для Сережи. Василій Лукичъ былъ въ духѣ и показалъ ему, какъ дѣлать вѣтряныя мельницы. Цѣлый вечеръ прошелъ за работой и мечтами о томъ, какъ можно сдѣлать такую мельницу, чтобы на ней вертѣться: схватиться руками за крылья или привязать себя и вертѣться. О матери Сережа не думалъ весь вечеръ, но, уложившись въ постель, онъ вдругъ вспомнилъ о ней и помолился своими словами о томъ, чтобы мать его завтра, къ его рожденію, перестала скрываться и пришла къ нему.

— Василій Лукичъ, знаете, о чемъ я лишнее не въ счетъ помолился?

— Чтобы учиться лучше?

— Нѣтъ.

— Игрушки?

— Нѣтъ. Не угадаете. Отличное, но секретъ! Когда сбудется, я вамъ скажу. Не угадали?

— Нѣтъ, я не угадаю. Вы скажите,—сказалъ Василій Лукичъ улыбаясь, что съ нимъ рѣдко бывало.—Ну, ложитесь, я тушу свѣчку.

— А мнѣ безъ свѣчки виднѣе то, что я вижу и о чемъ я молился. Вотъ чуть было не сказалъ секретъ!—весело засмѣявшись, сказалъ Сережа.

Когда унесли свѣчу, Сережа слышалъ и чувствовалъ свою мать. Она стояла надъ нимъ и ласкала его любовнымъ взглядомъ. Но явились мельницы, ножикъ, все смѣшалось—и онъ заснулъ.

XXVIII.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, Вронскій съ Анной остановились въ одной изъ лучшихъ гостиницъ. Вронскій отдѣльно, въ нижнемъ этажѣ, Анна наверху съ ребенкомъ, кормилицей и дѣвушкой, въ большомъ отдѣленіи, состоящемъ изъ четырехъ комнатъ.

Въ первый же день пріѣзда Вронскій поѣхалъ къ брату. Тамъ онъ засталъ пріѣхавшую изъ Москвы по дѣламъ мать. Мать и невѣстка встрѣтили его какъ обыкновенно; онѣ разспрашивали его о поѣздкѣ за границу, говорили объ общихъ знакомыхъ, но ни словомъ не упомянули о его связи съ Анной. Братъ же, на другой день пріѣхавъ утромъ къ Вронскому, самъ спросилъ его о ней. И Алексѣй Вронскій прямо сказалъ ему, что онъ смотритъ на свою связь съ Карениной какъ на бракъ, что онъ надѣется устроить разводъ и тогда женится на ней, а до тѣхъ поръ считаетъ ее такою же своею женой, какъ и всякую другую жену, и проситъ его такъ передать матери и своей женѣ.

— Если свѣтъ не одобряетъ этого, то мнѣ все равно,—сказалъ Вронскій,—но если родные мои хотятъ быть въ родственныхъ отношеніяхъ со мной, то они должны быть въ такихъ же отношеніяхъ съ моей женой.

Старшій братъ, всегда уважавшій сужденія младшаго, не зналъ хорошенько, правъ ли онъ или нѣтъ, до тѣхъ поръ, пока свѣтъ не рѣшилъ этого вопроса; самъ же съ своей стороны

ничего не имѣлъ противъ этого и вмѣстѣ съ Алексѣемъ пошелъ къ Аннѣ.

Вронскій при братѣ говорилъ, какъ и при всѣхъ, Аннѣ *вы* и обращался съ нею, какъ съ близкою знакомой, но было подразумѣваемо, что братъ знаетъ ихъ отношенія, и говорилось о томъ, что Анна ѣдетъ въ имѣніе Вронскаго.

Несмотря на всю свою свѣтскую опытность, Вронскій, вслѣдствіе того новаго положенія, въ которомъ онъ находился, былъ въ странномъ заблужденіи. Казалось, ему надо бы понимать, что свѣтъ закрытъ для него съ Анной; но теперь въ головѣ его родились какія-то неясныя соображенія, что такъ было только въ старину, а что теперь, при быстромъ прогрессѣ (онъ незамѣтно для себя теперь былъ сторонникомъ всякаго прогресса), что теперь взглядъ общества измѣнился и что вопросъ о томъ, будутъ ли они приняты въ общество, еще не рѣшенъ. «Разумѣется,— думалъ онъ,—свѣтъ придворный не приметъ ея, но люди близкіе могутъ и должны понять это какъ слѣдуетъ».

Можно просидѣть нѣсколько часовъ, поджавъ ноги, въ одномъ и томъ же положеніи, если знаешь, что ничто не помѣшаетъ перемѣнить положеніе, но если человѣкъ знаетъ, что онъ долженъ сидѣть такъ съ поджатыми ногами, то сдѣлаются судороги, ноги будутъ дергаться и тискаться въ то мѣсто, куда бы онъ хотѣлъ вытянуть ихъ. Это самое испытывалъ Вронскій относительно свѣта. Хотя онъ въ глубинѣ души зналъ, что свѣтъ закрытъ для нихъ, онъ пробовалъ, не измѣнился ли теперь свѣтъ и не примутъ ли ихъ. Но онъ очень скоро замѣтилъ, что, хотя свѣтъ былъ открытъ для него лично, онъ былъ закрытъ для Анны. Какъ въ игрѣ въ кошку-мышку, руки, поднятые для него, тотчасъ же опускались передъ Анной.

Одна изъ первыхъ дамъ петербургскаго свѣта, которую увидѣлъ Вронскій, была его кузина Бетси.

— Наконецъ!—радостно встрѣтила она его.—А Анна? Какъ я рада! Гдѣ вы остановились? Я воображаю, какъ послѣ вашего прелестнаго путешествія вамъ ужасенъ нашъ Петербургъ; я воображаю вашъ медовый мѣсяцъ въ Римѣ. Что разводъ? Все это сдѣлали?

Вронскій замѣтилъ, что восхищеніе Бетси уменьшилось, когда она узнала, что развода еще не было.

— Въ меня кинутъ камень, я знаю, — сказала она, — но я пріѣду къ Аннѣ; да, я непремѣнно пріѣду. Вы не долго пробудете здѣсь?

И дѣйствительно, она въ тотъ же день пріѣхала къ Аннѣ; но тонъ ея былъ уже совсѣмъ не тотъ, какъ прежде. Она

очевидно гордилась своею смѣлостью и желала, чтобы Анна оцѣнила вѣрность ея дружбы. Она пробыла не болѣе десяти минутъ, разговаривая о свѣтскихъ новостяхъ, и при отъѣздѣ сказала:

— Вы мнѣ не сказали, когда разводъ? Положимъ, я забросила свой чепецъ черезъ мельницу, но другіе поднятые воротники будутъ васъ бить холодомъ, пока вы не женитесь. И это такъ просто теперь. Ça se fait. Такъ вы въ пятницу ѣдете? Жалко, что мы больше не увидимся.

По тону Бетси Вронскій могъ бы понять, чего ему надо ждать отъ свѣта, но онъ сдѣлалъ еще попытку въ своемъ семействѣ. На мать свою онъ не надѣялся. Онъ зналъ, что мать, такъ восхищавшаяся Анной во время своего перваго знакомства, теперь была неумолима къ ней за то, что она была причиной разстройства карьеры сына. Но онъ возлагалъ большія надежды на Варю, жену брата. Ему казалось, что она не броситъ камня и съ простотою и рѣшительностью поѣдетъ къ Аннѣ и приметъ ее.

На другой же день по своемъ пріѣздѣ Вронскій поѣхалъ къ ней и, заставъ одну, прямо высказалъ свое желаніе.

— Ты знаешь, Алексѣй,—сказала она, выслушавъ его,—какъ я люблю тебя и какъ готова все для тебя сдѣлать: но я молчала, потому что знала, что не могу тебѣ и Аннѣ Аркадьевнѣ быть полезной,—сказала она, особенно старательно выговоривъ «Анна Аркадьевна».—Не думай пожалуйста, чтобы я осуждала. Никогда; можетъ быть, я на ея мѣстѣ сдѣлала бы то же самое. Я не вхожу и не могу входить въ подробности,—говорила она, робко взглядывая на его мрачное лицо.—Но надо называть вещи по имени. Ты хочешь, чтобы я поѣхала къ ней, принимала бы ее и тѣмъ реабилитировала бы ее въ обществѣ; но ты пойми, что я *не могу* этого сдѣлать. У меня дочери растутъ, и я должна жить въ свѣтѣ для мужа. Ну, я пріѣду къ Аннѣ Аркадьевнѣ; она пойметъ, что я не могу ее звать къ себѣ или должна это сдѣлать такъ, чтобы она не встрѣтила тѣхъ, кто смотритъ иначе; это ее же оскорбитъ. Я не могу поднять ее...

— Да я не считаю, чтобы она упала болѣе, чѣмъ сотни женщинъ, которыхъ вы принимаете! — еще мрачнѣе перебилъ ее Вронскій и молча всталъ, понявъ, что рѣшеніе невѣстки неизмѣнно.

— Алексѣй! не сердись на меня. Пожалуйста пойми, что я не виновата, — заговорила Варя, съ робкою улыбкой глядя на него.

— Я не сержусь на тебя,—сказалъ онъ такъ же мрачно,—но мнѣ больно вдвойнѣ. Мнѣ больно еще то, что это разры-

ваетъ нашу дружбу. Положимъ, не разрываетъ, но ослабляетъ. Ты понимаешь, что и для меня это не можетъ быть иначе.

И съ этимъ онъ вышелъ отъ нея.

Вронскій понялъ, что дальнѣйшія попытки тщетны и что надо пробыть въ Петербургѣ эти нѣсколько дней, какъ въ чужомъ городѣ, избѣгая всякихъ сношеній съ прежнимъ свѣтомъ, чтобы не подвергаться непріятностямъ и оскорбленіямъ, которыя были такъ мучительны для него. Одна изъ главныхъ непріятностей положенія въ Петербургѣ была та, что Алексѣй Александровичъ и его имя, казалось, были вездѣ. Нельзя было ни о чемъ начать говорить, чтобы разговоръ не свернулся на Алексѣя Александровича, никуда нельзя было поѣхать, чтобы не встрѣтить его. Такъ по крайней мѣрѣ казалось Вронскому, какъ кажется человѣку съ больнымъ пальцемъ, что онъ, какъ нарочно, обо все задѣваетъ этимъ самымъ больнымъ пальцемъ.

Пребываніе въ Петербургѣ казалось Вронскому еще тѣмъ тяжелѣе, что все это время онъ видѣлъ въ Аннѣ какое-то новое, непонятное для него настроеніе. То она была какъ будто влюблена въ него, то она становилась холодна, раздражительна и непроницаема. Она чѣмъ-то мучилась и что-то скрывала отъ него и какъ будто не замѣчала тѣхъ оскорбленій, которыя отравляли его жизнь и для нея, съ ея тонкостью пониманія, должны были быть еще мучительнѣе.

XXIX.

Одна изъ цѣлей поѣздки въ Россію для Анны было свиданіе съ сыномъ. Съ того дня, какъ она выѣхала изъ Италіи, мысль объ этомъ свиданіи не переставала волновать ее. И чѣмъ ближе она подъѣзжала къ Петербургу, тѣмъ радость и значительность этого свиданія представлялись ей больше и больше. Она не задавала себѣ вопроса о томъ, какъ устроить это свиданіе. Ей казалось натурально и просто видѣть сына, когда она будетъ въ одномъ съ нимъ городѣ; но по пріѣздѣ въ Петербургъ ей вдругъ представилось ясно ея теперешнее положеніе въ обществѣ, и она поняла, что устроить свиданіе было трудно.

Она уже два дня жила въ Петербургѣ. Мысль о сынѣ ни на минуту не покидала ея, но она еще не видала сына. Поѣхать прямо въ домъ, гдѣ можно было встрѣтиться съ Алексѣемъ Александровичемъ, она чувствовала, что не имѣла права. Ее могли не пустить и оскорбить. Писать и входить въ сношенія съ мужемъ — ей было мучительно и подумать: она могла быть

спокойна только, когда не думала о мужѣ. Увидать сына на гуляньи, узнавъ, куда и когда онъ выходитъ, ей было мало: она такъ готовилась къ этому свиданію, ей столько нужно было сказать ему, ей такъ хотѣлось обнимать, цѣловать его. Старая няня Сережи могла помочь ей и научить ее. Но няня уже не находилась въ домѣ Алексѣя Александровича. Въ этихъ колебаніяхъ и въ разыскиваніяхъ няни прошло два дня.

Узнавъ о близкихъ отношеніяхъ Алексѣя Александровича къ графинѣ Лидіи Ивановнѣ, Анна на третій день рѣшилась написать ей стоившее ей большого труда письмо, въ которомъ она умышленно говорила, что разрѣшеніе видѣть сына должно зависѣть отъ великодушія мужа. Она знала, что, если письмо покажутъ мужу, онъ, продолжая свою роль великодушія, не откажетъ ей.

Комиссіонеръ, носившій письмо, передалъ ей самый жестокій и неожиданный ею отвѣтъ, что отвѣта не будетъ. Она никогда не чувствовала себя столь униженною, какъ въ ту минуту, когда, призвавъ комиссіонера, услышала отъ него подробный разсказъ о томъ, какъ онъ дожидался и какъ потомъ ему сказали: отвѣта никакого не будетъ. Анна чувствовала себя униженною, оскорбленною, но она видѣла, что съ своей точки зрѣнія графиня Лидія Ивановна права. Горе ея было тѣмъ сильнѣе, что оно было одиноко. Она не могла и не хотѣла подѣлиться имъ съ Вронскимъ. Она знала, что для него, несмотря на то, что онъ былъ главною причиной ея несчастія, вопросъ о свиданіи ея съ сыномъ покажется самою неважною вещью. Она знала, что никогда онъ не будетъ въ силахъ понять всей глубины ея страданія; она знала, что за его холодный тонъ при упоминаніи объ этомъ она возненавидитъ его. И она боялась этого больше всего на свѣтѣ и потому скрывала отъ него все, что касалось сына.

Просидѣвъ дома цѣлый день, она придумывала средства для свиданія съ сыномъ и остановилась на рѣшеніи написать мужу. Она уже сочиняла это письмо, когда ей принесли письмо Лидіи Ивановны. Молчаніе графини смирило и покорило ее, но письмо, все то, что она прочла между его строками, такъ раздражило ее, такъ ей возмутительна показалась эта злоба въ сравненіи съ ея страстною законною нѣжностью къ сыну, что она возмутилась противъ другихъ и перестала обвинять себя.

«Эта холодность—притворство чувства!—говорила она себѣ.— Имъ нужно только оскорбить меня и измучить ребенка, а я стану покоряться имъ! Ни за что! Она хуже меня. Я не лгу по крайней мѣрѣ». И тутъ же она рѣшила, что завтра же, въ

самый день рожденія Сережи, она поѣдетъ прямо въ домъ мужа, подкупитъ людей, будетъ обманывать, но во что бы ни стало увидитъ сына и разрушить этотъ безобразный обманъ, которымъ они окружили несчастнаго ребенка.

Она поѣхала въ игрушечную лавку, накупила игрушекъ и обдумала планъ дѣйствій. Она пріѣдетъ рано утромъ, въ 8 часовъ, когда Алексѣй Александровичъ еще вѣрно не вставалъ. Она будетъ имѣть въ рукахъ деньги, которыя дастъ швейцару и лакею, съ тѣмъ чтобъ они пустили ее, и, не поднимая вуали, скажетъ, что она отъ крестнаго отца Сережи пріѣхала поздравить и что ей поручено поставить игрушки у кровати сына. Она не приготовила только тѣхъ словъ, которыя она скажетъ сыну. Сколько она ни думала объ этомъ, она ничего не могла придумать.

На другой день въ 8 часовъ утра Анна вышла одна изъ извозчичьей кареты и позвонила у большого подъѣзда своего бывшаго дома.

— Поди посмотри, чего надо. Какая-то барыня, — сказалъ Капитонычъ, еще не одѣтый, въ пальто и калошахъ, выглянувъ въ окно на даму, покрытую вуалью, стоявшую у самой двери. Помощникъ швейцара, незнакомый Аннѣ молодой малый, только что отворилъ ей дверь, какъ она уже вошла въ нее и, вынувъ изъ муфты трехрублевую бумажку, поспѣшно сунула ему въ руку.

— Сережа... Сергѣй Алексѣевичъ,—проговорила она и пошла было впередъ. Осмотрѣвъ бумажку, помощникъ швейцара остановилъ ее у другой стеклянной двери.

— Вамъ кого надо?—спросилъ онъ.

Она не слышала его словъ и ничего не отвѣчала.

Замѣтивъ замѣшательство неизвѣстной, самъ Капитонычъ вышелъ къ ней, пропустилъ въ двери и спросилъ, что ей угодно.

— Отъ князя Скородумова къ Сергѣю Алексѣевичу, — проговорила она.

— Они не встали еще,—внимательно приглядываясь, сказалъ швейцаръ.

Анна никакъ не ожидала, чтобы та, совершенно не измѣнившаяся обстановка передней того дома, гдѣ она жила девять лѣтъ, такъ сильно подѣйствовала на нее. Одно за другимъ воспоминанія, радостныя и мучительныя, поднялись въ ея душѣ, и она на мгновеніе забыла, зачѣмъ она здѣсь.

— Подождать изволите?—сказалъ Капитонычъ, снимая съ нея шубку.

Снявъ шубку, Капитонычъ заглянулъ ей въ лицо, узналъ ее и молча низко поклонился ей.

— Пожалуйте, ваше превосходительство,—сказалъ онъ ей.

Она хотѣла что-то сказать, но голосъ отказался произнести какіе-нибудь звуки; съ виноватою мольбой взглянувъ на старика, она быстрыми, легкими шагами пошла на лѣстницу. Перегнувшись весь впередъ и цѣпляясь калошами о ступени, Капитонычъ бѣжалъ за ней, стараясь перегнать ее.

— Учитель тамъ, можетъ не одѣтъ. Я доложу.

Анна продолжала идти по знакомой лѣстницѣ, не понимая того, что говорилъ старикъ.

— Сюда, налѣво пожалуйте. Извините, что нечисто. Они теперь въ прежней диванной,—отпыхиваясь, говорилъ швейцаръ. — Позвольте, повремените, ваше превосходительство, я загляну,—говорилъ онъ и, обогнавъ ее, пріотворилъ высокую дверь и скрылся за нею. Анна остановилась, ожидая.—Только проснулись,—сказалъ швейцаръ, опять выходя изъ двери.

И въ ту минуту, какъ швейцаръ говорилъ это, Анна услыхала звукъ дѣтскаго зѣванья. По одному голосу этого зѣванья она узнала сына и какъ живого увидала его передъ собой.

— Пусти, пусти, поди!—заговорила она и вошла въ высокую дверь. Направо отъ двери стояла кровать и на кровати сидѣлъ, поднявшись, мальчикъ въ одной разстегнутой рубашечкѣ и, перегнувшись тѣльцемъ, потягиваясь, доканчивалъ зѣвокъ. Въ ту минуту, какъ губы его сходились вмѣстѣ, онѣ сложились въ блаженно-сонную улыбку, и съ этою улыбкой онъ опять медленно и сладко повалился назадъ.

— Сережа!—прошептала она, неслышно подходя къ нему.

Во время разлуки съ нимъ и при томъ приливѣ любви, который она испытывала все это послѣднее время, она воображала его четырехлѣтнимъ мальчикомъ, какимъ она больше всего любила его. Теперь онъ былъ даже не такимъ, какъ она оставила его; онъ еще дальше сталъ отъ четырехлѣтняго, еще выросъ и похудѣлъ. Что это! Какъ худо его лицо, какъ коротки его волосы! Какъ длинны руки! Какъ измѣнился онъ съ тѣхъ поръ, какъ она оставила его! Но это былъ онъ, съ его формой головы, его губами, его мягкою шейкой и широкими плечиками.

— Сережа!—повторила она надъ самымъ ухомъ ребенка.

Онъ поднялся опять на локоть, поводилъ спутанною головой на обѣ стороны, какъ бы отыскивая что-то, и открылъ глаза. Тихо и вопросительно онъ поглядѣлъ нѣсколько секундъ на неподвижно стоявшую передъ нимъ мать, потомъ вдругъ бла-

женно улыбнулся и, опять закрывъ слипающіеся глаза, повалился, но не назадъ, а къ ней, къ ея рукамъ.

— Сережа! мальчикъ мой милый!—проговорила она, задыхаясь и обнимая руками его пухлое тѣло.

— Мама!—проговорилъ онъ, двигаясь подъ ея руками, чтобы разными мѣстами тѣла касаться ея рукъ.

Сонно улыбаясь, все съ закрытыми глазами, онъ перехватился пухлыми ручонками отъ спинки кровати за ея плечи, привалился къ ней, обдавая ее тѣмъ милымъ сроннымъ запахомъ и теплотой, которые бываютъ только у дѣтей, и сталъ тереться лицомъ о ея шею и плечи.

— Я зналъ,—открывая глаза, сказалъ онъ.—Нынче мое рожденіе. Я зналъ, что ты придешь. Я встану сейчасъ.

И, говоря это, онъ засыпалъ.

Анна жадно оглядывала его; она видѣла, какъ онъ выросъ и перемѣнился въ ея отсутствіе. Она узнавала и не узнавала его голыя, такія большія теперь ноги, выпроставшіяся изъ одѣяла, узнавала эти похудѣлыя щеки, эти обрѣзанные, короткіе завитки волосъ на затылкѣ, въ который она такъ часто цѣловала его. Она ощупывала все это и не могла ничего говорить: слезы душили ее.

— О чемъ же ты плачешь, мама?—сказалъ онъ, совершенно проснувшись.—Мама, о чемъ ты плачешь?—прокричалъ онъ плаксивымъ голосомъ.

— Я не буду плакать... Я плачу отъ радости. Я такъ давно не видала тебя. Я не буду, не буду, — сказала она, глотая слезы и отворачиваясь.—Ну, тебѣ одѣваться теперь пора,—оправившись, прибавила она помолчавъ и, не выпуская его руки, сѣла у его кровати на стулъ, на которомъ было приготовлено платье.

— Какъ ты одѣваешься безъ меня? Какъ... — хотѣла она начать говорить просто и весело, но не могла, и опять отвернулась.

— Я не моюсь холодной водой: папа не велѣлъ. А Василія Лукича ты не видала? Онъ придетъ. А ты сѣла на мое платье!

И Сережа расхохотался. Она посмотрѣла на него и улыбнулась.

— Мама, душечка, голубушка! — закричалъ онъ, бросаясь опять къ ней и обнимая ее. Какъ будто онъ теперь только, увидавъ ея улыбку, ясно понялъ, что̀ случилось. — Это не надо, — говорилъ онъ, снимая съ нея шляпу. И, какъ будто вновь увидавъ ее безъ шляпы, онъ опять бросился цѣловать ее.

— Но что же ты думалъ обо мнѣ? Ты не думалъ, что я умерла?

— Никогда не вѣрилъ.

— Не вѣрилъ, другъ мой?

— Я зналъ, я зналъ! — повторялъ онъ свою любимую фразу и, схвативъ ея руку, которая ласкала его волосы, сталъ прижимать ее ладонью къ своему рту и цѣловать ее.

XXX.

Василій Лукичъ между тѣмъ, не понимавшій сначала, кто была эта дама, и узнавъ изъ разговора, что это была та самая мать, которая бросила мужа и которую онъ не зналъ, такъ какъ поступилъ въ домъ уже послѣ нея, былъ въ сомнѣніи, войти ли ему или нѣтъ, или сообщить Алексѣю Александровичу. Сообразивъ наконецъ то, что его обязанность состоитъ въ томъ, чтобы поднимать Сережу въ опредѣленный часъ, и что поэтому ему нечего разбирать, кто тамъ сидитъ, мать или другой кто, а нужно исполнять свою обязанность, онъ одѣлся, подошелъ къ двери и отворилъ ее.

Но ласки матери и сына, звуки ихъ голосовъ и то, что они говорили,—все это заставило его измѣнить намѣреніе. Онъ покачалъ головой и, вздохнувъ, затворилъ дверь. «Подожду еще десять минутъ», сказалъ онъ себѣ, откашливаясь и утирая слезы.

Между прислугой дома въ это же время происходило сильное волненіе. Всѣ узнали, что пріѣхала барыня и что Капитонычъ пустилъ ее, и что она теперь въ дѣтской, а между тѣмъ баринъ всегда въ девятомъ часу самъ заходитъ въ дѣтскую, и всѣ понимали, что встрѣча супруговъ невозможна и что надо помѣшать ей. Корней, камердинеръ, сойдя въ швейцарскую, спрашивалъ, кто и какъ пропустилъ ее, и, узнавъ, что Капитонычъ принялъ и проводилъ ее, выговаривалъ старику. Швейцаръ упорно молчалъ, но когда Корней сказалъ ему, что за это его согнать слѣдуетъ, Капитонычъ подскочилъ къ нему и, замахавъ руками предъ лицомъ Корнея, заговорилъ.

— Да, вотъ ты бы не впустилъ! Десять лѣтъ служилъ да кромѣ милости ничего не видалъ; да ты бы пошелъ теперь да и сказалъ: пожалуйте, молъ вонъ! Ты политику-то тонко понимаешь! Такъ-то! Ты бы про себя помнилъ, какъ барина обирать да енотовыя шубы таскать!

— Солдатъ!—презрительно сказалъ Корней и повернулся къ входившей нянѣ. — Вотъ судите, Марья Ефимовна: впустилъ,

никому не сказалъ,—обратился къ ней Корней.—Алексѣй Александровичъ сейчасъ выйдутъ, пойдутъ въ дѣтскую.

— Дѣла, дѣла! — говорила няня.—Вы бы, Корней Васильевичъ, какъ-нибудь задержали его, барина-то, а я побѣгу, какъ-нибудь ее уведу. Дѣла, дѣла!

Когда няня вошла въ дѣтскую, Сережа разсказывалъ матери о томъ, какъ они упали вмѣстѣ съ Наденькой, покатившись съ горы, и три раза перекувырнулись. Она слушала звуки его голоса, видѣла его лицо и игру выраженія, ощущала его руку, но не понимала того, что онъ говорилъ. Надо было уходить, надо было оставить его,—только одно это и думала и чувствовала она. Она слышала и шаги Василія Лукича, подходившаго къ двери и кашлявшаго, слышала и шаги подходившей няни, но сидѣла, какъ окаменѣлая, не въ силахъ ни начать говорить, ни встать.

— Барыня, голубушка!—заговорила няня, подходя къ Аннѣ и цѣлуя ея руки и плечи.—Вотъ Богъ привелъ радость нашему новорожденному. Ничего-то вы не перемѣнились.

— Ахъ, няня, милая, я не знала, что вы въ домѣ,—на минуту очнувшись, сказала Анна.

— Я не живу, я съ дочерью живу, я поздравить пришла, Анна Аркадьевна, голубушка!

Няня вдругъ заплакала и опять стала цѣловать ея руку.

Сережа, сіяя глазами и улыбкой и держась одною рукой за мать, другою за няню, топоталъ по ковру жирными голыми ножками. Нѣжность любимой няни къ матери приводила его въ восхищеніе.

— Мама! она часто ходитъ ко мнѣ, и когда придетъ... — началъ было онъ, но остановился, замѣтивъ, что няня шопотомъ что-то сказала матери и что на лицѣ матери выразились испугъ и что-то похожее на стыдъ, что такъ не шло къ матери.

Она подошла къ нему.

— Милый мой!—сказала она.

Она не могла сказать *прощай*, но выраженіе ея лица сказало это, и онъ понялъ.

— Милый, милый Кутикъ!—проговорила она имя, которымъ звала его маленькимъ, — ты не забудешь меня? Ты... — но больше она не могла говорить.

Сколько потомъ она придумывала словъ, которыя она могла сказать ему. А теперь она ничего не умѣла и не могла сказать. Но Сережа понялъ все, что она хотѣла сказать ему. Онъ понялъ, что она была несчастлива и любила его. Онъ понялъ даже то́, что̀ шопотомъ говорила няня. Онъ слышалъ слова:

«всегда въ девятомъ часу», и онъ понялъ, что это говорилось про отца и что матери съ отцомъ нельзя встрѣчаться. Это онъ понималъ, но одного не могъ понять: почему на ея лицѣ показались испугъ и стыдъ?.. Она не виновата, а боится его и стыдится чего-то. Онъ хотѣлъ сдѣлать вопросъ, который разъяснилъ бы ему это сомнѣніе, но не смѣлъ этого сдѣлать: онъ видѣлъ, что она страдаетъ, и ему было жаль ея. Онъ молча прижался къ ней и шопотомъ сказалъ:

— Еще не уходи. Онъ не скоро придетъ.

Мать отстранила его отъ себя, чтобы понять, то ли онъ думаетъ, что говоритъ, и въ испуганномъ выраженіи его лица она прочла, что онъ не только говорилъ объ отцѣ, но какъ бы спрашивалъ ее, какъ ему надо объ отцѣ думать.

— Сережа, другъ мой,—сказала она,—люби его, онъ лучше и добрѣе меня, и я предъ нимъ виновата. Когда ты выростешь, ты разсудишь.

— Лучше тебя нѣтъ!..—съ отчаяніемъ закричалъ онъ сквозь слезы и, схвативъ ее за плечи, изъ всѣхъ силъ сталъ прижимать ее къ себѣ дрожащими отъ напряженія руками.

— Душечка, маленькій мой!—проговорила Анна и заплакала такъ же слабо, по-дѣтски, какъ плакалъ онъ.

Въ это время дверь отворилась, вошелъ Василій Лукичъ. У другой двери послышались шаги, и няня испуганнымъ шопотомъ сказала: «идетъ», и подала шляпу Аннѣ.

Сережа опустился въ постель и зарыдалъ, закрывъ лицо руками. Анна отняла эти руки, еще разъ поцѣловала его мокрое лицо и быстрыми шагами вышла въ дверь. Алексѣй Александровичъ шелъ ей навстрѣчу. Увидавъ ее, онъ остановился и наклонилъ голову.

Несмотря на то, что она только что говорила, что онъ лучше и добрѣе ея, при быстромъ взглядѣ, который она бросила на него, охвативъ всю его фигуру со всѣми подробностями, чувства отвращенія и злобы къ нему и зависти за сына охватили ее. Она быстрымъ движеніемъ опустила вуаль и, прибавивъ шагу, почти выбѣжала изъ комнаты.

Она не успѣла и вынуть и такъ и привезла домой тѣ игрушки, которыя она съ такою любовью и грустью выбирала вчера въ лавкѣ.

XXXI.

Какъ ни сильно желала Анна свиданія съ сыномъ, какъ ни давно думала о томъ и готовилась къ тому, она никакъ не ожидала, чтобъ это свиданіе такъ сильно подѣйствовало на нее.

Вернувшись въ свое одинокое отдѣленіе въ гостиницѣ, она долго не могла понять, зачѣмъ она здѣсь. «Да, все это кончено, и я опять одна», сказала она себѣ и, не снимая шляпы, сѣла на стоявшее у камина кресло. Уставившись неподвижными глазами на бронзовые часы, стоявшіе на столѣ между оконъ, она стала думать.

Дѣвушка-француженка, привезенная изъ-за границы, вошла предложить ей одѣваться. Она съ удивленіемъ посмотрѣла на нее и сказала:—послѣ.—Лакей предложилъ кофе.—Послѣ,—сказала она.

Кормилица-итальянка, убравъ дѣвочку, вошла съ нею и поднесла ее Аннѣ. Пухлая, хорошо выкормленная дѣвочка, какъ всегда, увидавъ мать, подвернула перетянутыя ниточками голыя ручонки ладонями книзу и, улыбаясь беззубымъ ротикомъ начала, какъ рыба поплавками, загребать ручонками, шурша ими по накрахмаленнымъ складкамъ вышитой юбочки. Нельзя было не улыбнуться, не поцѣловать дѣвочку; нельзя было не подставить ей палецъ, за который она ухватилась, взвизгивая и подпрыгивая всѣмъ тѣломъ; нельзя было не подставить ей губу, которую она, въ видѣ поцѣлуя, забрала въ ротикъ. И все это сдѣлала Анна: и взяла ее на руки, и заставила ее попрыгать, и поцѣловала ея свѣжую щечку и оголенные локотки; но при видѣ этого ребенка ей еще яснѣе было, что то чувство, которое она испытывала къ ней, было даже не любовь въ сравненіи съ тѣмъ, что она чувствовала къ Сережѣ. Все въ этой дѣвочкѣ было мило, но все это почему-то не забирало за сердце. На перваго ребенка, хотя и отъ нелюбимаго человѣка, были положены всѣ силы любви, не получавшія удовлетворенія; дѣвочка была рождена въ самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, и на нее не было положено и сотой доли тѣхъ заботъ, которыя были положены на перваго. Кромѣ того, въ дѣвочкѣ все было еще ожиданія, а Сережа былъ уже почти человѣкъ, и любимый человѣкъ; въ немъ уже боролись мысли, чувства, онъ понималъ, онъ любилъ, онъ судилъ ее, думала она, вспоминая его слова и взгляды. И она навсегда не только физически, но духовно была разъединена съ нимъ, и поправить этого нельзя было.

Она отдала дѣвочку кормилицѣ, отпустила ее и открыла медальонъ, въ которомъ былъ портретъ Сережи, когда онъ былъ почти того же возраста, какъ и дѣвочка. Она встала и, снявъ шляпу, взяла на столикѣ альбомъ, въ которомъ были фотографическія карточки сына въ другихъ возрастахъ. Она хотѣла сличить карточки и стала вынимать ихъ изъ альбома. Она вынула ихъ всѣ. Оставалась одна, послѣдняя, лучшая карточка.

Онъ въ бѣлой рубашкѣ сидѣлъ верхомъ на стулѣ, хмурился глазами и улыбался ртомъ. Это было самое особенное, лучшее его выраженіе. Маленькими ловкими руками, которыя нынче особенно напряженно двигались своими бѣлыми, тонкими пальцами, она нѣсколько разъ задѣвала за уголокъ карточки, но карточка срывалась, и она не могла достать ее. Разрѣзного ножика не было на столѣ, и она, вынувъ карточку, бывшую рядомъ (это была карточка Вронскаго, сдѣланная въ Римѣ, въ круглой шляпѣ и съ длинными волосами), ею вытолкнула карточку сына. «Да, вотъ онъ!» сказала она, взглянувъ на карточку Вронскаго, и вдругъ вспомнила, кто былъ причиной ея теперешняго горя. Она ни разу не вспомнила о немъ все это утро. Но теперь вдругъ, увидавъ это мужественное, благородное, столь знакомое и милое ей лицо, она почувствовала неожиданный приливъ любви къ нему.

«Да гдѣ же онъ? Какъ же онъ оставляетъ меня одну съ моими страданіями?» вдругъ съ чувствомъ упрека подумала она, забывая, что она сама скрывала отъ него все, касавшееся сына. Она послала къ нему просить его придти къ ней сейчасъ же; съ замираніемъ сердца, придумывая слова, которыми она скажетъ ему все, и тѣ выраженія его любви, которыя утѣшатъ ее, она ждала его. Посланный вернулся съ отвѣтомъ, что у него гость, но что онъ сейчасъ придетъ и приказалъ спросить ее, можетъ ли она принять его съ пріѣхавшимъ въ Петербургъ княземъ Яшвинымъ. «Не одинъ придетъ, а со вчерашняго обѣда онъ не видалъ меня,— подумала она;— не такъ придетъ, чтобъ я могла все высказать ему, а придетъ съ Яшвинымъ». И вдругъ ей пришла странная мысль: что если онъ разлюбилъ ее?

И, перебирая событія послѣднихъ дней, ей казалось, что во всемъ она видѣла подтвержденіе этой страшной мысли: и то, что вчера онъ обѣдалъ не дома, и то, что онъ настоялъ на томъ, чтобъ они въ Петербургѣ остановились врозь, и то, что онъ даже теперь шелъ къ ней не одинъ, какъ бы избѣгая свиданія съ глазу на глазъ.

«Но онъ долженъ сказать мнѣ это. Мнѣ нужно знать это. Если я буду знать это, тогда я знаю, что я сдѣлаю», говорила она себѣ, не въ силахъ представить себѣ того положенія, въ которомъ она будетъ, убѣдившись въ его равнодушіи. Она думала, что онъ разлюбилъ ее, она чувствовала себя близкою къ отчаянію и вслѣдствіе этого она почувствовала себя особенно возбужденною. Она позвонила дѣвушку и пошла въ уборную. Одѣваясь, она занялась больше, чѣмъ всѣ эти дни, своимъ

туалетомъ, какъ будто онъ могъ, разлюбивъ ее, опять полюбить за то, что на ней будетъ то платье и та прическа, которыя больше шли къ ней.

Она услыхала звонокъ прежде, чѣмъ была готова.

Когда она вышла въ гостиную, не онъ, а Яшвинъ встрѣтилъ ее взглядомъ. Онъ разсматривалъ карточки ея сына, которыя она забыла на столѣ, и не торопился взглянуть на нее.

— Мы знакомы,—сказала она, кладя свою маленькую руку въ огромную руку конфузившагося (что такъ странно было при его громадномъ ростѣ и грубомъ лицѣ) Яшвина.—Знакомы съ прошлаго года, на скачкахъ. Дайте,—сказала она, быстрымъ движенiемъ отбирая отъ Вронскаго карточки сына, которыя онъ смотрѣлъ, и значительно блестящими глазами взглядывая на него.—Нынѣшнiй годъ хороши были скачки? Вмѣсто этихъ, я смотрѣла скачки на Корсо въ Римѣ. Вы, впрочемъ, не любите заграничной жизни,—сказала она, ласково улыбаясь.—Я васъ знаю и знаю всѣ ваши вкусы, хотя мало встрѣчалась съ вами.

— Это мнѣ очень жалко, потому что мои вкусы все больше дурные,—сказалъ Яшвинъ, закусывая свой лѣвый усъ.

Поговоривъ нѣсколько времени и замѣтивъ, что Вронскiй взглянулъ на часы, Яшвинъ спросилъ ее, долго ли она пробудетъ еще въ Петербургѣ, и, разогнувъ свою огромную фигуру, взялся за кепи.

— Кажется, не долго, — сказала она съ замѣшательствомъ, взглянувъ на Вронскаго.

— Такъ и не увидимся больше?—сказалъ Яшвинъ, вставая и обращаясь къ Вронскому.—Гдѣ ты обѣдаешь?

— Прiѣзжайте обѣдать ко мнѣ,—рѣшительно сказала Анна, какъ бы разсердившись на себя за свое смущенiе, но краснѣя, какъ всегда, когда выказывала предъ новымъ человѣкомъ свое положенiе.—Обѣдъ здѣсь нехорошъ, но по крайней мѣрѣ вы увидитесь съ нимъ. Алексѣй изъ всѣхъ полковыхъ товарищей никого такъ не любитъ, какъ васъ.

— Очень радъ,—сказалъ Яшвинъ съ улыбкой, по которой Вронскiй видѣлъ, что Анна очень понравилась ему.

Яшвинъ раскланялся и вышелъ, Вронскiй остался позади.

— Ты тоже ѣдешь?—сказала она ему.

— Я уже опоздалъ,—отвѣчалъ онъ.—Иди! Я сейчасъ догоню тебя!—крикнулъ онъ Яшвину.

Она взяла его за руку и, не спуская глазъ, смотрѣла на него, отыскивая въ мысляхъ, что бы сказать, чтобъ удержать его.

— Постой, мнѣ кое-что надо сказать,—и, взявъ его короткую руку, она прижала ее къ своей шеѣ. — Да, ничего, что я позвала его обѣдать?

— Прекрасно сдѣлала,—сказалъ онъ со спокойною улыбкой, открывая свои сплошные зубы и цѣлуя ея руку.

— Алексѣй, ты не измѣнился ко мнѣ?—сказала она, обѣими руками сжимая его руку.—Алексѣй, я измучилась здѣсь. Когда мы уѣдемъ?

— Скоро, скоро. Ты не повѣришь, какъ и мнѣ тяжела наша жизнь здѣсь,—сказалъ онъ и потянулъ свою руку.

— Ну, иди, иди!—съ оскорбленіемъ сказала она и быстро ушла отъ него.

XXXII.

Когда Вронскій вернулся домой, Анны не было еще дома. Вскорѣ послѣ него, какъ ему сказали, къ ней пріѣхала какая-то дама, и она съ нею вмѣстѣ уѣхала. То, что она уѣхала, не сказавъ куда, то, что ея до сихъ поръ не было, то, что она утромъ еще ѣздила куда-то, ничего не сказавъ ему, — все это, вмѣстѣ съ странно возбужденнымъ выраженіемъ ея лица нынче утромъ и съ воспоминаніемъ того враждебнаго тона, съ которымъ она при Яшвинѣ почти вырвала изъ его рукъ карточки сына, заставило его задуматься. Онъ рѣшилъ, что необходимо объясниться съ ней. И онъ ждалъ ее въ ея гостиной. Но Анна вернулась не одна, а привезла съ собой свою тетку, старую дѣву, княжну Облонскую. Это была та самая, которая пріѣзжала утромъ и съ которою Анна ѣздила за покупками. Анна какъ будто не замѣчала выраженія лица Вронскаго, озабоченнаго и вопросительнаго, и весело разсказывала ему, что̀ она купила нынче утромъ. Онъ видѣлъ, что въ ней происходило что-то особенное: въ блестящихъ глазахъ, когда они мелькомъ останавливались на немъ, было напряженное вниманіе, и въ рѣчи и движеніяхъ была та нервная быстрота и грація, которыя въ первое время ихъ сближенія такъ прельщали его, а теперь тревожили и пугали.

Обѣдъ былъ накрытъ на четырехъ. Всѣ уже собрались, чтобы выйти въ маленькую столовую, какъ пріѣхалъ Тушкевичъ съ порученіемъ къ Аннѣ отъ княгини Бетси. Княгиня Бетси просила извинить, что она не пріѣхала проститься; она была нездорова, но просила Анну пріѣхать къ ней между половиной седьмого и девятью часами. Вронскій взглянулъ на Анну при этомъ опредѣленіи времени, показывавшемъ, что были приняты

мѣры, чтобъ она никого не встрѣтила; но Анна какъ будто не замѣтила этого.

— Очень жалко, что я именно не могу между половиной седьмого и девятью,—сказала она, чуть улыбаясь.

— Княгиня очень будетъ жалѣть.

— И я тоже.

— Вы вѣрно ѣдете слушать Патти?—сказалъ Тушкевичъ.

— Патти?.. Вы мнѣ даете мысль. Я поѣхала бы, если бы можно было достать ложу.

— Я могу достать,—вызвался Тушкевичъ.

— Я бы очень, очень была вамъ благодарна,—сказала Анна.— Да не хотите ли съ нами обѣдать?

Вронскій пожалъ чуть замѣтно плечами. Онъ рѣшительно не понималъ, что дѣлала Анна. Зачѣмъ она привезла эту старую княжну, зачѣмъ оставляла обѣдать Тушкевича и, удивительнѣе всего, зачѣмъ посылала его за ложей? Развѣ возможно было думать, чтобы въ ея положеніи ѣхать въ абонементъ Патти, гдѣ будетъ весь ей знакомый свѣтъ? Онъ серьезнымъ взглядомъ посмотрѣлъ на нее, но она отвѣтила ему тѣмъ же вызывающимъ, не то веселымъ, не то отчаяннымъ взглядомъ, значенія котораго онъ не могъ понять. За обѣдомъ Анна была наступательно весела; она какъ будто кокетничала и съ Тушкевичемъ и съ Яшвинымъ. Когда встали отъ обѣда и Тушкевичъ поѣхалъ за ложей, а Яшвинъ пошелъ курить, Вронскій сошелъ вмѣстѣ съ нимъ къ себѣ. Посидѣвъ нѣсколько времени, онъ взбѣжалъ наверхъ. Анна уже была одѣта въ свѣтлое шелковое съ бархатомъ платье, которое она сшила въ Парижѣ, съ открытою грудью и съ бѣлымъ дорогимъ кружевомъ на головѣ, обрамлявшимъ ея лицо и особенно выгодно выставлявшимъ ея яркую красоту.

— Вы точно поѣдете въ театръ?—сказалъ онъ, стараясь не смотрѣть на нее.

— Отчего же вы такъ испуганно спрашиваете?—вновь оскорбленная тѣмъ, что онъ не смотрѣлъ на нее, сказала она. — Отчего же мнѣ не ѣхать?

Она какъ будто не понимала значенія его словъ.

— Разумѣется, нѣтъ никакой причины,—нахмурившись, сказалъ онъ.

— Вотъ это самое я и говорю,—сказала она, умышленно не понимая ироніи его тона и спокойно заворачивая длинную душистую перчатку.

— Анна, ради Бога! что съ вами? — сказалъ онъ, будя ее, точно такъ же, какъ говорилъ ей когда-то ея мужъ.

— Я не понимаю, о чемъ вы спрашиваете.

— Вы знаете, что нельзя ѣхать.

— Отчего? Я поѣду не одна. Княжна Варвара поѣхала одѣваться, она поѣдетъ со мной.

Онъ пожалъ плечами съ видомъ недоумѣнія и отчаянія.

— Но развѣ вы не знаете...—началъ было онъ.

— Да я не хочу знать!—почти вскрикнула она.—Не хочу. Раскаиваюсь я въ томъ, что сдѣлала? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ. И если бъ опять то же съ начала, то было бы то же. Для насъ, для меня и для васъ, важно только одно: любимъ ли мы другъ друга. А другихъ нѣтъ соображеній. Для чего мы живемъ здѣсь врозь и не видимся? Почему я не могу ѣхать? Я тебя люблю, и мнѣ все равно,—сказала она по-русски, съ особеннымъ, непонятнымъ ему блескомъ глазъ взглянувъ на него,—если ты не измѣнился. Отчего ты не смотришь на меня?

Онъ посмотрѣлъ на нее. Онъ видѣлъ всю красоту ея лица и наряда, всегда такъ шедшаго къ ней. Но теперь именно красота и элегантность ея были то самое, что раздражало его.

— Чувство мое не можетъ измѣниться, вы знаете, но я прошу не ѣздить, умоляю васъ, — сказалъ онъ опять по-французски съ нѣжной мольбой въ голосѣ, но съ холодностью во взглядѣ.

Она не слышала словъ, но видѣла холодность взгляда и съ раздраженіемъ отвѣчала:

— А я прошу васъ объявить, почему я не должна ѣхать.

— Потому что это можетъ причинить вамъ то...—онъ замялся.

— Ничего не понимаю. Яшвинъ n'est pas compromettant и княжна Варвара ничѣмъ не хуже другихъ. А вотъ и она.

XXXIII.

Вронскій въ первый разъ испытывалъ противъ Анны чувство досады, почти злобы за ея умышленное непониманіе своего положенія. Чувство это усиливалось еще тѣмъ, что онъ не могъ выразить ей причину своей досады. Если бъ онъ сказалъ ей прямо то, что онъ думалъ, то онъ сказалъ бы: въ этомъ нарядѣ съ извѣстной всѣмъ княжной появиться въ театрѣ — значило не только признать свое положеніе погибшей женщины, но и бросить вызовъ свѣту, т.-е. навсегда отречься отъ него.

Онъ не могъ сказать ей это. «Но какъ она можетъ не понимать этого, и что въ ней дѣлается?» говорилъ онъ себѣ. Онъ

чувствовалъ, какъ въ одно и то же время уваженіе его къ ней уменьшалось и увеличивалось сознаніе ея красоты.

Нахмуренный вернулся онъ въ свой нумеръ и, подсѣвъ къ Яшвину, вытянувшему свои длинныя ноги на стулъ и пившему коньякъ съ сельтерской водой, велѣлъ себѣ подать того же.

— Ты говоришь Могучій Ланковскаго. Это лошадь хорошая, и я совѣтую тебѣ купить, — сказалъ Яшвинъ, взглянувъ на мрачное лицо товарища.—У него вислозадина, но ноги и голова—желать лучше нельзя.

— Я думаю, что возьму,—отвѣчалъ Вронскій.

Разговоръ о лошадяхъ занималъ его, но ни на минуту онъ не забывалъ Анны, невольно прислушивался къ звукамъ шаговъ по коридору и поглядывалъ на часы на каминѣ.

— Анна Аркадьевна приказала доложить, что онѣ поѣхали въ театръ.

Яшвинъ, опрокинувъ еще рюмку коньяку въ шипящую воду, выпилъ и всталъ, застегиваясь.

— Что жъ, поѣдемъ? — сказалъ онъ, чуть улыбаясь подъ усами и показывая этою улыбкой, что понимаетъ причину мрачности Вронскаго, но не придаетъ ей значенія.

— Я не поѣду, — мрачно отвѣчалъ Вронскій.

— А мнѣ надо, я обѣщалъ. Ну, до свиданья. А то пріѣзжай въ кресла, Красинскаго кресло возьми,—прибавилъ Яшвинъ, выходя.

— Нѣтъ, мнѣ дѣло есть.

«Съ женою забота, съ не-женою еще хуже», подумалъ Яшвинъ, выходя изъ гостиницы.

Вронскій, оставшись одинъ, всталъ со стула и принялся ходить по комнатѣ.

«Да нынче что? Четвертый абонементъ... Егоръ съ женой. Онъ и мать, вѣроятно. Это значитъ весь Петербургъ тамъ. Теперь она вошла, сняла шубку и вышла на свѣтъ. Тушкевичъ, Яшвинъ, княжна Варвара...—представлялъ онъ себѣ.— Что жъ я-то? Или я боюсь, или передалъ покровительство надъ ней Тушкевичу? Какъ ни смотри, глупо, глупо... И зачѣмъ она ставитъ меня въ это положеніе?» сказалъ онъ, махнувъ рукой.

Этимъ движеніемъ онъ зацѣпилъ столикъ, на которомъ стояла сельтерская вода и графинъ съ коньякомъ, и чуть не столкнулъ его. Онъ хотѣлъ подхватить, уронилъ и съ досады толкнулъ ногой столъ и позвонилъ.

— Если ты хочешь служить у меня,—сказалъ онъ вошедшему камердинеру,—то ты помни свое дѣло. Чтобъ этого не было. Ты долженъ убрать.

Камердинеръ, чувствуя себя не виноватымъ, хотѣлъ оправдываться, но, взглянувъ на барина, понялъ по его лицу, что надо только молчать, и, поспѣшно извиваясь, опустился на коверъ и сталъ разбирать цѣлыя и разбитыя рюмки и бутылки.

— Это не твое дѣло, пошли лакея убирать и приготовь мнѣ фракъ.

Вронскій вошелъ въ театръ въ половинѣ девятаго. Спектакль былъ во всемъ разгарѣ. Капельдинеръ-старичокъ снялъ шубу съ Вронскаго и, узнавъ его, назвалъ «ваше сіятельство» и предложилъ ему не брать нумерка, а просто крикнуть Ѳедора. Въ свѣтломъ коридорѣ никого не было, кромѣ капельдинера и двухъ лакеевъ съ шубами на рукахъ, слушавшихъ у двери. Изъ-за притворенной двери слышались звуки осторожнаго аккомпанемента стаккато оркестра и одного женскаго голоса, который отчетливо выговаривалъ музыкальную фразу. Дверь отворилась, пропуская прошмыгнувшаго капельдинера, и фраза, подходившая къ концу, ясно поразила слухъ Вронскаго. Но дверь тотчасъ же затворилась, и Вронскій не слышалъ конца фразы и каданса, но понялъ по грому рукоплесканій изъ - за двери, что кадансъ кончился. Когда онъ вошелъ въ ярко освѣщенную люстрами и бронзовыми газовыми рожками залу, шумъ еще продолжался. На сценѣ пѣвица, блестя обнаженными плечами и брильянтами, нагибаясь и улыбаясь, собирала съ помощью тенора, державшаго ее за руку, неловко перелетавшіе черезъ рампу букеты и подходила къ господину, съ рядомъ посрединѣ блестѣвшихъ помадой волосъ, тянувшемуся длинными руками черезъ рампу съ какою-то вещью,—и вся публика въ партерѣ, какъ и въ ложахъ, суетилась, тянулась впередъ, кричала и хлопала. Капельмейстеръ на своемъ возвышеніи помогалъ въ передачѣ и оправлялъ свой бѣлый галстукъ. Вронскій вошелъ въ середину партера и, остановившись, сталъ оглядываться. Нынче менѣе, чѣмъ когда-нибудь, обратилъ онъ вниманіе на знакомую, привычную обстановку, на сцену, на этотъ шумъ, на все это знакомое, неинтересное, пестрое стадо зрителей въ биткомъ набитомъ театрѣ.

Тѣ же, какъ всегда, были по ложамъ какія-то дамы съ какими-то офицерами въ задахъ ложъ; тѣ же, Богъ знаетъ кто, разноцвѣтныя женщины, и мундиры, и сюртуки, та же грязная толпа въ райкѣ, и во всей этой толпѣ, въ ложахъ и въ первыхъ рядахъ, были человѣкъ сорокъ *настоящихъ* мужчинъ и женщинъ. И на эти оазисы Вронскій тотчасъ обратилъ вниманіе и съ ними тотчасъ же вошелъ въ сношеніе.

8*

Актъ кончился, когда онъ вошелъ, и потому онъ, не заходя въ ложу брата, прошелъ до перваго ряда и остановился у рампы съ Серпуховскимъ, который, согнувъ колѣно и постукивая каблукомъ въ рампу и издалека увидавъ его, подозвалъ его улыбкой.

Вронскій еще не видалъ Анны, онъ нарочно не смотрѣлъ въ ея сторону. Но онъ зналъ по направленію взглядовъ, гдѣ она. Онъ незамѣтно оглядывался, но не искалъ ея; ожидая худшаго, онъ искалъ глазами Алексѣя Александровича. На его счастіе, Алексѣя Александровича нынѣшній разъ не было въ театрѣ.

— Какъ въ тебѣ мало осталось военнаго!—сказалъ ему Серпуховской.—Дипломатъ, артистъ, вотъ этакое что-то.

— Да, я какъ домой вернулся, такъ надѣлъ фракъ,—отвѣчалъ Вронскій, улыбаясь и медленно вынимая бинокль.

— Вотъ въ этомъ я, признаюсь, тебѣ завидую. Я когда возвращусь изъ-за границы и надѣваю это,—онъ тронулъ эксельбанты,—мнѣ жалко свободы.

Серпуховской уже давно махнулъ рукой на служебную дѣятельность Вронскаго, но любилъ его попрежнему и теперь былъ съ нимъ особенно любезенъ.

— Жалко, ты опоздалъ къ первому акту.

Вронскій, слушая однимъ ухомъ, переводилъ бинокль съ бенуара на бельэтажъ и оглядывалъ ложи. Подлѣ дамы въ тюрбанѣ и плѣшиваго старичка, сердито мигавшаго въ стеклѣ подвигавшагося бинокля, Вронскій вдругъ увидалъ голову Анны, гордую, поразительно красивую и улыбающуюся, въ рамкѣ кружевъ. Она была въ пятомъ бенуарѣ, въ двадцати шагахъ отъ него. Сидѣла она спереди и, слегка оборотившись, говорила что-то Яшвину. Постановъ ея головы на красивыхъ и широкихъ плечахъ и сдержанно-возбужденное сіяніе ея глазъ и всего лица напомнили ему ее такою совершенно, какою онъ увидѣлъ ее на балѣ въ Москвѣ. Но онъ совсѣмъ иначе теперь ощущалъ эту красоту. Въ чувствѣ его къ ней теперь не было ничего таинственнаго, и потому красота ея, хотя и сильнѣе, чѣмъ прежде, привлекала его, вмѣстѣ съ тѣмъ теперь оскорбляла его. Она не смотрѣла въ его сторону, но Вронскій чувствовалъ, что она уже видѣла его.

Когда Вронскій опять навелъ въ ту сторону бинокль, онъ замѣтилъ, что княжна Варвара особенно красна, неестественно смѣется и безпрестанно оглядывается на сосѣднюю ложу; Анна же, сложивъ вѣеръ и постукивая имъ по красному бархату, приглядывается куда-то, но не видитъ и, очевидно, не

хочетъ видѣть того, что происходитъ въ сосѣдней ложѣ. На лицѣ Яшвина было то выраженіе, которое бывало на немъ, когда онъ проигрывалъ. Онъ, насупившись, засовывалъ все глубже и глубже въ ротъ свой лѣвый усъ и косился на ту же сосѣднюю ложу.

Въ ложѣ этой, слѣва, были Картасовы. Вронскій зналъ ихъ и зналъ, что Анна съ ними была знакома. Картасова, худая, маленькая женщина, стояла въ своей ложѣ и, спиной оборотившись къ Аннѣ, надѣвала накидку, подаваемую ей мужемъ. Лицо ея было блѣдно и сердито, и она что-то взволнованно говорила. Картасовъ, толстый, плѣшивый господинъ, безпрестанно оглядываясь на Анну, старался успокоить жену. Когда жена вышла, мужъ долго медлилъ, отыскивая глазами взглядъ Анны и, видимо, желая ей поклониться. Но Анна, очевидно нарочно не замѣчая его, оборотившись назадъ, что-то говорила нагнувшемуся къ ней стриженою головой Яшвину. Картасовъ вышелъ не поклонившись, и ложа осталась пустой.

Вронскій не понялъ того, что именно произошло между Картасовыми и Анной, но онъ понялъ, что произошло что-то унизительное для Анны. Онъ понялъ это и потому, что̀ видѣлъ, и болѣе всего по лицу Анны, которая, онъ зналъ, собрала свои послѣднія силы, чтобы выдерживать взятую на себя роль. И эта роль внѣшняго спокойствія вполнѣ удавалась ей. Кто не зналъ ея и ея круга, не слыхалъ всѣхъ выраженій соболѣзнованія, негодованія и удивленія женщинъ, что она позволила себѣ показаться въ свѣтѣ и показаться такъ замѣтно въ своемъ кружевномъ уборѣ и со своей красотой, тѣ любовались спокойствіемъ и красотой этой женщины и не подозрѣвали, что она испытывала чувства человѣка, выставляемаго у позорнаго столба.

Зная, что что-то случилось, но не зная, что именно, Вронскій испытывалъ мучительную тревогу и, надѣясь узнать что-нибудь, пошелъ въ ложу брата. Нарочно выбравъ противоположный отъ ложи Анны пролетъ партера, онъ выходя столкнулся съ бывшимъ полковымъ командиромъ своимъ, говорившимъ съ двумя знакомыми. Вронскій слышалъ, какъ было произнесено имя Карениныхъ, и замѣтилъ, какъ поспѣшилъ полковой командиръ громко назвать Вронскаго, значительно взглянувъ на говорившихъ.

— А, Вронскій! Когда же въ полкъ? Мы тебя не можемъ отпустить безъ пира. Ты самый коренной нашъ,—сказалъ полковой командиръ.

— Не успѣю, очень жалко, до другого раза,—сказалъ Вронскій и побѣжалъ вверхъ по лѣстницѣ въ ложу брата.

Старая графиня, мать Вронскаго, со своими стальными буколькками, была въ ложѣ брата. Варя съ княжной Сорокиной встрѣтились ему въ коридорѣ бельэтажа.

Проводивъ княжну Сорокину до матери, Варя подала руку деверю и тотчасъ же начала говорить съ нимъ о томъ, что интересовало его. Она была взволнована такъ, какъ онъ рѣдко видалъ ее.

— Я нахожу, что это низко и гадко, и madame Картасова не имѣла никакого права. Madame Каренина...—начала она.

— Да что? Я не знаю.

— Какъ, ты не слышалъ?

— Ты понимаешь, что я послѣдній объ этомъ услышу.

— Есть ли злѣе существо, какъ эта Картасова!

— Да что она сдѣлала?

— Мнѣ мужъ разсказалъ... Она оскорбила Каренину. Мужъ ея черезъ ложу сталъ говорить съ ней, а Картасова сдѣлала ему сцену. Она, говорятъ, громко сказала что-то оскорбительное и вышла.

— Графъ, ваша maman зоветъ васъ,—сказала княжна Сорокина, выглядывая изъ двери ложи.

— А я тебя все жду,—сказала ему мать, насмѣшливо улыбаясь.—Тебя совсѣмъ не видно.

Сынъ видѣлъ, что она не могла удержать улыбку радости.

— Здравствуйте, maman. Я шелъ къ вамъ,—сказалъ онъ холодно.

— Что же ты не идешь faire la cour á madame Karènine?—прибавила она, когда княжна Сорокина отошла.—Elle fait sensation. On oublie la Patti pour elle.

— Maman, я васъ просилъ не говорить мнѣ про это,—отвѣчалъ онъ, хмурясь.

— Я говорю то, что говорятъ всѣ.

Вронскій ничего не отвѣтилъ и, сказавъ нѣсколько словъ княжнѣ Сорокиной, вышелъ. Въ дверяхъ онъ встрѣтилъ брата.

— А, Алексѣй!—сказалъ братъ.—Какая гадость! Дура, больше ничего... Я сейчасъ хотѣлъ къ ней идти. Пойдемъ вмѣстѣ.

Вронскій не слушалъ его. Онъ быстрыми шагами пошелъ внизъ; онъ чувствовалъ, что ему надо что-то сдѣлать, но не зналъ что. Досада на нее за то, что она ставила себя и его въ такое фальшивое положеніе, вмѣстѣ съ жалостью къ ней за ея страданія волновали его. Онъ сошелъ внизъ въ партеръ и направился прямо къ бенуару Анны. У бенуара стоялъ Стремовъ и разговаривалъ съ нею.

— Теноровъ нѣтъ больше. Le moule en est brisé.

Вронскій поклонился ей и остановился, здороваясь со Стремовымъ.

— Вы, кажется, поздно пріѣхали и не слыхали лучшей аріи,— сказала Анна Вронскому, насмѣшливо, какъ ему показалось, взглянувъ на него.

— Я плохой цѣнитель,—сказалъ онъ, строго глядя на нее.

— Какъ князь Яшвинъ,—сказала она улыбаясь,—который находитъ, что Патти поетъ слишкомъ громко. Благодарю васъ,— сказала она, взявъ въ маленькую руку въ длинной перчаткѣ поднятую Вронскимъ афишу, и вдругъ въ это мгновеніе красивое лицо ея вздрогнуло. Она встала и пошла въ глубь ложи.

Замѣтивъ, что на слѣдующій актъ ложа ея осталась пустой, Вронскій, возбуждая шиканье затихшаго при звукахъ каватины театра, вышелъ изъ партера и поѣхалъ домой.

Анна уже была дома. Когда Вронскій вошелъ къ ней, она была въ томъ самомъ нарядѣ, въ которомъ она была въ театрѣ. Она сидѣла на первомъ у стѣны креслѣ и смотрѣла предъ собой. Она взглянула на него и тотчасъ же приняла прежнее положеніе.

— Анна,—сказалъ онъ.

— Ты, ты виноватъ во всемъ!—вскрикнула она со слезами отчаянія и злости въ голосѣ, вставая.

— Я просилъ, я умолялъ тебя не ѣздить, я зналъ, что тебѣ будетъ непріятно...

— Непріятно!—вскрикнула она,—ужасно! Сколько бы я ни жила, я не забуду этого. Она сказала, что позорно сидѣть рядомъ со мною.

— Слова глупой женщины,—сказалъ онъ, —но для чего рисковать, вызывать...

— Я ненавижу твое спокойствіе. Ты не долженъ былъ доводить меня до этого. Если бы ты любилъ меня...

— Анна! къ чему тутъ вопросъ о моей любви...

— Да, если бы ты любилъ меня, какъ я, если бы ты мучился, какъ я...—сказала она, съ выраженіемъ испуга взглядывая на него.

Ему жалко было ея и все-таки досадно. Онъ увѣрялъ ее въ своей любви, потому что видѣлъ, что только одно это можетъ теперь успокоить ее, и не упрекалъ ее словами, но въ душѣ своей онъ упрекалъ ее.

И тѣ увѣренія въ любви, которыя ему казались такъ пошлы, что ему совѣстно было выговаривать ихъ, она впивала въ себя и понемногу успокаивалась. На другой день послѣ этого, совершенно примиренные, они уѣхали въ деревню.

ШЕСТАЯ ЧАСТЬ.

I.

Дарья Александровна проводила лѣто съ дѣтьми въ Покровскомъ, у сестры своей, Кити Левиной. Въ ея имѣніи домъ совсѣмъ развалился, и Левинъ съ женой уговорили ее провести лѣто у нихъ. Степанъ Аркадьевичъ очень одобрилъ это устройство. Онъ говорилъ, что очень сожалѣетъ, что служба мѣшаетъ ему провести съ семействомъ лѣто въ деревнѣ, что̀ для него было бы высшимъ счастіемъ, и, оставаясь въ Москвѣ, пріѣзжалъ изрѣдка въ деревню на день и два. Кромѣ Облонскихъ, со всѣми дѣтьми и гувернанткой, въ это лѣто гостила у Левиныхъ еще старая княгиня, считавшая своимъ долгомъ слѣдить за неопытною дочерью, находившеюся *въ такомъ положеніи*. Кромѣ того, Варенька, заграничная пріятельница Кити, исполнила свое обѣщаніе—пріѣхать къ ней, когда Кити будетъ замужемъ,—и гостила у своего друга. Все это были родные и друзья жены Левина. И хотя онъ всѣхъ ихъ любилъ, ему немного жалко было своего Левинскаго міра и порядка, который былъ заглушаемъ этимъ наплывомъ «Щербацкаго элемента», какъ онъ говорилъ себѣ. Изъ его родныхъ гостилъ въ это лѣто у нихъ одинъ Сергѣй Ивановичъ, но и тотъ былъ не Левинскаго, а Кознышевскаго склада человѣкъ, такъ что Левинскій духъ совершенно уничтожался.

Въ Левинскомъ давно пустынномъ домѣ теперь было такъ много народа, что почти всѣ комнаты были заняты и почти каждый день старой княгинѣ приходилось, садясь за столъ, пересчитывать всѣхъ и отсаживать тринадцатаго внука или внучку за особенный столикъ. И для Кити, старательно занимавшейся хозяйствомъ, было не мало хлопотъ о пріобрѣтеніи куръ, индюшекъ, утокъ, которыхъ при лѣтнихъ аппетитахъ гостей и дѣтей выходило очень много.

Все семейство сидѣло за обѣдомъ. Дѣти Долли съ гувернанткой и Варенькой дѣлали планы о томъ, куда идти за грибами.

Сергѣй Ивановичъ, пользовавшійся между всѣми гостями уваженіемъ къ его уму и учености, доходившимъ почти до поклоненія, удивилъ всѣхъ, вмѣшавшись въ разговоръ о грибахъ.

— И меня возьмите съ собой. Я очень люблю ходить за грибами,—сказалъ онъ, глядя на Вареньку,—я нахожу, что это очень хорошее занятіе.

— Что жъ, мы очень рады,—покраснѣвъ отвѣчала Варенька. Кити значительно переглянулась съ Долли. Предложеніе ученаго и умнаго Сергѣя Ивановича идти за грибами съ Варенькой подтверждало нѣкоторыя предположенія Кити, въ послѣднее время очень ее занимавшія. Она поспѣшила заговорить съ матерью, чтобъ взглядъ ея не былъ замѣченъ. Послѣ обѣда Сергѣй Ивановичъ сѣлъ со своею чашкой кофе у окна въ гостиной, продолжая начатый разговоръ съ братомъ и поглядывая на дверь, изъ которой должны были выйти дѣти, собравшіяся за грибами. Левинъ присѣлъ на окнѣ возлѣ брата.

Кити стояла подлѣ мужа, очевидно дожидаясь конца неинтересовавшаго ее разговора, чтобы сказать ему что-то.

— Ты во многомъ перемѣнился съ тѣхъ поръ, какъ женился, и къ лучшему,—сказалъ Сергѣй Ивановичъ, улыбаясь Кити и очевидно мало интересуясь начатымъ разговоромъ,—но остался вѣренъ своей страсти защищать самыя парадоксальныя темы.

— Катя, тебѣ не хорошо стоять,—сказалъ ей мужъ, подвигая ей стулъ и значительно глядя на нее.

— Ну, да, впрочемъ, и некогда,—прибавилъ Сергѣй Ивановичъ, увидавъ выбѣгавшихъ дѣтей.

Впереди всѣхъ бокомъ, галопомъ, въ своихъ натянутыхъ чулкахъ, махая корзинкой и шляпой Сергѣя Ивановича, прямо на него бѣжала Таня.

Смѣло подбѣжавъ къ Сергѣю Ивановичу и блестя глазами, столь похожими на прекрасные глаза отца, она подала Сергѣю Ивановичу его шляпу и сдѣлала видъ, что хочетъ надѣть на него, робкою и нѣжною улыбкой смягчая свою вольность.

— Варенька ждетъ,—сказала она, осторожно надѣвая на него шляпу, по улыбкѣ Сергѣя Ивановича увидавъ, что это было можно.

Варенька стояла въ дверяхъ, переодѣтая въ желтое ситцевое платье, съ повязаннымъ на головѣ бѣлымъ платкомъ.

— Иду, иду, Варвара Андреевна,—сказалъ Сергѣй Ивановичъ, допивая изъ чашки кофей и разбирая по карманамъ платокъ и сигарочницу.

— А что за прелесть моя Варенька! А?—сказала Кити мужу, какъ только Сергѣй Ивановичъ всталъ. Она сказала это такъ,

что Сергѣй Ивановичъ могъ слышать ее, чего она, очевидно, хотѣла.—И какъ она красива, благородно красива! Варенька!—прокричала Кити,—вы будете въ мельничномъ лѣсу? Мы пріѣдемъ къ вамъ.

— Ты рѣшительно забываешь свое положеніе, Кити!—проговорила старая княгиня, поспѣшно выходя изъ двери.—Тебѣ нельзя такъ кричать.

Варенька, услыхавъ голосъ Кити и выговоръ ея матери, быстро легкими шагами подошла къ Кити. Быстрота движеній, краска, покрывавшая оживленное лицо,—все показывало, что въ ней происходило что-то необыкновенное. Кити знала, что̀ было это необыкновенное, и внимательно слѣдила за ней. Она теперь позвала Вареньку только затѣмъ, чтобы мысленно благословить ее на то важное событіе, которое, по мысли Кити, должно было совершиться нынче, послѣ обѣда, въ лѣсу.

— Варенька, я очень счастлива буду, если случится одна вещь,—шопотомъ сказала она, цѣлуя ее.

— А вы съ нами пойдете?—смутившись сказала Варенька Левину, дѣлая видъ, что не слыхала того, что̀ ей было сказано.

— Я пойду, но только до гумна, и тамъ останусь.

— Ну что тебѣ за охота?—сказала Кити.

— Нужно новыя фуры взглянуть и учесть,—сказалъ Левинъ.—А ты гдѣ будешь?

— На террасѣ.

II.

На террасѣ собралось все женское общество. Онѣ и вообще любили сидѣть тамъ послѣ обѣда, но нынче тамъ было еще и дѣло. Кромѣ шитья распашенокъ и вязанья свивальниковъ, которымъ всѣ были заняты, нынче тамъ варилось варенье по новой для Агаѳьи Михайловны методѣ, безъ прибавленія воды. Кити вводила эту новую методу, употреблявшуюся у нихъ дома. Агаѳья Михайловна, которой прежде поручено было это дѣло, считая, что то, что̀ дѣлалось въ домѣ Левиныхъ, не могло быть дурно, все-таки налила воды въ клубнику и землянику, утверждая, что это невозможно иначе; она была уличена въ этомъ, и теперь варилась малина при всѣхъ, и Агаѳья Михайловна должна была быть приведена къ убѣжденію, что и безъ воды варенье выйдетъ хорошо.

Агаѳья Михайловна съ разгоряченнымъ и огорченнымъ лицомъ, спутанными волосами и обнаженными по локоть худыми руками кругообразно покачивала тазикъ надъ жаровней и мрачно смотрѣла на малину, отъ всей души желая, чтобъ она за-

стыла и не проварилась. Княгиня, чувствуя, что на нее, какъ на главную совѣтницу по варкѣ малины, долженъ быть направленъ гнѣвъ Агаѳьи Михайловны, старалась сдѣлать видъ, что она занята другимъ и не интересуется малиной, говорила о постороннемъ, но искоса поглядывала на жаровню.

— Я на дешевомъ товарѣ всегда платья дѣвушкамъ покупаю сама,—говорила княгиня, продолжая начатый разговоръ.— Не снять ли теперь пѣнокъ, голубушка?—прибавила она, обращаясь къ Агаѳьѣ Михайловнѣ.—Совсѣмъ тебѣ не нужно это дѣлать самой, и жарко,—остановила она Кити.

— Я сдѣлаю,—сказала Долли и, вставъ, осторожно стала водить ложкой по пѣнящемуся сахару, изрѣдка, чтобъ отлѣпить отъ ложки приставшее къ ней, постукивая ею по тарелкѣ, покрытой уже разноцвѣтными, желто-розовыми, съ подтекающимъ кровянымъ сиропомъ, пѣнками. «Какъ они будутъ это лизать съ чаемъ!» думала она о своихъ дѣтяхъ, вспоминая, какъ она сама, бывши ребенкомъ, удивлялась, что большіе не ѣдятъ самаго лучшаго—пѣнокъ.

— Стива говоритъ, что гораздо лучше давать деньги!—продолжала между тѣмъ Долли начатый занимательный разговоръ о томъ, какъ лучше дарить людей,—но...

— Какъ можно деньги!—въ одинъ голосъ заговорили княгиня и Кити.—Онѣ цѣнятъ это.

— Ну, я, напримѣръ, въ прошломъ году купила нашей Матренѣ Семеновнѣ не поплинъ, а въ родѣ этого,—сказала княгиня.

— Я помню, она въ ваши именины въ немъ была.

— Премиленькій узоръ,—такъ просто и благородно. Я сама хотѣла себѣ сдѣлать, если бъ у нея не было. Въ родѣ какъ у Вареньки. Такъ мило и дешево.

— Ну, теперь, кажется, готово,—сказала Долли, спуская сиропъ съ ложки.

— Когда крендельками, тогда готово. Еще поварите, Агаѳья Михайловна.

— Эти мухи!—сердито сказала Агаѳья Михайловна.—Все то же будетъ,—прибавила она.

— Ахъ, какъ онъ милъ, не пугайте его!—неожиданно сказала Кити, глядя на воробья, который сѣлъ на перила и, перевернувъ стерженекъ малины, сталъ клевать его.

— Да, но ты бы подальше отъ жаровни,—сказала мать.

— A propos de Варенька,—сказала Кити по-французски, какъ онѣ и все время говорили, чтобъ Агаѳья Михайловна не

понимала ихъ.—Вы знаете, maman, что я нынче почему-то жду рѣшенія. Вы понимаете какого. Какъ бы хорошо было!

— Однако какова мастерица сваха!—сказала Долли.—Какъ она осторожно и ловко сводитъ ихъ...

— Нѣтъ, скажите, maman, что̀ вы думаете?

— Да что же думать? Онъ (*онъ* разумѣлся Сергѣй Ивановичъ) могъ всегда сдѣлать первую партію въ Россіи; теперь онъ ужъ не такъ молодъ, но все-таки, я знаю, за него и теперь пошли бы многія... Она очень добрая, но онъ могъ бы...

— Нѣтъ вы поймите, мама, почему для него и для нея лучше нельзя придумать. Первое—она прелесть!—сказала Кити, загнувъ одинъ палецъ.

— Она очень нравится ему, это вѣрно,—подтвердила Долли.

— Потомъ, онъ такое занимаетъ положеніе въ свѣтѣ, что ему ни состояніе, ни положеніе въ свѣтѣ его жены совершенно не нужны. Ему нужно одно—хорошую, милую жену, спокойную.

— Да, ужъ съ ней можно быть спокойнымъ,—подтвердила Долли.

— Третье, чтобъ она его любила. И это есть... То-есть это такъ бы хорошо было!.. Жду, что вотъ они явятся изъ лѣса и все рѣшится. Я сейчасъ увижу по глазамъ. Я бы такъ рада была! Какъ ты думаешь, Долли?

— Да ты не волнуйся. Тебѣ совсѣмъ не нужно волноваться,—сказала мать.

— Да я не волнуюсь, мама. Мнѣ кажется, что онъ нынче сдѣлаетъ предложеніе.

— Ахъ, это такъ странно, какъ и когда мужчина дѣлаетъ предложеніе... Есть какая-то преграда и вдругъ она прорвется,—сказала Долли, задумчиво улыбаясь и вспоминая свое прошедшее со Степаномъ Аркадьевичемъ.

— Мама, какъ вамъ папа сдѣлалъ предложеніе?—вдругъ спросила Кити.

— Ничего необыкновеннаго не было, очень просто,—отвѣчала княгиня, но лицо ея все просіяло отъ этого воспоминанія.

— Нѣтъ, но какъ? Вы все-таки его любили, прежде чѣмъ вамъ позволили говорить?

Кити испытывала особенную прелесть въ томъ, что она съ матерью теперь могла говорить, какъ съ равною, объ этихъ самыхъ главныхъ вопросахъ въ жизни женщины.

— Разумѣется, любилъ; онъ ѣздилъ къ намъ въ деревню.

— Но какъ рѣшилось, мама?

— Ты думаешь вѣрно, что вы что-нибудь новое выдумали? Все одно и то же: рѣшилось глазами, улыбками...

— Какъ вы это хорошо сказали, мама! Именно глазами и улыбками,—подтвердила Долли.

— Но какія слова онъ говорилъ?

— Какія тебѣ Костя говорилъ?

— Онъ писалъ мѣломъ. Это было удивительно... Какъ это мнѣ давно кажется!—сказала она.

И три женщины задумались объ одномъ и томъ же. Кити первая прервала молчаніе. Ей вспомнилась вся эта послѣдняя предъ ея замужествомъ зима и ея увлеченіе Вронскимъ.

— Одно... это прежняя пассія Вареньки!—сказала она, по естественной связи мысли вспомнивъ объ этомъ.—Я хотѣла сказать какъ-нибудь Сергѣю Ивановичу, приготовить его. Они, всѣ мужчины,—прибавила она,—ужасно ревнивы къ нашему прошедшему.

— Не всѣ,—сказала Долли.—Ты это судишь по своему мужу. Онъ до сихъ поръ мучается воспоминаніемъ о Вронскомъ. Да? правда вѣдь?

— Правда,—задумчиво улыбаясь глазами, отвѣчала Кити

— Только я не знаю,—вступилась княгиня-мать за свое материнское наблюденіе за дочерью,—какое же твое прошедшее могло его безпокоить? Что Вронскій ухаживалъ за тобой?—это бываетъ съ каждою дѣвушкой.

— Ну, да не про это мы говоримъ,—покраснѣвъ сказала Кити.

— Нѣтъ, позволь, — продолжала мать,—и потомъ ты сама мнѣ не хотѣла позволить переговорить съ Вронскимъ. Помнишь?

— Ахъ, мама!—съ выраженіемъ страданія сказала Кити.

— Теперь васъ не удержишь... Отношенія твои и не могли зайти дальше, чѣмъ должно; я бы сама вызвала его. Впрочемъ, тебѣ, моя душа, не годится волноваться. Пожалуйста, помни это и успокойся.

— Я совершенно спокойна, maman.

— Какъ счастливо вышло тогда для Кити, что пріѣхала Анна,—сказала Долли,—и какъ несчастливо для нея. Вотъ именно наоборотъ,—прибавила она, пораженная своею мыслью. Тогда Анна была такъ счастлива, а Кити себя считала несчастливой. Какъ совсѣмъ наоборотъ! Я часто о ней думаю.

— Есть о комъ думать. Гадкая, отвратительная женщина, безъ сердца,—сказала мать, не могшая забыть, что Кити вышла не за Вронскаго, а за Левина.

— Что за охота про это говорить,—съ досадой сказала Кити:—я объ этомъ не думаю и не хочу думать... И не хочу ду-

мать,—проговорила она, прислушиваясь къ знакомымъ шагамъ мужа по лѣстницѣ террасы.

— О чемъ это: и не хочу думать?—спросилъ Левинъ, входя на террасу.

Но никто не отвѣтилъ ему, и онъ не повторилъ вопроса.

— Мнѣ жалко, что я разстроилъ ваше женское царство,—сказалъ онъ, недовольно оглянувъ всѣхъ и понявъ, что говорили о чемъ-то такомъ, чего бы не стали говорить при немъ.

На секунду онъ почувствовалъ, что раздѣляетъ чувство Агаѳьи Михайловны, недовольство на то, что варятъ малину безъ воды, и вообще на чуждое Щербацкое вліяніе. Онъ улыбнулся, однако, и подошелъ къ Кити.

— Ну что?—спросилъ онъ ее, съ тѣмъ самымъ выраженіемъ глядя на нее, съ которымъ теперь всѣ обращались къ ней.

— Ничего, прекрасно,—улыбаясь сказала Кити,—а у тебя какъ?

— Да втрое больше везутъ, чѣмъ телѣга. Такъ ѣхать за дѣтьми? Я велѣлъ закладывать.

— Что жъ, ты хочешь Кити на линейкѣ везти?—съ упрекомъ сказала мать.

— Да вѣдь шагомъ, княгиня.

Левинъ никогда не называлъ княгиню maman, какъ это дѣлаютъ зятья, и это было непріятно княгинѣ. Но Левинъ, несмотря на то, что онъ очень любилъ и уважалъ княгиню, не могъ, не осквернивъ чувства къ своей умершей матери, называть ее такъ.

— Поѣдемте съ нами, maman,—сказала Кити.

— Не хочу я смотрѣть на эти безразсудства.

— Ну, я пѣшкомъ пойду. Вѣдь мнѣ здорово.—Кити встала, подошла къ мужу и взяла его за руку.

— Здорово, но все въ мѣру,—сказала княгиня.

— Ну, что, Агаѳья Михайловна, готово варенье?—сказалъ Левинъ, улыбаясь Агаѳьѣ Михайловнѣ и желая развеселить ее.—Хорошо по-новому?

— Должно быть, хорошо. По-нашему переварено.

— Оно и лучше, Агаѳья Михайловна: не прокиснетъ, а то у насъ ледъ теперь уже растаялъ, а беречь негдѣ,—сказала Кити, тотчасъ же понявъ намѣреніе мужа и съ тѣмъ же чувствомъ обращаясь къ старухѣ.—Зато ваше соленье такое, что мама говоритъ, нигдѣ такого не ѣдала,—прибавила она, улыбаясь и поправляя на ней косынку.

Агаѳья Михайловна посмотрѣла на Кити сердито.

— Вы меня не утѣшайте, барыня. Я вотъ посмотрю на васъ съ нимъ, мнѣ и весело,—сказала она, и это грубое выраженіе *съ нимъ*, а не *съ ними* тронуло Кити.

— Поѣдемте съ нами за грибами, вы намъ мѣста покажете.

Агаѳья Михайловна улыбнулась, покачала головой, какъ бы говоря: «и рада бы посердиться на васъ, да нельзя».

— Сдѣлайте пожалуйста по моему совѣту,—сказала старая княгиня:—сверхъ варенья положите бумажку и ромомъ намочите: и безъ льда никогда плѣсени не будетъ.

III.

Кити была въ особенности рада случаю побыть съ глазу на глазъ съ мужемъ, потому что она замѣтила, какъ тѣнь огорченія пробѣжала на его, такъ живо все отражающемъ лицѣ въ ту минуту, какъ онъ вошелъ на террасу и спросилъ, о чемъ говорили и ему не отвѣчали.

Когда они пошли пѣшкомъ впередъ другихъ и вышли изъ виду дома на накатанную, пыльную и усыпанную ржаными колосьями и зернами дорогу, она крѣпче оперлась на его руку и прижала ее къ себѣ. Онъ уже забылъ о минутномъ непріятномъ впечатлѣніи и наединѣ съ нею испытывалъ теперь, когда мысль о ея беременности ни на минуту не покидала его, то, еще новое для него и радостное, совершенно чистое отъ чувственности наслажденіе близости къ любимой женщинѣ. Говорить было нечего, но ему хотѣлось слышать звукъ ея голоса, такъ же какъ и взглядъ, измѣнившагося теперь при беременности. Въ голосѣ какъ и во взглядѣ, была мягкость и серьезность, подобная той, которая бываетъ у людей, постоянно сосредоточенныхъ надъ однимъ любимымъ дѣломъ.

— Такъ ты не устанешь? Упирайся больше,—сказалъ онъ.

— Нѣтъ, я такъ рада случаю побыть съ тобой наединѣ, и признаюсь, какъ ни хорошо мнѣ съ ними, жалко нашихъ зимнихъ вечеровъ вдвоемъ.

— То было хорошо, а это еще лучше. Оба лучше,—сказалъ онъ, прижимая ея руку.

— Ты знаешь, про что мы говорили, когда ты вошелъ?

— Про варенье?

— Да, и про варенье; но потомъ о томъ, какъ дѣлаютъ предложеніе.

— А!—сказалъ Левинъ, болѣе слушая звукъ ея голоса, чѣмъ слова, которыя она говорила, все время думая о дорогѣ, кото-

рая шла теперь лѣсомъ, и обходя тѣ мѣста, гдѣ бы она могла невѣрно ступить.

— И о Сергѣѣ Иванычѣ и Варенькѣ. Ты замѣтилъ?.. Я очень желаю этого,—продолжала она.—Какъ ты объ этомъ думаешь?—И она заглянула ему въ лицо.

— Не знаю, что думать,—улыбаясь отвѣчалъ Левинъ.—Сергѣй въ этомъ отношеніи очень страненъ для меня. Я вѣдь разсказывалъ.

— Да, что онъ былъ влюбленъ въ эту дѣвушку, которая умерла...

— Это было, когда я былъ ребенкомъ; я знаю это по преданіямъ. Я помню его тогда. Онъ былъ удивительно милъ. Но съ тѣхъ поръ я наблюдаю его съ женщинами: онъ любезенъ, нѣкоторыя ему нравятся, но чувствуешь, что онѣ для него просто люди, а не женщины.

— Да, но теперь съ Варенькой... кажется, что-то есть...

— Можетъ быть, и есть... Но его надо знать... Онъ особенный, удивительный человѣкъ. Онъ живетъ одною духовною жизнью. Онъ слишкомъ чистый и высокой души человѣкъ.

— Какъ? Развѣ это унизитъ его?

— Нѣтъ, но онъ такъ привыкъ жить одною духовною жизнью, что не можетъ примириться съ дѣйствительностью, а Варенька все-таки дѣйствительность.

Левинъ уже привыкъ теперь смѣло говорить свою мысль, не давая себѣ труда облекать ее въ точныя слова; онъ зналъ, что жена въ такія любовныя минуты, какъ теперь, пойметъ, что онъ хочетъ сказать, съ намека, и она поняла его.

— Да, но въ ней нѣтъ этой дѣйствительности, какъ во мнѣ; я понимаю, что онъ меня никогда бы не полюбилъ. Она вся духовная.

— Ну, нѣтъ, онъ тебя такъ любитъ, и мнѣ это всегда такъ пріятно, что мои тебя любятъ...

— Да, онъ ко мнѣ добръ, но...

— Но не такъ, какъ съ Николенькой покойнымъ... вы полюбили другъ друга,—докончилъ Левинъ.—Отчего не говорить?—прибавилъ онъ.—Я иногда упрекаю себя; кончится тѣмъ, что забудешь. Ахъ, какой былъ ужасный и прелестный человѣкъ... Да, такъ о чемъ же мы говорили?—помолчавъ сказалъ Левинъ.

— Ты думаешь, что онъ не можетъ влюбиться?—переводя на свой языкъ, сказала Кити.

— Не то, что не можетъ влюбиться,—улыбаясь сказалъ Левинъ,—но у него нѣтъ той слабости, которая нужна... Я всегда

завидовалъ ему и теперь даже, когда я такъ счастливъ, все-таки завидую.

— Завидуешь, что онъ не можетъ влюбиться?

— Я завидую тому, что онъ лучше меня,—улыбаясь сказалъ Левинъ.—Онъ живетъ не для себя. У него вся жизнь подчинена долгу. И потому онъ можетъ быть спокоенъ и доволенъ.

— А ты?—съ насмѣшливою, любовною улыбкой сказала Кити.

Она никакъ не могла бы выразить тотъ ходъ мыслей, который заставлялъ ее улыбаться; но послѣдній выводъ былъ тотъ, что мужъ ея, восхищающійся братомъ и унижающій себя предъ нимъ, былъ неискрененъ. Кити знала, что эта неискренность его происходила отъ любви къ брату, отъ чувства совѣстливости за то, что онъ слишкомъ счастливъ, и въ особенности отъ неоставляющаго его желанія быть лучше,—она любила это въ немъ и потому улыбалась.

— А ты? Чѣмъ же ты недоволенъ?—спросила она съ тою же улыбкой.

Ея недовѣріе къ его недовольству собой радовало его, и онъ безсознательно вызывалъ ее на то, чтобь она высказала причины своего недовѣрія.

— Я счастливъ, но недоволенъ собой...—сказалъ онъ.

— Такъ какъ же ты можешь быть недоволенъ, если ты счастливъ?

— То-есть какъ сказать?.. я по душѣ ничего не желаю, кромѣ того, чтобы вотъ ты не споткнулась. Ахъ, да вѣдь нельзя же такъ прыгать!—прервалъ онъ свой разговоръ упрекомъ за то, что она сдѣлала слишкомъ быстрое движеніе, переступая черезъ лежавшій на тропинкѣ сукъ.—Но когда я разсуждаю о себѣ и сравниваю себя съ другими, особенно съ братомъ, я чувствую, что я плохъ.

— Да чѣмъ же?—съ тою же улыбкой продолжала Кити:—развѣ ты то же не дѣлаешь для другихъ? И твои хутора, и твое хозяйство, и твоя книга?..

— Нѣтъ, я чувствую и особенно теперь: ты виновата,—сказалъ онъ, прижавъ ея руку,—что это не то. Я дѣлаю это такъ, слегка. Если бъ я могъ любить все это дѣло, какъ я люблю тебя... а то я послѣднее время дѣлаю, какъ заданный урокъ.

— Ну, что же ты скажешь про папа?—спросила Кити.—Что жъ и онъ плохъ, потому что ничего не дѣлалъ для общаго дѣла?

— Онъ?—нѣтъ. Но надо имѣть ту простоту, ясность, доброту, какъ твой отецъ; а у меня есть ли это? Я не дѣлаю и мучаюсь. Все это ты надѣлала. Когда тебя не было и не было еще *этого*,—сказалъ онъ со взглядомъ на ея животъ, который она поняла,—я всѣ свои силы клалъ на дѣло; а теперь не могу, и мнѣ собѣстно; я дѣлаю именно, какъ заданный урокъ, я притворяюсь...

— Ну, а захотѣлъ бы ты сейчасъ промѣняться съ Сергѣемъ Ивановичемъ?—сказала Кити.—Захотѣлъ бы ты дѣлать это общее дѣло и любить этотъ заданный урокъ, какъ онъ, и только?

— Разумѣется, нѣтъ,—сказалъ Левинъ.—Впрочемъ, я такъ счастливъ, что ничего не понимаю. А ты ужъ думаешь, что онъ нынче сдѣлаетъ предложеніе?—прибавилъ онъ помолчавъ.

— И думаю и нѣтъ. Только мнѣ ужасно хочется. Вотъ постой.—Она нагнулась и сорвала на краю дороги дикую ромашку.—Ну, считай: сдѣлаетъ, не сдѣлаетъ предложенія,—сказала она, подавая ему цвѣтокъ.

— Сдѣлаетъ, не сдѣлаетъ,—говорилъ Левинъ, обрывая бѣлые узкіе продороженные лепестки.

— Нѣтъ! нѣтъ!—схвативъ его за руку, остановила его Кити, съ волненіемъ слѣдившая за его пальцами.—Ты два оторвалъ.

— Ну, зато вотъ этотъ маленькій не въ счетъ,—сказалъ Левинъ, срывая коротенькій недоросшій лепестокъ.—Вотъ и линейка догнала насъ.

— Не устала ли ты, Кити?!—прокричала княгиня.

— Нисколько.

— А то садись, если лошади смирны, и шагомъ.

Но не стоило садиться, было уже близко, и всѣ пошли пѣшкомъ.

IV.

Варенька въ своемъ бѣломъ платкѣ на черныхъ волосахъ, окруженная дѣтьми, добродушно и весело занятая ими и, очевидно, взволнованная возможностью объясненія съ нравящимся ей мужчиной, была очень привлекательна. Сергѣй Ивановичъ ходилъ рядомъ съ ней и не переставая любовался ею. Глядя на нее, онъ вспоминалъ всѣ тѣ милыя рѣчи, которыя онъ слышалъ отъ нея, все, что зналъ про нее хорошаго, и все болѣе и болѣе сознавалъ, что чувство, которое онъ испытываетъ къ ней, есть что-то особенное, испытанное имъ давно-давно и

одинъ только разъ, въ первой молодости. Чувство радости отъ близости къ ней, все усиливаясь, дошло до того, что, подавая ей въ ея корзинку найденный имъ огромный на тонкомъ корнѣ съ завернувшимися краями березовый грибъ, онъ взглянулъ ей въ глаза и, замѣтивъ краску радостнаго и испуганнаго волненія, покрывшую ея лицо, самъ смутился и улыбнулся ей молча такою улыбкой, которая слишкомъ много говорила.

«Если такъ,—сказалъ онъ себѣ,—я долженъ обдумать и рѣшить, а не отдаваться, какъ мальчикъ, увлеченію минуты».

— Пойду теперь независимо отъ всѣхъ собирать грибы, а то мои пріобрѣтенія незамѣтны,—сказалъ онъ и пошелъ одинъ съ опушки лѣса, гдѣ они ходили по шелковистой низкой травѣ между рѣдкими старыми березами, въ середину лѣса, гдѣ между бѣлыми березовыми стволами сѣрѣли стволы осины и темнѣли кусты орѣшника. Отойдя шаговъ сорокъ и зайдя за кустъ бересклета въ полномъ цвѣту съ его розово-красными сережками, Сергѣй Ивановичъ, зная, что его не видятъ, остановился. Вокругъ него было совершенно тихо. Только вверху березъ, подъ которыми онъ стоялъ, какъ рой пчелъ, неумолкаемо шумѣли мухи, и изрѣдка доносились голоса дѣтей. Вдругъ недалеко съ края лѣса прозвучалъ контральтовый голосъ Вареньки, звавшій Гришу, и радостная улыбка выступила на лицо Сергѣя Ивановича. Сознавъ эту улыбку, Сергѣй Ивановичъ покачалъ неодобрительно головой на свое состояніе и, доставъ сигару, сталъ закуривать. Онъ долго не могъ зажечь спичку о стволъ березы. Нѣжная пленка бѣлой коры облѣпляла фосфоръ, и огонь тухъ. Наконецъ одна изъ спичекъ загорѣлась, и пахучій дымъ сигары колеблющеюся широкою скатертью опредѣленно потянулся впередъ и вверхъ надъ кустомъ подъ спускавшіяся вѣтви березы. Слѣдя глазами за полосой дыма, Сергѣй Ивановичъ пошелъ тихимъ шагомъ, обдумывая свое состояніе.

«Отчего же и нѣтъ?—думалъ онъ.—Если бъ это была вспышка или страсть, если бъ я испытывалъ только это влеченіе—это взаимное влеченіе (я могу сказать *взаимное)*, но чувствовалъ бы, что оно идетъ въ разрѣзъ со всѣмъ складомъ моей жизни, если бъ я чувствовалъ, что, отдавшись этому влеченію, я измѣняю своему призванію и долгу... но этого нѣтъ. Одно, что я могу сказать противъ, это то, что, потерявъ Marie, я говорилъ себѣ, что останусь вѣренъ ея памяти. Одно это я могу сказать противъ своего чувства... Это важно», говорилъ себѣ Сергѣй Ивановичъ, чувствуя вмѣстѣ съ тѣмъ, что это соображеніе для него лично не могло имѣть никакой важности, а развѣ только портило въ глазахъ другихъ людей его поэтическую

роль. «Но, кромѣ этого, сколько бы я ни искалъ, я ничего не найду, что̀ бы сказать противъ моего чувства. Если бы я выбиралъ однимъ разумомъ, я ничего не могъ бы найти лучше!»

Сколько онъ ни вспоминалъ женщинъ и дѣвушекъ, которыхъ онъ зналъ, онъ не могъ вспомнить дѣвушки, которая бы до такой степени соединяла всѣ, именно всѣ качества, которыя онъ, холодно разсуждая, желалъ видѣть въ своей женѣ. Она имѣла всю прелесть и свѣжесть молодости, но не была ребенкомъ, и если любила его, то любила сознательно, какъ должна любить женщина: это было одно. Другое: она была не только далека отъ свѣтскости, но, очевидно, имѣла отвращеніе къ свѣту, а вмѣстѣ съ тѣмъ знала свѣтъ и имѣла всѣ тѣ пріемы женщины хорошаго общества, безъ которыхъ для Сергѣя Ивановича была немыслима подруга жизни. Третье: она была религіозна, и не какъ ребенокъ безотчетно религіозна и добра, какою была, напримѣръ, Кити, но жизнь ея была основана на религіозныхъ убѣжденіяхъ. Даже до мелочей Сергѣй Ивановичъ находилъ въ ней все то, чего онъ желалъ отъ жены: она была бѣдна и одинока, такъ что она не приведетъ съ собой кучу родныхъ и ихъ вліяніе въ домъ мужа, какъ это онъ видѣлъ на Кити, а будетъ всѣмъ обязана мужу, чего онъ тоже всегда желалъ для своей будущей семейной жизни. И эта дѣвушка, соединявшая въ себѣ всѣ эти качества, любила его. Онъ былъ скроменъ, но не могъ не видѣть этого. И онъ любилъ ее. Одно соображеніе противъ — были его года. Но его порода долговѣчна, у него не было ни одного сѣдого волоса, ему не давалъ никто сорока лѣтъ и онъ помнилъ, что Варенька говорила, что только въ Россіи люди въ пятьдесятъ лѣтъ считаютъ себя стариками, а что во Франціи пятидесятилѣтній человѣкъ считаетъ себя dans la force de l'age, а сорокалѣтній—un jeune homme. Но что значилъ счетъ годовъ, когда онъ чувствовалъ себя молодымъ душой, какимъ онъ былъ двадцать лѣтъ тому назадъ? Развѣ не молодость было то чувство, которое онъ испытывалъ теперь, когда, выйдя съ другой стороны опять на край лѣса, онъ увидѣлъ на яркомъ свѣтѣ косыхъ лучей солнца граціозную фигуру Вареньки, въ желтомъ платьѣ и съ корзинкой, шедшей легкимъ шагомъ мимо ствола старой березы, и когда это впечатлѣніе вида Вареньки слилось въ одно съ поразившимъ его своею красотой видомъ облитаго косыми лучами желтѣющаго овсянаго поля и за полемъ далекаго стараго лѣса, испещреннаго желтизною, тающаго въ синей дали? Сердце его радостно сжалось. Чувство умиленія охватило его. Онъ почувствовалъ, что рѣшился. Варенька, только что при-

свѣшая, чтобы поднять грибъ, гибкимъ движеніемъ поднялась и оглянулась. Бросивъ сигару, Сергѣй Ивановичъ рѣшительными шагами направился къ ней.

V.

«Варвара Андреевна, когда я былъ еще очень молодъ, я составилъ себѣ идеалъ женщины, которую я полюбилъ и которую я буду счастливъ назвать своею женой. Я прожилъ длинную жизнь и теперь въ первый разъ встрѣтилъ въ васъ то, чего искалъ. Я люблю васъ и предлагаю вамъ руку».

Сергѣй Ивановичъ говорилъ себѣ это въ то время, какъ онъ былъ уже въ десяти шагахъ отъ Вареньки. Опустившись на колѣни и защищая руками грибъ отъ Гриши, она звала маленькую М шу.

— Сюда, сюда! Маленькіе! много!—своимъ милымъ груднымъ голосомъ говорила она.

Увидавъ подходившаго Сергѣя Ивановича, она не поднялась и не перемѣнила положенія; но все говорило ему, что она чувствуетъ его приближеніе и радуется ему.

— Что вы нашли что-нибудь?—спросила она, изъ-за бѣлаго платка поворачивая къ нему свое красивое, тихо улыбающееся лицо.

— Ни одного, — сказалъ Сергѣй Ивановичъ. — А вы?

Она не отвѣчала ему, занятая дѣтьми, которыя окружали ее.

— Еще этотъ, подлѣ вѣтки,—указала она маленькой Машѣ маленькую сыроѣжку, перерѣзанную поперекъ своей упругой розовой шляпки сухою травинкой, изъ-подъ которой она выдиралась. Варенька встала, когда Маша, разломивъ на двѣ бѣлыя половинки, подняла сыроѣжку. — Это мнѣ дѣтство напоминаетъ,—прибавила она, отходя отъ дѣтей рядомъ съ Сергѣемъ Ивановичемъ.

Они прошли молча нѣсколько шаговъ. Варенька видѣла, что онъ хотѣлъ говорить, она догадывалась о чемъ и замирала отъ волненія радости и страха. Они отошли такъ далеко, что никто уже не могъ бы слышать ихъ, но онъ все еще не начиналъ говорить. Вареньк҃ лучше было молчать. Послѣ молчанія можно было легче сказать то, что они хотѣли сказать, чѣмъ послѣ словъ о грибахъ; но противъ своей воли, какъ будто нечаянно, Варенька сказала:

— Такъ вы ничего не нашли? Впрочемъ, въ срединѣ лѣса всегда меньше.

Сергѣй Ивановичъ вздохнулъ и ничего не отвѣчалъ. Ему было досадно, что она заговорила о грибахъ. Онъ хотѣлъ воротить ее къ первымъ словамъ, которыя она сказала о своемъ дѣтствѣ; но, какъ бы противъ воли своей, помолчавъ нѣсколько времени, сдѣлалъ замѣчаніе на ея послѣднія слова:

— Я слышалъ только, что бѣлые бываютъ преимущественно на краю, хотя я и не умѣю отличить бѣлаго.

Прошло еще нѣсколько минутъ, они отошли еще дальше отъ дѣтей и были совершенно одни. Сердце Вареньки билось такъ, что она слышала удары его и чувствовала, что краснѣетъ, блѣднѣетъ и опять краснѣетъ.

Быть женой такого человѣка, какъ Кознышевъ, послѣ своего положенія у госпожи Шталь представлялось ей верхомъ счастія. Кромѣ того, она почти была увѣрена, что она влюблена въ него. И сейчасъ это должно было рѣшиться. Ей страшно было. Страшно было и то, что̀ онъ скажетъ, и то, что̀ онъ не скажетъ.

Теперь или никогда надо было объясниться: это чувствовалъ и Сергѣй Ивановичъ. Все—во взглядѣ, въ румянцѣ, въ опущенныхъ глазахъ Вареньки—показывало болѣзненное ожиданіе. Сергѣй Ивановичъ видѣлъ это и жалѣлъ ее. Онъ чувствовалъ даже то, что ничего не сказать теперь значило оскорбить ее. Онъ быстро въ умѣ своемъ повторялъ себѣ всѣ доводы въ пользу своего рѣшенія. Онъ повторялъ себѣ и слова, которыми онъ хотѣлъ выразить свое предложеніе; но вмѣсто этихъ словъ, по какому-то неожиданно пришедшему ему соображенію онъ спросилъ:

— Какая же разница между бѣлымъ и березовымъ?

Губы Вареньки дрожали отъ волненія, когда она отвѣтила:

— Въ шляпкѣ почти нѣтъ разницы, но въ корнѣ.

И какъ только эти слова были сказаны, и онъ и она поняли, что дѣло кончено, что то, что̀ должно было быть сказано, не будетъ сказано, и волненіе ихъ, дошедшее передъ этимъ до высшей степени, стало утихать.

— Березовый грибъ—корень его напоминаетъ двухдневную небритую бороду брюнета,—сказалъ уже покойно Сергѣй Ивановичъ.

— Да, это правда,—улыбаясь отвѣчала Варенька, и невольно направленіе ихъ прогулки измѣнилось. Они стали приближаться къ дѣтямъ. Варенькѣ было и больно и стыдно, но вмѣстѣ съ тѣмъ она испытывала и чувство облегченія.

Возвратившись домой и перебирая всѣ доводы, Сергѣй Ивановичъ нашелъ, что онъ разсуждалъ неправильно. Онъ не могъ измѣнить памяти Marie.

— Тише, дѣти, тише?—даже сердито закричалъ Левинъ на дѣтей, становясь передъ женой, чтобы защитить ее, когда толпа дѣтей съ визгомъ радости разлетѣлась имъ навстрѣчу.

Послѣ дѣтей вышли изъ лѣсу и Сергѣй Ивановичъ съ Варенькой. Кити не нужно было спрашивать Вареньку: она по спокойнымъ и нѣсколько пристыженнымъ выраженіямъ обоихъ лицъ поняла, что планы ея не сбылись.

— Ну что?—спросилъ ее мужъ, когда они опять возвращались домой.

— Не беретъ, — сказала Кити, улыбкой и манерой говорить напоминая отца, что̀ часто съ удовольствіемъ замѣчалъ въ ней Левинъ.

— Какъ не беретъ?

— Вотъ такъ,—сказала она, взявъ руку мужа, поднося ее ко рту и дотрогиваясь до нея нераскрытыми губами.—Какъ у архіерея руку цѣлуютъ.

— У кого же не беретъ?—сказалъ онъ смѣясь.

— У обоихъ. А надо, чтобы вотъ такъ...

— Мужики ѣдутъ...

— Нѣтъ, они не видали.

VI.

Во время дѣтскаго чая большіе сидѣли на балконѣ и разговаривали такъ, какъ будто ничего не случилось, хотя всѣ, и въ особенности Сергѣй Ивановичъ и Варенька, очень хорошо знали, что случилось хоть и отрицательное, но очень важное обстоятельство. Они испытывали оба одинаковое чувство, подобное тому, какое испытываетъ ученикъ послѣ неудавшагося экзамена, оставшись въ томъ же классѣ или навсегда исключенный изъ заведенія. Всѣ присутствующіе, чувствуя тоже, что что-то случилось, говорили оживленно о постороннихъ предметахъ. Левинъ и Кити чувствовали себя особенно счастливыми и любовными въ нынѣшній вечеръ. И что они были счастливы своею любовью, это заключало въ себѣ непріятный намекъ на тѣхъ, которые того же хотѣли и не могли,—и имъ было совѣстно.

— Попомните мое слово: Alexandre не пріѣдетъ, — сказала старая княгиня.

Нынче вечеромъ ждали съ поѣзда Степана Аркадьевича, и старый князь писалъ, что, можетъ-быть, и онъ пріѣдетъ.

— И я знаю отчего,—продолжала княгиня:—онъ говоритъ, что молодыхъ надо оставлять однихъ на первое время.

— Да папа и такъ насъ оставилъ. Мы его не видали, — сказала Кити.—И какіе же мы молодые? Мы уже такіе старые.

— Только если онъ не пріѣдетъ, и я прощусь съ вами, дѣти,— грустно вздохнувъ, сказала княгиня.

— Ну, что вамъ, мама!—напали на нее обѣ дочери.

— Ты подумай, ему-то каково? Вѣдь теперь...

И вдругъ совершенно неожиданно голосъ старой княгини задрожалъ. Дочери замолчали и переглянулись. «Maman всегда найдетъ себѣ что-нибудь грустное», сказали онѣ этимъ взглядомъ. Онѣ не знали, что какъ ни хорошо было княгинѣ у дочери, какъ она ни чувствовала себя нужною тутъ, ей было мучительно грустно и за себя и за мужа съ тѣхъ поръ, какъ отдали замужъ послѣднюю любимую дочь и гнѣздо семейное опустѣло.

— Что вамъ, Агаѳья Михайловна? — спросила вдругъ Кити остановившуюся съ таинственнымъ видомъ и значительнымъ лицомъ Агаѳью Михайловну.

— Насчетъ ужина.

— Ну вотъ и прекрасно,—сказала Долли,—ты поди распоряжайся, а я пойду съ Гришей повторю его урокъ. А то онъ нынче ничего не дѣлалъ.

— Это мнѣ урокъ! Нѣтъ, Долли, я пойду,—вскочивъ, проговорилъ Левинъ.

Гриша, уже поступившій въ гимназію, лѣтомъ долженъ былъ повторять уроки. Дарья Александровна, еще въ Москвѣ учившаяся съ сыномъ вмѣстѣ латинскому языку, пріѣхавъ къ Левинымъ, за правило себѣ поставила повторять съ нимъ хоть разъ въ день уроки самые трудные — изъ ариѳметики и латинскаго. Левинъ вызвался замѣнить ее, но мать, услыхавъ разъ урокъ Левина и замѣтивъ, что это дѣлается не такъ, какъ въ Москвѣ репетировалъ учитель, конфузясь и стараясь не оскорбить Левина, рѣшительно высказала ему, что надо проходить по книгѣ такъ, какъ учитель, и что она лучше будетъ опять сама это дѣлать. Левину досадно было и на Степана Аркадьевича за то, что по его безпечности не онъ, а мать занималась наблюденіемъ за преподаваніемъ, въ которомъ она ничего не понимала, и на учителей за то, что они такъ дурно учатъ дѣтей; но свояченицѣ онъ обѣщался вести ученіе, какъ она этого хотѣла. И онъ продолжалъ заниматься съ Гришей уже не по-своему, а по книгѣ, а потому неохотно и часто забывая время урока. Такъ было и нынче.

— Нѣтъ, я пойду, Долли, а ты сиди,—сказалъ онъ.—Мы все сдѣлаемъ по порядку, по книжкѣ. Только вотъ какъ Стива пріѣдетъ, мы на охоту уѣдемъ, тогда ужъ пропустимъ.

И Левинъ пошелъ къ Гришѣ.

То же самое сказала Варенька Кити. Варенька и въ счастливомъ, благоустроенномъ домѣ Левиныхъ сумѣла быть полезной.

— Я закажу ужинъ, а вы сидите,—сказала она и встала къ Агаѳьѣ Михайловнѣ.

— Да, да, вѣрно цыплятъ не нашли. Тогда своихъ...—сказала Кити.

— Мы разсудимъ съ Агаѳьей Михайловной,—и Варенька скрылась съ нею.

— Какая милая дѣвушка!—сказала княгиня.

— Не милая, maman, а прелесть такая, какихъ не бываетъ.

— Такъ вы нынче ждете Степана Аркадьевича?—сказалъ Сергѣй Ивановичъ, очевидно не желая продолжать разговоръ о Варенькѣ.—Трудно найти двухъ свояковъ менѣе похожихъ другъ на друга,—сказалъ онъ съ тонкою улыбкой:—одинъ подвижной, живущій только въ обществѣ, какъ рыба въ водѣ; другой—нашъ Костя—живой, быстрый, чуткій на все, но какъ только въ обществѣ, такъ или замретъ, или бьется безтолково, какъ рыба на землѣ.

— Да, онъ легкомысленъ очень,—сказала княгиня, обращаясь къ Сергѣю Ивановичу.—Я хотѣла именно просить васъ поговорить ему, что ей (она указала на Кити) невозможно оставаться здѣсь, а непремѣнно надо пріѣхать въ Москву. Онъ говоритъ выписать доктора...

— Maman, онъ все сдѣлаетъ, онъ на все согласенъ,—съ досадой на мать за то, что она призываетъ въ этомъ дѣлѣ судьей Сергѣя Ивановича, сказала Кити.

Въ срединѣ ихъ разговора въ аллеѣ послышалось фырканье лошадей и звукъ колесъ по щебню.

Не успѣла еще Долли встать, чтобы идти навстрѣчу мужу, какъ внизу, изъ окна комнаты, въ которой учился Гриша, выскочилъ Левинъ и ссадилъ Гришу.

— Это Стива!—изъ-подъ балкона крикнулъ Левинъ. — Мы кончили, Долли, не бойся!—прибавилъ онъ и какъ мальчикъ пустился бѣжать навстрѣчу экипажу.

— Is, ea, id, ejus, ejus, ejus! — кричалъ Гриша, подпрыгивая по аллеѣ.

— И еще кто-то. Вѣрно папа!—прокричалъ Левинъ, остановившись у входа въ аллею.--Кити, не ходи по крутой лѣстницѣ, а кругомъ.

Но Левинъ ошибся, принявъ того, кто сидѣлъ въ коляскѣ, за стараго князя. Когда онъ приблизился къ коляскѣ, онъ уви-

далъ рядомъ со Степаномъ Аркадьевичемъ не князя, а красиваго, полнаго молодого человѣка въ шотландскомъ колпачкѣ, съ длинными концами лентъ назади. Это былъ Васенька Весловскій, троюродный братъ Щербацкихъ, петербургско-московскій блестящій молодой человѣкъ, «отличнѣйшій малый и страстный охотникъ», какъ его представилъ Степанъ Аркадьевичъ.

Нисколько не смущенный тѣмъ разочарованіемъ, которое онъ произвелъ, замѣнивъ собой стараго князя, Весловскій весело поздоровался съ Левинымъ, напоминая прежнее знакомство, и, подхвативъ въ коляску Гришу, перенесъ его черезъ пойнтера, котораго везъ съ собой Степанъ Аркадьевичъ.

Левинъ не сѣлъ въ коляску, а пошелъ сзади. Ему было немного досадно на то, что не пріѣхалъ старый князь, котораго онъ чѣмъ больше зналъ, тѣмъ больше любилъ, и на то, что явился этотъ Васенька Весловскій, человѣкъ совершенно чужой и лишній. Онъ показался ему еще тѣмъ болѣе чуждымъ и лишнимъ, что, когда Левинъ подошелъ къ крыльцу, у котораго собралась вся оживленная толпа большихъ и дѣтей, онъ увидалъ, что Васенька Весловскій съ особенно ласковымъ и галантнымъ видомъ цѣлуетъ руку Кити.

— А мы cousins съ вашею женой, да и старые знакомые,— сказалъ Васенька Весловскій, опять крѣпко-крѣпко пожимая руку Левина.

— Ну что̀, дичь есть? — обратился къ Левину Степанъ Аркадьевичъ, едва поспѣвавшій каждому сказать привѣтствіе.—Мы вотъ съ нимъ имѣемъ самыя жестокія намѣренія. Какъ же, maman, они съ тѣхъ поръ не были въ Москвѣ. Ну, Таня, вотъ тебѣ! Достань пожалуйста въ коляскѣ сзади,—на всѣ стороны говорилъ онъ.—Какъ ты посвѣжѣла, Долленька,—говорилъ онъ женѣ, еще разъ цѣлуя ея руку, удерживая ее въ своей и потрепливая сверху другою.

Левинъ, за минуту тому назадъ бывшій въ самомъ веселомъ расположеніи духа, теперь мрачно смотрѣлъ на всѣхъ, и все ему не нравилось.

«Кого онъ вчера цѣловалъ этими губами?» думалъ онъ, глядя на нѣжности Степана Аркадьевича съ женой. Онъ посмотрѣлъ на Долли, и она тоже не понравилась ему.

«Вѣдь она не вѣритъ его любви. Такъ чему же она такъ рада? Отвратительно!» думалъ Левинъ.

Онъ посмотрѣлъ на княгиню, которая такъ мила была ему минуту тому назадъ, и ему не понравилась та манера, съ которою она, какъ къ себѣ въ домъ, привѣтствовала этого Васеньку съ его лентами.

Даже Сергѣй Ивановичъ, который тоже вышелъ на крыльцо, показался ему непріятенъ тѣмъ притворнымъ дружелюбіемъ, съ которымъ онъ встрѣчалъ Степана Аркадьевича, тогда какъ Левинъ зналъ, что братъ его не любилъ и не уважалъ Облонскаго.

И Варенька, и та ему была противна тѣмъ, какъ она съ своимъ видомъ sainte nitouche знакомилась съ этимъ господиномъ, тогда какъ только и думала о томъ, какъ бы ей выйти замужъ.

И противнѣе всѣхъ была Кити тѣмъ, какъ она поддалась тому тону веселья, съ которымъ этотъ господинъ, какъ на праздникъ для себя и для всѣхъ, смотрѣлъ на свой пріѣздъ въ деревню, и въ особенности непріятна была тою особенною улыбкой, которою она отвѣчала на его улыбки.

Шумно разговаривая, всѣ пошли въ домъ; но, какъ только всѣ усѣлись, Левинъ повернулся и вышелъ

Кити видѣла, что съ мужемъ что-то сдѣлалось. Она хотѣла улучить минуту поговорить съ нимъ наединѣ, но онъ поспѣшилъ уйти отъ нея, сказавъ, что ему нужно въ контору. Давно уже ему хозяйственныя дѣла не казались такъ важны, какъ нынче. «Имъ тамъ все праздникъ,—думалъ онъ,—а тутъ дѣла не праздничныя, которыя не ждутъ и безъ которыхъ жить нельзя».

VII.

Левинъ вернулся домой только тогда, когда послали звать его къ ужину. На лѣстницѣ стояли Кити съ Агаѳьей Михайловной, совѣщаясь о винахъ къ ужину.

— Да что вы такой fuss дѣлаете? Подать что̀ обыкновенно.

— Нѣтъ, Стива не пьетъ... Костя, подожди, что съ тобой?— заговорила Кити, поспѣвая за нимъ, но онъ безжалостно, не дожидаясь ея, ушелъ большими шагами въ столовую и тотчасъ же вступилъ въ общій оживленный разговоръ, который поддерживали тамъ Васенька Весловскій и Степанъ Аркадьевичъ.

— Ну что же, завтра ѣдемъ на охоту?—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ.

— Пожалуйста поѣдемъ, — сказалъ Весловскій, пересаживаясь бокомъ на другой стулъ и поджимая подъ себя жирную ногу.

— Я очень радъ, поѣдемъ. А вы охотились уже нынѣшній годъ?—сказалъ Левинъ Весловскому, внимательно оглядывая его ногу, но съ притворною пріятностью, которую такъ знала въ немъ Кити и которая такъ не шла ему.—Дупелей не знаю

найдемъ ли, а бекасовъ много. Только надо ѣхать рано. Вы не устанете? Ты не усталъ, Стива?

— Я усталъ? Никогда еще не уставалъ. Давайте не спать всю ночь! Пойдемте гулять!

— Въ самомъ дѣлѣ, давайте не спать! отлично! — подтвердилъ Весловскій.

— О, въ этомъ мы увѣрены, что ты можешь не спать и другимъ не давать, — сказала Долли мужу съ тою чуть замѣтною ироніей, съ которою она теперь почти всегда относилась къ своему мужу.—А по-моему ужъ теперь пора... Я пойду, я не ужинаю.

— Нѣтъ, ты посиди, Долленька,—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, переходя на ея сторону за большимъ столомъ, на которомъ ужинали. — Я тебѣ еще сколько разскажу.

— Вѣрно ничего.

— А ты знаешь, Весловскій былъ у Анны. И онъ опять къ нимъ ѣдетъ. Вѣдь они всего въ семидесяти верстахъ отъ васъ. И я тоже непремѣнно съѣзжу. Весловскій, поди сюда!

Васенька перешелъ къ дамамъ и сѣлъ рядомъ съ Кити.

— Ахъ, разскажите пожалуйста, вы были у нея? какъ она?— обратилась къ нему Дарья Александровна.

Левинъ остался на другомъ концѣ стола и, не переставая разговаривать съ княгиней и Варенькой, видѣлъ, что между Степаномъ Аркадьевичемъ, Долли, Кити и Весловскимъ шелъ оживленный и таинственный разговоръ. Мало того, что шелъ таинственный разговоръ, онъ видѣлъ въ лицѣ своей жены выраженіе серьезнаго чувства, когда она, не спуская глазъ, смотрѣла на красивое лицо Васеньки, что-то оживленно разсказывавшаго.

— Очень у нихъ хорошо,—разсказывалъ Васенька про Вронскаго и Анну.—Я, разумѣется, не беру на себя судить, но въ ихъ домѣ чувствуешь себя въ семьѣ.

— Что жъ они намѣрены дѣлать?

— Кажется, на зиму хотятъ ѣхать въ Москву.

— Какъ бы хорошо намъ вмѣстѣ съѣхаться у нихъ! Ты когда поѣдешь?—спросилъ Степанъ Аркадьевичъ у Васеньки.

— Я проведу у нихъ іюль.

— А ты поѣдешь?—обратился Степанъ Аркадьевичъ къ женѣ.

— Я давно хотѣла и непремѣнно поѣду, — сказала Долли.—Мнѣ ее жалко, и я знаю ее. Она прекрасная женщина. Я поѣду одна, когда ты уѣдешь, и никого этимъ не стѣсню. И даже лучше безъ тебя.

— И прекрасно,—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ.—А ты, Кити?

— Я? Зачѣмъ я поѣду?—вся вспыхнувъ, сказала Кити и оглянулась на мужа.

— А вы знакомы съ Анной Аркадьевной?—спросилъ ее Весловскій.—Она очень привлекательная женщина.

— Да,—еще болѣе краснѣя, отвѣчала она Весловскому, встала и подошла къ мужу.

— Такъ ты завтра ѣдешь на охоту?—сказала она.

Ревность его въ эти нѣсколько минутъ, особенно по тому румянцу, который покрылъ ея щеки, когда она говорила съ Весловскимъ, уже далеко ушла. Теперь, слушая ея слова, онъ ихъ понималъ уже по-своему. Какъ ни странно было ему потомъ вспоминать объ этомъ, теперь ему казалось ясно, что если она спрашиваетъ его, ѣдетъ ли онъ на охоту, то это интересуетъ ее только потому, чтобы знать, доставитъ ли онъ это удовольствіе Васенькѣ Весловскому, въ котораго она, по его понятіямъ, уже была влюблена.

— Да, я поѣду,—ненатуральнымъ, самому себѣ противнымъ голосомъ отвѣчалъ онъ ей.

— Нѣтъ, лучше пробудьте завтра день, а то Долли не видала мужа совсѣмъ; а послѣзавтра поѣзжайте, — сказала Кити.

Смыслъ словъ Кити теперь уже переводился Левинымъ такъ: «Не разлучай меня съ *нимъ*. Что ты уѣдешь — мнѣ все равно, но дай мнѣ насладиться обществомъ этого прелестнаго молодого человѣка».

— Ахъ, если ты хочешь, то мы завтра пробудемъ,—съ особенною пріятностью отвѣчалъ Левинъ.

Васенька между тѣмъ, нисколько не подозрѣвая того страданія, которое причинялось его присутствіемъ, вслѣдъ за Кити всталъ отъ стола и, слѣдя за ней улыбающимся, ласковымъ взглядомъ, пошелъ за нею.

Левинъ видѣлъ этотъ взглядъ. Онъ поблѣднѣлъ и съ минуту не могъ перевести дыханія. «Какъ позволить себѣ смотрѣть такъ на мою жену!» кипѣло въ немъ.

— Такъ завтра? Поѣдемъ пожалуйста, — сказалъ Васенька, присаживаясь на стулѣ и опять подворачивая ногу по своей привычкѣ.

Ревность Левина еще дальше ушла. Уже онъ видѣлъ себя обманутымъ мужемъ, въ которомъ нуждаются жена и любовникъ только для того, чтобы доставлять имъ удобства жизни и удовольствія... Но, несмотря на то, онъ любезно и гостепріимно разспрашивалъ Васеньку объ его охотахъ, ружьѣ, сапогахъ и согласился ѣхать завтра.

На счастіе Левина, старая княгиня прекратила его страданія тѣмъ, что сама встала и посовѣтовала Кити идти спать. Но и тутъ не обошлось безъ новаго страданія для Левина. Прощаясь съ хозяйкой, Васенька опять хотѣлъ поцѣловать ея руку, но Кити, покраснѣвъ, съ наивною грубостью, за которую ей потомъ выговаривала мать, сказала, отстраняя руку:

— Это у насъ не принято.

Въ глазахъ Левина она была виновата въ томъ, что она допустила такія отношенія, и еще больше виновата въ томъ, что такъ неловко показала, что они ей не нравятся.

— Ну, что за охота спать!—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, послѣ выпитыхъ за ужиномъ нѣсколькихъ стакановъ вина пришедшій въ свое самое милое и поэтическое настроеніе. — Смотри, Кити,—говорилъ онъ, указывая на поднимавшуюся изъ-за липъ луну,—что за прелесть! Весловскій, вотъ когда серенаду. Ты знаешь, у него славный голосъ, мы съ нимъ спѣлись дорогой. Онъ привезъ съ собой прекрасные романсы, новые два. Съ Варварой Андреевной бы спѣть.

Когда всѣ разошлись, Степанъ Аркадьевичъ еще долго ходилъ съ Весловскимъ по аллеѣ, и слышались ихъ спѣвавшіеся на новомъ романсѣ голоса.

Слушая эти голоса. Левинъ, насупившись, сидѣлъ на креслѣ въ спальнѣ жены и упорно молчалъ на ея вопросы о томъ, что̀ съ нимъ; но когда наконецъ она сама, робко улыбаясь, спросила: «Ужъ не что ли нибудь не понравилось тебѣ съ Весловскимъ?» его прорвало и онъ высказалъ все; то, что̀ онъ высказывалъ, оскорбляло его и потому еще больше его раздражало.

Онъ стоялъ предъ ней съ страшно блестѣвшими изъ-подъ насупленныхъ бровей глазами и прижималъ къ груди сильныя руки, какъ будто напрягая всѣ силы свои, чтобъ удержать себя. Выраженіе лица его было бы сурово и даже жестоко, если бъ оно вмѣстѣ съ тѣмъ не выражало страданія, которое трогало ее. Скулы его тряслись, и голосъ обрывался.

— Ты пойми, что я не ревную: это мерзкое слово. Я не могу ревновать и вѣрить, чтобъ... Я не могу сказать, что̀ я чувствую, но это ужасно... Я не ревную, но я оскорбленъ, униженъ тѣмъ, что кто-нибудь смѣетъ думать, смѣетъ смотрѣть на тебя такими глазами...

— Да какими глазами?—говорила Кити, стараясь какъ можно добросовѣстнѣе вспомнить всѣ рѣчи и жесты нынѣшняго вечера и всѣ ихъ оттѣнки.

Въ глубинѣ души она находила, что было что-то именно въ ту минуту, какъ онъ перешелъ за ней на другой конецъ стола, но не смѣла признаться въ этомъ даже самой себѣ, тѣмъ болѣе не рѣшалась сказать это ему и усилить этимъ его страданіе.

— И что же можетъ быть привлекательнаго во мнѣ, какая я?..

— Ахъ!—вскрикнулъ онъ, хватаясь за голову.—Ты бы не говорила!.. Значитъ, если бы ты была привлекательна...

— Да нѣтъ, Костя, да постой, да послушай! — говорила она, съ страдальчески-соболѣзнующимъ выраженіемъ глядя на него.— Ну, чтó же ты можешь думать? Когда для меня нѣтъ людей, нѣту, нѣту!.. Ну хочешь ты, чтобъ я никого не видала?

Въ первую минуту ей была оскорбительна его ревность; ей было досадно, что малѣйшее развлеченіе и самое невинное было ей запрещено; но теперь она охотно пожертвовала бы и не такими пустяками, а всѣмъ для его спокойствія, чтобъ избавить его отъ страданія, которое онъ испытывалъ.

— Ты пойми ужасъ и комизмъ моего положенія, — продолжалъ онъ отчаяннымъ шопотомъ,—что онъ у меня въ домѣ, что онъ ничего неприличнаго собственно вѣдь не сдѣлалъ, кромѣ этой развязности и поджиманія ногъ. Онъ считаетъ это самымъ хорошимъ тономъ, и потому я долженъ быть любезенъ съ нимъ.

— Но, Костя, ты преувеличиваешь, — говорила Кити въ глубинѣ души радуясь той силѣ любви къ ней, которая выражалась теперь въ его ревности.

— Ужаснѣе всего то, что ты, — какая ты всегда, и теперь, когда ты такая святыня для меня, мы такъ счастливы, такъ особенно счастливы, и вдругъ такая дрянь... Не дрянь, зачѣмъ я его браню? Мнѣ до него дѣла нѣтъ. Но за что мое, твое счастье?..

— Знаешь, я понимаю, отчего это сдѣлалось, — начала Кити.

— Отчего? отчего?

— Я видѣла, какъ ты смотрѣлъ, когда мы говорили за ужиномъ.

— Ну-да, ну-да! — испуганно сказалъ Левинъ.

Она разсказала ему, о чемъ они говорили. И, разсказывая это, она задыхалась отъ волненія. Левинъ помолчалъ, потомъ пригляделся къ ея блѣдному испуганному лицу, и вдругъ схватился за голову.

— Катя, я измучилъ тебя! Голубчикъ, прости меня! Это сумасшествіе! Катя, я кругомъ виноватъ. И можно ли было изъ такой глупости такъ мучиться.

— Нѣтъ, мнѣ тебя жалко.

— Меня? Меня? Чтò я сумасшедшій!.. А тебя за что? Это ужасно думать, что всякій человѣкъ чужой можетъ разстроить наше счастье.

— Разумѣется, это-то и оскорбительно...

— Нѣтъ, такъ я, напротивъ, оставлю его нарочно у насъ все лѣто и буду разсыпаться съ нимъ въ любезностяхъ,—говорилъ Левинъ, цѣлуя ея руки.— Вотъ увидишь. Завтра... Да, правда, завтра мы ѣдемъ.

VIII.

На другой день, дамы еще не вставали, какъ охотничьи экипажи, катки и телѣжка стояли у подъѣзда, и Ласка, еще съ утра понявшая, что ѣдутъ на охоту, навизжавшись и напрыгавшись досыта, сидѣла на каткахъ подлѣ кучера, взволнованно и неодобрительно за промедленіе глядя на дверь, изъ которой все еще не выходили охотники. Первый вышелъ Васенька Весловскій въ большихъ новыхъ сапогахъ, доходившихъ до половины толстыхъ ляшекъ, въ зеленой блузѣ, подпоясанной новымъ, пахнущимъ кожей патронташемъ, и въ своемъ колпачкѣ съ лентами, и съ англійскимъ новенькимъ ружьемъ безъ антапокъ и перевязи. Ласка подскочила къ нему, привѣтствовала его, попрыгавъ спросила у него по-своему, скоро ли выйдутъ тѣ, но, не получивъ отъ него отвѣта, вернулась на свой постъ ожиданія и опять замерла, повернувъ на бокъ голову и настороживъ одно ухо. Наконецъ дверь съ грохотомъ отворилась, вылетѣлъ, кружась и повертываясь на воздухѣ, Кракъ, половопѣгій пойнтеръ Степана Аркадьевича, и вышелъ самъ Степанъ Аркадьевичъ съ ружьемъ въ рукахъ и съ сигарой во рту. «Тубо, тубо, Кракъ!» покрикивалъ онъ ласково на собаку, которая вскидывала ему лапы на животъ и грудь, цѣпляясь ими за ягдташъ. Степанъ Аркадьевичъ былъ одѣтъ въ поршни и подвертки, въ оборванные панталоны и короткое пальто. На головѣ была развалина какой-то шляпы, но ружье новой системы было игрушечка, и ягдташъ и патронташъ, хотя истасканные, были наилучшей доброты.

Васенька Весловскій не понималъ прежде этого настоящаго, охотничьяго щегольства — быть въ отрепкахъ, но имѣть охотничью снасть самаго лучшаго качества. Онъ понялъ это теперь, глядя на Степана Аркадьевича, въ этихъ отрепкахъ сіявшаго своею элегантною, откормленною и веселою барскою фигурой, и рѣшилъ, что онъ къ слѣдующей охотѣ непремѣнно такъ устроится.

— Ну, а хозяинъ нашъ что? — спросилъ онъ.

— Молодая жена, — улыбаясь сказалъ Степанъ Аркадьевичъ.

— Да, и такая прелестная.

— Онъ уже былъ одѣтъ. Вѣрно опять побѣжалъ къ ней.

Степанъ Аркадьевичъ угадалъ. Левинъ забѣжалъ опять къ женѣ спросить у нея еще разъ, простила ли она его за вчерашнюю глупость, и еще за тѣмъ, чтобы попросить ее, чтобъ она была ради Христа осторожнѣе. Главное отъ дѣтей была бы дальше, — они всегда могутъ толкнуть. Потомъ, надо было еще разъ получить отъ нея подтвержденіе, что она не сердится на него за то, что онъ уѣзжаетъ на два дня, и еще просить ее непремѣнно прислать ему записку завтра утромъ съ верховымъ, написать хоть только два слова, только чтобъ онъ могъ знать, что она благополучна.

Кити, какъ всегда, больно было на два дня разставаться съ мужемъ; но, увидавъ его оживленную фигуру, казавшуюся особенно большою и сильною въ охотничьихъ сапогахъ и бѣлой блузѣ, и какое-то непонятное ей сіяніе охотничьяго возбужденія, она изъ-за его радости забыла свое огорченіе и весело простилась съ нимъ.

— Виноватъ, господа! — сказалъ онъ, вбѣгая на крыльцо.— Завтракъ положили? Зачѣмъ рыжаго направо? Ну, все равно. Ласка, брось, пошла сидѣть!

— Пусти въ холостое стадо, — обратился онъ къ скотнику, дожидавшемуся его у крыльца съ вопросомъ о валушкахъ.— Виноватъ, вотъ еще злодѣй идетъ.

Левинъ соскочилъ съ катковъ, на которые онъ уже сѣлъ было, къ рядчику-плотнику, съ саженью шедшему къ крыльцу.

— Вотъ вчера не пришелъ въ контору, теперь меня задерживаешь. Ну что?

— Прикажите еще поворотъ сдѣлать. Всего три ступеньки прибавить. И пригонимъ въ самый разъ. Много покойнѣе будетъ.

— Ты бы слушалъ меня, — съ досадой отвѣчалъ Левинъ.— Я говорилъ, установи тетивы и потомъ ступени врубай. Теперь не поправишь. Дѣлай, какъ я велѣлъ, руби новую.

Дѣло было въ томъ, что въ строящемся флигелѣ рядчикъ испортилъ лѣстницу, срубивъ ее отдѣльно и не разочтя подъемъ, такъ что ступени всѣ вышли покатыя, когда ее поставили на мѣсто. Теперь рядчикъ хотѣлъ, оставивъ ту же лѣстницу, прибавить три ступени.

— Много лучше будетъ.

— Да куда же она у тебя выйдетъ съ тремя ступенями?

— Помилуйте-съ, — съ презрительною улыбкой сказалъ плотникъ. — Въ самую тахту выйдетъ. Какъ значитъ возмется снизу, — съ убѣдительнымъ жестомъ сказалъ онъ, — пойдетъ, пойдетъ и придетъ.

— Вѣдь три ступеньки и въ длину прибавятъ... Куда жъ она придетъ?

— Такъ она значитъ снизу какъ пойдетъ, такъ и придетъ, — упорно и убѣдительно говорилъ рядчикъ.

— Подъ потолокъ и въ стѣну она придетъ.

— Помилуйте, вѣдь снизу пойдетъ. Пойдетъ, пойдетъ и придетъ.

Левинъ досталъ шомполъ и сталъ по пыли рисовать ему лѣстницу.

— Ну, видишь?

— Какъ прикажете,—сказалъ плотникъ, вдругъ просвѣтлѣвъ глазами и, очевидно, понявъ, наконецъ, дѣло,—Видно приходится новую рубить.

— Ну, такъ такъ и дѣлай, какъ велѣно,—крикнулъ Левинъ, садясь на катки. — Пошелъ! Собакъ держи, Филиппъ!

Левинъ испытывалъ теперь, оставивъ позади себя всѣ заботы семейныя и хозяйственныя, такое сильное чувство радости жизни и ожиданья, что ему не хотѣлось говорить. Кромѣ того, онъ испытывалъ то чувство сосредоточенаго волненія, которое испытываетъ всякій охотникъ, приближаясь къ мѣсту дѣйствія. Если его что и занимало теперь, то лишь вопросы о томъ, найдутъ ли они что̀ въ Колпенскомъ болотѣ, о томъ, какова окажется Ласка въ сравненіи съ Кракомъ, и какъ-то самому ему удастся стрѣлять нынче. Какъ бы не осрамиться ему передъ новымъ человѣкомъ? Какъ бы Облонскій не обстрѣлялъ его? — тоже приходило ему въ голову.

Облонскій испытывалъ подобное же чувство и былъ тоже неразговорчивъ. Одинъ Васенька Весловскій не переставая весело разговаривалъ. Теперь, слушая его, Левину совѣстно было вспомнить, какъ онъ былъ неправъ къ нему вчера. Васенька былъ дѣйствительно славный малый, простой, добродушный и очень веселый. Если бы Левинъ сошелся съ нимъ холостымъ, онъ бы сблизился съ нимъ. Было немножко непріятно Левину его праздничное отношеніе къ жизни и какая-то развязность элегантности. Какъ будто онъ признавалъ за собою высокое несомнѣнное значеніе за то, что у него были длинные ногти и шапочка и остальное соотвѣтствующее; но это можно было извинить за его добродушіе и порядочность. Онъ нравился Левину своимъ хорошимъ воспитаніемъ, отличнымъ выговоромъ на француз-

скомъ и англійскомъ языкахъ и тѣмъ, что онъ былъ человѣкъ его міра.

Васенькѣ чрезвычайно понравилась степная донская лошадь на лѣвой пристяжкѣ. Онъ все восхищался ею: «какъ хорошо верхомъ на степной лошади скакать по степи. А? Не правда ли?» говорилъ онъ. Что-то такое онъ представлялъ себѣ въ ѣздѣ на степной лошади дикое, поэтическое, изъ котораго ничего не выходило; но наивность его, въ особенности въ соединеніи съ его красотой, милой улыбкой и граціей движеній, была очень привлекательна. Оттого ли, что натура его была симпатична Левину, или потому, что Левинъ старался въ искупленіе вчерашняго грѣха найти въ немъ все хорошее, Левину было пріятно съ нимъ.

Отъѣхавъ три версты, Весловскій вдругъ хватился сигаръ и бумажника и не зналъ, потерялъ ли ихъ или оставилъ на столѣ. Въ бумажникѣ было триста семьдесятъ рублей, и потому нельзя было такъ оставить этого.

— Знаете что, Левинъ, я на этой донской пристяжной проскачу домой. Это будетъ отлично. А? — говорилъ онъ, уже готовясь влѣзать.

— Нѣтъ, зачѣмъ же? — отвѣчалъ Левинъ, разсчитавшій, что въ Васенькѣ должно быть не менѣе шести пудовъ вѣса. — Я кучера пошлю.

Кучеръ поѣхалъ на пристяжной, а Левинъ сталъ самъ править парой.

IX.

— Ну, какой же нашъ маршрутъ? Разскажи-ка хорошенько, — сказалъ Степанъ Аркадьевичъ.

— Планъ слѣдующій: теперь мы ѣдемъ до Гвоздева. Въ Гвоздевѣ болото дупелиное по сю сторону, а за Гвоздевымъ идутъ чудныя бекасиныя болота, и дупеля бываютъ. Теперь жарко, и мы къ вечеру (двадцать верстъ) пріѣдемъ и возьмемъ вечернее поле; переночуемъ, а уже завтра въ большія болота.

— А дорогой развѣ ничего нѣтъ?

— Есть; но задержимся, и жарко. Есть славныя два мѣстечка, да едва ли есть что.

Левину самому захотѣлось зайти въ эти мѣстечки, но мѣстечки были отъ дома близкія, онъ всегда могъ взять ихъ, и мѣстечки были маленькія, — троимъ негдѣ стрѣлять. И потому онъ кривилъ душой, говоря, что едва ли есть что̀. Поровнявшись съ маленькимъ болотцемъ, Левинъ хотѣлъ проѣхать мимо,

но опытный охотничій глазъ Степана Аркадьевича тотчасъ же разсмотрѣлъ видную съ дороги мочежину.

— Не заѣдемъ ли? — сказалъ онъ, указывая на болотце.

— Левинъ, пожалуйста! какъ отлично! — сталъ просить Васенька Весловскій, и Левинъ не могъ не согласиться.

Не успѣли они остановиться, какъ собаки, перегоняя одна другую, уже летѣли къ болоту.

— Кракъ! Ласка!..

Собаки вернулись.

— Втроемъ тѣсно будетъ. Я побуду здѣсь, — сказалъ Левинъ, надѣясь, что они ничего не найдутъ, кромѣ чибисовъ, которые поднялись отъ собакъ и, перекачиваясь на лету, жалобно плакали надъ болотомъ.

— Нѣтъ! Пойдемте Левинъ, пойдемъ вмѣстѣ! — звалъ Весловскій.

— Право, тѣсно. Ласка, назадъ! Ласка! Вѣдь вамъ не нужно другой собаки?

Левинъ остался у линейки и съ завистью смотрѣлъ на охотниковъ. Охотники прошли все болотце. Кромѣ курочки и чибисовъ, изъ которыхъ одного убилъ Васенька, ничего не было въ болотѣ.

— Ну вотъ видите, что я не жалѣлъ болота, — сказалъ Левинъ, — только время терять.

— Нѣтъ, все-таки весело. Вы видѣли? — говорилъ Васенька Весловскій, неловко взлѣзая на катки съ ружьемъ и чибисомъ въ рукахъ. — Какъ я славно убилъ этого! Не правда ли? Ну скоро ли мы пріѣдемъ на настоящее?

Вдругъ лошади рванулись, Левинъ ударился головой о стволъ чьего-то ружья, и раздался выстрѣлъ. Выстрѣлъ собственно раздался прежде, но такъ показалось Левину. Дѣло было въ томъ, что Васенька Весловскій, спуская курки, жалъ одну гашетку, а придерживалъ другой курокъ. Зарядъ влетѣлъ въ землю, никому не сдѣлавъ вреда. Степанъ Аркадьевичъ покачалъ головой и посмѣялся укоризненно Весловскому. Но Левинъ не имѣлъ духа выговорить ему. Во-первыхъ, всякій упрекъ показался бы вызваннымъ миновавшею опасностью и шишкой, которая вскочила на лбу у Левина, а во-вторыхъ, Весловскій былъ такъ наивно огорченъ сначала и потомъ такъ смѣялся добродушно и увлекательно ихъ общему переполоху, что нельзя было самому не смѣяться.

Когда они подъѣхали ко второму болоту, которое было довольно велико и должно было взять много времени, Левинъ уговаривалъ не выходить. Но Весловскій опять упросилъ его.

Опять, такъ какъ болото было узко, Левинъ, какъ гостепріимный хозяинъ остался у экипажей.

Прямо съ прихода Кракъ потянулъ къ кочкамъ. Васенька Весловскій первый побѣжалъ за собакой. И не успѣлъ Степанъ Аркадьевичъ подойти, какъ уже вылетѣлъ дупель. Весловскій сдѣлалъ промахъ, и дупель пересѣлъ въ некошенный лугъ. Весловскому предоставленъ былъ этотъ дупель. Кракъ опять нашелъ его, сталъ, и Весловскій убилъ его и вернулся къ экипажамъ.

— Теперь идите вы, а я побуду съ лошадьми, — сказалъ онъ.

Левина начинала разбирать охотничья зависть. Онъ передалъ вожжи Весловскому и пошелъ въ болото.

Ласка, уже давно жалобно визжавшая и жаловавшаяся на несправедливость, понеслась впередъ прямо къ надежному, знакомому Левину кочкарнику, въ который не заходилъ еще Кракъ.

— Что жъ ты ея не остановишь? — крикнулъ Степанъ Аркадьевичъ.

— Она не спугнетъ, — отвѣчалъ Левинъ, радуясь на собаку и спѣша за нею.

Въ поискѣ Ласки, чѣмъ ближе и ближе она подходила къ знакомымъ кочкамъ, становилось больше и больше серьезности. Маленькая болотная птичка только на мгновеніе развлекла ее. Она сдѣлала одинъ кругъ передъ кочками, начала другой и вдругъ вздрогнула и замерла.

— Иди, иди, Стива! — крикнулъ Левинъ, чувствуя, какъ сердце у него начинаетъ сильнѣе биться и какъ вдругъ, какъ будто какая-то задвижка отодвинулась въ его напряженномъ слухѣ, всѣ звуки, потерявъ мѣру разстоянія, безпорядочно, но ярко стали поражать его. Онъ слышалъ шаги Степана Аркадьевича, принимая ихъ за дальній топотъ лошадей; слышалъ хрупкій звукъ оторвавшагося съ кореньями угла кочки, на которую онъ наступилъ, принимая этотъ звукъ за полетъ дупеля; слышалъ тоже сзади недалеко какое-то шлепанье по водѣ, въ которомъ онъ не могъ дать себѣ отчета.

Выбирая мѣсто для ноги, онъ подвигался къ собакѣ.

— Пиль!

Не дупель, а бекасъ вырвался изъ-подъ собаки. Левинъ повелъ ружьемъ, но въ то самое время, какъ онъ цѣлился, тотъ самый звукъ шлепанья по водѣ усилился, приблизился, и къ нему присоединился голосъ Весловскаго, что-то странно громко кричавшаго. Левинъ видѣлъ, что онъ беретъ ружьемъ сзади бекаса, но все-таки выстрѣлилъ.

Убѣдившись въ томъ, что сдѣланъ промахъ, Левинъ оглянулся и увидалъ что лошади съ катками уже не на дорогѣ, а въ болотѣ.

Весловскій, желая видѣть стрѣльбу, заѣхалъ въ болото и увязилъ лошадей.

— И чортъ его носитъ! — проговорилъ про себя Левинъ, возвращаясь къ завязшему экипажу. — Зачѣмъ вы поѣхали?—сухо сказалъ онъ ему и, кликнувъ кучера, принялся выпрастывать лошадей.

Левину было досадно и то, что ему помѣшали стрѣлять, и то, что увязили его лошадей, и то главное, что, для того чтобы выпростать лошадей, отпрячь ихъ, ни Степанъ Аркадьевичъ, ни Весловскій не помогали ему и кучеру, такъ какъ не имѣли ни тотъ, ни другой ни малѣйшаго понятія, въ чемъ состоитъ запряжка. Ни слова не отвѣчая Васенькѣ на его увѣренія, что тутъ было совсѣмъ сухо, Левинъ молча работалъ съ кучеромъ, чтобы выпростать лошадей. Но потомъ, разогрѣвшись работой и увидавъ, какъ старательно усердно Весловскій тащилъ катки за крыло, такъ что даже отломилъ его, Левинъ упрекнулъ себя за то, что онъ подъ вліяніемъ вчерашняго чувства былъ слишкомъ холоденъ къ Весловскому, и постарался особенною любезностью загладить свою сухость. Когда все было приведено въ порядокъ и экипажи выведены на дорогу, Левинъ велѣлъ достать завтракъ.

— Bon appétit — bonne conscience! Ce poulet va tomber jusqu'au fond de mes bottes, — говорилъ французскую прибауточку опять повеселѣвшій Васенька, доѣдая второго цыпленка. — Ну, теперь бѣдствія наши кончились; теперь пойдетъ все благополучно. Только я за свою вину обязанъ сидѣть на козлахъ. Не правда ли? А? Нѣтъ, нѣтъ, я Автомедонъ. Посмотрите, какъ я васъ довезу! — отвѣчалъ онъ, не пуская вожжи, когда Левинъ просилъ его пустить кучера. — Нѣтъ, я долженъ свою вину искупить, и мнѣ прекрасно на козлахъ. — И онъ поѣхалъ.

Левинъ боялся немного, что онъ замучаетъ лошадей, особенно лѣваго, рыжаго, котораго онъ не умѣлъ держать; но невольно онъ подчинялся его веселью, слушалъ романсы, которые Весловскій, сидя на козлахъ, распѣвалъ всю дорогу, или разсказы и представленія въ лицахъ, какъ надо править по-англійски, four in hand; и они всѣ послѣ завтрака въ самомъ веселомъ расположеніи духа доѣхали до Гвоздевскаго болота.

X.

Васенька такъ шибко гналъ лошадей, что они пріѣхали къ болоту слишкомъ рано, такъ что было еще жарко.

Подъѣхавъ къ серьезному болоту, главной цѣли поѣздки, Левинъ невольно подумалъ о томъ, какъ бы ему избавиться отъ Васеньки и ходить безъ помѣхи. Степанъ Аркадьевичъ очевидно желалъ того же, и на лицѣ его Левинъ видѣлъ выраженіе озабоченности, которое всегда бываетъ у настоящаго охотника предъ началомъ охоты, и нѣкоторой свойственной ему добродушной хитрости.

— Какъ же мы пойдемъ? Болото отличное, и я вижу, и ястреба, — сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, указывая на двухъ вившихся надъ осокой большихъ птицъ. — Гдѣ ястреба, тамъ навѣрное и дичь есть.

— Ну вотъ видите ли, господа, — сказалъ Левинъ, съ нѣсколько мрачнымъ выраженіемъ подтягивая сапоги и осматривая пистоны на ружьѣ. — Видите эту осоку? — Онъ указалъ на темнѣвшій черною зеленью островокъ въ огромномъ, раскинувшемся по правую сторону рѣки, до половины скошенномъ, мокромъ лугѣ. — Болото начинается вотъ здѣсь, прямо предъ нами, видите — гдѣ зеленѣе. Отсюда оно идетъ направо, гдѣ лошади ходятъ; тамъ кочки, дупеля бываютъ; и кругомъ этой осоки вонъ до того ольшанника и до самой мельницы. Вонъ тамъ, видишь, гдѣ заливъ. Это лучшее мѣсто. Тамъ я разъ семнадцать бекасовъ убилъ. Мы разойдемся съ двумя собаками въ разныя стороны и тамъ у мельницы сойдемся.

— Ну, кто жъ направо, кто налѣво? — спросилъ Степанъ Аркадьевичъ. — Направо шире, идите вы вдвоемъ, а я налѣво, — беззаботно какъ будто сказалъ онъ.

— Прекрасно! мы его обстрѣляемъ. Ну, пойдемъ, пойдемъ, пойдемъ! — подхватилъ Васенька.

Левину нельзя было не согласиться, и они разошлись.

Только что они вошли въ болото, обѣ собаки вмѣстѣ заискали и потянули къ ржавчинѣ. Левинъ зналъ этотъ поискъ Ласки, осторожный и неопредѣленный; онъ зналъ и мѣсто и ждалъ табунка бекасовъ.

— Весловскій, рядомъ, рядомъ идите! — замирающимъ голосомъ проговорилъ онъ плескавшемуся сзади по водѣ товарищу, направленіе ружья котораго послѣ нечаяннаго выстрѣла на Колпенскомъ болотѣ невольно интересовало Левина.

— Нѣтъ, я васъ не буду стѣснять, вы обо мнѣ не думайте.

Но Левинъ невольно думалъ и вспоминалъ слова Кити, когда она отпускала его: «смотрите, не застрѣлите другъ друга». Ближе и ближе подходили собаки, минуя одна другую, каждая ведя свою нить; ожиданіе бекаса было такъ сильно, что чмоканье своего каблука, вытаскиваемаго изъ ржавчины, представлялось Левину крикомъ бекаса, и онъ схватывалъ и сжималъ прикладъ ружья.

Бацъ! бацъ! раздалось у него надъ ухомъ. Васенька выстрѣлилъ въ стадо утокъ, которыя вились надъ болотомъ и далеко не въ мѣру налетѣли въ это время на охотниковъ. Не успѣлъ Левинъ оглянуться, какъ чмокнулъ одинъ бекасъ, другой, третій и еще штукъ восемь поднялось одинъ за другимъ.

Степанъ Аркадьевичъ срѣзалъ одного въ тотъ самый моментъ, какъ онъ собирался начать свои зигзаги, и бекасъ комочкомъ упалъ въ трясину. Облонскій неторопливо повелъ за другимъ, еще низомъ летѣвшимъ къ осокѣ, и вмѣстѣ съ звукомъ выстрѣла и этотъ бекасъ упалъ; и видно было, какъ онъ выпрыгивалъ изъ скошенной осоки, біясь уцѣлѣвшимъ бѣлымъ снизу крыломъ.

Левинъ не былъ такъ счастливъ: онъ ударилъ перваго бекаса слишкомъ близко и промахнулся, повелъ за нимъ, когда онъ уже сталъ подниматься, но въ это время вылетѣлъ еще одинъ изъ-подъ ногъ и развлекъ его, и онъ сдѣлалъ другой промахъ.

Покуда заряжали ружья, поднялся еще бекасъ, и Весловскій, успѣвшій зарядить другой разъ пустилъ по водѣ еще два заряда мелкой дроби. Степанъ Аркадьевичъ подобралъ своихъ бекасовъ и блестящими глазами взглянулъ на Левина.

— Ну, теперь расходимся, — сказалъ Степанъ Аркадьевичъ и, прихрамывая на лѣвую ногу и держа ружье наготовѣ и посвистывая собакѣ, пошелъ въ одну сторону. Левинъ съ Весловскимъ пошли въ другую.

Съ Левинымъ всегда бывало такъ, что, когда первые выстрѣлы были неудачны, онъ горячился, досадовалъ и стрѣлялъ цѣлый день дурно. Такъ было и нынче. Бекасовъ оказалось очень много. Изъ-подъ собаки, изъ-подъ ногъ охотниковъ безпрестанно вылетали бекасы, и Левинъ могъ бы поправиться; но чѣмъ больше онъ стрѣлялъ, тѣмъ больше срамился передъ Весловскимъ, весело палившимъ въ мѣру и не въ мѣру, ничего не убивавшимъ и нисколько этимъ не смущавшимся. Левинъ торопился, не выдерживалъ, горячился все больше и больше и дошелъ до того уже, что, стрѣляя, почти не надѣялся, что убьетъ. Казалось и Ласка понимала это. Она лѣнивѣе стала искать и точно съ недоумѣніемъ или укоризною оглядывалась на охотниковъ. Выстрѣлы слѣдовали за выстрѣлами. Пороховой

дымъ стоялъ вокругъ охотниковъ, а въ большой просторной сѣткѣ ягдташа были только три легонькіе, маленькіе бекаса. И то одинъ изъ нихъ былъ убитъ Весловскимъ и одинъ общій. Между тѣмъ по другой сторонѣ болота слышались не частые, но, какъ Левину казалось, значительные выстрѣлы Степана Аркадьевича, при чемъ почти за каждымъ слышалось: «Кракъ, Кракъ, апортъ!»

Это еще болѣе волновало Левина. Бекасы не переставая вились въ воздухѣ надъ осокой. Чмоканье по землѣ и карканье въ вышинѣ не умолкая были слышны со всѣхъ сторонъ: поднятые прежде и носившіеся въ воздухѣ бекасы садились передъ охотниками. Вмѣсто двухъ ястребовъ теперь десятки ихъ съ пискомъ вились надъ болотомъ.

Пройдя бóльшую половину болота, Левинъ съ Весловскимъ добрались до того мѣста, по которому длинными полосками, упирающимися въ осоку, былъ раздѣленъ мужицкій покосъ, отмѣченный гдѣ протоптанными полосками, гдѣ прокошеннымъ рядкомъ. Половина изъ этихъ полосъ была уже скошена.

Хотя по нескошенному было мало надежды найти столько же, сколько по скошенному, Левинъ обѣщалъ Степану Аркадьевичу сойтись съ нимъ и пошелъ съ своимъ спутникомъ дальше по прокошеннымъ и непрокошеннымъ полосамъ.

— Эй, охотники, — прокричалъ имъ одинъ изъ мужиковъ, сидѣвшихъ у отпряженной телѣги, — иди съ нами полудновать! Вино пить!

Левинъ оглянулся.

— Иди, ничаво! — прокричалъ съ краснымъ лицомъ веселый бородатый мужикъ, осклабляя бѣлые зубы и поднимая зеленоватый, блестящій на солнцѣ штофъ.

— Qu'est ce qu'ils disent? — спросилъ Весловскій.

— Зовутъ водку пить. Они вѣрно луга дѣлили. Я бы выпилъ, — не безъ хитрости сказалъ Левинъ, надѣясь, что Весловскій соблазнится водкой и уйдетъ къ нимъ.

— Зачѣмъ же они угощаютъ?

— Такъ, веселятся. Право, подойдите къ нимъ. Вамъ интересно.

— Allons, c'est curieux.

— Идите, идите, вы найдете дорогу на мельницу! — крикнулъ Левинъ и, оглянувшись, съ удовольствіемъ увидѣлъ, что Весловскій, нагнувшись и спотыкаясь усталыми ногами и держа ружье въ вытянутой рукѣ, выбирался изъ болота къ мужикамъ.

— Иди и ты! — кричалъ мужикъ на Левина. — Нябось! Закусишь пирожка!

Левину сильно хотѣлось выпить водки и съѣсть кусокъ хлѣба. Онъ ослабѣлъ и чувствовалъ, что насилу выдираетъ заплетающіяся ноги изъ трясины, и онъ на минуту былъ въ сомнѣніи. Но собака стала. И тотчасъ вся усталость исчезла, и онъ легко пошелъ по трясинѣ къ собакѣ. Изъ-подъ ногъ его вылетѣлъ бекасъ; онъ ударилъ и убилъ, — собака продолжала стоять. «Пиль!» Изъ-подъ собаки поднялся другой. Левинъ выстрѣлилъ. Но день былъ несчастный; онъ промахнулся, и когда пошелъ искать убитаго, то не нашелъ и его. Онъ излазилъ всю осоку, но Ласка не вѣрила, что онъ убилъ, и когда онъ посылалъ ее искать, притворялась, что ищетъ, но не искала.

И безъ Васеньки, котораго Левинъ упрекалъ въ своей неудачѣ, дѣло не поправилось. Бекасовъ было много и тутъ, но Левинъ дѣлалъ промахъ за промахомъ.

Косые лучи солнца были еще жарки; платье, насквозь промокшее отъ пота, липло къ тѣлу; лѣвый сапогъ, полный воды, былъ тяжелъ и чмокалъ; по испачканному пороховымъ осадкомъ лицу каплями скатывался потъ; во рту была горечь, въ носу запахъ пороха и ржавчины, въ ушахъ неперестающее чмоканье бекасовъ; до стволовъ нельзя было дотронуться: такъ они разгорѣлись; сердце стучало быстро и коротко; руки тряслись отъ волненія, и усталыя ноги спотыкались и переплетались по кочкамъ и трясинѣ; но онъ все ходилъ и стрѣлялъ. Наконецъ, сдѣлавъ постыдный промахъ, онъ бросилъ наземь ружье и шляпу.

«Нѣтъ надо опомниться!» сказалъ онъ себѣ. Онъ, поднявъ ружье и шляпу, подозвалъ къ ногамъ Ласку и вышелъ изъ болота. Выйдя на сухое, онъ сѣлъ на кочку, разулся, вылилъ изъ сапога, потомъ подошелъ къ болоту, напился со ржавымъ вкусомъ воды, намочилъ разгорѣвшіеся стволы и обмылъ себѣ лицо и руки. Освѣжившись, онъ двинулся опять къ тому мѣсту, куда пересѣлъ бекасъ, съ твердымъ намѣреніемъ не горячиться.

Онъ хотѣлъ быть спокойнымъ, но было то же. Палецъ его прижималъ гашетку прежде, чѣмъ онъ бралъ на цѣль птицу. Все шло хуже и хуже.

У него было только пять штукъ въ ягдташѣ, когда онъ вышелъ изъ болота къ ольшаннику, гдѣ долженъ былъ сойтись со Степаномъ Аркадьевичемъ.

Прежде чѣмъ увидать Степана Аркадьевича, онъ увидалъ его собаку. Изъ-подъ вывороченнаго корня ольхи выскочилъ Кракъ, весь черный отъ вонючей болотной тины, и съ видомъ побѣдителя обнюхивался съ Лаской. За Кракомъ показалась въ

тѣни ольхъ и статная фигура Степана Аркадьевича. Онъ шелъ навстрѣчу красный, распотѣвшій, съ разстегнутымъ воротомъ, все такъ же прихрамывая.

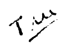
— Ну что? Вы палили много! — сказалъ онъ, весело улыбаясь.

— А ты? — спросилъ Левинъ. Но спрашивать было не нужно, потому что онъ уже видѣлъ полный ягдташъ.

— Да ничего.

У него было четырнадцать штукъ.

— Славное болото! Тебѣ вѣрно Весловскій мѣшалъ. Двумъ съ одною собакой неловко, — сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, смягчая свое торжество.

XI.

Когда Левинъ со Степаномъ Аркадьевичемъ пришли въ избу мужика, у котораго всегда останавливался Левинъ, Весловскій уже былъ тамъ. Онъ сидѣлъ въ срединѣ избы и, держась обѣими руками за лавку, съ которой его стаскивалъ солдатъ, братъ хозяйки, за облитые тиной сапоги, смѣялся своимъ заразительно-веселымъ смѣхомъ.

— Я только что пришелъ. Ils ont été charmants. Представьте себѣ, напоили меня, накормили. Какой хлѣбъ, это чудо! Délicieux! И водка — я никогда вкуснѣе не пилъ! И ни за что не хотѣли взять деньги. И все говорили: «не обсудись», какъ-то.

— Зачѣмъ же деньги брать? Они васъ, значитъ, поштовали. Развѣ у нихъ продажная водка? — сказалъ солдатъ, стащивъ, наконецъ, съ почернѣвшимъ чулкомъ замокшій сапогъ.

Несмотря на нечистоту избы, загаженной сапогами охотниковъ и грязными, облизывавшимися собаками, на болотный и пороховой запахъ, которымъ она наполнилась, и на отсутствіе ножей и вилокъ, охотники напились чаю и поужинали съ такимъ вкусомъ, какъ ѣдятъ только на охотѣ. Умытые и чистые, они пошли въ подметенный сѣнной сарай, гдѣ кучера приготовили господамъ постели.

Хотя уже смерклось, никому изъ охотниковъ не хотѣлось спать.

Поколебавшись между воспоминаніями и разсказами о стрѣльбѣ, о собакахъ, о прежнихъ охотахъ, разговоръ напалъ на заинтересовавшую всѣхъ тему. По случаю нѣсколько разъ уже повторяемыхъ выраженій восхищенія Васеньки о прелести этого ночлега и запаха сѣна, о прелести сломанной телѣги (ему она казалась сломанною, потому что была снята съ передковъ), о

добродушіи мужиковъ, напоившихъ его водкой, о собакахъ, лежавшихъ каждая у ногъ своего хозяина, Облонскій разсказалъ про прелесть охоты у Мальтуса, на которой онъ былъ прошлымъ лѣтомъ. Мальтусъ былъ извѣстный желѣзнодорожный богачъ. Степанъ Аркадьевичъ разсказывалъ, какія у этого Мальтуса были въ Тверской губерніи откуплены болота и какъ сбережены и о томъ, какіе экипажи, догкарты, подвезли охотниковъ и какая палатка съ завтракомъ была раскинута у болота.

— Не понимаю тебя, — сказалъ Левинъ, поднимаясь на своемъ сѣнѣ, — какъ тебѣ не противны эти люди? Я понимаю, что завтракъ съ лафитомъ очень пріятенъ, но неужели тебѣ не противна именно эта роскошь? Всѣ эти люди, какъ прежде наши откупщики, наживаютъ деньги такъ, что при наживѣ заслуживаютъ презрѣніе людей, пренебрегаютъ этимъ презрѣніемъ, а потомъ безчестно нажитымъ откупаются отъ прежняго презрѣнія.

— Совершенно справедливо! — отозвался Васенька Весловскій. — Совершенно! Разумѣется, Облонскій дѣлаетъ это изъ bonhomie, а другіе говорятъ: Облонскій же ѣздитъ...

— Нисколько, — Левинъ слышалъ, что Облонскій улыбался, говоря это: — я просто не считаю его болѣе безчестнымъ, чѣмъ кого бы то ни было изъ богатыхъ купцовъ и дворянъ. И тѣ и эти нажили одинаково трудомъ и умомъ.

— Да, но какимъ трудомъ? Развѣ это трудъ, чтобы добыть концессію и перепродать?

— Разумѣется, трудъ. Трудъ въ томъ смыслѣ, что если бы не было его или другихъ ему подобныхъ, то и дорогъ бы не было.

— Но трудъ не такой, какъ трудъ мужика или ученаго.

— Положимъ, но трудъ въ томъ смыслѣ, что дѣятельность его даетъ результатъ — дороги. Но вѣдь ты находишь, что дороги безполезны.

— Нѣтъ, это другой вопросъ; я готовъ признать, что онѣ полезны. Но всякое пріобрѣтеніе, несоотвѣтственное положенному труду, не честно.

— Да кто жъ опредѣлитъ соотвѣтствіе?

— Пріобрѣтеніе нечестнымъ путемъ, хитростью, — сказалъ Левинъ, чувствуя, что онъ не умѣетъ ясно опредѣлить черту между честнымъ и безчестнымъ, — такъ, какъ пріобрѣтеніе банкирскихъ конторъ, — продолжалъ онъ. — Это зло, пріобрѣтеніе громадныхъ состояній безъ труда, какъ это было при откупахъ, только перемѣнило форму. Le roi est mort, vive le roi! Только что успѣли уничтожить откупа, какъ явились желѣзныя дороги, банки: тоже нажива безъ труда.

— Да, это все можетъ быть вѣрно и остроумно... Лежать, Кракъ! — крикнулъ Степанъ Аркадьевичъ на чесавшуюся и ворочавшую все сѣно собаку, очевидно увѣренный въ справедливости своей темы и потому спокойно и неторопливо. — Но ты не опредѣлилъ черты между честнымъ и безчестнымъ трудомъ. То, что я получаю жалованья больше, чѣмъ мой столоначальникъ, хотя онъ лучше меня знаетъ дѣло, это безчестно?

— Я не знаю.

— Ну, такъ я тебѣ скажу: то, что ты получаешь за свой трудъ въ хозяйствѣ лишнихъ, положимъ, пять тысячъ, а нашъ хозяинъ мужикъ, какъ бы онъ ни трудился, не получитъ больше пятидесяти рублей, точно такъ же безчестно, какъ то, что я получаю больше столоначальника и что Мальтусъ получаетъ больше дорожнаго мастера. Напротивъ, я вижу какое-то враждебное, ни на чемъ не основанное отношеніе общества къ этимъ людямъ и мнѣ кажется, что тутъ зависть...

— Нѣтъ, это несправедливо, — сказалъ Весловскій: — зависти не можетъ быть, а что-то есть нечистое въ этомъ дѣлѣ.

— Нѣтъ, позволь, — продолжалъ Левинъ. — Ты говоришь, что несправедливо, что я получу пять тысячъ, а мужикъ пятьдесятъ рублей: это правда. Это несправедливо, и я чувствую это, но...

— Оно въ самомъ дѣлѣ. За что мы ѣдимъ, пьемъ, охотимся, ничего не дѣлаемъ, а онъ вѣчно, вѣчно въ трудѣ? — сказалъ Васенька Весловскій, очевидно въ первый разъ въ жизни ясно подумавъ объ этомъ и потому вполнѣ искренно.

— Да, ты чувствуешь, но ты не отдашь ему своего имѣнія,— сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, какъ будто нарочно задиравшій Левина.

Въ послѣднее время между двумя свояками установилось какъ бы тайное враждебное отношеніе; какъ будто съ тѣхъ поръ, какъ они были женаты на сестрахъ, между ними возникло соперничество въ томъ, кто лучше устроилъ свою жизнь, и теперь эта враждебность выражалась въ начавшемъ принимать личный оттѣнокъ разговорѣ.

— Я не отдаю потому, что никто этого отъ меня не требуетъ, и если бы я хотѣлъ, то мнѣ нельзя отдать, отвѣчалъ Левинъ,— и некому.

— Отдай этому мужику; онъ не откажется.

— Да, но какъ же я отдамъ его? Поѣду съ нимъ и совершу купчую?

— Я не знаю; но если ты убѣжденъ, что ты не имѣешь права...

— Я вовсе не убѣжденъ. Я, напротивъ, чувствую, что не имѣю права отдать, что у меня есть обязанность и къ землѣ, и къ семьѣ.

— Нѣтъ, позволь; но если ты считаешь, что это неравенство несправедливо, то почему ты не дѣйствуешь такъ?

— Я и дѣйствую только отрицательно, въ томъ смыслѣ, что я не буду стараться увеличить ту разницу положенія, которая существуетъ между мною и имъ.

— Нѣтъ, ужъ извини меня, это парадоксъ.

— Да это что-то софистическое объясненіе, — подтвердилъ Весловскій. — А, хозяинъ! — сказалъ онъ мужику, который, скрипя воротами, входилъ въ сарай. — Что, не спишь еще?

— Нѣтъ, какой сонъ! Я думалъ, господа наши спятъ, да слышу — гуторятъ. Мнѣ крюкъ взять тута. Не укуситъ она?— прибавилъ онъ, осторожно ступая босыми ногами.

— А ты гдѣ же спать будешь?

— Мы въ ночное.

— Ахъ, какая ночь!—сказалъ Весловскій, глядя на видпѣвшійся при слабомъ свѣтѣ зари въ большой рамѣ отворенныхъ теперь воротъ край избы и отпряженныхъ катковъ. — Да слушайте, это женскіе голоса поютъ и, право, недурно. Это кто поетъ, хозяинъ?

— А это дворовыя дѣвки, тутъ, рядомъ.

— Пойдемте погуляемъ! Вѣдь не заснемъ. Облонскій, пойдемъ!

— Какъ бы это и лежать и пойти, — потягиваясь, отвѣчалъ Облонскій. — Лежать отлично.

— Ну, я одинъ пойду, — живо вставая и обуваясь, сказалъ Весловскій. — До свиданья, господа. Если весело, я васъ позову. Вы меня дичью угощали, и я васъ не забуду.

— Не правда ли, славный малый? — сказалъ Облонскій, когда Весловскій ушелъ и мужикъ за нимъ затворилъ ворота.

— Да, славный, — отвѣтилъ Левинъ, продолжая думать о предметѣ только что бывшаго разговора. Ему казалось, что онъ, насколько умѣлъ, ясно высказалъ свои мысли и чувства, а между тѣмъ оба они, люди неглупые и искренніе, въ одинъ голосъ сказали, что онъ утѣшается софизмами. Это смущало его.

— Такъ такъ-то, мой другъ. Надо одно изъ двухъ: или признавать, что настоящее устройство общества справедливо, и тогда отстаивать свои права, или признаваться, что пользуешься несправедливыми преимуществами, какъ я и дѣлаю, и пользоваться ими съ удовольствіемъ.

— Нѣтъ, если бы это было несправедливо, ты бы не могъ пользоваться этими благами съ удовольствіемъ, по крайней мѣрѣ я не могъ бы. Мнѣ, главное, надо чувствовать, что я не виноватъ.

— А что въ самомъ дѣлѣ, не пойти ли? — сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, очевидно уставъ отъ напряженія мысли. — Вѣдь не заснемъ. Право, пойдемъ!

Левинъ не отвѣчалъ. Сказанное имъ въ разговорѣ слово о томъ, что онъ дѣйствуетъ справедливо только въ отрицательномъ смыслѣ, занимало его. «Неужели только отрицательно можно быть справедливымъ?» спрашивалъ онъ себя.

— Однако какъ сильно пахнетъ свѣжее сѣно! — сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, приподнимаясь. — Не засну ни за что. Васенька что-то затѣялъ тамъ. Слышишь хохотъ и его голосъ? Не пойти ли? Пойдемъ!

— Нѣтъ, я не пойду, — отвѣчалъ Левинъ.

— Неужели ты это тоже изъ принципа? — улыбаясь сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, отыскивая въ темнотѣ свою фуражку.

— Не изъ принципа, а зачѣмъ я пойду?

— А знаешь, ты себѣ надѣлаешь бѣдъ, — сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, найдя фуражку и вставая.

— Отчего?

— Развѣ я не вижу, какъ ты себя поставилъ съ женой? Я слышалъ, какъ у васъ вопросъ первый важности — поѣдешь ли ты или нѣтъ на два дня на охоту. Все это хорошо, какъ идиллія, но на цѣлую жизнь этого не хватитъ. Мужчина долженъ быть независимъ, — у него есть свои мужскіе интересы. Мужчина долженъ быть мужественъ, — сказалъ Облонскій, отворяя ворота.

— То-есть что же, пойти ухаживать за дворовыми дѣвками? — спросилъ Левинъ.

— Отчего же и не пойти, если весело. Ça ne tire pas à conséquence. Женѣ моей отъ этого не хуже будетъ, а мнѣ будетъ весело. Главное дѣло, блюди святыню дома. Въ домѣ чтобы ничего не было. А рукъ себѣ не завязывай.

— Можетъ-быть, — сухо сказалъ Левинъ и повернулся на бокъ. — Завтра рано надо идти, и я не бужу никого и иду на разсвѣтѣ.

— Messieurs, venez vite! — послышался голосъ возвратившагося Весловскаго. — Charmante! Это я открылъ. Charmante, совершенная Гретхенъ, и мы съ ней ужъ познакомились. Право, прехорошенькая! — разсказывалъ онъ съ такимъ одобряющимъ

видомъ, какъ будто именно для него сдѣлана она была хорошенькой и онъ былъ доволенъ тѣмъ, кто приготовилъ это для него.

Левинъ притворился спящимъ, а Облонскій, надѣвъ туфли и закуривъ сигару, пошелъ изъ сарая, и скоро голоса ихъ затихли.

Левинъ долго не могъ спать. Онъ слышалъ, какъ его лошади жевали сѣно, потомъ, какъ хозяинъ со старшимъ малымъ собирался и уѣхалъ въ ночное; потомъ слышалъ, какъ солдатъ укладывался спать съ другой стороны сарая съ племянникомъ, маленькимъ сыномъ хозяина; слышалъ, какъ мальчикъ тоненькимъ голоскомъ сообщилъ дядѣ свое впечатлѣніе о собакахъ, которыя казались мальчику страшными и огромными; потомъ, какъ мальчикъ разспрашивалъ, кого будутъ ловить эти собаки, и какъ солдатъ хриплымъ и соннымъ голосомъ говорилъ ему, что завтра охотники пойдутъ въ болото и будутъ палить изъ ружей, и какъ потомъ, чтобъ отдѣлаться отъ вопросовъ мальчика, онъ сказалъ: «спи, Васька, спи, а то смотри», и скоро самъ захрапѣлъ, и все затихло; только слышно было ржаніе лошадей и карканье бекаса. «Неужели только отрицательно?» повторилъ онъ себѣ. «Ну и что жъ? я не виноватъ». И онъ сталъ думать о завтрашнемъ днѣ.

«Завтра пойду рано утромъ и возьму на себя не горячиться. Бекасовъ пропасть. И дупеля есть. А приду домой, записка отъ Кити. Да, Стива, пожалуй, и правъ? Я не мужественъ съ нею, я обабился... Но что жъ дѣлать! Опять отрицательно!»

Сквозь сонъ онъ услыхалъ смѣхъ и веселый говоръ Весловскаго и Степана Аркадьевича. Онъ на мгновеніе открылъ глаза: луна взошла, и въ отворенныхъ воротахъ, ярко освѣщенные луннымъ свѣтомъ, они стояли, разговаривая. Что-то Степанъ Аркадьевичъ говорилъ про свѣжесть дѣвушки, сравнивая ее съ только что вылупленнымъ свѣжимъ орѣшкомъ, и что-то Весловскій, смѣясь своимъ заразительнымъ смѣхомъ, повторялъ, вѣроятно, сказанныя ему мужикомъ слова: «Ты своей какъ можно домогайся!» Левинъ сквозь сонъ проговорилъ:

— Господа, завтра чѣмъ свѣтъ! — и заснулъ.

XII.

Проснувшись на ранней зарѣ, Левинъ попробовалъ будить товарищей. Васенька, лежа на животѣ и вытянувъ одну ногу въ чулкѣ, спалъ такъ крѣпко, что нельзя было отъ него добиться отвѣта. Облонскій сквозь сонъ отказался идти такъ рано. Даже

и Ласка, спавшая, свернувшись кольцомъ, въ краю сѣна неохотно встала и лѣниво, одну за другой, вытягивала и расправляла свои заднія ноги. Обувшись, взявъ ружье и осторожно отворивъ скрипучую дверь сарая, Левинъ вышелъ на улицу. Кучера спали у экипажей, лошади дремали. Одна только лѣниво ѣла овесъ, раскидывая его храпомъ по колодѣ. На дворѣ еще было сѣро.

— Что рано такъ поднялся, касатикъ? — дружелюбно, какъ къ старому доброму знакомому, обратилась къ нему вышедшая изъ избы старуха-хозяйка.

— Да на охоту, тетушка. Тутъ пройду на болото?

— Прямо задами; нашими гумнами, милый человѣкъ, да коноплями; стежка тамъ.

Осторожно шагая босыми загорѣлыми ногами, старуха проводила Левина и откинула ему загородку у гумна.

— Прямо такъ и стеганешь въ болото. Наши ребята туда вечоръ погнали.

Ласка весело бѣжала впереди по тропинкѣ; Левинъ шелъ за нею быстрымъ, легкимъ шагомъ, безпрестанно поглядывая на небо. Ему хотѣлось, чтобы солнце не взошло прежде, чѣмъ онъ дойдетъ до болота. Но солнце не мѣшкало. Мѣсяцъ, еще свѣтившій, когда онъ выходилъ, теперь только блестѣлъ, какъ кусокъ ртути; утреннюю зарницу, которую прежде нельзя было не видѣть, теперь надо было искать; прежде неопредѣленныя пятна на дальнемъ полѣ теперь уже ясно были видны. Это были ржаныя копны. Невидная еще безъ солнечнаго свѣта роса въ душистой высокой коноплѣ, изъ которой выбраны были уже замашки, мочила ноги и блузу Левина выше пояса. Въ прозрачной тишинѣ утра слышны были малѣйшіе звуки. Пчелка со свистомъ пули пролетѣла мимо уха Левина. Онъ приглядѣлся и увидѣлъ еще другую и третью. Всѣ онѣ вылетали изъ-за плетня пчельника и надъ коноплей скрывались по направленію къ болоту. Стежка вывела прямо въ болото. Болото можно было узнать по парамъ, которые поднимались изъ него гдѣ гуще, гдѣ рѣже, такъ что осока и ракитовые кустики, какъ островки, колебались на этомъ парѣ. На краю болота и дороги мальчишки и мужики, стерегшіе ночное, лежали и передъ зарей всѣ спали подъ кафтанами. Недалеко отъ нихъ ходили три спутанныя лошади. Одна изъ нихъ гремѣла кандалами. Ласка шла рядомъ съ хозяиномъ, просясь впередъ и оглядываясь. Пройдя спавшихъ мужиковъ и поровнявшись съ первою мочежинкой, Левинъ осмотрѣлъ пистоны и пустилъ собаку. Одна изъ лошадей, сытый бурый третьякъ, увидавъ собаку, шарахнулась и, поднявъ хвостъ, фыркнула. Осталь-

ныя лошади тоже испугались и, спутанными ногами шлепая по водѣ и производя вытаскиваемыми изъ густой глины копытами звукъ, подобный хлопанью, запрыгали изъ болота. Ласка остановилась, насмѣшливо посмотрѣвъ на лошадей и вопросительно на Левина. Левинъ погладилъ Ласку и посвисталъ, въ знакъ того, что можно начинать.

Ласка весело и озабоченно побѣжала по колеблющейся подъ нею трясинѣ.

Вбѣжавъ въ болото, Ласка тотчасъ же среди знакомыхъ ей запаховъ кореньевъ, болотныхъ травъ, ржавчины и чуждаго запаха лошадинаго помета почувствовала разсѣянный по всему этому мѣсту запахъ птицы, той самой пахучей птицы, которая болѣе всѣхъ другихъ волновала ее. Кое-гдѣ по мху и лопушкамъ болотнымъ запахъ этотъ былъ очень силенъ, но нельзя было рѣшить, въ какую сторону онъ усиливался и ослабѣвалъ. Чтобы найти направленіе, надо было отойти дальше подъ вѣтеръ. Не чувствуя движенія своихъ ногъ, Ласка напряженнымъ галопомъ, такимъ, что при каждомъ прыжкѣ она могла остановиться, если встрѣтится необходимость, поскакала направо прочь отъ дувшаго съ востока предразсвѣтнаго вѣтерка и повернулась на вѣтеръ. Вдохнувъ въ себя воздухъ расширенными ноздрями, она тотчасъ же почувствовала, что не слѣды только, а *они* сами были тутъ, предъ нею, и не одинъ, а много. Ласка уменьшила быстроту бѣга. Они были тутъ, но гдѣ именно, она не могла еще опредѣлить. Чтобы найти это самое мѣсто, она начала уже кругъ, какъ вдругъ голосъ хозяина развлекъ ее. «Ласка! тутъ!» сказалъ онъ, указывая ей въ другую сторону. Она постояла, спрашивая его, не лучше ли дѣлать, какъ она начала. Но онъ повторилъ приказаніе сердитымъ голосомъ, показывая въ залитый водою кочкарникъ, гдѣ ничего не могло быть. Она послушала его, притворяясь, что ищетъ, чтобы сдѣлать ему удовольствіе, излазила кочкарникъ и вернулась къ прежнему мѣсту и тотчасъ же опять почувствовала ихъ. Теперь, когда онъ не мѣшалъ ей, она знала, что дѣлать, и, не глядя себѣ подъ ноги и съ досадой спотыкаясь по высокимъ кочкамъ и попадая въ воду, но справляясь гибкими, сильными ногами, начала кругъ, который все долженъ былъ объяснить ей. Запахъ *ихъ* все сильнѣе и сильнѣе, опредѣленнѣе и опредѣленнѣе поражалъ ее, и вдругъ ей вполнѣ стало ясно, что одинъ изъ нихъ тутъ, за этою кочкой, въ пяти шагахъ передъ нею, и она остановилась и замерла всѣмъ тѣломъ. На своихъ низкихъ ногахъ она ничего не могла видѣть предъ собой, но она по запаху знала, что онъ сидѣлъ не далѣе пяти шаговъ. Она стояла, все больше и больше ощущая его и наслаждаясь

ожиданіемъ. Напряженный хвостъ ея былъ вытянутъ и вздрагивалъ только въ самомъ кончикѣ. Ротъ ея былъ слегка раскрытъ, уши приподняты. Одно ухо заворотилось еще на бѣгу, и она тяжело, но осторожно дышала и еще осторожнѣе оглянулась, больше глазами, чѣмъ головой, на хозяина. Онъ, съ его привычнымъ ей лицомъ, но всегда страшными глазами, шелъ, спотыкаясь, по кочкамъ и необыкновенно тихо, какъ ей казалось. Ей казалось, что онъ шелъ тихо, а онъ бѣжалъ.

Замѣтивъ тотъ особенный поискъ Ласки, когда она прижималась вся къ землѣ, какъ будто загребала большими шагами задними ногами и слегка раскрывая ротъ, Левинъ понялъ, что она тянула по дупелямъ, и, въ душѣ помолившись Богу, чтобы былъ успѣхъ, особенно на первую птицу, подбѣжалъ къ ней. Подойдя къ ней вплоть, онъ сталъ съ своей высоты смотрѣть предъ собой и увидалъ глазами то, что она видѣла носомъ. Въ проулочкѣ между кочками на разстояніи одной сажени виднѣлся дупель. Повернувъ голову, онъ прислушивался. Потомъ, чуть расправивъ и опять сложивъ крылья, онъ, неловко вильнувъ задомъ, скрылся за уголъ.

— Пиль! пиль! — крикнулъ Левинъ, толкая въ задъ Ласку.

«Но я не могу идти, — думала Ласка. — Куда я пойду? Отсюда я чувствую ихъ, а если я двинусь впередъ, я ничего не пойму, гдѣ они и кто они». Но вотъ онъ толкнулъ ее колѣномъ и взволнованнымъ шопотомъ проговорилъ: «Пиль, Ласочка, пиль!»

«Ну, такъ если онъ хочетъ этого, я сдѣлаю, но я за себя уже не отвѣчаю теперь», подумала она и со всѣхъ ногъ рванулась впередъ между кочекъ. Она ничего уже не чуяла теперь и только видѣла и слышала, ничего не понимая.

Въ десяти шагахъ отъ прежняго мѣста съ жирнымъ хорканьемъ и особеннымъ дупелинымъ выпуклымъ звукомъ крыльевъ поднялся одинъ дупель. И вслѣдъ за выстрѣломъ тяжело шлепнулся бѣлою грудью о мокрую трясину. Другой не дождался и сзади Левина поднялся безъ собаки.

Когда Левинъ повернулся къ нему, онъ былъ уже далеко. Но выстрѣлъ досталъ его. Пролетѣвъ шаговъ двадцать, второй дупель поднялся кверху коломъ и кубаремъ, какъ брошенный мячикъ, тяжело упалъ на сухое мѣсто.

«Вотъ это будетъ толкъ!» думалъ Левинъ, запрятывая въ ягдташъ теплыхъ и жирныхъ дупелей. «А, Ласочка, будетъ толкъ?»

Когда Левинъ, зарядивъ ружье, тронулся дальше, солнце, хотя еще и не видно за тучками, уже взошло. Мѣсяцъ, потерявъ весь блескъ, какъ облачко, бѣлѣлъ на небѣ; звѣздъ не видно

было уже ни одной. Мочежинки, прежде серебрившіяся росой теперь золотились. Ржавчина была вся янтарная. Синева травъ перешла въ желтоватую зелень. Болотныя птички копошились на блестящихъ росою и клавшихъ длинную тѣнь кустикахъ у ручья. Ястребъ проснулся и сидѣлъ на копнѣ, съ боку на бокъ поворачивая голову, недовольно глядя на болото. Галки летѣли въ поле, и босоногій мальчишка уже подгонялъ лошадей къ поднявшемуся изъ-подъ кафтана и почесывавшемуся старику. Дымъ отъ выстрѣловъ, какъ молоко, бѣлѣлъ по зелени травы.

Одинъ изъ мальчишекъ подбѣжалъ къ Левину.

— Дяденька, утки вчера туто были! — прокричалъ онъ ему и пошелъ за нимъ издалека.

И Левину, въ виду этого мальчика, выражавшаго свое одобреніе, было вдвойнѣ пріятно убить еще тутъ же разъ за разомъ трехъ бекасовъ.

XIII.

Охотничья примѣта, что если не упущенъ первый звѣрь и первая птица, то поле будетъ счастливо, оказалась справедливой.

Усталый, голодный, счастливый, Левинъ въ десятомъ часу утра, исходивъ верстъ тридцать, съ девятнадцатью штуками красной дичи и одною уткой, которую онъ привязалъ за поясъ, такъ какъ она уже не влѣзала въ ягдташъ, вернулся на квартиру. Товарищи его уже давно проснулись и успѣли проголодаться и позавтракать.

— Постойте, постойте, я знаю, что девятнадцать, — говорилъ Левинъ, пересчитывая во второй разъ неимѣющихъ того значительнаго вида, какой они имѣли, когда вылетали, скрючившихся и ссохшихся, съ запекшеюся кровью, со свернутыми на бокъ головками, дупелей и бекасовъ.

Счетъ былъ вѣренъ, и зависть Степана Аркадьевича была пріятна Левину. Пріятно ему было еще то, что, вернувшись на квартиру, онъ засталъ уже пріѣхавшаго посланнаго отъ Кити съ запиской.

«Я совсѣмъ здорова и весела. Если ты за меня боишься, то можешь быть еще болѣе спокоенъ, чѣмъ прежде. У меня новый тѣлохранитель, Марья Власьевна (это была акушерка, новое, важное лицо въ семейной жизни Левина). Она пріѣхала меня провѣдать. Нашла меня совершенно здоровой, и мы оставили ее до твоего пріѣзда. Всѣ веселы, здоровы, и ты, пожалуйста, не торопись, а если охота хороша, останься еще день».

Эти двѣ радости, счастливая охота и записка отъ жены, были такъ велики, что двѣ случившіяся послѣ охоты маленькія непріятности прошли для Левина легко. Одна состояла въ томъ, что рыжая пристяжная, очевидно переработавшая вчера, не ѣла корма и была скучна. Кучеръ говорилъ, что она надорвана.

— Вчера загнали, Константинъ Дмитричъ, — говорилъ онъ.— Какъ же, десять верстъ не путемъ гнали!

Другая непріятность, разстроившая въ первую минуту его хорошее расположеніе духа, но надъ которой онъ послѣ много смѣялся, состояла въ томъ, что изъ всей провизіи, отпущенной Кити въ такомъ изобиліи, что, казалось, нельзя было ее доѣсть въ недѣлю, ничего не осталось. Возвращаясь усталый и голодный съ охоты, Левинъ такъ опредѣленно мечталъ о пирожкахъ, что, подходя къ квартирѣ, онъ слышалъ запахъ и вкусъ ихъ во рту, какъ Ласка чуяла дичь, и тотчасъ велѣлъ Филиппу подать себѣ. Оказалось, что не только пирожковъ, но и цыплятъ уже не было.

— Ну ужъ аппетитъ! — сказалъ Степанъ Аркадьевичъ смѣясь, указывая на Васеньку Весловскаго. — Я не страдаю недостаткомъ аппетита, но это удивительно...

— Ну, что жъ дѣлать! — сказалъ Левинъ, мрачно глядя на Весловскаго. — Филиппъ, такъ говядины дай.

— Говядину скушали, а кость собакамъ отдали, — отвѣчалъ Филиппъ.

Левину было такъ обидно, что онъ съ досадой сказалъ: — Хоть бы чего-нибудь мнѣ оставили!—и ему захотѣлось плакать.

— Такъ выпотроши же дичь, — сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ Филиппу, стараясь не смотрѣть на Васеньку,—и наложи крапивы. А мнѣ спроси хоть молока.

Уже потомъ, когда онъ наѣлся молока, ему стало совѣстно за то, что онъ высказалъ досаду чужому человѣку, и онъ сталъ смѣяться надъ своимъ голоднымъ озлобленіемъ...

Вечеромъ еще сдѣлали поле, въ которое и Весловскій убилъ нѣсколько штукъ, а въ ночь вернулись домой.

Обратный путь былъ такъ же веселъ, какъ и путь туда. Весловскій то пѣлъ, то вспоминалъ съ наслажденіемъ свои похожденія у мужиковъ, угостившихъ его водкой и сказавшихъ ему: «не обсудись»; то свои ночныя похожденія съ орѣшками и дворовою дѣвушкой и мужикомъ, который спрашивалъ его, женатъ ли онъ, и, узнавъ, что онъ не женатъ, сказалъ ему: «А ты на чужихъ женъ не зарься, а пуще всего домогайся какъ бы свою завести». Эти слова особенно смѣшили Весловскаго.

— Вообще, я ужасно доволенъ нашей поѣздкой. А вы, Левинъ?

— Я очень доволенъ, — искренно говорилъ Левинъ, которому особенно радостно было не только не чувствовать той враждебности, которую онъ испыталъ дома къ Васенькѣ Весловскому, но, напротивъ, чувствовать къ нему самое дружеское расположеніе.

XIV.

На другой день въ 10 часовъ Левинъ, обходивъ уже хозяйство, постучался въ комнату, гдѣ ночевалъ Васенька.

— Entrez! — прокричалъ ему Весловскій. — Вы меня извините, я еще только мои ablutions кончилъ, — сказалъ онъ улыбаясь, стоя предъ нимъ въ одномъ бѣльѣ.

— Не стѣсняйтесь пожалуйста.—Левинъ присѣлъ къ окну.— Вы хорошо спали?

— Какъ убитый. А день какой нынче для охоты?

— Вы что пьете: чай или кофе?

— Ни то, ни другое. Я завтракаю. Мнѣ, право, совѣстно. Дамы, я думаю, уже встали? Пройтись теперь отлично. Вы мнѣ покажите лошадей.

Пройдясь по саду, побывавъ въ конюшнѣ и даже подѣлавъ вмѣстѣ гимнастику на баррахъ, Левинъ вернулся со своимъ гостемъ домой и вошелъ съ нимъ въ гостиную.

— Прекрасно поохотились, и сколько впечатлѣній!—сказалъ Весловскій, подходя къ Кити, которая сидѣла за самоваромъ.— Какъ жалко, что дамы лишены этихъ удовольствій.

«Ну, что же, надо же ему какъ-нибудь говорить съ хозяйкой дома», сказалъ себѣ Левинъ. Ему опять что-то показалось въ улыбкѣ, въ томъ побѣдительномъ выраженіи, съ которымъ гость обратился къ Кити...

Княгиня, сидѣвшая съ другой стороны стола съ Марьей Власьевной и Степаномъ Аркадьевичемъ, подозвала къ себѣ Левина и завела съ нимъ разговоръ о переѣздѣ въ Москву для родовъ Кити и приготовленія квартиры. Для Левина какъ при свадьбѣ были непріятны всякія приготовленія, оскорбляющія своимъ ничтожествомъ величіе совершающагося, такъ еще болѣе оскорбительны казались приготовленія для будущихъ родовъ, время которыхъ какъ-то высчитывали по пальцамъ. Онъ старался все время не слышать этихъ разговоровъ о способѣ пеленанія будущаго ребенка, старался отворачиваться и не видѣть какихъ-то таинственныхъ безконечныхъ вязаныхъ полосъ, какихъ-то

полотняныхъ треугольничковъ, которымъ приписывала особенную важность Долли, и т. п. Событіе рожденія сына (онъ былъ увѣренъ, что будетъ сынъ), которое ему обѣщали, но въ которое онъ все-таки не могъ вѣрить,—такъ оно казалось необыкновенно, — представлялось ему съ одной стороны столь огромнымъ и потому невозможнымъ счастіемъ, съ другой стороны — столь таинственнымъ событіемъ, что это воображаемое знаніе того, что будетъ, и вслѣдствіе того приготовленіе какъ къ чему-то обыкновенному, людьми же производимому, казалось ему возмутительно и унизительно.

Но княгиня не понимала его чувствъ и объясняла его неохоту думать и говорить про это легкомысліемъ и равнодушіемъ, а потому не давала ему покоя. Она поручала Степану Аркадьевичу посмотрѣть квартиру, и теперь подозвала къ себѣ Левина.

— Я ничего не знаю, княгиня. Дѣлайте, какъ хотите, — говорилъ онъ.

— Надо рѣшить, когда вы переѣдете.

— Я, право, не знаю. Я знаю, что родятся дѣтей милліоны безъ Москвы и докторовъ... отчего же...

— Да если такъ...

— Да нѣтъ, какъ Кити хочетъ.

— Съ Кити нельзя про это говорить! Что жъ, ты хочешь, чтобъ я напугала ее? Вотъ нынче весной Натали Голицына умерла отъ дурного акушера.

— Какъ вы скажете, такъ я и сдѣлаю,—сказалъ онъ мрачно.

Княгиня начала говорить ему, но онъ не слушалъ ея. Хотя разговоръ съ княгиней и разстраивалъ его, онъ сдѣлался мраченъ не отъ этого разговора, но отъ того, что́ онъ видѣлъ у самовара.

«Нѣтъ, это невозможно», думалъ онъ, изрѣдка взглядывая на перегнувшагося къ Кити Васеньку, со своею красивою улыбкой говорившаго ей что-то, и на нее, краснѣвшую и взволнованную.

Было нечистое что-то въ позѣ Васеньки, въ его взглядѣ, въ его улыбкѣ. Левинъ видѣлъ даже что-то нечистое и въ позѣ и во взглядѣ Кити. И опять свѣтъ померкъ въ его глазахъ. Опять, какъ вчера, вдругъ, безъ малѣйшаго перехода, онъ почувствовалъ себя сброшеннымъ съ высоты счастья, спокойствія, достоинства въ бездну отчаянія, злобы и униженія. Опять всѣ и все стали противны ему.

— Такъ и сдѣлайте, княгиня, какъ хотите, — сказалъ онъ, опять оглядываясь.

— Тяжела шапка Мономаха! — сказалъ ему шутя Степанъ Аркадьевичъ, намекая, очевидно, не на одинъ разговоръ съ

княгиней, а на причину волненія Левина, которое онъ замѣтилъ. — Какъ ты нынче поздно, Долли.

Всѣ встали встрѣтить Дарью Александровну. Васенька всталъ на минуту только и со свойственнымъ новымъ молодымъ людямъ отсутствіемъ вѣжливости къ дамамъ чуть поклонился и опять продолжалъ разговоръ, засмѣявшись чему-то.

— Меня замучала Маша. Она дурно спала и капризна нынче ужасно, — сказала Долли.

Разговоръ, затѣянный Васенькой съ Кити, шелъ опять о вчерашнемъ, объ Аннѣ и о томъ, можетъ ли любовь стать выше условій свѣта. Кити непріятенъ былъ этотъ разговоръ, и онъ волновалъ ее и самымъ содержаніемъ и тѣмъ тономъ, которымъ онъ былъ веденъ, и въ особенности тѣмъ, что она знала ужъ, какъ это подѣйствуетъ на мужа. Но она слишкомъ была проста и невинна, чтобъ умѣть прекратить этотъ разговоръ, и даже для того, чтобы скрыть то внѣшнее удовольствіе, которое доставляло ей очевидное вниманіе этого молодого человѣка. Она хотѣла прекратить этотъ разговоръ, но она не знала, что̀ ей сдѣлать. Все, что̀ бы она ни сдѣлала, она знала, будетъ замѣчено мужемъ и все перетолковано въ дурную сторону. И дѣйствительно, когда она спросила у Долли, что́ съ Машей, и Васенька, ожидая, когда кончится этотъ скучный для него разговоръ, принялся равнодушно смотрѣть на Долли, этотъ вопросъ показался Левину ненатуральною, отвратительною хитростью.

— Что же, поѣдемъ нынче за грибами? — спросила Долли.

— Поѣдемте пожалуйста, и я поѣду, — сказала Кити и покраснѣла. Она хотѣла спросить Васеньку изъ учтивости, поѣдетъ ли онъ, и не спросила. — Ты куда, Костя? — спросила она съ виноватымъ видомъ у мужа, когда онъ рѣшительномъ шагомъ проходилъ мимо нея. Это виноватое выраженіе подтвердило всѣ его сомнѣнія.

— Безъ меня пріѣхалъ машинистъ, я еще не видалъ его, — сказалъ онъ, не глядя на нее.

Онъ сошелъ внизъ, но не успѣлъ еще выйти изъ кабинета, какъ услыхалъ знакомые шаги жены, неосторожно быстро идущей къ нему.

— Что ты? — сказалъ онъ ей сухо. — Мы заняты.

— Извините меня, — обратилась она къ машинисту-нѣмцу:— мнѣ нѣсколько словъ сказать мужу.

Нѣмецъ хотѣлъ уйти, но Левинъ сказалъ ему:

— Не безпокойтесь.

— Поѣздъ въ три?—спросилъ нѣмецъ,—какъ бы не опоздать.

Левинъ не отвѣтилъ ему и самъ вышелъ съ женой.

— Ну, что́ вы мнѣ имѣете сказать? — проговорилъ онъ по-французски.

Онъ не смотрѣлъ на ея лицо и не хотѣлъ видѣть, что она, въ ея положеніи, дрожала всѣмъ лицомъ и имѣла жалкій, уничтоженный видъ.

— Я... я хочу сказать, что такъ нельзя жить, что это мученье... — проговорила она.

— Люди тутъ въ буфетѣ, — сказалъ онъ сердито: — не дѣлайте сценъ.

— Ну, пойдемъ сюда!

Они стояли въ проходной комнатѣ. Кити хотѣла войти въ сосѣднюю, но тамъ англичанка учила Таню.

— Ну, пойдемъ въ садъ!

Въ саду они наткнулись на мужика, чистившаго дорожку. И, уже не думая о томъ, что мужикъ видитъ ея заплаканное, а его взволнованное лицо, не думая о томъ, что они имѣютъ видъ людей, убѣгающихъ отъ какого-то несчастія, они быстрыми шагами шли впередъ, чувствуя, что имъ надо высказаться и разубѣдить другъ друга, побыть однимъ вмѣстѣ и избавиться этимъ отъ того мученія, которое оба испытывали!

— Такъ нельзя жить! Это мученье! Я страдаю, ты страдаешь. За что!—сказала она, когда они добрались, наконецъ, до уединенной лавочки на углу липовой аллеи.

— Но ты одно скажи мнѣ: было въ его тонѣ неприличное, нечистое, унизительно-ужасное?—говорилъ онъ, становясь предъ ней опять въ ту же позу, съ кулаками предъ грудью, какъ онъ тогда ночью стоялъ предъ ней.

— Было, — сказала она дрожащимъ голосомъ. — Но, Костя, ты не видишь развѣ, что я не виновата? Я съ утра хотѣла такой тонъ взять, но эти люди... Зачѣмъ онъ пріѣхалъ? Какъ мы счастливы были! — говорила она, задыхаясь отъ рыданій, которыя поднимали все ея пополнѣвшее тѣло.

Садовникъ съ удивленіемъ видѣлъ, несмотря на то, что ничего не гналось за ними и что бѣжать не отъ чего было, и что ничего они особенно радостнаго не могли найти на лавочкѣ, — садовникъ видѣлъ, что они вернулись домой мимо него съ успокоенными, сіяющими лицами.

XV.

Проводивъ жену наверхъ, Левинъ пошелъ на половину Долли. Дарья Александровна съ своей стороны была въ этотъ день въ большомъ огорченіи. Она ходила по комнатѣ и сердито говорила стоявшей въ углу и ревущей дѣвочкѣ:

— И будешь стоять весь день въ углу, и обѣдать будешь одна, и ни одной куклы не увидишь, и платья тебѣ новаго не сошью, — говорила она, не зная уже, чѣмъ наказать ее.

— Нѣтъ, это гадкая дѣвочка!—обратилась она къ Левину.— Откуда берутся у нея эти мерзкія наклонности?

— Да что же она сдѣлала? — довольно равнодушно сказалъ Левинъ, которому хотѣлось посовѣтоваться о своемъ дѣлѣ и поэтому досадно было, что онъ попалъ некстати.

— Они съ Гришей ходили въ малину и тамъ... я не могу даже сказать, что она дѣлала. Тысячу разъ пожалѣешь miss Elliot. Эта ни за чѣмъ не смотритъ, машина... Figurez vous, que la petite...

И Дарья Александровна разсказала преступленіе Маши.

— Это ничего не доказываетъ, это совсѣмъ не гадкія наклонности, это просто шалость, — успокаивалъ ее Левинъ.

— Но ты что-то разстроенъ? Ты зачѣмъ пришелъ? — спросила Долли. — Что тамъ дѣлается?

И въ тонѣ этого вопроса Левинъ слышалъ, что ему легко будетъ сказать то, что́ онъ былъ намѣренъ сказать.

— Я не былъ тамъ, я былъ одинъ въ саду съ Кити. Мы поссорились второй разъ съ тѣхъ поръ, какъ... Стива пріѣхалъ.

Долли смотрѣла на него умными, понимающими глазами.

— Ну, скажи, руку на сердце, былъ ли... не въ Кити, а въ этомъ господинѣ такой тонъ, который можетъ быть непріятенъ, не непріятенъ, но ужасенъ, оскорбителенъ для мужа!

— То-есть какъ тебѣ сказать... Стой, стой въ углу! — обратилась она къ Машѣ, которая, увидавъ чуть замѣтную улыбку на лицѣ матери, повернулась было.—Свѣтское мнѣніе было бы то, что онъ ведетъ себя, какъ ведутъ себя всѣ молодые люди. Il fait la cour à une jeune et jolie femme, а мужъ свѣтскій долженъ быть только польщенъ этимъ.

— Да, да, — мрачно сказалъ Левинъ, — но ты замѣтила?

— Не только я, но Стива замѣтилъ. Онъ прямо послѣ чая мнѣ сказалъ: je crois que Весловскій fait un petit brin de cour à Кити.

— Ну, и прекрасно, теперь я спокоенъ. Я прогоню его, — сказалъ Левинъ.

— Что ты, съ ума сошелъ? — съ ужасомъ вскрикнула Долли.—Что ты, Костя, опомнись!—смѣясь сказала она.—Ну, можешь идти теперь къ Фанни.—сказала она Машѣ.—Нѣтъ, ужъ если ты хочешь, то я скажу Стивѣ. Онъ увезетъ его. Можно сказать, что ты ждешь гостей. Вообще онъ намъ не къ дому.

— Нѣтъ, нѣтъ, я самъ.

— Но ты поссоришься?.

— Нисколько. Мнѣ такъ это весело будетъ, дѣйствительно весело,—блестя глазами, сказалъ Левинъ.—Ну, прости ее, Долли! Она не будетъ,—сказалъ онъ про маленькую преступницу, которая не шла къ Фанни и нерѣшительно стояла противъ матери, исподлобья ожидая и ища ея взгляда.

Мать взглянула на нее. Дѣвочка разрыдалась, зарылась лицомъ въ колѣняхъ матери, и Долли положила ей на голову свою худую, нѣжную руку.

«И что общаго между нами и имъ?» подумалъ Левинъ и пошелъ отыскивать Весловскаго.

Проходя черезъ переднюю, онъ велѣлъ закладывать коляску, чтобы ѣхать на станцію.

— Вчера рессора сломалась, — отвѣчалъ лакей.

— Ну, такъ тарантасъ, но скорѣе. Гдѣ гость?

— Они пошли въ свою комнату.

Левинъ засталъ Васеньку въ то время, какъ тотъ, разобравъ свои вещи изъ чемодана и разложивъ новые романсы, примѣривалъ краги, чтобъ ѣздить верхомъ.

Было ли въ лицѣ Левина что - нибудь особенное, или самъ Васенька почувствовалъ, что ce petit brin de cour, который онъ затѣялъ, былъ неумѣстенъ въ этой семьѣ, но онъ былъ нѣсколько (сколько можетъ быть свѣтскій человѣкъ) смущенъ входомъ Левина.

— Вы въ крагахъ верхомъ ѣздите?

— Да, это гораздо чище, — сказалъ Васенька, ставя жирную ногу на стулъ, застегивая нижній крючокъ и весело, добродушно улыбаясь.

Онъ былъ несомнѣнно добрый малый, и Левину жалко стало его и совѣстно за себя, хозяина дома, когда онъ подмѣтилъ робость во взглядѣ Васеньки.

На столѣ лежалъ обломокъ палки, которую они нынче утромъ вмѣстѣ сломали на гимнастикѣ, пробуя поднять забухшія барры. Левинъ взялъ въ руки этотъ обломокъ и началъ обламывать расщепившійся конецъ, не зная, какъ начать.

— Я хотѣлъ...—Онъ замолчалъ было, но вдругъ, вспомнивъ Кити и все, что было, рѣшительно глядя ему въ глаза, сказалъ:— я велѣлъ вамъ закладывать лошадей. .

— То-есть какъ? — началъ съ удивленіемъ Васенька. — Куда же ѣхать?

— Вамъ, на желѣзную дорогу, — мрачно сказалъ Левинъ, щипля конецъ палки.

— Вы уѣзжаете или что-нибудь случилось?

— Случилось, что я жду гостей, — сказалъ Левинъ, быстрѣе и быстрѣе обламывая сильными пальцами концы расщепившейся палки.—И не жду гостей, и ничего не случилось, но я прошу васъ уѣхать. Вы можете объяснить какъ хотите мою неучтивость.

Васенька выпрямился.

— Я прошу *васъ* объяснить мнѣ... — съ достоинствомъ сказалъ онъ, понявъ наконецъ.

— Я не могу вамъ объяснить,—тихо и медленно, стараясь скрыть дрожаніе своихъ скулъ, заговорилъ Левинъ. — И лучше вамъ не спрашивать.

И такъ какъ расщепившіеся концы были уже всѣ отломаны, Левинъ зацѣпился пальцами за толстые концы, разодралъ палку и старательно поймалъ падавшій конецъ.

Вѣроятно, видъ этихъ напряженныхъ рукъ, тѣхъ самыхъ мускуловъ, которые онъ нынче утромъ ощупывалъ на гимнастикѣ, и блестящихъ глазъ, тихаго голоса и дрожащихъ скулъ убѣдили Васеньку больше словъ. Онъ, пожавъ плечами и презрительно улыбнувшись, поклонился.

— Нельзя ли мнѣ видѣль Облонскаго?

Пожатіе плечъ и улыбка не раздражили Левина. «Что жъ ему больше остается дѣлать?» подумалъ онъ.

— Я сейчасъ пришлю его вамъ.

— Что это за безсмыслица! — говорилъ Степанъ Аркадьевичъ, узнавъ отъ пріятеля, что его выгоняютъ изъ дому, и найдя Левина въ саду, гдѣ онъ гулялъ, дожидаясь отъѣзда гостя.— Mais c'est ridicule! Какая тебя муха укусила? Mais c'est du dernier ridicule! Что же тебѣ показалось, если молодой человѣкъ...

Но мѣсто, въ которое Левина укусила муха, видно еще болѣло, потому что онъ опять поблѣднѣлъ, когда Степанъ Аркадьевичъ хотѣлъ объяснить причину, и поспѣшно перебилъ его:

— Пожалуйста не объясняй причины! Я не могу иначе! Мнѣ очень совѣстно предъ тобой и предъ нимъ. Но ему, я думаю, не будетъ большого горя уѣхать, а мнѣ и моей женѣ его присутствіе непріятно.

— Но ему оскорбительно! Et puis c'est ridicule!

— А мнѣ и оскорбительно и мучительно! И я ни въ чемъ не виноватъ, и мнѣ не зачѣмъ страдать!

— Ну, ужъ этого я не ждалъ отъ тебя! On peut être jaloux, mais à ce point c'est du dernier ridicule!

Левинъ быстро повернулся и ушелъ отъ него въ глубь аллеи и продолжалъ одинъ ходить взадъ и впередъ. Скоро онъ услыхалъ грохотъ тарантаса и увидалъ изъ-за деревьевъ, какъ Ва-

сенька, сидя на сѣнѣ (на бѣду не было сидѣнья въ тарантасѣ), въ своей шотландской шапочкѣ, подпрыгивая по толчкамъ, проѣхалъ по аллеѣ.

«Это что еще?» подумалъ Левинъ, когда лакей, выбѣжавъ изъ дома, остановилъ тарантасъ. Это былъ машинистъ, про котораго совсѣмъ забылъ Левинъ. Машинистъ, раскланиваясь, что-то говорилъ Весловскому, потомъ влѣзъ въ тарантасъ, и они вмѣстѣ уѣхали.

Степанъ Аркадьевичъ и княгиня были возмущены поступкомъ Левина. И онъ самъ чувствовалъ себя не только ridicule въ высшей степени, но и виноватымъ кругомъ и опозореннымъ; но, вспоминая то, что онъ и жена его перестрадали, онъ, спрашивая себя, какъ бы онъ поступилъ въ другой разъ, отвѣчалъ себѣ, что точно такъ же.

Несмотря на все это, къ концу этого дня всѣ, за исключеніемъ княгини, не прощавшей этотъ поступокъ Левину, сдѣлались необыкновенно оживлены и веселы, точно дѣти послѣ наказанія или большіе послѣ тяжелаго официціальнаго пріема, такъ что вечеромъ про изгнаніе Васеньки въ отсутствіе княгини говорилось, какъ про давнишнее событіе. И Долли, имѣвшая отъ отца даръ смѣшно разсказывать, заставляла падать отъ смѣха Вареньку, когда она третій и четвертый разъ все съ новыми юмористическими прибавленіями разсказывала, какъ она только что собралась надѣть новые бантики для гостя и выходила уже въ гостиную, вдругъ услыхала грохотъ колымаги. И кто же въ колымагѣ?—самъ Васенька, и съ шотландскою шапочкой, и съ романсами, и съ крагами, сидитъ на сѣнѣ.

— Хоть бы ты карету велѣлъ запрячь! Нѣтъ, и потомъ слышу: «постойте!» Ну, думаю, сжалились. Смотрю, посадили къ нему толстаго нѣмца и повезли... И бантики мои пропали!..

XVI.

Дарья Александровна исполнила свое намѣреніе и поѣхала къ Аннѣ. Ей очень жалко было огорчить сестру и сдѣлать непріятное ея мужу: онъ понимала, какъ справедливы Левины, не желая имѣть никакихъ сношеній съ Вронскимъ; но она считала своею обязанностью побывать у Анны и показать ей, что чувства ея не могутъ измѣниться, несмотря на перемѣну ея положенія.

Чтобы не зависѣть отъ Левиныхъ въ этой поѣздкѣ, Дарья Александровна послала въ деревню нанять лошадей; но Левинъ, узнавъ объ этомъ, пришелъ къ ней съ выговоромъ.

— Почему же ты думаешь, что мнѣ непріятна твоя поѣздка? Да если бы мнѣ и было это непріятно, то тѣмъ болѣе мнѣ непріятно, что ты не берешь моихъ лошадей,—говорилъ онъ.— Ты мнѣ ни разу не сказала, что ты рѣшительно ѣдешь. А нанимать на деревнѣ, во-первыхъ, непріятно для меня, а главное— они возьмутся, но не довезутъ. У меня лошади есть. И если ты не хочешь огорчить меня, то ты возьми моихъ.

Дарья Александровна должна была согласиться, и въ назначенный день Левинъ приготовилъ для свояченицы четверню лошадей и подставу, собравъ ее изъ рабочихъ и верховыхъ, очень некрасивую, но которая могла довезти Дарью Александровну въ одинъ день. Теперь, когда лошади нужны были и для уѣзжавшей княгини, и для акушерки, это было затруднительно для Левина, но по долгу гостепріимства онъ не могъ допустить Дарью Александровну нанимать изъ его дома лошадей и, кромѣ того, зналъ, что двадцать рублей, которые просили съ Дарьи Александровны за эту поѣздку, были для нея очень важны, а денежныя дѣла Дарьи Александровны, находившіяся въ очень плохомъ положеніи, чувствовались Левиными какъ свои собственныя.

Дарья Александровна, по совѣту Левина, выѣхала до зари. Дорога была хороша, коляска покойна, лошади бѣжали весело, и на козлахъ, кромѣ кучера, сидѣлъ конторщикъ вмѣсто лакея, посланный Левинымъ для безопасности. Дарья Александровна задремала и проснулась, только подъѣзжая уже къ постоялому двору, гдѣ надо было перемѣнять лошадей.

Напившись чаю у того самаго богатаго мужика- хозяина, у котораго останавливался Левинъ въ свою поѣздку къ Свіяжскому, и побесѣдовавъ съ бабами о дѣтяхъ и со старикомъ о графѣ Вронскомъ, котораго тотъ очень хвалилъ, Дарья Александровна въ 10 часовъ поѣхала дальше. Дома ей, за заботами о дѣтяхъ, никогда не бывало времени думать. Зато уже теперь, на этомъ четырехчасовомъ переѣздѣ, всѣ прежде задержанныя мысли вдругъ столпились въ ея головѣ, и она передумала всю свою жизнь какъ никогда прежде и съ самыхъ разныхъ сторонъ. Ей самой странны были ея мысли. Сначала она думала о дѣтяхъ, о которыхъ, хотя княгиня, а главное Кити (она на нее больше надѣялась), обѣщала за ними смотрѣть, она все-таки безпокоилась. «Какъ бы Маша опять не начала шалить, Гришу какъ бы не ударила лошадь, да и желудокъ Лили какъ бы еще больше не разстроился». Но потомъ вопросы настоящаго стали смѣняться вопросами ближайшаго будущаго. Она стала думать о томъ, какъ въ Москвѣ надо на нынѣшнюю

зиму взять новую квартиру, перемѣнить мебель въ гостиной и сдѣлать шубку старшей дочери. Потомъ стали представляться ей вопросы болѣе отдаленнаго будущаго: какъ она выведетъ дѣтей въ люди. «Дѣвочекъ еще ничего,—думала она,—но мальчики?»

«Хорошо, я занимаюсь Гришей теперь, но вѣдь это только оттого, что сама я теперь свободна, не рожаю. На Стиву, разумѣется, нечего разсчитывать. И я съ помощью добрыхъ людей выведу ихъ; но если опять роды...» И ей пришла мысль о томъ, какъ несправедливо сказано, что проклятіе наложено на женщину, чтобы въ мукахъ родить чада. «Родить ничего, но носить — вотъ что мучительно», подумала она, представивъ себѣ свою послѣднюю беременность и смерть этого послѣдняго ребенка. И ей вспомнился разговоръ съ молодайкой на постояломъ дворѣ. На вопросъ, есть у ли нея дѣти, красивая молодайка весело отвѣчала:

— Была одна дѣвочка да развязалъ Богъ, постомъ похоронила.

— Что жъ тебѣ очень жалко ее?—спросила Дарья Александровна.

— Чего жалѣть? У старика внуковъ и такъ много. Только забота. Ни тебѣ работать, ни чтò. Только связа одна.

Отвѣтъ этотъ показался Дарьѣ Александровнѣ отвратителенъ, несмотря на добродушную миловидность молодайки; но теперь она невольно вспомнила эти слова. Въ этихъ циническихъ словахъ была и доля правды.

«Да и вообще, — думала Дарья Александровна, оглянувшись на всю свою жизнь за эти пятнадцать лѣтъ замужества,—беременность, тошнота, тупость ума, равнодушіе ко всему и главное—безобразіе. Кити, молоденькая, хорошенькая Кити, и та какъ подурнѣла, а я беременная дѣлаюсь безобразна, я знаю. Роды, страданія, безобразныя страданія, эта послѣдняя минута... потомъ кормленіе, эти безсонныя ночи, эти боли страшныя...»

Дарья Александровна вздрогнула отъ одного воспоминанія о боли треснувшихъ сосковъ, которую она испытывала почти съ каждымъ ребенкомъ. «Потомъ болѣзни дѣтей, этотъ страхъ вѣчный; потомъ воспоминаніе, гадкія наклонности (она вспомнила преступленіе маленькой Маши въ малинѣ), ученіе, латынь — все это такъ непонятно и трудно. И сверхъ всего—смерть этихъ же дѣтей». И опять въ воображеніи ея возникло вѣчно гнетущее ея материнское сердце жестокое воспоминаніе смерти послѣдняго грудного мальчика, умершаго крупомъ, его похороны, всеобщее равнодушіе передъ этимъ маленькимъ розовымъ гро-

бикомъ и своя, разрывающая сердце, одинокая боль передъ блѣднымъ лобикомъ съ вьющимися височками, передъ раскрытымъ и удивленнымъ ротикомъ, виднѣвшимся изъ гроба въ ту минуту, какъ его закрывали розовою крышечкой съ галуннымъ крестомъ.

«И все это зачѣмъ? Что жъ будетъ изъ всего этого? То, что я, не имѣя ни минуты покоя, то беременная, то кормящая, вѣчно сердитая, ворчливая, сама измученная и другихъ мучающая, противная мужу, проживу свою жизнь, и выростутъ несчастныя, дурно воспитанныя и нищія дѣти. И теперь, если бы не лѣто у Левиныхъ, я не знаю, какъ мы бы прожили. Разумѣется, Костя и Кити такъ деликатны, что намъ незамѣтно; но это не можетъ продолжаться. Пойдутъ у нихъ дѣти, имъ нельзя будетъ помогать намъ; они и теперь стѣснены. Что жъ папа, который себѣ почти ничего не оставилъ, будетъ помогать? Такъ что и вывести дѣтей я не могу сама, а развѣ съ помощью другихъ, съ униженіемъ. Ну, да если предположимъ самое счастливое: дѣти не будутъ больше умирать, и я кое-какъ воспитаю ихъ. Въ самомъ лучшемъ случаѣ они только не будутъ негодяи. Вотъ все, чего я могу желать. Изъ-за всего этого сколько мученій, трудовъ... Загублена вся жизнь!» Ей опять вспомнилось то, что̀ сказала молодайка, и опять ей гадко было вспомнить про это; но она не могла не согласиться, что въ этихъ словахъ была и доля грубой правды.

— Что, далеко ли, Михайла?—спросила Дарья Александровна у конторщика, чтобы развлечься отъ пугавшихъ ее мыслей.

— Отъ этой деревни, сказываютъ, семь верстъ.

Коляска по улицѣ деревни съѣзжала на мостикъ. По мосту, звонко и весело переговариваясь шла толпа веселыхъ бабъ со свитыми свяслами за плечами. Бабы пріостановились на мосту, любопытно оглядывая коляску. Всѣ обращенныя къ ней лица показались Дарьѣ Александровнѣ здоровыми, веселыми, дразнящими ее радостью, жизнью. «Всѣ живутъ, всѣ наслаждаются жизнью,—продолжала думать Дарья Александровна, миновавъ бабъ, выѣхавъ въ гору и опять на рыси пріятно покачиваясь на мягкихъ рессорахъ старой коляски,—а я, какъ изъ тюрьмы выпущенная изъ міра, убивающаго меня заботами, только теперь опомнилась на мгновеніе. Всѣ живутъ: и эти бабы, и сестра Натали, и Варенька, и Анна, къ которой я ѣду, только не я».

«А они нападаютъ на Анну. За что жъ? развѣ я лучше? У меня по крайней мѣрѣ есть мужъ, котораго я люблю. Не такъ, какъ бы я хотѣла любить, но я его люблю, а Анна не любила

своего. Въ чемъ же она виновата? Она хочетъ жить. Богъ вложилъ намъ это въ душу. Очень можетъ быть, что и я бы сдѣлала то же. И я до сихъ поръ не знаю, хорошо ли сдѣлала, что послушалась ея въ это ужасное время, когда она пріѣзжала ко мнѣ въ Москву. Я тогда должна была бросить мужа и начать жить съ начала. Я бы могла любить и быть любима по-настоящему. А теперь развѣ лучше? Я не уважаю его. Онъ мнѣ нуженъ,—думала она про мужа,—и я терплю его. Развѣ это лучше? Я тогда еще могла нравиться, у меня оставалась моя красота», продолжала думать Дарья Александровна, и ей хотѣлось посмотрѣться въ зеркало. У ней было дорожное зеркальце въ мѣшочкѣ, и ей хотѣлось достать его; но, посмотрѣвъ на спины кучера и покачивавшагося конторщика, она почувствовала, что ей будетъ совѣстно, если кто-нибудь изъ нихъ оглянется, и не стала доставать зеркала.

Но и не глядясь въ зеркало, она думала, что и теперь еще не поздно; и она вспомнила Сергѣя Ивановича, который былъ особенно любезенъ къ ней, пріятеля Стивы, добраго Туровцына, который вмѣстѣ съ ней ухаживалъ за ея дѣтьми во время скарлатины и былъ влюбленъ въ нее. И еще былъ одинъ совсѣмъ молодой человѣкъ, который, какъ ей шутя сказалъ мужъ, находилъ, что она красивѣе всѣхъ сестеръ. И самые страстные и невозможные романы представлялись Дарьѣ Александровнѣ. «Анна прекрасно поступила, и ужъ я никакъ не стану упрекать ее. Она счастлива, дѣлаетъ счастіе другого человѣка и не забита, какъ я, а вѣрно такъ же, какъ всегда, свѣжа, умна, открыта ко всему», думала Дарья Александровна, и плутовская улыбка морщила ея губы, въ особенности потому, что, думая о романѣ Анны, параллельно съ нимъ Дарья Александровна воображала себѣ свой почти такой же романъ съ воображаемымъ собирательнымъ мужчиной, который былъ влюбленъ въ нее. Она такъ же, какъ Анна, признавалась во всемъ мужу. И удивленіе, и замѣшательство Степана Аркадьевича при этомъ извѣстіи заставляли ее улыбаться.

Въ такихъ мечтаніяхъ она подъѣхала къ повороту съ большой дороги, ведшему къ Воздвиженскому.

XVII.

Кучеръ остановилъ четверню и оглянулся направо, на ржаное поле, на которомъ у телѣги сидѣли мужики. Конторщикъ хотѣлъ было соскочить, но потомъ раздумалъ и повелительно

крикнулъ на мужика, маня его къ себѣ. Вѣтерокъ, который былъ на ѣздѣ, затихъ, когда остановились; слѣпни облѣпили сердито отбивавшихся отъ нихъ потныхъ лошадей. Металлическій, доносившійся отъ телѣги, звонъ отбоя по косѣ затихъ. Одинъ изъ мужиковъ поднялся и пошелъ къ коляскѣ.

— Ишь, разсохся! — сердито крикнулъ конторщикъ на медленно ступавшаго по колчамъ ненаѣзженной сухой дороги босыми ногами мужика.—Иди что ль!

Курчавый старикъ, повязанный по волосамъ лычкомъ, съ темною отъ пота горбатою спиной, ускоривъ шагъ, подошелъ къ коляскѣ и взялся загорѣлой рукой за крыло коляски.

— Воздвиженское, на барскій дворъ? къ графу?—повторилъ онъ:—вотъ только изволокъ выѣдешь. Налѣво повертокъ. Прямо по пришпекту, такъ и воткнешься. Да вамъ кого? самого?

— А что, дома они, голубчикъ?—неопредѣленно сказала Дарья Александровна, не зная, какъ даже у мужика спросить про Анну.

— Должно дома,—сказалъ мужикъ, переступая босыми ногами и оставляя по пыли ясный слѣдъ ступни съ пятью пальцами.—Должно дома,—повторилъ онъ, видимо желая разговориться.—Вчера гости еще пріѣхали. Гостей—страсть... Чего ты?—онъ обернулся къ кричавшему ему что-то отъ телѣги парню.—И то! Даве тутъ проѣхали всѣ верхами жнею смотрѣть. Теперь должно дома. А вы чьи будете?..

— Мы дальніе,—сказалъ кучеръ, влѣзая на козлы.—Такъ недалече?

— Говорю, тутъ и есть. Какъ выѣдешь...—говорилъ онъ, перебирая рукой по крылу коляски.

Молодой, здоровый, коренастый парень подошелъ тоже.

— Что, работы нѣтъ ли насчетъ уборки?—спросилъ онъ.

— Не знаю, голубчикъ.

— Какъ, значитъ, возьмешь влѣво, такъ ты и упрешься,—говорилъ мужикъ, видимо неохотно отпуская проѣзжающихъ и желая поговорить.

Кучеръ тронулъ, но только что они заворотили, какъ мужикъ закричалъ:—Стой! Эй, милой! Постой!—кричали два голоса. Кучеръ остановился.

— Сами ѣдутъ! Вонъ они!—прокричалъ мужикъ.—Вишь, заваливаютъ!—проговорилъ онъ, указывая на четверыхъ верховыхъ и двухъ въ шарабанѣ, ѣхавшихъ по дорогѣ.

Это были Вронскій съ жокеемъ, Весловскій и Анна верхами и княжна Варвара со Свіяжскимъ въ шарабанѣ. Они ѣздили кататься и смотрѣть дѣйствіе вновь привезенныхъ жатвенныхъ машинъ.

Когда экипажъ остановился, верховые поѣхали шагомъ. Впереди ѣхала Анна рядомъ съ Весловскимъ. Анна ѣхала спокойнымъ шагомъ на невысокомъ плотномъ англійскомъ кобѣ со стриженною гривой и короткимъ хвостомъ. Красивая голова ея съ выбившимися черными волосами изъ-подъ высокой шляпы, ея полныя плечи, тонкая талія въ черной амазонкѣ и вся спокойная, граціозная посадка поразили Долли.

Въ первую минуту ей показалось неприлично, что Анна ѣздитъ верхомъ. Съ представленіемъ о верховой ѣздѣ для дамы въ понятіи Дарьи Александровны соединилось представленіе молодого легкаго кокетства, которое, по ея мнѣнію, не шло къ положенію Анны; но, когда она ее разсмотрѣла вблизи, она тотчасъ же примирилась съ ея верховою ѣздой. Несмотря на элегантость, все было такъ просто, спокойно и достойно и въ позѣ, и въ одеждѣ, и въ движеніяхъ Анны, что ничего не могло быть естественнѣе.

Рядомъ съ Анной на сѣрой разгоряченной кавалерійской лошади, вытягивая толстыя ноги впередъ и очевидно любуясь собой, ѣхалъ Васенька Весловскій въ шотландскомъ колпачкѣ съ развѣвающимися лентами, и Дарья Александровна не могла удержать веселую улыбку, узнавъ его. Сзади ихъ ѣхалъ Вронскій. Подъ нимъ была кровная темно-гнѣдая лошадь, очевидно разгорячившаяся на галопѣ. Онъ, сдерживая ее, работалъ поводомъ.

За нимъ ѣхалъ маленькій человѣкъ въ жокейскомъ костюмѣ. Свіяжскій съ княжной въ новенькомъ шарабанѣ на крупномъ ворономъ рысакѣ догоняли верховыхъ.

Лицо Анны въ ту минуту, какъ она въ маленькой, прижавшейся къ углу старой коляски фигурѣ узнала Долли, вдругъ просіяло радостною улыбкой. Она вскрикнула, дрогнула на сѣдлѣ и тронула лошадь галопомъ. Подъѣхавъ къ коляскѣ, она безъ помощи соскочила и, поддерживая амазонку, подбѣжала навстрѣчу Долли.

— Я такъ и думала и не смѣла думать. Вотъ радость! Ты не можешь представить себѣ мою радость,—говорила она, то прижимаясь лицомъ къ Долли и цѣлуя ее, то отстраняясь и съ улыбкой оглядывая ее.—Вотъ радость, Алексѣй!—сказалъ она, оглянувшись на Вронскаго, сошедшаго съ лошади и подходившаго къ нимъ.

Вронскій, снявъ сѣрую высокую шляпу, подошелъ къ Долли.

— Вы не повѣрите, какъ мы рады вашему пріѣзду,—сказалъ онъ, придавая особенное значеніе произносимымъ словамъ и улыбкой открывая свои крѣпкіе бѣлые зубы.

Васенька Весловскій, не слѣзая съ лошади, снялъ свою шапочку и привѣтствовалъ гостью, радостно замахавъ лентами надъ головой.

— Это княжна Варвара,—отвѣчала Анна на вопросительный взглядъ Долли, когда подъѣхалъ шарабанъ.

— А!—сказала Дарья Александровна, и лицо ея невольно выразило неудовольствіе.

Княжна Варвара была тетка ея мужа, и она давно знала ее и не уважала. Она знала, что княжна Варвара всю жизнь свою провела приживалкой у богатыхъ родственниковъ; но то, что она жила теперь у Вронскаго, у чужого ей человѣка, оскорбило ее за родню мужа. Анна замѣтила выраженіе лица Долли и смутилась, покраснѣла, выпустила изъ рукъ амазонку и споткнулась на нее.

Дарья Александровна подошла къ остановившемуся шарабану и холодно поздоровалась съ княжной Варварой. Свіяжскій былъ тоже знакомый. Онъ спросилъ, какъ поживаетъ его чудакъ-пріятель съ молодой женой, и, осмотрѣвъ бѣглымъ взглядомъ непаристыхъ лошадей и съ заплатанными крыльями коляску, предложилъ дамамъ ѣхать въ шарабанѣ.

— А я поѣду въ этомъ вегикулѣ,—сказалъ онъ.—Лошадь смирная, и княжна отлично правитъ.

Нѣтъ, оставайтесь, какъ вы были,—сказала подошедшая Анна,—а мы поѣдемъ въ коляскѣ,—и, взявъ подъ руку Долли, увела ее.

У Дарьи Александровны разбѣгались глаза на этотъ элегантный невиданный ею экипажъ, на этихъ прекрасныхъ лошадей, на эти элегантныя блестящія лица, окружавшія ее. Но болѣе всего ее поражала перемѣна, происшедшая въ знакомой и любимой Аннѣ. Другая женщина, менѣе внимательная, не знавшая Анны прежде и въ особенности не думавшая тѣхъ мыслей, которыя думала Дарья Александровна дорогой, и не замѣтила бы ничего особеннаго въ Аннѣ. Но теперь Долли была поражена тою временною красотой, которая только въ минуты любви бываетъ на женщинахъ и которую она застала теперь на лицѣ Анны. Все въ ея лицѣ: опредѣленность ямочекъ щекъ и подбородка, складъ губъ, улыбка, которая какъ бы летала вокругъ лица, блескъ глазъ, грація и быстрота движеній, полнота звуковъ голоса, даже манера, съ которою, она сердито-ласково отвѣтила Весловскому, спрашивавшему у нея позволенія сѣсть на ея коба, чтобы выучить его галопу съ правой ноги,—все было особенно привлекательно; и, казалось, она сама знала это и радовалась этому.

Когда обѣ женщины сѣли въ коляску, на обѣихъ вдругъ нашло смущеніе. Анна смутилась отъ того внимательно-вопросительнаго взгляда которымъ смотрѣла на нее Долли; Долли— отъ того, что послѣ словъ Свіяжскаго о вегикулѣ ей невольно стало совѣстно за грязную старую коляску, въ которую сѣла съ нею Анна. Кучеръ Филиппъ и конторщикъ испытывали то же чувство. Конторщикъ, чтобы скрыть свое смущеніе, суетился, подсаживая дамъ, но Филиппъ кучеръ сдѣлался мраченъ и впередъ готовился не подчиниться этому внѣшнему превосходству. Онъ иронически улыбнулся, поглядѣвъ на вороного рысака и уже рѣшивъ въ своемъ умѣ, что этотъ вороной въ шарабанѣ хорошъ только *на проминажъ* и не пройдетъ сорока верстъ въ жару въ одну упряжку.

Мужики всѣ поднялись отъ телѣги и любопытно и весело смотрѣли на встрѣчу гостьи, дѣлая свои замѣчанія.

— Тоже рады, давно не видались,—сказалъ курчавый старикъ, повязанный лычкомъ.

— Вотъ, дядя Герасимъ, вороного жеребца бы снопы возить, живо бы!

— Глянь-ка. Эта въ порткахъ—женщина?—сказалъ одинъ изъ нихъ, указывая на садившагося на дамское сѣдло Васеньку Весловскаго.

— Нѣ, мужикъ. Вишь, какъ сигнулъ ловко!

— Что, ребята, спать видно не будемъ?

— Какой сонъ нынче? — сказалъ старикъ и скосясь поглядѣлъ на солнце.—Полдни, смотри, прошли! Бери крюки, заходи.

XVIII.

Анна смотрѣла на худое, измученное, съ засыпавшеюся въ морщинки пылью, лицо Долли и хотѣла сказать то, что̀ она думала, именно, что Долли похудѣла; но, вспомнивъ, что она сама похорошѣла и что взглядъ Долли сказалъ ей это, она вздохнула и заговорила о себѣ.

— Ты смотришь на меня,—сказала она,—и думаешь, могу ли я быть счастлива въ моемъ положеніи? Ну, и что жъ! Стыдно признаться; но я... я непростительно счастлива Со мной случилось что-то волшебное, какъ сонъ, когда сдѣлается страшно, жутко и вдругъ проснешься и чувствуешь, что всѣхъ этихъ страховъ нѣтъ. Я проснулась. Я пережила мучительное, страшное и теперь уже давно, особенно съ тѣхъ поръ, какъ мы здѣсь, такъ счастлива!..—сказала она, съ робкою улыбкой вопроса глядя на Долли.

— Какъ я рада!—улыбаясь сказала Долли невольно холоднѣе, чѣмъ она хотѣла.—Я очень рада за тебя. Отчего ты не писала мнѣ?

— Отчего?.. Оттого что я не смѣла... ты забываешь мое положеніе...

— Мнѣ? не смѣла? Если бы ты знала, какъ я... Я считаю...

Дарья Александровна хотѣла сказать свои мысли нынѣшняго утра, но почему-то ей теперь это показалось не у мѣста.

— Впрочемъ, объ этомъ послѣ. Это что же эти всѣ строенія?—спросила она, желая перемѣнить разговоръ и указывая на красныя и зеленыя крыши, виднѣвшіяся изъ-за зелени живыхъ изгородей акаціи и сирени.—Точно городокъ.

Но Анна не отвѣчала ей.

— Нѣтъ, нѣтъ! Что же ты считаешь о моемъ положеніи, что ты думаешь, что?—спросила она.

— Я полагаю...—начала было Дарья Александровна, но въ это время Васенька Весловскій, наладивъ коба на галопъ съ правой ноги, грузно шлепаясь въ своей коротенькой жакеткѣ о замшу дамскаго сѣдла, прогалопировалъ мимо нихъ. «Идетъ, Анна Аркадьевна!» прокричалъ онъ. Анна даже и не взглянула на него; но опять Дарьѣ Александровнѣ показалось, что въ колискѣ неудобно начинать этотъ длинный разговоръ, и потому она сократила свою мысль.

— Я ничего не считаю,—сказала она,—а всегда любила тебя, а если любишь, то любишь всего человѣка, какой онъ есть, а не какимъ я хочу, чтобы онъ былъ.

Анна отведя глаза отъ лица друга и сощурившись (это была новая привычка, которой не знала за ней Долли), задумалась, желая вполнѣ понять значеніе этихъ словъ. И, очевидно понявъ ихъ такъ, какъ хотѣла, она взглянула на Долли.

— Если у тебя есть грѣхи,—сказала она,—они всѣ простились бы тебѣ за твой пріѣздъ и эти слова.

И Долли видѣла, что слезы выступили ей на глаза. Она молча пожала руку Анны.

— Такъ что жъ эти строенія? Какъ ихъ много!—послѣ минуты молчанія повторила она свой вопросъ.

— Это дома служащихъ, заводъ, конюшни,—отвѣчала Анна.— А это паркъ начинается. Все это было запущено, но Алексѣй все возобновилъ. Онъ очень любитъ это имѣніе и, чего я никакъ не ожидала, онъ страстно увлекся хозяйствомъ. Впрочемъ, это такая богатая натура! За что ни возьмется, онъ все дѣлаетъ отлично. Онъ не только не скучаетъ, но онъ со страстью занимается. Онъ—какимъ я его знаю—онъ сдѣлался расчетли-

вый, прекрасный хозяинъ, онъ даже скупъ въ хозяйствѣ. Но только въ хозяйствѣ. Тамъ, гдѣ дѣло идетъ о десяткахъ тысячъ, онъ не считаетъ,—говорила она съ тою радостно-хитрою улыбкой, съ которою часто говорятъ женщины о тайныхъ, ими однѣми открытыхъ свойствахъ любимаго человѣка. — Вотъ видишь это большое строеніе?—это новая больница. Я думаю, что это будетъ стоить больше ста тысячъ. Это его dada теперь. И знаешь, отчего это взялось? Мужики у него просили уступить имъ дешевле луга, кажется, а онъ отказалъ, и я упрекнула его въ скупости. Разумѣется, не отъ этого, но все вмѣстѣ—онъ началъ эту больницу, чтобы показать, понимаешь, какъ онъ не скупъ. Если хочешь, c'est une petitesse; но я еще больше его люблю за это. А вотъ сейчасъ ты увидишь домъ. Это еще дѣдовскій домъ и онъ ничего не измѣненъ снаружи.

— Какъ хорошъ!—сказала Долли, съ невольнымъ удивленіемъ глядя на прекрасный съ колоннами домъ, выступающій изъ разноцвѣтной зелени старыхъ деревьевъ сада.

— Не правда ли, хорошъ? И изъ дома, сверху, видъ удивительный.

Онѣ въѣхали въ усыпанный щебнемъ и убранный цвѣтникомъ дворъ, на которомъ два работника обкладывали взрыхленную цвѣточную клумбу необдѣланными ноздреватыми камнями, и остановились въ крытомъ подъѣздѣ.

— А, они уже пріѣхали, — сказала Анна, глядя на верховыхъ лошадей, которыхъ только что отводили отъ крыльца.— Не правда ли, хороша эта лошадь? Это кобъ. Моя любимая. Подведи сюда и дайте сахару. Графъ гдѣ?—спросила она у выскочившихъ двухъ парадныхъ лакеевъ.—А, вонъ и онъ!—сказала она, увидѣвъ выходившаго навстрѣчу ей Вронскаго съ Весловскимъ.

— Гдѣ вы помѣстите княгиню?—сказалъ Вронскій по-французски, обращаясь къ Аннѣ, и, не дождавшись отвѣта, еще разъ поздоровался съ Дарьей Александровной и теперь поцѣловалъ ея руку.—Я думаю въ большой балконной?

— О, нѣтъ, это далеко! Лучше въ угловой, мы больше будемъ видѣться. Ну, пойдемъ,—сказалъ Анна, дававшая вынесенный ей лакеемъ сахаръ любимой лошади.

— Et vous oubliez votre devoir, — сказала она вышедшему тоже на крыльцо Весловскому.

— Pardon, j'en ai tout plein les poches,—улыбаясь отвѣчалъ онъ, опуская пальцы въ жилетный карманъ.

— Mais vous venez trop tard,—сказала она, обтирая платкомъ руку, которую ей намочила лошадь, бравшая сахаръ.

Анна обратилась къ Долли:—Ты надолго ли? На одинъ день? Это невозможно!

— Я такъ обѣщала, и дѣти... — сказала Долли, чувствуя себя смущенною и отъ того, что ей надо было взять мѣшочекъ изъ коляски, и отъ того, что она знала, что лицо ея должно быть очень запылено.

— Нѣтъ, Долли, душенька... Ну, увидимъ. Пойдемъ, пойдемъ!—и Анна повела Долли въ ея комнату.

Комната эта была не та парадная, которую предлагалъ Вронскій, а такая, за которую Анна сказала, что Долли извинитъ ее. И эта комната, за которую надо было извиниться, была преисполнена роскоши, въ какой никогда не жила Долли и которая напоминала ей лучшія гостиницы за границей.

— Ну, душенька, какъ я счастлива!—на минутку присѣвъ въ своей амазонкѣ подлѣ Долли, сказала Анна.—Разскажи же мнѣ про своихъ. Стиву я видѣла мелькомъ. Но онъ не можетъ разсказать про дѣтей. Что моя любимица Таня? Большая дѣвочка, я думаю?

— Да, очень большая,—коротко отвѣчала Дарья Александровна, сама удивляясь, что она такъ холодно отвѣчаетъ о своихъ дѣтяхъ.—Мы прекрасно живемъ у Левиныхъ,—прибавила она.

— Вотъ, если бы я знала,—сказала Анна,—что ты меня не презираешь... Вы бы всѣ пріѣхали къ намъ. Вѣдь Стива старый и большой другъ Алексѣя,—прибавила она и вдругъ покраснѣла.

— Да, но мы такъ хорошо...—смутясь отвѣчала Долли.

— Да впрочемъ, это я отъ радости говорю глупости. Одно, душенька, какъ я тебѣ рада!—сказала Анна, опять цѣлуя ее.— Ты еще мнѣ не сказала, какъ и что ты думаешь обо мнѣ, а я все хочу знать. Но я рада, что ты меня увидишь, какая я есть. Мнѣ, главное, не хотѣлось бы, чтобы думали, что я что-нибудь хочу доказать. Я ничего не хочу доказывать, я просто хочу жить; никому не дѣлать зла, кромѣ себя. Это я имѣю право, не правда ли? Впрочемъ, это длинный разговоръ, и мы еще обо всемъ хорошо переговоримъ. Теперь пойду одѣваться, а тебѣ пришлю дѣвушку.

XIX.

Оставшись одна, Дарья Александровна взглядомъ хозяйки осмотрѣла свою комнату. Все, что она видѣла, подъѣзжая къ дому и проходя черезъ него и теперь въ своей комнатѣ, все производило въ ней впечатлѣніе изобилія и щегольства и той но-

вой европейской роскоши, про которыя она читала только въ англійскихъ романахъ, но никогда не видала еще въ Россіи и въ деревнѣ. Все было ново, начиная отъ французскихъ новыхъ обой до ковра, которымъ была обтянута вся комната. Постель была пружинная съ матрасикомъ и съ особеннымъ изголовьемъ и канаусовыми наволочками на маленькихъ подушкахъ. Мраморный умывальникъ, туалетъ, кушетка, столы, бронзовые часы на каминѣ, гардины и портьеры —все это было дорогое и новое.

Пришедшая предложить свои услуги франтиха-горничная въ прическѣ и платьѣ моднѣе, чѣмъ у Долли, была такая же новая и дорогая, какъ и вся комната. Дарьѣ Александровнѣ были пріятны ея учтивость, опрятность и услужливость, но было неловко съ ней; было совѣстно предъ ней за свою, какъ на бѣду, по ошибкѣ уложенную ей, заплатанную кофточку. Ей стыдно было за тѣ самыя заплатки и заштопанныя мѣста, которыми она такъ гордилась дома. Дома было ясно, что на шесть кофточекъ нужно было двадцать четыре аршина нансуку по 65 коп., что составляло больше 15 рублей, кромѣ отдѣлки и работы, и эти 15 рублей были выгаданы. Но предъ горничной было не то что стыдно, а неловко.

Дарья Александровна почувствовала большое облегченіе, когда въ комнату вошла давнишняя ея знакомая, Аннушка. Франтиха-горничная требовалась къ барынѣ, и Аннушка осталась съ Дарьей Александровной.

Аннушка была очевидно очень рада пріѣзду барыни и безумолку разговаривала. Долли замѣтила, что ей хотѣлось высказать свое мнѣніе насчетъ положенія барыни, въ особенности насчетъ любви и преданности графа къ Аннѣ Аркадьевнѣ, но Долли старательно останавливала ее, какъ только та начинала говорить объ этомъ.

— Я съ Анной Аркадьевной выросла, онѣ мнѣ дороже всего. Что жъ, не намъ судить. А ужъ такъ, кажется, любить...

— Такъ, пожалуйста, отдай вымыть, если можно,—перебивала ее Дарья Александровна.

— Слушаю-съ. У насъ на постирушечки двѣ женщины приставлены особо, а бѣлье все машиной. Графъ сами до всего доходятъ. Ужъ какой мужъ...

Долли была рада, когда Анна вошла къ ней и своимъ приходомъ прекратила болтовню Аннушки.

Анна переодѣлась въ очень простое батистовое платье. Долли внимательно осмотрѣла это простое платье. Она знала, что̀ значитъ и за какія деньги пріобрѣтается эта простота.

— Старая знакомая,—сказала Анна на Аннушку.

Анна теперь ужъ не смущалась. Она была совершенно свободна и спокойна. Долли видѣла, что она теперь вполнѣ уже оправилась отъ того впечатлѣнія, которое произвелъ на нее пріѣздъ, и взяла на себя тотъ поверхностный, равнодушный тонъ, при которомъ какъ будто дверь въ тотъ отдѣлъ, гдѣ находились ея чувства и задушевныя мысли, была заперта.

— Ну, а что твоя дѣвочка, Анна?—спросила Долли.

— Ани? (такъ звала она дочь свою Анну). Здорова. Очень поправилась. Ты хочешь видѣть ее? Пойдемъ, я тебѣ покажу ее. Ужасно много было хлопотъ,—начала она разсказывать,—съ нянями. У насъ итальянка была кормилицей. Хорошая, но такъ глупа! Мы ее хотѣли отправить, но дѣвочка такъ привыкла къ ней, что все еще держимъ.

— Но какъ же вы устроились?.. — начала было Долли вопросъ о томъ, какое имя будетъ носить дѣвочка; но, замѣтивъ вдругъ нахмурившееся лицо Анны, она перемѣнила смыслъ вопроса.—Какъ же вы устроили? отняли ее уже?

Но Анна поняла.

— Ты не то хотѣла спросить? Ты хотѣла спросить про ея имя? Правда? Это мучаетъ Алексѣя. У нея нѣтъ имени. То-есть она—Каренина,—сказала Анна, сощуривъ глаза такъ, что только видны были сошедшіяся рѣсницы.—Впрочемъ,—вдругъ просвѣтлѣвъ лицомъ,—объ этомъ мы все переговоримъ послѣ. Пойдемъ, я тебѣ покажу ее. Elle est très gentille. Она ползаетъ уже.

Въ дѣтской роскошь, которая во всемъ домѣ поражала Дарью Александровну, еще болѣе поразила ее. Тутъ были и тележечки, выписанныя изъ Англіи, и инструменты для обученія ходить, и нарочно устроенный диванъ въ родѣ бильярда для ползанія, и качалки, и ванны особенныя, новыя. Все это было англійское, прочное и добротное и очевидно очень дорогое. Комната было большая, очень высокая и свѣтлая.

Когда онѣ вошли, дѣвочка въ одной рубашечкѣ сидѣла въ креслицѣ у стола и обѣдала бульономъ, которымъ она облила всю свою грудку. Дѣвочку кормила и, очевидно, съ ней вмѣстѣ сама ѣла дѣвушка русская, прислуживавшая въ дѣтской. Ни кормилицы, ни няни не было; онѣ были въ сосѣдней комнатѣ, и оттуда слышался ихъ говоръ на странномъ французскомъ языкѣ, на которомъ онѣ только и могли между собой изъясняться.

Услыхавъ голосъ Анны, нарядная высокая, съ непріятнымъ лицомъ и нечистымъ выраженіемъ англичанка, поспѣшно потряхивая бѣлокурыми буклями, вошла въ дверь и тотчасъ же

начала оправдываться, хотя Анна ни въ чемъ не обвиняла ее. На каждое слово Анны англичанка поспѣшно нѣсколько разъ приговаривала: «yes, my lady».

Чернобровая, черноволосая, румяная дѣвочка, съ крѣпенькимъ, обтянутымъ куриною кожей, краснымъ тѣльцемъ, несмотря на суровое выраженіе, съ которымъ она посмотрѣла на новое лицо, очень понравилась Дарьѣ Александровнѣ; она даже позавидовала ея здоровому виду. То, какъ ползала эта дѣвочка, тоже очень понравилось ей. Ни одинъ изъ ея дѣтей такъ не ползалъ. Эта дѣвочка, когда ее посадили на коверъ и подоткнули сзади платьице, была удивительно мила. Она, какъ звѣрокъ, оглядываясь на большихъ своими блестящими черными глазами, очевидно радуясь тому, что ею любуются, улыбаясь и бокомъ держа ноги, энергически упиралась на руки и быстро подтягивала весь задокъ и опять впередъ перехватывала ручонками.

Но общій духъ дѣтской и въ особенности англичанка очень не понравились Дарьѣ Александровнѣ. Только тѣмъ, что въ такую неправильную семью, какъ Аннина, не пошла бы хорошая, Дарья Александровна и объяснила себѣ то, что Анна, со своимъ знаніемъ людей, могла взять къ своей дѣвочкѣ такую несимпатичную, нереспектэбельную англичанку. Кромѣ того, тотчасъ же по нѣсколькимъ словамъ Дарья Александровна поняла, что Анна, кормилица, нянька и ребенокъ не сжились вмѣстѣ и что посѣщеніе матерью было дѣло необычное. Анна хотѣла достать дѣвочкѣ ея игрушку и не могла найти ее.

Удивительнѣе же всего было то, что на вопросъ о томъ, сколько у нея зубовъ, Анна ошиблась и совсѣмъ не знала про два послѣдніе зуба.

— Мнѣ иногда тяжело, что я какъ лишняя здѣсь,—сказала Анна, выходя изъ дѣтской и занося свой шлейфъ, чтобъ миновать стоявшія у двери игрушки. —Не то было съ первымъ.

— Я думала, напротивъ,—робко сказала Дарья Александровна.

— О, нѣтъ! Вѣдь ты знаешь, я его видѣла, Сережу, — сказала Анна сощурившись, точно вглядываясь во что-то далекое.—Впрочемъ, это мы переговоримъ послѣ. Ты не повѣришь, я точно голодная, которой вдругъ поставили полный обѣдъ и она не знаетъ, за что взяться. Полный обѣдъ—это ты и предстоящіе мнѣ разговоры съ тобой, которыхъ я ни съ кѣмъ не могла имѣть; и я не знаю, за какой разговоръ прежде взяться. Mais je ne vous ferai grâce de rien. Мнѣ все надо высказать. Да, надо тебѣ сдѣлать очеркъ того общества, которое ты най-

дешь у насъ,—начала она.—Начинаю съ дамъ. Княжна Варвара. Ты знаешь ее, и я знаю твое мнѣніе и Стивы о ней. Стива говоритъ, что вся цѣль ея жизни состоитъ въ томъ, чтобы доказать свое преимущество надъ тетушкой Катериной Павловной; это все правда; но она добрая, и я ей такъ благодарна. Въ Петербургѣ была минута, когда мнѣ былъ необходимъ un chaperon. Тутъ она подвернулась. Но, право, она добрая. Она много мнѣ облегчила мое положеніе. Я вижу, что ты не понимаешь всей тяжести моего положенія... тамъ, въ Петербургѣ,—прибавила она.—Здѣсь я совершенно спокойна и счастлива. Ну, да это послѣ. Надо перечислить. Потомъ Свіяжскій,—онъ предводитель и онъ очень порядочный человѣкъ, но ему что-то нужно отъ Алексѣя. Ты понимаешь, съ его состояніемъ, теперь, какъ мы поселились въ деревнѣ, Алексѣй можетъ имѣть большое вліяніе. Потомъ Тушкевичъ,—ты его видѣла, онъ былъ при Бетси. Теперь его отставили, и онъ пріѣхалъ къ намъ. Онъ, какъ Алексѣй говоритъ, одинъ изъ тѣхъ людей, которые очень пріятны, если ихъ принимать за то, чѣмъ они хотятъ казаться, et puis, il est comme il faut, какъ говоритъ княжна Варвара. Потомъ Весловскій... этого ты знаешь. Очень милый мальчикъ,—сказала она, и плутовская улыбка сморщила ея губы.—Что это за дикая исторія съ Левинымъ? Весловскій разсказывалъ Алексѣю, и мы не вѣримъ. Il est très gentil et naïf,—сказала она опять съ тою же улыбкой.—Мужчинамъ нужно развлеченіе, и Алексѣю нужна публика, поэтому я дорожу всѣмъ этимъ обществомъ. Надо, чтобъ у насъ было оживленно и весело и чтобъ Алексѣй не желалъ ничего новаго. Потомъ увидишь управляющаго. Нѣмецъ, очень хорошій и знаетъ свое дѣло. Алексѣй очень цѣнитъ его. Потомъ докторъ, молодой человѣкъ, не то что совсѣмъ нигилистъ, но, знаешь, ѣстъ ножомъ... но очень хорошій докторъ. Потомъ архитекторъ... Une petite cour.

XX.

— Ну вотъ вамъ и Долли, княжна, вы такъ хотѣли ее видѣть,—сказала Анна, вмѣстѣ съ Дарьей Александровной выходя на большую каменную террасу, на которой въ тѣни за пяльцами, вышивая кресло для графа Алексѣя Кирилловича, сидѣла княжна Варвара.—Она говоритъ, что ничего не хочетъ до обѣда, но вы велите подать завтракать, а я пойду сыщу Алексѣя и приведу ихъ всѣхъ.

Княжна Варвара ласково и нѣсколько покровительственно приняла Долли и тотчасъ же начала объяснять ей, что она поселилась у Анны потому, что всегда любила ее больше, чѣмъ ея сестра, Катерина Павловна, та самая, которая воспитывала Анну, и что теперь, когда всѣ бросили Анну она считала своимъ долгомъ помочь ей въ этомъ переходномъ, самомъ тяжеломъ періодѣ.

— Мужъ дастъ ей разводъ, и тогда я опять уѣду въ свое уединеніе, а теперь я могу быть полезна, и исполню свой долгъ, какъ мнѣ это ни тяжело, не такъ какъ другіе. И какъ ты мила, какъ хорошо сдѣлала, что пріѣхала! Они живутъ совершенно какъ самые лучшіе супруги; ихъ будетъ судить Богъ, а не мы. А развѣ Бирюзовскій и Авеньева... А самъ Никандровъ, а Васильевъ съ Мамоновой, а Лиза Нептунова... Вѣдь никто же ничего не говорилъ? И кончилось тѣмъ, что всѣ ихъ принимали. И потомъ, c'est un intérieur si joli, si comme il faut. Tout - à - fait à l'anglaise. On se réunit le matin au breakfeast et puis on se sépare. Всякій дѣлаетъ что хочетъ до обѣда. Обѣдъ въ 7 часовъ. Стива очень хорошо сдѣлалъ, что прислалъ тебя. Ему надо держаться ихъ. Ты знаешь, онъ черезъ свою мать и брата все можетъ сдѣлать. Потомъ они дѣлаютъ много добра. Онъ не говорилъ тебѣ про свою больницу? Ce sera admirable,—все изъ Парижа.

Разговоръ ихъ былъ прерванъ Анной, нашедшею общество мужчинъ въ бильярдной и съ ними вмѣстѣ возвращавшеюся на террасу. До обѣда еще оставалось много времени, погода была прекрасная и потому было предложено нѣсколько различныхъ способовъ провести эти остающіеся два часа. Способовъ проводить время было очень много въ Воздвиженскомъ и всѣ были не тѣ, какіе употреблялись въ Покровскомъ.

— Une partie de lawn tennis, — улыбаясь своею красивою улыбкой, предложилъ Весловскій. — Мы опять съ вами, Анна Аркадьевна.

— Нѣтъ, жарко; лучше пройти по саду и въ лодкѣ прокатиться, показать Дарьѣ Александровнѣ берега,—предложилъ Вронскій.

— Я на все согласенъ,—сказалъ Свіяжскій.

— Я думаю, что Долли пріятнѣе всего пройтись, не правда ли? А потомъ ужъ въ лодкѣ,—сказала Анна.

Такъ и было рѣшено. Весловскій и Тушкевичъ пошли въ купальню и тамъ обѣщали приготовить лодку и подождать.

Двумя парами пошли по дорожкѣ: Анна со Свіяжскимъ и Долли съ Вронскимъ. Долли была нѣсколько смущена и оза-

бочена тою совершенно новою для нея средой, въ которой она очутилась. Отвлеченно, теоретически, она не только оправдывала, но даже одобряла поступокъ Анны. Какъ вообще нерѣдко безукоризненно нравственныя женщины, уставшія отъ однообразія нравственной жизни, она издалека не только извиняла преступную любовь, но даже завидовала ей. Кромѣ того, она сердцемъ любила Анну. Но въ дѣйствительности, увидавъ ее въ средѣ этихъ чуждыхъ для нея людей, съ ихъ новымъ для Дарьи Александровны хорошимъ тономъ, ей было неловко. Въ особенности непріятно ей было видѣть княжну Варвару, все прощавшую имъ за тѣ удобства, которыми она пользовалась.

Вообще, отвлеченно, Долли одобряла поступокъ Анны, но видѣть того человѣка, для котораго былъ сдѣланъ этотъ поступокъ, было ей непріятно. Кромѣ того, Вронскій никогда не нравился ей. Она считала его очень гордымъ и не видѣла въ немъ ничего такого, чѣмъ онъ могъ бы гордиться, кромѣ богатства. Но, противъ своей воли, онъ здѣсь, у себя дома, еще болѣе импонировалъ ей, чѣмъ прежде, и она не могла быть съ нимъ свободна. Она испытывала съ нимъ чувство, подобное тому, которое она испытывала съ горничной за кофточку. Какъ передъ горничной ей было не то что стыдно, а неловко за заплатки, такъ и съ нимъ ей было постоянно не то что стыдно, а неловко за самое себя.

Долли чувствовала себя смущенною и искала предмета разговора. Хотя она и считала, что съ его гордостью ему должны быть непріятны похвалы его дома и сада, она, не находя другого предмета разговора, все-таки сказала ему, что ей очень понравился его домъ.

— Да, это очень красивое строеніе и въ хорошемъ, старинномъ стилѣ,—сказалъ онъ.

— Мнѣ очень понравился дворъ передъ крыльцомъ. Это было такъ?

— О, нѣтъ!—сказалъ онъ, и лицо его просіяло отъ удовольствія.—Если бы вы видѣли этотъ дворъ нынче весной!

И онъ сталъ сначала осторожно, а потомъ болѣе и болѣе увлекаясь, обращать ея вниманіе на разныя подробности украшенія дома и сада. Видно было, что, посвятивъ много труда на улучшеніе и украшеніе своей усадьбы, Вронскій чувствовалъ необходимость похвастаться ими предъ новымъ лицомъ и отъ души радовался похваламъ Дарьи Александровны.

— Если вы хотите взглянуть на больницу и не устали, то это недалеко. Пойдемте,—сказалъ онъ, заглянувъ ей въ лицо, чтобъ убѣдиться, что ей точно было нескучно.

— Ты пойдешь, Анна?—обратился онъ къ ней.

— Мы пойдемъ. Не правда ли?—обратилась она къ Свіяжскому.—Mais il ne faut pas laisser le pauvre Весловскій et Тушкевичъ se morfondre là dans le bateau. Надо послать имъ сказать.—Да, это памятникъ, который онъ ставитъ здѣсь,—сказала Анна, обращаясь къ Долли съ тою же хитрою знающею улыбкой, съ которою она прежде говорила о больницѣ.

— О, капитальное дѣло!—сказалъ Свіяжскій. Но, чтобы не показаться поддакивающимъ Вронскому, онъ тотчасъ же прибавилъ слегка осудительное замѣчаніе.—Я удивляюсь однако, графъ,—сказалъ онъ,—какъ вы, такъ много дѣлая въ санитарномъ отношеніи для народа, такъ равнодушны къ школамъ.

— C'est devenu tellement commun, les écoles,—сказалъ Вронскій.—Вы понимаете, не отъ этого, но такъ, я увлекся. Такъ сюда надо въ больницу,—обратился онъ къ Дарьѣ Александровнѣ, указывая на боковой выходъ изъ аллеи.

Дамы раскрыли зонтики и вышли на боковую дорожку. Пройдя нѣсколько поворотовъ и выйдя изъ калитки, Дарья Александровна увидала передъ собой на высокомъ мѣстѣ большое, красное, затѣйливой формы, уже почти оконченное строеніе. Еще неокрашенная желѣзная крыша ослѣпительно блестѣла на яркомъ солнцѣ. Подлѣ оконченнаго строенія выкладывалось другое, окруженное лѣсами, и рабочіе въ фартукахъ на подмосткахъ клали кирпичи, заливали изъ шаекъ кладку и ровняли правилами.

— Какъ быстро идетъ у васъ работа!—сказалъ Свіяжскій.—Когда я былъ въ послѣдній разъ, еще крыши не было.

— Къ осени будетъ все готово. Внутри уже почти все отдѣлано,—сказала Анна.

— А это что же новое?

— Это помѣщеніе для доктора и аптеки,—отвѣчалъ Вронскій, увидавъ подходившаго къ нему въ короткомъ пальто архитектора, и, извинившись передъ дамами, пошелъ ему навстрѣчу.

Обойдя творило, изъ котораго рабочіе набирали известку, онъ остановился съ архитекторомъ и что-то горячо сталъ говорить.

— Фронтонъ все выходитъ ниже,—отвѣтилъ онъ Аннѣ, которая спросила, въ чемъ дѣло.

— Я говорила, что надо было фундаментъ поднять,—сказала Анна.

— Да, разумѣется, лучше бы было, Анна Аркадьевна,—сказалъ архитекторъ,—да ужъ упущено.

— Да, я очень интересуюсь этимъ,—отвѣчала Анна Свіяжскому, выразившему удивленіе къ ея знаніямъ по архитектурѣ.— Надо, чтобы новое строеніе соотвѣтствовало больницѣ. А оно придумано послѣ и начато безъ плана.

Окончивъ разговоръ съ архитекторомъ, Вронскій присоединился къ дамамъ и повелъ ихъ внутрь больницы.

Несмотря на то, что снаружи еще додѣлывали карнизы и въ нижнемъ этажѣ красили, въ верхнемъ уже почти все было отдѣлано. Пройдя по широкой чугунной лѣстницѣ на площадку, они вошли въ первую большую комнату. Стѣны были оштукатурены подъ мраморъ, огромныя цѣльныя окна были уже вставлены, только паркетный полъ былъ еще не конченъ, и столяры, строгавшіе поднятый квадратъ, оставили работу, чтобы, снявъ тесемки, придерживавшія ихъ волосы, поздороваться съ господами.

— Это пріемная,—сказалъ Вронскій.—Здѣсь будетъ пюпитръ, столъ, шкафъ и больше ничего.

— Сюда, здѣсь пойдемте. Не подходи къ окну, — сказала Анна, пробуя, высохла ли краска. — Алексѣй, краска уже высохла,—прибавила она.

Изъ пріемной они прошли въ коридоръ. Здѣсь Вронскій показалъ имъ устроенную вентиляцію новой системы. Потомъ онъ показалъ ванны мраморныя, постели съ необыкновенными пружинами. Потомъ показалъ одну за другой палаты, кладовую, комнату для бѣлья, потомъ печи новаго устройства, потомъ тачки такія, которыя не будутъ производить шума, подвозя по коридору нужныя вещи, и много другого. Свіяжскій оцѣнивалъ все, какъ человѣкъ, знающій всѣ новыя усовершенствованія. Долли просто удивлялась невиданному ею до сихъ поръ и, желая все понять, обо всемъ подробно спрашивала, чтò доставляло очевидное удовольствіе Вронскому.

— Да, я думаю, что это будетъ въ Россіи единственная вполнѣ правильно устроенная больница,—сказалъ Свіяжскій.

— А не будетъ у васъ родильнаго отдѣленія? — спросила Долли.—Это такъ нужно въ деревнѣ. Я часто...

Несмотря на свою учтивость, Вронскій перебилъ ее.

— Это не родильный домъ, но больница, и назначается для всѣхъ болѣзней, кромѣ заразительныхъ,—сказалъ онъ.—А вотъ это, взгляните...—и онъ подкатилъ къ Дарьѣ Александровнѣ вновь выписанное кресло для выздоравливающихъ.—Вы посмотрите.—Онъ сѣлъ въ кресло и сталъ двигать его.—Онъ не можетъ ходить, слабъ еще или болѣзнь ногъ, но ему нуженъ воздухъ, и онъ ѣздитъ, катается...

Дарья Александровна всѣмъ интересовалась, все ей очень нравилось, но болѣе всего ей нравился самъ Вронскій съ этимъ натуральнымъ наивнымъ увлеченіемъ. «Да, это очень милый, хорошій человѣкъ», думала она иногда, не слушая его, а глядя на него и вникая въ его выраженіе и мысленно переносясь въ Анну. Онъ такъ ей нравился теперь въ своемъ оживленіи, что она понимала, какъ Анна могла влюбиться въ него.

XXI.

— Нѣтъ, я думаю, княгиня устала и лошади ея не интересуютъ,—сказалъ Вронскій Аннѣ, предложившей пройти до коннаго завода, гдѣ Свіяжскій хотѣлъ видѣть новаго жеребца.— Вы подите, а я провожу княгиню домой, и мы поговоримъ,— сказалъ онъ,—если вамъ пріятно?—обратился онъ къ ней.

— Въ лошадяхъ я ничего не понимаю, и я очень рада,— сказала нѣсколько удивленная Дарья Александровна.

Она видѣла по лицу Вронскаго, что ему чего-то нужно было отъ нея. Она не ошиблась. Какъ только они вошли черезъ калитку опять въ садъ, онъ посмотрѣлъ въ ту сторону, куда пошла Анна, и, убѣдившись, что она не можетъ ни слышать, ни видѣть ихъ, началъ:

— Вы угадали, что мнѣ хотѣлось поговорить съ вами,—сказалъ онъ, смѣющимися глазами глядя на нее.—Я не ошибаюсь, что вы другъ Анны.—Онъ снялъ шляпу и, доставъ платокъ, отеръ имъ свою плѣшивѣвшую голову.

Дарья Александровна ничего не отвѣтила и только испуганно поглядѣла на него. Когда она осталась съ нимъ наединѣ, ей вдругъ сдѣлалось страшно: смѣющіеся глаза и строгое выраженіе лица пугали ее.

Самыя разнообразныя предположенія того, о чемъ онъ собирается говорить съ нею, промелькнули у нея въ головѣ: «онъ станетъ просить меня переѣхать къ нимъ гостить съ дѣтьми, и я должна буду отказать ему; или о томъ, чтобы я въ Москвѣ составила кругъ для Анны... Или не о Васенькѣ ли Весловскомъ и его отношеніяхъ къ Аннѣ? А можетъ-быть о Кити, о томъ, что онъ чувствуетъ себя виноватымъ?» Она предвидѣла все только непріятное, но не угадала того, о чемъ онъ хотѣлъ говорить съ ней.

— Вы имѣете такое вліяніе на Анну, она такъ любитъ васъ,— сказалъ онъ,—помогите мнѣ.

Дарья Александровна вопросительно робко смотрѣла на его энергическое лицо, которое то все, то мѣстами выходило на

просвѣтъ солнца въ тѣни липъ, то опять омрачалось тѣнью, и ожидала того, чтó онъ скажетъ дальше; но онъ, цѣпляя тростью за щебень, молча шелъ подлѣ нея.

— Если вы пріѣхали къ намъ, вы, единственная женщина изъ прежнихъ друзей Анны—я не считаю княжну Варвару,—то я понимаю, что вы сдѣлали это не потому, что вы считаете наше положеніе нормальнымъ, но потому, что вы, понимая всю тяжесть этого положенія, все такъ же любите ее и хотите помочь ей. Такъ ли я васъ понялъ?—спросилъ онъ, оглянувшись на нее.

— О, да,—складывая зонтикъ, отвѣтила Дарья Александровна,—но...

— Нѣтъ,—перебилъ онъ и невольно, забывшись, что онъ этимъ ставитъ въ неловкое положеніе свою собесѣдницу, остановился, такъ что и она должна была остановиться. — Никто больше и сильнѣе меня не чувствуетъ всей тяжести положенія Анны. И это понятно, если вы дѣлаете мнѣ честь считать меня за человѣка, имѣющаго сердце. Я причиной этого положенія и потому я чувствую его.

— Я понимаю,—сказала Дарья Александровна, невольно любуясь имъ, какъ онъ искренно и твердо сказалъ это. — Но именно потому, что вы себя чувствуете причиной, вы преувеличиваете, я боюсь,—сказала она.—Положеніе ея тяжело въ свѣтѣ, я понимаю.

— Въ свѣтѣ это адъ!—мрачно нахмурившись, быстро проговорилъ онъ.—Нельзя представить себѣ моральныхъ мученій хуже тѣхъ, которыя она пережила въ Петербургѣ въ двѣ недѣли... и прошу васъ вѣрить этому.

— Да, но здѣсь, до тѣхъ поръ, пока ни Анна... ни вы не чувствуете нужды въ свѣтѣ...

— Свѣтъ!—съ презрѣніемъ сказалъ онъ,—какую я могу имѣть нужду въ свѣтѣ?

— До тѣхъ поръ—а это можетъ быть всегда—вы счастливы и спокойны. Я вижу по Аннѣ, что она счастлива, совершенно счастлива, она успѣла уже сообщить мнѣ,—сказала Дарья Александровна улыбаясь; и невольно, говоря это, она теперь усомнилась въ томъ, дѣйствительно ли Анна счастлива.

Но Вронскій, казалось, не сомнѣвался въ этомъ.

— Да, да,—сказалъ онъ.—Я знаю, что она ожила послѣ всѣхъ ея страданій; она счастлива. Она счастлива настоящимъ. Но я?.. я боюсь того, чтò ожидаетъ насъ... Виноватъ, вы хотите идти?

— Нѣтъ, все равно.

— Ну, такъ сядемте здѣсь.

Дарья Александровна сѣла на садовую скамейку въ углу аллеи. Онъ остановился передъ ней.

— Я вижу, что она счастлива,—повторилъ онъ, и сомнѣніе въ томъ, счастлива ли она, еще сильнѣе поразило Дарью Александровну.—Но можетъ ли это такъ продолжаться? Хорошо ли, дурно ли мы поступили—это другой вопросъ; но жребій брошенъ,—сказалъ онъ, переходя съ русскаго на французскій языкъ,—и мы связаны на всю жизнь. Мы соединены самыми святыми для насъ узами любви. У насъ есть ребенокъ, у насъ могутъ быть еще дѣти. Но законъ и всѣ условія нашего положенія таковы, что являются тысячи компликацій, которыхъ она теперь, отдыхая душой послѣ всѣхъ страданій и испытаній, не видитъ и не хочетъ видѣть. И это понятно. Но я не могу не видѣть. Моя дочь по закону—не моя дочь, а Каренина. Я не хочу этого обмана!—сказалъ онъ съ энергическимъ жестомъ отрицанія и мрачно-вопросительно посмотрѣлъ на Дарью Александровну.

Она ничего не отвѣчала и только смотрѣла на него. Онъ продолжалъ:

— Завтра родится сынъ, мой сынъ, и онъ по закону—Каренинъ, онъ не наслѣдникъ ни моего имени, ни моего состоянія, и какъ бы мы счастливы ни были въ семьѣ, и сколько бы у насъ ни было дѣтей, между мною и ими нѣтъ связи. Они Каренины. Вы поймите тягость и ужасъ этого положенія! Я пробовалъ говорить про это Аннѣ. Это раздражаетъ ее. Она не понимаетъ, и я не могу *ей* высказать все. Теперь посмотрите съ другой стороны. Я счастливъ, счастливъ ея любовью, но я долженъ имѣть занятія. Я нашелъ это занятіе, и горжусь этимъ занятіемъ, и считаю его болѣе благороднымъ, чѣмъ занятія моихъ бывшихъ товарищей при дворѣ и по службѣ. И уже, безъ сомнѣнія, не промѣняю этого дѣла на ихъ дѣло. Я работаю здѣсь, сидя на мѣстѣ, и я счастливъ, доволенъ, и намъ ничего болѣе не нужно для счастія. Я люблю эту дѣятельность. Cela n'est pas un pis-aller, напротивъ...

Дарья Александровна замѣтила, что въ этомъ мѣстѣ своего объясненія онъ путалъ, и не понимала хорошенько этого отступленія, но чувствовала, что, разъ начавъ говорить о своихъ задушевныхъ отношеніяхъ, о которыхъ онъ не могъ говорить съ Анной, онъ теперь высказывалъ все и что вопросъ о его дѣятельности въ деревнѣ находился въ томъ же отдѣлѣ задушевныхъ мыслей, какъ и вопросъ о его отношеніяхъ къ Аннѣ.

— Итакъ, я продолжаю,—сказалъ онъ очнувшись.—Главное же то, что, работая, необходимо имѣть убѣжденіе, что дѣ-

лаемое не умреть со мной, что у меня будуть наслѣдники,— а этого у меня нѣть. Представьте себѣ положеніе человѣка, который знаеть впередъ, что дѣти его и любимой имъ женщины не будуть его, а чьи-то, кого-то того, кто ихъ ненавидить и знать не хочеть. Вѣдь это ужасно!

Онъ замолчалъ, очевидно въ сильномъ волненіи.

— Да, разумѣется, я это понимаю. Но что же можеть Анна?— спросила Дарья Александровна.

— Да, это приводить меня къ цѣли моего разговора,—сказалъ онъ, съ усиліемъ успокаиваясь.—Анна можеть, это зависить отъ нея... Даже для того, чтобы просить государя объ усыновленіи, необходимъ разводъ. А это зависить отъ Анны. Мужъ ея согласенъ былъ на разводъ — тогда вашъ мужъ совсѣмъ было устроилъ это. И теперь, я знаю, онъ не отказалъ бы. Стоило бы только написать ему. Онъ прямо отвѣчалъ тогда, что, если она выразить желаніе, онъ не откажеть. Разумѣется,—сказалъ онъ мрачно,—это одна ихъ этихъ фарисейскихъ жестокостей, на которыя способны только эти люди безъ сердца. Онъ знаеть, какого мученія ей стôить всякое воспоминаніе о немъ, и, зная ее, требуеть отъ нея письма. Я понимаю, что ей мучительно. Но причины такъ важны, что надо passer par-dessus toutes ces finesses de sentiment. Il y va du bonheur et de l'existence d'Anne et de ses enfants. Я о себѣ не говорю, хотя мнѣ тяжело, очень тяжело,—сказалъ онъ съ выраженіемъ угрозы кому-то за то, что ему было тяжело.—Такъ вотъ, княгиня, я за васъ безсовѣстно хватаюсь, какъ за якорь спасенія. Помогите мнѣ уговорить ее писать ему и требовать развода!

— Да, разумѣется,—задумчиво сказала Дарья Александровна, вспомнивъ живо свое послѣднее свиданіе съ Алексѣемъ Александровичемъ.—Да, разумѣется,—повторила она рѣшительно, вспомнивъ Анну.

— Употребите ваше вліяніе на нее, сдѣлайте, чтобъ она написала. Я не хочу и почти не могу говорить съ нею про это.

— Хорошо, я поговорю. Но какъ же она сама не думаеть,— сказала Дарья Александровна, вдругъ почему-то при этомъ вспоминая странную новую привычку Анны щуриться. И ей вспомнилось, что Анна щурилась именно, когда дѣло касалось задушевныхъ сторонъ жизни. «Точно она на свою жизнь щурится, чтобы не все видѣть», подумала Долли.—Непремѣнно, я для себя и для нея буду говорить съ ней,—отвѣчала Дарья Александровна на его выраженіе благодарности.

Они встали и пошли къ дому.

XXII.

Заставъ Долли уже вернувшеюся, Анна внимательно посмотрѣла ей въ глаза, какъ бы спрашивая о томъ разговорѣ, который она имѣла съ Вронскимъ, но не спросила словами.

— Кажется, уже пора къ обѣду,—сказала она.—Совсѣмъ мы не видались еще. Я разсчитываю на вечеръ. Теперь надо идти одѣваться. Я думаю, и ты тоже. Мы всѣ испачкались на постройкѣ.

Долли пошла въ свою комнату, и ей стало смѣшно. Одѣваться ей не во что было, потому что она уже надѣла свое лучшее платье; но, чтобъ ознаменовать чѣмъ-нибудь свое приготовленіе къ обѣду, она попросила горничную обчистить ей платье, перемѣнила рукавчики и бантикъ и надѣла кружева на голову.

— Вотъ все, что я могла сдѣлать,—улыбаясь сказала она Аннѣ, которая въ третьемъ, опять въ чрезвычайно простомъ, платьѣ вышла къ ней.

— Да, мы здѣсь очень чопорны, — сказала она, какъ бы извиняясь за свою нарядность.—Алексѣй доволенъ твоимъ пріѣздомъ, какъ онъ рѣдко бываетъ чѣмъ-нибудь. Онъ рѣшительно влюбленъ въ тебя,—прибавила она.—А ты не устала?

До обѣда не было времени говорить о чемъ-нибудь. Войдя въ гостиную, онѣ застали уже тамъ княжну Варвару и мужчинъ въ черныхъ сюртукахъ. Архитекторъ былъ во фракѣ. Вронскій представилъ гостьѣ доктора и управляющаго. Архитектора онъ познакомилъ съ нею еще въ больницѣ.

Толстый дворецкій, блестя круглымъ бритымъ лицомъ и крахмаленнымъ бантомъ бѣлаго галстука, доложилъ, что кушанье готово, и дамы поднялись. Вронскій попросилъ Свіяжскаго подать руку Аннѣ Аркадьевнѣ, а самъ подошелъ къ Долли. Весловскій прежде Тушкевича подалъ руку княжнѣ Варварѣ, такъ что Тушкевичъ съ управляющимъ и докторомъ пошли одни.

Обѣдъ, столовая, посуда, прислуга, и вино и кушанье не только соотвѣтствовали общему тону новой роскоши дома, но, казалось, были еще роскошнѣе и новѣе всего. Дарья Александровна наблюдала эту новую для себя роскошь и, какъ хозяйка, ведущая домъ, хотя и не надѣясь ничего изъ всего видѣннаго примѣнить къ своему дому,—такъ это все по роскоши было далеко выше ея образа жизни,—невольно вникала во всѣ подробности и задавала себѣ вопросъ, кто и какъ это все сдѣлалъ. Васенька Весловскій, ея мужъ и даже Свіяжскій и много

людей, которыхъ она знала, никогда не думали объ этомъ и вѣрили на слово тому, что всякій порядочный хозяинъ желаетъ дать почувствовать своимъ гостямъ, именно, что все, что такъ хорошо у него устроено, не стоило ему, хозяину, никакого труда, а сдѣлалось само собой. Дарья же Александровна знала, что само собой не бываетъ даже кашки къ завтраку дѣтямъ и что потому при такомъ сложномъ и прекрасномъ устройствѣ должно было быть положено чье-нибудь усиленное вниманіе. И по взгляду Алексѣя Кирилловича, какъ онъ оглядѣлъ столъ, и какъ сдѣлалъ знакъ головой дворецкому, и какъ предложилъ Дарьѣ Александровнѣ выборъ между ботвиньей и супомъ, она поняла, что все дѣлается и поддерживается заботами самого хозяина. Отъ Анны, очевидно, зависѣло все это не болѣе, какъ отъ Весловскаго. Она, Свіяжскій, княжна и Весловскій были одинаково гости, весело пользующіеся тѣмъ, что для нихъ было приготовлено.

Анна была хозяйкой только по веденію разговора. И этотъ разговоръ, весьма трудный для хозяйки дома при небольшомъ столѣ, при лицахъ, какъ управляющій и архитекторъ, лицахъ совершенно другого міра, старающихся не робѣть предъ непривычною роскошью и не могущихъ принимать долгаго участія въ общемъ разговорѣ,—этотъ трудный разговоръ Анна вела со своимъ обычнымъ тактомъ, естественностью и даже удовольствіемъ, какъ замѣчала Дарья Александровна.

Разговоръ зашелъ о томъ, какъ Тушкевичъ съ Весловскимъ одни ѣздили въ лодкѣ, и Тушкевичъ сталъ разсказывать про послѣднія гонки въ Петербургѣ въ яхтъ-клубѣ. Но Анна, выждавъ перерывъ, тотчасъ же обратилась къ архитектору, чтобы вывести его изъ молчанія.

— Николай Иванычъ былъ пораженъ,—сказала она про Свіяжскаго,—какъ выросло новое строеніе съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ здѣсь послѣдній разъ; но я сама каждый день бываю и каждый день удивляюсь, какъ скоро идетъ.

— Съ его сіятельствомъ работать хорошо,—сказалъ съ улыбкой архитекторъ (онъ былъ съ сознаніемъ своего достоинства, почтительный и спокойный человѣкъ).—Не то что имѣть дѣло съ губернскими властями. Гдѣ бы стопу бумаги исписали, я графу доложу, потолкуемъ, и въ трехъ словахъ.

— Американскіе пріемы,—сказалъ Свіяжскій улыбаясь.

— Да-съ, тамъ воздвигаются зданія раціонально...

Разговоръ перешелъ на злоупотребленія властей въ Соединенныхъ Штатахъ, но Анна тотчасъ же перевела его на другую тему, чтобы вызвать управляющаго изъ молчанія.

— Ты видѣла когда-нибудь жатвенныя машины?—обратилась она къ Дарьѣ Александровнѣ.—Мы ѣздили смотрѣть, когда тебя встрѣтили. Я сама въ первый разъ видѣла.

— Какъ же онѣ дѣйствуютъ?—спросила Долли.

— Совершенно какъ ножницы. Доска и много маленькихъ ножницъ. Вотъ этакъ.

Анна взяла своими красивыми, бѣлыми, покрытыми кольцами руками ножикъ и вилку и стала показывать. Она очевидно видѣла, что изъ ея объясненія ничего не поймется; но, зная, что она говоритъ пріятно и что руки ея красивы, она продолжала объясненіе.

— Скорѣе ножички перочинные,—заигрывая сказалъ Весловскій, не спускавшій съ нея глазъ.

Анна чуть замѣтно улыбнулась, но не отвѣчала ему.—Не правда ли, Карлъ Ѳедоровичъ, что какъ ножницы?—обратилась она къ управляющему.

— O ja,—отвѣчалъ нѣмецъ.—Es ist ein ganz einfaches Ding,—и началъ объяснять устройство машины.

— Жалко, что она не вяжетъ. Я видѣлъ на вѣнской выставкѣ, вяжетъ проволокой,—сказалъ Свіяжскій.—Тѣ выгоднѣе бы были.

— Es kommt drauf, an... Der Preis fom Draht muss ausgerechnet werden.—И нѣмецъ, вызванный изъ молчанія, обратился къ Вронскому.—Das lässt sich ausrechnen, Erlaucht.—Нѣмецъ уже взялся было за карманъ, гдѣ у него былъ карандашъ въ книжкѣ, въ которой онъ все вычислялъ, но, вспомнивъ, что онъ сидитъ за обѣдомъ и замѣтивъ холодный взглядъ Вронскаго, воздержался. — Zu complicirt, macht zu viel Klopot, — заключилъ онъ.

— Wünscht man Dochots, so hat man auch Klopots,—сказалъ Васенька Весловскій, подтрунивая надъ нѣмцемъ.—J'adore l'allemand,—обратился онъ опять съ тою же улыбкой къ Аннѣ.

— Cessez,—сказала она ему шутливо-строго.

— А мы думали васъ застать на полѣ, Василій Семенычъ,—обратилась она къ доктору, человѣку болѣзненному,—вы были тамъ?

— Я былъ тамъ, но улетучился,—съ мрачною шутливостью отвѣчалъ докторъ.

— Стало-быть, вы хорошій моціонъ сдѣлали.

— Великолѣпный!

— Ну, а какъ здоровье старухи? надѣюсь, что не тифъ?

— Тифъ—не тифъ, а не въ авантажѣ обрѣтается.

— Какъ жаль!—сказала Анна и, отдавъ такимъ образомъ дань учтивости домочадцамъ, обратилась къ своимъ.

— А все-таки по вашему разсказу построить машину трудно было бы, Анна Аркадьевна,—шутя сказалъ Свіяжскій.

— Нѣтъ, отчего же?—сказала Анна съ улыбкой, которая говорила, что она знала, что въ ея толкованіи устройства машины было что-то милое, замѣченное и Свіяжскимъ. Эта новая черта молодого кокетства непріятно поразила Долли.

— Но зато въ архитектурѣ знанія Анны Аркадьевны удивительны,—сказалъ Тушкевичъ.

— Какъ же, я слышалъ, вчера Анна Аркадьевна говорила: въ стробу и плинтусы,—сказалъ Весловскій.—Такъ я говорю?

— Ничего удивительнаго нѣтъ, когда столько видишь и слышишь,—сказала Анна.—А вы, вѣрно, не знаете даже, изъ чего дѣлають дома?

Дарья Александровна видѣла, что Анна недовольна была тѣмъ тономъ игривости, который былъ между нею и Весловскимъ, но сама невольно впадала въ него.

Вронскій поступалъ въ этомъ случаѣ совсѣмъ не такъ, какъ Левинъ. Онъ, очевидно, не приписывалъ болтовнѣ Весловскаго никакой важности и, напротивъ, поощрялъ эти шутки.

— Да, ну скажите, Весловскій, чѣмъ соединяютъ камни?

— Разумѣется цементомъ.

— Браво! А что такое цементъ?

— Такъ въ родѣ размазни... нѣтъ, замазки,—возбуждая общій хохотъ, сказалъ Весловскій.

Разговоръ между обѣдавшими, за исключеніемъ погруженныхъ въ мрачное молчаніе доктора, архитектора и управляющаго, не умолкалъ, гдѣ скользя, гдѣ цѣпляясь и задѣвая кого-нибудь за живое. Одинъ разъ Дарья Александровна была задѣта за живое и такъ разгорячилась, что даже покраснѣла, и потомъ уже вспомнила, не сказано ли ею чего-нибудь лишняго и непріятнаго. Свіяжскій заговорилъ о Левинѣ, разсказывая его странныя сужденія о томъ, что машины только вредны въ русскомъ хозяйствѣ.

— Я не имѣю удовольствія знать этого господина Левина,—улыбаясь сказалъ Вронскій,—но, вѣроятно, онъ никогда не видалъ тѣхъ машинъ, которыя онъ осуждаетъ. А если видѣлъ и испытывалъ, то кое-какъ, и не заграничную, а какую-нибудь русскую. А какіе же тутъ могутъ быть взгляды?

— Вообще турецкіе взгляды,—обратясь къ Аннѣ, съ улыбкой сказалъ Весловскій.

— Я не могу защищать его сужденій,—вспыхнувъ сказала Дарья Александровна,—но я могу сказать, что онъ очень образованный человѣкъ, и если бы онъ былъ тутъ, онъ бы вамъ зналъ, что отвѣтить; но я не умѣю.

— Я его очень люблю, и мы съ нимъ большіе пріятели,— добродушно улыбаясь, сказалъ Свіяжскій. — Mais pardon, il est un petit peu toqué; напримѣръ, онъ утверждаетъ, что и земство и мировые судьи—все не нужно, и ни въ чемъ не хочетъ участвовать.

— Это наше русское равнодушіе,—сказалъ Вронскій, наливая воду изъ ледяного графина въ тонкій стаканъ на ножкѣ:— не чувствовать обязанностей, которыя налагаютъ на насъ наши права, и потому отрицать эти обязанности.

— Я не знаю человѣка болѣе строгаго въ исполненіи своихъ обязанностей, — сказала Дарья Александровна, раздраженная этимъ тономъ превосходства Вронскаго.

— Я, напротивъ,—продолжалъ Вронскій, очевидно почему-то затронутый за живое этимъ разговоромъ,—я, напротивъ, какимъ вы меня видите, очень благодаренъ за честь, которую мнѣ сдѣлали, вотъ благодаря Николаю Иванычу (онъ указалъ на Свіяжскаго), избравъ меня почетнымъ мировымъ судьей. Я считаю, что для меня обязанность отправляться на съѣздъ, обсуждать дѣло мужика о лошади такъ же важна, какъ и все, что я могу сдѣлать. И буду за честь считать, если меня выберутъ гласнымъ. Я этимъ только могу отплатить за тѣ выгоды, которыми я пользуюсь, какъ землевладѣлецъ. Къ несчастію, не понимаютъ того значенія, которое должны имѣть въ государствѣ крупные землевладѣльцы.

Дарьѣ Александровнѣ странно было слушать, какъ онъ былъ спокоенъ въ своей правотѣ у себя за столомъ. Она вспомнила, какъ Левинъ, думающій противоположное, былъ такъ же рѣшителенъ въ своихъ сужденіяхъ у себя за столомъ. Но она любила Левина и потому была на его сторонѣ.

— Такъ мы можемъ разсчитывать на васъ, графъ, на слѣдующій съѣздъ?—сказалъ Свіяжскій.—Но надо ѣхать раньше, чтобы восьмого уже быть тамъ. Если бы вы мнѣ сдѣлали честь пріѣхать ко мнѣ.

— А я немного согласна съ твоимъ beau - frère, — сказала Анна.—Только не такъ, какъ онъ,—прибавила она съ улыбкой. — Я боюсь, что въ послѣднее время у насъ слишкомъ много этихъ общественныхъ обязанностей. Какъ прежде чиновниковъ было такъ много, что для всякаго дѣла нуженъ былъ чиновникъ, такъ теперь — все общественные дѣятели.

Алексѣй теперь здѣсь шесть мѣсяцевъ, и онъ ужъ членъ, кажется, пяти или шести разныхъ общественныхъ учрежденій— попечительство, судья, гласный, присяжный, конской что-то. Du train que cela va, все время уйдетъ на это. И я боюсь, что при такомъ множествѣ этихъ дѣлъ это только форма. Вы сколькихъ мѣстъ членъ, Николай Иванычъ?—обратилась она къ Свіяжскому, кажется больше двадцати?

Анна говорила шутливо, но въ тонѣ ея чувствовалось раздраженіе. Дарья Александровна, внимательно наблюдавшая Анну и Вронскаго, тотчасъ же замѣтила это. Она замѣтила тоже, что лицо Вронскаго при этомъ разговорѣ тотчасъ же приняло серьезное и упорное выраженіе. Замѣтивъ это и то, что княжна Варвара тотчасъ же, чтобы перемѣнить разговоръ, поспѣшно заговорила о петербургскихъ знакомыхъ, и вспомнивъ то, что некстати говорилъ Вронскій въ саду о своей дѣятельности, Долли поняла, что съ этимъ вопросомъ объ общественной дѣятельности связывалась какая-то интимная ссора между Анной и Вронскимъ.

Обѣдъ, вина, сервировка,—все это было очень хорошо, но все это было такое, какое видѣла Дарья Александровна на званыхъ обѣдахъ и балахъ, отъ которыхъ она отвыкла, и съ тѣмъ же характеромъ безличности и напряженности, и потому въ обыкновенный день и въ маленькомъ кружкѣ все это произвело на нее непріятное впечатлѣніе.

Послѣ обѣда посидѣли на террасѣ. Потомъ стали играть въ lawn tennis. Игроки, раздѣлившись на двѣ партіи, разстановились на тщательно выровненномъ и убитомъ *крокетграундѣ*, по обѣ стороны натянутой сѣтки съ золочеными столбиками. Дарья Александровна попробовала было играть, но долго не могла понять игры, а когда поняла, то такъ устала, что сѣла съ княжной Варварой и только смотрѣла на играющихъ. Партнеръ ея, Тушкевичъ, тоже отсталъ; но остальные долго продолжали игру. Свіяжскій и Вронскій оба играли очень хорошо и серьезно. Они зорко слѣдили за кидаемымъ къ нимъ мячомъ, не торопясь и не мѣшкая, ловко подбѣгали къ нему, выжидали прыжокъ и, мѣтко и вѣрно поддавая мячъ ракетой, перекидывали за сѣтку. Весловскій игралъ хуже другихъ. Онъ слишкомъ горячился, но зато весельемъ своимъ одушевлялъ играющихъ. Его смѣхъ и крики не умолкали. Онъ снялъ, какъ и другіе мужчины, съ разрѣшенія дамъ, сюртукъ, и крупная красивая фигура его въ бѣлыхъ рукавахъ рубашки, съ румянымъ потнымъ лицомъ и порывистыя движенія такъ и врѣзывались въ память.

Когда Дарья Александровна въ эту ночь легла спать, какъ только она закрывала глаза, она видѣла метавшагося по *крокетграунду* Васеньку Весловскаго.

Во время же игры Дарьѣ Александровнѣ было невесело. Ей не нравились продолжавшееся при этомъ игривое отношеніе между Васенькой Весловскимъ и Анной и та общая ненатуральность большихъ, когда они одни, безъ дѣтей, играютъ въ дѣтскую игру. Но, чтобы не разстроить другихъ и какъ-нибудь провести время, она, отдохнувъ, опять присоединилась къ игрѣ и притворилась, что ей весело. Весь этотъ день ей все казалось, что она играетъ на театрѣ съ лучшими, чѣмъ она, актерами и что ея плохая игра портитъ все дѣло.

Она пріѣхала съ намѣреніемъ пробыть два дня, если поживется. Но вечеромъ же во время игры она рѣшила, что уѣдетъ завтра. Тѣ мучительныя материнскія заботы, которыя она такъ ненавидѣла дорогой, теперь, послѣ дня, проведеннаго безъ нихъ, представлялись ей уже въ другомъ свѣтѣ и тянули ее къ себѣ.

Когда послѣ вечерняго чая и ночной прогулки въ лодкѣ Дарья Александровна вошла одна въ свою комнату, сняла платье и сѣла убирать свои жидкіе волосы на ночь, она почувствовала большое облегченіе.

Ей даже непріятно было думать, что Анна сейчасъ придетъ къ ней. Ей хотѣлось побыть одной со своими мыслями.

XXIII.

Долли уже хотѣла ложиться, когда Анна въ ночномъ костюмѣ вошла къ ней.

Въ продолженіе дня нѣсколько разъ Анна начинала разговоры о задушевныхъ дѣлахъ и каждый разъ, сказавъ нѣсколько словъ, останавливалась. «Послѣ, наединѣ все переговоримъ. Мнѣ столько тебѣ нужно сказать», говорила она.

Теперь онѣ были наединѣ, и Анна не знала, о чемъ говорить. Она сидѣла у окна, глядя на Долли и перебирая въ памяти всѣ тѣ, казавшіеся неистощимыми, запасы задушевныхъ разговоровъ, и не находила ничего. Ей казалось въ эту минуту, что все уже было сказано.

— Ну что Кити?—сказала она, тяжело вздохнувъ и виновато глядя на Долли.—Правду скажи мнѣ, Долли, не сердится она на меня?

— Сердится? Нѣтъ! — улыбаясь сказала Дарья Александровна.

— Но ненавидитъ, презираетъ?

— О, нѣтъ! Но ты знаешь, это не прощается.

— Да, да,—отвернувшись и глядя въ открытое окно, сказала Анна.—Но я не была виновата. И кто виноватъ? Что такое виноватъ? Развѣ могло быть иначе? Ну, какъ ты думаешь? Могло ли быть, чтобы ты не была жена Стивы?

— Право, не знаю. Но вотъ что ты мнѣ скажи...

— Да, да, но мы не кончили про Кити. Она счастлива? Онъ прекрасный человѣкъ, говорятъ.

— Это мало сказать, что прекрасный. Я не знаю лучше человѣка.

— Ахъ, какъ я рада! Я очень рада! Мало сказать, что прекрасный человѣкъ,—повторила она.

Долли улыбнулась.

— Но ты мнѣ скажи про себя. Мнѣ съ тобой длинный разговоръ. И мы говорили съ...—Долли не знала, какъ его назвать. Ей было неловко называть его и графомъ и Алексѣемъ Кириллычемъ.

— Съ Алексѣемъ,—сказала Анна,—я знаю, что вы говорили. Но я хотѣла спросить тебя прямо, что ты думаешь обо мнѣ, о моей жизни?

— Какъ такъ вдругъ сказать? Я право, не знаю.

— Нѣтъ, ты мнѣ все-таки скажи... Ты видишь мою жизнь. Но ты не забудь, что ты видишь насъ лѣтомъ, когда ты пріѣхала и мы не одни... Но мы пріѣхали раннею весной, жили совершенно одни и будемъ жить одни, и лучше этого я ничего не желаю. Но представь себѣ, что я живу одна безъ него, одна, а это будетъ... Я по всему вижу, что это часто будетъ повторяться, что онъ половину времени будетъ внѣ дома,— сказала она, вставая и присаживаясь ближе къ Долли.—Разумѣется,—перебила она Долли, хотѣвшую возразить,—разумѣется я насильно не удержу его. Я и не держу. Нынче скачки, его лошади скачутъ, онъ ѣдетъ. Очень рада. Но ты подумай обо мнѣ, представь себѣ мое положеніе... Да что говорить про это!—Она улыбнулась.—Такъ о чемъ же онъ говорилъ съ тобой?

— Онъ говорилъ о томъ, о чемъ я сама хочу говорить, и мнѣ легко быть его адвокатомъ: о томъ, нѣтъ ли возможности и нельзя ли...—Дарья Александровна запнулась,—исправить, улучшить твое положеніе... Ты знаешь, какъ я смотрю... Но все-таки, если возможно, надо выйти замужъ...

— То-есть разводъ?—сказала Анна.—Ты знаешь, единственная женщина, которая пріѣхала ко мнѣ въ Петербургѣ, была

Бетси Тверская? Ты вѣдь ее знаешь? Au fond c'est la femme la plus dépravée qui existe. Она была въ связи съ Тушкевичемъ, самымъ гадкимъ образомъ обманывая мужа. И она мнѣ сказала, что она меня знать не хочетъ, пока мое положеніе будетъ неправильно. Не думай, чтобы я сравнивала... Я знаю тебя, душенька моя. Но я невольно вспомнила... Ну, такъ что же онъ сказалъ тебѣ?—повторила она.

— Онъ сказалъ, что страдаетъ за тебя и за себя. Можетъ-быть, ты скажешь, что это эгоизмъ, но такой законный и благородный эгоизмъ! Ему хочется, во-первыхъ, узаконить свою дочь и быть твоимъ мужемъ, имѣть право на тебя.

— Какая жена, раба можетъ быть до такой степени рабой, какъ я, въ моемъ положеніи?—мрачно перебила она.

— Главное же, чего онъ хочетъ... хочетъ, чтобы ты не страдала.

— Это невозможно! Ну?

— Ну, и самое законное: онъ хочетъ, чтобы дѣти ваши имѣли имя.

— Какія же дѣти?—не глядя на Долли и щурясь, сказала Анна.

— Ани и будущія...

— Это онъ можетъ быть спокоенъ: у меня не будетъ больше дѣтей.

— Какъ же ты можешь сказать, что не будетъ?..

— Не будетъ, потому что я этого не хочу.

И, несмотря на все свое волненіе, Анна улыбнулась, замѣтивъ наивное выраженіе любопытства, удивленія и ужаса на лицѣ Долли.

— Мнѣ докторъ сказалъ, послѣ моей болѣзни...

. . . .

— Не можетъ быть —широко открывъ глаза, сказала Долли. Для нея это было одно изъ тѣхъ открытій, слѣдствіе и выводы которыхъ такъ огромны, что въ первую минуту только чувствуется, что сообразить всего нельзя, но что объ этомъ много и много придется думать.

Открытіе это, вдругъ объяснившее для нея всѣ тѣ непонятныя для нея прежде сѣмьи, въ которыхъ было только по одному и по два ребенка, вызвало въ ней столько мыслей, соображеній и противорѣчивыхъ чувствъ, что она ничего не имѣла сказать и только широко раскрытыми глазами удивленно смотрѣла на Анну. Это было то самое, о чемъ она мечтала, но теперь, узнавъ, что это возможно, она ужаснулась. Она чувствовала,

что это было слишкомъ простое рѣшенiе слишкомъ сложнаго вопроса.

— 'N'est ce pas immoral?—только сказала она помолчавъ.

— Отчего? Подумай, у меня выборъ изъ двухъ; или быть беременною, то-есть больною, или быть другомъ, товарищемъ своего мужа, все равно мужа,—умышленно поверхностнымъ и легкомысленнымъ тономъ сказала Анна.

— Ну-да, ну-да, — говорила Дарья Александровна, слушая тѣ самые аргументы, которые она сама себѣ приводила, и не находя въ нихъ болѣе прежней убѣдительности.

— Для тебя, для другихъ,—говорила Анна, какъ будто угадывая ея мысли,—еще можетъ быть сомнѣнiе, но для меня... Ты пойми, я не жена; онъ любитъ меня до тѣхъ поръ, пока любитъ. И что жъ, чѣмъ же я поддержу его любовь? Вотъ этимъ?

Она вытянула бѣлыя руки передъ животомъ.

Съ необыкновенною быстротой, какъ это бываетъ въ минуты волненiя, мысли и воспоминанiя толпились въ головѣ Дарьи Александровны. «Я, — думала она,—не привлекала къ себѣ Стиву; онъ ушелъ отъ меня къ другимъ, и та первая, для которой онъ измѣнилъ мнѣ, не удержала его тѣмъ, что она была всегда красива и весела. Онъ бросилъ ту и взялъ другую. И неужели Анна этимъ привлечетъ и удержитъ графа Вронскаго? Если онъ будетъ искать этого, то найдетъ туалеты и манеры еще болѣе привлекательные и веселые. И какъ ни бѣлы, какъ ни прекрасны ея обнаженныя руки, какъ ни красивъ весь ея полный станъ, ея разгоряченное лицо изъ-за этихъ черныхъ волосъ, онъ найдетъ еще лучше, какъ ищетъ и находитъ мой отвратительный, жалкiй и милый мужъ».

Долли ничего не отвѣчала и только вздохнула. Анна замѣтила этотъ вздохъ, выказывавшiй несогласiе и продолжала. Въ запасѣ у нея были еще аргументы, уже столь сильные, что отвѣчать на нихъ ничего нельзя было.

— Ты говоришь, что это не хорошо? Но надо разсудить,—продолжала она.—Ты забываешь мое положенiе. Какъ я могу желать дѣтей? Я не говорю про страданiя: я ихъ не боюсь. Подумай, кто будутъ мои дѣти? Несчастныя дѣти, которыя будутъ носить чужое имя. По самому своему рожденiю они будутъ поставлены въ необходимость стыдиться матери, отца, своего рожденiя.

— Да вѣдь для этого-то и нуженъ разводъ.

Но Анна не слушала ея. Ей хотѣлось договорить тѣ самые доводы, которыми она столько разъ убѣждала себя.

— Зачѣмъ же мнѣ данъ разумъ, если я не употреблю его на то, чтобы не производить на свѣтъ несчастныхъ?

Она посмотрѣла на Долли, но, не дождавшись отвѣта, продолжала:

— Я бы всегда чувствовала себя виноватою передъ этими несчастными дѣтьми,—сказала она.—Если ихъ нѣтъ, то они не несчастны по крайней мѣрѣ, а если они несчастны, то я одна въ этомъ виновата.

Это были тѣ самые доводы, которые Дарья Александровна приводила самой себѣ; но теперь она слушала и не понимала ихъ. «Какъ быть виноватою предъ существами не существующими?» думала она. И вдругъ ей пришла мысль: могло ли быть въ какомъ-нибудь случаѣ лучше для ея любимца Гриши, если бъ онъ никогда не существовалъ? И это ей показалось такъ дико, такъ странно, что она помотала головой, чтобы разсѣять эту путаницу кружащихся сумасшедшихъ мыслей.

— Нѣтъ, я не знаю, это не хорошо, — только сказала она съ выраженіемъ гадливости на лицѣ.

— Да, но ты не забудь, что̀ ты и что̀ я... И, кромѣ того,— прибавила Анна, несмотря на богатство своихъ доводовъ и на бѣдность доводовъ Долли, какъ будто все-таки сознаваясь, что это не хорошо, ты не забудь главное, что я теперь нахожусь не въ томъ положеніи, какъ ты. Для тебя вопросъ: желаешь ли ты не имѣть болѣе дѣтей, а для меня: желаю ли я имѣть ихъ. И это большая разница. Понимаешь, что я не могу этого желать въ моемъ положеніи.

Дарья Александровна не возражала. Она вдругъ почувствовала, что стала уже такъ далека отъ Анны, что между ними существуютъ вопросы, въ которыхъ онѣ никогда не сойдутся и о которыхъ лучше не говорить.

XXIV.

— Такъ тѣмъ болѣе тебѣ надо устроить свое положеніе, если возможно,—сказала Долли.

— Да, если возможно — сказала Анна вдругъ совершенно другимъ, тихимъ и грустнымъ, голосомъ.

— Развѣ не возможенъ разводъ? Мнѣ говорили, что мужъ твой согласенъ.

— Долли, мнѣ не хочется говорить про это.

— Ну, не будемъ,—поспѣшила сказать Дарья Александровна, замѣтивъ выраженіе страданія на лицѣ Анны.—Я только вижу, что ты слишкомъ мрачно смотришь.

— Я? нисколько. Я очень весела и довольна. Та видѣла, je fais des passions. Весловскій...

— Да, если правду сказать, мнѣ не понравился тонъ Весловскаго,—сказала Дарья Александровна, желая перемѣнить разговоръ.

— Ахъ, нисколько! Это щекотитъ Алексѣя и больше ничего; но онъ мальчикъ и весь у меня въ рукахъ; ты понимаешь, я имъ управляю, какъ хочу. Онъ все равно, что твой Гриша... Долли!—вдругъ перемѣнила она рѣчь,—ты говоришь, что я мрачно смотрю. Ты не можешь понимать. Это слишкомъ ужасно. Я стараюсь вовсе не смотрѣть.

— Но, мнѣ кажется, надо. Надо сдѣлать все, что̀ можно.

— Но что же можно? Ничего. Ты говоришь—выйти замужъ за Алексѣя и что я не думаю объ этомъ. Я не думаю объ этомъ!—повторила она, и краска выступила ей на лицо. Она встала, выпрямила грудь, тяжело вздохнула и стала ходить своею легкой походкой взадъ и впередъ по комнатѣ, изрѣдка останавливаясь.—Я не думаю? Нѣтъ дня и часа, когда бы я не думала и не упрекала себя за то, что думаю... потому что мысли объ этомъ могутъ съ ума свести. Съ ума свести,—повторила она.— Когда я думаю объ этомъ, то я уже не засыпаю безъ морфина Но хорошо. Будемъ говорить спокойно. Мнѣ говорятъ—разводъ. Во-первыхъ, *онъ* не дастъ мнѣ его. *Онъ* теперь подъ вліяніемъ графини Лидіи Ивановны.

Дарья Александровна, прямо вытянувшись на стулѣ, съ страдальчески сочувствующимъ лицомъ слѣдила, поворачивая голову, за ходившею Анной.

— Надо попытаться,—тихо сказала она.

— Положимъ, попытаться. Что это значитъ! — сказала она очевидно мысль, тысячу разъ передуманную и наизусть заученную.—Это значитъ, мнѣ, ненавидящей его, но все-таки признающей себя виноватою передъ нимъ,—и я считаю его великодушнымъ,—мнѣ унизиться писать ему... Ну, положимъ, я сдѣлаю усиліе, сдѣлаю это. Или я получу оскорбительный отвѣтъ, или согласіе. Хорошо, я получила согласіе...—Анна въ это время была въ дальнемъ концѣ комнаты и остановилась тамъ, что-то дѣлая съ гардиной окна. — Я получу согласіе, а сы... сынъ? Вѣдь они мнѣ не отдадутъ его. Вѣдь онъ выростетъ, презирая меня, у отца, котораго я бросила. Ты пойми, что я люблю, кажется, равно, но обоихъ больше себя, два существа— Сережу и Алексѣя.

Она вышла на средину комнаты и остановилась передъ Долли, сжимая руками грудь. Въ бѣломъ пенюарѣ фигура ея ка-

залась особенно велика и широка. Она нагнула голову и исподлобья смотрѣла сіяющими мокрыми глазами на маленькую, худенькую и жалкую въ своей штопанной кофточкѣ и ночномъ чепчикѣ, всю дрожавшую отъ волненія Долли.

— Только эти два существа я люблю, и одно исключаетъ другое. Я не могу ихъ соединить, а это мнѣ одно нужно. А если этого нѣтъ, то все равно. Все, все равно. И какъ-нибудь кончится, и потому я не могу, не люблю говорить про это. Такъ ты не упрекай меня, не суди меня ни въ чемъ. Ты не можешь со своею чистотой понять всего того, чѣмъ я страдаю.

Она подошла, сѣла рядомъ съ Долли и, съ виноватымъ выраженіемъ вглядываясь въ ея лицо, взяла ее за руку.

— Чтò ты думаешь? Чтò ты думаешь обо мнѣ? Ты не презирай меня. Я не стòю презрѣнія. Я именно несчастна. Если кто несчастенъ, такъ это я,—выговорила она и, отвернувшись отъ нея, заплакала.

Оставшись одна, Долли помолилась Богу и легла въ постель. Ей всею душой было жалко Анну въ то время, какъ она говорила съ ней; но теперь она не могла себя заставить думать о ней. Воспоминанія о домѣ и дѣтяхъ съ особенною, новою для нея, прелестью, въ какомъ-то новомъ сіяніи возникали въ ея воображеніи. Этотъ ея міръ показался ей теперь такъ дорогъ и милъ, что она ни за что не хотѣла внѣ его провести лишній день и рѣшила, что завтра непремѣнно уѣдетъ.

Анна между тѣмъ, вернувшись въ свой кабинетъ, взяла рюмку и накапала въ нее нѣсколько капель лѣкарства, въ которомъ важную часть составлялъ морфинъ, и, выпивъ и посидѣвъ нѣсколько времени неподвижно, съ успокоеннымъ и веселымъ духомъ пошла въ спальню.

Когда она вошла въ спальню, Вронскій внимательно посмотрѣлъ на нее. Онъ искалъ слѣдовъ того разговора, который, онъ зналъ, она, такъ долго оставаясь въ комнатѣ Долли, должна была имѣть съ нею. Но въ ея выраженіи, возбужденно-сдержанномъ и что-то скрывающемъ, онъ ничего не нашелъ, кромѣ хотя и привычной ему, но все еще плѣняющей его красоты, сознанія ея и желанія, чтобы она на него дѣйствовала. Онъ не хотѣлъ спросить ее о томъ, чтò онѣ говорили, но надѣялся, что она сама скажетъ что-нибудь. Но она сказала только:

— Я рада, что тебѣ понравилась Долли. Не правда ли?

— Да вѣдь я ее давно знаю. Она очень добрая, кажется, mais excessivement terre-à-terre. Но все-таки я ей очень былъ радъ.

Онъ взялъ руку Анны и посмотрѣлъ ей вопросительно въ глаза.

Она, иначе понявъ этотъ взглядъ, улыбнулась ему.

На другое утро, несмотря на упрашиваніе хозяевъ, Дарья Александровна собралась ѣхать. Кучеръ Левина въ своемъ неновомъ кафтанѣ и полуямской шляпѣ, на разномастныхъ лошадяхъ, въ коляскѣ съ заплатанными крыльями мрачно и рѣшительно въѣхалъ въ крытый, усыпанный пескомъ подъѣздъ.

Прощаніе съ княжной Варварой, съ мужчинами было непріятно Дарьѣ Александровнѣ. Пробывъ день, и она и хозяева ясно чувствовали, что они не подходятъ другъ къ другу и что лучше имъ не сходиться. Одной Аннѣ было грустно. Она знала, что теперь съ отъѣздомъ Долли, никто уже не растревожитъ въ ея душѣ тѣ чувства, которыя поднялись въ ней при этомъ свиданіи. Тревожить эти чувства ей было больно; но она все-таки знала, что это была самая лучшая часть ея души и что эта часть ея души быстро зарастала въ той жизни, которую она вела.

Выѣхавъ въ поле, Дарья Александровна испытала пріятное чувство облегченія и ей хотѣлось спросить у людей, какъ имъ понравилось у Вронскаго, какъ вдругъ кучеръ Филиппъ самъ заговорилъ:

— Богачи-то, богачи, а овса всего три мѣры дали. До пѣтуховъ дочиста подобрали. Что жъ три мѣры? Только закусить. Нынѣ овесъ у дворниковъ сорокъ пять копеекъ. У насъ, небось, пріѣзжимъ сколько поѣдятъ, столько даютъ.

— Скупой баринъ,—подтвердилъ конторщикъ.

— Ну, а лошади ихъ понравились тебѣ?—спросила Долли.

— Лошади—одно слово. И пища хороша. А такъ мнѣ скучно что-то показалось, Дарья Александровна; не знаю какъ вамъ,—сказалъ онъ, обернувъ къ ней свое красивое и доброе лицо.

— Да и мнѣ тоже. Что жъ, къ вечеру доѣдемъ?

— Надо доѣхать.

Вернувшись домой и найдя всѣхъ вполнѣ благополучными и особенно милыми, Дарья Александровна съ большимъ оживленіемъ разсказывала про свою поѣздку, про то, какъ ее хорошо принимали, про роскошь и хорошій вкусъ жизни Вронскихъ, про ихъ увеселенія и не давала никому слова сказать противъ нихъ.

— Надо знать Анну и Вронскаго—я его больше узнала теперь,—чтобы понять, какъ они милы и трогательны,—теперь

совершенно искренно говорила она, забывая то неопредѣленное чувство недовольства и неловкости, которое она испытывала тамъ.

XXV.

Вронскій и Анна все въ тѣхъ же условіяхъ, все такъ же не принимая никакихъ мѣръ для развода, прожили все лѣто и часть осени въ деревнѣ. Было между ними рѣшено, что они никуда не поѣдутъ; но оба чувствовали, чѣмъ долѣе они жили одни, въ особенности осенью и безъ гостей!, что они не выдержатъ этой жизни и что придется измѣнить ее.

Жизнь, казалось, была такая, какой лучше желать нельзя: былъ полный достатокъ, было здоровье, былъ ребенокъ и у обоихъ были занятія. Анна безъ гостей все такъ же занималась собой и очень много занималась чтеніемъ — и романовъ и серьезныхъ книгъ, какія были въ модѣ. Она выписывала всѣ тѣ книги, о которыхъ съ похвалой упоминалось въ получаемыхъ ею иностранныхъ газетахъ и журналахъ, и съ тою внимательностью къ читаемому, которая бываетъ только въ уединеніи, прочитывала ихъ. Кромѣ того, всѣ предметы, которыми занимался Вронскій, она изучила по книгамъ и спеціальнымъ журналамъ, такъ что часто онъ обращался прямо къ ней съ агрономическими, архитектурными, даже иногда коннозаводческими и спортсменскими вопросами. Онъ удивлялся ея знанію, памяти и сначала, сомнѣваясь, желалъ подтвержденія; и она находила въ книгахъ то, о чемъ онъ спрашивалъ, и показывала ему.

Устройство больницы тоже занимало ее. Она не только помогала, но многое и устраивала и придумывала сама. Но главная забота ея все-таки была она сама — она сама, насколько она дорога Вронскому, насколько она можетъ замѣнить для него все, что онъ оставилъ. Вронскій цѣнилъ это, сдѣлавшееся единственною цѣлью ея жизни, желаніе не только нравиться, но служить ему, но вмѣстѣ съ тѣмъ и тяготился тѣми любовными сѣтями, которыми она старалась опутать его. Чѣмъ больше проходило времени, чѣмъ чаще онъ видѣлъ себя опутаннымъ этими сѣтями, тѣмъ больше ему хотѣлось не то что выйти изъ нихъ, но попробовать, не мѣшаютъ ли онѣ его свободѣ. Если бы не это все усиливающееся желаніе быть свободнымъ, не имѣть сцены каждый разъ, какъ ему надо было ѣхать въ городъ на съѣздъ, на бѣга, Вронскій былъ бы вполнѣ доволенъ своею жизнью. Роль, которую онъ избралъ, роль богатаго землевладѣльца, изъ какихъ должно состоять ядро русской ари-

стократіи, не только пришлась ему вполнѣ по вкусу, но теперь, послѣ того, какъ онъ прожилъ такъ полгода, доставляла ему все возрастающее удовольствіе. И дѣло его, все больше и больше занимая и втягивая его, шло прекрасно. Несмотря на огромныя деньги, которыхъ ему стоила больница, машины, выписанныя изъ Швейцаріи коровы и многое другое, онъ былъ увѣренъ, что онъ не разстраивалъ, а увеличивалъ свое состояніе. Тамъ, гдѣ дѣло шло до доходовъ, продажи лѣсовъ, хлѣба, шерсти, отдачи земель, Вронскій былъ крѣпокъ какъ кремень и умѣлъ выдерживать цѣну. Въ дѣлахъ большого хозяйства и въ этомъ и въ другихъ имѣніяхъ онъ держался самыхъ простыхъ, нерискованныхъ пріемовъ и былъ въ высшей степени бережливъ и расчетливъ на хозяйственныя мелочи. Несмотря на всю хитрость и ловкость нѣмца, втягивавшаго его въ покупки и выставлявшаго всякій расчетъ такъ, что нужно было сначала гораздо больше, но, сообразивъ, можно было сдѣлать то же и дешевле и тотчасъ же получить выгоду, Вронскій не поддавался ему. Онъ выслушивалъ управляющаго, разспрашивалъ и соглашался съ нимъ только, когда выписываемое или устраиваемое было самое новое, въ Россіи еще неизвѣстное, могущее возбудить удивленіе. Кромѣ того, онъ рѣшался на большой расходъ только тогда, когда были лишнія деньги, и, дѣлая этотъ расходъ, доходилъ до всѣхъ подробностей и настаивалъ на томъ, чтобы имѣть самое лучшее за свои деньги. Такъ что по тому, какъ онъ повелъ дѣла, было ясно, что онъ не разстроилъ, а увеличилъ свое состояніе.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ были дворянскіе выборы въ Кашинской губерніи, гдѣ были имѣнія Вронскаго, Свіяжскаго, Кознышева, Облонскаго и маленькая часть Левина.

Выборы эти, по многимъ обстоятельствамъ и лицамъ, участвовавшимъ въ нихъ, обращали на себя общественное вниманіе. О нихъ много говорили и къ нимъ готовились. Московскіе, петербургскіе и заграничные жители, никогда не бывавшіе на выборахъ, съѣхались на эти выборы.

Вронскій давно уже обѣщалъ Свіяжскому ѣхать на нихъ.

Предъ выборами Свіяжскій, часто навѣщавшій Воздвиженское заѣхалъ за Вронскимъ.

Наканунѣ еще этого дня между Вронскимъ и Анной произошла почти ссора за эту предполагаемую поѣздку. Было самое скучное, тяжелое въ деревнѣ осеннее время, и потому Вронскій, готовясь къ борьбѣ, со строгимъ и холоднымъ выраженіемъ, какъ онъ никогда прежде не говорилъ съ Анной, объявилъ ей о своемъ отъѣздѣ. Но къ его удивленію Анна при-

няла это извѣстіе очень спокойно и спросила только, когда онъ вернется. Онъ внимательно посмотрѣлъ на нее, не понимая этого спокойствія. Она улыбнулась на его взглядъ. Онъ зналъ эту способность ея уходить въ себя и зналъ, что это бываетъ только тогда, когда она на что-нибудь рѣшилась про себя, не сообщая ему своихъ плановъ. Онъ боялся этого; но ему такъ хотѣлось избѣжать сцены, что онъ сдѣлалъ видъ и отчасти искренно повѣрилъ тому, чему ему хотѣлось вѣрить — ея благоразумію.

— Надѣюсь, ты не будешь скучать?

— Надѣюсь,—сказала Анна.—Я вчера получила ящикъ книгъ отъ Готье. Нѣтъ, я не буду скучать.

«Она хочетъ взять этотъ тонъ, и тѣмъ лучше, — подумалъ онъ,—а то все одно и то же».

И, такъ и не вызвавъ ее на откровенное объясненіе, онъ уѣхалъ на выборы. Это было еще въ первый разъ съ начала, ихъ связи, что онъ разставался съ нею, не объяснившись до конца. Съ одной стороны, это безпокоило его, съ другой стороны, онъ находилъ, что это лучше. «Сначала будетъ, какъ теперь, что-то неясное, затаенное, а потомъ она привыкнетъ. Во всякомъ случаѣ я все могу отдать ей, но не свою мужскую независимость», думалъ онъ.

XXVI.

Въ сентябрѣ Левинъ переѣхалъ въ Москву для родовъ Кити. Онъ уже жилъ безъ дѣла цѣлый мѣсяцъ въ Москвѣ, когда Сергѣй Ивановичъ, имѣвшій имѣніе въ Кашинской губерніи и принимавшій большое участіе въ вопросѣ предстоящихъ выборовъ, собрался ѣхать на выборы. Онъ звалъ съ собой и брата, у котораго былъ шаръ по Селезневскому уѣзду. Кромѣ этого, у Левина было въ Кашинѣ крайне нужное для сестры его, жившей за границей, дѣло по опекѣ и по полученію денегъ выкупа.

Левинъ все еще былъ въ нерѣшительности, но Кити, видѣвшая, что онъ скучаетъ въ Москвѣ, и совѣтовавшая ему ѣхать, помимо его заказала ему дворянскій мундиръ, стоившій восемьдесятъ рублей. И эти восемьдесятъ рублей, заплаченные за мундиръ, были главною причиной, побудившей Левина ѣхать. Онъ поѣхалъ въ Кашинъ.

Левинъ былъ въ Кашинѣ уже шестой день, посѣщая каждый день собраніе и хлопоча по дѣлу сестры, которое все не ладилось. Предводители всѣ заняты были выборами, и нельзя было

добиться того самаго простого дѣла, которое зависѣло отъ опеки. Другое же дѣло — полученіе денегъ —точно такъ же встрѣчало препятствія. Послѣ долгихъ хлопотъ о снятіи запрещенія деньги были готовы къ выдачѣ; но нотаріусъ, услужливѣйшій человѣкъ, не могъ выдать талона, потому что нужна была подпись предсѣдателя, а предсѣдатель, не сдавъ должности, былъ на сессіи. Всѣ эти хлопоты, хожденіе изъ мѣста въ мѣсто, разговоры съ очень добрыми, хорошими людьми, понимающими вполнѣ непріятность положенія просителя, но не могущими пособить ему, все это напряженіе, не дающее никакихъ результатовъ, производили въ Левинѣ чувство мучительное, подобно тому досадному безсилію, которое испытываешь во снѣ, когда хочешь употребить физическую силу. Онъ испытывалъ это часто разговаривая со своимъ добродушнѣйшимъ повѣреннымъ. Этотъ повѣренный дѣлалъ, казалось, все возможное и напрягалъ всѣ свои умственныя силы, чтобы вывести Левина изъ затрудненія. «Вотъ что попробуйте,—не разъ говорилъ онъ,—съѣздите туда-то и туда-то», и повѣренный дѣлалъ цѣлый планъ, какъ обойти то роковое начало, которое мѣшало всему. Но тотчасъ же прибавлялъ: «все-таки задержатъ; однако попробуйте». И Левинъ пробовалъ, ходилъ, ѣздилъ. Всѣ были добры и любезны, но оказывалось, что обойденное вырастало опять на концѣ и опять преграждало путь. Въ особенности было обидно то, что Левинъ не могъ никакъ понять, съ кѣмъ онъ борется, кому выгода отъ того, что его дѣло не кончается. Этого, казалось, никто не зналъ; не зналъ и повѣренный. Если бъ Левинъ могъ понять, какъ онъ понималъ, почему подходить къ кассѣ на желѣзной дорогѣ нельзя иначе, какъ становясь въ рядъ, ему бы не было обидно и досадно; но въ препятствіяхъ, которыя онъ встрѣчалъ по дѣлу, никто не могъ объяснить ему, для чего они существуютъ.

Но Левинъ много измѣнился со времени своей женитьбы; онъ былъ терпѣливъ и если не понималъ, для чего все это такъ устроено, то говорилъ себѣ, что, не зная всего, онъ не можетъ судить, что, вѣроятно, такъ надобно, и старался не возмущаться.

Теперь, присутствуя на выборахъ и участвуя въ нихъ, онъ старался также не осуждать, не спорить, а сколько возможно понять то дѣло, которымъ съ такою серьезностью и увлеченіемъ занимались уважаемые имъ честные и хорошіе люди. Съ тѣхъ поръ какъ онъ женился, Левину открылось столько новыхъ, серьезныхъ сторонъ, прежде по легкомысленному къ нимъ отно-

шенію казавшихся ничтожными, что и въ дѣлѣ выборовъ онъ предполагалъ и искалъ серьезнаго значенія.

Сергѣй Ивановичъ объяснилъ ему смыслъ и значеніе предполагавшагося на выборахъ переворота. Губернскій предводитель, въ рукахъ котораго по закону находилось столько важныхъ общественныхъ дѣлъ, и опеки (тѣ самыя, отъ которыхъ страдалъ теперь Левинъ, и дворянскія огромныя суммы, и гимназіи — женская, мужская и военная, и народное образованіе по новому положенію, и наконецъ земство,—губернскій предводитель Снетковъ былъ человѣкъ стараго дворянскаго склада, прожившій огромное состояніе, добрый человѣкъ, честный въ своемъ родѣ, но совершенно не понимавшій потребности новаго времени. Онъ во всемъ всегда держалъ сторону дворянства, онъ прямо противодѣйствовалъ распространенію народнаго образованія и придавалъ земству, долженствующему имѣть такое громадное значеніе, сословный характеръ. Нужно было на его мѣсто поставить свѣжаго, современнаго, дѣльнаго человѣка, совершенно новаго и повести дѣло такъ, чтобъ извлечь изъ всѣхъ дарованныхъ дворянству, не какъ дворянству, а какъ элементу земства, правъ тѣ выгоды самоуправленія, какія только могли быть извлечены. Въ богатой Кашинской губерніи, всегда шедшей во всемъ впереди другихъ, теперь набрались такія силы, что дѣло, поведенное здѣсь какъ слѣдуетъ, могло послужить образцомъ для другихъ губерній, для всей Россіи. И потому все дѣло имѣло большое значеніе. Предводителемъ на мѣсто Снеткова предполагалось поставить или Свіяжскаго, или еще лучше Невѣдовскаго, бывшаго профессора, замѣчательно умнаго человѣка и большого пріятеля Сергѣя Ивановича.

Собраніе открылъ губернаторъ, который сказалъ рѣчь дворянамъ, чтобы они выбирали должностныхъ лицъ не по лицепріятію, а по заслугамъ и для блага отечества, и что онъ надѣется, что кашинское благородное дворянство, какъ и въ прежніе выборы, свято исполнитъ свой долгъ и оправдаетъ высокое довѣріе монарха.

Окончивъ рѣчь, губернаторъ пошелъ изъ залы, и дворяне шумно и оживленно, нѣкоторые даже восторженно, послѣдовали за нимъ и окружили его, въ то время какъ онъ надѣвалъ шубу и дружески разговаривалъ съ губернскимъ предводителемъ. Левинъ, желая во все вникнуть и ничего не пропустить, стоялъ тутъ же въ толпѣ и слышалъ, какъ губернаторъ сказалъ: «Пожалуйста, передайте Марьѣ Ивановнѣ, что жена очень сожалѣетъ, что она ѣдетъ въ пріютъ». И вслѣдъ за тѣмъ дворяне весело разобрали шубы и всѣ поѣхали въ соборъ.

Въ соборѣ Левинъ, вмѣстѣ съ другими поднимая руку и повторяя слова протопопа, клялся самыми страшными клятвами исполнять все то, на что надѣялся губернаторъ. Церковная служба всегда имѣла вліяніе на Левина, и когда онъ произносилъ слова: «цѣлую крестъ», и оглянулся на толпу этихъ молодыхъ и старыхъ людей, повторявшихъ то же самое, онъ почувствовалъ себя тронутымъ.

На второй и третій день шли дѣла о суммахъ дворянскихъ и о женской гимназіи, не имѣвшія, какъ объяснилъ Сергѣй Ивановичъ, никакой важности, и Левинъ, занятый своимъ хожденіемъ по дѣламъ, не слѣдилъ за ними. На четвертый день за губернскимъ столомъ шла повѣрка губернскихъ суммъ. И тутъ въ первый разъ произошло столкновеніе новой партіи со старою. Комиссія, которой поручено было повѣрить суммы, доложила собранію, что суммы были всѣ въ цѣлости. Губернскій предводитель всталъ, благодаря дворянство за довѣріе и прослезился. Дворяне громко привѣтствовали его и жали ему руку. Но въ это время одинъ дворянинъ изъ партіи Сергѣя Ивановича сказалъ, что онъ слышалъ, что комиссія не повѣряла суммы, считая повѣрку оскорбленіемъ губернскому предводителю. Одинъ изъ членовъ комиссіи неосторожно подтвердилъ это. Тогда одинъ маленькій, очень молодой на видъ, но очень ядовитый господинъ сталъ говорить, что губернскому предводителю, вѣроятно, было бы пріятно дать отчетъ въ суммахъ и что излишняя деликатность членовъ комиссіи лишаетъ его этого нравственнаго удовлетворенія. Тогда члены комиссіи отказались отъ своего заявленія, и Сергѣй Ивановичъ началъ логически доказывать, что надо или признать, что суммы ими повѣрены или не повѣрены, и подробно развилъ эту дилемму. Сергѣю Ивановичу возражалъ говорунъ противной партіи. Потомъ говорилъ Свіяжскій и опять ядовитый господинъ. Пренія шли долго и ничѣмъ не кончились. Левинъ былъ удивленъ, что объ этомъ такъ долго спорили, въ особенности потому, что, когда онъ спросилъ у Сергѣя Ивановича, предполагаетъ ли онъ, что суммы растрачены, Сергѣй Ивановичъ отвѣчалъ:

— О, нѣтъ! Онъ честный человѣкъ.—Но этотъ старинный пріемъ отеческаго семейнаго управленія дворянскими дѣлами надо было поколебать.

На пятый день были выборы уѣздныхъ предводителей. Этотъ день былъ довольно бурный въ нѣкоторыхъ уѣздахъ. Въ Селезневскомъ уѣздѣ Свіяжскій былъ выбранъ безъ баллотированія единогласно, и у него былъ въ этотъ день обѣдъ.

XXVII.

На шестой день были назначены губернскіе выборы. Залы большія и малыя были полны дворянъ въ разныхъ мундирахъ. Многіе пріѣхали только къ этому дню. Давно невидавшіеся знакомые, кто изъ Крыма, кто изъ Петербурга, кто изъ-за границы, встрѣчались въ залахъ. У губернскаго стола, подъ портретомъ государя, шли пренія.

Дворяне и въ большой, и въ малой залѣ группировались лагерями, и по враждебности и недовѣрчивости взглядовъ, по замолкавшему при приближеніи чуждыхъ лицъ говору, по тому, что нѣкоторые, шепчась, уходили даже въ дальній коридоръ, было видно, что каждая сторона имѣла тайны отъ другой. По наружному виду дворяне рѣзко раздѣлялись на два сорта: на старыхъ и новыхъ. Старые были большею частью или въ дворянскихъ старыхъ застегнутыхъ мундирахъ, со шпагами и шляпами, или въ своихъ особенныхъ, флотскихъ, кавалерійскихъ, пѣхотныхъ, выслуженныхъ мундирахъ. Мундиры старыхъ дворянъ были сшиты по-старинному, съ буфочками на плечахъ; они были очевидно малы, коротки въ таліяхъ и узки, какъ будто носители ихъ выросли изъ нихъ. Молодые же были въ дворянскихъ разстегнутыхъ мундирахъ съ низкими таліями и широкихъ въ плечахъ, съ бѣлыми жилетами, или въ мундирахъ съ черными воротниками и лаврами, шитьемъ министерства юстиціи. Къ молодымъ же принадлежали придворные мундиры, кое-гдѣ украшавшіе толпу.

Но дѣленіе на молодыхъ и старыхъ не совпадало съ дѣленіемъ партій. Нѣкоторые изъ молодыхъ, по наблюденіямъ Левина, принадлежали къ старой партіи, и нѣкоторые, напротивъ, самые старые дворяне шептались со Свіяжскимъ и очевидно были горячими сторонниками новой партіи.

Левинъ стоялъ въ маленькой залѣ, гдѣ курили и закусывали, подлѣ группы своихъ, прислушиваясь къ тому, что говорили, и тщетно напрягая свои умственныя силы, чтобы понять, что говорилось. Сергѣй Ивановичъ былъ центромъ, около котораго группировались другіе. Онъ теперь слушалъ Свіяжскаго и Хлюстова, предводителя другого уѣзда, принадлежащаго къ ихъ партіи. Хлюстовъ не соглашался идти со своимъ уѣздомъ просить Снеткова баллотироваться, а Свіяжскій уговаривалъ его сдѣлать это, и Сергѣй Ивановичъ одобрялъ этотъ планъ. Левинъ не понималъ, зачѣмъ было враждебной партіи просить

баллотироваться того предводителя, котораго они хотѣли забаллотировать.

Степанъ Аркадьевичъ, только что закусившій и выпившій, обтирая душистымъ батистовымъ съ каемками платкомъ ротъ, подошелъ къ нимъ въ своемъ камергерскомъ мундирѣ.

— Занимаемъ позицію,—сказалъ онъ, расправляя обѣ бакенбарды,—Сергѣй Ивановичъ!

И, прислушавшись къ разговору, онъ подтвердилъ мнѣніе Свіяжскаго.

— Довольно одного уѣзда, а Свіяжскій уже очевидно оппозиція, — сказалъ онъ всѣмъ, кромѣ Левина, понятныя слова.

— Что, Костя, и ты вошелъ, кажется, во вкусъ?—прибавилъ онъ, обращаясь къ Левину, и взялъ его подъ руку. Левинъ и радъ былъ бы войти во вкусъ, но не могъ понять, въ чемъ дѣло, и, отойдя нѣсколько шаговъ отъ говорившихъ, выразилъ Степану Аркадьевичу свое недоумѣніе, зачѣмъ было просить губернскаго предводителя.

— O sancta simplicitas! — сказалъ Степанъ Аркадьевичъ и кратко и ясно растолковалъ Левину, въ чемъ дѣло.

Если бы, какъ въ прошлые выборы, всѣ уѣзды просили губернскаго предводителя, то его выбрали бы всѣми бѣлыми. Этого не нужно было. Теперь же восемь уѣздовъ согласны просить; если же два откажутся просить, то Снетковъ можетъ отказаться отъ баллотировки. И тогда старая партія можетъ выбрать другого изъ своихъ, такъ какъ расчетъ весь будетъ потерянъ. Но если только одинъ уѣздъ Свіяжскаго не будетъ просить, Снетковъ будетъ баллотироваться. Его даже выберутъ и нарочно переложатъ ему, такъ что противная партія собьется со счета и, когда выставятъ кандидата изъ нашихъ, они же ему переложатъ. Левинъ понялъ, но не совсѣмъ, и хотѣлъ еще сдѣлать нѣсколько вопросовъ, какъ вдругъ всѣ заговорили, зашумѣли и двинулись въ большую залу.

— Что такое? что? кого?—Довѣренность? кому? что?—Опровергаютъ?—Не довѣренность.—Флерова не допускаютъ.—Что же, что подъ судомъ?—Этакъ никого не допустятъ. Это подло.—Законъ!—слышалъ Левинъ съ разныхъ сторонъ и вмѣстѣ со всѣми, торопившимися куда-то и боявшимися что-то пропустить, направился въ большую залу и, тѣснимый дворянами, приблизился къ губернскому столу, у котораго что-то горячо спорили губернскій предводитель, Свіяжскій и другіе коноводы.

XXVIII.

Левинъ стоялъ довольно далеко. Тяжело, съ хрипомъ дышавшій подлѣ него одинъ дворянинъ и другой, скрипѣвшій толстыми подошвами, мѣшали ему ясно слышать. Онъ издалека слышалъ только мягкій голосъ предводителя, потомъ визгливый голосъ ядовитаго дворянина и потомъ голосъ Свіяжскаго. Они спорили, сколько онъ могъ понять, о значеніи статьи закона и о значеніи словъ: *находившагося подъ слѣдствіемъ.*

Толпа раздалась, чтобы дать дорогу подходившему къ столу Сергѣю Ивановичу. Сергѣй Ивановичъ, выждавъ окончанія рѣчи ядовитаго дворянина, сказалъ, что ему кажется, что вѣрнѣе всего было бы справиться со статьей закона, и попросилъ секретаря найти статью. Въ статьѣ было сказано, что въ случаѣ разногласія надо баллотировать.

Сергѣй Ивановичъ прочелъ статью и сталъ объяснять ея значеніе, но тутъ одинъ высокій, толстый, сутуловатый, съ крашеными усами, въ узкомъ мундирѣ съ подпиравшимъ ему сзади шею воротникомъ помѣщикъ перебилъ его. Онъ подошелъ къ столу и, ударивъ по немъ перстнемъ, громко закричалъ:

— Баллотировать! На шары! Нечего разговаривать! На шары!

Тутъ вдругъ заговорило нѣсколько голосовъ, и высокій дворянинъ съ перстнемъ, все болѣе и болѣе озлобляясь, кричалъ громче и громче. Но нельзя было разобрать, что онъ говорилъ.

Онъ говорилъ то самое, что предлагалъ Сергѣй Ивановичъ; но очевидно онъ ненавидѣлъ его и всю его партію, и это чувство ненависти сообщилось всей партіи и вызвало отпоръ такого же, хотя и болѣе приличнаго озлобленія съ другой стороны. Поднялись крики, и на минуту все смѣшалось, такъ что губернскій предводитель долженъ былъ просить о порядкѣ.

— Баллотировать, баллотировать! Кто дворянинъ, тотъ понимаетъ.—Мы кровь проливаемъ... Довѣріе монарха... Не считать предводителя, онъ не приказчикъ... Да не въ томъ дѣло... Позвольте на шары! Гадость...—слышались озлобленные, неистовые крики со всѣхъ сторонъ. Взгляды и лица были еще озлобленнѣе и неистовѣе рѣчи. Они выражали непримиримую ненависть. Левинъ совершенно не понималъ, въ чемъ было дѣло, и удивлялся той страстности, съ которою разбирался вопросъ о томъ, баллотировать или не баллотировать мнѣніе о Флеровѣ. Онъ забывалъ, какъ ему потомъ разъяснилъ Сергѣй Ивановичъ, тотъ силлогизмъ, что для общаго блага нужно было свергнуть

губернскаго предводителя; для сверженія же предводителя нужно было большинство шаровъ; для большинства же шаровъ нужно было дать Флерову право голоса; для признанія же Флерова способнымъ надо было объяснить, какъ понимать статью закона.

— А одинъ голосъ можетъ рѣшить все дѣло, и надо быть серьезнымъ и послѣдовательнымъ, если хочешь служить общественному дѣлу, — заключилъ Сергѣй Ивановичъ. Но Левинъ забылъ это, и ему было тяжело видѣть этихъ уважаемыхъ имъ хорошихъ людей въ такомъ непріятномъ, зломъ возбужденіи. Чтобъ избавиться отъ этого тяжелаго чувства, онъ, не дождавшись конца преній, ушелъ въ залу, гдѣ никого не было, кромѣ лакеевъ около буфетовъ. Увидавъ хлопотавшихъ лакеевъ надъ перетиркой посуды и разстановкой тарелокъ и рюмокъ, увидавъ ихъ спокойныя, оживленныя лица, Левинъ испыталъ неожиданное чувство облегченія, точно изъ смрадной комнаты онъ вышелъ на чистый воздухъ. Онъ сталъ ходить взадъ и впередъ, съ удовольствіемъ глядя на лакеевъ. Ему очень понравилось, какъ одинъ лакей съ сѣдыми бакенбардами, выказывая презрѣніе къ другимъ, молодымъ, которые надъ нимъ подтрунивали, училъ ихъ, какъ надо складывать салфетки. Левинъ только что собирался вступить въ разговоръ со старымъ лакеемъ, какъ секретарь дворянской опеки, старичокъ, имѣвшій спеціальность знать всѣхъ дворянъ губерніи по имени и отчеству, развлекъ его.

— Пожалуйте, Константинъ Дмитричъ, — сказалъ онъ ему,— васъ братецъ ищутъ. Баллотируется мнѣніе.

Левинъ вошелъ въ залу, получилъ бѣленькій шарикъ и вслѣдъ за братомъ Сергѣемъ Ивановичемъ подошелъ къ столу, у котораго стоялъ съ значительнымъ и ироническимъ лицомъ, собирая въ кулакъ бороду и нюхая ее, Свіяжскій. Сергѣй Ивановичъ положилъ руку въ ящикъ, положилъ куда-то свой шаръ и, давъ мѣсто Левину, остановился тутъ же. Левинъ подошелъ, но, совершенно забывъ, въ чемъ дѣло, и смутившись, обратился къ Сергѣю Ивановичу съ вопросомъ: «куда класть?» Онъ спросилъ тихо, въ то время какъ вблизи говорили, такъ что онъ надѣялся, что его вопросъ не услышатъ. Но говорившіе замолкли, и неприличный вопросъ его былъ услышанъ. Сергѣй Ивановичъ нахмурился.

— Это дѣло убѣжденія каждаго, — сказалъ онъ строго.

Нѣкоторые улыбнулись. Левинъ покраснѣлъ, поспѣшно сунулъ подъ сукно руку и положилъ направо, такъ какъ шаръ былъ въ правой рукѣ. Положивъ, онъ вспомнилъ, что надо

было засунуть и лѣвую руку, и засунулъ ее, но уже поздно, и, еще болѣе сконфузившись, поскорѣе ушелъ въ самые задніе ряды.

— Сто двадцать шесть избирательныхъ! Девяносто восемь неизбирательныхъ! — прозвучалъ невыговаривающій букву *р* голосъ секретаря. Потомъ послышался смѣхъ: пуговица и два орѣха нашлись въ ящикѣ. Дворянинъ былъ допущенъ, и новая партія побѣдила.

Но старая партія не считала себя побѣжденною. Левинъ услыхалъ, что Снеткова просятъ баллотироваться, и увидалъ, что толпа дворянъ окружала губернскаго предводителя, который говорилъ что-то. Левинъ подошелъ ближе. Отвѣчая дворянамъ, Снетковъ говорилъ о довѣріи дворянства, о любви къ нему, которой онъ не стоитъ, ибо вся заслуга его состоитъ въ преданности дворянству, которому онъ посвятилъ двѣнадцать лѣтъ службы. Нѣсколько разъ онъ повторялъ слова: «служилъ, сколько было силъ, вѣрой и правдой, цѣню и благодарю», и вдругъ остановился отъ душившихъ его слезъ и вышелъ изъ залы. Происходили ли эти слезы отъ сознанія несправедливости къ нему, отъ любви къ дворянству, или отъ натянутости положенія, въ которомъ онъ находился, чувствуя себя окруженнымъ врагами, но волненіе сообщилось, большинство дворянъ было тронуто, и Левинъ почувствовалъ нѣжность къ Снеткову.

Въ дверяхъ губернскій предводитель столкнулся съ Левинымъ.

— Виноватъ, извините пожалуйста, — сказалъ онъ, какъ незнакомому; но, узнавъ Левина, робко улыбнулся. Левину показалось, что онъ хотѣлъ сказать что-то, но не могъ отъ волненія. Выраженіе его лица и всей фигуры въ мундирѣ, крестахъ и бѣлыхъ съ галунами панталонахъ, какъ онъ торопливо шелъ, напомнило Левину травимаго звѣря, который видитъ, что дѣло его плохо. Это выраженіе въ лицѣ предводителя было особенно трогательно Левину, потому что вчера только онъ по дѣлу опеки былъ у него дома и видѣлъ его во всемъ величіи добраго и семейнаго человѣка. Большой домъ со старою семейною мебелью; нещеголеватые, грязноватые, но почтительные старые лакеи, очевидно еще изъ прежнихъ крѣпостныхъ, не перемѣнившіе хозяина; толстая, добродушная жена въ чепчикѣ съ кружевами и турецкой шали, ласкавшая хорошенькую внучку, дочь дочери; молодчикъ сынъ, гимназистъ шестого класса, пріѣхавшій изъ гимназіи и, здороваясь съ отцомъ, поцѣловавшій его большую руку; внушительныя, ласковыя рѣчи и жесты хозяина,— все это вчера возбудило въ Левинѣ невольное уваженіе и со-

чувствіе. Левину трогателенъ и жалокъ былъ теперь этотъ старикъ, и ему хотѣлось сказать ему что-нибудь пріятное.

— Стало-быть, вы опять нашъ предводитель, — сказалъ онъ.

— Едва ли, — испуганно оглянувшись, сказалъ предводитель. — Я усталъ, ужъ старъ. Есть достойнѣе и моложе меня, пусть послужатъ.

И предводитель скрылся въ боковую дверь.

Наступила самая торжественная минута. Тотчасъ надо было приступить къ выборамъ. Коноводы той и другой партіи по пальцамъ высчитывали бѣлые и черные.

Пренія о Флеровѣ дали новой партіи не только одинъ шаръ Флерова, но еще и выигрышъ времени, такъ что могли быть привезены три дворянина, кознями старой партіи лишенные возможности участвовать въ выборахъ. Двухъ дворянъ, имѣвшихъ слабость къ вину, напоили пьяными клевреты Снеткова, а у третьяго увезли мундирную одежду.

Узнавъ объ этомъ, новая партія успѣла во время преній о Флеровѣ послать на извозчикѣ своихъ обмундировать дворянина и изъ двухъ напоенныхъ привезти одного въ собраніе.

— Одного привезъ, водой отлилъ, — проговорилъ ѣздившій за нимъ помѣщикъ, подходя къ Свіяжскому. — Ничего, годится.

— Не очень пьянъ, не упадетъ? — покачивая головой, сказалъ Свіяжскій.

— Нѣтъ, молодцомъ. Только бы тутъ не подпоили... Я сказалъ буфетчику, чтобы не давалъ ни подъ какимъ видомъ.

XXIX.

Узкая зала, въ которой курили и закусывали, была полна дворянами. Волненіе все увеличивалось, и на всѣхъ лицахъ было замѣтно безпокойство. Въ особенности сильно волновались коноводы, знающіе всѣ подробности и счетъ всѣхъ шаровъ. Это были распорядители предстоящаго сраженія. Остальные же, какъ рядовые предъ сраженіемъ, хотя и готовились къ бою, но покамѣстъ искали развлеченій. Одни закусывали стоя или присѣвъ къ столу; другіе ходили, куря папиросы, взадъ и впередъ по длинной комнатѣ и разговаривали съ давно невидѣнными пріятелями.

Левину не хотѣлось ѣсть, онъ не курилъ; сходиться со своими, то-есть съ Сергѣемъ Ивановичемъ, Степаномъ Аркадьевичемъ, Свіяжскимъ и другими, не хотѣлъ, потому что съ ними вмѣстѣ въ оживленной бесѣдѣ стоялъ Вронскій въ шталмей-

стерскомъ мундирѣ. Еще вчера Левинъ увидалъ его на выборахъ и старательно обходилъ, не желая съ нимъ встрѣтиться. Онъ подошелъ къ окну и сѣлъ, оглядывая группы и прислушиваясь къ тому, что говорилось вокругъ него. Ему было грустно въ особенности потому, что всѣ, какъ онъ видѣлъ, были оживлены, озабочены и заняты, и лишь онъ одинъ со старымъ-старымъ, беззубымъ старичкомъ во флотскомъ мундирѣ, шамкавшимъ губами, присѣвшимъ около него, былъ безъ интереса и безъ дѣла.

— Это такая шельма! Я ему говорилъ, такъ нѣтъ. Какъ же! Онъ въ три года не могъ собрать, — энергически говорилъ сутуловатый, невысокій помѣщикъ съ напомаженными волосами, лежавшими на вышитомъ воротникѣ его мундира, стуча крѣпко каблуками новыхъ, очевидно для выборовъ надѣтыхъ, сапогъ. И помѣщикъ, кинувъ недовольный взглядъ на Левина, круто повернулся.

— Да, нечистое дѣло, что и говорить, — проговорилъ тоненькимъ голосомъ маленькій помѣщикъ.

Вслѣдъ за этими цѣлая толпа помѣщиковъ, окружавшая толстаго генерала, поспѣшно приблизилась къ Левину. Помѣщики очевидно искали мѣста переговорить такъ, чтобъ ихъ не слышали.

— Какъ онъ смѣетъ говорить, что я велѣлъ украсть у него брюки! Онъ ихъ пропилъ, я думаю. Мнѣ плевать на него съ его княжествомъ. Онъ не смѣетъ говорить, это свинство!

— Да вѣдь позвольте! Они на статьѣ основываются, — говорили въ другой группѣ, — жена должна быть записана дворянкой.

— А чорта мнѣ въ статьѣ! Я говорю по душѣ. На то благородные дворяне. Имѣй довѣріе.

— Ваше превосходительство, пойдемъ fine champagne.

Другая толпа слѣдомъ ходила за что-то громко кричавшимъ дворяниномъ; это былъ одинъ изъ трехъ напоенныхъ.

— Я Марьѣ Семеновнѣ всегда совѣтовалъ сдать въ аренду, потому что она не выгадаетъ, — пріятнымъ голосомъ говорилъ помѣщикъ съ сѣдыми усами, въ полковничьемъ мундирѣ стараго генеральнаго штаба. Это былъ тотъ самый помѣщикъ, котораго Левинъ встрѣтилъ у Свіяжскаго. Онъ тотчасъ узналъ его. Помѣщикъ тоже приглядѣлся къ Левину, и они поздоровались.

— Очень пріятно. Какъ же! Очень хорошо помню. Въ прошломъ году у Николая Ивановича, предводителя.

— Ну, какъ идетъ ваше хозяйство? — спросилъ Левинъ.

— Да все такъ же, въ убытокъ, — съ покорною улыбкой, но съ выраженіемъ спокойствія и убѣжденія, что это такъ и надо, отвѣчалъ помѣщикъ, останавливаясь подлѣ. — А вы какъ же въ нашу губернію попали? — спросилъ онъ. — Пріѣхали принять участіе въ нашемъ coup d'état? — сказалъ онъ, твердо, но дурно выговаривая французскія слова.

— Вся Россія съѣхалась: и камергеры, и чуть не министры.— Онъ указалъ на представительную фигуру Степана Аркадьевича въ бѣлыхъ панталонахъ и камергерскомъ мундирѣ, ходившаго съ генераломъ.

— Я долженъ вамъ признаться, что я очень плохо понимаю значеніе дворянскихъ выборовъ, — сказалъ Левинъ.

Помѣщикъ посмотрѣлъ на него.

— Да что жъ тутъ понимать? Значенія нѣтъ никакого. Упавшее учрежденіе, продолжающее свое движеніе только по силѣ инерціи. Посмотрите мундиры — и эти говорятъ вамъ: это собраніе мировыхъ судей, непремѣнныхъ членовъ и такъ далѣе, а не дворянъ.

— Такъ зачѣмъ же вы ѣздите? — спросилъ Левинъ.

— По привычкѣ, одно. Потомъ, связи нужно поддержать. Нравственная обязанность въ нѣкоторомъ родѣ. А потомъ, если правду сказать, есть свой интересъ. Зять желаетъ баллотироваться въ непремѣнные члены; они люди небогатые, и нужно провести его. Вотъ эти господа зачѣмъ ѣздятъ?—сказалъ онъ, указывая на того ядовитаго господина, который говорилъ за губернскимъ столомъ.

— Это новое поколѣніе дворянства.

— Новое-то новое. Но не дворянство. Это землевладѣльцы, а мы помѣщики. Они, какъ дворяне, налагаютъ сами на себя руки.

— Да вѣдь вы говорите, что это отжившее учрежденіе.

— Отжившее-то отжившее, а все бы съ нимъ надо обращаться поуважительнѣе. Хоть бы Снетковъ... Хороши мы, нѣтъ ли, мы тысячи лѣтъ росли. Знаете, придется если намъ предъ домомъ разводить садикъ, планировать, и растетъ у васъ на этомъ мѣстѣ столѣтнее дерево... Оно, хотя и корявое, и старое, а все вы для клумбочекъ цвѣточныхъ не срубите старика, а такъ клумбочки распланируете, чтобы воспользоваться деревомъ. Его въ годъ не вырастишь, — сказалъ онъ осторожно и тотчасъ же перемѣнилъ разговоръ. — Ну, а ваше хозяйство какъ?

— Да нехорошо. Процентовъ пять.

— Да, но вы себя не считаете. Вы тоже вѣдь чего-нибудь стоите? Вотъ я про себя скажу. Я до тѣхъ поръ, пока не хозяй-

ничалъ, получалъ на службѣ три тысячи. Теперь я работаю больше, чѣмъ на службѣ, и такъ же, какъ вы, получаю пять процентовъ, и то дай Богъ. А свои труды задаромъ.

— Такъ зачѣмъ же вы это дѣлаете? Если прямой убытокъ?

— А вотъ дѣлаешь! Что прикажете? Привычка, и знаешь, что такъ надо. Больше вамъ скажу, — облакачиваясь объ окно и разговорившись, продолжалъ помѣщикъ: — сынъ не имѣетъ никакой охоты къ хозяйству. Очевидно, ученый будетъ. Такъ что некому будетъ продолжать. А все дѣлаешь. Вотъ нынче садъ насадилъ.

— Да, да, — сказалъ Левинъ, — это совершенно справедливо. Я всегда чувствую, что нѣтъ настоящаго расчета въ моемъ хозяйствѣ, а дѣлаешь... Какую-то обязанность чувствуешь къ землѣ.

— Да вотъ я вамъ скажу,— продолжалъ помѣщикъ. — Сосѣдъ купецъ былъ у меня. Мы прошлись по хозяйству, по саду. «Нѣтъ, говоритъ, Степанъ Васильевичъ, все у васъ въ порядкѣ идетъ, но садикъ въ забросѣ». А онъ у меня въ порядкѣ. «На мой разумъ, я бы эту липу срубилъ. Только въ сокъ надо. Вѣдь ихъ тысяча липъ, изъ каждой два хорошихъ лубка выйдетъ. А нынче лубокъ въ цѣнѣ, иструбовъ бы липовенькихъ нарубилъ».

— А на эти деньги онъ бы накупилъ скота или землицу купилъ бы за безцѣнокъ и мужикамъ роздалъ бы внаймы, — съ улыбкой докончилъ Левинъ, очевидно не разъ уже сталкивавшійся съ подобными расчетами. — И онъ составитъ себѣ состояніе. А вы и я —только дай Богъ намъ свое удержать и дѣтямъ оставить.

— Вы женаты, я слышалъ? — сказалъ помѣщикъ.

— Да, — съ гордымъ удовольствіемъ отвѣчалъ Левинъ. — Да, это что-то странно, — продолжалъ онъ. — Такъ мы безъ расчета и живемъ, точно приставлены мы, какъ весталки древнія, блюсти огонь какой-то.

Помѣщикъ усмѣхнулся подъ бѣлыми усами.

— Есть изъ насъ тоже, вотъ хоть бы нашъ пріятель Николай Иванычъ или теперь графъ Вронскій поселился, тѣ хотятъ промышленность агрономическую вести; но это до сихъ поръ, кромѣ какъ капиталъ убить, ни къ чему не ведетъ.

— Но для чего же мы не дѣлаемъ какъ купцы? На лубокъ не срубаемъ садъ? — возвращаясь къ поразившей его мысли, сказалъ Левинъ.

— Да вотъ, какъ вы сказали, огонь блюсти. А то не дворянское дѣло. И дворянское дѣло наше дѣлается не здѣсь, на

выборахъ, а тамъ, въ своемъ углу. Есть тоже свой сословный инстинктъ, что должно или не должно. Вотъ мужики тоже, посмотрю на нихъ другой разъ: какъ хорошій мужикъ, такъ хватаетъ земли нанять сколько можетъ. Какая ни будь плохая земля, все пашетъ. Тоже безъ расчета. Прямо въ убытокъ.

— Такъ и мы, — сказалъ Левинъ. — Очень, очень пріятно было встрѣтиться, — прибавилъ онъ, увидавъ подходившаго къ нему Свіяжскаго.

— А мы вотъ встрѣтились въ первый разъ послѣ какъ у васъ,— сказалъ помѣщикъ, — да и заговорились.

— Что жъ, побранили новые порядки? — съ улыбкой сказалъ Свіяжскій.

— Не безъ того.

— Душу отводили.

XXX.

Свіяжскій взялъ подъ руку Левина и пошелъ съ нимъ къ своимъ

Теперь ужъ нельзя было миновать Вронскаго. Онъ стоялъ со Степаномъ Аркадьевичемъ и Сергѣемъ Ивановичемъ и смотрѣлъ прямо на подходившаго Левина.

— Очень радъ. Кажется, я имѣлъ удовольствіе встрѣтить... у княгини Щербацкой,—сказалъ онъ, подавая руку Левину.

— Да, я очень помню нашу встрѣчу,—сказалъ Левинъ и, багрово покраснѣвъ, тотчасъ же отвернулся и заговорилъ съ братомъ.

Слегка улыбнувшись, Вронскій продолжалъ говорить со Свіяжскимъ, очевидно не имѣя никакого желанія вступить въ разговоръ съ Левинымъ; но Левинъ, говоря съ братомъ, безпрестанно оглядывался на Вронскаго, придумывая, о чемъ бы заговорить съ нимъ, чтобы загладить свою грубость.

— Зачѣмъ же теперь дѣло?—спросилъ Левинъ, оглядываясь на Свіяжскаго и Вронскаго.

— За Снетковымъ. Надо, чтобъ онъ отказался или согласился, — отвѣчалъ Свіяжскій.

— Да что же онъ, согласился или нѣтъ?

— Въ томъ-то и дѣло, что ни то, ни се,— сказалъ Вронскій.

— А если откажется, кто же будетъ баллотироваться?—спросилъ Левинъ, поглядывая на Вронскаго.

— Кто хочетъ, — сказалъ Свіяжскій.

— Вы будете? — спросилъ Левинъ.

—Только не я, ему— утившись и бросивъ испуганный взглядъ на стоявшаго подлѣ съ Сергѣемъ Ивановичемъ ядовитаго господина, сказалъ Свіяжскій.

— Такъ кто же? Невѣдовскій? — сказалъ Левинъ, чувствуя, что онъ запутался.

Но это было еще хуже. Невѣдовскій и Свіяжскій были два кандидата.

— Ужъ я-то ни въ какомъ случаѣ, — отвѣтилъ ядовитый господинъ.

Это былъ самъ Невѣдовскій. Свіяжскій познакомилъ съ нимъ Левина.

— Что, и тебя забрало за живое?—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, подмигивая Вронскому.—Это въ родѣ скачекъ. Пари можно.

— Да, это забираетъ за живое, — сказалъ Вронскій. — И, разъ взявшись за дѣло, хочется его сдѣлать. Борьба! — сказалъ онъ, нахмурившись и сжавъ свои сильныя скулы.

— Что за дѣлецъ Свіяжскій! Такъ ясно у него все.

— О, да, — разсѣянно сказалъ Вронскій.

Наступило молчаніе, во время котораго Вронскій — такъ какъ надо же смотрѣть на что-нибудь — посмотрѣлъ на Левина, на его ноги, на его мундиръ, потомъ на его лицо и, замѣтивъ мрачные, направленные на себя глаза, чтобы сказать что-нибудь, сказалъ:

— А какъ это вы — постоянный деревенскій житель и не мировой судья? Вы не въ мундирѣ мирового судьи.

— Оттого, что я считаю, что мировой судъ есть дурацкое учрежденіе, — отвѣчалъ мрачно Левинъ, все время ждавшій случая разговориться съ Вронскимъ, чтобы загладить свою грубость при первой встрѣчѣ.

— Я этого не полагаю, напротивъ, — со спокойнымъ удивленіемъ сказалъ Вронскій.

— Это игрушка, — перебилъ его Левинъ. — Мировые судьи намъ не нужны. Я въ восемь лѣтъ не имѣлъ ни одного дѣла. А какое имѣлъ, то было рѣшено навыворотъ. Мировой судья отъ меня въ сорока верстахъ. Я долженъ о дѣлѣ, которое стоитъ два рубля, посылать повѣреннаго, который стоитъ пятнадцать.

И онъ разсказалъ, какъ мужикъ укралъ у мельника муку, и когда мельникъ сказалъ ему это, то мужикъ подалъ искъ въ клеветѣ. Все это было некстати и глупо, и Левинъ въ то время, какъ говорилъ, самъ чувствовалъ это.

— О, это такой оригиналъ! — сказалъ Степанъ Аркадьевичъ со своею самою миндальною улыбкой. — Пойдемте однако; кажется, баллотируютъ...

И они разошлись.

— Я не понимаю,—сказалъ Сергѣй Ивановичъ, замѣтившій неловкую выходку брата, — я не понимаю, какъ можно быть до такой степени лишеннымъ всякаго политическаго такта. Вотъ чего мы, русскіе, не имѣемъ. Губернскій предводитель — нашъ противникъ, ты съ нимъ ami cochon и просишь его баллотироваться. А графъ Вронскій... я друга себѣ изъ него не сдѣлаю; онъ звалъ обѣдать, я не поѣду къ нему, но онъ нашъ, зачѣмъ же дѣлать изъ него врага? Потомъ, ты спрашиваешь Невѣдовскаго, будетъ ли онъ баллотироваться. Это не дѣлается.

— Ахъ, я ничего не понимаю! И все это пустяки, — мрачно отвѣчалъ Левинъ.

— Вотъ ты говоришь, что все это пустяки, а возьмешься, такъ все путаешь.

Левинъ замолчалъ, и они вмѣстѣ вошли въ большую залу.

Губернскій предводитель, несмотря на то, что онъ чувствовалъ въ воздухѣ приготовляемый ему подлогъ, и несмотря на то, что не всѣ просили его, все-таки рѣшился баллотироваться. Все въ залѣ замолкло, секретарь громогласно объявилъ, что баллотируется въ губернскіе предводители ротмистръ гвардіи Михаилъ Степановичъ Снетковъ.

Уѣздные предводители заходили съ тарелочками, въ которыхъ были шары, отъ своихъ столовъ къ губернскому, и начались выборы.

— Направо клади, — шепнулъ Степанъ Аркадьевичъ Левину, когда онъ вмѣстѣ съ братомъ вслѣдъ за предводителемъ подошелъ къ столу. Но Левинъ забылъ теперь тотъ расчетъ, который объясняли ему, и боялся, не ошибся ли Степанъ Аркадьевичъ, сказавъ: «направо». Вѣдь Снетковъ былъ врагъ. Подойдя къ ящику, онъ держалъ шаръ въ правой, но подумавъ, что ошибся, предъ самымъ ящикомъ переложилъ шаръ въ лѣвую руку и, очевидно, потомъ положилъ налѣво. Знатокъ дѣла, стоявшій у ящика, по одному движенію локтя узнавшій, кто куда положитъ, недовольно поморщился. Ему не на чемъ было упражнять свою проницательность.

Все замолкло и послышался счетъ шаровъ. Потомъ одинокій голосъ провозгласилъ число избирательныхъ и неизбирательныхъ.

Предводитель былъ выбранъ значительнымъ большинствомъ. Все зашумѣло и стремительно бросилось къ двери. Снетковъ вошелъ, и дворянство окружило его, поздравляя.

— Ну, теперь кончено? — спросилъ Левинъ у Сергѣя Ивановича.

— Только начинается, — улыбаясь сказалъ за Сергѣя Ивановича Свіяжскій. — Кандидатъ предводителя можетъ получить больше шаровъ.

Левинъ совсѣмъ опять забылъ про это. Онъ вспомнилъ только теперь, что тутъ была какая-то тонкость, но ему скучно было вспоминать, въ чемъ она состояла. На него нашло уныніе, и захотѣлось выбраться изъ этой толпы.

Такъ какъ никто не обращалъ на него вниманія, и онъ, казалось, никому не былъ нуженъ, онъ потихоньку направился въ маленькую залу, гдѣ закусывали, и почувствовалъ большое облегченіе, опять увидавъ лакеевъ. Старичокъ-лакей предложилъ ему покушать, и Левинъ согласился. Съѣвъ котлетку съ фасолью и поговоривъ съ лакеемъ о прежнихъ господахъ, Левинъ, не желая входить въ залу, гдѣ ему было такъ непріятно, пошелъ пройтись на хоры.

Хоры были полны нарядныхъ дамъ, перегибавшихся черезъ перила и старавшихся не проронить ни одного слова изъ того, что говорилось внизу. Около дамъ сидѣли и стояли элегантные адвокаты, учителя гимназіи въ очкахъ и офицеры. Вездѣ говорилось о выборахъ и о томъ, какъ измучился предводитель и какъ хороши были препія; въ одной группѣ Левинъ слышалъ похвалу своему брату. Одна дама говорила адвокату:

— Какъ я рада, что слышала Кознышева! Это стоитъ, чтобы поголодать. Прелесть! Какъ ясно и слышно все! Вотъ у васъ въ судѣ никто такъ не говоритъ. Только одинъ Майдель, и то онъ далеко не такъ краснорѣчивъ.

Найдя свободное мѣсто у перилъ, Левинъ перегнулся и сталъ смотрѣть и слушать.

Всѣ дворяне сидѣли за перегородочками въ своихъ уѣздахъ. Посрединѣ залы стоялъ человѣкъ въ мундирѣ и тонкимъ, громкимъ голосомъ провозглашалъ:

— Баллотируется въ кандидаты губернскаго предводителя дворянства штабъ-ротмистръ Евгеній Ивановичъ Апухтинъ! — Наступило мертвое молчаніе, и послышался одинъ слабый старческій голосъ:

— Отказался!

— Баллотируется надворный совѣтникъ Петръ Петровичъ Боль, — начиналъ опять голосъ.

— Отказался! — раздавался молодой визгливый голосъ. Опять начиналось то же, и опять «отказался». Такъ продолжалось около часа. Левинъ, облокотившись на перила, смотрѣлъ и слушалъ. Сначала онъ удивлялся и хотѣлъ понять, что это значило; потомъ, убѣдившись, что понять этого онъ не можетъ, ему

стало скучно. Потомъ, вспомнивъ все то волненіе и озлобленіе, которыя онъ видѣлъ на всѣхъ лицахъ, ему стало грустно: онъ рѣшился ѣхать и пошелъ внизъ. Проходя черезъ сѣни хоръ, онъ встрѣтилъ ходившаго взадъ и впередъ унылаго гимназиста съ подтекшими глазами. На лѣстницѣ же ему встрѣтилась пара: дама, быстро бѣжавшая на каблучкахъ, и легкій товарищъ прокурора.

— Я говорилъ вамъ, что не опоздаете, — сказалъ прокуроръ въ то время, какъ Левинъ посторонился, пропуская даму.

Левинъ уже былъ на выходной лѣстницѣ и доставалъ изъ жилетнаго кармана нумерокъ своей шубы, когда секретарь поймалъ его. — Пожалуйте, Константинъ Дмитріевичъ, баллотируютъ.

Въ кандидаты баллотировался такъ рѣшительно отказавшійся Невѣдовскій.

Левинъ подошелъ къ двери въ залу: она была заперта. Секретарь постучался; дверь отворилась, и навстрѣчу Левину проюркнули два раскраснѣвшіеся помѣщика.

— Мочи моей нѣтъ, — сказалъ одинъ раскраснѣвшійся помѣщикъ.

Вслѣдъ за помѣщикомъ высунулось лицо губернскаго предводителя. Лицо это было страшно отъ изнеможенія и страха.

— Я тебѣ сказалъ,— не выпускать,— крикнулъ онъ сторожу.

— Я впустилъ, ваше превосходительство!

— Господи! — и, тяжело вздохнувъ, губернскій предводитель, устало шмыгая въ своихъ бѣлыхъ панталонахъ, опустивъ голову, пошелъ посрединѣ залы къ большому столу.

Невѣдовскому переложили, какъ и было разсчитано, и онъ былъ губернскимъ предводителемъ. Многіе были веселы, многіе были довольны, счастливы, многіе въ восторгѣ, многіе недовольны и несчастливы. Губернскій предводитель былъ въ отчаяніи, котораго онъ не могъ скрыть. Когда Невѣдовскій пошелъ изъ залы, толпа окружила его и восторженно слѣдовала за нимъ, такъ же какъ она слѣдовала въ первый день за губернаторомъ, открывшимъ выборы, и такъ же, какъ она слѣдовала за Снетковымъ, когда тотъ былъ выбранъ.

XXXI.

Вновь избранный губернскій предводитель и многіе изъ торжествующей партіи новыхъ обѣдали въ этотъ день у Вронскаго.

Вронскій пріѣхалъ на выборы и потому, что ему было скучно въ деревнѣ и нужно было заявить свои права на свободу предъ

Анной, и для того, чтобъ отплатить Свіяжскому поддержкой на выборахъ за всѣ его хлопоты для Вронскаго на земскихъ выборахъ, и болѣе всего для того, чтобы строго исполнить всѣ обязанности того положенія дворянина и землевладѣльца, которое онъ себѣ избралъ. Но онъ никакъ не ожидалъ, чтобъ это дѣло выборовъ такъ заняло его, такъ забрало за живое и чтобъ онъ могъ такъ хорошо дѣлать это дѣло. Онъ былъ совершенно новый человѣкъ въ кругу дворянъ, но очевидно имѣлъ успѣхъ и не ошибался, думая, что пріобрѣлъ уже вліяніе между дворянами. Вліянію его содѣйствовали: его богатство и знатность, прекрасное помѣщеніе въ городѣ, которое уступилъ ему старый знакомый, Ширковъ, занимавшійся финансовыми дѣлами и учредившій процвѣтающій банкъ въ Кашинѣ; отличный поваръ Вронскаго, привезенный изъ деревни; дружба съ губернаторомъ, который былъ товарищемъ, и еще покровительствуемымъ товарищемъ, Вронскаго; а болѣе всего — простыя, ровныя ко всѣмъ отношенія, очень скоро заставившія большинство дворянъ измѣнить сужденіе о его мнимой гордости. Онъ чувствовалъ самъ, что, кромѣ этого шальнаго господина, женатаго на Кити Щербацкой, который à propos de bottes съ бѣшеною злобою наговорилъ ему кучу ни къ чему не идущихъ глупостей, каждый дворянинъ, съ которымъ онъ знакомился, дѣлался его сторонникомъ. Онъ ясно видѣлъ, и другіе признавали это, что успѣху Невѣдовскаго очень много содѣйствовалъ онъ. И теперь у себя за столомъ, празднуя выборъ Невѣдовскаго, онъ испытывалъ пріятное чувство торжества за своего избранника. Самые выборы такъ заманили его, что, если онъ будетъ женатъ къ будущему трехлѣтію, онъ и самъ подумывалъ баллотироваться, — въ родѣ того, какъ послѣ выигрыша приза черезъ жокея ему захотѣлось скакать самому.

Теперь же праздновался выигрышъ жокея. Вронскій сидѣлъ въ головѣ стола, по правую руку его сидѣлъ молодой губернаторъ, свитскій генералъ. Для всѣхъ это былъ хозяинъ губерніи, торжественно открывавшій выборы, говорившій рѣчь и возбуждавшій и уваженіе и раболѣпность во многихъ, какъ видѣлъ Вронскій; для Вронскаго же это былъ Масловъ Катька, — такое у него было прозвище въ пажескомъ корпусѣ, — конфузившійся предъ нимъ и котораго Вронскій старался mettre à son aise. По лѣвую руку сидѣлъ Невѣдовскій со своимъ юнымъ, непоколебимымъ и ядовитымъ лицомъ. Съ нимъ Вронскій былъ простъ и уважителенъ.

Свіяжскій переносилъ свою неудачу весело. Это даже не была неудача для него, какъ онъ и самъ сказалъ, съ бокаломъ обра-

щаясь къ Невѣдовскому: лучше нельзя было найти представителя того новаго направленія, которому должно послѣдовать дворянство. И потому все честное, какъ онъ сказалъ, стояло на сторонѣ нынѣшняго успѣха и торжествовало его.

Степанъ Аркадьевичъ былъ тоже радъ, что весело провелъ время и что всѣ довольны. За прекраснымъ обѣдомъ перебирались эпизоды выборовъ. Свіяжскій комически передалъ слезливую рѣчь предводителя и замѣтилъ, обращаясь къ Невѣдовскому, что его превосходительству придется избрать другую, болѣе сложную, чѣмъ слезы, повѣрку суммъ. Другой шутливый дворянинъ разсказалъ, какъ выписаны были лакеи въ чулкахъ для бала губернскаго предводителя и какъ теперь ихъ придется отослать назадъ, если новый губернскій предводитель не дастъ бала съ лакеями въ чулкахъ.

Безпрестанно во время обѣда, обращаясь къ Невѣдовскому, говорили: «нашъ губернскій предводитель» и «ваше превосходительство».

Это говорилось съ тѣмъ же удовольствіемъ, съ какимъ молодую женщину называютъ «madame» и по имени мужа. Невѣдовскій дѣлалъ видъ, что онъ не только равнодушенъ, но и презираетъ это званіе; но очевидно было, что онъ счастливъ и держитъ себя подъ уздцы, чтобы не выразить восторга, не подобающаго той новой, либеральной средѣ, въ которой всѣ находились.

За обѣдомъ было послано нѣсколько телеграммъ людямъ, интересовавшимся ходомъ выборовъ. И Степанъ Аркадьевичъ, которому было очень весело, послалъ Дарьѣ Александровнѣ телеграмму такого содержанія: «Невѣдовскій выбранъ двадцатью шарами. Поздравляю. Передай». Онъ продиктовалъ ее вслухъ, замѣтивъ: «надо ихъ порадовать». Дарья же Александровна, получивъ депешу, только вздохнула о рублѣ за телеграмму и поняла, что дѣло было въ концѣ обѣда. Она знала, что Стива имѣетъ слабость въ концѣ обѣдовъ «faire jouer le télégraphe».

Все было, вмѣстѣ съ отличнымъ обѣдомъ и винами не отъ русскихъ виноторговцевъ, а прямо заграничной разливки, очень благородно, просто и весело. Кружокъ людей въ двадцать человѣкъ былъ подобранъ Свіяжскимъ изъ единомышленныхъ, либеральныхъ, новыхъ дѣятелей и вмѣстѣ остроумныхъ и порядочныхъ. Пили тосты, тоже полушутливые, и за новаго губернскаго предводителя, и за губернатора, и за директора банка, и за «любезнаго нашего хозяина».

Вронскій былъ доволенъ. Онъ никакъ не ожидалъ такого милаго тона въ провинціи.

Въ концѣ обѣда стало еще веселѣе. Губернаторъ просилъ Вронскаго ѣхать въ концертъ въ пользу *братіи*, который устраивала его жена, желающая съ нимъ познакомиться.

— Тамъ будетъ балъ, и ты увидишь нашу красавицу. Въ самомъ дѣлѣ замѣчательно.

— Not in my line,—отвѣчалъ Вронскій, любившій это выраженіе, но улыбнулся и обѣщалъ пріѣхать.

Уже передъ выходомъ изъ-за стола, когда всѣ закурили, камердинеръ Вронскаго подошелъ къ нему съ письмомъ на подносѣ.

— Изъ Воздвиженскаго съ нарочнымъ,—сказалъ онъ съ значительнымъ выраженіемъ.

— Удивительно, какъ онъ похожъ на товарища прокурора Свентицкаго, — сказалъ одинъ изъ гостей по-французски про камердинера, въ то время какъ Вронскій хмурясь читалъ письмо.

Письмо было отъ Анны. Еще прежде чѣмъ онъ прочелъ письмо, онъ уже зналъ его содержаніе. Предполагая, что выборы кончатся въ пять дней, онъ обѣщалъ вернуться въ пятницу. Нынче была суббота, и онъ зналъ, что содержаніемъ письма были упреки въ томъ, что онъ не вернулся во-время. Письмо, которое онъ послалъ вчера вечеромъ, вѣроятно не дошло еще.

Содержаніе было то самое, какъ онъ ожидалъ, но форма была неожиданная и особенно непріятная ему. «Ани очень больна, докторъ говоритъ, что можетъ быть воспаленіе. Я одна теряю голову. Княжна Варвара не помощница, а помѣха. Я ждала тебя третьяго дня, вчера, и теперь посылаю узнать, гдѣ ты и что́. Я сама хотѣла ѣхать, но раздумала, зная, что это будетъ тебѣ непріятно. Дай отвѣтъ какой-нибудь, чтобъ я знала, что́ дѣлать».

Ребенокъ боленъ, а она сама хотѣла ѣхать. Дочь больна, и этотъ враждебный тонъ.

Это невинное веселье выборовъ и та мрачная, тяжелая любовь, къ которой онъ долженъ былъ вернуться, поразили Вронскаго своею противоположностью. Но надо было ѣхать, и онъ по первому поѣзду въ ночь уѣхалъ къ себѣ.

XXXII.

Передъ отъѣздомъ Вронскаго на выборы, обдумавъ то, что тѣ сцены, которыя повторялись между ними при каждомъ его отъѣздѣ, могутъ только охладить, а не привязать его, Анна

рѣшилась сдѣлать надъ собой всѣ возможныя усилія, чтобы спокойно переносить разлуку съ нимъ. Но тотъ холодный, строгій взглядъ, которымъ онъ посмотрѣлъ на нее, когда пришелъ объявить о своемъ отъѣздѣ, оскорбилъ ее, и еще онъ не уѣхалъ, какъ спокойствіе ея уже было разрушено.

Въ одиночествѣ потомъ передумывая этотъ взглядъ, который выражалъ право на свободу, она пришла, какъ и всегда, къ одному — къ сознанію своего униженія. «Онъ имѣетъ право уѣхать, когда и куда онъ хочетъ. Не только уѣхать, но оставить меня. Онъ имѣетъ всѣ права, я не имѣю никакихъ. Но, зная это, онъ не долженъ былъ этого дѣлать. Однако что же онъ сдѣлалъ?.. Онъ посмотрѣлъ на меня съ холоднымъ, строгимъ выраженіемъ. Разумѣется, это неопредѣлимо, неосязаемо, но этого не было прежде, и этотъ взглядъ многое значитъ,— думала она.—Этотъ взглядъ показываетъ, что начинается охлажденіе».

И хотя она убѣдилась, что начинается охлажденіе, ей все-таки нечего было дѣлать, нельзя было ни въ чемъ измѣнить своихъ отношеній къ нему. Точно такъ же, какъ прежде одною любовью и привлекательностью она могла удержать его. И такъ же, какъ прежде занятіями днемъ и морфиномъ по ночамъ она могла заглушать страшныя мысли о томъ, чтб будетъ, если онъ разлюбитъ ее. Правда, было еще одно средство: не удерживать его,—для этого она не хотѣла ничего другого, кромѣ его любви, —но сблизиться съ нимъ, быть въ такомъ положеніи, чтобъ онъ не покидалъ ея. Это средство было разводъ и бракъ. И она стала желать этого и рѣшилась согласиться въ первый разъ, какъ онъ или Стива заговорятъ ей объ этомъ.

Въ такихъ мысляхъ она провела безъ него пять дней, тѣ самые, которые онъ долженъ былъ находиться въ отсутствіи.

Прогулки, бесѣды съ княжной Варварой, посѣщенія больницы, а главное чтеніе, чтеніе одной книги за другой. занимали ея время. Но на шестой день, когда кучеръ вернулся безъ него, она почувствовала, что уже не въ силахъ ничѣмъ заглушать мысль о немъ и о томъ, чтд онъ тамъ дѣлаетъ. Въ это самое время дочь ея заболѣла. Анна взялась ходить за нею, но и это не развлекло ея, тѣмъ болѣе что болѣзнь не была опасна. Какъ она ни старалась, она не могла любить эту дѣвочку, а притворяться въ любви она не могла. Къ вечеру этого дня, оставшись одна, Анна почувствовала такой страхъ за него, что рѣшилась было ѣхать въ городъ, но, раздумавъ хорошенько, написала то противорѣчивое письмо, которое получилъ Вронскій, и, не перечтя его, послала съ нарочнымъ. На другое утро она получила

его письмо и раскаялась въ своемъ. Она съ ужасомъ ожидала повторенія того строгаго взгляда, который онъ бросилъ на нее, уѣзжая, особенно, когда онъ узнаетъ, что дѣвочка не была опасно больна. Но все-таки она была рада, что написала ему. Теперь Анна уже признавалась себѣ, что онъ тяготится ею, что онъ съ сожалѣніемъ бросаетъ свою свободу, чтобы вернуться къ ней, и, несмотря на то, она рада была, что онъ пріѣдетъ. Пускай онъ тяготится, но будетъ тутъ съ нею, чтобъ она видѣла его, знала каждое его движеніе.

Она сидѣла въ гостиной, подъ лампой, съ новою книгой Тэна и читала, прислушиваясь къ звукамъ вѣтра на дворѣ и ожидая каждую минуту пріѣзда экипажа. Нѣсколько разъ ей казалось, что она слышала звуки колесъ, но она ошибалась; наконецъ послышались не только звуки колесъ, но и покрикъ кучера и глухой звукъ въ крытомъ подъѣздѣ. Даже княжна Варвара, дѣлавшая пасьянсъ, подтвердила это, и Анна, вспыхнувъ, встала, но, вмѣсто того чтобъ идти внизъ, какъ она прежде два раза ходила, она остановилась. Ей вдругъ стало стыдно за свой обманъ, но болѣе всего страшно за то, какъ онъ приметъ ее. Чувство оскорбленія уже прошло; она только боялась выраженія его неудовольствія. Она вспомнила, что дочь уже второй день была совсѣмъ здорова. Ей даже досадно стало на нее за то, что она оправилась какъ разъ въ то время, какъ было послано письмо. Потомъ она вспомнила его, что онъ тутъ, весь, со своими руками, глазами. Она услыхала его голосъ. И, забывъ все, радостно побѣжала ему навстрѣчу.

— Ну что Ани? — робко сказалъ онъ снизу, глядя на сбѣгавшую къ нему Анну.

Онъ сидѣлъ на стулѣ, и лакей стаскивалъ съ него теплый сапогъ.

— Ничего, ей лучше.

— А ты? — сказалъ онъ отряхиваясь.

Она взяла его обѣими руками за руку и потянула ее къ своей таліи, не спуская съ него глазъ.

— Ну, я очень радъ, — сказалъ онъ, холодно оглядывая ее, ея прическу, ея платье, которое, онъ зналъ, что она надѣла для него.

Все это нравилось ему, но уже столько разъ нравилось! И то строго-каменное выраженіе, котораго она такъ боялась, остановилось на его лицѣ.

— Ну, я очень радъ. А ты здорова? — сказалъ онъ, отеревъ платкомъ мокрую бороду и цѣлуя ея руку.

«Все равно, — думала она, — только бы онъ былъ тутъ, а когда онъ тутъ, онъ не можетъ, не смѣетъ не любить меня».

Вечеръ прошелъ счастливо и весело при княжнѣ Варварѣ, которая жаловалась ему, что Анна безъ него принимала морфинъ.

— Что жъ дѣлать? Я не могла спать... Мысли мѣшали. При немъ я никогда не принимаю. Почти никогда.

Онъ разсказалъ про выборы, и Анна умѣла вопросами вызвать его на то самое, что̀ веселило его, — на его успѣхъ. Она разсказала ему все, что̀ интересовало его дома. И всѣ свѣдѣнія ея были самыя веселыя.

Но поздно вечеромъ, когда они остались одни, Анна, видя, что она опять вполнѣ овладѣла имъ, захотѣла стереть то тяжелое впечатлѣніе взгляда за письмо. Она сказала:

— А признайся, тебѣ досадно было получить письмо и ты не повѣрилъ мнѣ?

Только что она сказала это, она поняла, что, какъ ни любовно онъ былъ расположенъ къ ней, онъ этого не простилъ ей.

— Да, — сказалъ онъ. — Письмо было такое странное: то Ани больна, то ты сама хотѣла пріѣхать.

— Это все была правда.

— Да я и не сомнѣваюсь.

— Нѣтъ, ты сомнѣваешься Ты недоволенъ, я вижу.

— Ни одной минуты. Я только недоволенъ, это правда, тѣмъ, что ты какъ будто не хочешь допустить, что есть обязанности.

— Обязанности ѣхать въ конецертъ...

— Но не будемъ говорить,—сказалъ онъ.

— Почему же не говорить?—сказала она.

— Я только хочу сказать, что могутъ встрѣтиться дѣла необходимыя. Вотъ теперь мнѣ надо будетъ ѣхать въ Москву по дѣлу дома... Ахъ, Анна, почему ты такъ раздражительна? Развѣ ты не знаешь, что я не могу безъ тебя жить?

— А если такъ,—сказала Анна вдругъ измѣнившимся голосомъ,—то ты тяготишься этою жизнью... Да, ты пріѣдешь на день и уѣдешь, какъ поступаютъ...

— Анна, это жестоко. Я всю жизнь готовъ отдать...

Но она не слушала его.

— Если ты поѣдешь въ Москву, то и я поѣду. Я не останусь здѣсь. Или мы должны разойтись, или жить вмѣстѣ.

— Вѣдь ты знаешь, что это одно мое желаніе. Но для этого...

— Надо разводъ? Я напишу ему. Я вижу, что я не могу такъ жить... Но я поѣду съ тобой въ Москву.

— Точно ты угрожаешь мнѣ. Да я ничего такъ не желаю, какъ не разлучаться съ тобой,—улыбаясь сказалъ Вронскій.

Но не только холодный, злой взглядъ человѣка преслѣдуемаго и ожесточеннаго блеснулъ въ его глазахъ, когда онъ говорилъ эти нѣжныя слова.

Она видѣла этотъ взглядъ и вѣрно угадала его значеніе.

«Если такъ, то это несчастіе!» говорилъ этотъ его взглядъ. Это было минутное впечатлѣніе, но она никогда уже не забыла его.

Анна написала письмо мужу, прося его о разводѣ, и въ концѣ ноября, разставшись съ княжной Варварой, которой надо было ѣхать въ Петербургъ, вмѣстѣ съ Вронскимъ переѣхала въ Москву. Ожидая каждый день отвѣта Алексѣя Александровича и вслѣдъ затѣмъ развода, они поселились теперь супружески вмѣстѣ.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ.

I.

Левины жили уже третій мѣсяцъ въ Москвѣ. Уже давно прошелъ тотъ срокъ, когда, по самымъ вѣрнымъ расчетамъ людей, знающихъ эти дѣла, Кити должна была родить; а она все еще носила, и ни по чему не было замѣтно, чтобы время было ближе теперь, чѣмъ два мѣсяца назадъ. И докторъ, и акушерка, и Долли, и мать, и въ особенности Левинъ, безъ ужаса не могшій подумать о приближавшемся, начинали испытывать нетерпѣніе и безпокойство; одна Кити чувствовала себя совершенно спокойною и счастливою.

Она теперь ясно сознавала зарожденіе въ себѣ новаго чувства любви къ будущему, отчасти для нея уже настоящему ребенку и съ наслажденіемъ прислушивалась къ этому чувству. Онъ теперь уже не былъ вполнѣ частью ея, а иногда жилъ и своею независимою отъ нея жизнью. Часто ей бывало больно отъ этого, но вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣлось смѣяться отъ странной новой радости.

Всѣ, кого она любила, были съ ней, и всѣ были такъ добры къ ней, такъ ухаживали за ней, такъ одно пріятное во всемъ предоставлялось ей, что, если бъ она не знала и не чувствовала, что это должно скоро кончиться, она бы и не желала лучшей и пріятнѣйшей жизни. Одно, что портило ей прелесть этой жизни, было, что мужъ ея былъ не тотъ, какимъ она любила его и какимъ онъ бывалъ въ деревнѣ.

Она любила его спокойный, ласковый и гостепріимный тонъ въ деревнѣ. Въ городѣ же онъ постоянно казался безпокоенъ и насторожѣ, какъ будто боясь, чтобы кто-нибудь не обидѣлъ его и главное ея. Тамъ, въ деревнѣ, онъ, очевидно зная себя на своемъ мѣстѣ, никуда не спѣшилъ и никогда не бывалъ не занятъ. Здѣсь, въ городѣ, онъ постоянно торопился, какъ бы

не пропустить чего-то, а дѣлать ему было нечего. И ей было жалко его. Для другихъ, она знала, онъ не представлялся жалкимъ; напротивъ, когда Кити въ обществѣ смотрѣла на него, какъ иногда смотрятъ на любимаго человѣка, стараясь видѣть его какъ будто чужого, чтобъ опредѣлить себѣ то впечатлѣніе, которое онъ производитъ на другихъ, она видѣла, со страхомъ даже для своей ревности, что онъ не только не жалокъ, но очень привлекателенъ своею порядочностью, нѣсколько старомодною, застѣнчивою вѣжливостью съ женщинами, своею сильною фигурой и особеннымъ, какъ ей казалось, выразительнымъ лицомъ. Но она видѣла его не извнѣ, а изнутри; она видѣла, что онъ здѣсь не настоящій; иначе она не могла опредѣлить себѣ его состояніе. Иногда она въ душѣ упрекала его за то, что онъ не умѣетъ жить въ городѣ; иногда же сознавалась, что ему дѣйствительно трудно было устроить здѣсь свою жизнь такъ, чтобы быть ею довольнымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что ему было дѣлать? Въ карты онъ не любилъ играть. Въ клубъ не ѣздилъ. Съ веселыми мужчинами, въ родѣ Облонскаго, водиться, она уже знала теперь, что значило... это значило пить и ѣхать послѣ питья куда-то. Она безъ ужаса не могла подумать, куда въ такихъ случаяхъ ѣздили мужчины. Ѣздить въ свѣтъ? Но она знала, что для этого надо находить удовольствіе въ сближеніи съ женщинами молодыми, и она не могла желать этого. Сидѣть дома съ нею, съ матерью и сестрами? Но, какъ ни были ей пріятны и веселы одни и тѣ же разговоры,—«Алины-Надины», какъ называлъ эти разговоры между сестрами старый князь,—она знала, что ему должно быть это скучно. Что же ему оставалось дѣлать? Продолжать писать свою книгу? Онъ и попытался это дѣлать, и ходилъ сначала въ библіотеку заниматься выписками и справками для своей книги; но, какъ онъ говорилъ ей, чѣмъ больше онъ ничего не дѣлалъ, тѣмъ меньше у него оставалось времени. И, кромѣ того, онъ жаловался ей, что слишкомъ много разговаривалъ здѣсь о своей книгѣ и что потому всѣ мысли о ней спутались у него и потеряли интересъ.

Одна выгода этой городской жизни была та, что ссоръ здѣсь, въ городѣ, между ними никогда не было. Отъ того ли, что условія городскія другія, или отъ того, что они оба стали осторожнѣе и благоразумнѣе въ этомъ отношеніи, въ Москвѣ у нихъ не было ссоръ изъ-за ревности, которыхъ они такъ боялись, переѣзжая въ городъ.

Въ этомъ отношеній случилось даже одно, очень важное для нихъ обоихъ событіе, именно встрѣча Кити съ Вронскимъ.

Старуха княгиня, Марья Борисовна, крестная мать Кити, всегда очень ее любившая, пожелала непремѣнно видѣть ее. Кити, никуда по своему положенію не ѣздившая, поѣхала съ отцомъ къ почтенной старухѣ и встрѣтила у нея Вронскаго.

Кити при этой встрѣчѣ могла упрекнуть себя только въ томъ, что на мгновеніе, когда она узнала въ штатскомъ платьѣ столь знакомыя ей когда-то черты, у нея прервалось дыханіе, кровь прилила къ сердцу, и яркая краска, она чувствовала это, вступила на лицо. Но это продолжалось лишь нѣсколько секундъ. Еще отецъ, нарочно громко заговорившій съ Вронскимъ, не кончилъ своего разговора, какъ она была уже вполнѣ готова смотрѣть на Вронскаго, говорить съ нимъ, если нужно, точно такъ же, какъ она говорила съ княгиней Марьей Борисовной, и, главное, такъ, чтобы все до послѣдней интонаціи и улыбки было одобрено мужемъ, котораго невидимое присутствіе она какъ будто чувствовала надъ собой въ эту минуту.

Она сказала съ нимъ нѣсколько словъ, даже спокойно улыбнулась на его шутку о выборахъ, которые онъ назвалъ «нашъ парламентъ». (Надо было улыбнуться, чтобы показать, что она поняла шутку). Но тотчасъ же она отвернулась къ княгинѣ Марьѣ Борисовнѣ и ни разу не взглянула на него, пока онъ не всталъ, прощаясь; тутъ она посмотрѣла на него, но, очевидно, только потому, что неучтиво не смотрѣть на человѣка, когда онъ кланяется.

Она благодарна была отцу за то, что онъ ничего не сказалъ ей о встрѣчѣ съ Вронскимъ; но она видѣла по особенной нѣжности его послѣ визита во время обычной прогулки, что онъ былъ доволенъ ею. Она сама была довольна собой. Она никакъ не ожидала, чтобы у нея нашлась эта сила задержать гдѣ-то въ глубинѣ души всѣ воспоминанія прежняго чувства къ Вронскому и не только казаться, но и быть къ нему вполнѣ равнодушною и спокойною.

Левинъ покраснѣлъ гораздо больше ея, когда она сказала ему, что встрѣтила Вронскаго у княгини Марьи Борисовны. Ей очень трудно было сказать это ему, но еще труднѣе было продолжать говорить о подробностяхъ встрѣчи, такъ какъ онъ не спрашивалъ ее, а только нахмурившись смотрѣлъ на нее.

— Мнѣ очень жаль, что тебя не было, — сказала она. — Не то, что тебя не было въ комнатѣ... я бы не была такъ естественна при тебѣ... Я теперь краснѣю гораздо больше, гораздо, гораздо больше, — говорила она, краснѣя до слезъ. — Но что ты не могъ видѣть въ щелку.

Правдивые глаза сказали Левину, что она была довольна собой, и онъ, несмотря на то, что она краснѣла, тотчасъ же успокоился и сталъ разспрашивать ее, чего только она и хотѣла. Когда онъ узналъ все, даже до той подробности, что она только въ первую секунду не могла не покраснѣть, но что потомъ ей было такъ же просто и легко, какъ съ первымъ встрѣчнымъ, Левинъ совершенно повеселѣлъ и сказалъ, что онъ очень радъ этому и теперь уже не поступитъ такъ глупо, какъ на выборахъ, а постарается при первой встрѣчѣ съ Вронскимъ быть какъ можно дружелюбнѣе.

— Такъ мучительно думать, что есть человѣкъ почти врагъ, съ которымъ тяжело встрѣчаться, — сказалъ Левинъ. — Я очень, очень радъ.

II.

— Такъ заѣзжай пожалуйста къ Болямъ, — сказала Кити мужу, когда онъ въ одиннадцать часовъ, предъ тѣмъ какъ уѣхать изъ дома, зашелъ къ ней. — Я знаю, что ты обѣдаешь въ клубѣ, папа тебя записалъ. А утро что ты дѣлаешь?

— Я къ Катавасову только, — отвѣчалъ Левинъ.

— Что же такъ рано?

— Онъ обѣщалъ меня познакомить съ Метровымъ. Мнѣ хотѣлось поговорить съ нимъ о моей работѣ, это извѣстный ученый петербургскій, — сказалъ Левинъ.

— Да, это его статью ты такъ хвалилъ? Ну, а потомъ?— сказала Кити.

— Еще въ судъ, можетъ-быть, заѣду по дѣлу сестры.

— А въ концертъ? — спросила она.

— Да что я поѣду одинъ!

— Нѣтъ, поѣзжай; тамъ даютъ эти новыя вещи... Это тебя такъ интересовало. Я бы непремѣнно поѣхала.

— Ну, во всякомъ случаѣ я заѣду домой предъ обѣдомъ, — сказалъ онъ, глядя на часы.

— Надѣнь же сюртукъ, чтобы прямо заѣхать къ графинѣ Боль.

— Развѣ это непремѣнно нужно?

— Ахъ, непремѣнно! Онъ былъ у насъ. Ну, что тебѣ стóитъ? Заѣдешь, сядешь, поговоришь пять минутъ о погодѣ, встанешь и уѣдешь.

— Ну, ты не повѣришь, я такъ отъ этого отвыкъ, что это-то мнѣ и совѣстно. Какъ это? Пришелъ чужой человѣкъ, сѣлъ, посидѣлъ безъ всякаго дѣла, имъ помѣшалъ, себя разстроилъ и ушелъ.

Кити засмѣялась.

— Да вѣдь ты дѣлалъ визиты холостымъ? — сказала она.

— Дѣлалъ, но всегда бывало совѣстно, а теперь такъ отвыкъ, что ей-Богу лучше два дня не обѣдать вмѣсто этого визита. Такъ совѣстно! Мнѣ все кажется, что они обидятся, скажутъ: зачѣмъ это ты приходилъ безъ дѣла?

— Нѣтъ, не обидятся. Ужъ я за это тебѣ отвѣчаю, — сказала Кити, со смѣхомъ глядя на его лицо. Она взяла его за руку.— Ну, прощай... Поѣзжай пожалуйста.

Онъ уже хотѣлъ уходить, поцѣловавъ руку жены, когда она остановила его.

— Костя, ты знаешь, что у меня ужъ остается только пятьдесятъ рублей?

— Ну что жъ, я заѣду, возьму изъ банка. Сколько? — сказалъ онъ съ знакомымъ ей выраженіемъ неудовольствія.

— Нѣтъ, ты постой. — Она удержала его за руку. — Поговоримъ, меня это безпокоитъ. Я, кажется, ничего лишняго не плачу, а деньги такъ и плывутъ. Что-нибудь мы не такъ дѣлаемъ.

— Нисколько, — сказалъ онъ, откашливаясь и глядя на нее исподлобья.

Это откашливанье она знала. Это былъ признакъ его сильнаго недовольства — не на нее, а на самого себя. Онъ дѣйствительно былъ недоволенъ, но не тѣмъ, что денегъ вышло много, а что ему напоминаютъ то, о чемъ онъ, зная, что въ этомъ что-то неладно, желаетъ забыть.

— Я велѣлъ Соколову продать пшеницу и за мельницу взять впередъ. Деньги будутъ во всякомъ случаѣ.

— Нѣтъ, но я боюсь, что вообще много...

— Нисколько, нисколько, — повторялъ онъ. — Ну, прощай, душенька.

— Нѣтъ, право, я иногда жалѣю, что послушалась мама. Какъ бы хорошо было въ деревнѣ! А то я васъ всѣхъ измучила, и деньги мы тратимъ.

— Нисколько, нисколько. Ни разу еще не было, съ тѣхъ поръ какъ я женатъ, чтобы я сказалъ, что лучше было бы иначе, чѣмъ какъ есть...

— Правда? — сказала она, глядя ему въ глаза.

Онъ сказалъ это, не думая, только чтобъ утѣшить ее. Но когда онъ, взглянувъ на нее, увидалъ, что эти правдивые, милые глаза вопросительно устремлены на него, онъ повторилъ то же уже отъ всей души. «Я рѣшительно забываю ее», подумалъ онъ. И онъ вспомнилъ то, что такъ скоро ожидало ихъ.

— А скоро? Какъ ты чувствуешь? — прошепталъ онъ, взявъ ее за обѣ руки.

— Я столько разъ думала, что теперь ничего не думаю и не знаю.

— И не страшно?

Она презрительно усмѣхнулась.

— Ни капельки, — сказала она.

— Такъ если что̀, я буду у Катавасова.

— Нѣтъ, ничего не будетъ, и не думай. Я поѣду съ папа гулять на бульваръ. Мы заѣдемъ къ Долли. Предъ обѣдомъ тебя жду. Ахъ, да! Ты знаешь, что положеніе Долли становится рѣшительно невозможнымъ? Она кругомъ должна, денегъ у нея нѣтъ. Мы вчера говорили съ мама и съ Арсеніемъ (такъ она звала мужа сестры Львовой) и рѣшили тебя съ нимъ напустить на Стиву. Это рѣшительно невозможно. Съ папа нельзя говорить объ этомъ... Но если бы ты и онъ...

— Ну что же мы можемъ? — сказалъ Левинъ.

— Все-таки ты будешь у Арсенія, поговори съ нимъ; онъ тебѣ скажетъ, что мы рѣшили.

— Ну, съ Арсеніемъ я впередъ на все согласенъ. Такъ я заѣду къ нему. Кстати, если въ концертъ, то я съ Натали и поѣду. Ну, прощай.

На крыльцѣ старый, еще холостой жизни слуга Кузьма, завѣдывавшій городскимъ хозяйствомъ, остановилъ Левина.

— Красавчика (это была лошадь, лѣвая дышловая, приведенная изъ деревни) перековали, а все хромаетъ, — сказалъ онъ. — Какъ прикажете?

Первое время въ Москвѣ Левина занимали лошади, приведенныя изъ деревни. Ему хотѣлось устроить эту часть какъ можно лучше и дешевле; но оказалось, что свои лошади обходились дороже извозчичьихъ, и извозчика все-таки брали.

— Вели за коноваломъ послать, наминка, можетъ-быть.

— Ну, а для Катерины Александровны? — спросилъ Кузьма.

Левина уже не поражало теперь, какъ въ первое время его жизни въ Москвѣ, что для переѣзда съ Воздвиженки на Сивцевъ-Вражекъ нужно было запрягать въ тяжелую карету пару сильныхъ лошадей, провезти эту карету по снѣжному мѣсиву четверть версты и стоять тамъ четыре часа, заплативъ за это пять рублей. Теперь уже это казалось ему натурально.

— Вели извозчику привести пару въ нашу карету, — сказалъ онъ.

— Слушаю-съ.

И, такъ просто и легко разрѣшивъ, благодаря городскимъ условіямъ, затрудненіе, которое въ деревнѣ потребовало бы столько личнаго труда и вниманія, Левинъ вышелъ на крыльцо и, кликнувъ извозчика, сѣлъ и поѣхалъ на Никитскую. Дорóгой онъ уже не думалъ о деньгахъ, а размышлялъ о томъ, какъ онъ познакомится съ петербургскимъ ученымъ, занимающимся соціологіей, и будетъ говорить съ нимъ о своей книгѣ.

Только въ самое первое время въ Москвѣ тѣ странные деревенскому жителю, непроизводительные, но неизбѣжные расходы, которые потребовались отъ него со всѣхъ сторонъ, поражали Левина. Но теперь онъ уже привыкъ къ нимъ. Съ нимъ случилось въ этомъ отношеніи то, что, говорятъ, случается съ пьяницами: первая рюмка — колóмъ, вторая соколóмъ, а послѣ третьей — мелкими пташечками. Когда Левинъ размѣнялъ первую сторублевую бумажку на покупку ливрей лакею и швейцару, онъ невольно сообразилъ, что эти никому ненужныя ливреи, но неизбѣжно необходимыя, судя по тому, какъ удивились княгиня и Кити при намекѣ, что безъ левреи можно обойтись,— что эти ливреи будутъ стоить двухъ лѣтнихъ работниковъ, тоесть около трехсотъ рабочихъ дней отъ Святой до заговѣнъ, и каждый день тяжкой работы съ ранняго утра до поздняго вечера— и эта сторублевая бумажка еще шла колóмъ. Но слѣдующая, размѣненная на покупку провизіи къ обѣду для родныхъ, стоившей двадцать восемь рублей, хотя и вызвала въ Левинѣ воспоминаніе о томъ, что двадцать восемь рублей — это девять четвертей овса, который, потѣя и кряхтя, косили, вязали, молотили, вѣяли, подсѣвали и насыпали, — эта слѣдующая пошла все-таки легче. А теперь размѣниваемыя бумажки уже давно не вызывали такихъ соображеній и летѣли мелкими пташечками. Соотвѣтствуетъ ли трудъ, положенный на пріобрѣтеніе денегъ, тому удовольствію, которое доставляетъ покупаемое на нихъ,— это соображеніе ужъ давно было потеряно. Расчетъ хозяйственный о томъ, что есть извѣстная цѣна, ниже которой нельзя продать извѣстный хлѣбъ, тоже былъ забытъ. Рожь, цѣну на которую онъ такъ долго выдерживалъ, была продана пятьюдесятью копейками на четверть дешевле, чѣмъ за нее давали мѣсяцъ тому назадъ. Даже и расчетъ, что при такихъ расходахъ невозможно будетъ прожить весь годъ безъ долга, — и этотъ расчетъ уже не имѣлъ никакого значенія. Только одно требовалось: имѣть деньги въ банкѣ, не спрашивая, откуда онѣ, такъ чтобы знать всегда, на что̀ завтра купить говядины. И этотъ расчетъ до сихъ поръ у него соблюдался; у него всегда были деньги въ банкѣ. Но теперь деньги въ банкѣ вышли, и онъ не зналъ хорошенько,

откуда взять ихъ. И это-то на минуту, когда Кити напомнила о деньгахъ, разстроило его; но ему некогда было думать объ этомъ. Онъ ѣхалъ, размышляя о Катавасовѣ и предстоящемъ знакомствѣ съ Метровымъ.

III.

Левинъ въ этотъ свой пріѣздъ сошелся опять близко съ бывшимъ товарищемъ по университету, профессоромъ Катавасовымъ, съ которымъ онъ не видался со времени своей женитьбы. Катавасовъ былъ ему пріятенъ ясностью и простотой своего міросозерцанія. Левинъ думалъ, что ясность міросозерцанія Катавасова вытекала изъ бѣдности его натуры, Катавасовъ же думалъ, что непослѣдовательность мысли Левина вытекала изъ недостатка дисциплины его ума; но ясность Катавасова была пріятна Левину, и обиліе недисциплинированныхъ мыслей Левина было пріятно Катавасову, и они любили встрѣчаться и спорить.

Левинъ читалъ Катавасову нѣкоторыя мѣста изъ своего сочиненія, и они понравились ему. Вчера, встрѣтивъ Левина на публичной лекціи, Катавасовъ сказалъ ему, что извѣстный Метровъ, котораго статья такъ понравилась Левину, находится въ Москвѣ и очень заинтересованъ тѣмъ, что ему сказалъ Катавасовъ о работѣ Левина, и что Метровъ будетъ у него завтра въ одиннадцать часовъ и очень радъ познакомиться съ нимъ.

— Рѣшительно исправляетесь, батюшка, пріятно видѣть,— сказалъ Катавасовъ, встрѣчая Левина въ маленькой гостиной. — Я слышу звонокъ и думаю: не можетъ быть, чтобы вó-время... Ну что, каковы черногорцы? По породѣ воины.

— А что? — спросилъ Левинъ.

Катавасовъ въ короткихъ словахъ передалъ ему послѣднее извѣстіе и, войдя въ кабинетъ, познакомилъ Левина съ невысокимъ, плотнымъ, очень пріятной наружности человѣкомъ. Это былъ Метровъ. Разговоръ остановился на короткое время на политикѣ и на томъ, какъ смотрятъ въ высшихъ сферахъ въ Петербургѣ на послѣднія событія. Метровъ передалъ извѣстныя ему изъ вѣрнаго источника слова, будто бы сказанныя по этому случаю государемъ и однимъ изъ министровъ. Катавасовъ же слышалъ то же за вѣрное, что государь сказалъ совсѣмъ другое. Левинъ постарался придумать такое положеніе, въ которомъ и тѣ и другія слова могли быть сказаны, и разговоръ на эту тему прекратился.

— Да, вотъ написалъ почти книгу о естественныхъ условіяхъ рабочаго въ отношеніи къ землѣ, — сказалъ Катавасовъ,— я не спеціалистъ, но мнѣ понравилось, какъ естественнику, то, что онъ не беретъ человѣчества, какъ чего-то внѣ зоологическихъ законовъ, а, напротивъ, видитъ зависимость его отъ среды и въ этой зависимости отыскиваетъ законы развитія.

— Это очень интересно, — сказалъ Метровъ.

— Я собственно началъ писать сельскохозяйственную книгу, но невольно, занявшись главнымъ орудіемъ сельскаго хозяйства, рабочимъ, — сказалъ Левинъ краснѣя, — пришелъ къ результатамъ совершенно неожиданнымъ.

И Левинъ сталъ осторожно, какъ бы ощупывая почву, излагать свой взглядъ. Онъ зналъ, что Метровъ написалъ статью противъ общепринятаго политико-экономическаго ученія, но до какой степени онъ могъ надѣяться на сочувствіе въ немъ къ своимъ новымъ взглядамъ, онъ не зналъ и не могъ догадаться по умному и спокойному лицу ученаго.

— Но въ чемъ же вы видите особенныя свойства русскаго рабочаго? — сказалъ Метровъ: — въ зоологическихъ, такъ сказать, его свойствахъ или въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ онъ находится?

Левинъ видѣлъ, что въ вопросѣ этомъ уже высказывалась мысль, съ которою онъ былъ несогласенъ; но онъ продолжалъ излагать свою мысль, состоящую въ томъ, что русскій рабочій имѣетъ совершенно особенный отъ другихъ народовъ взглядъ на землю. И, чтобы доказать это положеніе, онъ поторопился прибавить, что, по его мнѣнію, этотъ взглядъ русскаго народа вытекаетъ изъ сознанія имъ своего призванія заселить огромныя, незанятыя пространства на востокѣ.

— Легко быть введену въ заблужденіе, дѣлая заключеніе въ общемъ призваніи народа, — сказалъ Метровъ, перебивая Левина. — Состояніе рабочаго всегда будетъ зависѣть отъ его отношенія къ землѣ и капиталу.

И, уже не давая Левину досказать свою мысль, Метровъ началъ излагать ему особенность своего ученія.

Въ чемъ состояла особенность его ученія, Левинъ не понялъ, потому что и не трудился понимать: онъ видѣлъ, что Метровъ, такъ же какъ и другіе, несмотря на свою статью, въ которой онъ опровергалъ ученіе экономистовъ, смотрѣлъ все-таки на положеніе русскаго рабочаго только съ точки зрѣнія капитала, заработной платы и ренты. Хотя онъ и долженъ былъ признать, что въ восточной, самой большой, части Россіи рента еще нуль, что заработная плата выражается для девяти десятыхъ восьми-

десятимилліоннаго русскаго населенія только пропитаніемъ самихъ себя и что капиталъ еще не существуетъ иначе, какъ въ видѣ самыхъ первобытныхъ орудій, но онъ только съ этой точки зрѣнія разсматривалъ всякаго рабочаго, хотя во многомъ и не соглашался съ экономистами и имѣлъ свою новую теорію о заработной платѣ, которую онъ изложилъ Левину.

Левинъ слушалъ неохотно и сначала возражалъ. Ему хотѣлось перебить Метрова, чтобы сказать свою мысль, которая, по его мнѣнію, должна была сдѣлать излишнимъ дальнѣйшее изложеніе. Но потомъ, убѣдившись, что они до такой степени различно смотрятъ на дѣло, что никогда не поймутъ другъ друга, онъ уже и не противорѣчилъ и только слушалъ. Несмотря на то, что ему теперь уже вовсе не было интересно то, что говорилъ Метровъ, онъ испытывалъ, однако, нѣкоторое удовольствіе, слушая его. Самолюбіе его было польщено тѣмъ, что такой ученый человѣкъ такъ охотно, съ такимъ вниманіемъ и довѣріемъ къ знанію предмета Левинымъ, иногда однимъ намекомъ указывая на цѣлую сторону дѣла, высказывалъ ему свои мысли. Онъ приписывалъ это своему достоинству, не зная того, что Метровъ, переговоривъ со всѣми своими близкими, особенно охотно говорилъ объ этомъ предметѣ съ каждымъ новымъ человѣкомъ, да и вообще охотно говорилъ со всѣми и о занимавшемъ его, неясномъ еще ему самому предметѣ.

— Однако мы опоздаемъ, — сказалъ Катавасовъ, взглянувъ на часы, какъ только Метровъ кончилъ свое изложеніе.

— Да, нынче засѣданіе въ обществѣ любителей въ память пятидесятилѣтняго юбилея Свинтича, — сказалъ Катавасовъ на вопросъ Левина. — Мы собирались съ Петромъ Ивановичемъ. Я обѣщалъ прочесть о его трудахъ по зоологіи. Поѣдемъ съ нами, очень интересно.

— Да, и въ самомъ дѣлѣ пора, — сказалъ Метровъ. — Поѣдемте съ нами, а оттуда, если угодно, ко мнѣ. Я бы очень желалъ послушать вашъ трудъ.

— Нѣтъ, что жъ. Это такъ еще, не кончено. Но въ засѣданіе я очень радъ.

— Что жъ, батюшка, слышали? Подалъ отдѣльное мнѣніе,— сказалъ Катавасовъ, въ другой комнатѣ надѣвавшій фракъ.

И начался разговоръ объ университетскомъ вопросѣ.

Университетскій вопросъ былъ очень важнымъ событіемъ въ эту зиму въ Москвѣ. Три старые профессора въ совѣтѣ не приняли мнѣнія молодыхъ; молодые подали отдѣльное мнѣніе. Мнѣніе это, по сужденію однихъ, было ужасное, по сужденію другихъ,

было самое простое и справедливое мнѣніе, и профессора раздѣлились на двѣ партіи.

Одни, къ которымъ принадлежалъ Катавасовъ, видѣли въ противной сторонѣ подлый доносъ и обманъ; другіе — мальчишество и неуваженіе къ авторитетамъ. Левинъ, хотя и не принадлежавшій къ университету, нѣсколько разъ уже въ свою бытность въ Москвѣ слышалъ и говорилъ объ этомъ дѣлѣ и имѣлъ свое составленное на этотъ счетъ мнѣніе; онъ принялъ участіе въ разговорѣ, продолжавшемся и на улицѣ, пока всѣ трое дошли до зданія стараго университета.

Засѣданіе уже началось. У стола, покрытаго сукномъ, за который сѣли Катавасовъ и Метровъ, сидѣло шесть человѣкъ, и одинъ изъ нихъ, близко пригибаясь къ рукописи, читалъ что-то. Левинъ сѣлъ на одинъ изъ пустыхъ стульевъ, стоявшихъ вокругъ стола, и шопотомъ спросилъ у сидѣвшаго тутъ студента, что читаютъ. Студентъ, недовольно оглядѣвъ Левина, сказалъ:

— Біографія.

Хотя Левинъ и не интересовался біографіей ученаго, но невольно слушалъ и узналъ кое-что интереснаго и новаго о жизни знаменитаго ученаго.

Когда чтецъ кончилъ, предсѣдатель поблагодарилъ его и прочелъ присланные ему стихи поэта Мента на этотъ юбилей и нѣсколько словъ въ благодарность стихотворцу. Потомъ Катавасовъ своимъ громкимъ, крикливымъ голосомъ прочелъ свою записку объ ученыхъ трудахъ юбиляра.

Когда Катавасовъ кончилъ, Левинъ посмотрѣлъ на часы, увидалъ, что уже второй часъ, и подумалъ, что онъ не успѣетъ до концерта прочесть Метрову свое сочиненіе, да теперь ему ужъ и не хотѣлось этого. Онъ во время чтенія думалъ тоже о бывшемъ разговорѣ. Ему теперь ясно было, что хотя мысли Метрова, можетъ-быть, и имѣютъ значеніе, но и его мысли также имѣютъ значеніе, — мысли эти могутъ уясниться и привести къ чему-нибудь, только когда каждый будетъ отдѣльно работать на избранномъ пути, а изъ сообщенія этихъ мыслей ничего выйти не можетъ. И, рѣшившись отказаться отъ приглашенія Метрова, Левинъ въ концѣ засѣданія подошелъ къ нему. Метровъ познакомилъ Левина съ предсѣдателемъ, съ которымъ онъ говрилъ о политической новости. При этомъ Метровъ разсказалъ предсѣдателю то же, что онъ разсказывалъ Левину, а Левинъ сдѣлалъ тѣ же замѣчанія, которыя онъ уже дѣлалъ нынче утромъ, но для разнообразія высказалъ и свое новое мнѣніе, которое тутъ же пришло ему въ голову. Послѣ этого начался разговоръ опять объ университетскомъ вопросѣ. Такъ какъ Левинъ уже все это слышалъ,

онъ поторопился сказать Метрову, что сожалѣетъ, что не можетъ воспользоваться его приглашеніемъ, раскланялся и поѣхалъ ко Львову.

5чN

IV.

Львовъ, женатый на Наталіи, сестрѣ Кити, всю свою жизнь провелъ въ столицахъ и за границей, гдѣ онъ и воспитывался и служилъ дипломатомъ.

Въ прошломъ году онъ оставилъ дипломатическую службу, не по непріятности (у него никогда ни съ кѣмъ не бывало непріятностей), и перешелъ на службу въ дворцовое вѣдомство въ Москву, для того чтобы дать наилучшее воспитаніе своимъ двумъ мальчикамъ.

Несмотря на самую рѣзкую противоположность въ привычкахъ и во взглядахъ и на то, что Львовъ былъ старше Левина, они въ эту зиму очень сошлись и полюбили другъ друга.

Львовъ былъ дома, и Левинъ безъ доклада вошелъ къ нему.

Львовъ въ домашнемъ сюртукѣ съ поясомъ, въ замшевыхъ ботинкахъ сидѣлъ на креслѣ и въ pince-nez съ синими стеклами читалъ книгу, стоявшую на пюпитрѣ, осторожно на отлетѣ держа красивою рукой до половины испеплившуюся сигару.

Прекрасное, тонкое и молодое еще лицо его, которому курчавые, блестящіе серебряные волосы придавали еще болѣе породистое выраженіе, просіяло улыбкой, когда онъ увидѣлъ Левина.

— Отлично! А я хотѣлъ къ вамъ посылать. Ну, что Кити? Садитесь сюда: спокойнѣе... — онъ всталъ и подвинулъ качалку. — Читали послѣдній циркуляръ въ Journal de St.-Petersbourg? Я нахожу прекрасно, — сказалъ онъ съ нѣсколько французскимъ акцентомъ.

Левинъ разсказалъ слышанное отъ Катавасова о томъ, что̀ говорятъ въ Петербургѣ, и, поговоривъ о политикѣ, разсказалъ про свое знакомство съ Метровымъ и поѣздку въ засѣданіе. Львова это очень заинтересовало.

— Вотъ я завидую вамъ, что у васъ есть входы въ этотъ интересный ученый міръ, — сказалъ онъ и, разговорившись, какъ обыкновенно, тотчасъ же перешелъ на болѣе удобный ему французскій языкъ. — Правда, что мнѣ и некогда. Моя и служба и занятія дѣтьми лишаютъ меня этого; а потомъ, я не стыжусь сказать, что мое образованіе слишкомъ недостаточно.

— Этого я не думаю, — сказалъ Левинъ съ улыбкой и, какъ всегда, умиляясь на его низкое мнѣніе о себѣ, отнюдь не на-

пущенное на себя изъ желанія казаться или даже быть скромнымъ, но совершенно искреннее.

— Ахъ, какъ же! Я теперь чувствую, какъ я мало образованъ. Мнѣ для воспитанія дѣтей даже нужно много освѣжить въ памяти и просто выучиться. Потому что мало того, чтобы были учителя, нужно, чтобы былъ наблюдатель, какъ въ вашемъ хозяйствѣ нужны работники и надсмотрщикъ. Вотъ я читаю,— онъ показалъ на грамматику Буслаева, лежавшую на пюпитрѣ,— требуютъ отъ Миши, и это такъ трудно... Ну, вотъ объясните мнѣ. Здѣсь онъ говоритъ...

Левинъ хотѣлъ объяснить ему, что понять этого нельзя, а надо учить; но Львовъ не соглашался съ нимъ.

— Да, вотъ вы надъ этимъ смѣетесь!

— Напротивъ, вы не можете себѣ представить, какъ, глядя на васъ, я всегда учусь тому, что́ мнѣ предстоитъ, — именно воспитаніе дѣтей.

— Ну, ужъ учиться - то нечему, — сказалъ Львовъ.

— Я только знаю, — сказалъ Левинъ, — что я не видалъ лучше воспитанныхъ дѣтей, чѣмъ ваши, и не желалъ бы дѣтей лучше вашихъ.

Львовъ, видимо, хотѣлъ удержаться, чтобы не выказать своей радости, но такъ и просіялъ улыбкой.

— Только бы были лучше меня. Вотъ все, чего я желаю. Вы не знаете еще всего труда,—началъ онъ,—съ мальчиками, которые, какъ мои, были запущены этою жизнью за границей.

— Это все нагоните. Они такія способныя дѣти. Главное— нравственное воспитаніе. Вотъ чему я учусь, глядя на вашихъ дѣтей.

— Вы говорите—нравственное воспитаніе. Нельзя себѣ представить, какъ это трудно! Только что вы побороли одну сторону, другія вырастаютъ, и опять борьба. Если не имѣть опоры въ религіи—помните, мы съ вами говорили?—то никакой отецъ однѣми своими силами безъ этой помощи не могъ бы воспитывать.

Интересовавшій всегда Левина разговоръ этотъ былъ прерванъ вошедшею, одѣтою уже для выѣзда, красавицей Натальей Александровной.

— А я не знала, что вы здѣсь,—сказала она, очевидно не только не сожалѣя, но даже радуясь, что перебила этотъ давно извѣстный ей и наскучившій разговоръ.—Ну, что Кити? Я обѣдаю у васъ нынче. Вотъ что, Арсеній, — обратилась она къ мужу, — ты возьмешь карету...

И между мужемъ и женой началось сужденіе, какъ они проведутъ день. Такъ какъ мужу надо было ѣхать встрѣчать кого-

то по службѣ, а женѣ въ концертъ и публичное засѣданіе юго-восточнаго комитета, то надо было много рѣшить и обдумать. Левинъ, какъ свой человѣкъ, долженъ былъ принимать участіе въ этихъ планахъ. Рѣшено было, что Левинъ поѣдетъ съ Натали въ концертъ и на публичное засѣданіе, а оттуда карету пришлютъ въ контору за Арсеніемъ, и онъ заѣдетъ за ней и свезетъ ее къ Кити; или же, если онъ не кончитъ дѣлъ, то пришлетъ карету, и Левинъ поѣдетъ съ нею.

— Вотъ онъ меня портитъ, — сказалъ Львовъ женѣ, — увѣряетъ меня, что наши дѣти прекрасныя, когда я знаю, что въ нихъ столько дурного.

— Арсеній доходитъ до крайности, я всегда говорю, — сказала жена. — Если искать совершенства, то никогда не будешь доволенъ. И правду говоритъ папа, что, когда насъ воспитывали, была одна крайность—насъ держали въ антресоляхъ, а родители жили въ бельэтажѣ, теперь напротивъ: родителей въ чуланъ, а дѣтей въ бельэтажъ. Родители уже теперь не должны жить, а все для дѣтей.

— Что же, если это пріятнѣе?—сказалъ Львовъ улыбаясь своею красивою улыбкой и дотрогиваясь до ея руки.—Кто тебя не знаетъ, подумаетъ, что ты не мать, а мачеха.

— Нѣтъ, крайность ни въ чемъ не хороша,—спокойно сказала Натали, укладывая его разрѣзной ножикъ на столъ въ опредѣленное мѣсто.

— Ну вотъ, подите сюда, совершенныя дѣти, — сказалъ Львовъ входившимъ красавцамъ - мальчикамъ, которые, поклонившись Левину, подошли къ отцу, очевидно желая о чемъ - то спросить его.

Левину хотѣлось поговорить съ ними, послушать, что̀ они скажутъ отцу, но Натали заговорила съ нимъ, и тутъ же вошелъ въ комнату товарищъ Львова по службѣ, Махотинъ въ придворномъ мундирѣ, чтобы ѣхать вмѣстѣ встрѣчать кого-то, и начался уже неумолкаемый разговоръ о Герцеговинѣ, о княжнѣ Корзинской, о думѣ и о скоропостижной смерти Апраксиной.

Левинъ и забылъ про данное ему порученіе. Онъ вспомнилъ, уже выходя въ переднюю.

— Ахъ, Кити мнѣ поручила что-то поговорить съ вами объ Облонскомъ,—сказалъ онъ, когда Львовъ остановился на лѣстницѣ, провожая жену и его.

— Да, да, maman хочетъ, чтобы мы, les beaux-freres, напали на него, — сказалъ онъ краснѣя — И потомъ, почему же я?

— Такъ я же нападу на него,—улыбаясь сказала Львова, дожидавшаяся конца разговора въ своей бѣлой собачьей ротондѣ. — Ну, поѣдемте.

V.

Въ утреннемъ концертѣ давались двѣ очень интересныя вещи.

Одна была фантазія *Король Лиръ въ степи*, другая — былъ квартетъ, посвященный памяти Баха. Обѣ вещи были новыя и въ новомъ духѣ, и Левину хотѣлось составить о нихъ свое мнѣніе. Проводивъ своячиницу къ ея креслу, онъ сталъ у колонны и рѣшился какъ можно внимательнѣе и добросовѣстнѣе слушать. Онъ старался не развлекаться и не портить себѣ впечатлѣнія, глядя на маханіе руками бѣлогалстучнаго капельмейстера, всегда такъ непріятно развлекающее музыкальное вниманіе, на дамъ въ шляпахъ, старательно для концерта завязавшихъ себѣ уши лентами, и на всѣ эти лица, или ничѣмъ не занятыя, или занятыя самыми разнообразными интересами, но только не музыкой. Онъ старался избѣгать встрѣчъ со знатоками музыки и говорунами, а стоялъ, глядя внизъ передъ собой, и слушалъ.

Но чѣмъ болѣе онъ слушалъ фантазію Короля Лира, тѣмъ далѣе онъ чувствовалъ себя отъ возможности составить себѣ какое-нибудь опредѣленное мнѣніе. Безпрестанно начиналось, какъ будто собиралось музыкальное выраженіе чувства, но тотчасъ же оно распадалось на обрывки новыхъ началъ музыкальныхъ выраженій, а иногда просто на ничѣмъ, кромѣ прихоти композитора, не связанные, но чрезвычайно сложные звуки. Но и самые отрывки этихъ музыкальныхъ выраженій, иногда хорошихъ, были непріятны, потому что были совершенно неожиданны и ничѣмъ не приготовлены. Веселость и грусть, и отчаяніе, и нѣжность, и торжество являлись безъ всякаго на то права, точно чувства сумасшедшаго. И, такъ же какъ у сумасшедшаго, чувства эти проходили неожиданно.

Левинъ во все время исполненія испытывалъ чувство глухого, смотрящаго на танцующихъ. Онъ былъ въ совершенномъ недоумѣніи, когда кончилась пьеса, и чувствовалъ большую усталость отъ напряженнаго и ничѣмъ невознагражденнаго вниманія. Со всѣхъ сотронъ послышались громкія рукоплесканія. Всѣ встали, заходили, заговорили. Желая разъяснить по впечатлѣнію другихъ свое недоумѣніе, Левинъ пошелъ ходить, отыскивая знатоковъ, и радъ былъ, увидавъ одного изъ извѣстныхъ знатоковъ въ разговорѣ съ знакомымъ ему Песцовымъ.

— Удивительно! — говорилъ густой басъ Песцова. — Здравствуйте, Константинъ Дмитричъ. Въ особенности образно и скульптурно, такъ сказать, и богато красками то мѣсто, гдѣ вы чувствуете приближенiе Корделiи, гдѣ женщина, das ewig Weibliche, вступаетъ въ борьбу съ рокомъ. Не правда ли?

— То-есть почему же тутъ Корделiя? — робко спросилъ Левинъ, совершенно забывъ, что фантазiя изображала короля Лира въ степи.

— Является Корделiя... вотъ! — сказалъ Песцовъ, ударяя пальцами по атласной афишѣ, которую онъ держалъ въ рукѣ, и передавая ее Левину.

Тутъ только Левинъ вспомнилъ заглавiе фантазiи и поспѣшилъ прочесть въ русскомъ переводѣ стихи Шекспира, напечатанные на оборотѣ афиши.

— Безъ этого нельзя слѣдить, — сказалъ Песцовъ, обращаясь къ Левину, такъ какъ собесѣдникъ его ушелъ и поговорить ему больше не съ кѣмъ было.

Въ антрактѣ между Левинымъ и Песцовымъ завязался споръ о достоинствахъ и недостаткахъ Вагнеровскаго направленiя музыки. Левинъ доказывалъ, что ошибка Вагнера и всѣхъ его послѣдователей въ томъ, что музыка хочетъ переходить въ область чужого искусства, что также ошибается поэзiя, когда описываетъ черты лица, что̀ должна дѣлать живопись, и, какъ примѣръ такой ошибки, онъ привелъ скульптора, который вздумалъ высѣкать изъ мрамора тѣни поэтическихъ образовъ, возстающiя вокругъ фигуры поэта на пьедесталѣ. «Тѣни эти—такъ мало тѣни у скульптора, что онѣ держатся о лѣстницу», сказалъ Левинъ. Фраза эта понравилась ему, но онъ не помнилъ, не говорилъ ли онъ прежде эту же самую фразу и именно Песцову, и, сказавъ это, онъ смутился.

Песцовъ же доказывалъ, что искусство одно и что оно можетъ достигнуть высшихъ своихъ проявленiй только въ соединенiи всѣхъ родовъ.

Второй нумеръ концерта Левинъ уже не могъ слушать. Песцовъ, остановившись подлѣ него, почти все время говорилъ съ нимъ, осуждая эту пьесу за ея излишнюю, приторную, напущенную простоту и сравнивая ее съ простотой прерафаэлитовъ въ живописи. При выходѣ Левинъ встрѣтилъ еще много знакомыхъ, съ которыми онъ поговорилъ и о политикѣ, и о музыкѣ, и объ общихъ знакомыхъ; между прочимъ, встрѣтилъ графа Боля, про визитъ которому онъ совсѣмъ забылъ.

— Ну, такъ поѣзжайте сейчасъ, — сказала ему Львова, которой онъ передалъ это, — можетъ-быть, васъ не примутъ, а потомъ заѣзжайте за мной въ засѣданіе. Вы застанете еще.

VI.

— Можетъ быть не принимаютъ? — сказалъ Левинъ, входя въ сѣни дома графини Боль.

— Принимаютъ, пожалуйте, — сказалъ швейцаръ, рѣшительно снимая съ него шубу.

«Экая досада, — думалъ Левинъ, со вздохомъ снимая одну перчатку и расправляя шляпу. — Ну зачѣмъ я иду? ну что мнѣ съ ними говорить?»

Проходя черезъ первую гостиную, Левинъ встрѣтилъ въ дверяхъ графиню Боль, съ озабоченнымъ и строгимъ лицомъ что-то приказывавшую слугѣ. Увидавъ Левина, она улыбнулась и попросила его въ слѣдующую маленькую гостиную, изъ которой слышались голоса. Въ этой гостиной сидѣли на креслахъ двѣ дочери графини и знакомый Левину московскій полковникъ. Левинъ подошелъ къ нимъ, поздоровался и сѣлъ подлѣ дивана, держа шляпу на колѣнѣ.

— Какъ здоровье вашей жены? Вы были въ концертѣ? Мы не могли. Мама должна была быть на панихидѣ.

— Да, я слышалъ... Какая скоропостижная смерть, — сказалъ Левинъ.

Пришла графиня, сѣла на диванъ и спросила тоже про жену и про концертъ.

Левинъ отвѣтилъ и повторилъ вопросъ про скоропостижность смерти Апраксиной.

— Она всегда, впрочемъ, была слабаго здоровья.

— Вы были вчера въ оперѣ?

— Да, я былъ.

— Очень хороша была Лукка.

— Да, очень хороша, — сказалъ онъ и началъ, такъ какъ ему совершенно было все равно, что о немъ подумаютъ, повторять то, что сотни разъ слышали объ особенности таланта пѣвицы. Графиня Боль притворялась, что слушала. Потомъ, когда онъ достаточно поговорилъ и замолчалъ, полковникъ, молчавшій до сихъ поръ началъ говорить. Полковникъ заговорилъ тоже про оперу и про освѣщеніе. Наконецъ, сказавъ про предполагаемую folle journée у Тюрина, полковникъ засмѣялся, зашумѣлъ, всталъ и ушелъ. Левинъ тоже всталъ, но по лицу гра-

фини онъ замѣтилъ, что ему еще не пора уходить. Еще минуты двѣ надо. Онъ сѣлъ.

Но такъ какъ онъ все думалъ о томъ, какъ это глупо, то и не находилъ предмета разговора и молчалъ.

— Вы не ѣдете на публичное засѣданіе? Говорятъ, очень интересно, — начала графиня.

— Нѣтъ, я обѣщалъ моей belle-soeur заѣхать на ней, — сказалъ Левинъ.

Наступило молчаніе. Мать съ дочерью еще разъ переглянулись.

«Ну, кажется, теперь пора», подумалъ Левинъ и всталъ. Дамы пожали ему руку и просили передать mille choses женѣ.

Швейцаръ спросилъ его, подавая шубу: — Гдѣ изволите стоять? — и тотчасъ же записалъ въ большую, хорошо переплетенную книжку.

«Разумѣется, мнѣ все равно, но все-таки совѣстно и ужасно глупо», подумалъ Левинъ, утѣшая себя тѣмъ, что всѣ это дѣлаютъ, и поѣхалъ въ публичное засѣданіе комитета, гдѣ онъ долженъ былъ найти свояченицу, чтобы съ ней вмѣстѣ ѣхать домой.

Въ публичномъ засѣданіи комитета было много народа и почти все общество. Левинъ засталъ еще обзоръ, который, какъ всѣ говорили, былъ очень интересенъ. Когда кончилось чтеніе обзора, общество сошлось, и Левинъ встрѣтилъ и Свіяжскаго, звавшаго его нынче вечеромъ непремѣнно въ общество сельскаго хозяйства, гдѣ будетъ читаться знаменитый докладъ, и Степана Аркадьевича, который только что пріѣхалъ съ бѣговъ, и еще много другихъ знакомыхъ, и Левинъ еще поговорилъ и послушалъ разныя сужденія о засѣданіи, о новой пьесѣ и о процессѣ. Но вѣроятно вслѣдствіе усталости вниманія, которую онъ начиналъ испытывать, онъ ошибся, говоря о процессѣ, и ошибка эта потомъ нѣсколько разъ съ досадой вспоминалась ему. Говоря о предстоящемъ наказаніи иностранцу, судившемуся въ Россіи, и о томъ, какъ было бы неправильно наказать его высылкой за границу, Левинъ повторилъ то, что онъ слышалъ вчера въ разговорѣ отъ одного знакомаго.

— Я думаю, что выслать его за границу все равно, что наказать щуку, пустивъ ее въ воду, — сказалъ Левинъ. Уже потомъ онъ вспомнилъ, что эта, какъ будто выдаваемая имъ за свою, мысль, услышанная имъ отъ знакомаго, была изъ басни Крылова и что знакомый повторилъ эту мысль изъ фельетона газеты.

Заѣхавъ со свояченицей домой и заставъ Кити веселою и благополучною, Левинъ поѣхавъ въ клубъ.

VII.

Левинъ пріѣхалъ въ клубъ въ свое время. Вмѣстѣ съ нимъ подъѣзжали гости и члены. Левинъ не былъ въ клубѣ очень давно, съ тѣхъ поръ какъ онъ еще по выходѣ изъ университета жилъ въ Москвѣ и ѣздилъ въ свѣтъ. Онъ помнилъ клубъ, внѣшнія подробности его устройства, но совсѣмъ забылъ то впечатлѣніе, которое онъ въ прежнее время испытывалъ въ клубѣ. Но только что, въѣхавъ на широкій, полукруглый дворъ и слѣзши съ извозчика, онъ вступилъ на крыльцо и навстрѣчу ему швейцаръ въ перевязи беззвучно отворилъ дверь и поклонился; только что онъ увидалъ въ швейцарской калоши и шубы членовъ, сообразившихъ, что менѣе труда снимать калоши внизу, чѣмъ вносить ихъ наверхъ; только что онъ услыхалъ таинственный, предшествующій ему звонокъ и увидалъ, входя по отлогой ковровой лѣстницѣ, статую на площадкѣ и въ верхнихъ дверяхъ третьяго состарѣвшагося знакомаго швейцара въ клубной ливреѣ, неторопливо и немедля отворявшаго дверь и оглядывавшаго гостя, — Левина охватило давнишнее впечатлѣніе клуба, — впечатлѣніе отдыха, довольства и приличія.

— Пожалуйте шляпу, — сказалъ швейцаръ Левину, забывшему правило клуба оставлять шляпы въ швейцарской. — Давно не бывали. Князь вчера еще записали васъ. Князя Степана Аркадьевича нѣту еще.

Швейцаръ зналъ не только Левина, но и всѣ его связи и родство, и тотчасъ же упомянулъ о близкихъ ему людяхъ.

Пройдя первую проходную залу съ ширмами и направо перегороженную комнату, гдѣ сидитъ фруктовщикъ, Левинъ, перегнавъ медленно шедшаго старика, вошелъ въ шумѣвшую народомъ столовую.

Онъ прошелъ вдоль почти занятыхъ уже столовъ, оглядывая гостей. То тамъ, то сямъ попадались ему самые разнообразные — и старые и молодые, и едва знакомые и близкіе — люди. Ни одного не было сердитаго и озабоченнаго лица. Всѣ, казалось, оставили въ швейцарской съ шапками свои тревоги и заботы и собирались неторопливо пользоваться матеріальными благами жизни. Тутъ былъ и Свіяжскій, и Щербацкій, и Невѣдовскій, и старый князь, и Вронскій, и Сергѣй Ивановичъ.

— А! что жъ опоздалъ? — улыбаясь сказалъ князь, подавая ему руку черезъ плечо. — Что Кити? — прибавилъ онъ, поправляя салфетку, которую заткнулъ себѣ за пуговицу жилета.

— Ничего, здорова; онѣ втроемъ дома обѣдаютъ.

— А, Алины-Надины. Ну, у насъ мѣста нѣтъ. А иди къ тому столу да занимай скорѣе мѣсто, — сказалъ князь и, отвернувшись, осторожно принялъ тарелку съ ухою изъ налимовъ.

— Левинъ, сюда! — крикнулъ нѣсколько дальше добродушный голосъ. Это былъ Туровцынъ. Онъ сидѣлъ съ молодымъ военнымъ, и подлѣ нихъ были два перевернутые стула. Левинъ съ радостью подошелъ къ нимъ. Онъ и всегда любилъ добродушнаго кутилу Туровцына, — съ нимъ соединялось воспоминанie объясненiя съ Кити, — но нынче, послѣ всѣхъ напряженно умныхъ разговоровъ, добродушный видъ Туровцына былъ ему особенно прiятенъ.

— Это вамъ и Облонскому. Онъ сейчасъ будетъ.

Очень прямо державшiйся военный съ веселыми, всегда смѣющимися глазами былъ петербуржецъ Гагинъ. Туровцынъ познакомилъ ихъ.

— Облонскiй вѣчно опоздаетъ.

— А, вотъ и онъ.

— Ты только что прiѣхалъ? — сказалъ Облонскiй, быстро подходя къ нимъ. — Здорово. Пилъ водку? Ну, пойдемъ.

Левинъ всталъ и пошелъ съ нимъ къ большому столу, уставленному водками и самыми разнообразными закусками. Казалось, изъ двухъ десятковъ закусокъ можно было выбрать, что было по вкусу, но Степанъ Аркадьевичъ потребовалъ какую-то особенную, и одинъ изъ стоявшихъ ливрейныхъ лакеевъ тотчасъ принесъ требуемое. Они выпили по рюмкѣ и вернулись къ столу.

Сейчасъ же, еще за ухой, Гагину подали шампанскаго, и онъ велѣлъ наливать въ четыре стакана. Левинъ не отказался отъ предлагаемаго вина и спросилъ другую бутылку. Онъ проголодался и ѣлъ и пилъ съ большимъ удовольствiемъ и еще съ бóльшимъ удовольствiемъ принималъ участiе въ веселыхъ и простыхъ разговорахъ собесѣдниковъ. Гагинъ, понизивъ голосъ, разсказалъ новый петербургскiй анекдотъ, и анекдотъ, хотя неприличный и глупый, былъ такъ смѣшонъ, что Левинъ расхохотался такъ громко, что на него оглянулись сосѣди.

— Это въ томъ же родѣ, какъ: «я этого-то и терпѣть не могу!» Ты знаешь? — спросилъ Степанъ Аркадьевичъ. — Ахъ, это прелесть! Подай еще бутылку, — сказалъ онъ лакею и началъ разсказывать.

— Петръ Ильичъ Виновскiй просятъ, — перебилъ старичокъ-лакей Степана Аркадьевича, поднося два тоненькiе стакана доигривающаго шампанскаго и обращаясь къ Степану Аркадьевичу и къ Левину. Степанъ Аркадьевичъ взялъ стаканъ и, пере-

глянувшись на другой конецъ стола съ плѣшивымъ, рыжимъ усастымъ мужчиной, помахалъ ему, улыбаясь, головой.

— Кто это? — спросилъ Левинъ.

— Ты его у меня встрѣтилъ разъ, помнишь? Добрый малый.

Левинъ сдѣлалъ то же, что Степанъ Аркадьевичъ, и взялъ стаканъ.

Анекдотъ Степана Аркадьевича былъ тоже очень забавенъ. Левинъ разсказалъ свой анекдотъ, который тоже понравился. Потомъ зашла рѣчь о лошадяхъ, о бѣгахъ нынѣшняго дня и о томъ, какъ лихо Атласный Вронскаго выигралъ первый призъ. Левинъ не замѣтилъ, какъ прошелъ обѣдъ.

— А! вотъ и они! — въ концѣ уже обѣда сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, перегибаясь черезъ спинку стула и протягивая руку шедшему къ нему Вронскому съ высокимъ гвардейскимъ полковникомъ. Въ лицѣ Вронскаго свѣтилось тоже общее клубное веселое добродушіе. Онъ весело облокотился на плечо Степану Аркадьевичу, что-то шепча ему, и съ тою же веселою улыбкой протянулъ руку Левину.

— Очень радъ встрѣтиться, — сказалъ онъ. — А я васъ тогда искалъ на выборахъ, но мнѣ сказали, что вы уже уѣхали, — сказалъ онъ ему.

— Да, я въ тотъ же день уѣхалъ. Мы только что говорили о вашей лошади. Поздравляю васъ, — сказалъ Левинъ. — Это очень быстрая ѣзда.

— Да вѣдь у васъ тоже лошади.

— Нѣтъ, у моего отца были; но я помню и знаю.

— Ты гдѣ обѣдалъ? — спросилъ Степанъ Аркадьевичъ.

— Мы за вторымъ столомъ, за колоннами.

— Его поздравляли, — сказалъ высокій полковникъ. Второй Императорскій призъ; кабы мнѣ такое счастіе въ карты, какъ ему на лошадей.

— Ну, что же золотое время терять. Я иду въ инфернальную, — сказалъ полковникъ и отошелъ отъ стола.

— Это Яшвинъ, — отвѣчалъ Туровцыну Вронскій и присѣлъ на освободившееся подлѣ нихъ мѣсто. Выпивъ предложенный бокалъ, онъ спросилъ бутылку. Подъ вліяніемъ ли клубнаго впечатлѣнія или выпитаго вина Левинъ разговорился съ Вронскимъ о лучшей породѣ скота и былъ очень радъ, что не чувствуетъ никакой враждебности къ этому человѣку. Онъ даже сказалъ ему между прочимъ, что слышалъ отъ жены, что она встрѣтила его у княгини Марьи Борисовны.

— Ахъ, княгиня Марья Борисовна, это прелесть! — сказалъ Степанъ Аркадьевичъ и разсказалъ про нее анекдотъ, который

всѣхъ насмѣшилъ. Въ особенности Вронскій такъ добродушно расхохотался, что Левинъ почувствовалъ себя совсѣмъ примиреннымъ съ нимъ.

— Что жъ, кончили? — сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, вставая и улыбаясь. — Пойдемъ!

VIII.

Выйдя изъ-за стола, Левинъ, чувствуя, что у него на ходьбѣ особенно правильно и легко мотаются руки, пошелъ съ Гагинымъ черезъ высокія комнаты къ бильярдной. Пройдя черезъ большую залу, онъ столкнулся съ тестемъ.

— Ну что? Какъ тебѣ нравится нашъ храмъ праздности!— сказалъ князь, взявъ его подъ руку.—Пойдемъ пройдемся.

— Я и то хотѣлъ походить, посмотрѣть. Это интересно.

— Да, тебѣ интересно. Но мнѣ интересъ ужъ другой, чѣмъ тебѣ. Ты вотъ смотришь на этихъ старичковъ,—сказалъ онъ, указывая на сгорбленнаго члена съ отвислою губой, который чуть передвигая ноги въ мягкихъ сапогахъ, прошелъ имъ навстрѣчу,—и думаешь, что они такъ и родились шлюпиками.

— Какъ шлюпиками?

— Ты вотъ и не знаешь этого названія. Это нашъ клубный терминъ. Знаешь, какъ яйца катають, такъ когда много катають, то сдѣлается шлюпикъ. Такъ и нашъ братъ: ѣздишь, ѣздишь въ клубъ, и сдѣлаешься шлюпикомъ. Да, вотъ ты смѣешься, а нашъ братъ уже смотритъ, когда самъ въ шлюпики попадетъ. Ты знаешь князя Чеченскаго?—спросилъ князь, и Левинъ видѣлъ по лицу, что онъ собирается разсказать что-то смѣшное.

— Нѣтъ, не знаю.

— Ну, какъ же! Ну, князь Чеченскій, извѣстный. Ну, все равно. Вотъ онъ всегда на бильярдѣ играетъ. Онъ еще года три тому назадъ не былъ въ шлюпикахъ и храбрился. И самъ другихъ шлюпиками называлъ. Только пріѣзжаетъ онъ разъ, а швейцаръ нашъ... ты знаешь, Василій? Ну, этотъ толстый. Онъ бонмотистъ большой. Вотъ и спрашиваетъ князь Чеченскій у него: «ну что, Василій, кто да кто пріѣхалъ? А шлюпики есть?» А онъ ему говоритъ: «вы третій». Да, братъ, такъ-то!

Разговаривая и здороваясь съ встрѣчавшимися знакомыми, Левинъ съ княземъ прошелъ всѣ комнаты: большую, гдѣ стояли уже столы и играли въ небольшую игру привычные партнеры; диванную, гдѣ играли въ шахматы и сидѣлъ Сергѣй Ивано-

вичъ, разговаривая съ кѣмъ-то; бильярдную, гдѣ на изгибѣ комнаты у дивана составилась веселая партія съ шампанскимъ, въ которой участвовалъ Гагинъ; заглянули и въ инфернальную, гдѣ у одного стола, за который уже сѣлъ Яшвинъ, толпилось много придерживавшихъ. Стараясь не шумѣть, они вошли и въ темную читальную, гдѣ подъ лампами съ абажурами сидѣлъ одинъ молодой человѣкъ съ сердитымъ лицомъ, перехватывавшій одинъ журналъ за другимъ, и плѣшивый генералъ, углубленный въ чтеніе. Вошли и въ ту комнату, которую князь называлъ умною. Въ этой комнатѣ трое господъ горячо говорили о послѣдней политической новости.

— Князь, пожалуйте, готово,—сказалъ одинъ изъ его партнеровъ, найдя его тутъ, и князь ушелъ. Левинъ посидѣлъ, послушалъ, но, вспомнивъ всѣ разговоры нынѣшняго утра, ему вдругъ стало ужасно скучно. Онъ поспѣшно всталъ и пошелъ искать Облонскаго и Туровцына, съ которыми было весело.

Туровцынъ сидѣлъ съ кружкой питья на высокомъ диванѣ въ бильярдной, и Степанъ Аркадьевичъ съ Вронскимъ о чемъ-то разговаривали у двери въ дальнемъ углу комнаты.

— Она не то что скучаетъ, но эта неопредѣленность, нерѣшительность положенія,—слышалъ Левинъ и хотѣлъ поспѣшно отойти; но Степанъ Аркадьевичъ подозвалъ его.

— Левинъ,—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, и Левинъ замѣтилъ, что у него на глазахъ были не слезы, а влажность, какъ это всегда бывало у него, или когда онъ выпилъ, или когда онъ расчувствовался. Нынче было то и другое.—Левинъ, не уходи,—сказалъ онъ и крѣпко сжалъ его руку за локоть, очевидно ни за что не желая выпустить его.

— Это мой искренній, едва ли не лучшій другъ,—сказалъ онъ Вронскому.—Ты для меня тоже еще болѣе близокъ и дорогъ. И я хочу и знаю, что вы должны быть дружны и близки, потому что вы оба хорошіе люди.

— Что жъ, намъ остается только поцѣловаться,—добродушно шутя, сказалъ Вронскій, подавая руку.

Онъ быстро взялъ протянутую руку и крѣпко пожалъ ее.

— Я очень, очень радъ,—сказалъ Левинъ, пожимая его руку.

— Человѣкъ, бутылку шампанскаго,—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ.

— И я очень радъ, сказалъ Вронскій.

Но, несмотря на желаніе Степана Аркадьевича и ихъ взаимное желаніе, имъ говорить было нечего, и оба это чувствовали.

— Ты знаешь, что онъ незнакомъ съ Анной?—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ Вронскому.—И я непремѣнно хочу свозить его къ ней. Поѣдемъ, Левинъ!

— Неужели!—сказалъ Вронскій.—Она будетъ очень рада. Я бы сейчасъ поѣхалъ домой,—прибавилъ онъ,—но Яшвинъ меня безпокоитъ, и я хочу побыть тутъ, пока онъ кончитъ.

— А что, плохо?

— Все проигрываетъ, и я только одинъ могу его удержать.

— Такъ что жъ, пирамидку? Левинъ, будешь играть? Ну и прекрасно,—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ.—Ставь пирамидку,—обратился онъ къ маркеру.

— Давно готово,—отвѣчалъ маркеръ, уже уставившій въ треугольникъ шары и для развлеченія перекатывавшій красный.

— Ну, давайте.

Послѣ партіи Вронскій и Левинъ подсѣли къ столу Гагина, и Левинъ сталъ, по предложенію Степана Аркадьевичъ, держать на тузы. Вронскій то сидѣлъ у стола, окруженный безпрестанно подходившими къ нему знакомыми, то ходилъ въ инфернальную провѣдывать Яшвина. Левинъ испытывалъ пріятный отдыхъ отъ умственной усталости утра. Его радовало прекращеніе враждебности съ Вронскимъ, и впечатлѣніе спокойствія, приличія и удовольствія не оставляло его.

Когда партія кончилась, Степанъ Аркадьевичъ взялъ Левина подъ руку.

— Ну, такъ поѣдемъ къ Аннѣ. Сейчасъ? А? Она дома. Я давно обѣщалъ ей привезти тебя. Ты куда собирался вечеромъ?

— Да никуда особенно. Я обѣщалъ Свіяжскому въ общество сельскаго хозяйства. Пожалуй, поѣдемъ,—сказалъ Левинъ.

— Отлично, ѣдемъ! Узнай, пріѣхала ли моя карета,—обратился Степанъ Аркадьевичъ къ лакею.

Левинъ подошелъ къ столу, заплатилъ проигранное имъ на тузы сорокъ рублей, заплатилъ какимъ-то таинственнымъ образомъ извѣстные старичку-лакею, стоявшему у притолоки, расходы по клубу и, особенно размахивая руками, пошелъ по всѣмъ заламъ къ выходу.

IX.

— Облонскаго карету!—сердитымъ басомъ прокричалъ швейцаръ. Карета подъѣхала, и оба сѣли. Только первое время, пока карета выѣзжала изъ воротъ клуба, Левинъ продолжалъ испытывать впечатлѣніе клубнаго покоя, удовольствія и несо-

мнѣнной приличности окружающаго; но какъ только карета выѣхала на улицу и онъ почувствовалъ качку экипажа по неровной дорогѣ, услыхалъ сердитый крикъ встрѣчнаго извозчика, увидѣлъ при неяркомъ освѣщенiи красную вывѣску кабака и лавочки, впечатлѣнiе это разрушилось, и онъ началъ обдумывать свои поступки и спросилъ себя, хорошо ли онъ дѣлаетъ, что ѣдетъ къ Аннѣ. Что скажетъ Кити? Но Степанъ Аркадьевичъ не далъ ему задуматься и, какъ бы угадывая его сомнѣнiя, разсѣялъ ихъ.

— Какъ я радъ,—сказалъ онъ,—что ты узнаешь ее. Ты знаешь, Долли давно этого желала. И Львовъ былъ же у нея и бываетъ. Хоть она мнѣ и сестра,—продолжалъ Степанъ Аркадьевичъ,—я смѣло могу сказать, что это замѣчательная женщина. Вотъ ты увидишь. Положенiе ея очень тяжело, въ особенности теперь.

— Почему же въ особенности теперь?

— У насъ идутъ переговоры съ ея мужемъ о разводѣ. И онъ согласенъ; но тутъ есть затрудненiя относительно сына, и дѣло это, которое должно было кончиться давно уже, вотъ тянется три мѣсяца. Какъ только будетъ разводъ, она выйдетъ за Вронскаго. Какъ это глупо, этотъ старый обычай круженiя, Исаiя ликуй, въ который никто не вѣритъ и который мѣшаетъ счастiю людей!—вставилъ Степанъ Аркадьевичъ.—Ну, и тогда ихъ положенiе будетъ опредѣленно, какъ мое, какъ твое.

— Въ чемъ же затрудненiе?—сказалъ Левинъ.

— Ахъ, это длинная и скучная исторiя! Все это такъ неопредѣленно у насъ. Но дѣло въ томъ,—она, ожидая этого развода въ Москвѣ, гдѣ всѣ его и ее знаютъ, живетъ три мѣсяца; никуда не выѣзжаетъ, никого не видаетъ изъ женщинъ, кромѣ Долли, потому что, понимаешь ли, она не хочетъ, чтобы къ ней ѣздили изъ милости: эта дура княжна Варвара—и та уѣхала, считая это неприличнымъ. Такъ вотъ, въ этомъ положенiи другая женщина не могла бы найти въ себѣ рессурсовъ. Она же, вотъ ты увидишь, какъ она устроила свою жизнь, какъ она спокойна, достойна. Налѣво, въ переулокъ противъ церкви!—крикнулъ Степанъ Аркадьевичъ, перегибаясь въ окно кареты.—Фу какъ жарко!—сказалъ онъ, несмотря на 12 градусовъ мороза распахивая еще больше свою и такъ распахнутую шубу.

— Да вѣдь у нея дочь, вѣрно она ею занята?—сказалъ Левинъ.

— Ты, кажется, представляешь себѣ всякую женщину только самкой, une couveuse,—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ.—Занята, то непремѣнно дѣтьми. Нѣтъ, она прекрасно воспитываетъ ее,

кажется, но про нее не слышно. Она занята, во-первыхъ, тѣмъ, что пишетъ. Ужъ я вижу, что ты иронически улыбаешься, но напрасно. Она пишетъ дѣтскую книгу и никому не говоритъ про это, но мнѣ читала, и я давалъ рукопись Воркуеву... знаешь, этотъ издатель... и самъ онъ писатель, кажется. Онъ знаетъ толкъ, и онъ говоритъ, что это замѣчательная вещь. Но ты думаешь, что это—женщина-авторъ? Нисколько. Она прежде всего женщина съ сердцемъ, ты вотъ увидишь. Теперь у нея дѣвочка англичанка и цѣлое семейство, которымъ она занята.

— Что жъ, это филантропическое что-нибудь?

— Вотъ ты все сейчасъ хочешь видѣть дурное. Не филантропическое, а сердечное. У нихъ, то-есть у Вронскаго, былъ тренеръ англичанинъ, мастеръ своего дѣла, но пьяница. Онъ совсѣмъ запилъ, delirum tremens, и семейство брошено. Она увидала ихъ, помогла, втянулась, и теперь все семейство на ея рукахъ, да не такъ, свысока, деньгами, а она сама готовитъ мальчиковъ по-русски въ гимназію, а дѣвочку взяла къ себѣ. Да вотъ ты увидишь ее.

Карета въѣхала на дворъ, и Степанъ Аркадьевичъ громко позвонилъ у подъѣзда, у котораго стояли сани.

И, не спросивъ у отворившаго дверь артельщика, дома ли, Степанъ Аркадьевичъ вошелъ въ сѣни. Левинъ шелъ за нимъ, все болѣе и болѣе сомнѣваясь въ томъ, хорошо или дурно онъ дѣлаетъ.

Посмотрѣвшись въ зеркало, Левинъ замѣтилъ, что онъ красенъ; но онъ былъ увѣренъ, что не пьянъ, и пошелъ по ковровой лѣстницѣ вверхъ за Степаномъ Аркадьевичемъ. Наверху у поклонившагося, какъ близкому человѣку, лакея Степанъ Аркадьевичъ спросилъ, кто у Анны Аркадьевны, и получилъ отвѣтъ, что господинъ Воркуевъ.

— Гдѣ они?

— Въ кабинетѣ.

Пройдя небольшую столовую съ темными деревянными стѣнами, Степанъ Аркадьевичъ съ Левинымъ по мягкому ковру вошли въ полутемный кабинетъ, освѣщенный одною съ большимъ темнымъ абажуромъ лампой. Другая лампа рефракторъ горѣла на стѣнѣ и освѣщала большой во весь ростъ портретъ женщины, на который Левинъ невольно обратилъ вниманіе. Это былъ портретъ Анны, дѣланный въ Италіи Михайловымъ. Въ то время какъ Степанъ Аркадьевичъ заходилъ за трельяжъ и говорившій мужской голосъ замолкъ, Левинъ смотрѣлъ на портретъ, въ блестящемъ освѣщеніи выступавшій изъ рамы, и не могъ оторваться отъ него. Онъ даже забылъ, гдѣ былъ, и, не

слушая того, что говорилось, не спускалъ глазъ съ удивительнаго портрета. Это была не картина, а живая прелестная женщина, съ черными вьющимися волосами, обнаженными плечами и руками и задумчивою полуулыбкой, на покрытыхъ нѣжнымъ пушкомъ губахъ, побѣдительно и нѣжно смотрѣвшая на него смущавшими его глазами. Только потому она была не живая, что она была красивѣе, чѣмъ можетъ быть живая.

— Я очень рада,—услыхалъ онъ вдругъ подлѣ себя голосъ, очевидно обращенный къ нему,—голосъ той самой женщины, которою онъ любовался на портретѣ. Анна вышла ему навстрѣчу изъ-за трельяжа, и Левинъ увидѣлъ въ полусвѣтѣ кабинета ту самую женщину портрета въ темномъ, разноцвѣтно-синемъ платьѣ, не въ томъ положеніи, не съ тѣмъ выраженіемъ, но на той самой высотѣ красоты, на которой она была уловлена художникомъ на портретѣ. Она была менѣе блестяща въ дѣйствительности, но зато въ живой было и что-то такое новое привлекательное, чего не было на портретѣ

X.

Она встала ему навстрѣчу, не скрывая своей радости увидать его. И въ томъ спокойствіи, съ которымъ она протянула ему маленькую и энергическую руку, познакомила его съ Воркуевымъ и указала на рыжеватую хорошенькую дѣвочку, которая тутъ же сидѣла за работой, назвавъ ее своею воспитанницей, были знакомые и пріятные Левину пріемы женщины большого свѣта, всегда спокойной и естественной.

— Очень, очень рада,—повторила она, и въ устахъ ея для Левина эти простыя слова почему-то получили особенное значеніе.—Я васъ давно знаю и люблю и по дружбѣ со Стивой, и за вашу жену... я знала ее очень мало времени, но она оставила во мнѣ впечатлѣніе прелестнаго цвѣтка, именно цвѣтка. И она ужъ скоро будетъ матерью!

Она говорила свободно и неторопливо, изрѣдка переводя свой взглядъ съ Левина на брата. И Левинъ чувствовалъ, что впечатлѣніе, произведенное имъ, было хорошее, и ему съ нею тотчасъ же стало легко, просто и пріятно, какъ будто онъ съ дѣтства зналъ ее.

— Мы съ Иваномъ Петровичемъ помѣстились въ кабинетѣ Алексѣя, — сказала она, отвѣчая Степану Аркадьевичу на его вопросъ, можно ли курить,—именно за тѣмъ, чтобы курить — и, взглянувъ на Левина, вмѣсто вопроса: куритъ ли онъ? подвинула къ себѣ черепаховый портсигаръ и вынула пахитоску.

— Какъ твое здоровье нынче?—спросилъ ее братъ.

— Ничего. Нервы какъ всегда.

— Не правда ли, необыкновенно хорошо?—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, замѣтивъ, что Левинъ взглядывалъ на портретъ.

— Я не видалъ лучше портрета.

— И необыкновенно похоже, не правда ли?—сказалъ Воркуевъ.

Левинъ поглядѣлъ съ портрета на оригиналъ. Особенный блескъ освѣтилъ лицо Анны въ то время, какъ она почувствовала на себѣ его взглядъ. Левинъ покраснѣлъ и, чтобы скрыть свое смущеніе, хотѣлъ спросить, давно ли она видѣла Дарью Александровну, но въ то же время Анна заговорила:

— Мы сейчасъ говорили съ Ивапомъ Петровичемъ о послѣднихъ картинахъ Ващенкова. Вы видѣли ихъ?

— Да, я видѣлъ,—отвѣчалъ Левинъ.

— Но виновата, я васъ перебила, вы хотѣли сказать...

Левинъ спросилъ, давно ли она видѣла Долли.

— Вчера она была у меня, она очень разсержена за Гришу на гимназію. Латинскій учитель, кажется, несправедливъ былъ къ нему.

— Да, я видѣлъ картины. Онѣ мнѣ не очень понравились,—вернулся Левинъ къ начатому ею разговору.

Левинъ говорилъ теперь совсѣмъ уже не съ тѣмъ ремесленнымъ отношеніемъ къ дѣлу, съ которымъ онъ разговаривалъ въ это утро. Всякое слово въ разговорѣ съ нею получало особенное значеніе. И говорить съ ней бѣло пріятно, еще пріятнѣе было слушать ее.

Анна говорила не только естественно, умно, но умно и небрежно, не приписывая никакой цѣны своимъ мыслямъ, а придавая большую цѣну мыслямъ собесѣдника.

Разговоръ зашелъ о новомъ направленіи искусства, о новой иллюстраціи Библіи французскимъ художникомъ. Воркуевъ обвинялъ художника въ реализмѣ, доведенномъ до грубости. Левинъ сказалъ, что французы довели условность въ искусствѣ какъ никто и что поэтому они особенную заслугу видятъ въ возвращеніи къ реализму. Въ томъ, что они уже не лгутъ, они видятъ поэзію.

Никогда еще ни одна умная вещь, сказанная Левинымъ, не доставляла ему такого удовольствія, какъ эта. Лицо Анны вдругъ все просіяло, когда она вдругъ оцѣнила эту мысль. Она засмѣялась.

— Я смѣюсь,—сказала она,—какъ смѣешься, когда увидишь очень похожій портретъ. То, что вы сказали совершенно ха-

рактеризуетъ французское искусство теперь, и живопись, и даже литературу: Zola, Daudet. Но, можетъ-быть, это всегда такъ бываетъ, что строятъ свои conceptions изъ выдуманныхъ условныхъ фигуръ, а потомъ—всѣ combinaisons сдѣланы, выдуманныя фигуры надоѣли, и начинаютъ придумывать болѣе натуральныя, справедливыя фигуры.

— Вотъ это совершенно вѣрно!—сказалъ Воркуевъ.

— Такъ вы были въ клубѣ?—обратилась она къ брату.

«Да, да, вотъ женщина!» думалъ Левинъ, забывшись и упорно глядя на ея красивое, подвижное лицо, которое теперь вдругъ совершенно перемѣнилось. Левинъ не слыхалъ, о чемъ она говорила, перегнувшись къ брату, но онъ былъ пораженъ перемѣной ея выраженія. Прежде столь прекрасное въ своемъ спокойствіи, ея лицо вдругъ выразило странное любопытство, гнѣвъ и гордость. Но это продолжалось только одну минуту. Она сощурилась, какъ бы вспоминая что-то.

— Ну, да впрочемъ, это никому не интересно,—сказала она и обратилась къ англичанкѣ:—Please order the tea in the drawing-room.

Дѣвочка поднялась и вышла.

— Ну что же, она выдержала экзаменъ?—спросилъ Степанъ Аркадьевичъ.

— Прекрасно. Очень способная дѣвочка и милый характеръ.

— Кончится тѣмъ, что ты ее будешь любить больше своей.

— Вотъ мужчина говоритъ. Въ любви нѣтъ больше и меньше. Люблю дочь одною любовью, ее другою.

— Я вотъ говорю Аннѣ Аркадьевнѣ,—сказалъ Воркуевъ,— что если бъ она положила хоть одну сотую той энергіи на общее дѣло воспитанія русскихъ дѣтей, которую она кладетъ на эту англичанку, Анна Аркадьевна сдѣлала бы большое, полезное дѣло.

— Да, вотъ что хотите, я не могла. Графъ Алексѣй Кирилловичъ очень поощрялъ меня (произнося слова *графъ Алексѣй Кирилловичъ*, она просительно - робко взглянула на Левина, и онъ невольно отвѣчалъ ей почтительнымъ и утвердительнымъ взглядомъ), поощрялъ меня заняться школой въ деревнѣ. Я ходила нѣсколько разъ. Онѣ очень милы, но я не могла привязаться къ этому дѣлу. Вы говорите—энергію. Энергія основана на любви. А любовь неоткуда взять, приказать нельзя. Вотъ я полюбила эту дѣвочку, сама не знаю зачѣмъ.

И она опять взглянула на Левина. И улыбка и взглядъ ея— все говорило ему, что она къ нему только обращаетъ свою

рѣчь, дорожа его мнѣніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ впередъ зная, что они понимаютъ другъ друга.

— Я совершенно это понимаю,—отвѣчалъ Левинъ.—На школу и вообще на подобныя учрежденія нельзя положить сердца, и думаю, что отъ этого именно эти филантропическія учрежденія даютъ всегда такъ мало результатовъ.

Она помолчала, потомъ улыбнулась.—Да, да,—подтвердила она.—Я никогда не могла. Je n'ai pas le coeur assez large, чтобы полюбить цѣлый пріютъ съ гаденькими дѣвочками. Cela ne m'a jamais réussi. Столько есть женщинъ, которыя изъ этого сдѣлали себѣ position sociale. И теперь тѣмъ болѣе,—сказала она, съ грустнымъ, довѣрчивымъ выраженіемъ обращаясь по внѣшности къ брату, но очевидно только къ Левину.—И теперь, когда мнѣ такъ нужно какое-нибудь занятіе, я не могу.— И вдругъ нахмурившись (Левинъ понялъ, что она нахмурилась на самое себя за то, что говоритъ про себя), она перемѣнила разговоръ.—Я знаю про васъ,—сказала она Левину,—что вы плохой гражданинъ, и я васъ защищала, какъ умѣла.

— Какъ же вы меня защищали?

— Смотря по нападеніямъ. Впрочемъ, не угодно ли чаю? — Она поднялась и взяла въ руку переплетенную сафьянную книгу.

— Дайте мнѣ, Анна Аркадьевна, — сказалъ Воркуевъ, указывая на книгу. — Это очень стóитъ того.

— О нѣтъ, это все такъ не отдѣлано.

— Я ему сказалъ, — обратился Степанъ Аркадьевичъ къ сестрѣ, указывая на Левина.

— Напрасно сдѣлалъ. Мое писанье — это въ родѣ тѣхъ корзиночекъ и рѣзьбы, которыя мнѣ продавала бывало Лиза Меркалова изъ остроговъ. Она завѣдывала острогами въ этомъ обществѣ, — обратилась она къ Левину. — И эти несчастные дѣлали чудеса терпѣнія.

И Левинъ увидалъ еще новую черту въ этой такъ необыкновенно понравившейся ему женщинѣ. Кромѣ ума, граціи, красоты, въ ней была правдивость. Она отъ него не хотѣла скрывать всей тяжести своего положенія. Сказавъ это, она вздохнула, и лицо ея, вдругъ принявъ строгое выраженіе, какъ бы окаменѣло. Съ такимъ выраженіемъ на лицѣ она была еще красивѣе, чѣмъ прежде; но это выраженіе было новое; оно было внѣ того сіяющаго счастіемъ и рождающаго счастіе круга выраженій, которыя были уловлены художникомъ на портретѣ. Левинъ посмотрѣлъ еще разъ на портретъ и на ея фигуру, какъ она, взявъ руку брата, проходила съ нимъ въ высокія двери,

и почувствовалъ къ ней нѣжность и жалость, удивившія его самого.

Она попросила Левина и Воркуева пройти въ гостиную, а сама осталась поговорить о чемъ-то съ братомъ. «О разводѣ, о Вронскомъ, о томъ, что̀ онъ дѣлаетъ въ клубѣ, обо мнѣ», думалъ Левинъ. И его такъ волновалъ вопросъ о томъ, что̀ она говоритъ со Степаномъ Аркадьевичемъ, что онъ почти не слушалъ того, что разсказывалъ ему Воркуевъ о достоинствахъ написаннаго Анной Аркадьевной романа для дѣтей.

За чаемъ продолжался тотъ же пріятный, полный содержанія разговоръ. Не только не было ни одной минуты, чтобы надо было отыскивать предметъ для разговора, но, напротивъ, чувствовалось, что не успѣваешь сказать того, что хочешь, и охотно удерживаешься, слушая, что̀ говоритъ другой. И все, что̀ ни говорили, не только она сама, но Воркуевъ, Степанъ Аркадьевичъ, — все получало, какъ казалось Левину, благодаря ея вниманію и замѣчаніямъ, особенное значеніе.

Слѣдя за интереснымъ разговоромъ, Левинъ все время любовался ею — и красотой ея, и умомъ, и образованностью, и вмѣстѣ простотой и задушевностью. Онъ слушалъ, говорилъ и все время думалъ о ней, о ея внутренней жизни, стараясь угадать ея чувства. И, прежде такъ строго осуждавшій ее, онъ теперь по какому-то странному ходу мыслей оправдывалъ ее и вмѣстѣ жалѣлъ и боялся, что Вронскій не вполнѣ понимаетъ ее. Въ одиннадцатомъ часу, когда Степанъ Аркадьевичъ поднялся, чтобъ уѣзжать (Воркуевъ еще раньше уѣхалъ), Левину показалось, что онъ только что пріѣхалъ. Левинъ съ сожалѣніемъ тоже всталъ.

— Прощайте, — сказала она, удерживая его за руку и глядя ему въ глаза притягивающимъ взглядомъ. — Я очень рада, que la glace est rompue.

Она выпустила его руку и прищурилась.

— Передайте вашей женѣ, что я люблю ее какъ прежде и что если она не можетъ простить мнѣ мое положеніе, то я желаю ей никогда не прощать меня. Чтобы простить, надо пережить то, что̀ я пережила, а отъ этого избави ее Богъ.

— Непремѣнно, да, я передамъ... — краснѣя говорилъ Левинъ

XI.

«Какая удивительная, милая и жалкая женщина», думалъ онъ, выходя со Степаномъ Аркадьевичемъ на морозный воздухъ.

— Ну, что? Я говорилъ тебѣ, — сказалъ ему Степанъ Аркадьевичъ, видя, что Левинъ былъ совершенно побѣжденъ.

— Да,—задумчиво отвѣчалъ Левинъ,—необыкновенная женщина! Не то что умна, но сердечная удивительно. Ужасно жалко ее!

— Теперь, Богъ дастъ, скоро все устроится. Ну то-то, впередъ не суди,—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, отворяя дверцы кареты. — Прощай, намъ не по дорогѣ.

Не переставая думать объ Аннѣ, о всѣхъ тѣхъ самыхъ простыхъ разговорахъ, которые были съ нею, и вспоминая при этомъ всѣ подробности выраженія ея лица, все болѣе и болѣе входя въ ея положеніе и чувствуя къ ней жалость, Левинъ пріѣхалъ домой.

Дома Кузьма передалъ Левину, что Катерина Александровна здоровы, что недавно только уѣхали отъ нихъ сестрицы, и подалъ два письма. Левинъ тутъ же, въ передней, чтобы потомъ не развлекаться, прочелъ ихъ. Одно было отъ Соколова, приказчика. Соколовъ писалъ, что пшеницу нельзя продать, даютъ только пять съ половиной рублей, а денегъ больше взять неоткудова. Другое письмо было отъ сестры. Она упрекала его за то, что дѣло ея все еще не было сдѣлано.

«Ну, продадимъ за пять съ полтиной, коли не даютъ больше», тотчасъ же съ необыкновенною легкостью рѣшилъ Левинъ первый вопросъ, прежде казавшійся ему столь труднымъ. «Удивительно, какъ здѣсь все время занято», подумалъ онъ о второмъ письмѣ. Онъ чувствовалъ себя виноватымъ передъ сестрой за то, что до сихъ поръ не сдѣлалъ того, о чемъ она просила его. «Нынче опять не поѣхалъ въ судъ, но нынче уже точно было некогда». И, рѣшивъ, что онъ это непремѣнно сдѣлаетъ завтра, пошелъ къ женѣ. Идя къ ней, Левинъ воспоминаніемъ быстро пробѣжалъ весь проведенный день. Всѣ событія дня были разговоры, — разговоры, которые онъ слушалъ и въ которыхъ участвовалъ. Всѣ разговоры были о такихъ предметахъ, которыми онъ, если бы былъ одинъ и въ деревнѣ, никогда бы не занялся, а здѣсь они были очень интересны. И всѣ разговоры были хорошіе; только въ двухъ мѣстахъ было не совсѣмъ хорошо. Одно то, чтó онъ сказалъ про щуку, другое — что было что-то *не то* въ нѣжной жалости, которую онъ испытывалъ къ Аннѣ.

Левинъ засталъ жену грустною и скучающею. Обѣдъ трехъ сестеръ удался бы очень весело, но потомъ его ждали, ждали, всѣмъ стало скучно, сестры разъѣхались, и она осталась одна.

— Ну, а ты что дѣлалъ?—спросила она, глядя ему въ глаза, что - то особенно подозрительно блестѣвшіе. Но, чтобы не помѣшать ему все разсказать, она скрыла свое вниманіе и съ одобрительною улыбкой слушала его разсказъ о томъ, какъ онъ провелъ вечеръ.

— Ну, я очень радъ былъ, что встрѣтилъ Вронскаго. Мнѣ очень легко и просто было съ нимъ. Понимаешь, теперь я постараюсь никогда не видаться съ нимъ, но чтобъ эта неловкость была кончена,—сказалъ онъ, и вспомнивъ, что онъ, *стараясь никогда не видаться*, тотчасъ же поѣхалъ къ Аннѣ, онъ покраснѣлъ. — Вотъ мы говоримъ, что народъ пьетъ; не знаю, кто больше пьетъ — народъ или наше сословіе; народъ хоть въ праздникъ, но...

Но Кити не интересно было разсужденіе о томъ, какъ пьетъ народъ. Она видѣла, что онъ покраснѣлъ, и желала знать, почему.

— Ну, потомъ гдѣ жъ ты былъ?

— Стива ужасно упрашивалъ меня поѣхать къ Аннѣ Аркадьевнѣ.

И, сказавъ это, Левинъ покраснѣлъ еще больше, и сомнѣнія его о томъ, хорошо или дурно онъ сдѣлалъ, поѣхавъ къ Аннѣ, были окончательно разрѣшены. Онъ зналъ теперь, что этого не надо было дѣлать.

Глаза Кити особенно раскрылись и блеснули при имени Анны, но, сдѣлавъ усиліе надъ собой, она скрыла свое волненіе и обманула его.

— А! — только сказала она.

— Ты вѣрно не будешь сердиться, что я поѣхалъ. Стива просилъ, и Долли желала этого, — продолжалъ Левинъ.

— О, нѣтъ, — сказала она, но въ глазахъ ея онъ видѣлъ усиліе надъ собой, не обѣщавшее ему ничего добраго.

— Она очень милая, очень, очень жалкая, хорошая женщина, — говорилъ онъ, разсказывая про Анну, ея занятія и про то, что̀ она велѣла сказать.

— Да, разумѣется, она очень жалкая,—сказала Кити, когда онъ кончилъ. — Отъ кого ты письмо получилъ?

Онъ сказалъ ей и, повѣривъ ея спокойному тону, пошелъ раздѣваться.

Вернувшись, онъ засталъ Кити на томъ же креслѣ. Когда онъ подошелъ къ ней, она взглянула на него и зарыдала.

— Что? что? — спрашивалъ онъ, уже зная впередъ *что*.

— Ты влюбился въ эту гадкую женщину, она обворожила тебя. Я видѣла по твоимъ глазамъ. Да, да! Что жъ можетъ

выйти изъ этого? Ты въ клубѣ пилъ, пилъ, игралъ и потомъ поѣхалъ... къ кому? Нѣтъ, уѣдемъ... Завтра я уѣду.

Долго Левинъ не могъ успокоить жену. Наконецъ онъ успокоилъ ее, только признавшись, что чувство жалости въ соединеніи съ виномъ сбили его и онъ поддался хитрому вліянію Анны и что онъ будетъ избѣгать ее. Одно, въ чемъ онъ искреннѣе признавался, было то, что, живя такъ долго въ Москвѣ, за одними разговорами, ѣдой и питьемъ, онъ ошалѣлъ. Они проговорили до трехъ часовъ ночи. Только въ три часа они настолько примирились, что могли заснуть.

XII.

Проводивъ гостей, Анна, не садясь, стала ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Хотя она безсознательно (какъ она дѣйствовала въ это послѣднее время въ отношеніи ко всѣмъ молодымъ мужчинамъ) цѣлый вечеръ дѣлала все возможное для того, чтобы возбудить въ Левинѣ чувство любви къ себѣ, и хотя она знала, что она достигла этого, насколько это возможно въ отношеніи къ женатому честному человѣку и въ одинъ вечеръ, и хотя онъ очень понравился ей (несмотря на рѣзкое различіе, съ точки зрѣнія мужчины, между Вронскимъ и Левинымъ, она, какъ женщина, видѣла въ нихъ то самое общее, за что Кити полюбила и Вронскаго и Левина), какъ только онъ вышелъ изъ комнаты, она перестала думать о немъ.

Одна и одна мысль неотвязно въ разныхъ видахъ преслѣдовала ее. «Если я такъ дѣйствую на другихъ, на этого семейнаго, любящаго человѣка, отчего же *онъ* такъ холоденъ ко мнѣ?.. и не то что холоденъ, онъ любитъ меня, я это знаю. Но что-то новое теперь раздѣляетъ насъ. Отчего нѣтъ его цѣлый вечеръ? Онъ велѣлъ сказать со Стивой, что не можетъ оставить Яшвина и долженъ слѣдить за его игрой. Что за дитя Яшвинъ? Но положимъ, что правда. Онъ никогда не говоритъ неправды. Но въ этой правдѣ есть другое. Онъ радъ случаю показать мнѣ, что у него есть другія обязанности. Я это знаю, я съ этимъ согласна. Но зачѣмъ доказывать мнѣ это? Онъ хочетъ доказать мнѣ, что его любовь ко мнѣ не должна мѣшать его свободѣ. Но мнѣ не нужны доказательства, мнѣ нужна любовь. Онъ бы долженъ былъ понять всю тяжесть этой жизни моей здѣсь, въ Москвѣ. Развѣ я живу? Я не живу, а ожидаю развязки, которая все оттягивается и оттягивается. Отвѣта опять нѣтъ! И Стива говоритъ, что онъ не можетъ ѣхать къ

Алексѣю Александровичу. А я не могу писать еще. Я ничего не могу дѣлать, ничего начинать, ничего измѣнять, я сдерживаю себя, жду, выдумывая себѣ забавы — семейство англичанина, писаніе, чтеніе, но все это только обманъ, все это тотъ же морфинъ. Онъ бы долженъ пожалѣть меня», говорила она, чувствуя, какъ слезы жалости о себѣ выступаютъ ей на глаза.

Она услыхала порывистый звонокъ Вронскаго и поспѣшно утерла эти слезы, и не только утерла слезы, но сѣла къ лампѣ и развернула книгу, притворившись спокойной. Надо было показать ему, что она недовольна тѣмъ, что онъ не вернулся, какъ обѣщалъ, — только недовольна, но никакъ не показывать ему своего горя, и главное, жалости о себѣ. Ей можно было жалѣть о себѣ, но не ему о ней. Она не хотѣла борьбы, упрекала его за то, что онъ хотѣлъ бороться, но невольно сама становилась въ положеніе борьбы.

— Ну, ты не скучала? — сказалъ онъ оживленно и весело, подходя къ ней. — Что за страшная страсть — игра!

— Нѣтъ, я не скучала и давно ужъ выучилась не скучать. Стива былъ и Левинъ.

— Да, они хотѣли къ тебѣ ѣхать. Ну, какъ тебѣ понравился Левинъ? — сказалъ онъ, садясь подлѣ нея.

— Очень. Они недавно уѣхали. Что жъ сдѣлалъ Яшвинъ?

— Была въ выигрышѣ, семнадцать тысячъ. Я его звалъ. Онъ совсѣмъ было уже поѣхалъ. Но вернулся опять и теперь въ проигрышѣ.

— Такъ для чего же ты оставался? — спросила она, вдругъ поднявъ на него глаза. Выраженіе ея лица было холодное и непріязненное.—Ты сказалъ Стивѣ, что остаешься, чтобъ увезти Яшвина. А ты оставилъ же его.

То же выраженіе холодной готовности къ борьбѣ выразилось и на его лицѣ.

— Во - первыхъ, я его ничего не просилъ передавать тебѣ; во-вторыхъ, я никогда не говорю неправды. А главное — я хотѣлъ остаться и остался,—сказалъ онъ хмурясь.—Анна, зачѣмъ, зачѣмъ? — сказалъ онъ послѣ минуты молчанія, перегибаясь къ ней, и открылъ руку, надѣясь, что она положитъ въ нее свою.

Она была рада этому вызову къ нѣжности. Но какая - то странная сила зла не позволяла ей отдаться своему влеченію, какъ будто условія борьбы не позволяли ей покориться.

— Разумѣется, ты хотѣлъ остаться и остался. Ты дѣлаешь все, что ты хочешь. Но зачѣмъ ты говоришь мнѣ это? Для чего? — говорила она, все болѣе разгорячаясь. — Развѣ кто-

нибудь оспариваетъ твои права? Но ты хочешь быть правымъ, и будь правъ.

Рука его закрылась, онъ отклонился, и лицо его приняло еще болѣе, чѣмъ прежде, упорное выраженіе.

— Для тебя это дѣло упрямства,—сказала она, пристально поглядѣвъ на него и вдругъ найдя названіе этому раздражавшему ее выраженію лица, — именно упрямства. Для тебя вопросъ, останешься ли ты побѣдителемъ со мной, а для меня...— Опять ей стало жалко себя, и она чуть не заплакала. — Если бы ты зналъ, въ чемъ для меня дѣло! Когда я чувствую, какъ теперь, что ты враждебно, именно враждебно относишься ко мнѣ, если бы ты зналъ, чтò это для меня значитъ! Если бы ты зналъ, какъ я близка къ несчастью въ эти минуты, какъ я боюсь, боюсь себя! — И она отвернулась, скрывая рыданія.

— Да о чемъ ты? — сказалъ онъ, ужаснувшись предъ выраженіемъ ея отчаянія и опять перегнувшись къ ней и взявъ ея руку и цѣлуя ее. — За что? Развѣ я ищу развлеченія внѣ дома? Развѣ я не избѣгаю общества женщинъ?

— Еще бы! — сказала она.

— Ну, скажи, что я долженъ дѣлать, чтобы ты была покойна? Я все готовъ сдѣлать для того, чтобы ты была счастлива, — говорилъ онъ, тронутый ея отчаяніемъ,—чего же я не сдѣлаю, чтобъ избавить тебя отъ горя какого-то, какъ теперь, Анна! — сказалъ онъ.

— Ничего, ничего! — сказала она. — Я сама не знаю: одинокая ли жизнь, нервы... Ну, не будемъ говорить. Что жъ бѣга? ты мнѣ не разсказалъ,—спросила она, стараясь скрыть торжество побѣды, которая все-таки была на ея сторонѣ.

Онъ спросилъ ужинать и сталъ разсказывать ей подробности бѣговъ; но въ тонѣ, во взглядахъ его, все болѣе и болѣе дѣлавшихся холодными, она видѣла, что онъ не простилъ ей ея побѣду, что то чувство упрямства, съ которымъ она боролась, опять устанавливалось въ немъ. Онъ былъ къ ней холоднѣе, чѣмъ прежде, какъ будто онъ раскаивался въ томъ, что покорился. И она, вспомнивъ тѣ слова, которыя дали ей побѣду, именно: «я близка къ ужасному несчастью и боюсь себя», поняла, что оружіе это опасно и что его нельзя будетъ употребить другой разъ. А она чувствовала, что рядомъ съ любовью, которая связывала ихъ, установился между ними злой духъ какой-то борьбы, котораго она не могла изгнать ни изъ его, ни, еще менѣе, изъ своего сердца.

XIII.

Нѣтъ такихъ условій, къ которымъ человѣкъ не могъ бы привыкнуть, въ особенности если онъ видитъ, что всѣ окружающіе его живутъ такъ же. Левинъ не повѣрилъ бы три мѣсяца тому назадъ, что могъ бы заснуть спокойно въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ онъ былъ нынче; чтобы, живя безцѣльною, безтолковою жизнью, притомъ жизнью сверхъ средствъ, послѣ пьянства (иначе онъ не могъ назвать того, что было въ клубѣ), нескладныхъ дружескихъ отношеній съ человѣкомъ, въ котораго когда-то была влюблена жена, и еще болѣе нескладной поѣздки къ женщинѣ, которую нельзя было иначе назвать, какъ потерянною, и послѣ увлеченія своего этою женщиной и огорченія жены,—чтобы при этихъ условіяхъ онъ могъ заснуть покойно. Но подъ вліяніемъ усталости, безсонной ночи и выпитаго вина онъ заснулъ крѣпко и спокойно.

Въ пять часовъ скрипъ отворенной двери разбудилъ его. Онъ вскочилъ и оглянулся. Кити не было на постели подлѣ него. Но за перегородкой былъ движущійся свѣтъ, и онъ услышалъ ея шаги.

— Что?.. что? — проговорилъ онъ спросонья. — Кити! что?

— Ничего, — сказала она, со свѣчой въ рукѣ выходя изъ-за перегородки.—Мнѣ нездоровилось,—сказала она, улыбаясь особенно милою и значительною улыбкой.

— Что, началось, началось? — испуганно проговорилъ онъ,— надо послать, — и онъ торопливо сталъ одѣваться.

— Нѣтъ, нѣтъ,—сказалъ она, улыбаясь и удерживая его рукой.—Навѣрное ничего. Мнѣ нездоровилось только немного. Но теперь прошло.

И она, подойдя къ кровати, потушила свѣчу, легла и затихла. Хотя ему и подозрительна была тишина ея какъ будто сдерживаемаго дыханія и болѣе всего — выраженіе особенной нѣжности и возбужденности, съ которою она, выходя изъ-за перегородки, сказала ему: «ничего», ему такъ хотѣлось спать, что онъ сейчасъ же заснулъ. Только ужъ потомъ онъ вспомнилъ тишину ея дыханія и понялъ все, что происходило въ ея дорогой, милой душѣ въ то время, какъ она, не шевелясь въ ожиданіи величайшаго событія въ жизни женщины, лежала подлѣ него. Въ семь часовъ его разбудило прикосновеніе ея руки къ плечу и тихій шопотъ. Она какъ будто боролась между жалостью разбудить его и желаніемъ говорить съ нимъ.

— Костя, не пугайся. Ничего. Но кажется... Надо послать за Елизаветой Петровной.

Свѣча опять была зажжена. Она сидѣла на кровати и держала въ рукѣ вязанье, которымъ она занималась послѣдніе дни.

— Пожалуйста не пугайся, ничего. Я не боюсь нисколько,— увидавъ его испуганное лицо, сказала она и прижала его руку къ своей груди, потомъ къ своимъ губамъ.

Онъ поспѣшно вскочилъ, не чувствуя себя и не спуская съ нея глазъ, надѣлъ халатъ и остановился, все глядя на нее. Надо было идти, но онъ не могъ оторваться отъ ея взгляда. Онъ ли не любилъ ея лица, не зналъ ея выраженія, ея взгляда, но онъ никогда не видалъ ее такою. Какъ гадокъ и ужасенъ онъ представлялся себѣ, вспомнивъ вчерашнее огорченіе ея, предъ нею, какою она была теперь! Зарумянившееся лицо ея, окруженное выбившимися изъ-подъ ночного чепчика мягкими волосами, сіяло радостью и рѣшимостью.

Какъ ни мало было неестественности и условности въ общемъ характерѣ Кити, Левинъ былъ все-таки пораженъ тѣмъ, что обнажалось теперь передъ нимъ, когда вдругъ всѣ покровы были сняты и самое ядро ея души свѣтилось въ ея глазахъ. И въ этой простотѣ и обнаженности она, та самая, которую онъ любилъ, была еще виднѣе. Она улыбаясь смотрѣла на него; но вдругъ брови ея дрогнули, она подняла голову и, быстро подойдя къ нему, взяла его за руку и вся прижалась къ нему, обдавая его своимъ горячимъ дыханіемъ. Она страдала и какъ будто жаловалась ему на свои страданія. И ему въ первую минуту по привычкѣ показалось, что онъ виноватъ. Но во взглядѣ ея была нѣжность, которая говорила, что она не только не упрекаетъ его, но любитъ за эти страданія. «Если не я, то кто же виноватъ въ этомъ?» невольно подумалъ онъ, отыскивая виновника этихъ страданій, чтобы наказать его; но виновника не было. Она страдала, жаловалась и торжествовала этими страданіями, и радовалась ими, и любила ихъ. Онъ видѣлъ, что въ душѣ ея совершалось что-то прекрасное, но что — онъ не могъ понять. Это было выше его пониманія.

— Я посылала къ мамѣ. А ты поѣзжай скорѣй за Елизаветой Петровной... Костя!.. Ничего, прошло.

Она отошла отъ него и позвонила.

— Ну, вотъ иди теперь, Паша идетъ. Мнѣ ничего.

И Левинъ съ удивленіемъ увидѣлъ, что она взяла вязанье, которое она принесла ночью, и опять стала вязать.

Въ то время какъ Левинъ выходилъ въ одну дверь, онъ слышалъ, какъ въ другую входила дѣвушка. Онъ остановился у

двери и слышалъ, какъ Кити отдавала подробныя приказанія дѣвушкѣ и сама съ нею стала передвигать кровать.

Онъ одѣлся и, пока закладывали лошадей, такъ какъ извозчиковъ еще не было, опять вбѣжалъ въ спальню и не на цыпочкахъ, а на крыльяхъ, какъ ему казалось. Двѣ дѣвушки озабоченно перестанавливали что-то въ спальнѣ. Кити ходила и вязала, быстро накидывая петли, и распоряжалась.

— Я сейчасъ ѣду къ доктору. За Елизаветой Петровной поѣхали, но я еще заѣду. Не нужно ли что? Да, къ Долли? — Она посмотрѣла на него, очевидно не слушая того, что онъ говорилъ.

— Да, да. Иди, — быстро проговорила она, хмурясь и махая на него рукой.

Онъ уже выходилъ въ гостиную, какъ вдругъ жалостный, тотчасъ же затихшій стонъ раздался изъ спальни. Онъ остановился и долго не могъ понять.

«Да, это она», сказалъ онъ самъ себѣ и, схватившись за голову, побѣжалъ внизъ.

— Господи, помилуй! прости, помоги!—твердилъ онъ какъ-то вдругъ неожиданно пришедшія на уста ему слова. И онъ, невѣрующій человѣкъ, повторялъ эти слова не одними устами. Теперь, въ эту минуту, онъ зналъ, что всѣ не только сомнѣнія его, но та невозможность по разуму вѣрить, которую онъ зналъ въ себѣ, нисколько не мѣшаютъ ему обращаться къ Богу. Все это теперь, какъ прахъ, слетѣло съ его души. Къ кому же ему было обращаться, какъ не къ Тому, въ Чьихъ рукахъ онъ чувствовалъ себя, свою душу и свою любовь?

Лошадь не была еще готова, но, чувствуя въ себѣ особенное напряженіе и физическихъ силъ и вниманія къ тому, что̀ предстояло дѣлать, чтобы не потерять ни одной минуты, онъ, не дожидаясь лошади, вышелъ пѣшкомъ и приказалъ Кузьмѣ догонять себя.

На углу онъ встрѣтилъ спѣшившаго ночного извозчика. На маленькихъ санкахъ, въ бархатномъ салопѣ, повязанная платкомъ, сидѣла Елизавета Петровна. «Слава Богу, слава Богу!» проговорилъ онъ, съ восторгомъ узнавъ ея, теперь имѣвшее особенно серьезное, даже строгое выраженіе, маленькое бѣлокурое лицо. Не приказывая останавливаться извозчику, онъ побѣжалъ назадъ рядомъ съ нею.

— Такъ часа два? Не больше? — спросила она. — Вы застанете Петра Дмитріевича, только не торопите его. Да возьмите опіуму въ аптекѣ.

— Такъ вы думаете, что можетъ быть благополучно? Господи, помилуй и помоги!—проговорилъ Левинъ, увидавъ свою выѣзжавшую изъ воротъ лошадь. Вскочивъ въ сани рядомъ съ Кузьмой, онъ велѣлъ ѣхать къ доктору.

XIV.

Докторъ еще не вставалъ, и лакей сказалъ, что «поздно легли и не приказали будить, а встанутъ скоро». Лакей чистилъ ламповыя стекла и казался очень занятъ этимъ. Эта внимательность лакея къ стекламъ и равнодушіе къ совершавшемуся у Левина сначала изумили его, но тотчасъ, одумавшись, онъ понялъ, что никто не знаетъ и не обязанъ знать его чувствъ и что тѣмъ болѣе надо дѣйствовать спокойно, обдуманно и рѣшительно, чтобы пробить эту стѣну равнодушія и достигнуть своей цѣли. «Не торопиться и ничего не упускать», говорилъ себѣ Левинъ чувствуя все большій и большій подъемъ физическихъ силъ и вниманія ко всему тому, что̀ предстояло сдѣлать.

Узнавъ, что докторъ еще не вставалъ, Левинъ изъ разныхъ плановъ, представлявшихся ему, остановился на слѣдующемъ: Кузьмѣ ѣхать съ запиской къ другому доктору, а самому ѣхать въ аптеку за опіумомъ, а если, когда онъ вернется, докторъ еще не встанетъ, то, подкупивъ лакея или насильно, если тотъ не согласится, будить доктора во что бы то ни стало.

Въ аптекѣ худощавый провизоръ съ тѣмъ же равнодушіемъ, съ какимъ лакей чистилъ стекла, печаталъ облаткой порошки для дожидавшагося кучера и отказалъ въ опіумѣ. Стараясь не торопиться и не горячиться, назвавъ имена доктора и акушерки и объяснивъ для чего нуженъ опіумъ, Левинъ сталъ убѣждать его. Провизоръ спросилъ по-нѣмецки совѣта, отпустить ли, и, получивъ изъ-за перегородки согласіе, досталъ пузырекъ, воронку, медленно отлилъ изъ большого въ маленькій, наклеилъ ярлычокъ, запечаталъ, несмотря на просьбы Левина не дѣлать этого, и хотѣлъ еще завертывать. Этого Левинъ уже не могъ выдержать; онъ рѣшительно вырвалъ у него изъ рукъ пузырекъ и побѣжалъ въ большія стеклянныя двери. Докторъ не вставалъ еще, и лакей, занятый теперь постилкой ковра, отказался будить. Левинъ, не торопясь, досталъ десятирублевую бумажку и, медленно выговаривая слова, но и не теряя времени, подалъ ему бумажку и объяснилъ, что Петръ Дмитріевичъ (какъ великъ и значителенъ казался теперь Левину прежде столь неважный Петръ Дмитріевичъ) обѣщалъ быть во вся-

кое время, что онъ навѣрно не разсердится, и потому, чтобы онъ будилъ сейчасъ.

Лакей согласился, пошелъ наверхъ и попросилъ Левина въ пріемную.

Левину слышно было за дверью, какъ кашлялъ, ходилъ, мылся и что-то говорилъ докторъ. Прошло минуты три; Левину казалось, что прошло больше часа. Онъ не могъ болѣе дожидаться.

— Петръ Дмитріевичъ, Петръ Дмитріевичъ! — умоляющимъ голосомъ заговорилъ онъ въ отворенную дверь. — Ради Бога, простите меня. Примите меня, какъ есть. Уже болѣе двухъ часовъ.

— Сейчасъ, сейчасъ! — отвѣчалъ голосъ, и Левинъ съ изумленіемъ слышалъ, что докторъ говорилъ это улыбаясь.

— На одну минутку.

— Сейчасъ.

Прошло еще двѣ минуты, пока докторъ надѣвалъ сапоги, и еще двѣ минуты, пока докторъ надѣвалъ платье и чесалъ голову.

— Петръ Дмитріевичъ! — жалостнымъ голосомъ началъ было опять Левинъ, но въ это время вышелъ докторъ, одѣтый и причесанный. «Нѣтъ совѣсти у этихъ людей,—подумалъ Левинъ.— Чесаться, пока мы погибаемъ!»

— Доброе утро! — подавая ему руку и точно дразня его своимъ спокойствіемъ, сказалъ ему докторъ. — Не торопитесь. Ну-съ?

Стараясь, какъ можно быть обстоятельнѣе, Левинъ началъ разсказывать всѣ ненужныя подробности о положеніи жены, безпрестанно перебивая свой разсказъ просьбами о томъ, чтобы докторъ сейчасъ же съ нимъ поѣхалъ.

— Да вы не торопитесь. Вѣдь вы не знаете. Я не нуженъ навѣрное, но я обѣщалъ и, пожалуй, пріѣду. Но спѣху нѣтъ. Вы садитесь пожалуйста; не угодно ли кофею?

Левинъ посмотрѣлъ на него, спрашивая взглядомъ, смѣется ли онъ надъ нимъ. Но докторъ и не думалъ смѣяться.

— Знаю-съ, знаю,—сказалъ докторъ улыбаясь,—я самъ семейный человѣкъ; но мы, мужья, въ эти минуты самые жалкіе люди. У меня есть паціентка, такъ ея мужъ при этомъ всегда убѣгаетъ въ конюшню.

— Но какъ вы думаете, Петръ Дмитріевичъ? Вы думаете, что можетъ быть благополучно?

— Всѣ данныя за благополучный исходъ.

— Такъ вы сейчасъ пріѣдете?—сказалъ Левинъ, со злобой глядя на слугу, вносившаго кофей.

— Черезъ часикъ.

— Нѣтъ, ради Бога!

— Ну, такъ дайте кофею напьюсь.

Докторъ взялся за кофей. Оба помолчали.

— Однако, турокъ-то бьютъ рѣшительно. Вы читали вчерашнюю телеграмму? — сказалъ докторъ, пережевывая булку.

— Нѣтъ, я не могу! — сказалъ Левинъ вскакивая. — Такъ черезъ четверть часа вы будете?

— Черезъ полчаса.

— Честное слово?

Когда Левинъ вернулся домой, онъ съѣхался съ княгиней, и они вмѣстѣ подошли къ двери спальни. У княгини были слезы на глазахъ, и руки ея дрожали. Увидавъ Левина, она обняла его и заплакала.

— Ну что, душенька Лизавета Петровна?—сказала она, хватая за руку вышедшую имъ навстрѣчу съ сіяющимъ и озабоченнымъ лицомъ Лизавету Петровну.

— Идетъ хорошо, — сказала она, — уговорите ее лечь. Легче будетъ.

Съ той минуты, какъ онъ проснулся и понялъ, въ чемъ дѣло, Левинъ приготовился на то, чтобы, не размышляя, не предусматривая ничего, заперевъ всѣ мысли и чувства, твердо, не разстраивая жену, а, напротивъ, успокоивая и поддерживая ея храбрость, перенести то, что̀ предстоитъ ему. Не позволяя себѣ даже думать о томъ, что̀ будетъ, чѣмъ это кончится, судя по разспросамъ о томъ, сколько это обыкновенно продолжается, Левинъ въ воображеніи своемъ приготовился терпѣть и держать свое сердце въ рукахъ часовъ пять, и ему это казалось возможно. Но, когда онъ вернулся отъ доктора и увидалъ опять ея страданія, онъ чаще и чаще сталъ повторять: «Господи, прости, помоги», вздыхать и поднимать голову кверху и почувствовалъ страхъ, что не выдержитъ этого, расплачется или убѣжитъ: такъ мучительно ему было. А прошелъ только часъ.

Но послѣ этого часа прошелъ еще часъ, два, три, всѣ пять часовъ, которые онъ ставилъ себѣ самымъ дальнимъ срокомъ терпѣнія, и положеніе было все то же; и онъ все терпѣлъ, потому что больше дѣлать было нечего, какъ терпѣть, каждую минуту думая, что онъ дошелъ до послѣднихъ предѣловъ терпѣнія и что сердце его вотъ-вотъ сейчасъ разорвется отъ сострадания.

Но проходили еще минуты, часы и еще часы, и чувства его страданія и ужаса росли и напрягались еще болѣе.

Всѣ тѣ обыкновенныя условія жизни, безъ которыхъ нельзя себѣ ничего представить, не существовали болѣе для Левина. Онъ потерялъ сознаніе времени. То минуты,—тѣ минуты, когда она призывала его къ себѣ и онъ держалъ ее за потную, то сжимающую съ необыкновенною силой, то отталкивающую его руку, — казались ему часами, то часы казались ему минутами. Онъ былъ удивленъ, когда Лизавета Петровна попросила его зажечь свѣчу за ширмами и онъ узналъ, что было уже пять часовъ вечера. Если бы ему сказали, что теперь только десять часовъ утра, онъ такъ же мало былъ бы удивленъ. Гдѣ онъ былъ въ это время, онъ такъ же мало зналъ, какъ и то, когда что̀ было. Онъ видѣлъ ея воспаленное, то недоумѣвающее и страдающее, то улыбающееся и успокоивающее его лицо. Онъ видѣлъ и княгиню, красную, напряженную, съ распустившимися буклями сѣдыхъ волосъ и въ слезахъ, которыя она усиленно глотала, кусая губы, видѣлъ и Долли, и доктора, курившаго толстыя папиросы, и Лизавету Петровну съ твердымъ, рѣшительнымъ и успокоивающимъ лицомъ, и стараго князя, гуляющаго по залѣ съ нахмуреннымъ лицомъ. Но, какъ они приходили и выходили, гдѣ они были, онъ не зналъ. Княгиня была то съ докторомъ въ спальнѣ, то въ кабинетѣ, гдѣ очутился накрытый столъ; то не она была, а была Долли. Потомъ Левинъ помнилъ, что его посылали куда-то. Разъ его послали перенести столъ и диванъ. Онъ съ усердіемъ сдѣлалъ это, думая, что это для нея нужно, и потомъ только узналъ, что это онъ для себя готовилъ ночлегъ. Потомъ его послали къ доктору въ кабинетъ спрашивать что-то. Докторъ отвѣтилъ и потомъ заговорилъ о безпорядкахъ въ думѣ. Потомъ посылали его въ спальню къ княгинѣ принесть образъ въ серебряной, золоченой ризѣ, и онъ со старою горничной княгини лазилъ на шкапчикъ доставать и разбилъ лампадку, и горничная княгини успокоивала его о женѣ и о лампадкѣ, и онъ принесъ образъ и поставилъ въ головахъ Кити, старательно засунувъ его за подушки. Но гдѣ, когда и зачѣмъ это все было, онъ не зналъ. Онъ не понималъ тоже, почему княгиня брала его за руку и, жалостно глядя на него, просила успокоиться, и Долли уговаривала его поѣсть и уводила изъ комнаты, и даже докторъ серьезно и съ соболѣзнованіемъ смотрѣлъ на него и предлагалъ капель.

Онъ зналъ и чувствовалъ только, что то, что̀ совершалось, было подобно тому, что совершалось годъ тому назадъ въ гостиницѣ губернскаго города на одрѣ смерти брата Николая. Но то было горе, это была радость. Но и то горе, и эта радость

одинаково были внѣ всѣхъ обычныхъ условій жизни, были въ этой обычной жизни какъ будто отверстія, сквозь которыя показывалось что-то высшее. И одинаково тяжело, мучительно наступало совершающееся, и одинаково непостижимо, при созерцаніи этого высшаго, поднималась душа на такую высоту, которой она никогда и не понимала прежде, и куда разсудокъ уже не поспѣвалъ за нею.

«Господи, прости и помоги», не переставая твердилъ онъ себѣ, несмотря на столь долгое и казавшееся полнымъ отчужденіе, чувствуя, что онъ обращается къ Богу точно такъ же довѣрчиво и просто, какъ и во времена дѣтства и первой молодости.

Все это время у него были два раздѣльныя настроенія. Одно—внѣ ея присутствія съ докторомъ, курившимъ одну толстую папироску за другою и тушившимъ ихъ о край полной пепельницы, съ Долли и съ княземъ, гдѣ шла рѣчь объ обѣдѣ, о политикѣ, о болѣзни Марьи Петровны и гдѣ Левинъ вдругъ на минуту совершенно забывалъ, что происходило, и чувствовалъ себя точно проснувшимся, и другое настроеніе — въ ея присутствіи, у ея изголовья, гдѣ сердце хотѣло разорваться и все не разрывалось отъ состраданія, и онъ не переставая молился Богу. И каждый разъ, когда изъ минуты забвенія его выводилъ долетавшій изъ спальни крикъ, онъ подпадалъ подъ то же самое странное заблужденіе, которое въ первую минуту нашло на него: каждый разъ, услыхавъ крикъ, онъ вскакивалъ, бѣжалъ оправдываться, вспоминалъ дорогой, что онъ не виноватъ, и ему хотѣлось защитить, помочь. Но, глядя на нее, онъ опять видѣлъ, что помочь нельзя, и приходилъ въ ужасъ и говорилъ: «Господи, прости и помоги». И чѣмъ дальше шло время, тѣмъ сильнѣе становились оба настроенія: тѣмъ спокойнѣе, совершенно забывая ее, онъ становился внѣ ея присутствія, и тѣмъ мучительнѣе становились и самыя ея страданія, и чувство безпомощности предъ ними. Онъ вскакивалъ, желалъ убѣжать куда-нибудь, а бѣжалъ къ ней.

Иногда, когда опять и опять она призывала его, онъ обвинялъ ее. Но, увидавъ ея покорное, улыбающееся лицо и услыхавъ слова: «я измучила тебя», онъ обвинялъ Бога; но, вспомнивъ о Богѣ, онъ тотчасъ просилъ простить и помиловать.

XV

Онъ не зналъ, поздно ли, рано ли. Свѣчи уже всѣ догорали. Долли только что была въ кабинетѣ и предложила доктору прилечь. Левинъ сидѣлъ, слушая разсказы доктора о шарлатанѣ

магнетизерѣ, и смотрѣлъ на пепелъ его папироски. Былъ періодъ отдыха и онъ забылся.. Онъ совершенно забылъ о томъ, что происходило теперь. Онъ слушалъ разсказъ доктора и понималъ его. Вдругъ раздался крикъ, ни на что непохожій. Крикъ былъ такъ страшенъ, что Левинъ даже не вскочилъ, но, не переводя дыханія, испуганно - вопросительно посмотрѣлъ на доктора. Докторъ склонилъ голову на бокъ, прислушиваясь, и одобрительно улыбнулся. Все было такъ необыкновенно, что ужъ ничто не поражало Левина. «Вѣрно такъ надо», подумалъ онъ и продолжалъ сидѣть. Чей это былъ крикъ? Онъ вскочилъ, на цыпочкахъ вбѣжалъ въ спальню, обошелъ Лизавету Петровну, княгиню и сталъ на свое мѣсто, у изголовья. Крикъ затихъ, но что-то перемѣнилось теперь. Что — онъ не видѣлъ и не понималъ, и не хотѣлъ видѣть и понимать. Но онъ видѣлъ это по лицу Лизаветы Петровны: лицо Лизаветы Петровны было строго и блѣдно и все такъ же рѣшительно, хотя челюсти ея немного подрагивали и глаза ея были пристально устремлены на Кити. Воспаленное, измученное лицо Кити съ прилипшею къ потному лицу прядью волосъ было обращено къ нему и искало его взгляда. Поднятыя руки просили его рукъ. Схвативъ потными руками его холодныя руки, она стала прижимать ихъ къ своему лицу.

— Не уходи, не уходи! Я не боюсь, я не боюсь! — быстро говорила она.— Мама, возьмите серьги. Онѣ мнѣ мѣшаютъ. Ты не боишься? Скоро, скоро, Лизавета Петровна...

Она говорила быстро, быстро и хотѣла улыбнуться. Но вдругъ лицо ея исказилось, она оттолкнула его отъ себя.

— Нѣтъ, это ужасно! Я умру, умру! Поди, поди! — закричала она, и опять послышался тотъ же ни на что не похожій крикъ.

Левинъ схватился за голову и выбѣжалъ изъ комнаты.

— Ничего, ничего, все хорошо!—проговорила ему вслѣдъ Долли.

Но, что бы они ни говорили, онъ зналъ, что теперь все погибло. Прислонившись головой къ притолокѣ, онъ стоялъ въ сосѣдней комнатѣ и слышалъ чей-то никогда неслыханный имъ визгъ, ревъ, и онъ зналъ, что это кричало то, что было прежде Кити. Уже ребенка онъ давно не желалъ. Онъ теперь ненавидѣлъ этого ребенка. Онъ даже не желалъ теперь ея жизни, онъ желалъ только прекращенія этихъ ужасныхъ страданій.

— Докторъ! что жъ это? что жъ это? Боже мой! — сказалъ онъ, хватая за руку вошедшаго доктора.

— Кончается, — сказалъ докторъ. И лицо доктора было такъ серьезно, когда онъ говорилъ это, что Левинъ понялъ *кончается* въ смыслѣ — умираетъ.

Не помня себя, онъ вбѣжалъ въ спальню. Первое, что онъ увидалъ, это было лицо Лизаветы Петровны. Оно было еще нахмуреннѣе и строже. Лица Кити не было. На томъ мѣстѣ, гдѣ оно было прежде, было что-то страшное и по виду напряженія и по звуку, выходившему оттуда. Онъ припалъ головой къ дереву кровати, чувствуя, что сердце его разрывается. Ужасный крикъ не умолкалъ, онъ сдѣлался еще ужаснѣе и, какъ бы дойдя до послѣдняго предѣла ужаса, вдругъ затихъ. Левинъ не вѣрилъ своему слуху, но нельзя было сомнѣваться: крикъ затихъ, и слышалась тихая суетня, шелестъ и торопливыя дыханія, и ея прерывающійся, живой и нѣжный, счастливый голосъ тихо произнесъ: «кончено».

Онъ поднялъ голову. Безсильно опустивъ руки на одѣяло, необычайно прекрасная и тихая, она безмолвно смотрѣла на него и хотѣла и не могла улыбнуться.

И вдругъ изъ того таинственнаго и ужаснаго, нездѣшняго міра, въ которомъ онъ жилъ эти двадцать два часа, Левинъ мгновенно почувствовалъ себя перенесеннымъ въ прежній, обычный міръ, но сіяющій теперь такимъ новымъ свѣтомъ счастія, что онъ не перенесъ его. Натянутыя струны всѣ сорвались. Рыданія и слезы радости, которыхъ онъ никакъ не предвидѣлъ, съ такой силой поднялись въ немъ, колебля все его тѣло, что долго мѣшали ему говорить.

Упавъ на колѣни передъ постелью, онъ держалъ предъ губами руку жены и цѣловалъ ее, и рука эта слабымъ движеніемъ пальцевъ отвѣчала на его поцѣлуи. А между тѣмъ тамъ, въ ногахъ постели, въ ловкихъ рукахъ Лизаветы Петровны, какъ огонекъ надъ свѣтильникомъ, колебалась жизнь человѣческаго существа, котораго никогда прежде не было и которое такъ же, съ тѣмъ же правомъ, съ тою же значительностью для себя, будетъ жить и плодить себѣ подобныхъ.

— Живъ! Живъ! Да еще мальчикъ! Не безпокойтесь,—услыхалъ Левинъ голосъ Лизаветы Петровны, шлепавшей дрожавшею рукой спину ребенка.

— Мама, правда? — сказалъ голосъ Кити.

Только всхлипыванья княгини отвѣчали ей.

И среди молчанія, какъ несомнѣнный отвѣтъ на вопросъ матери, послышался голосъ совсѣмъ другой, чѣмъ всѣ сдержанно говорившіе голоса въ комнатѣ. Это былъ смѣлый, дерзкій, ни-

чего нехотѣвшій соображать крикъ непонятно откуда явившагося, новаго человѣческаго существа.

Прежде, если бы Левину сказали, что Кити умерла и что онъ умеръ съ нею вмѣстѣ, и что у нихъ дѣти ангелы, и что Богъ тутъ предъ ними, — онъ ничему бы не удивился; но теперь, вернувшись въ міръ дѣйствительности, онъ дѣлалъ большія усилія мысли, чтобы понять, что она жива, здорова и что такъ отчаянно визжавшее существо есть сынъ его. Кити была жива, страданія кончились. И онъ былъ невыразимо счастливъ. Это онъ понималъ и этимъ былъ вполнѣ счастливъ. Но ребенокъ? Откуда, зачѣмъ, кто онъ?.. Онъ никакъ не могъ привыкнуть къ этой мысли. Это казалось ему чѣмъ-то излишнимъ, избыткомъ, къ которому онъ долго не могъ привыкнуть.

XVI.

Въ десятомъ часу старый князь, Сергѣй Ивановичъ и Степанъ Аркадьевичъ сидѣли у Левина и, поговоривъ о родильницѣ, разговаривали и о постороннихъ предметахъ. Левинъ слушалъ ихъ и, невольно при этихъ разговорахъ вспоминая прошедшее, то, что было до нынѣшняго утра, вспоминалъ и себя, какимъ онъ былъ вчера до этого. Точно сто лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ. Онъ чувствовалъ себя на какой-то недосягаемой высотѣ, съ которой онъ старательно спускался, чтобы не обидѣть тѣхъ, съ кѣмъ говорилъ. Онъ говорилъ и не переставая думалъ о женѣ, о подробностяхъ ея теперешняго состоянія и о сынѣ, къ мысли о существованіи котораго онъ старался пріучить себя. Весь міръ женскій, получившій для него новое неизвѣстное ему значеніе послѣ того, какъ онъ женился, теперь въ его понятіяхъ поднялся такъ высоко, что онъ не могъ воображеніемъ обнять его. Онъ слышалъ разговоръ о вчерашнемъ обѣдѣ въ клубѣ и думалъ: «что теперь дѣлается съ ней? заснула ли? какъ ей? что она думаетъ? кричитъ ли сынъ Дмитрій?» И въ срединѣ разговора, въ срединѣ фразы онъ вскочилъ и пошелъ изъ комнаты.

— Пришли мнѣ сказать, можно ли къ ней, — сказалъ князь.

— Хорошо, сейчасъ, — отвѣчалъ Левинъ и, не останавливаясь, пошелъ къ ней.

Она не спала и тихо разговаривала съ матерью, дѣлая планы о будущихъ крестинахъ.

Убранная, причесанная, въ нарядномъ чепчикѣ съ чѣмъ-то голубымъ, выпроставъ руки на одѣяло, она лежала на спинѣ

и, встрѣтивъ его взглядомъ, взглядомъ притягивала къ себѣ. Взглядъ ея, и такъ свѣтлый, еще болѣе свѣтлѣлъ, по мѣрѣ того какъ онъ приближался къ ней. На ея лицѣ была та самая перемѣна отъ земного къ неземному, которая бываетъ на лицѣ покойниковъ; но тамъ прощаніе, здѣсь встрѣча. Опять волненіе, подобное тому, какое онъ испытывалъ въ минуту родовъ, подступило ему къ сердцу. Она взяла его руку и спросила, спалъ ли онъ. Онъ не могъ отвѣчать и отворачивался, убѣдясь въ своей слабости.

— А я забылась, Костя! — сказала она ему. — И мнѣ такъ хорошо теперь.

Она смотрѣла на него, но вдругъ выраженіе ея измѣнилось.

— Дайте мнѣ его,—сказала она, услыхавъ пискъ ребенка. — Дайте, Лизавета Петровна, и онъ посмотритъ.

— Ну вотъ, пускай папа посмотритъ, — сказала Лизавета Петровна, поднимая и поднося что-то красное, странное и колеблющееся. — Постойте, мы прежде уберемся, — и Лизавета Петровна положила это колеблющееся и красное на кровать, стала развертывать и завертывать ребенка, однимъ пальцемъ поднимая и переворачивая его и чѣмъ-то посыпая.

Левинъ, глядя на это крошечное жалкое существо, дѣлалъ тщетныя усилія, чтобы найти въ своей душѣ какіе-нибудь признаки къ нему отеческаго чувства. Онъ чувствовалъ къ нему только гадливость. Но когда его обнажили и мелькнули тоненькія-тоненькія ручки, ножки шафранныя, тоже съ пальчиками, и даже съ большимъ пальцемъ, отличающимся отъ другихъ, и когда онъ увидалъ, какъ, точно мягкія пружинки, Лизавета Петровна прижимала эти таращившіяся ручки, заключая ихъ въ полотняныя одежды, на него нашла такая жалость къ этому существу и такой страхъ, что она повредитъ ему, что онъ удержалъ ее за руку.

Лизавета Петровна засмѣялась.

— Не бойтесь, не бойтесь!

Когда ребенокъ былъ убранъ и превращенъ въ твердую куколку, Лизавета Петровна перекачнула его, какъ бы гордясь своей работой, и отстранилась, чтобы Левинъ могъ видѣть сына во всей его красотѣ.

Кити, не спуская глазъ, косясь, смотрѣла туда же. — Дайте дайте! — сказала она и даже поднялась было.

— Что вы, Катерина Александровна, это нельзя такія движенія! Погодите, я подамъ. Вотъ мы папашѣ покажемся, какіе мы молодцы.

И Лизавета Петровна подняла къ Левину на одной рукѣ (другая только пальцами подпирала качающійся затылокъ) это странное, качающееся и прячущее свою голову за края пеленки красное существо. Но были тоже носъ, косившіеся глаза и чмокающія губы.

— Прекрасный ребенокъ! — сказала Лизавета Петровна.

Левинъ съ огорченіемъ вздохнулъ. Этотъ прекрасный ребенокъ внушалъ ему только чувство гадливости и жалости. Это было совсѣмъ не то чувство, котораго онъ ожидалъ.

Онъ отвернулся, пока Лизавета Петровна устраивала его къ непривычной груди.

Вдругъ смѣхъ заставилъ его поднять голову. Это Кити засмѣялась. Ребенокъ взялся за грудь.

— Ну, довольно, довольно! — говорила Лизавета Петровна, но Кити не отпускала его. Онъ заснулъ на ея рукахъ.

— Посмотри теперь, — сказала Кити, поворачивая къ нему ребенка такъ, чтобы онъ могъ видѣть его. Личико старческое вдругъ еще болѣе сморщилось, и ребенокъ чихнулъ.

Улыбаясь и едва сдерживая слезы умиленія, Левинъ поцѣловалъ жену и вышелъ изъ темной комнаты.

Что онъ испытывалъ къ этому маленькому существу, было совсѣмъ не то, чего онъ ожидалъ. Ничего веселаго и радостнаго не было въ этомъ чувствѣ; напротивъ, это былъ новый мучительный страхъ. Это было сознаніе новой области уязвимости. И это сознаніе было такъ мучительно первое время, страхъ за то, чтобы не пострадало это безпомощное существо, былъ такъ силенъ, что изъ-за него и не замѣтно было странное чувство безсмысленной радости и даже гордости, которое онъ испытывалъ, когда ребенокъ чихнулъ.

XVII.

Дѣла Степана Аркадьевича находились въ дурномъ положеніи.

Деньги за двѣ трети лѣса были уже прожиты, и за вычетомъ десяти процентовъ онъ забралъ у купца почти все впередъ за послѣднюю треть. Купецъ больше не давалъ денегъ, тѣмъ болѣе что въ эту зиму Дарья Александровна, въ первый разъ прямо заявивъ права на свое состояніе, отказалась расписаться на контрактѣ въ полученіи денегъ за послѣднюю треть лѣса. Все жалованье уходило на домашніе расходы и на уплату мелкихъ непереводившихся долговъ. Денегъ совсѣмъ не было.

Это было непріятно, неловко и не должно было такъ продолжаться, по мнѣнію Степана Аркадьевича. Причина этого, по его

понятію, состояла въ томъ, что онъ получалъ слишкомъ мало жалованья. Мѣсто, которое онъ занималъ, было очевидно очень хорошо пять лѣтъ тому назадъ, но теперь уже было не то. Петровъ — директоромъ банка — получалъ 12.000; Свентицкій — членомъ общества — получалъ 17.000; Митинъ, основавъ банкъ, получалъ 50.000. «Очевидно, я заснулъ и меня забыли», думалъ про себя Степанъ Аркадьевичъ. И онъ сталъ прислушиваться, приглядываться и къ концу зимы высмотрѣлъ мѣсто очень хорошее и повелъ на него атаку, сначала изъ Москвы — черезъ тетокъ, дядей, пріятелей, а потомъ, когда дѣло созрѣло, весной самъ поѣхалъ въ Петербургъ. Это было одно изъ тѣхъ мѣстъ, которыхъ теперь, всѣхъ размѣровъ,—отъ 1.000 до 50.000 въ годъ жалованья, стало больше, чѣмъ прежде было, теплыхъ, взяточныхъ мѣстъ, это было мѣсто члена отъ комиссіи соединеннаго агентства кредитно-взаимнаго баланса южно-желѣзныхъ дорогъ и банковыхъ учрежденій. Мѣсто это, какъ и всѣ такія мѣста, требовало такихъ огромныхъ знаній и дѣятельности, которыя трудно было соединить въ одномъ человѣкѣ. А такъ какъ человѣка, соединяющаго эти качества, не было, то все-таки лучше было, чтобы мѣсто это занималъ честный, чѣмъ нечестный человѣкъ. А Степанъ Аркадьевичъ былъ не только человѣкъ честный (безъ ударенія), но онъ былъ честный человѣкъ (съ удареніемъ), съ тѣмъ особеннымъ значеніемъ, которое въ Москвѣ имѣетъ это слово, когда говорятъ: честный дѣятель, честный писатель, честный журналъ, честное учрежденіе, честное направленіе, и которое означаетъ не только то, что человѣкъ или учрежденіе не безчестны, но и то, что они способны при случаѣ подпустить шпильку правительству. Степанъ Аркадьевичъ вращался въ Москвѣ въ тѣхъ кругахъ, гдѣ введено было это слово, считался тамъ честнымъ человѣкомъ и потому имѣлъ болѣе, чѣмъ другіе, правъ на это мѣсто.

Мѣсто это давало отъ семи до десяти тысячъ въ годъ, и Облонскій могъ занимать его, не оставляя своего казеннаго мѣста. Оно зависѣло отъ двухъ министерствъ, отъ одной дамы и отъ двухъ евреевъ, и всѣхъ этихъ людей, хотя они были уже подготовлены, Степану Аркадьевичу нужно было видѣть въ Петербургѣ. Кромѣ того, Степанъ Аркадьевичъ обѣщалъ сестрѣ Аннѣ добиться отъ Каренина рѣшительнаго отвѣта о разводѣ. И, выпросивъ у Долли пятьдесятъ рублей, онъ уѣхалъ въ Петербургъ.

Сидя въ кабинетѣ Каренина и слушая его проектъ о причинахъ дурного состоянія русскихъ финансовъ, Степанъ Аркадьевичъ выжидалъ только минуты, когда тотъ кончитъ, чтобы заговорить о своемъ дѣлѣ и объ Аннѣ.

— Да, это очень вѣрно, — сказалъ онъ, когда Алексѣй Александровичъ, снявъ pince-nez, безъ котораго онъ не могъ читать теперь, вопросительно посмотрѣлъ на бывшаго шурина,— это очень вѣрно въ подробностяхъ, но все-таки принципъ нашего времени — свобода.

— Да, но я выставляю другой принципъ, обнимающій принципъ свободы, — сказалъ Алексѣй Александровичъ, ударяя на словѣ «обнимающій» и надѣвая опять pince-nez, чтобы вновь прочесть слушателю то мѣсто, гдѣ это самое было сказано.

И, перебравъ красиво написанную съ огромными полями рукопись, Алексѣй Александровичъ вновь прочелъ убѣдительное мѣсто.

— Я не хочу протекціонной системы не для выгоды частныхъ лицъ, но для общаго блага — и для низшихъ, и для высшихъ классовъ одинаково,—говорилъ онъ, поверхъ pince-nez глядя на Облонскаго.—Но *они* не могутъ понять этого, *они* заняты только личными интересами и увлекаются фразами.

Степанъ Аркадьевичъ зналъ, что когда Каренинъ начиналъ говорить о томъ, что̀ дѣлаютъ и думаютъ *они*, тѣ самые которые не хотѣли принимать его проектовъ и были причиной всего зла въ Россіи, что тогда уже близко было къ концу, и потому охотно отказался теперь отъ принципа свободы и вполнѣ согласился. Алексѣй Александровичъ замолкъ задумчиво перелистывая свою рукопись.

— Ахъ, кстати, — сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, — я тебя хотѣлъ попросить при случаѣ, когда ты увидишься съ Поморскимъ, сказать ему словечко о томъ, что я бы очень желалъ занять открывающееся мѣсто члена комиссіи отъ соединеннаго агентства кредитно - взаимнаго баланса южно - желѣзныхъ дорогъ.—Степану Аркадьевичу названіе этого мѣста, столь близкаго его сердцу, уже было привычно, и онъ, не ошибаясь, быстро выговаривалъ его.

Алексѣй Александровичъ разспросилъ, въ чемъ состояла дѣятельность этой новой комиссіи, и задумался. Онъ соображалъ, нѣтъ ли въ дѣятельности этой комиссіи чего-нибудь противоположнаго его проектамъ. Но такъ какъ дѣятельность этого новаго учрежденія была очень сложна и проекты его обнимали очень большую область, онъ не могъ сразу сообразить этого и, снимая pince-nez, сказалъ:

— Безъ сомнѣнія, я могу сказать ему; но для чего ты собственно желаешь занять это мѣсто?

— Жалованье хорошее, до девяти тысячъ, а мои средства..

— Девять тысячъ, — повторилъ Алексѣй Александровичъ и нахмурился.

Высокая цифра этого жалованья напоминала ему, что съ этой стороны предполагаемая дѣятельность Степана Аркадьевича была противна главному смыслу его проектовъ, всегда клонившихся къ экономіи.

— Я нахожу, и написалъ объ этомъ записку, что въ наше время эти огромныя жалованья суть признаки ложной экономической assiette нашего управленія.

— Да какъ же ты хочешь?—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ.— Ну, положимъ, директоръ банка получаетъ десять тысячъ,— вѣдь онъ стóитъ этого. Или инженеръ получаетъ двадцать тысячъ. Живое дѣло, какъ хочешь!

— Я полагаю, что жалованье есть плата за товаръ, и оно должно подлежать закону требованія и предложенія. Если же назначеніе жалованья отступаетъ отъ этого закона, какъ, напримѣръ, когда я вижу, что выходятъ изъ института два инженера, оба одинаково знающіе и способные, и одинъ получаетъ сорокъ тысячъ, а другой довольствуется двумя тысячами; или что въ директоры банковъ общества опредѣляютъ съ огромнымъ жалованьемъ правовѣдовъ, гусаровъ, не имѣющихъ никакихъ особенныхъ спеціальныхъ свѣдѣній,—я заключаю, что жалованье назначается не по закону требованія и предложенія, а прямо по лицепріятію. И тутъ есть злоупотребленіе, важное само по себѣ и вредно отзывающееся на государственной службѣ. Я полагаю...

Степанъ Аркадьевичъ поспѣшилъ перебить зятя.

— Да, но ты согласись, что открывается новое, несомнѣнно полезное учрежденіе. Какъ хочешь, живое дѣло! Дорожатъ въ особенности тѣмъ, чтобы дѣло ведено было честно, — сказалъ Степанъ Аркадьевичъ съ удареніемъ.

Но московское значеніе *честнаго* было непонятно для Алексѣя Александровича.

— Честность есть только отрицательное свойство, — сказалъ онъ.

— Но ты мнѣ сдѣлаешь большое одолженіе все-таки, — сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, — замолвивъ словечко Поморскому. Такъ, между разговоромъ.

— Да вѣдь это больше отъ Болгаринова зависитъ, кажется,— сказалъ Алексѣй Александровичъ.

— Болгариновъ съ своей стороны совершенно согласенъ, — сказалъ Степанъ Аркадьевичъ краснѣя.

Степанъ Аркадьевичъ краснѣлъ при упоминаніи о Болгариновѣ, потому что онъ въ этотъ же день утромъ былъ у еврея

Болгаринова, и визитъ этотъ оставилъ въ немъ непріятное воспоминаніе.

Степанъ Аркадьевичъ твердо зналъ, что дѣло, которому онъ хотѣлъ служить, было новое, живое и честное дѣло; но нынче утромъ, когда Болгариновъ, очевидно, нарочно заставилъ его два часа дожидаться съ другими просителями въ пріемной, ему вдругъ стало неловко.

То ли ему было неловко, что онъ, потомокъ Рюрика, князь Облонскій, ждалъ два часа въ пріемной у жида, или то, что въ первый разъ въ жизни онъ не слѣдовалъ примѣру предковъ служа правительству, а выступалъ на новое поприще, но ему было очень неловко. Въ эти два часа ожиданія у Болгаринова Степанъ Аркадьевичъ, бойко прохаживаясь по пріемной, расправляя бакенбарды, вступая въ разговоръ съ другими просителями и придумывая каламбуръ, который онъ скажетъ о томъ, какъ онъ у жида дожидался, старательно скрывалъ отъ другихъ и даже отъ себя испытываемое чувство.

Но ему во все это время было неловко и досадно, онъ самъ не зналъ отъ чего: отъ того ли, что ничего не выходило изъ каламбура: «было дѣло *до жида*, и я *дожида*-лся», или отъ чего-нибудь другого. Когда же, наконецъ, Болгариновъ съ чрезвычайною учтивостью принялъ его, очевидно торжествуя его униженіемъ, и почти отказалъ ему, Степанъ Аркадьевичъ поторопился какъ можно скорѣе забыть про это. И теперь только, вспомнивъ, покраснѣлъ.

XVIII.

— Теперь у меня еще дѣло, и ты знаешь какое... объ Аннѣ,— сказалъ, помолчавъ немного и стряхнувъ съ себя это непріятное впечатлѣніе, Степанъ Аркадьевичъ.

Какъ только Облонскій произнесъ имя Анны, лицо Алексѣя Александровича совершенно измѣнилось: вмѣсто прежняго оживленія оно выразило усталость и мертвенность.

— Что собственно вы хотите отъ меня? — повертываясь на креслѣ и защелкивая свое pince-nez, сказалъ онъ.

— Рѣшенія, какого-нибудь рѣшенія, Алексѣй Александровичъ. Я обращаюсь къ тебѣ теперь «не какъ къ оскорбленному мужу», хотѣлъ сказать Степанъ Аркадьевичъ, но, побоявшись испортить этимъ дѣло, замѣнилъ это словами) не какъ къ государственному человѣку (что вышло некстати), а просто какъ къ человѣку, и доброму человѣку и христіанину. Ты долженъ пожалѣть ее, — сказалъ онъ.

— То-есть въ чемъ же собственно? — тихо сказалъ Каренинъ.

— Да, пожалѣть ее. Если бы ты ее видѣлъ, какъ я — я провелъ всю зиму съ ней — ты бы сжалился надъ нею. Положеніе ея ужасно, именно ужасно.

— Мнѣ казалось, — отвѣчалъ Алексѣй Александровичъ болѣе тонкимъ, почти визгливымъ голосомъ, — что Анна Аркадьевна имѣетъ все то, чего она сама хотѣла.

— Ахъ, Алексѣй Александровичъ, ради Бога не будемъ дѣлать рекриминацій! Что прошло, то прошло, и ты знаешь, чего она желаетъ и ждетъ — развода.

— Но я полагалъ, что Анна Аркадьевна отказывается отъ развода въ томъ случаѣ, если я требую обязательства оставить мнѣ сына. Я такъ и отвѣчалъ, и думалъ, что дѣло это кончено. Я считаю его оконченнымъ,—взвизгнулъ Алексѣй Александровичъ.

— Но, ради Бога, не горячись, — сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, дотрогиваясь до колѣнки зятя. — Дѣло не кончено. Если ты позволишь мнѣ рекапитулировать, дѣло было такъ: когда вы разстались, ты былъ великъ, какъ можно быть великодушнымъ; ты отдавалъ ей все — свободу, разводъ даже. Она оцѣнила это. Нѣтъ, ты не думай. Именно оцѣнила. До такой степени, что въ эти первыя минуты, чувствуя свою вину передъ тобой, она не обдумала и не могла обдумать всего. Она отъ всего отказалась. Но дѣйствительность, время показали, что ея положеніе мучительно и невозможно.

— Жизнь Анны Аркадьевны не можетъ интересовать меня, — перебилъ Алексѣй Александровичъ, поднимая брови.

— Позволь мнѣ не вѣрить, — мягко возразилъ Степанъ Аркадьевичъ. — Положеніе ея и мучительно для нея, и безъ всякой выгоды для кого бы то ни было. Она заслужила его, ты скажешь. Она знаетъ это и не проситъ тебя; она прямо говоритъ, что она ничего не смѣетъ просить. Но я, мы всѣ родные, всѣ любящіе ее просимъ, умоляемъ тебя. За что она мучается? Кому отъ этого лучше?

— Позвольте, вы, кажется, ставите меня въ положеніе обвиняемаго, — проговорилъ Алексѣй Александровичъ.

— Да нѣтъ, да нѣтъ, нисколько, ты пойми меня, — опять дотрогиваясь до его руки, сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, какъ будто онъ былъ увѣренъ, что это прикосновеніе смягчаетъ зятя.— Я только говорю одно: ея положеніе мучительно и оно можетъ быть облегчено тобой, и ты ничего не потеряешь. Я тебѣ все такъ устрою, что ты не замѣтишь. Вѣдь ты обѣщалъ.

— Обѣщаніе дано было прежде. И я полагалъ, что вопросъ о сынѣ рѣшалъ дѣло. Кромѣ того, я надѣялся, что у Анны Аркадьевны достанетъ великодушія,—съ трудомъ, трясущимися губами выговорилъ поблѣднѣвшій Алексѣй Александровичъ.

— Она предоставляетъ все твоему великодушію. Она проситъ, умоляетъ объ одномъ — вывести ее изъ того невозможнаго положенія, въ которомъ она находится. Она уже не проситъ сына. Алексѣй Александровичъ, ты добрый человѣкъ. Войди на мгновеніе въ ея положеніе. Вопросъ развода для нея въ ея положеніи—вопросъ жизни и смерти. Если бы ты не обѣщалъ прежде, она бы помирилась со своимъ положеніемъ, жила бы въ деревнѣ. Но ты обѣщалъ, она написала тебѣ и переѣхала въ Москву. И вотъ въ Москвѣ, гдѣ каждая встрѣча ей ножъ въ сердце, она живетъ шесть мѣсяцевъ, съ каждымъ днемъ ожидая рѣшенія. Вѣдь это все равно, что приговореннаго къ смерти держать мѣсяцы съ петлей на шеѣ, обѣщая, можетъ-быть, смерть, можетъ-быть, помилованіе. Сжалься надъ ней, и потомъ я берусь все такъ устроить... Vos scrupules...

— Я не говорю объ этомъ, объ этомъ...—гадливо перебилъ его Алексѣй Александровичъ. — Но, можетъ-быть, я обѣщалъ то, чего я не имѣлъ права обѣщать.

— Такъ ты отказываешь въ томъ, что обѣщалъ?

— Я никогда не отказывалъ въ исполненіи возможнаго, но я желаю имѣть время обдумать, насколько обѣщанное возможно.

— Нѣтъ, Алексѣй Александровичъ, — вскакивая, заговорилъ Облонскій, — я не хочу вѣрить этому! Она такъ несчастна, какъ только можетъ быть несчастна женщина, и ты не можешь отказать въ такой...

— Насколько обѣщанное возможно. Vous professez d'être un libre penseur. Но я, какъ человѣкъ вѣрующій, не могу въ такомъ важномъ дѣлѣ поступить противно христіанскому закону.

— Но въ христіанскихъ обществахъ и у насъ, сколько я знаю, разводъ допущенъ, — сказалъ Степанъ Аркадьевичъ. — Разводъ допущенъ и нашею церковью. И мы видимъ...

— Допущенъ, но не въ этомъ смыслѣ.

— Алексѣй Александровичъ, я не узнаю тебя, — помолчавъ сказалъ Облонскій. — Не ты ли (и мы ли не оцѣнили этого?) все простилъ и, движимый именно христіанскимъ чувствомъ, готовъ былъ всѣмъ пожертвовать? Ты самъ сказалъ: отдать кафтанъ, когда берутъ рубашку, и теперь...

— Я прошу,—вдругъ вставая на ноги, блѣдный и съ трясущеюся челюстью, пискливымъ голосомъ заговорилъ Алексѣй

Александровичъ,—прошу васъ прекратить, прекратить... этотъ разговоръ.

— Ахъ, нѣтъ! Ну, прости, прости меня, если я огорчилъ тебя,—сконфуженно улыбаясь, заговорилъ Степанъ Аркадьевичъ, протягивая руку,—но я все-таки, какъ посолъ, только передавалъ свое порученіе.

Алексѣй Александровичъ подалъ свою руку, задумался и проговорилъ:

— Я долженъ обдумать и поискать указаній. Послѣзавтра я дамъ вамъ рѣшительный отвѣтъ, — сообразивъ что-то, сказалъ онъ.

XIX.

Степанъ Аркадьевичъ хотѣлъ уже уходить, когда Корней пришелъ доложить:

— Сергѣй Алексѣевичъ!

— Кто это Сергѣй Алексѣевичъ? — началъ было Степанъ Аркадьевичъ, но тотчасъ же вспомнилъ.

— Ахъ, Сережа! — сказалъ онъ. «Сергѣй Алексѣевичъ. Я думалъ, директоръ департамента. Анна и просила меня повидать его», вспомнилъ онъ.

И онъ вспомнилъ то робкое, жалостное выраженіе, съ которымъ Анна, отпуская его, сказала: «все-таки ты увидишь его. Узнай подробно, гдѣ онъ, кто при немъ. И, Стива... если бы возможно! Вѣдь возможно?» Степанъ Аркадьевичъ понялъ, что означало это «если бы возможно»: если бы возможно сдѣлать разводъ такъ, чтобъ отдать ей сына... Теперь Степанъ Аркадьевичъ видѣлъ, что объ этомъ и думать нечего, но все-таки радъ былъ увидѣть племянника.

Алексѣй Александровичъ напомнилъ шурину, что сыну никогда не говорятъ про мать и что онъ проситъ его ни слова не упоминать про нее.

— Онъ былъ очень боленъ послѣ того свиданія съ матерью, котораго мы не предусмотрѣли, — сказалъ Алексѣй Александровичъ.—Мы боялись даже за его жизнь. Но разумное лѣченіе и морскія купанья лѣтомъ исправили его здоровье, и теперь я, по совѣту доктора, отдалъ его въ школу. Дѣйствительно, вліяніе товарищей оказало на него хорошее дѣйствіе, и онъ совершенно здоровъ и учится хорошо.

— Экой молодецъ сталъ! И то не Сережа, а цѣлый Сергѣй Алексѣевичъ! — улыбаясь сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, глядя на бойко и развязно вошедшаго красиваго, широкаго мальчика

въ синей курточкѣ и длинныхъ панталонахъ. Мальчикъ имѣлъ видъ здоровый и веселый. Онъ поклонился дядѣ, какъ чужому, но, узнавъ его, покраснѣлъ и, точно обиженный и разсерженный чѣмъ-то, поспѣшно отвернулся отъ него. Мальчикъ подошелъ къ отцу и подалъ ему записку о баллахъ, полученныхъ въ школѣ.

— Ну, это порядочно, — сказалъ отецъ, — можешь идти.

— Онъ похудѣлъ и выросъ и пересталъ быть ребенкомъ, а сталъ мальчишкой; я это люблю, — сказалъ Степанъ Аркадьевичъ. — Да ты помнишь меня?

Мальчикъ быстро оглянулся на отца.

— Помню, mon oncle, — отвѣчалъ онъ, взглянувъ на дядю, и опять потупился.

Дядя подозвалъ мальчика и взялъ его за руку.

— Ну что жъ, какъ дѣла? — сказалъ онъ, желая разговориться и не зная, что сказать.

Мальчикъ, краснѣя и не отвѣчая, осторожно потягивалъ свою руку изъ руки дяди. Какъ только Степанъ Аркадьевичъ выпустилъ его руку, онъ, какъ птица, выпущенная на волю, вопросительно взглянувъ на отца, быстрымъ шагомъ вышелъ изъ комнаты.

Прошелъ годъ съ тѣхъ поръ, какъ Сережа видѣлъ въ послѣдній разъ свою мать. Съ того времени онъ никогда не слыхалъ болѣе про нее. И въ этотъ же годъ онъ былъ отданъ въ школу и узналъ и полюбилъ товарищей. Тѣ мечты и воспоминанія о матери, которыя послѣ свиданія съ нею сдѣлали его больнымъ, теперь уже не занимали его. Когда онѣ приходили, онъ старательно отгонялъ ихъ отъ себя, считая ихъ стыдными и свойственными только дѣвочкамъ, а не мальчику и товарищу. Онъ зналъ, что между отцомъ и матерью была ссора, разлучившая ихъ, зналъ, что ему суждено оставаться съ отцомъ, и старался привыкнуть къ этой мысли.

Увидавъ дядю, похожаго на мать, ему было непріятно, потому что это вызывало въ немъ тѣ самыя воспоминанія, которыя онъ считалъ стыдными. Это было ему тѣмъ болѣе непріятно, что по нѣкоторымъ словамъ, которыя онъ слышалъ, дожидаясь у двери кабинета, и въ особенности по выраженію лица отца и дяди онъ догадывался, что между ними должна была идти рѣчь о матери. И, чтобы не осуждать того отца, съ которымъ онъ жилъ и отъ котораго зависѣлъ, и главное не предаваться чувствительности, которую онъ считалъ столь унизительною, Сережа старался не смотрѣть на этого дядю, пріѣхавшаго нарушать его спокойствіе, и не думать про то, что онъ напоминалъ

Но когда вышедшій вслѣдъ за нимъ Степанъ Аркадьевичъ, увидавъ его на лѣстницѣ, подозвалъ къ себѣ и спросилъ, какъ онъ въ школѣ проводитъ время между классами, Сережа, внѣ присутствія отца, разговорился съ нимъ.

— У насъ теперь идетъ желѣзная дорога, — сказалъ онъ, отвѣчая на его вопросъ.—Это видите ли какъ: двое садятся на лавку. Это—пассажиры. А одинъ становится стоя на лавку же. И всѣ запрягаются. Можно и руками, можно и поясами, и пускаются черезъ всѣ залы. Двери уже впередъ отворяются. Ну, и тутъ кондукторомъ очень трудно быть!

— Это который стоя? — спросилъ Степанъ Аркадьевичъ улыбаясь.

— Да, тутъ надо и смѣлость и ловкость, особенно какъ вдругъ остановятся или кто-нибудь упадетъ.

— Да, это не шутка, — сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, съ грустью вглядываясь въ эти оживленные материнскіе глаза, теперь ужъ не ребячьи, не вполнѣ уже невинные. И, хотя онъ и обѣщалъ Алексѣю Александровичу не говорить про Анну, онъ не вытерпѣлъ.

— А ты помнишь мать? — вдругъ спросилъ онъ.

— Нѣтъ, не помню,—быстро проговорилъ Сережа и, багрово покраснѣвъ, потупился. И уже дядя ничего болѣе не могъ добиться отъ него.

Славянинъ гувернеръ черезъ полчаса нашелъ своего воспитанника на лѣстницѣ и долго не могъ понять, злится онъ или плачетъ.

— Что жъ, вѣрно ушиблись, когда упали? — сказалъ гувернеръ.—Я говорилъ, что это опасная игра. И надо сказать директору.

— Если бъ и ушибся, такъ никто бы не замѣтилъ. Ужъ это навѣрно.

— Ну такъ что же?

— Оставьте меня!.. Помню, не помню... Какое ему дѣло? Зачѣмъ мнѣ помнить? Оставьте меня въ покоѣ!—обратился онъ уже не къ гувернеру, а ко всему свѣту.

XX.

Степанъ Аркадьевичъ, какъ и всегда, не праздно проводилъ время въ Петербургѣ. Въ Петербургѣ, кромѣ дѣлъ: развода сестры и мѣста, ему, какъ и всегда, нужно было освѣжиться, какъ онъ говорилъ, послѣ московской затхлости

Москва, несмотря на свои cafes chantants и омнибусы, была все-таки стоячее болото. Это всегда чувствовалъ Степанъ Аркадьевичъ. Поживъ въ Москвѣ, особенно въ близости съ семьей, онъ чувствовалъ, что падаетъ духомъ. Поживя долго безвыѣздно въ Москвѣ, онъ доходилъ до того, что начиналъ безпокоиться дурнымъ расположеніемъ и упреками жены, здоровьемъ, воспитаніемъ дѣтей, мелкими интересами своей службы; даже то, что у него были долги, безпокоило его. Но стоило только пріѣхать и пожить въ Петербургѣ, въ томъ кругу, въ которомъ онъ вращался, гдѣ жили, именно жили, а не прозябали, какъ въ Москвѣ, и тотчасъ всѣ мысли эти исчезали и таяли, какъ воскъ отъ лица огня.

Жена?.. Нынче только онъ говорилъ съ княземъ Чеченскимъ. У князя Чеченскаго была жена и семья—взрослые пажи дѣти, и была другая, незаконная семья, отъ которой тоже были дѣти. Хотя первая семья тоже была хороша, князь Чеченскій чувствовалъ себя счастливѣе во второй семьѣ. И онъ возилъ своего старшаго сына во вторую семью и разсказывалъ Степану Аркадьевичу, что онъ находитъ это полезнымъ и развивающимъ для сына. Что̀ бы на это сказали въ Москвѣ?

Дѣти?.. Въ Петербургѣ дѣти не мѣшали жить отцамъ. Дѣти воспитывались въ заведеніяхъ, и не было этого распространяющагося въ Москвѣ—Львовъ, напримѣръ—дикаго понятія, что дѣтямъ всю роскошь жизни, а родителямъ одинъ трудъ и заботы. Здѣсь понимали, что человѣкъ обязанъ жить для себя, какъ долженъ жить образованный человѣкъ.

Служба?.. Служба здѣсь тоже не была та упорная, безнадежная лямка, которую тянули въ Москвѣ; здѣсь былъ интересъ въ службѣ. Встрѣча, услуга, мѣткое слово, умѣніе представлять въ лицахъ разныя штуки,—и человѣкъ вдругъ дѣлалъ карьеру, какъ Брянцевъ, котораго вчера встрѣтилъ Степанъ Аркадьевичъ и который былъ первый сановникъ теперь. Эта служба имѣла интересъ.

Въ особенности же петербургскій взглядъ на денежныя дѣла успокоительно дѣйствовалъ на Степана Аркадьевича. Бартнянскій, проживающій по крайней мѣрѣ пятьдесятъ тысячъ, по тому train, который онъ велъ, сказалъ ему объ этомъ вчера замѣчательное слово.

Предъ обѣдомъ, разговорившись, Степанъ Аркадьевичъ сказалъ Бартнянскому:

— Ты, кажется, близокъ съ Мордвинскимъ; ты мнѣ можешь оказать услугу, скажи ему, пожалуйста, за меня словечко. Есть мѣсто, которое бы я хотѣлъ занять. Членомъ агентства...

— Ну, я все равно не запомню... Только что тебѣ за охота въ эти желѣзнодорожныя дѣла съ жидами?.. Какъ хочешь, все-таки гадость.

Степанъ Аркадьевичъ не сказалъ ему, что это было живое дѣло: Бартнянскій бы не понялъ этого.

— Деньги нужны, жить нечѣмъ.

— Живешь же?

— Живу, но долги.

— Что ты? Много?—съ соболѣзнованіемъ сказалъ Бартнянскій.

— Очень много, тысячъ двадцать.

Бартнянскій весело расхохотался.

— О, счастливый человѣкъ!—сказалъ онъ.—У меня полтора милліона и ничего нѣтъ, и, какъ видишь, жить еще можно!

И Степанъ Аркадьевичъ не на однихъ словахъ, а на дѣлѣ видѣлъ справедливость этого. У Живахова было триста тысячъ долгу и ни копейки за душой, и онъ жилъ же, да еще какъ! Графа Кривцова давно уже всѣ отпѣли, а онъ содержалъ двухъ. Петровскій прожилъ пять милліоновъ и жилъ все точно такъ же и даже завѣдывалъ финансами и получалъ двадцать тысячъ жалованья. Но, кромѣ этого, Петербургъ физически пріятно дѣйствовалъ на Степана Аркадьевича. Онъ молодилъ его. Въ Москвѣ онъ поглядывалъ иногда на сѣдину, засыпалъ послѣ обѣда, потягивался, шагомъ, тяжело дыша, входилъ на лѣстницу, скучалъ съ молодыми женщинами, не танцовалъ на балахъ. Въ Петербургѣ же онъ всегда чувствовалъ десять лѣтъ съ костей.

Онъ испытывалъ въ Петербургѣ то же, что̀ говорилъ ему вчера еще шестидесятилѣтній князь Облонскій, Петръ, только что вернувшійся изъ-за границы:

— Мы здѣсь не умѣемъ жить,—говорилъ Петръ Облонскій.— Повѣришь ли, я провелъ лѣто въ Баденѣ, ну, право, я чувствовалъ себя совсѣмъ молодымъ человѣкомъ. Увижу женщину молоденькую, и мысли... Пообѣдаешь, выпьешь слегка — сила, бодрость. Пріѣхалъ въ Россію — надо было къ женѣ да еще въ деревню—ну, не повѣришь, черезъ двѣ недѣли надѣлъ халатъ, пересталъ одѣваться къ обѣду. Какое о молоденькихъ думать. Совсѣмъ сталъ старикъ. Только душу спасать остается. Поѣхалъ въ Парижъ — опять оправился.

Степанъ Аркадьевичъ точно ту же разницу чувствовалъ, какъ и Петръ Облонскій. Въ Москвѣ онъ такъ опускался, что въ самомъ дѣлѣ, если бы пожить тамъ долго, дошелъ бы, чего добраго, и до спасенія души; въ Петербургѣ же онъ чувствовалъ себя опять порядочнымъ человѣкомъ.

Между княгиней Бетси Тверской и Степаномъ Аркадьевичемъ существовали давнишнія, весьма странныя отношенія. Степанъ Аркадьевичъ всегда шутя ухаживалъ за ней и говорилъ ей, тоже шутя, самыя неприличныя вещи, зная, что это болѣе всего ей нравится. На другой день послѣ своего разговора съ Каренинымъ Степанъ Аркадьевичъ, заѣхавъ къ ней, чувствовалъ себя столь молодымъ, что въ этомъ шуточномъ ухаживаніи и враньѣ зашелъ нечаянно такъ далеко, что ужъ не зналъ какъ выбраться назадъ, такъ какъ, къ несчастью, она не только не нравилась, но противна была ему. Тонъ же этотъ установился потому, что онъ очень нравился ей. Такъ что онъ уже былъ очень радъ пріѣзду княгини Мягкой, прекратившей ихъ уединеніе вдвоемъ.

— А, и вы тутъ,—сказала она, увидавъ его.—Ну, что ваша бѣдная сестра? Вы не смотрите на меня такъ, — прибавила она. — Съ тѣхъ поръ какъ всѣ набросились на нее, всѣ тѣ, которые хуже ея во сто тысячъ разъ, я нахожу, что она сдѣлала прекрасно. Я не могу простить Вронскому, что онъ не далъ мнѣ знать, когда она была въ Петербургѣ. Я бы поѣхала къ ней и съ нею повсюду. Пожалуйста, передайте ей отъ меня мою любовь. Ну, разскажите же мнѣ про нее.

— Да, ея положеніе тяжело, она...—началъ было разсказывать Степанъ Аркадьевичъ, въ простотѣ душевной принявъ за настоящую монету слова княгини Мягкой: «разскажите про вашу сестру». Княгиня Мягкая тотчасъ же по своей привычкѣ перебила его и стала сама разсказывать.

— Она сдѣлала то, что всѣ, кромѣ меня, дѣлаютъ, но скрываютъ; а она не хотѣла обманывать и сдѣлала прекрасно. И еще лучше сдѣлала, потому что бросила этого полоумнаго вашего зятя. Вы меня извините. Всѣ говорили, что онъ уменъ, уменъ, одна я говорила, что онъ глупъ. Теперь, когда онъ связался съ Лидіей Ивановной и съ Landau, всѣ говорятъ, что онъ полоумный, и я бы и рада не соглашаться со всѣми, но на этотъ разъ не могу.

— Да объясните мнѣ пожалуйста, — сказалъ Степанъ Аркадьевичъ,—что это такое значитъ? Вчера я былъ у него по дѣлу сестры и просилъ рѣшительнаго отвѣта. Онъ не далъ мнѣ отвѣта и сказалъ, что подумаетъ, а нынче утромъ я вмѣсто отвѣта получилъ приглашеніе на нынѣшній вечеръ къ графинѣ Лидіи Ивановнѣ.

— Ну такъ, такъ! — съ радостью заговорила княгиня Мягкая.—Они спросятъ у Landau, что онъ скажетъ.

— Какъ у Landau? зачѣмъ? что такое Landau?

— Какъ, вы не знаете Jules Landau? le fameux Jules Landau, le clairvoyant? Онъ тоже полоумный, но отъ него зависитъ судьба вашей сестры. Вотъ что происходитъ отъ жизни въ провинціи, вы ничего не знаете. Landau, видите ли, commis былъ въ магазинѣ въ Парижѣ и пришелъ къ доктору. У доктора въ пріемной онъ заснулъ и во снѣ сталъ всѣмъ больнымъ давать совѣты. И удивительные совѣты. Потомъ Юрія Мелединскаго — знаете, больного?—жена узнала, про этого Landau и взяла его къ мужу. Онъ мужа ея лѣчитъ. И никакой пользы ему не сдѣлалъ по-моему, потому что онъ все такой же разслабленный, но они въ него вѣруютъ и возятъ съ собой. И привезли въ Россію. Здѣсь всѣ на него набросились, и онъ всѣхъ сталъ лѣчить. Графиню Беззубову вылѣчилъ, и она такъ полюбила его, что усыновила.

— Какъ усыновила?

— Такъ усыновила. Онъ теперь не Landau больше, а графъ Беззубовъ. Но дѣло не въ томъ, а Лидія—я ее очень люблю, но у нея голова не на мѣстѣ — разумѣется, накинулась теперь на этого Landau, и безъ него ни у нея, ни у Алексѣя Александровича ничего не рѣшается, и поэтому судьба вашей сестры теперь въ рукахъ этого Landau, иначе графа Беззубова.

XXI.

Послѣ прекраснаго обѣда и большого количества коньяку, выпитаго у Бартнянскаго, Степанъ Аркадьевичъ, только немного опоздавъ противъ назначеннаго времени, входилъ къ графинѣ Лидіи Ивановнѣ.

— Кто еще у графини? французъ? — спросилъ Степанъ Аркадьевичъ швейцара, оглядывая знакомое пальто Алексѣя Александровича и странное, наивное пальто съ застежками.

— Алексѣй Александровичъ Каренинъ и графъ Беззубовъ, — строго отвѣчалъ швейцаръ.

«Княгиня Мягкая угадала, — подумалъ Степанъ Аркадьевичъ, входя на лѣстницу. — Странно! Однако хорошо было бы сблизиться съ ней. Она имѣетъ огромное вліяніе. Если она замолвитъ словечко Поморскому, то ужъ вѣрно».

Было еще совершенно свѣтло на дворѣ, но въ маленькой гостиной графини Лидіи Ивановны съ опущенными шторами уже горѣли лампы.

У круглаго стола, подъ лампой, сидѣли графиня и Алексѣй Александровичъ, о чемъ-то тихо разговаривая. Невысокій, худо-

щавый человѣкъ съ женскимъ тазомъ, съ вогнутыми въ колѣнкахъ ногами, очень блѣдный, красивый, съ блестящими, прекрасными глазами и длинными волосами, лежавшими на воротникѣ его сюртука, стоялъ на другомъ концѣ, оглядывая стѣну съ портретами. Поздоровавшись съ хозяйкой и съ Алексѣемъ Александровичемъ, Степанъ Аркадьевичъ невольно взглянулъ еще разъ на незнакомаго человѣка.

— Monsieur Landau!—обратилась къ нему графиня съ поразившею Облонскаго мягкостью и осторожностью. И она познакомила ихъ.

Landau поспѣшно оглянулся, подошелъ и, улыбнувшись, вложилъ въ протянутую руку Степана Аркадьевича неподвижную потную руку и тотчасъ же опять отошелъ и сталъ смотрѣть на портреты. Графиня и Алексѣй Александровичъ значительно переглянулись.

— Я очень рада видѣть васъ, въ особенности нынче, — сказала графиня Лидія Ивановна, указывая Степану Аркадьевичу мѣсто подлѣ Каренина.

— Я васъ познакомила съ нимъ, какъ съ Landau,—сказала она тихимъ голосомъ, взглянувъ на француза и потомъ тотчасъ на Алексѣя Александровича, — но онъ собственно графъ Беззубовъ, какъ вы, вѣроятно, знаете. Только онъ не любитъ этого титула.

— Да, я слышалъ,—отвѣчалъ Степанъ Аркадьевичъ.—Говорятъ онъ совершенно исцѣлилъ графиню Беззубову.

— Она была нынче у меня, она такъ жалка! — обратилась графиня къ Алексѣю Александровичу. — Разлука эта для нея ужасна. Для нея это такой ударъ!

— А онъ положительно ѣдетъ? — спросилъ Алексѣй Александровичъ.

— Да, онъ ѣдетъ въ Парижъ. Онъ вчера слышалъ голосъ,—сказала графиня Лидія Ивановна, глядя на Степана Аркадьевича.

— Ахъ, голосъ! — повторилъ Облонскій, чувствуя, что надо быть какъ можно осторожнѣе въ этомъ обществѣ, въ которомъ происходитъ или должно происходить что-то особенное, къ чему онъ не имѣетъ еще ключа.

Наступило минутное молчаніе, послѣ котораго графиня Лидія Ивановна, какъ бы приступая къ главному предмету разговора, съ тонкою улыбкой сказала Облонскому.

— Я васъ давно знаю и очень рада узнать васъ ближе. Les amis de nos amis sont nos amis. Но для того, чтобы быть другомъ надо вдумываться въ состояніе души друга, а я боюсь, что вы

этого не дѣлаете въ отношеніи къ Алексѣю Александровичу. Вы понимаете, о чемъ я говорю, — сказала она, поднимая свои прекрасные, задумчивые глаза.

— Отчасти, графиня, я понимаю, что положеніе Алексѣя Александровича...—сказалъ Облонскій, не понимая хорошенько, въ чемъ дѣло, и потому желая оставаться въ общемъ.

— Перемѣна не во внѣшнемъ положеніи, — строго сказала графиня Лидія Ивановна, вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдя влюбленнымъ взглядомъ за вставшимъ и перешедшимъ къ Landau Алексѣемъ Александровичемъ,—сердце его измѣнилось, ему дано новое сердце, и я боюсь, что вы не вполнѣ вдумались въ ту перемѣну, которая произошла въ немъ.

— То-есть я въ общихъ чертахъ могу представить себѣ эту перемѣну. Мы всегда были дружны и теперь... — отвѣчая нѣжнымъ взглядомъ на взглядъ графини, сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, соображая, съ которымъ изъ двухъ министровъ она ближе, чтобы знать, о комъ изъ двухъ придется просить ее.

— Та перемѣна, которая произошла въ немъ, не можетъ ослабить его чувства любви къ ближнимъ; напротивъ, перемѣна, которая произошла въ немъ, должна увеличить любовь. Но я боюсь, что вы не понимаете меня. Не хотите ли чаю? — сказала она, указывая глазами на лакея, подававшаго на подносѣ чай.

— Не совсѣмъ, графиня. Разумѣется, его несчастіе...

— Да, несчастіе, которое стало высшимъ счастіемъ, когда сердце стало новое, исполнилось Имъ, — сказала она, влюбленно глядя на Степана Аркадьевича.

«Я думаю, что можно будетъ попросить замолвить обоимъ», думалъ Степанъ Аркадьевичъ.

— О, конечно, графиня, — сказалъ онъ, — но я думаю, что эти перемѣны такъ интимны, что никто, даже самый близкій человѣкъ, не любитъ говорить.

— Напротивъ! Мы должны говорить и помогать другъ другу.

— Да, безъ сомнѣнія, но бываетъ такая разница убѣжденій, и притомъ... — съ мягкою улыбкой сказалъ Облонскій.

— Не можетъ быть разницы въ дѣлѣ святой истины.

— О, да, конечно, но...—и, смутившись, Степанъ Аркадьевичъ замолчалъ. Онъ понялъ, что дѣло шло о религіи.

— Мнѣ кажется, онъ сейчасъ заснетъ, — значительнымъ шопотомъ проговорилъ Алексѣй Александровичъ, подходя къ Лидіи Ивановнѣ.

Степанъ Аркадьевичъ оглянулся. Landau сидѣлъ у окна, облокотившись на ручку и спинку кресла, опустивъ голову.

Замѣтивъ обращенные на него взгляды, онъ поднялъ голову и улыбнулся дѣтски-наивною улыбкой.

— Не обращайте вниманія,—сказала Лидія Ивановна и легкимъ движеніемъ подвинула стулъ Алексѣю Александровичу. — Я замѣчала... — начала она что-то, какъ въ комнату вошелъ лакей съ письмомъ. Лидія Ивановна быстро пробѣжала записку и, извинившись, съ чрезвычайною быстротой написала, отдала отвѣтъ и вернулась къ столу. — Я замѣчала, — продолжала она начатый разговоръ, — что москвичи, въ особенности мужчины, самые равнодушные къ религіи люди.

— О, нѣтъ, графиня, мнѣ кажется, что москвичи имѣютъ репутацію быть самыми твердыми, — отвѣчалъ Степанъ Аркадьевичъ.

— Да, насколько я понимаю, вы, къ сожалѣнію, изъ равнодушныхъ, — съ усталою улыбкой, обращаясь къ нему, сказалъ Алексѣй Александровичъ.

— Какъ можно быть равнодушнымъ! — сказала Лидія Ивановна.

— Я въ этомъ отношеніи не то, что равнодушенъ, но въ ожиданіи,—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ со своею самою смягчающею улыбкой. — Я не думаю, чтобы для меня наступило время этихъ вопросовъ.

Алексѣй Александровичъ и Лидія Ивановна переглянулись.

— Мы не можемъ знать никогда, наступило или нѣтъ для насъ время,—сказалъ Алексѣй Александровичъ строго.—Мы не должны думать о томъ, готовы ли мы или не готовы: благодать не руководствуется человѣческими соображеніями; она иногда не сходитъ на трудящихся и сходитъ на неприготовленныхъ, какъ на Савла.

— Нѣтъ, кажется, не теперь еще,—сказала Лидія Ивановна, слѣдившая въ это время за движеніями француза. Landau всталъ и подошелъ къ нимъ.

— Вы мнѣ позволите слушать? — спросилъ онъ.

— О да, я не хотѣла вамъ мѣшать, — нѣжно глядя на него, сказала Лидія Ивановна, — садитесь съ нами.

— Надо только не закрывать глазъ, чтобы не лишиться свѣта, — продолжалъ Алексѣй Александровичъ.

— Ахъ, если бы вы знали то счастіе, которое мы испытываемъ, чувствуя всегдашнее Его присутствіе въ своей душѣ, — сказала графиня Лидія Ивановна, блаженно улыбаясь.

— Но человѣкъ можетъ чувствовать себя неспособнымъ иногда подняться на эту высоту, — сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, чувствуя, что онъ кривитъ душою, признавая религіоз-

ную высоту, но вмѣстѣ съ тѣмъ не рѣшаясь признаться въ своемъ свободомысліи предъ особой, которая однимъ словомъ Поморскому можетъ доставить ему желаемое мѣсто.

— То-есть вы хотите сказать, что грѣхъ мѣшаетъ ему? — сказала Лидія Ивановна. — Но это ложное мнѣніе. Грѣха нѣтъ для вѣрующихъ, грѣхъ уже искупленъ. Pardon, — прибавила она, глядя на опять вошедшаго съ другою запиской лакея. Она прочла и на словахъ отвѣтила:—завтра у великой княгини... скажите... Для вѣрующаго нѣтъ грѣха, — продолжала она разговоръ.

— Да, но вѣра безъ дѣлъ мертва есть, — сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, вспомнивъ эту фразу изъ катихизиса, одною улыбкой уже отстаивая свою независимость.

— Вотъ оно, изъ посланія апостола Іакова, — сказалъ Алексѣй Александровичъ, съ нѣкоторымъ упрекомъ обращаясь къ Лидіи Ивановнѣ, очевидно какъ о дѣлѣ, о которомъ они не разъ уже говорили.—Сколько вреда сдѣлало ложное толкованіе этого мѣста! Ничто такъ не отталкиваетъ отъ вѣры, какъ это толкованіе. «У меня нѣтъ дѣлъ, я не могу вѣрить», тогда какъ это нигдѣ не сказано. А сказано обратное.

— Трудиться для Бога, трудами, постомъ спасать душу, — съ гадливымъ презрѣніемъ сказала графиня Лидія Ивановна, — это дикія понятія нашихъ монаховъ... Тогда какъ это нигдѣ не сказано. Это гораздо проще и легче,—прибавила она, глядя на Облонскаго съ тою самою ободряющею улыбкой, съ которою она при дворѣ ободряла молодыхъ, смущенныхъ новою обстановкой, фрейлинъ.

— Мы спасены Христомъ, пострадавшимъ за насъ. Мы спасены вѣрой, — одобряя взглядомъ ея слова, подтвердилъ Алексѣй Александровичъ.

— Vous comprenez l'anglais? — спросила Лидія Ивановна и, получивъ утвердительный отвѣтъ, встала и начала перебирать на полочкѣ книги. — Я хочу прочесть Safe and Happy, или Under the wing?—сказала она, вопросительно взглянувъ на Каренина. И, найдя книгу и опять сѣвъ на мѣсто, она открыла ее.—Это очень коротко. Тутъ описанъ путь, которымъ пріобрѣтается вѣра, и то счастіе, превыше всего земного, которое при этомъ наполняетъ душу. Человѣкъ вѣрующій не можетъ быть несчастливъ, потому что онъ не одинъ. Да вотъ вы увидите. — Она собралась уже читать, какъ опять вошелъ лакей. — Бороздина? Скажите, завтра въ два часа. Да, — сказала она, заложивъ пальцемъ мѣсто въ книгѣ и со вздохомъ взглянувъ предъ собой задумчивыми прекрасными глазами. — Вотъ какъ

дѣйствуетъ вѣра настоящая. Вы знаете Санину Мари? Вы знаете ея несчастіе? — она потеряла единственнаго ребенка. Она была въ отчаяньи. Ну, и что жъ? Она нашла этого друга, и она благодаритъ Бога теперь за смерть своего ребенка. Вотъ счастіе, которое даетъ вѣра.

— О, да, это очень... — сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, до вольный тѣмъ, что будутъ читать и дадутъ ему немножко опомниться. «Нѣтъ, ужъ видно лучше ни о чемъ не просить нынче». думалъ онъ, «только бы, не напутавъ, выбраться отсюда».

— Вамъ будетъ скучно, — сказала графиня Лидія Ивановна, обращаясь къ Landau,—вы не знаете по-англійски, но это коротко.

— О, я пойму,—сказалъ съ тою же улыбкой Landau и закрылъ глаза.

Алексѣй Александровичъ и Лидія Ивановна значительно переглянулись, и началось чтеніе.

XXII.

Степанъ Аркадьевичъ чувствовалъ себя совершенно озадаченнымъ тѣми новыми для него странными рѣчами, которыя онъ слышалъ. Усложненность петербургской жизни вообще возбудительно дѣйствовала на него, выводя изъ московскаго застоя; но эти усложненія онъ любилъ и понималъ въ сферахъ ему близкихъ и знакомыхъ; въ этой же чуждой средѣ онъ былъ озадаченъ, ошеломленъ и не могъ всего обнять. Слушая графиню Лидію Ивановну и чувствуя устремленные на себя красивые, наивные или плутовскіе — онъ самъ не зналъ — глаза Landau, Степанъ Аркадьевичъ начиналъ испытывать какую-то особенную тяжесть въ головѣ.

Самыя разнообразныя мысли путались у него въ головѣ. «Мари Санина радуется, что у нея умеръ ребенокъ... Хорошо бы покурить теперь... Чтобы спастись, нужно только вѣрить, и монахи не знаютъ, какъ это надо дѣлать; знаетъ графиня Лидія Ивановна... И отчего у меня такая тяжесть въ головѣ? Отъ коньяку или оттого, что ужъ очень все это странно? Я все-таки до сихъ поръ ничего, кажется, неприличнаго не сдѣлалъ. Но все-таки просить ее ужъ нельзя. Говорятъ, что они заставляютъ молиться. Какъ бы меня не заставили. Это уже будетъ слишкомъ глупо. И что за вздоръ она читаетъ, а выговариваетъ хорошо. Landau — Беззубовъ, отчего онъ Беззубовъ?» Вдругъ Степанъ Аркадьевичъ почувствовалъ, что нижняя челюсть его неудержимо начинаетъ заворачиваться въ зѣвокъ

Онъ поправилъ бакенбарды, скрывая зѣвокъ, и встряхнулся. Но вслѣдъ за этимъ онъ почувствовалъ, что уже спитъ и собирается храпѣть. Онъ очнулся въ ту минуту, какъ голосъ графини Лидіи Ивановны сказалъ: «онъ спитъ».

Степанъ Аркадьевичъ испуганно очнулся, чувствуя себя виноватымъ и уличеннымъ. Но тотчасъ же онъ утѣшился, увидавъ, что слова: «онъ спитъ», относились не къ нему, а къ Landau. Французъ заснулъ такъ же, какъ Степанъ Аркадьевичъ. Но сонъ Степана Аркадьевича, какъ онъ думалъ, обидѣлъ бы ихъ (впрочемъ, онъ и этого не думалъ, такъ ужъ все ему казалось страннымъ), а сонъ Landau обрадовалъ ихъ чрезвычайно, особенно графиню Лидію Ивановну.

— Mon ami,—сказала Лидія Ивановна, осторожно, чтобы не шумѣть, занося складки своего шелковаго платья и въ возбужденіи своемъ называя уже Каренина не Алексѣемъ Александровичемъ, а «mon ami» — donnez lui la main. Vous voyez? Шш! — зашикала она на вошедшаго опять лакея. — Не принимать.

Французъ спалъ или притворялся, что спитъ, прислонивъ голову къ спинкѣ кресла, и потною рукой, лежавшею на колѣнѣ, дѣлалъ слабыя движенія, какъ будто ловя что-то. Алексѣй Александровичъ всталъ, хотѣлъ осторожно, но зацѣпилъ за столъ, подошелъ и положилъ свою руку въ руку француза. Степанъ Аркадьевичъ всталъ тоже и, широко отворяя глаза, желая разбудить себя, если онъ спитъ, смотрѣлъ то на того, то на другого. Все это было наяву. Степанъ Аркадьевичъ чувствовалъ, что у него въ головѣ становится все болѣе и болѣе нехорошо.

— Que la personne qui est arrivée la dernière, celle qui demande, qu'elle—sorte. Qu'elle sorte!—проговорилъ французъ, не открывая глазъ.

— Vous m'excuserez, mais vous voyez... Revenez vers dix heures, encore mieux demain.

— Qu'elle sorte! — нетерпѣливо повторилъ французъ.

— C'est moi, n'est ce pas? — И, получивъ утвердительный отвѣтъ, Степанъ Аркадьевичъ, забывъ и о томъ, чтò онъ хотѣлъ просить Лидію Ивановну, забывъ и о дѣлѣ сестры, съ однимъ желаніемъ поскорѣе выбраться отсюда, вышелъ на цыпочкахъ и, какъ изъ зараженнаго дома, выбѣжалъ на улицу и долго разговаривалъ и шутилъ съ извозчикомъ, желая привести себя поскорѣе въ чувства.

Во французскомъ театрѣ, котораго онъ засталъ послѣдній актъ, и потомъ у татаръ за шампанскимъ Степанъ Аркадье-

вичъ отдышался немножко на свойственномъ ему воздухѣ. Но все-таки въ этотъ вечеръ ему было очень не по себѣ.

Вернувшись домой къ Петру Облонскому, у котораго онъ остановился въ Петербургѣ, Степанъ Аркадьевичъ нашелъ записку отъ Бетси. Она писала ему, что очень желаетъ докончить начатый разговоръ и проситъ его пріѣхать завтра. Едва онъ успѣлъ прочесть эту записку и поморщиться надъ ней, какъ внизу послышались грузные шаги людей, несущихъ что-то тяжелое.

Степанъ Аркадьевичъ вышелъ посмотрѣть. Это былъ помолодѣвшій Петръ Облонскій. Онъ былъ такъ пьянъ, что̀ не могъ войти на лѣстницу; но онъ велѣлъ себя поставить на ноги, увидавъ Степана Аркадьевича, и, уцѣпившись за него, пошелъ съ нимъ въ его комнату и тамъ сталъ ему разсказывать про то, какъ онъ провелъ вечеръ, и тутъ же заснулъ.

Степанъ Аркадьевичъ былъ въ упадкѣ духа, что́ рѣдко случалось съ нимъ, и долго не могъ заснуть. Все, что онъ ни вспоминалъ, все было гадко, но гаже всего, точно что-то постыдное, вспоминался ему вечеръ у графини Лидіи Ивановны.

На другой день онъ получилъ отъ Алексѣя Александровича положительный отказъ въ разводѣ Анны и понялъ, что рѣшеніе это было основано на томъ, что̀ вчера сказалъ французъ въ своемъ настоящемъ или притворномъ снѣ.

XXIII.

Для того, чтобы предпринять что-нибудь въ семейной жизни, необходимы или совершенный разводъ между супругами, или любовное согласіе. Когда же отношеніе супруговъ неопредѣленны и нѣтъ ни того, ни другого, никакое дѣло не можетъ быть предпринято.

Многія семьи по годамъ остаются на старыхъ мѣстахъ, постылыхъ обоимъ супругамъ, только потому, что нѣтъ ни полнаго раздора, ни согласія.

И Вронскому и Аннѣ московская жизнь въ жару и пыли, когда солнце свѣтило уже не по-весеннему, а по-лѣтнему, и всѣ деревья на бульварахъ уже давно были въ листьяхъ, и листья уже были покрыты пылью, была невыносима; но они, не переѣзжая въ Воздвиженское, какъ это давно было рѣшено, продолжали жить въ опостылѣвшей имъ обоимъ Москвѣ, потому что въ послѣднее время согласія не было между ними.

Раздраженіе, раздѣлявшее ихъ, не имѣло никакой внѣшней причины, и всѣ попытки объясненія не только не устраняли, но увеличивали его. Это было раздраженіе внутреннее, имѣвшее для нея основаніемъ уменьшеніе его любви, для него раскаяніе въ томъ, что онъ поставилъ себя ради нея въ тяжелое положеніе, которое она, вмѣсто того чтобъ облегчить, дѣлаетъ еще болѣе тяжелымъ. Ни тотъ, ни другой не высказывали причины своего раздраженія, но они считали другъ друга неправыми и при каждомъ предлогѣ старались доказать это другъ другу.

Для нея весь онъ, со всѣми его привычками, мыслями, желаніями, со всѣмъ его душевнымъ и физическимъ складомъ, былъ одно — любовь къ женщинамъ, и эта любовь по ея чувству должна была быть вся сосредоточена на ней одной. Любовь эта уменьшилась; слѣдовательно, по ея разсужденію, онъ долженъ былъ часть любви перенести на другихъ или на другую женщину,—и она ревновала. Она ревновала его не къ какой-нибудь женщинѣ, а къ уменьшенію его любви. Не имѣя еще предмета для ревности, она отыскивала его. По малѣйшему намеку она переносила свою ревность съ одного предмета на другой. То она ревновала его къ тѣмъ грубымъ женщинамъ, съ которыми, благодаря своимъ холостымъ связямъ, онъ такъ легко могъ войти въ сношенія; то она ревновала его къ свѣтскимъ женщинамъ, съ которыми онъ могъ встрѣтиться; то она ревновала его къ воображаемой дѣвушкѣ, на которой онъ хотѣлъ, разорвавъ съ ней связь, жениться. И эта послѣдняя ревность болѣе всего мучила ее, въ особенности потому, что онъ самъ неосторожно въ откровенную минуту сказалъ ей, что его мать такъ мало понимаетъ его, что позволила себѣ уговаривать его жениться на княжнѣ Сорокиной.

И, ревнуя его, Анна негодовала на него и отыскивала во всемъ поводы къ негодованію. Во всемъ, что было тяжелаго въ ея положеніи, она обвиняла его. Мучительное состояніе ожиданія, которое она, между небомъ и землей, прожила въ Москвѣ, медленность и нерѣшительность Алексѣя Александровича, свое уединеніе, — она все приписывала ему. Если бъ онъ любилъ, онъ понималъ бы всю тяжесть ея положенія и вывелъ бы ее изъ него. Въ томъ, что она жила въ Москвѣ, а не въ деревнѣ, онъ же былъ виноватъ. Онъ не могъ жить, зарывшись въ деревнѣ, какъ она того хотѣла. Ему необходимо было общество, и онъ поставилъ ее въ это ужасное положеніе, тяжесть котораго онъ не хотѣлъ понимать. И опять онъ же былъ виноватъ въ томъ, что она навѣки разлучена съ сыномъ.

Даже тѣ рѣдкія минуты нѣжности, которыя наступали между ними, не успокаивали ея: въ нѣжности его теперь она видѣла оттѣнокъ спокойствія, увѣренности, которыхъ не было прежде и которыя раздражали ее.

Были уже сумерки. Анна одна, ожидая его возвращенія съ холостого обѣда, на который онъ поѣхалъ, ходила взадъ и впередъ по его кабинету (комната, гдѣ менѣе былъ слышанъ шумъ мостовой) и во всѣхъ подробностяхъ передумывала выраженія вчерашней ссоры. Возвращаясь все назадъ отъ памятныхъ оскорбительныхъ словъ спора къ тому, чтò было ихъ поводомъ, она добралась наконецъ до начала разговора. Она долго не могла повѣрить тому, чтобы раздоръ начался съ такого безобиднаго, неблизкаго ничьему сердцу разговора. А дѣйствительно это было такъ. Все началось съ того, что онъ посмѣялся надъ женскими гимназіями, считая ихъ ненужными, а она заступилась за нихъ. Онъ неуважительно отнесся къ женскому образованію вообще и сказалъ, что Ганна, покровительствуемая Анной англичанка, вовсе не нуждалась въ знаніи физики.

Это раздражило Анну. Она видѣла въ этомъ презрительный намекъ на свои занятія. И она придумала и сказала такую фразу, которая бы отплатила ему за сдѣланную ей боль.

— Я не жду того, чтобы вы помнили меня, мои чувства, какъ можетъ ихъ помнить любящій человѣкъ, но я ожидала просто деликатности, — сказала она.

И дѣйствительно онъ покраснѣлъ отъ досады и что-то сказалъ непріятное. Она не помнила, что она отвѣтила ему, но только тутъ къ чему-то онъ, очевидно съ желаніемъ тоже сдѣлать ей больно, сказалъ:

— Мнѣ непріятно ваше пристрастіе къ этой дѣвочкѣ, это правда, потому что я вижу, что оно ненатурально.

Эта жестокость его, съ которою онъ разрушалъ міръ, съ такимъ трудомъ состроенный ею себѣ, чтобы переносить свою тяжелую жизнь, эта несправедливость его, съ которою онъ обвинялъ ее въ притворствѣ, въ ненатуральности, взорвали ее.

— Очень жалѣю, что одно грубое и матеріальное вамъ понятно и натурально, — сказала она и вышла изъ комнаты.

Когда вчера вечеромъ онъ пришелъ къ ней, они не поминали о бывшей ссорѣ, но оба чувствовали, что ссора заглажена, а не прошла.

Нынче онъ цѣлый день не былъ дома, и ей было такъ одиноко и тяжело чувствовать себя съ нимъ въ ссорѣ, что она хотѣла все забыть, простить и примириться съ нимъ хотѣла обвинить себя и оправдать его.

«Я сама виновата. Я раздражительна, я безсмысленно ревнива... Я примирюсь съ нимъ, и уѣдемъ въ деревню, тамъ я буду спокойнѣе», говорила она себѣ.

«Ненатурально, — вспомнила она вдругъ болѣе всего оскорбившее ее не столько слово, сколько намѣреніе сдѣлать ей больно. — Я знаю, что̀ онъ хотѣлъ сказать; онъ хотѣлъ сказать: ненатурально, не любя свою дочь, любить чужого ребенка. Что онъ понимаетъ въ любви къ дѣтямъ, въ моей любви къ Сережѣ, которымъ я для него пожертвовала? Но это желаніе сдѣлать мнѣ больно! Нѣтъ, онъ любитъ другую женщину, это не можетъ быть иначе».

И, увидавъ, что, желая успокоить себя, она совершила опять столько разъ уже пройденный ею кругъ и вернулась къ прежнему раздраженію, она ужаснулась на самое себя. «Неужели нельзя? Неужели я не могу взять на себя? — сказала она себѣ и начала опять сначала.—Онъ правдивъ, онъ честенъ, онъ любитъ меня. Я люблю его, на-дняхъ выйдетъ разводъ. Чего же еще нужно? Нужно спокойствіе, довѣріе, и я возьму на себя. Да, теперь, какъ онъ пріѣдетъ, я скажу, что я была виновата, хотя я и не была виновата, и мы уѣдемъ».

И, чтобы не думать болѣе и не поддаваться раздраженію, она позвонила и велѣла внести сундуки для укладки вещей въ деревню.

Въ десять часовъ Вронскій пріѣхалъ.

XXIV.

— Что жъ, было весело? — спросила она, съ виноватымъ и кроткимъ выраженіемъ на лицѣ выходя къ нему навстрѣчу.

— Какъ обыкновенно, — отвѣчалъ онъ, тотчасъ же по одному взгляду на нее понявъ, что она въ одномъ изъ своихъ хорошихъ расположеній. Онъ уже привыкъ къ этимъ переходамъ и нынче былъ особенно радъ ему, потому что самъ былъ въ самомъ хорошемъ расположеніи духа.

— Что я вижу! Вотъ это хорошо! — сказалъ онъ, указывая на сундуки въ передней.

— Да, надо ѣхать. Я ѣздила кататься, и такъ хорошо, что въ деревню захотѣлось. Вѣдь тебя ничто не задерживаетъ?

— Только одного желаю. Сейчасъ я приду, и поговоримъ, только переодѣнусь. Вели чаю дать.

И онъ пошелъ въ свой кабинетъ.

Было что-то оскорбительное въ томъ, что онъ сказалъ: «вотъ это хорошо», какъ говорятъ ребенку, когда онъ пересталъ капризничать, и еще болѣе была оскорбительна та противоположность между ея виноватымъ и его самоувѣреннымъ тономъ; и она на мгновеніе почувствовала въ себѣ поднимающееся желаніе борьбы; но, сдѣлавъ усиліе надъ собой, она подавила его и встрѣтила Вронскаго такъ же весело.

Когда онъ вышелъ къ ней, она разсказала ему, отчасти повторяя приготовленныя слова, свой день и свои планы на отъѣздъ.

— Знаешь, на меня нашло почти вдохновеніе, — говорила она.—Зачѣмъ ждать здѣсь развода? Развѣ не все равно въ деревнѣ? Я не могу больше ждать. Я не хочу надѣяться, не хочу ничего слышать про разводъ. Я рѣшила, что это не будетъ больше имѣть вліянія на мою жизнь. И ты согласенъ?

— О, да! — сказалъ онъ, съ безпокойствомъ взглянувъ въ ея взволнованное лицо.

— Что же вы тамъ дѣлали? кто былъ? — сказала она, помолчавъ.

Вронскій назвалъ гостей. — Обѣдъ былъ прекрасный, и гонка лодокъ, и все это довольно было мило, но въ Москвѣ не могутъ безъ ridicule. Явилась какая-то дама, учительница плаванья шведской королевы, и показывала свое искусство.

— Какъ? плавала? — хмурясь спросила Анна.

— Въ какомъ-то красномъ costume de natation, старая, безобразная. Такъ когда же ѣдемъ.

— Что за глупая фантазія! Что же, она особенно какъ-нибудь плаваетъ? — не отвѣчая, сказала Анна.

— Рѣшительно ничего особеннаго. Я и говорю, глупо ужасно. Такъ когда же ты думаешь ѣхать?

Анна встряхнула головой, какъ бы желая отогнать непріятную мысль.

— Когда ѣхать? Да чѣмъ раньше, тѣмъ лучше. Завтра не успѣемъ. Послѣзавтра.

— Да... нѣтъ, постой. Послѣзавтра — воскресенье, мнѣ надо быть у maman, — сказалъ Вронскій, смутившись, потому что, какъ только онъ произнесъ имя матери, онъ почувствовалъ на себѣ пристальный подозрительный взглядъ. Смущеніе его подтвердило ей ея подозрѣніе. Она вспыхнула и отстранилась отъ него. Теперь уже не учительница шведской королевы, а княжна Сорокина, которая жила въ подмосковной деревнѣ вмѣстѣ съ графиней Вронской, представилась Аннѣ.

— Ты можешь поѣхать завтра! — сказала она.

— Да нѣтъ же. По дѣлу, по которому я ѣду, довѣренности и деньги не получаются завтра, — отвѣчалъ онъ.

— Если такъ, то мы не уѣдемъ совсѣмъ.

— Да отчего же?

— Я не поѣду позднѣе. Въ понедѣльникъ или никогда!

— Почему же?—какъ бы съ удивленіемъ сказалъ Вронскій.— Вѣдь это не имѣетъ смысла!

— Для тебя это не имѣетъ смысла, потому что до меня тебѣ никакого дѣла нѣтъ. Ты не хочешь понять моей жизни. Одно, что меня занимало здѣсь—Ганна. Ты говоришь, что это притворство. Ты вѣдь говорилъ вчера, что я не люблю дочь, а притворяюсь, что люблю эту англичанку, что это ненатурально; я бы желала знать, какая жизнь для меня здѣсь можетъ быть натуральна.

На мгновеніе она очнулась и ужаснулась тому, что измѣнила своему намѣренію. Но и зная, что она губитъ себя, она не могла воздержаться, не могла не показать ему, какъ онъ былъ неправъ, не могла покориться ему.

— Я никогда не говорилъ этого; я говорилъ, что не сочувствую этой внезапной любви.

— Отчего ты, хвастаясь своей прямотою, не говоришь правду?

— Я никогда не хвастаюсь и никогда не говорю неправду, — сказалъ онъ тихо, удерживая поднимавшійся въ немъ гнѣвъ. — Очень жаль, если ты не уважаешь...

— Уваженіе выдумали для того, чтобы скрывать пустое мѣсто, гдѣ должна быть любовь... А если ты больше не любишь меня, то лучше и честнѣе это сказать.

— Нѣтъ, это становится невыносимо!—вскрикнулъ Вронскій, вставая со стула. И, остановившись предъ ней, онъ медленно выговорилъ:—Для чего ты испытываешь мое терпѣніе?—сказалъ онъ съ такимъ видомъ, какъ будто могъ бы сказать еще многое, но удерживался. — Оно имѣетъ предѣлы.

— Что вы хотите этимъ сказать?—вскрикнула она, съ ужасомъ вглядываясь въ явное выраженіе ненависти, которое было во всемъ лицѣ и въ особенности въ жестокихъ, грозныхъ глазахъ.

— Я хочу сказать... — началъ было онъ, но остановился. — Я долженъ спросить, чего вы отъ меня хотите?

— Чего я могу хотѣть? Я могу хотѣть только того, чтобы вы не покинули меня, какъ вы думаете, — сказала она, понявъ все то, чего онъ не досказалъ.—Но этого я не хочу, это второстепенно. Я хочу любви, а ея нѣтъ. Стало-быть, все кончено.

Она направилась къ двери.

— Постой! По...стой!—сказалъ Вронскій, не раздвигая мрачной складки бровей, но останавливая ее за руку.—Въ чемъ дѣло? Я сказалъ, что отъѣздъ надо отложить на три дня, ты мнѣ на это сказала, что я лгу, что я нечестный человѣкъ.

— Да, и повторяю, что человѣкъ, который попрекаетъ меня, что онъ всѣмъ пожертвовалъ для меня, — сказала она, вспоминая слова еще прежней ссоры, — что это хуже, чѣмъ нечестный человѣкъ, — это человѣкъ безъ сердца.

— Нѣтъ, есть границы терпѣнію! — вскрикнулъ онъ и быстро выпустилъ ея руку.

«Онъ ненавидитъ меня, это ясно», подумала она и молча, не оглядываясь, невѣрными шагами вышла изъ комнаты. «Онъ любитъ другую женщину, это еще яснѣе», говорила она себѣ, входя въ свою комнату. «Я хочу любви, а ея нѣтъ. Стало-быть, все кончено, — повторила она сказанныя ею слова, — и надо кончить».

«Но какъ?» спросила она себя и сѣла на кресло передъ зеркаломъ.

Мысли о томъ, куда она поѣдетъ теперь, — къ теткѣ ли, у которой она воспитывалась, къ Долли или просто одна за границу, и о томъ, что̀ *онъ* дѣлаетъ теперь одинъ въ кабинетѣ, окончательная ли это ссора, или возможно еще примиреніе, и о томъ, что теперь будутъ говорить про нее всѣ ея петербургскіе бывшіе знакомые, какъ посмотритъ на это Алексѣй Александровичъ, и много другихъ мыслей о томъ, что̀ будетъ теперь, послѣ разрыва, приходили ей въ голову, но она не всею душой отдавалась этимъ мыслямъ. Въ душѣ ея была какая-то неясная мысль, которая одна интересовала ее, но она не могла ее сознать. Вспомнивъ еще разъ объ Алексѣѣ Александровичѣ, она вспомнила и время своей болѣзни послѣ родовъ, и то чувство, которое тогда не оставляло ея. «Зачѣмъ я не умерла?» вспомнились ей тогдашнія ея слова и тогдашнее ея чувство. И она вдругъ поняла то, что̀ было въ ея душѣ. Да, это была та мысль, которая одна разрѣшала все. «Да, умереть!..»

«И стыдъ и позоръ Алексѣя Александровича и Сережи, и мой ужасный стыдъ — все спасается смертью. Умереть — и онъ будетъ раскаиваться, будетъ жалѣть, будетъ любить, будетъ страдать за меня». Съ остановившеюся улыбкой состраданія къ себѣ она сидѣла въ креслѣ, снимая и надѣвая кольца съ лѣвой руки, живо съ разныхъ сторонъ представляя себѣ его чувства послѣ ея смерти.

Приближающіеся шаги, его шаги, развлекли ее. Какъ бы занятая укладываніемъ своихъ колецъ, она не обратилась даже къ нему.

Онъ подошелъ къ ней и, взявъ ее за руку, тихо сказалъ:

— Анна, поѣдемъ послѣзавтра, если хочешь. Я на все согласенъ.

Она молчала.

— Что же? — спросилъ онъ.

— Ты самъ знаешь, — сказала она и въ ту же минуту, не въ силахъ удерживаться болѣе, она зарыдала.

— Брось меня, брось!—выговаривала она между рыданіями.—Я уѣду завтра... Я больше сдѣлаю. Кто я? развратная женщина. Камень на твоей шеѣ. Я не хочу мучить тебя, не хочу! Я освобожу тебя. Ты не любишь, ты любишь другую!

Вронскій умолялъ ее успокоиться и увѣрялъ, что нѣтъ признака основанія ея ревности, что онъ никогда не переставалъ и не перестанетъ любить ее, что онъ любитъ больше, чѣмъ прежде.

— Анна, за что такъ мучить себя и меня? — говорилъ онъ, цѣлуя ея руки. Въ лицѣ его теперь выражалась нѣжность, и ей казалось, что она слышала ухомъ звукъ слезъ въ его голосѣ и на рукѣ своей чувствовала ихъ влагу. И мгновенно отчаянная ревность Анны перешла въ отчаянную, страстную нѣжность; она обнимала его, покрывала поцѣлуями его голову, шею, руки.

XXV.

Чувствуя, что примиреніе было полное, Анна съ утра оживленно принялась за приготовленіе къ отъѣзду. Хотя и не было рѣшено, ѣдутъ ли они въ понедѣльникъ или во вторникъ, такъ какъ оба вчера уступали одинъ другому. Анна дѣятельно приготовлялась къ отъѣзду, чувствуя себя теперь совершенно равнодушною къ тому, что они ѣдутъ днемъ раньше или позже. Она стояла въ своей комнатѣ надъ открытомъ сундукомъ, отбирая вещи, когда онъ, уже одѣтый, раньше обыкновеннаго вошелъ къ ней.

— Я сейчасъ съѣзжу къ maman, она можетъ прислать мнѣ деньги черезъ Егора. И завтра я готовъ ѣхать,—сказалъ онъ.

Какъ ни хорошо она была настроена, упоминаніе о поѣздкѣ на дачу кольнуло ее.

— Нѣтъ, я и сама не успѣю, — сказала она и тотчасъ же подумала: «стало-быть, можно было устроиться такъ, чтобы сдѣлать, какъ я хотѣла». — Нѣтъ, какъ ты хотѣлъ, такъ и дѣлай. Иди въ столовую, я сейчасъ приду, только отобрать эти

ненужныя вещи,—сказала она, передавая на руку Аннушки, на которой уже лежала гора тряпокъ, еще что-то.

Вронскій ѣлъ свой бифстексъ, когда она вошла въ столовую.

— Ты не повѣришь, какъ мнѣ опостылѣли эти комнаты,— сказала она, садясь подлѣ него къ своему кофе. — Ничего нѣтъ ужаснѣе этихъ chambres garnies. Нѣтъ выраженія лица въ нихъ, нѣтъ души. Эти часы, гардины, главное обои — кошмаръ. Я думаю о Воздвиженскомъ, какъ объ обѣтованной землѣ. Ты не отсылаешь еще лошадей?

— Нѣтъ, онѣ поѣдутъ послѣ насъ. А ты куда-нибудь ѣдешь?

— Я хотѣла съѣздить къ Вильсонъ. Мнѣ ей свезти платья. Такъ рѣшительно завтра?—сказала она веселымъ голосомъ; но вдругъ лицо ея измѣнилось.

Камердинеръ Вронскаго пришелъ спросить расписку на телеграмму изъ Петербурга. Ничего не было особеннаго въ полученіи Вронскимъ депеши, но онъ, какъ бы желая скрыть что-то отъ нея, сказалъ, что расписка въ кабинетѣ, и поспѣшно обратился къ ней:

— Непремѣнно завтра я все кончу.

— Отъ кого депеша? — спросила она, не слушая его.

— Отъ Стивы, — отвѣчалъ онъ неохотно.

— Отчего же ты не показалъ мнѣ? Какая же можетъ быть тайна между Стивой и мной?

Вронскій воротилъ камердинера и велѣлъ принесть депешу.

— Я не хотѣлъ показывать, потому что Стива имѣетъ страсть телеграфировать; что жъ телеграфировать, когда ничего не рѣшено.

— О разводѣ?

— Да, но онъ пишетъ: ничего еще не могъ добиться. На-дняхъ обѣщалъ рѣшительный отвѣтъ. Да вотъ прочти.

Дрожащими руками Анна взяла депешу и прочла то самое, что̀ сказалъ Вронскій. Въ концѣ еще было прибавлено: «надежды мало, но я сдѣлаю все возможное и невозможное».

— Я вчера сказала, что мнѣ совершенно все равно, когда я получу, и даже получу ли разводъ, — сказала она покраснѣвъ.—Не было никакой надобности скрывать отъ меня. «Такъ онъ можетъ скрыть и скрываетъ отъ меня свою переписку съ женщинами», подумала она.

— А Явшинъ хотѣлъ пріѣхать нынче утромъ съ Войтовымъ, — сказалъ Вронскій;—кажется, что онъ выигралъ съ Пѣвцова все, и даже больше того, что тотъ можетъ заплатить, — около шестидесяти тысячъ.

— Нѣтъ, — сказала она, раздражаясь тѣмъ, что онъ такъ очевидно этою перемѣной разговора показывалъ ей, что она раздражена, — почему же ты думаешь, что это извѣстіе такъ интересуетъ меня, что надо даже скрывать? Я сказала, что не хочу объ этомъ думать, и желала бы, чтобы ты этимъ такъ же мало интересовался, какъ и я.

— Я интересуюсь потому, что люблю ясность,—сказалъ онъ.

— Ясность не въ формѣ, а въ любви,—сказала она, все болѣе и болѣе раздражаясь не словами, а тономъ холоднаго спокойствія, съ которымъ онъ говорилъ.—Для чего ты желаешь этого?

«Боже мой! опять о любви», подумалъ онъ морщась.

— Вѣдь ты знаешь для чего: для тебя и для дѣтей, которыя будутъ, — сказалъ онъ.

— Дѣтей не будетъ.

— Это очень жалко, — сказалъ онъ.

— Тебѣ это нужно для дѣтей; а обо мнѣ ты не думаешь? — сказала она, совершенно забывъ и не слыхавъ, что онъ сказалъ: *для тебя* и для дѣтей.

Вопросъ о возможности имѣть дѣтей былъ давно спорный и раздражавшій ее. Его желаніе имѣть дѣтей она объясняла себѣ тѣмъ, что онъ не дорожилъ ея красотой.

— Ахъ, я сказалъ: для тебя. Болѣе всего для тебя, — морщась точно отъ боли, повторилъ онъ, — потому что я увѣренъ, что большая доля твоего раздраженія происходитъ отъ неопредѣленности положенія.

«Да, вотъ онъ пересталъ теперь притворяться и видна вся его холодная ненависть ко мнѣ», подумала она, не слушая его словъ, но съ ужасомъ вглядываясь въ того холоднаго и жестокаго судью, который, дразня ее, смотрѣлъ изъ его глазъ.

— Причина не та, — сказала она, — и я даже не понимаю, какъ причиной моего, какъ ты называешь, раздраженія можетъ быть то, что я нахожусь совершенно въ твоей власти. Какая же тутъ неопредѣленность положенія? напротивъ.

— Очень жалѣю, что ты не хочешь понять, — перебилъ онъ ее, съ упорствомъ желая высказать свою мысль: — неопредѣленность состоитъ въ томъ, что тебѣ кажется, что я свободенъ.

— Насчетъ этого ты можешь быть совершенно спокоенъ, — сказала она и, отвернувшись отъ него, стала пить кофей.

Она подняла чашку, отставивъ мизинецъ, и поднесла ее ко рту. Отпивъ нѣсколько глотковъ, она взглянула на него и по выраженію его лица ясно поняла, что ему противны были рука и жестъ и звукъ, который она производила губами.

— Мнѣ совершенно все равно, что̀ думаетъ твоя мать и какъ она хочетъ женить тебя, — сказала она, дрожащею рукой ставя чашку.

— Но мы не объ этомъ говоримъ.

— Нѣтъ, объ этомъ самомъ. И повѣрь, что для меня женщина безъ сердца, будь она старуха или не старуха, твоя мать или чужая, не интересна, и я ее знать не хочу.

— Анна, я прошу тебя не говорить неуважительно о моей матери.

— Женщина, которая не угадала сердцемъ, въ чемъ лежитъ счастіе и честь ея сына, у той нѣтъ сердца.

— Я повторяю свою просьбу: не говорить неуважительно о матери, которую я уважаю, — сказалъ онъ, возвышая голосъ и строго глядя на нее.

Она не отвѣчала. Пристально глядя на него, на его лицо, руки, она вспомнила со всѣми подробностями сцену вчерашняго примиренія и его страсныя ласки. «Эти, точно такія же ласки онъ расточалъ и будетъ и хочетъ расточать другимъ женщинамъ!» думала она.

— Ты не любишь мать. Это все фразы, фразы и фразы! — съ ненавистью глядя на него, сказала она.

— А если такъ, то надо...

— Надо рѣшиться, и я рѣшилась, — сказала она и хотѣла уйти, но въ это время въ комнату вошелъ Яшвинъ. Анна поздоровалась съ нимъ и остановилась.

Зачѣмъ, когда въ душѣ у нея была буря и она чувствовала, что стоитъ на поворотѣ жизни, который можетъ имѣть ужасныя послѣдствія, зачѣмъ ей въ эту минуту надо было притворяться передъ чужимъ человѣкомъ, который рано или поздно узнаетъ же все,—она не знала; но, тотчасъ же смиривъ въ себѣ внутреннюю бурю, она сѣла и стала говорить съ гостемъ.

— Ну, что̀ ваше дѣло? получили долгъ? — спросила она Яшвина.

— Да ничего; кажется, что не получу всего, а въ середу надо ѣхать. А вы когда? — сказалъ Явшинъ, жмурясь поглядывая на Вронскаго и, очевидно, догадываясь о происшедшей ссорѣ.

— Кажется, послѣзавтра, — сказалъ Вронскій.

— Вы, впрочемъ, уже давно собираетесь.

— Но теперь уже рѣшительно, — сказала Анна, глядя прямо въ глаза Вронскому такимъ взглядомъ, который говорилъ ему, чтобъ онъ и не думалъ о возможности примиренія.

— Неужели же вамъ не жалко этого несчастнаго Пѣвцова? — продолжала она разговоръ съ Яшвинымъ.

— Никогда не спрашивалъ себя, Анна Аркадьевна, жалко или не жалко. Вѣдь мое все состоянiе тутъ,—онъ показалъ на боковой карманъ,—и теперь я богатый человѣкъ; а нынче поѣду въ клубъ и, можетъ-быть, выйду нищимъ. Вѣдь кто со мной садится—тоже хочетъ оставить меня безъ рубашки, а я его. Ну, и мы боремся, и въ этомъ-то удовольствiе.

— Ну, а если бы вы были женаты,—сказала Анна,—каково бы вашей женѣ?

Яшвинъ засмѣялся.

— Затѣмъ, видно, и не женился, и никогда не сбирался.

— А Гельсингфорсъ?—сказалъ Вронскiй, вступая въ разговоръ, и взглянулъ на улыбнувшуюся Анну. Встрѣтивъ его взглядъ, лицо Анны вдругъ приняло холодно-строгое выраженiе, какъ будто она говорила ему: «не забыто. Все то же».

— Неужели вы были влюблены?—сказала она Яшвину.

— О, Господи! сколько разъ! Но, понимаете, одному можно сѣсть за карты, но такъ, чтобы всегда встать, когда придетъ время rendez-vous. А мнѣ можно заниматься любовью, но такъ, чтобы вечеромъ не опоздать къ партiи. Такъ я и устраиваю.

— Нѣтъ, я не про то спрашиваю, а про настоящее.—Она хотѣла сказать *Гельсингфорсъ*, но не хотѣла сказать слово, сказанное Вронскимъ.

Прiѣхалъ Войтовъ, покупавшiй жеребца; Анна встала и вышла изъ комнаты.

Предъ тѣмъ какъ уѣзжать изъ дома, Вронскiй вошелъ къ ней. Она хотѣла притвориться, что ищетъ что-нибудь на столѣ, но, устыдившись притворства, прямо взглянула ему въ лицо холоднымъ взглядомъ.

— Что вамъ надо?—спросила она его по-французски.

— Взять аттестатъ на Гамбетту, я продалъ его,—сказалъ онъ такимъ тономъ, который выражалъ яснѣе словъ: «объясняться мнѣ некогда и ни къ чему не поведетъ».

«Я ни въ чемъ не виноватъ предъ нею,—думалъ онъ.—Если она хочетъ себя наказывать, tant pis pour elle». Но, выходя, ему показалось, что она сказала что-то, и сердце его вдругъ дрогнуло отъ состраданiя къ ней.

— Что, Анна?—спросилъ онъ.

— Я ничего,—отвѣчала она такъ же холодно и спокойно.

«А ничего, такъ tant pis», подумалъ онъ, опять похолодѣвъ, повернулся и пошелъ. Выходя, онъ въ зеркало увидалъ ея лицо, блѣдное, съ дрожащими губами. Онъ и хотѣлъ остановиться и

сказать ей утѣшительное слово, но ноги вынесли его изъ комнаты, прежде чѣмъ онъ придумалъ, что сказать. Цѣлый этотъ день онъ провелъ внѣ дома и когда пріѣхалъ поздно вечеромъ, дѣвушка сказала ему, что у Анны Аркадьевны болитъ голова и она просила не входить къ ней.

XXVI.

Никогда еще не проходило дня въ ссорѣ. Нынче это было въ первый разъ. И это была не ссора. Это было очевидное признаніе въ совершенномъ охлажденіи. Развѣ можно было взглянуть на нее такъ, какъ онъ взглянулъ, когда входилъ въ комнату за аттестатомъ? посмотрѣть на нее, видѣть, что сердце ея разрывается отъ отчаянія и пройти молча съ этимъ равнодушно-спокойнымъ лицомъ? Онъ не то что охладѣлъ къ ней, но онъ ненавидѣлъ ее, потому что любилъ другую женщину,—это было ясно.

И, вспоминая всѣ тѣ жестокія слова, которыя онъ сказалъ, Анна придумывала еще тѣ слова, которыя онъ, очевидно, желалъ и могъ сказать ей, и все болѣе и болѣе раздражалась.

«Я васъ не держу,—могъ сказать онъ.—Вы можете идти, куда хотите. Вы не хотѣли разводиться съ вашимъ мужемъ, вѣроятно, чтобы вернуться къ нему. Вернитесь. Если вамъ нужны деньги, я дамъ вамъ. Сколько нужно вамъ рублей?»

Всѣ самыя жестокія слова, которыя могъ сказать грубый человѣкъ, онъ сказалъ ей въ ея воображеніи, и она не прощала ихъ ему, какъ будто онъ дѣйствительно сказалъ ихъ.

«А развѣ не вчера только онъ клялся въ любви, онъ, правдивый и честный человѣкъ? Развѣ я не отчаивалась напрасно уже много разъ?» вслѣдъ за тѣмъ говорила она себѣ.

Весь день этотъ, за исключеніемъ поѣздки къ Вильсонъ, которая заняла у нея два часа, Анна провела въ сомнѣніяхъ о томъ, все ли кончено или есть надежда примиренія и надо ли ей сейчасъ уѣхать или еще разъ увидать его. Она ждала его цѣлый день и вечеромъ, уходя въ свою комнату, приказавъ передать ему, что у нея голова болитъ, загадала себѣ: «если онъ придетъ, несмотря на слова горничной, то значитъ онъ еще любитъ. Если же нѣтъ, то значитъ все кончено, и тогда я рѣшу, что мнѣ дѣлать!..»

Она вечеромъ слышала остановившійся стукъ его коляски, его звонокъ, его шаги и разговоръ съ дѣвушкой: онъ повѣрилъ тому, чтò ему сказали, не хотѣлъ больше ничего узнавать и пошелъ къ себѣ. Стало-быть, все было кончено.

И смерть, какъ единственное средство возстановить въ его сердцѣ любовь къ ней, наказать его и одержать побѣду въ той борьбѣ, которую поселившійся въ ея сердцѣ злой духъ велъ съ нимъ, ясно и живо представилась ей.

Теперь было все равно: ѣхать или не ѣхать въ Воздвиженское, получить или не получить отъ мужа разводъ,—все было не нужно. Нужно было одно наказать его.

Когда она налила себѣ обычный пріемъ опіума и подумала о томъ, что стоило только выпить всю стклянку, чтобы умереть, ей показалось это такъ легко и просто, что она опять съ наслажденіемъ стала думать о томъ, какъ онъ будетъ мучиться, раскаиваться и любить ея память, когда уже будетъ поздно. Она лежала въ постели съ открытыми глазами, глядя при свѣтѣ одной догоравшей свѣчи на лѣпной карнизъ потолка и на захватывающую часть его тѣнь отъ ширмы, и живо представляла себѣ, что̀ онъ будетъ чувствовать, когда ея уже не будетъ и она будетъ для него только одно воспоминаніе. «Какъ могъ я сказать ей эти жестокія слова?» будетъ говорить онъ. «Какъ могъ я выйти изъ комнаты, не сказавъ ей ничего? Но теперь ея ужъ нѣтъ. Она навсегда ушла отъ насъ. Она тамъ...» Вдругъ тѣнь ширмы заколебалась, захватила весь карнизъ, весь потолокъ, другія тѣни съ другой стороны рванулись ей навстрѣчу, на мгновеніе тѣни сбѣжали, но потомъ съ новою быстротой надвинулись, поколебались, слились, и все стало темно. «Смерть!» подумала она. И такой ужасъ нашелъ на нее, что она долго не могла понять, гдѣ она, и долго не могла дрожащими руками найти спички и зажечь другую свѣчу вмѣсто той, которая догорѣла и потухла. «Нѣтъ, все—только жить! Вѣдь я люблю его. Вѣдь онъ любитъ меня! Это было и пройдетъ», говорила она, чувствуя, что слезы радости возвращенія къ жизни текли по ея щекамъ. И, чтобы спастись отъ своего страха, она поспѣшно пошла въ кабинетъ къ нему.

Онъ спалъ въ кабинетѣ крѣпкимъ сномъ. Она подошла къ нему, и сверху освѣщая его лицо, долго смотрѣла на него. Теперь, когда онъ спалъ, она любила его такъ, что при видѣ его не могла удержать слезъ нѣжности; но она знала, что если бы онъ проснулся, то онъ посмотрѣлъ бы на нее холоднымъ, сознающимъ свою правоту взглядомъ, и что, прежде чѣмъ говорить ему о своей любви, она должна бы была доказать ему, какъ онъ былъ виноватъ предъ нею. Она не разбудивъ его, вернулась къ себѣ, и послѣ второго пріема опіума къ утру заснула тяжелымъ, неполнымъ сномъ, во все время котораго она не переставала чувствовать себя.

Утромъ страшный кошмаръ, нѣсколько разъ повторявшійся ей въ сновидѣніяхъ еще до связи съ Вронскимъ, представился ей опять и разбудилъ ее. Старичокъ съ взлохмаченною бородой что-то дѣлалъ, нагнувшись надъ желѣзомъ, приговаривая безсмысленныя французскія слова, и она, какъ и всегда при этомъ кошмарѣ (что и составляло его ужасъ), чувствовала, что мужичокъ этотъ не обращаетъ на нее вниманія, но дѣлаетъ это какое-то страшное дѣло въ желѣзѣ надъ нею. И она проснулась въ холодномъ поту.

Когда онъ встала, ей, какъ въ туманѣ, вспомнился вчерашній день.

«Была ссора. Было то, что бывало уже нѣсколько разъ. Я сказала, что у меня голова болитъ, и онъ не входилъ. Завтра мы ѣдемъ, надо видѣть его и готовиться къ отъѣзду», сказала она себѣ. И, узнавъ, что онъ въ кабинетѣ, она пошла къ нему. Проходя по гостиной, она услыхала, что у подъѣзда остановился экипажъ, и, взглянувъ въ окно, увидала карету, изъ которой высовывалась молодая дѣвушка въ лиловой шляпкѣ, что-то приказывая звонившему лакею. Послѣ переговоровъ въ передней кто-то вошелъ наверхъ, и рядомъ съ гостиной послышались шаги Вронскаго. Онъ быстрыми шагами сходилъ по лѣстницѣ. Анна опять подошла къ окну. Вотъ онъ вышелъ безъ шляпы на крыльцо и подошелъ къ каретѣ. Молодая дѣвушка въ лиловой шляпѣ передала ему пакетъ. Вронскій улыбаясь сказалъ ей что-то. Карета отъѣхала; онъ быстро вбѣжалъ назадъ по лѣстницѣ.

Туманъ, застилавшій все въ ея душѣ, вдругъ разсѣялся. Вчерашнія чувства съ новою болью защемили больное сердце. Она не могла понять теперь, какъ она могла унизиться до того, чтобы пробыть цѣлый день съ нимъ въ его домѣ. Она вошла къ нему въ кабинетъ, чтобъ объявить ему свое рѣшеніе.

— Это Сорокина съ дочерью заѣзжала и привезла мнѣ деньги и бумаги отъ maman. Я вчера не могъ получить. Какъ твоя голова, лучше? — сказалъ онъ спокойно, не желая видѣть и понимать мрачнаго и торжественнаго выраженія ея лица.

Она молча пристально смотрѣла на него, стоя посреди комнаты. Онъ взглянулъ на нее, на мгновеніе нахмурился и продолжалъ читать письмо. Она повернулась и медленно пошла изъ комнаты. Онъ еще могъ вернуть ее, но она дошла до двери, онъ все молчалъ, и слышенъ былъ только звукъ шуршанія перевертываемаго листа бумаги.

— Да, кстати, — сказалъ онъ въ то время, какъ она была уже въ дверяхъ.—завтра мы ѣдемъ рѣшительно? Не правда ли?

— Вы, но не я, — сказала она, оборачиваясь къ нему.
— Анна, этакъ невозможно жить...
— Вы, но не я, — повторила она.
— Это становится невыносимо!
— Вы... вы раскаетесь въ этомъ, — сказала она и вышла.

Испуганный тѣмъ отчаяннымъ выраженiемъ, съ которымъ были сказаны эти слова, онъ вскочилъ и хотѣлъ бѣжать за нею, но, опомнившись, опять сѣлъ и, крѣпко сжавъ зубы, нахмурился. Эта неприличная, какъ онъ находилъ, угроза чего-то раздражила его. «Я пробовалъ все,—подумалъ онъ,—остается одно—не обращать вниманiя», и онъ сталъ собираться ѣхать въ городъ и опять къ матери, отъ которой надо было получить подпись на довѣренности.

Она слышала звуки его шаговъ по кабинету и столовой. У гостиной онъ остановился. Но онъ не повернулъ къ ней, онъ только отдалъ приказанiе о томъ, чтобъ отпустить безъ него Войтову жеребца. Потомъ она слышала, какъ подали коляску, какъ отворилась дверь и онъ вышелъ опять. Но вотъ онъ опять вошелъ въ сѣни, и кто-то взбѣжалъ наверхъ. Это камердинеръ вбѣгалъ за забытыми перчатками. Она подошла къ окну и видѣла, какъ онъ не глядя взялъ перчатки и, тронувъ рукой спину кучера, что-то сказалъ ему. Потомъ, не глядя въ окна, онъ сѣлъ въ свою обычную позу въ коляскѣ, заложивъ ногу на ногу, и, надѣвая перчатку, скрылся за угломъ.

XXVII.

«Уѣхалъ! Кончено!» сказала себѣ Анна, стоя у окна, и въ отвѣтъ на этотъ вопросъ впечатлѣнiя мрака при потухшей свѣчѣ и страшнаго сна, сливаясь въ одно, холоднымъ ужасомъ наполнили ея сердце.

— Нѣтъ, этого не можетъ быть!—вскрикнула она и, перейдя комнату, крѣпко позвонила. Ей такъ страшно было теперь оставаться одной, что, не дожидаясь прихода человѣка, она пошла навстрѣчу ему.

— Узнайте, куда поѣхалъ графъ, — сказала она.

Человѣкъ отвѣчалъ, что графъ поѣхалъ въ конюшни.

— Они приказали доложить, что если вамъ угодно выѣхать, то коляска сейчасъ вернется.

— Хорошо. Постойте. Сейчасъ я напишу записку. Пошлите Михайлу съ запиской въ конюшни. Поскорѣе.

Она сѣла и написала.

«Я виновата. Вернись домой, надо объясниться. Ради Бога пріѣзжай, мнѣ страшно».

Она запечатала и отдала человѣку.

Она боялась оставаться одна теперь и вслѣдъ за человѣкомъ вышла изъ комнаты и пошла въ дѣтскую.

«Что жъ, это не то, это не онъ! Гдѣ его голубые глаза, милая и робкая улыбка?» была первая мысль ея, когда она увидала свою пухлую, румяную дѣвочку съ черными вьющимися волосами вмѣсто Сережи, котораго она, при запутанности своихъ мыслей, ожидала видѣть въ дѣтской. Дѣвочка, сидя у стола, упорно и крѣпко хлопала по немъ пробкой и безсмысленно глядѣла на мать двумя смородинами—черными глазами. Отвѣтивъ англичанкѣ, что она совсѣмъ здорова и что завтра уѣзжаетъ въ деревню, Анна подсѣла къ дѣвочкѣ и стала предъ нею вертѣть пробку съ графина. Но громкій, звонкій смѣхъ ребенка и движеніе, которое она сдѣлала бровью, такъ живо ей напомнили Вронскаго, что, удерживая рыданія, она поспѣшно встала и вышла. «Неужели все кончено? Нѣтъ, это не можетъ быть,—думала она.—Онъ вернется. Но какъ онъ объяснитъ мнѣ эту улыбку, это оживленіе послѣ того, какъ онъ говорилъ съ ней? Но и не объяснитъ, все-таки повѣрю. Если я не повѣрю, то мнѣ остается одно... А я не хочу».

Она посмотрѣла на часы. Прошло двѣнадцать минутъ. «Теперь ужъ онъ получилъ записку и ѣдетъ назадъ. Недолго, еще десять минутъ... Но что, если онъ не пріѣдетъ? Нѣтъ, этого не можетъ быть. Надо, чтобы онъ не видѣлъ меня съ заплаканными глазами. Я пойду умоюсь. Да, да, причесалась ли я или нѣтъ?» спросила она себя. И не могла вспомнить. Она ощупала голову рукой. «Да, я причесана, но когда — рѣшительно не помню». Она даже не вѣрила своей рукѣ и подошла къ трюмо, чтобы увидать, причесана ли она въ самомъ дѣлѣ или нѣтъ. Она была причесана и не могла вспомнить, когда она это дѣлала. «Кто это?—думала она, глядя въ зеркало на воспаленное лицо съ странно блестящими глазами, испуганно смотрѣвшими на нее.—Да это я», вдругъ поняла она и, оглядывая себя всю, она почувствовала вдругъ на себѣ его поцѣлуи и, содрогаясь, двинула плечами. Потомъ подняла руку къ губамъ и поцѣловала ее.

«Что это, я съ ума схожу», и она пошла въ спальню, гдѣ Аннушка убирала комнату.

— Аннушка, — сказала она, останавливаясь передъ ней и глядя на горничную, сама не зная, что скажетъ ей.

— Къ Дарьѣ Александровнѣ вы хотѣли ѣхать, — какъ бы понимая, сказала горничная.

— Къ Дарьѣ Александровнѣ? Да, я поѣду.

«Пятнадцать минутъ туда, пятнадцать назадъ. Онъ ѣдетъ уже, онъ пріѣдетъ сейчасъ,—она вынула часы и посмотрѣла на нихъ. — Но какъ онъ могъ уѣхать, оставивъ меня въ такомъ положеніи? Какъ онъ можетъ жить, не примирившись со мной?» Она подошла къ окну и стала смотрѣть на улицу. По времени онъ уже могъ вернуться. Но расчетъ могъ быть не вѣренъ, и она вновь стала вспоминать, когда онъ уѣхалъ, и считать минуты.

Въ то время какъ она отходила къ большимъ часамъ, чтобы повѣрить свои, кто-то подъѣхалъ. Взглянувъ изъ окна, она увидала его коляску. Но никто не шелъ на лѣстницу, и внизу слышны были голоса. Это былъ посланный, вернувшійся въ коляскѣ. Она сошла къ нему.

— Графа не застали.. Они уѣхали на Нижегородскую дорогу.

— Что тебѣ? что...—обратилась она къ румяному, веселому Михайлѣ, подававшему ей назадъ ея записку.

«Да вѣдь онъ не получилъ ея», вспомнила она.

— Поѣзжай съ этою же запиской въ деревню къ графинѣ Вронской, знаешь? И тотчасъ же привези отвѣтъ,—сказала она посланному.

«А я сама, что же я буду дѣлать? — подумала она.—Да, я поѣду къ Долли, это правда, а то я съ ума сойду. Да, я могу еще телеграфировать». И она написала депешу:

«Мнѣ необходимо переговорить, сейчасъ пріѣзжайте».

Отославъ телеграмму, она пошла одѣваться. Уже одѣтая и въ шляпѣ, она опять взглянула въ глаза потолстѣвшей, спокойной Аннушкѣ. Явное состраданіе было видно въ этихъ маленькихъ, добрыхъ сѣрыхъ глазахъ.

— Аннушка, милая, что мнѣ дѣлать? — рыдая проговорила Анна, безпомощно опускаясь на кресло.

— Что же такъ безпокоиться, Анна Аркадьевна! Вѣдь это бываетъ. Вы поѣзжайте, разсѣетесь,—сказала горничная.

— Да, я поѣду, — опоминаясь и вставая, сказала Анна. — А если безъ меня будетъ телеграмма, прислать къ Дарьѣ Александровнѣ... Нѣтъ, я сама вернусь.

«Да, не надо думать, надо дѣлать что-нибудь, ѣхать, главное уѣхать изъ этого дома», сказала она, съ ужасомъ прислушиваясь къ страшному клокотанью, происходившему въ ея сердцѣ, и поспѣшно вышла и сѣла въ коляску.

— Куда прикажете? — спросилъ Петръ, передъ тѣмъ какъ садиться на козлы.

— На Знаменку, къ Облонскимъ.

XXVIII.

Погода была ясная. Все утро шелъ частый, мелкій дождикъ, и теперь недавно прояснило. Желѣзныя кровли, плиты тротуаровъ, голыши мостовой, колеса и кожи, мѣдь и жесть экипажей,—все ярко блестѣло на майскомъ солнцѣ. Было три часа и самое оживленное время на улицахъ.

Сидя въ углу покойной коляски, чуть покачивавшейся своими упругими рессорами на быстромъ ходу сѣрыхъ, Анна при несмолкаемомъ грохотѣ колесъ и быстро смѣняющихся впечатлѣніяхъ на чистомъ воздухѣ, вновь перебирая событія послѣднихъ дней, увидала свое положеніе совсѣмъ инымъ, чѣмъ какимъ оно казалось ей дома. Теперь и мысль о смерти не казалась ей болѣе такъ страшна и ясна, и самая смерть не представлялась болѣе неизбѣжною. Теперь она упрекала себя за то униженіе, до котораго она спустилась. «Я умоляю его простить меня. Я покорилась ему. Признала себя виноватою. Зачѣмъ? Развѣ я не могу жить безъ него?» И, не отвѣчая на вопросъ, какъ она будетъ жить безъ него, она стала читать вывѣски. «Контора и складъ. Зубной врачъ... Да, я скажу Долли все. Она не любитъ Вронскаго. Будетъ стыдно, больно, но я все скажу ей. Она любитъ меня, и я послѣдую ея совѣту. Я не покорюсь ему; я не позволю ему воспитывать себя. Филипповъ, калачи... Говорятъ, что они возятъ тѣсто въ Петербургъ. Вода московская такъ хороша. А мытищенскіе колодцы и блины». И она вспомнила, какъ давно-давно, когда ей было еще семнадцать лѣтъ, она ѣздила съ теткой къ Троицѣ. «На лошадяхъ еще. Неужели это была я, съ красными руками? Какъ много изъ того, что тогда мнѣ казалось такъ прекрасно и недоступно, стало ничтожно, а то, что было тогда, теперь навѣки недоступно. Повѣрила ли бы я тогда, что я могу дойти до такого униженія? Какъ онъ будетъ гордъ и доволенъ, получивъ мою записку! Но я докажу ему... Какъ дурно пахнетъ эта краска. Зачѣмъ они все красятъ и строятъ? Моды и уборы», читала она. Мужчина поклонился ей. Это былъ мужъ Аннушки. «Наши паразиты,— вспомнила она, какъ это говорилъ Вронскій. — Наши? почему наши? Ужасно то, что нельзя вырвать съ корнемъ прошедшаго. Нельзя вырвать, но можно скрыть память о немъ. И я скрою». И тутъ она вспомнила о прошедшемъ съ Алексѣемъ Александровичемъ, о томъ, какъ она изгладила его изъ своей памяти. Долли подумаетъ, что я оставляю второго мужа, и что я поэтому навѣрное не права. Развѣ я хочу быть правой! Я не

могу!» проговорила она, и ей захотѣлось плакать. Но она тотчасъ же стала думать о томъ, чему могли такъ улыбаться эти двѣ дѣвушки. «Вѣрно о любви? Онѣ не знаютъ, какъ это невесело, какъ низко... Бульваръ и дѣти. Три мальчика бѣгутъ, игра въ лошадки. Сережа! И я все потеряю, и не возвращу его. Да, все потеряю, если онъ не вернется. Онъ, можетъ-быть, опоздалъ на поѣздъ и уже вернулся теперь. Опять хочешь униженія!—сказала она самой себѣ.—Нѣтъ, я войду къ Долли и прямо скажу ей: я несчастна, я стою того, я виновата, но я все-таки несчастна, помоги мнѣ. Эти лошади, эта коляска — какъ я отвратительна себѣ въ этой коляскѣ — все его; но я больше не увижу ихъ».

Придумывая тѣ слова, въ которыхъ она все скажетъ Долли, и умышленно растравляя свое сердце, Анна вошла на лѣстницу.

— Есть кто-нибудь? — спросила она въ передней.

— Катерина Александровна Левина, — отвѣчалъ лакей.

«Кити! та самая Кити, въ которую былъ влюбленъ Вронскій!—подумала Анна.—Та самая, про которую онъ вспоминалъ съ любовью. Онъ жалѣетъ, что не женился на ней. А обо мнѣ онъ вспоминаетъ съ ненавистью и жалѣетъ, что сошелся со мной».

Между сестрами, въ то время какъ пріѣхала Анна, шло совѣщаніе о кормленіи. Долли одна вышла встрѣтить гостью, въ эту минуту мѣшавшую ихъ бесѣдѣ.

— А, ты не уѣхала еще? Я хотѣла сама быть у тебя, — сказала она, — нынче я получила письмо отъ Стивы.

— Мы тоже получили депешу,—отвѣчала Анна, оглядываясь, чтобы увидать Кити.

— Онъ пишетъ, что не можетъ понять, чего именно хочетъ Алексѣй Александровичъ, но что онъ не уѣдетъ безъ отвѣта.

— Я думала, у тебя есть кто-то. Можно прочесть письмо?

— Да, Кити,—смутившись, сказала Долли,—она въ дѣтской осталась. Она была очень больна.

— Я слышала. Можно прочесть письмо?

— Я сейчасъ принесу. Но онъ не отказываетъ; напротивъ, Стива надѣется,—сказала Долли, останавливаясь въ дверяхъ.

— Я не надѣюсь, да и не желаю, — сказала Анна.

«Что жъ это, Кити считаетъ для себя унизительнымъ встрѣтиться со мной?—думала Анна, оставшись одна.—Можетъ-быть, она и права. Но не ей, той, которая была влюблена въ Вронскаго, не ей показывать мнѣ это, хотя это и правда. Я знаю, что меня въ моемъ положеніи не можетъ принимать ни одна порядочная женщина. Я знаю, что съ той первой минуты я пожертвовала ему всѣмъ. И вотъ награда! О, какъ я ненавижу

его! И зачѣмъ я пріѣхала сюда? Мнѣ еще хуже, еще тяжелѣе». Она слышала изъ другой комнаты голоса переговаривавшихся сестеръ. «И что жъ я буду говорить теперь Долли? Утѣшать Кити тѣмъ что я несчастна, подчиняться ея покровительству? Нѣтъ, да и Долли ничего не пойметъ. И мнѣ нечего говорить ей. Интересно было бы только видѣть Кити и показать ей, какъ я всѣхъ и все презираю, какъ мнѣ все равно теперь».

Долли вошла съ письмомъ. Анна прочла и молча передала его.

— Я все это знала, — сказала она. — И это меня нисколько не интересуетъ.

— Да отчего же? Я, напротивъ, надѣюсь,—сказала Долли, съ любопытствомъ глядя на Анну. Она никогда не видала ее въ такомъ странномъ, раздраженномъ состояніи. — Ты когда ѣдешь? — спросила она.

Анна, сощурившись, смотрѣла передъ собой и не отвѣчала ей.

— Что же Кити прячется отъ меня?—сказала она, глядя на дверь и краснѣя.

— Ахъ, какіе пустяки! Она кормитъ, и у нея не ладится дѣло, я ей совѣтовала... Она очень рада. Она сейчасъ придетъ,— неловко, не умѣя говорить неправду, говорила Долли. — Да вотъ и она.

Узнавъ, что пріѣхала Анна, Кити хотѣла не выходить; но Долли уговорила ее. Собравшись съ силами, Кити вышла и, краснѣя, подошла къ ней и подала руку.

— Я очень рада,—сказала она дрожащимъ голосомъ.

Кити была смущена той борьбой, которая происходила въ ней, между враждебностью къ этой дурной женщинѣ и желаніемъ быть снисходительною къ ней; но какъ только она увидала красивое, симпатичное лицо Анны, вся враждебность тотчасъ же исчезла.

— Я бы не удивилась, если бы вы и не хотѣли встрѣтиться со мной. Я ко всему привыкла. Вы были больны? Да, вы перемѣнились,—сказала Анна.

Кити чувствовала, что Анна враждебно смотритъ на нее. Она объяснила эту враждебность неловкимъ положеніемъ, въ которомъ теперь чувствовала себя передъ ней прежде покровительствовавшая ей Анна, и ей стало жалко ее.

Онѣ говорили про болѣзнь, про ребенка, про Стиву, но очевидно ничто не интересовало Анну.

— Я заѣхала проститься съ тобой,—сказала она вставая.

— Когда же вы ѣдете?

Но Анна опять, не отвѣчая, обратилась къ Кити.

— Да, я очень рада, что увидала васъ,—сказала она съ улыбкой.—Я слышала о васъ столько со всѣхъ сторонъ, даже отъ вашего мужа. Онъ былъ у меня, и онъ мнѣ очень понравился,—очевидно съ дурнымъ намѣреніемъ прибавила она.—Гдѣ онъ?

— Онъ въ деревню поѣхалъ,—краснѣя сказала Кити.

— Кланяйтесь ему отъ меня, непремѣнно кланяйтесь.

— Непремѣнно! — наивно повторила Кити, соболѣзнующе глядя ей въ глаза.

— Такъ прощай, Долли,—и, поцѣловавъ Долли и пожавъ руку Кити, Анна поспѣшно вышла.

— Все такая же и такъ же привлекательна. Очень хороша!—сказала Кити, оставшись одна съ сестрой. — Но что-то жалкое есть въ ней. Ужасно жалкое!

— Нѣтъ, нынче въ ней что-то особенное,—сказала Долли.—Когда я ее провожала въ передней, мнѣ показалось, что она хочетъ плакать.

XXIX.

Анна сѣла въ коляску въ еще худшемъ состояніи, чѣмъ то, въ какомъ она была, уѣзжая изъ дома. Къ прежнимъ мученіямъ присоединилось теперь чувство оскорбленія и отверженности, которое она ясно почувствовала при встрѣчѣ съ Кити.

— Куда прикажете? Домой?—спросилъ Петръ.

— Да, домой,—сказала она, теперь и не думая о томъ, куда она ѣдетъ.

«Какъ онѣ, какъ на что-то страшное, непонятное и любопытное, смотрѣли на меня. О чемъ онъ можетъ съ такимъ жаромъ разсказывать другому? — думала она, глядя на двухъ пѣшеходовъ.—Развѣ можно другому разсказывать то, что чувствуешь? Я хотѣла разсказывать Долли и хорошо, что не разсказала. Какъ бы она рада была моему несчастію! Она бы скрыла это; но главное чувство было бы радость о томъ, что я наказана за тѣ удовольствія, въ которыхъ она завидовала мнѣ. Кити, та еще бы болѣе была рада. Какъ я ее всю вижу насквозь! Она знаетъ, что я больше, чѣмъ обыкновенно, любезна была къ ея мужу. И она ревнуетъ и ненавидитъ меня. И презираетъ еще. Въ ея глазахъ я безнравственная женщина. Если бъ я была безнравственная женщина, я бы могла влюбить въ себя ея мужа... если бы хотѣла. Да я и хотѣла. Вотъ этотъ доволенъ собой». подумала она о толстомъ, румяномъ господинѣ, проѣхавшемъ навстрѣчу, принявшемъ ее за знакомую и приподнявшемъ лос-

нящуюся шляпу надъ лысою лоснящеюся головой и потомъ убѣдившемся, что онъ ошибся. «Онъ думалъ, что онъ меня знаетъ. А онъ знаетъ меня такъ же мало, какъ кто бы то ни было на свѣтѣ знаетъ меня. Я сама не знаю. Я знаю свои аппетиты, какъ говорятъ французы. Вотъ имъ хочется этого грязнаго мороженаго. Это они знаютъ навѣрное», думала она, глядя на двухъ мальчиковъ, остановившихъ мороженика, который снималъ съ головы кадку и утиралъ концомъ полотенца потное лицо. «Всѣмъ намъ хочется сладкаго, вкуснаго. Нѣтъ конфетъ, то грязнаго мороженаго. И Кити такъ же: не Вронскій, то Левинъ. И она завидуетъ мнѣ. И ненавидитъ меня. И всѣ мы ненавидимъ другъ друга. Я — Кити, Кити — меня. Вотъ это правда. Тютькинъ coiffeur... Je me fais coiffer par Тютькинъ... Я это скажу ему, когда онъ пріѣдетъ», подумала она и улыбнулась. Но въ ту же минуту она вспомнила, что ей некому теперь говорить ничего смѣшного. «Да и ничего смѣшного, веселаго нѣтъ. Все гадко. Звонятъ къ вечернѣ, и купецъ этотъ какъ аккуратно крестится, точно боится выронить что-то. Зачѣмъ эти церкви, этотъ звонъ и эта ложь? Только для того, чтобы скрыть, что мы всѣ ненавидимъ другъ друга, какъ эти извозчики, которые такъ злобно бранятся. Яшвинъ говоритъ: онъ хочетъ меня оставить безъ рубашки, а я его. Вотъ это правда!»

На этихъ мысляхъ, которыя завлекли ее такъ, что она перестала даже думать о своемъ положеніи, ее застала остановка у крыльца своего дома. Увидавъ вышедшаго ей навстрѣчу швейцара, она только вспомнила, что посылала записку и телеграмму.

— Отвѣтъ есть?—спросила она.

— Сейчасъ посмотрю,—отвѣчалъ швейцаръ и, взглянувъ на конторкѣ, досталъ и подалъ ей квадратный тонкій конвертъ телеграммы. «Я не могу пріѣхать раньше десяти часовъ. Вронскій», прочла она.

— А посланный не возвращался?

— Никакъ нѣтъ,—отвѣчалъ швейцаръ.

«А, если такъ, то я знаю, что мнѣ дѣлать,—сказала она, и, чувствуя поднимающійся въ себѣ неопредѣленный гнѣвъ и потребность мести, она взбѣжала наверхъ.—Я сама поѣду къ нему. Прежде чѣмъ навсегда уѣхать, я скажу ему все. Никогда никого не ненавидѣла такъ, какъ этого человѣка!» думала она. Увидавъ его шляпу на вѣшалкѣ, она содрогнулась отъ отвращенія. Она не соображала того, что его телеграмма была отвѣтъ на ея телеграмму и что онъ не получалъ еще ея записки.

Она представляла его себѣ теперь спокойно разговаривающимъ съ матерью и съ Сорокиной и радующимся ея страданіямъ. «Да, надобно ѣхать скорѣе», сказала она себѣ, еще не зная, куда ѣхать. Ей хотѣлось поскорѣе уйти отъ тѣхъ чувствъ, которыя она испытывала въ этомъ ужасномъ домѣ. Прислуга, стѣны, вещи въ этомъ домѣ,—все вызывало въ ней отвращеніе и злобу и давило ее какою-то тяжестью.

«Да, надо ѣхать на станцію желѣзной дороги, а если нѣтъ, то поѣхать туда и уличить его». Анна посмотрѣла въ газетахъ расписаніе поѣздовъ. Вечеромъ отходитъ въ 8 часовъ 2 минуты. «Да, я поспѣю». Она велѣла заложить другихъ лошадей и занялась укладкой въ дорожную сумку необходимыхъ на нѣсколько дней вещей. Она знала, что не вернется болѣе сюда. Она смутно рѣшила себѣ въ числѣ тѣхъ плановъ, которые приходили ей въ голову, и то, что послѣ того, что произойдетъ тамъ на станціи или въ имѣніи графини, она поѣдетъ по Нижегородской дорогѣ до перваго города и останется тамъ.

Обѣдъ стоялъ на столѣ; она подошла, понюхала хлѣбъ и сыръ и, убѣдившись, что запахъ всего съѣстного ей противенъ, велѣла подавать коляску и вышла. Домъ уже бросалъ тѣнь чрезъ всю улицу, и былъ ясный, еще теплый на солнцѣ вечеръ. И провожавшая ее съ вещами Аннушка, и Петръ, клавшій вещи въ коляску, и кучеръ, очевидно недовольный,—всѣ были противны ей и раздражали ее своими словами и движеніями.

— Мнѣ тебя не нужно, Петръ.

— А какъ же билетъ?

— Ну, какъ хочешь, мнѣ все равно, — съ досадой сказала она.

Петръ вскочилъ на козлы и, подбоченившись, приказалъ ѣхать на вокзалъ.

XXX.

«Вотъ она опять! Опять я понимаю все», сказала себѣ Анна, какъ только коляска тронулась и, покачиваясь, загремѣла по мелкой мостовой, и опять одно за другимъ стали смѣняться впечатлѣнія.

«Да, о чемъ послѣднемъ я такъ хорошо думала», старалась вспомнить она. «Тютькинъ coiffeur? Нѣтъ, не то. Да, про то, что говоритъ Яшвинъ: борьба за существованіе и ненависть— одно, что связываетъ людей. Нѣтъ, вы напрасно ѣдете, — мысленно обратилась она къ компаніи въ коляскѣ четверней, которая, очевидно, ѣхала веселиться за городъ.—И собака, кото-

рую вы везете съ собой, не поможетъ вамъ. Отъ себя не уйдете». Кинувъ взглядъ на ту сторону, куда оборачивался Петръ, она увидала полумертво пьянаго фабричнаго съ качающеюся головой, котораго везъ куда-то городовой. «Вотъ этотъ — скорѣе», подумала она. «Мы съ графомъ Вронскимъ такъ же не нашли этого удовольствія, хотя и много ожидали отъ него». И Анна обратила теперь въ первый разъ тотъ яркій свѣтъ, при которомъ она видѣла все, на свои отношенія съ нимъ, о которыхъ прежде она избѣгала думать. «Чего онъ искалъ во мнѣ? Любви не столько, сколько удовлетворенія тщеславія». Она вспомнила его слова, выраженіе лица его, напоминавшее покорную легавую собаку, въ первое время ихъ связи. И все теперь подтверждало это. «Да, въ немъ было торжество тщеславнаго успѣха. Разумѣется, была и любовь, но бо̀льшая доля была гордость успѣха. Онъ хвастался мной. Теперь это прошло. Гордиться нечѣмъ. Не гордиться, а стыдиться. Онъ взялъ отъ меня все, что могъ, и теперь я не нужна ему. Онъ тяготится мною и старается не быть въ отношеніи меня безчестнымъ. Онъ проговорился вчера—онъ хочетъ развода и женитьбы, чтобы сжечь свои корабли. Онъ любитъ меня, но какъ? The zest is gone. Этотъ хочетъ всѣхъ удивить и очень доволенъ собой», подумала она, глядя на румянаго приказчика, ѣхавшаго на манежной лошади. «Да, того вкуса ужъ нѣтъ для него во мнѣ. Если я уѣду отъ него, онъ въ глубинѣ души будетъ радъ».

Это было не предположеніе, — она ясно видѣла это въ томъ проницательномъ свѣтѣ, который открывалъ ей теперь смыслъ жизни и людскихъ отношеній.

«Моя любовь все дѣлается страстнѣе и себялюбивѣе, а его все гаснетъ и гаснетъ, и вотъ отчего мы расходимся,—продолжала она думать. — И помочь этому нельзя. У меня все въ немъ одномъ, и я требую, чтобъ онъ весь больше и больше отдавался мнѣ. А онъ все больше и больше хочетъ уйти отъ меня. Мы именно шли навстрѣчу до связи, а потомъ неудержимо расходимся въ разныя стороны. И измѣнить этого нельзя. Онъ говоритъ мнѣ, что я безсмысленно ревнива, и я сама говорила себѣ, что я безсмысленно ревнива; но это неправда. Я не ревнива, а я недовольна. Но...» она открыла ротъ и перемѣстилась въ колясвѣ отъ волненія, возбужденнаго въ ней пришедшею ей вдругъ мыслью. «Если бъ я могла быть чѣмъ-нибудь, кромѣ любовницы, страстно любящей однѣ его ласки; но я не могу и не хочу быть ничѣмъ другимъ. И я этимъ желаніемъ возбуждаю въ немъ отвращеніе, а онъ во мнѣ злобу, и

это не можетъ быть иначе. Развѣ я не знаю, что онъ не сталъ бы обманывать меня, что онъ не имѣетъ видовъ на Сорокину, что онъ не влюбленъ въ Кити, что онъ не измѣнитъ мнѣ? Я все это знаю, но мнѣ отъ этого не легче. Если онъ, не любя меня, изъ *долга* будетъ добръ, нѣженъ ко мнѣ, а того не будетъ, чего я хочу,—да это хуже въ тысячу разъ даже, чѣмъ злоба! Это—адъ! А это-то и есть. Онъ уже давно не любитъ меня. А гдѣ кончается любовь, тамъ начинается ненависть... Этихъ улицъ я совсѣмъ не знаю. Горы какія-то, и все дома, дома... И въ домахъ все люди, люди... Сколько ихъ, конца нѣтъ, и всѣ ненавидятъ другъ друга. Ну, пусть я придумаю себѣ то, чего я хочу, чтобы быть счастливой. Ну? Я получаю разводъ, Алексѣй Александровичъ отдаетъ мнѣ Сережу, и я выхожу замужъ за Вронскаго». Вспомнивъ объ Алексѣѣ Александровичѣ, она тотчасъ съ необыкновенною живостью представила себѣ его какъ живого предъ собой съ его кроткими, безжизненными, потухшими глазами, синими жилами на бѣлыхъ рукахъ, интонаціями и трескомъ пальцевъ и, вспомнивъ то чувство, которое было между ними и которое тоже называлось любовью, вздрогнула отъ отвращенія. «Ну, я получу разводъ и буду женой Вронскаго. Что же, Кити перестанетъ такъ смотрѣть на меня, какъ она смотрѣла нынче? Нѣтъ. А Сережа перестанетъ спрашивать или думать о моихъ двухъ мужьяхъ? А между мною и Вронскимъ какое же я придумаю новое чувство? Возможно ли какое-нибудь—не счастье уже, а только не мученье? Нѣтъ и нѣтъ!» отвѣтила она себѣ теперь безъ малѣйшаго колебанія. Невозможно! Мы жизнью расходимся, и я дѣлаю его несчастіе, онъ мое, и передѣлать ни его, ни меня нельзя. Всѣ попытки были сдѣланы, винтъ свинтился... Да, нищая съ ребенкомъ. Она думаетъ, что жалко ея. Развѣ всѣ мы не брошены на свѣтъ за тѣмъ только, чтобы ненавидѣть другъ друга и потому мучить себя и другихъ? Гимназисты идутъ—смѣются. Сережа?» вспомнила она. «Я тоже думала, что любила его, и умилялась надъ своею нѣжностью. А жила я безъ него, промѣняла же его на другую любовь и не жаловалась на этотъ промѣнъ, пока удовлетворялась тою любовью». И она съ отвращеніемъ вспомнила про то, что называла тою любовью. И ясность, съ которою она видѣла теперь свою и всѣхъ людей жизнь, радовала ее. «Такъ и я, и Петръ, и кучеръ Ѳедоръ, и этотъ купецъ, и всѣ тѣ люди, которые живутъ тамъ на Волгѣ, куда приглашаютъ эти объявленія, и вездѣ, и всегда», думала она, когда уже подъѣхала къ низкому строенію нижегородской станціи и къ ней навстрѣчу выбѣжали артельщики.

— Прикажете до Обираловки?—сказалъ Петръ.

Она совсѣмъ забыла, куда и зачѣмъ она ѣхала, и только съ большимъ усиліемъ могла понять вопросъ.

— Да,—сказала она ему, подавая кошелекъ съ деньгами, и, взявъ на руку маленькій красный мѣшочекъ, вышла изъ коляски.

Направляясь между толпой въ залу перваго класса, она понемногу припоминала всѣ подробности своего положенія и тѣ рѣшенія, между которыми она колебалась. И опять то надежда, то отчаяніе по старымъ наболѣвшимъ мѣстамъ стали растравлять раны ея измученнаго, страшно трепетавшаго сердца. Сидя на звѣздообразномъ диванѣ въ ожиданіи поѣзда, она, съ отвращеніемъ глядя на входившихъ и выходившихъ (всѣ они были противны ей), думала то о томъ, какъ она пріѣдетъ на станцію, напишетъ ему записку и что̀ она напишетъ ему, то о томъ, какъ онъ теперь жалуется матери (не понимая страданій) на свое положеніе и какъ она войдетъ въ комнату и что она скажетъ ему. То она думала о томъ, какъ жизнь могла бы быть еще счастлива и какъ мучительно она любитъ и ненавидитъ его, и какъ страшно бьется ея сердце.

XXXI.

Раздался звонокъ, прошли какіе-то молодые мужчины, уродливые, и наглые, и торопливые, и вмѣстѣ внимательные къ тому впечатлѣнію, которое они производили; прошелъ и Петръ черезъ залу въ своей ливреѣ и штиблетахъ, съ тупымъ животнымъ лицомъ, и подошелъ къ ней, чтобы проводить ее до вагона. Шумные мужчины затихли, когда она проходила мимо нихъ по платформѣ, и одинъ что-то шепнулъ о ней другому, разумѣется, что-нибудь гадкое. Она поднялась на высокую ступеньку и сѣла одна въ купе на пружинный испачканный, когда-то бѣлый диванъ. Мѣшокъ, вздрогнувъ на пружинахъ, улегся. Петръ съ дурацкою улыбкой приподнялъ у окна въ знакъ прощанія свою шляпу съ галуномъ, наглый кондукторъ захлопнулъ дверь и щеколду. Дама, уродливая, съ турнюромъ (Анна мысленно раздѣла эту женщину и ужаснулась на ея безобразіе), и дѣвочки, ненатурально смѣясь, пробѣжали внизу.

— У Катерины Андреевны, все у нея, ma tante!—прокричала дѣвочка.

«Дѣвочка—и та изуродована и кривляется», подумала Анна. Чтобы не видать никого, она быстро встала и сѣла къ проти-

воположному окну въ пустомъ вагонѣ. Испачканный уродливый мужикъ въ фуражкѣ, изъ-подъ которой торчали спутанные волосы, прошелъ мимо этого окна, нагибаясь къ колесамъ вагона. «Что-то знакомое въ этомъ безобразномъ мужикѣ», подумала Анна. И, вспомнивъ свой сонъ, она, дрожа отъ страха, отошла къ противоположной двери. Кондукторъ отворялъ дверь, впуская мужа съ женой.

— Вамъ выйти угодно?

Анна не отвѣчала. Кондукторъ и входившіе не замѣтили подъ вуалью ужаса на ея лицѣ. Она вернулась въ свой уголъ и сѣла. Чета сѣла съ противоположной стороны, внимательно, но скрыто оглядывая ея платье. И мужъ и жена казались отвратительны Аннѣ. Мужъ спросилъ, позволитъ ли она курить, очевидно не для того, чтобы курить, но чтобы заговорить съ нею. Получивъ ея согласіе, онъ заговорилъ съ женой по-французски о томъ, что ему еще менѣе, чѣмъ курить, нужно было говорить. Они говорили, притворяясь, глупости, только для того, чтобы она слышала. Анна ясно видѣла, какъ они надоѣли другъ другу и какъ ненавидятъ другъ друга. И нельзя было не ненавидѣть такихъ жалкихъ уродовъ.

Послышался второй звонокъ и вслѣдъ за нимъ передвиженіе багажа, шумъ, крикъ и смѣхъ. Аннѣ было такъ ясно, что никому нечему было радоваться, что этотъ смѣхъ раздражалъ ее до боли и ей хотѣлось заткнуть уши, чтобы не слыхать его. Наконецъ прозвенѣлъ третій звонокъ, раздался свистокъ, визгъ паровика, рванулась цѣпь, и мужъ перекрестился. «Интересно бы спросить у него, что онъ подразумѣваетъ подъ этимъ», со злобой взглянувъ на него, подумала Анна. Она смотрѣла мимо дамы въ окно на точно какъ будто катившихся назадъ людей, провожавшихъ поѣздъ и стоявшихъ на платформѣ. Равномѣрно вздрагивая на стычкахъ рельсовъ, вагонъ, въ которомъ сидѣла Анна, прокатился мимо платформы, каменной стѣны, диска, мимо другихъ вагоновъ; колеса плавнѣе и маслянѣе, съ легкимъ звономъ зазвучали по рельсамъ; окно освѣтилось яркимъ вечернимъ солнцемъ, и вѣтерокъ заигралъ занавѣской. Анна забыла о своихъ сосѣдяхъ въ вагонѣ, и, на легкой качкѣ ѣзды, вдыхая въ себя свѣжій воздухъ, опять стала думать:

«Да, на чемъ я остановилась! На томъ, что я не могу придумать положенія, въ которомъ жизнь не была бы мученіемъ, что всѣ мы созданы затѣмъ, чтобы мучиться, и что мы всѣ знаемъ это и всѣ придумываемъ средства, какъ бы обмануть себя. А когда видишь правду, что же дѣлать?»

— На то данъ человѣку разумъ, чтобъ избавиться отъ того, что его безпокоитъ,—сказала по-французски дама, очевидно довольная своею фразой и гримасничая языкомъ.

Эти слова какъ будто отвѣтили на мысль Анны.

«Избавиться отъ того, что безпокоитъ», повторила Анна. И, взглянувъ на краснощекаго мужа и худую жену, она поняла, что болѣзненная жена считаетъ себя непонятою женщиной и мужъ обманываетъ ее и поддерживаетъ въ ней это мнѣніе о себѣ. Анна какъ будто видѣла ихъ исторію и всѣ закоулки ихъ души, перенеся свѣтъ на нихъ. Но интереснаго тутъ ничего не было, и она продолжала свою мысль.

«Да, очень безпокоитъ меня, и на то данъ разумъ, чтобъ избавиться; стало-быть, надо избавиться. Отчего же не потушить свѣчу, когда смотрѣть больше не на что, когда гадко смотрѣть на все это? Но какъ? Зачѣмъ этотъ кондукторъ пробѣжалъ по жердочкѣ? зачѣмъ они кричатъ, эти молодые люди, въ томъ вагонѣ? зачѣмъ они говорятъ, зачѣмъ они смѣются? Все неправда, все ложь, все обманъ, все зло!..»

Когда поѣздъ подошелъ къ станціи, Анна вышла въ толпѣ другихъ пассажировъ и, какъ отъ прокаженныхъ, сторонясь отъ нихъ, остановилась на платформѣ, стараясь вспомнить, зачѣмъ она сюда пріѣхала и что намѣрена была дѣлать. Все, что ей казалось возможно прежде, теперь такъ трудно было сообразить, особенно въ шумящей толпѣ всѣхъ этихъ безобразныхъ людей, не оставлявшихъ ее въ покоѣ. То артельщики подбѣгали къ ней, предлагая ей свои услуги, то молодые люди, стуча каблуками по доскамъ платформы и громко разговаривая, оглядывали ее, то встрѣчные сторонились не въ ту сторону. Вспомнивъ, что она хотѣла ѣхать дальше, если нѣтъ отвѣта, она остановила одного артельщика и спросила, нѣтъ ли тутъ кучера съ запиской къ графу Вронскому.

— Графъ Вронскій? Отъ нихъ сейчасъ тутъ были. Встрѣчали княгиню Сорокину съ дочерью. А кучеръ какой изъ себя?

Въ то время какъ она говорила съ артельщикомъ, кучеръ Михайла, румяный, веселый, въ синей щегольской поддевкѣ и цѣпочкѣ, очевидно гордый тѣмъ, что онъ такъ хорошо исполнилъ порученіе, подошелъ къ ней и подалъ записку. Она распечатала, и сердце ея сжалось еще прежде, чѣмъ она прочла.

«Очень сожалѣю, что записка не застала меня. Я буду въ десять часовъ», небрежнымъ почеркомъ писалъ Вронскій.

«Такъ! Я этого ждала!» сказала она себѣ съ злою усмѣшкой.

— Хорошо, такъ поѣзжай домой,—тихо проговорила она, обращаясь къ Михайлѣ. Она говорила тихо, потому что быстро-

та біенія сердца мѣшала ей дышать. «Нѣтъ, я не дамъ тебѣ мучить себя», подумала она, обращаясь съ угрозой не къ нему, не къ самой себѣ, а къ тому, кто заставлялъ ее мучиться, и пошла по платформѣ мимо станціи.

Двѣ горничныя ходившія по платформѣ, загнули назадъ головы, глядя на нее, что-то соображая вслухъ о ея туалетѣ: «настоящія», сказали онѣ о кружевѣ, которое было на ней. Молодые люди не оставляли ее въ покоѣ. Они опять, заглядывая ей въ лицо и со смѣхомъ крича что-то ненатуральнымъ голосомъ, прошли мимо. Начальникъ станціи, проходя, спросилъ, ѣдетъ ли она. Мальчикъ, продавецъ квасу, не спускалъ съ нея глазъ. «Боже мой, куда мнѣ?» все дальше и дальше уходя по платформѣ, думала она. У конца она остановилась. Дамы и дѣти, встрѣтившія господина въ очкахъ и громко смѣявшіяся и говорившія, замолкли, оглядывая ее, когда она поравнялась съ ними. Она ускорила шагъ и отошла отъ нихъ къ краю платформы. Подходилъ товарный поѣздъ. Платформа затряслась, и ей показалось, что она ѣдетъ опять.

И вдругъ, вспомнивъ о раздавленномъ человѣкѣ въ день ея первой встрѣчи съ Вронскимъ, она поняла, что̀ ей надо дѣлать. Быстрымъ легкимъ шагомъ спустившись по ступенькамъ, которыя шли отъ водокачки къ рельсамъ, она остановилась подлѣ вплоть мимо ея проходящаго поѣзда. Она смотрѣла на низъ вагоновъ, на винты и цѣпи и на высокія чугунныя колеса медленно катившагося перваго вагона и глазомѣромъ старалась опредѣлить середину между передними и задними колесами и ту минуту, когда середина эта будетъ противъ нея.

«Туда!—говорила она себѣ, глядя въ тѣнь вагона, на смѣшанный съ углемъ песокъ, которымъ были засыпаны шпалы,—туда на самую середину, и я накажу его, и избавлюсь отъ всѣхъ и отъ себя».

Она хотѣла упасть подъ поравнявшійся съ ней серединою первый вагонъ, но красный мѣшочекъ, который она стала снимать съ руки, задержалъ ее, и было уже поздно: середина миновала ее. Надо было ждать слѣдующаго вагона. Чувство, подобное тому, которое она испытывала, когда, купаясь, готовилась войти въ воду, охватило ее, и она перекрестилась. Привычный жестъ крестнаго знаменія вызвалъ въ душѣ ея цѣлый рядъ дѣвичьихъ и дѣтскихъ воспоминаній, и вдругъ мракъ, покрывавшій для нея все, разорвался, и жизнь предстала ей на мгновеніе со всѣми своими свѣтлыми прошедшими радостями. Но она не спускала глазъ съ колесъ подходящаго второго вагона. И ровно въ ту минуту, какъ середина между колесами поравня-

лась съ нею, она откинула красный мѣшочекъ и, вжавъ въ плечи голову, упала подъ вагонъ на руки и легкимъ движеніемъ, какъ бы готовясь тотчасъ же встать, опустилась на колѣни. И въ то же мгновеніе она ужаснулась тому, что дѣлала. «Гдѣ я? что я дѣлаю? зачѣмъ?» Она хотѣла подняться, откинуться, но что-то огромное, неумолимое толкнуло ее въ голову и потащило за спину. «Господи, прости мнѣ все!» проговорила она, чувствуя невозможность борьбы. Мужичокъ, приговаривая что-то, работалъ надъ желѣзомъ. И свѣча, при которой она читала исполненную тревогъ, обмановъ, горя и зла книгу,— вспыхнула болѣе яркимъ, чѣмъ когда-нибудь, свѣтомъ, освѣтила ей все то, что прежде было во мракѣ, затрещала, стала меркнуть и навсегда потухла.

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ.

I.

Прошло почти два мѣсяца. Была уже половина жаркаго лѣта, а Сергѣй Ивановичъ только теперь собрался выѣхать изъ Москвы.

Въ жизни Сергѣя Ивановича происходили за это время свои событія. Уже съ годъ тому назадъ была кончена его книга, плодъ шестилѣтняго труда, озаглавленная: *Опытъ обзора основъ и формъ государственности въ Европѣ и въ Россіи*. Нѣкоторые отдѣлы этой книги и введеніе были печатаемы въ повременныхъ изданіяхъ, и другія части были читаны Сергѣемъ Ивановичемъ людямъ своего круга, такъ что мысли этого сочиненія не могли быть уже совершенною новостью для публики; но все-таки Сергѣй Ивановичъ ожидалъ, что книга его появленіемъ своимъ должна будетъ произвести серьезное впечатлѣніе на общество и если не переворотъ въ наукѣ, то во всякомъ случаѣ сильное волненіе въ ученомъ мірѣ.

Книга эта послѣ тщательной отдѣлки была издана въ прошломъ году и разослана книгопродавцамъ.

Ни у кого не спрашивая о ней, неохотно и притворно-равнодушно отвѣчая на вопросы своихъ друзей о томъ, какъ идетъ книга, не спрашивая даже книгопродавцевъ, какъ покупается она, Сергѣй Ивановичъ, зорко, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за тѣмъ первымъ впечатлѣніемъ, какое произведетъ его книга въ обществѣ и въ литературѣ.

Но прошла недѣля, другая, третья, и въ обществѣ не было замѣтно никакого впечатлѣнія; друзья его, спеціалисты и ученые, иногда—очевидно, изъ учтивости—заговаривали о ней. Остальные же его знакомые, не интересуясь книгой ученаго содержанія, вовсе не говорили съ нимъ о ней. И въ обществѣ

въ особенности теперь занятомъ другимъ, было совершенное равнодушіе. Въ литературѣ тоже въ продолженіе мѣсяца не было ни слова о книгѣ.

Сергѣй Ивановичъ разсчитывалъ до подробности время, нужное на написаніе рецензіи, но прошелъ мѣсяцъ, другой, было то же молчаніе.

Только въ *Сѣверномъ Жукѣ*, въ шуточномъ фельетонѣ, о пѣвцѣ Драбанти, спавшемъ съ голоса, было кстати сказано нѣсколько презрительныхъ словъ о книгѣ Кознышева, показывавшихъ, что книга эта уже давно осуждена всѣми и предана на всеобщее посмѣяніе.

Наконецъ на третій мѣсяцъ въ серьезномъ журналѣ появилась критическая статья. Сергѣй Ивановичъ зналъ и автора статьи. Онъ встрѣтилъ его разъ у Голубцова.

Авторъ статьи былъ очень молодой и больной фельетонистъ, очень бойкій, какъ писатель, но чрезвычайно мало образованный и робкій въ отношеніяхъ личныхъ.

Несмотря на совершенное презрѣніе свое къ автору, Сергѣй Ивановичъ съ совершеннымъ уваженіемъ приступилъ къ чтенію статьи. Статья была ужасна.

Очевидно, фельетонистъ понялъ всю книгу такъ, какъ невозможно было понять ее. Но онъ такъ ловко подобралъ выписки, что для тѣхъ, которые не читали книги (а очевидно почти никто не читалъ ея), совершенно было ясно, что вся книга была не что иное, какъ наборъ высокопарныхъ словъ, да еще некстати употребленныхъ (что показывали вопросительные знаки), и что авторъ книги былъ человѣкъ совершенно невѣжественный. И все это было такъ остроумно, что Сергѣй Ивановичъ и самъ бы не отказался отъ такого остроумія; но это-то и было ужасно.

Несмотря на совершенную добросовѣстность, съ которою Сергѣй Ивановичъ провѣрялъ справедливость доводовъ рецензента, онъ ни на минуту не остановился на недостаткахъ и ошибкахъ, которые были осмѣиваемы, но тотчасъ же невольно онъ до малѣйшихъ подробностей сталъ вспоминать свою встрѣчу и разговоръ съ авторомъ статьи.

«Не обидѣлъ ли я его чѣмъ-нибудь?» спрашивалъ себя Сергѣй Ивановичъ.

И, вспомнивъ, какъ онъ при встрѣчѣ поправилъ этого молодого человѣка въ выказывавшемъ его невѣжество словѣ, Сергѣй Ивановичъ нашелъ объясненіе смысла статьи.

Послѣ этой статьи наступило мертвое—и печатное, и изустное—молчаніе о книгѣ, и Сергѣй Ивановичъ видѣлъ, что его

шестилѣтнее произведеніе, выработанное съ такою любовью и трудомъ, прошло безслѣдно.

Положеніе Сергѣя Ивановича было еще тяжелѣе отъ того, что, окончивъ книгу, онъ не имѣлъ болѣе кабинетной работы, занимавшей прежде большую часть его времени.

Сергѣй Ивановичъ былъ уменъ, образованъ, здоровъ, дѣятеленъ и не зналъ, куда употребить свою дѣятельность. Разговоры въ гостиныхъ, съѣздахъ, собраніяхъ, комитетахъ, вездѣ, гдѣ можно было говорить, занимали часть его времени; но онъ, давнишній городской житель, не позволялъ себѣ уходить всему въ разговоры, какъ это дѣлалъ его неопытный братъ, когда бывалъ въ Москвѣ; оставалось еще много досуга и умственныхъ силъ. На его счастіе въ это самое тяжелое для него по причинѣ неудачи его книги время на смѣну вопросовъ иновѣрцевъ, американскихъ друзей, самарскаго голода, выставки, спиритизма сталъ славянскій вопросъ, прежде только тлѣвшійся въ обществѣ, и Сергѣй Ивановичъ, и прежде бывшій однимъ изъ возбудителей этого вопроса, весь отдался ему.

Въ средѣ людей, къ которымъ принадлежалъ Сергѣй Ивановичъ, въ это время ни о чемъ другомъ не говорили и не писали, какъ о сербской войнѣ. Все то, что дѣлаетъ обыкновенно праздная толпа, убивая время, дѣлалось теперь въ пользу славянъ. Балы, концерты, обѣды, спичи, дамскіе наряды, пиво, трактиры,—все свидѣтельствовало о сочувствіи къ славянамъ.

Со многимъ изъ того, что̀ говорили и писали по этому случаю, Сергѣй Ивановичъ былъ не согласенъ въ подробностяхъ. Онъ видѣлъ, что славянскій вопросъ сдѣлался однимъ изъ тѣхъ модныхъ увлеченій, которыя всегда, смѣняя одно другое, служатъ обществу предметомъ занятія; видѣлъ и то, что много было людей съ корыстными, тщеславными цѣлями, занимавшихся этимъ дѣломъ. Онъ признавалъ, что газеты печатали много ненужнаго и преувеличеннаго съ одною цѣлью—обратить на себя вниманіе и перекричать другихъ. Онъ видѣлъ, что при этомъ общемъ подъемѣ общества выскочили впередъ и кричали громче другихъ всѣ неудавшіеся и обиженные: главнокомандующіе безъ армій, министры безъ министерствъ, журналисты безъ журналовъ, начальники партій безъ партизановъ. Онъ видѣлъ, что много тутъ было легкомысленнаго и смѣшного; но онъ видѣлъ и признавалъ несомнѣнный, все разраставшійся энтузіазмъ, соединившій въ одно всѣ классы общества, которому нельзя было не сочувствовать. Рѣзня единовѣрцевъ и братьевъ славянъ вызвала сочувствіе къ страдающимъ и негодованіе къ притѣснителямъ. И геройство сербовъ и черногорцевъ, борющихся за

великое дѣло, породило во всемъ народѣ желаніе помочь своимъ братьямъ уже не словомъ, а дѣломъ.

Но притомъ было другое, радостное для Сергѣя Ивановича, явленіе. Это было проявленіе общественнаго мнѣнія. Общество опредѣленно выразило свое желаніе. Народная душа получила выраженіе, какъ говорилъ Сергѣй Ивановичъ. И чѣмъ болѣе онъ занимался этимъ дѣломъ, тѣмъ очевиднѣе ему казалось, что это было дѣло, долженствующее получить громадные размѣры, составить эпоху.

Онъ посвятилъ всего себя на служеніе этому великому дѣлу и забылъ думать о своей книгѣ.

Все время его теперь было занято, такъ что онъ не успѣвалъ отвѣчать на всѣ обращаемыя къ нему письма и требованія.

Проработавъ всю весну и часть лѣта, онъ только въ іюлѣ мѣсяцѣ собрался поѣхать въ деревню къ брату.

Онъ ѣхалъ и отдохнуть на двѣ недѣли и въ самой святая святыхъ народа, въ деревенской глуши, насладиться видомъ того поднятія народнаго духа, въ которомъ онъ и всѣ столичные и городскіе жители были вполнѣ убѣждены. Катавасовъ, давно собиравшійся исполнить данное Левину обѣщаніе—побывать у него, поѣхалъ съ нимъ вмѣстѣ.

II.

Едва Сергѣй Ивановичъ съ Катавасовымъ успѣли подъѣхать къ особенно оживленной нынче народомъ станціи Курской желѣзной дороги и, выйдя изъ кареты, осмотрѣть подъѣзжавшаго сзади съ вещами лакея, какъ подъѣхали и добровольцы на четырехъ извозчикахъ. Дамы съ букетами встрѣтили ихъ и въ сопровожденіи хлынувшей за ними толпы вошли въ станцію.

Одна изъ дамъ, встрѣчавшихъ добровольцевъ, выходя изъ залы, обратилась къ Сергѣю Ивановичу.

— Вы тоже пріѣхали проводить?—спросила она по-французски.

— Нѣтъ, я самъ ѣду, княгиня. Отдохнуть къ брату. А вы всегда провожаете?—съ чуть замѣтною улыбкой сказалъ Сергѣй Ивановичъ.

— Да нельзя же!—отвѣчала княгиня.—Правда, что отъ насъ отправлено ужъ восемьсотъ? Мнѣ не вѣрилъ Мальвинскій.

— Больше восьмисотъ. Если считать тѣхъ, которые отправлены не прямо изъ Москвы, уже болѣе тысячи,—сказалъ Сергѣй Ивановичъ.

— Ну вотъ. Я и говорила!—радостно подхватила дама.—И вѣдь правда, что пожертвовано теперь около милліона?

— Больше, княгиня!

— А какова нынѣшняя телеграмма? Опять разбили турокъ.

— Да, я читалъ,—отвѣчалъ Сергѣй Ивановичъ. Они говорили о послѣдней телеграммѣ, подтверждавшей то, что три дня сряду турки были разбиты на всѣхъ пунктахъ и бѣжали и что на завтра ожидалось рѣшительное сраженіе.

— Ахъ, да, знаете, одинъ молодой человѣкъ прекрасный просился. Не знаю, почему сдѣлали затрудненіе. Я хотѣла просить васъ, я его знаю, напишите пожалуйста записку. Онъ отъ графини Лидіи Ивановны присланъ.

Разспросивъ подробности, которыя знала княгиня о просившемся молодомъ человѣкѣ, Сергѣй Ивановичъ, пройдя въ первый классъ, написалъ записку къ тому, отъ кого это зависѣло, и передалъ княгинѣ.

— Вы знаете, графъ Вронскій, извѣстный... ѣдетъ съ этимъ поѣздомъ,—сказала княгиня съ торжествующею и многозначительною улыбкой, когда онъ опять нашелъ ее и передалъ ей записку.

— Я слышалъ, что онъ ѣдетъ, но не зналъ когда. Съ этимъ поѣздомъ?

— Я видѣла его. Онъ здѣсь; одна мать провожаетъ его. Все-таки это—лучшее, что онъ могъ сдѣлать.

— О, да, разумѣется.

Въ то время, какъ они говорили, толпа хлынула мимо нихъ къ обѣденному столу. Они тоже подвинулись и услыхали громкій голосъ одного господина, который съ бокаломъ въ рукѣ говорилъ рѣчь добровольцамъ. «Послужить за вѣру, за человѣчество, за братьевъ нашихъ,—все возвышая голосъ, говорилъ господинъ.—На великое дѣло благословляетъ васъ матушка Москва. *Живіо!*» громко и слезно заключилъ онъ.

Всѣ закричали *живіо*, и еще новая толпа хлынула въ залу и чуть не сбила съ ногъ княгиню.

— А! княгиня, каково!—сіяя радостною улыбкой, сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, вдругъ появившійся въ серединѣ толпы.—Не правда ли, славно, тепло сказалъ? Браво! и Сергѣй Ивановичъ! Вотъ вы бы сказали отъ себя такъ—нѣсколько словъ, знаете, ободреніе; вы такъ это хорошо,—прибавилъ онъ съ нѣжною, уважительною и осторожною улыбкой, слегка за руку подвигая Сергѣя Ивановича.

— Нѣтъ, я ѣду сейчасъ.

— Куда?

— Въ деревню къ брату,—отвѣчалъ Сергѣй Ивановичъ.

— Такъ вы жену мою увидите. Я писалъ ей, но вы прежде увидите; пожалуйста, скажите, что меня видѣли и что all right. Она пойметъ. А впрочемъ, скажите ей, будьте добры, что я назначенъ членомъ комиссіи соединеннаго... Ну, да она пойметъ! Знаете, les petites misères de la vie humaine,—какъ бы извиняясь, обратился онъ къ княгинѣ.—А Мягкая-то, не Лиза, а Бибишъ, посылаетъ-таки тысячу ружей и двѣнадцать сестеръ. Я вамъ говорилъ?

— Да, я слышалъ,—неохотно отвѣчалъ Кознышевъ.

— А жаль, что вы уѣзжаете,—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ.—Завтра мы даемъ обѣдъ двумъ отъѣзжающимъ—Димеръ-Бартнянскій изъ Петербурга и нашъ Весловскій, Гриша. Оба ѣдутъ. Весловскій недавно женился. Вотъ молодецъ! Не правда ли, княгиня?—обратился онъ къ дамѣ.

Княгиня, не отвѣчая, посмотрѣла на Кознышева. Но то, что Сергѣй Ивановичъ и княгиня какъ будто желали отдѣлаться отъ него, нисколько не смущало Степана Аркадьевича. Онъ улыбаясь смотрѣлъ то на перо шляпы княгини, то по сторонамъ, какъ будто припоминая что-то. Увидавъ проходившую даму съ кружкой, онъ подозвалъ ее къ себѣ и положилъ пятирублевую бумажку.

— Не могу видѣть этихъ кружекъ спокойно, пока у меня есть деньги,—сказалъ онъ.—А какова нынѣшняя депеша? Молодцы черногорцы!

— Что вы говорите!—вскрикнулъ онъ, когда княгиня сказала ему, что Вронскій ѣдетъ въ этомъ поѣздѣ. На мгновеніе лицо Степана Аркадьевича выразило грусть, но черезъ минуту, когда, слегка подпрыгивая на каждой ногѣ и расправляя бакенбарды, онъ вошелъ въ комнату, гдѣ былъ Вронскій, Степанъ Аркадьевичъ уже вполнѣ забылъ свои отчаянныя рыданія надъ трупомъ сестры и видѣлъ во Вронскомъ только героя и стараго пріятеля.

— Со всѣми его недостатками нельзя не отдать ему справедливости,—сказала княгиня Сергѣю Ивановичу, какъ только Облонскій отошелъ отъ нихъ.—Вотъ именно вполнѣ русская, славянская натура! Только я боюсь, что Вронскому непріятно будетъ его видѣть. Какъ ни говорите, меня трогаетъ судьба этого человѣка. Поговорите съ нимъ дорогой,—сказала княгиня.

— Да, можетъ-быть, если придется.

— Я никогда не любила его. Но это выкупаетъ многое. Онъ не только ѣдетъ самъ, но эскадронъ ведетъ на свой счетъ.

— Да, я слышалъ.

Послышался звонокъ. Всѣ затолпились къ дверямъ.

— Вотъ онъ!—проговорила княгиня, указывая на Вронскаго въ длинномъ пальто и въ черной съ широкими полями шляпѣ, шедшаго подъ руку съ матерью. Облонскій шелъ подлѣ него, что-то оживленно говоря.

Вронскій нахмурившись смотрѣлъ передъ собой, какъ будто не слыша того, что говоритъ Степанъ Аркадьевичъ.

Вѣроятно, по указанію Облонскаго, онъ оглянулся въ ту сторону, гдѣ стояли княгиня и Сергѣй Ивановичъ, и молча приподнялъ шляпу. Постарѣвшее и выражавшее страданіе лицо его казалось окаменѣлымъ.

Выйдя на платформу, Вронскій молча, пропустивъ мать, скрылся въ отдѣленіи вагона.

На платформѣ раздавалось *Боже царя храни*, потомъ крики: *ура!* и *живіо!* Одинъ изъ добровольцевъ, высокій, очень молодой человѣкъ съ ввалившеюся грудью, особенно замѣтно кланялся, махая надъ головой войлочною шляпой и букетомъ. За нимъ высовывались, кланяясь тоже, два офицера и пожилой человѣкъ съ большою бородой въ засаленной фуражкѣ.

III.

Простившись съ княгиней, Сергѣй Ивановичъ вмѣстѣ съ подошедшимъ Катавасовымъ вошелъ въ биткомъ-набитый вагонъ, и поѣздъ тронулся.

На Царицынской станціи поѣздъ былъ встрѣченъ стройнымъ хоромъ молодыхъ людей, пѣвшихъ «Славься». Опять добровольцы кланялись и высовывались; но Сергѣй Ивановичъ не обращалъ на нихъ вниманія: онъ столько имѣлъ дѣлъ съ добровольцами, что уже зналъ ихъ общій типъ и это не интересовало его. Катавасовъ же, за своими учеными занятіями не имѣвшій случая наблюдать добровольцевъ, очень интересовался ими и разспрашивалъ про нихъ Сергѣя Ивановича.

Сергѣй Ивановичъ посовѣтовалъ ему пройти во второй классъ, поговорить самому съ ними. На слѣдующей станціи Катавасовъ исполнилъ этотъ совѣтъ.

На первой остановкѣ онъ перешелъ во второй классъ и познакомился съ добровольцами. Они сидѣли въ углу вагона, громко разговаривая и очевидно зная, что вниманіе пассажировъ и вошедшаго Катавасова обращено на нихъ. Громче всѣхъ говорилъ высокій со впалою грудью юноша. Онъ, очевидно, былъ пьянъ и разсказывалъ про какую-то, случившуюся въ ихъ

заведенiи, исторiю. Противъ него сидѣлъ уже немолодой офицеръ въ австрiйской военной фуфайкѣ гвардейскаго мундира. Онъ улыбаясь слушалъ разсказчика и останавливалъ его. Третiй, въ артиллерiйскомъ мундирѣ, сидѣлъ на чемоданѣ подлѣ нихъ. Четвертый спалъ.

Вступивъ въ разговоръ съ юношей, Катавасовъ узналъ, что это былъ богатый московскiй купецъ, промотавшiй большое состоянiе до двадцати двухъ лѣтъ. Онъ не понравился Катавасову тѣмъ, что былъ изнѣженъ, избалованъ и слабъ здоровьемъ; онъ, очевидно, былъ увѣренъ, въ особенности теперь, выпивъ, что онъ совершаетъ геройскiй поступокъ, и хвастался самымъ непрiятнымъ образомъ.

Другой, отставной офицеръ, тоже произвелъ непрiятное впечатлѣнiе на Катавасова. Это былъ, какъ видно, человѣкъ, попробовавшiй всего. Онъ былъ и на желѣзной дорогѣ, и управляющимъ, и самъ заводилъ фабрики, и говорилъ обо всемъ, безъ всякой надобности и невпопадъ употребляя ученыя слова.

Третiй, артиллеристъ, напротивъ, очень понравился Катавасову. Это былъ скромный, тихiй человѣкъ, очевидно преклонявшiйся передъ званiемъ отставного гвардейца и передъ геройскимъ самопожертвованiемъ купца и самъ о себѣ ничего не говорившiй. Когда Катавасовъ спросилъ его, что его побудило ѣхать въ Сербiю, онъ скромно отвѣчалъ:

— Да что жъ, всѣ ѣдутъ. Надо тоже помочь и сербамъ. Жалко.

— Да, въ особенности вашихъ артиллерйстовъ тамъ мало,— сказалъ Катавасовъ.

— Я вѣдь недолго служилъ въ артиллерiи; можетъ, и въ пѣхоту или въ кавалерiю назначатъ.

— Какъ же въ пѣхоту, когда нуждаются въ артиллеристахъ болѣе всего?—сказалъ Катавасовъ, соображая по годамъ артиллериста, что онъ долженъ быть уже въ значительномъ чинѣ.

— Я немного служилъ въ артиллерiи, я юнкеромъ въ отставкѣ,—сказалъ онъ и началъ объяснять, почему онъ не выдер жалъ экзамена.

Все это вмѣстѣ произвело на Катавасова непрiятное впечатлѣнiе и когда добровольцы вышли на станцiю выпить, Катавасовъ хотѣлъ въ разговорѣ съ кѣмъ-нибудь повѣрить свое невыгодное впечатлѣнiе. Одинъ проѣзжающiй старичокъ въ военномъ пальто все время прислушивался къ разговору Катавасова съ добровольцами. Оставшись съ нимъ одинъ на одинъ, Катавасовъ обратился къ нему.

— Да, какое разнообразiе положенiй всѣхъ этихъ людей, отправляющихся туда,—неопредѣленно сказалъ Катавасовъ, же-

лая высказать свое мнѣніе и вмѣстѣ съ тѣмъ вывѣдать мнѣніе старичка.

Старичокъ былъ военный, дѣлавшій двѣ кампаніи. Онъ зналъ что такое военный человѣкъ, и по виду и по разговору этихъ господъ, по ухарству, съ которымъ они прикладывались къ фляжкѣ дорогой, онъ считалъ ихъ за плохихъ военныхъ. Кромѣ того, онъ былъ житель уѣзднаго города, и ему хотѣлось разсказать, какъ изъ его города пошелъ одинъ солдатъ безсрочный, пьяница и воръ, котораго уже никто не бралъ въ работники. Но, по опыту зная, что при теперешнемъ настроеніи общества опасно высказывать мнѣніе, противное общему, и въ особенности осуждать добровольцевъ, онъ тоже высматривалъ Катавасова.

— Что жъ, тамъ нужны люди,—сказалъ онъ, смѣясь глазами. И они заговорили о послѣдней военной новости, и оба другъ передъ другомъ скрыли свое недоумѣніе о томъ, съ кѣмъ на завтра ожидается сраженіе, когда турки, по послѣднему извѣстію, разбиты на всѣхъ пунктахъ. И такъ, оба не высказавъ своего мнѣнія, они разошлись.

Катавасовъ, войдя въ свой вагонъ, невольно кривя душой, разсказалъ Сергѣю Ивановичу свои наблюденія надъ добровольцами, изъ которыхъ оказалось, что они были отличные ребята.

На большой станціи въ городѣ опять пѣніе и крики встрѣтили добровольцевъ, опять явились съ кружками сборщицы и сборщики, и губернскія дамы поднесли букеты добровольцамъ и пошли за ними въ буфетъ; но все это было уже гораздо слабѣе и меньше, чѣмъ въ Москвѣ.

IV.

Во время остановки въ губернскомъ городѣ Сергѣй Ивановичъ не пошелъ въ буфетъ, а сталъ ходить взадъ и впередъ по платформѣ.

Проходя въ первый разъ мимо отдѣленія Вронскаго, онъ замѣтилъ, что окно было задернуто. Но, проходя въ другой разъ, онъ увидалъ у окна старую графиню. Она подозвала къ себѣ Кознышева.

— Вотъ ѣду, провожаю его до Курска,—сказала она.

— Да, я слышалъ,—сказалъ Сергѣй Ивановичъ, останавливаясь у ея окна и заглядывая въ него. — Какая прекрасная черта съ его стороны! — прибавилъ онъ, замѣтивъ, что Вронскаго въ отдѣленіи не было.

— Да, послѣ его несчастія что жъ ему было дѣлать?

— Какое ужасное событіе!—сказалъ Сергѣй Ивановичъ.

— Ахъ, что я пережила! Да заходите... Ахъ, что я пережила!—повторила она, когда Сергѣй Ивановичъ вошелъ и сѣлъ съ ней рядомъ на диванѣ.—Этого нельзя себѣ представить! Шесть недѣль онъ не говорилъ ни съ кѣмъ и ѣлъ только тогда, когда я умоляла его. И ни одной минуты нельзя было оставить его одного. Мы отобрали все, чѣмъ онъ могъ убить себя; мы жили въ нижнемъ этажѣ, но нельзя было ничего предвидѣть. Вѣдь вы знаете, онъ уже стрѣлялся разъ изъ-за нея же, — сказала она, и брови старушки нахмурились при этомъ воспоминаніи.—Да, она кончила, какъ и должна была кончить такая женщина. Даже смерть она выбрала подлую, низкую.

— Не намъ судить, графиня,—со вздохомъ сказалъ Сергѣй Ивановичъ,—но я понимаю, какъ для васъ это было тяжело.

— Ахъ, не говорите! Я жила у себя въ имѣніи, и онъ былъ у меня. Приносятъ записку. Онъ написалъ отвѣтъ и отослалъ. Мы ничего не знали, что она тутъ же была на станціи. Вечеромъ я только ушла къ себѣ, мнѣ моя Мери говоритъ, что на станціи дама бросилась подъ поѣздъ. Меня какъ что-то ударило! Я поняла, что это была она. Первое, что я сказала: не говорить ему. Но они ужъ сказали ему. Кучеръ его тамъ былъ и все видѣлъ. Когда я прибѣжала въ его комнату, онъ былъ ужъ не свой—страшно было смотрѣть на него. Онъ ни слова не сказалъ и поскакалъ туда. Ужъ я не знаю, что̀ тамъ было, но его привезли какъ мертваго. Я бы не узнала его. Prostration complète, говорилъ докторъ. Потомъ началось почти бѣшенство. Ахъ, что говорить! — сказала графиня, махнувъ рукой.—Ужасное время! Нѣтъ, какъ ни говорите, дурная женщина. Ну, что это за страсти какія-то отчаянныя! Это все что-то особенное доказать. Вотъ она и доказала. Себя погубила и двухъ прекрасныхъ людей — своего мужа и моего несчастнаго сына.

— А что ея мужъ?—спросилъ Сергѣй Ивановичъ.

— Онъ взялъ ея дочь. Алеша въ первое время на все былъ согласенъ. Но теперь его ужасно мучаетъ, что онъ отдалъ чужому человѣку свою дочь. Но взять назадъ слово онъ не можетъ. Каренинъ пріѣзжалъ на похороны. Но мы старались, чтобъ онъ не встрѣтился съ Алешей. Для него, для мужа, это все-таки легче. Она развязала его. Но бѣдный сынъ мой отдался весь ей. Бросилъ все—карьеру, меня, и тутъ-то она еще не пожалѣла его, а нарочно убила его совсѣмъ. Нѣтъ, какъ ни говорите, самая смерть ея—смерть гадкой женщины безъ рели-

гіи. Прости меня Богъ, но я не могу не ненавидѣть память ея. глядя на погибель сына.

— Но теперь какъ онъ?

— Это Богъ намъ помогъ — эта сербская война. Я старый человѣкъ, ничего въ этомъ не понимаю, но ему Богъ это послалъ. Разумѣется, мнѣ, какъ матери, страшно; и главное, говорятъ, ce n'est pas très bien vu à Pétersbourg. Но что же дѣлать. Одно это могло его поднять. Яшвинъ—его пріятель—онъ все проигралъ и собрался въ Сербію. Онъ заѣхалъ къ нему и уговорилъ его. Теперь это занимаетъ его. Вы пожалуйста поговорите съ нимъ, мнѣ хочется его развлечь. Онъ такъ грустенъ. Да на бѣду еще у него зубы разболѣлись. А вамъ онъ будетъ очень радъ. Пожалуйста, поговорите съ нимъ: онъ ходитъ съ этой стороны.

Сергѣй Ивановичъ сказалъ, что онъ очень радъ, и перешелъ на другую сторону поѣзда.

V.

Въ косой вечерней тѣни кулей, наваленныхъ на платформѣ, Вронскій въ своемъ длинномъ пальто и надвинутой шляпѣ, съ руками въ карманахъ, ходилъ, какъ звѣрь въ клѣткѣ, на двадцати шагахъ быстро поворачиваясь. Сергѣю Ивановичу, когда онъ подходилъ, показалось, что Вронскій его видитъ, но притворяется невидящимъ. Сергѣю Ивановичу это было все равно. Онъ стоялъ выше всякихъ личныхъ счетовъ съ Вронскимъ.

Въ эту минуту Вронскій въ глазахъ Сергѣя Ивановича былъ важный дѣятель для великаго дѣла, и Кознышевъ считалъ своимъ долгомъ поощрить его и одобрить. Онъ подошелъ къ нему.

Вронскій остановился, вглядѣлся, узналъ и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ навстрѣчу Сергѣю Ивановичу, крѣпко-крѣпко пожалъ его руку.

— Можетъ-быть, вы и не желали со мной видѣться, — сказалъ Сергѣй Ивановичъ;—но не могу ли я вамъ быть полезнымъ?

— Ни съ кѣмъ мнѣ не можетъ быть такъ мало непріятно видѣться, какъ съ вами,—сказалъ Вронскій.—Извините меня. Пріятнаго въ жизни мнѣ нѣтъ.

— Я понимаю и хотѣлъ предложить вамъ свои услуги,—сказалъ Сергѣй Ивановичъ, вглядываясь въ очевидно страдающее лицо Вронскаго.—Не нужно ли вамъ письмо къ Ристичу, къ Милану?

— О, нѣтъ! — какъ будто съ трудомъ понимая, сказалъ Вронскій.—Если вамъ все равно, то будемте ходить. Въ вагонахъ такая духота. Письмо? Нѣтъ, благодарю васъ; для того, чтобы умереть, не нужно рекомендацій. Нешто къ туркамъ...— сказалъ онъ, улыбнувшись однимъ ртомъ. Глаза продолжали имѣть сердито-страдающее выраженіе.

— Да, но вамъ, можетъ-быть, легче вступить въ сношенія, которыя все-таки необходимы, съ человѣкомъ приготовленнымъ. Впрочемъ, какъ хотите. Я очень радъ былъ услышать о вашемъ рѣшеніи. И такъ ужъ столько нападковъ на добровольцевъ, что такой человѣкъ, какъ вы, поднимаетъ ихъ въ общественномъ мнѣніи.

— Я какъ человѣкъ, — сказалъ Вронскій,—тѣмъ хорошъ, что жизнь для меня ничего не стоитъ. А что физической энергіи во мнѣ довольно, чтобы врубиться въ каре и смять или лечь,—это я знаю. Я радъ тому, что есть за что отдать мою жизнь, которая мнѣ не то что не нужна, но постыла. Кому-нибудь пригодится,—и онъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе скулой отъ непрестающей ноющей боли зуба, мѣшавшей ему даже говорить съ тѣмъ выраженіемъ, съ которымъ онъ хотѣлъ.

— Вы возродитесь, предсказываю вамъ, — сказалъ Сергѣй Ивановичъ, чувствуя себя тронутымъ.— Избавленіе своихъ братьевъ отъ ига есть цѣль, достойная и смерти и жизни. Дай вамъ Богъ успѣха внѣшняго, внутренняго мира,—прибавилъ онъ и протянулъ руку.

Вронскій крѣпко пожалъ протянутую руку Сергѣя Ивановича.

— Да, какъ орудіе, я могу годиться на что-нибудь. Но, какъ человѣкъ, я — развалина, — съ разстановкой проговорилъ онъ.

Щемящая боль крѣпкаго зуба, наполнявшая слюною его ротъ, мѣшала ему говорить. Онъ замолкъ, вглядываясь въ колеса медленно и гладко подкатывавшагося по рельсамъ тендера.

И вдругъ, совершенно другая, не боль, а общая мучительная внутренняя неловкость заставила его забыть на мгновеніе боль зуба. При взглядѣ на тендеръ и на рельсы, подъ вліяніемъ разговора съ знакомымъ, съ которымъ онъ не встрѣчался послѣ своего несчастія, ему вдругъ вспомнилась *она*, то-есть то, что оставалось еще отъ нея, когда онъ какъ сумасшедшій бѣжалъ въ казарму желѣзнодорожной станціи: на столѣ казармы безстыдно растянутое посреди чужихъ окровавленное тѣло, еще полное недавней жизни; закинутая назадъ уцѣлѣвшая голова со своими тяжелыми косами и вьющимися волосами на вискахъ, и на прелестномъ лицѣ, съ полуоткрытымъ румянымъ ртомъ,

застывшее странное, жалкое въ губахъ и ужасное въ остановившихся незакрытыхъ глазахъ, выраженіе, какъ бы словами выговаривавшее то страшное слово—о томъ, что онъ раскается,—которое она во время ссоры сказала ему.

И онъ старался вспомнить ее такой, какой она была тогда, когда онъ въ первый разъ встрѣтилъ ее тоже на станціи,—таинственною, прелестною, любящею, ищущею и дающею счастіе, а не жестоко-мстительною, какой она вспоминалась ему въ послѣднюю минуту. Онъ старался вспоминать лучшія минуты съ нею; но эти минуты были навсегда отравлены. Онъ помнилъ ея только торжествующую, свершившуюся угрозу никому ненужнаго, но неизгладимаго раскаянія. Онъ пересталъ чувствовать боль зуба, и рыданія искривили его лицо.

Пройдя молча два раза подлѣ кулей и овладѣвъ собой, онъ спокойно обратился къ Сергѣю Ивановичу:

— Вы не имѣли телеграммы послѣ вчерашней? Да, разбиты въ третій разъ, но на завтра ожидается рѣшительное сраженіе.

И, поговоривъ еще о провозглашеніи королемъ Милана и объ огромныхъ послѣдствіяхъ, которыя это можетъ имѣть, они разошлись по своимъ вагонамъ послѣ второго звонка.

VI.

Не зная, когда ему можно будетъ выѣхать изъ Москвы, Сергѣй Ивановичъ не телеграфировалъ брату, чтобы высылать за нимъ. Левина не было дома, когда Катавасовъ и Сергѣй Ивановичъ на тарантасикѣ, взятомъ на станціи, запыленные какъ арапы, въ 12-мъ часу дня подъѣхали къ крыльцу покровскаго дома. Кити, сидѣвшая на балконѣ съ отцомъ и сестрой, узнала деверя и сбѣжала внизъ встрѣтить его.

— Какъ вамъ не совѣстно не дать знать,—сказала она, подавая руку Сергѣю Ивановичу и подставляя ему лобъ.

— Мы прекрасно доѣхали и васъ не безпокоили,—отвѣчалъ Сергѣй Ивановичъ.—Я такъ пыленъ, что боюсь дотронуться. Я былъ такъ занятъ, что и не зналъ, когда вырвусь. А вы по-старому,—сказалъ онъ улыбаясь,—наслаждаетесь тихимъ счастіемъ внѣ теченій въ своемъ тихомъ затонѣ. Вотъ и нашъ пріятель Өедоръ Васильевичъ собрался наконецъ.

— Но я не негръ, я вымоюсь, буду похожъ на человѣка,—сказалъ Катавасовъ, со своею обычною шутливостью, подавая руку и улыбаясь особенно блестящими изъ-за чернаго лица зубами.

— Костя будетъ очень радъ. Онъ пошелъ на хуторъ. Ему бы пора придти.

— Все занимается хозяйствомъ. Вотъ именно въ затонѣ,— сказалъ Катавасовъ.—А намъ въ городѣ, кромѣ сербской войны, ничего не видно. Ну, какъ мой пріятель относится? Вѣрно, что-нибудь не какъ люди?

— Да онъ такъ ничего, какъ всѣ,—нѣсколько сконфуженно оглядываясь на Сергѣя Ивановича, отвѣчала Кити. — Такъ я пошлю за нимъ. А у насъ папа гоститъ. Онъ недавно изъ-за границы пріѣхалъ.

И, распорядившись послать за Левинымъ и о томъ, чтобы провести запыленныхъ гостей умываться, одного въ кабинетъ, другого въ бывшую Доллину комнату, и о завтракѣ гостямъ, она, пользуясь правомъ быстрыхъ движеній, которыхъ она была лишена во время своей беременности, вбѣжала на балконъ.

— Это Сергѣй Ивановичъ и Катавасовъ, профессоръ,—сказала она.

— Охъ, въ жаръ тяжело!—сказалъ князь.

— Нѣтъ, папа, онъ очень милый, и Костя его очень любитъ,—какъ будто упрашивая его о чемъ-то, улыбаясь сказала Кити, замѣтившая выраженіе насмѣшливости на лицѣ отца.

— Да я ничего.

— Ты поди, душенька, къ нимъ, — обратилась Кити къ сестрѣ,—и займи ихъ. Они видѣли Стиву на станціи, онъ здоровъ. А я побѣгу къ Митѣ. Какъ на бѣду, не кормила уже съ самаго чая. Онъ теперь проснулся и вѣрно кричитъ.—И она, чувствуя приливъ молока, скорымъ шагомъ пошла въ дѣтскую.

Дѣйствительно, она не то что угадала (связь ея съ ребенкомъ не была еще порвана), она вѣрно узнала по приливу молока у себя недостатокъ пищи у него.

Она знала, что онъ кричитъ, еще прежде, чѣмъ она подошла къ дѣтской. И дѣйствительно онъ кричалъ. Она услышала его голосъ и прибавила шагу. Но чѣмъ скорѣе она шла, тѣмъ громче онъ кричалъ. Голосъ былъ хорошій, здоровый, только голодный и нетерпѣливый.

— Давно, няня, давно?—поспѣшно говорила Кити, садясь на стулъ и приготовляясь къ кормленію.—Да дайте же мнѣ его скорѣе. Ахъ, няня, какая вы скучная, ну, послѣ чепчикъ завяжете!

Ребенокъ надрывался отъ жаднаго крика.

— Да нельзя же, матушка, — сказала Агаѳья Михайловна, почти всегда присутствовавшая въ дѣтской.—Надо въ порядкѣ его убрать. Агу! агу!—распѣвала она надъ нимъ, не обращая вниманія на мать.

Няня понесла ребенка къ матери. Агаѳья Михайловна шла за нимъ съ распустившимся отъ нѣжности лицомъ.

— Знаетъ, знаетъ. Вотъ вѣрьте Богу, матушка Катерина Александровна, узналъ меня!—перекрикивала Агаѳья Михайловна ребенка.

Но Кити не слушала ея словъ. Ея нетерпѣніе шло такъ же возрастая, какъ и нетерпѣніе ребенка.

Отъ нетерпѣнія дѣло долго не могло уладиться. Ребенокъ хваталъ не то, что̀ надо, и сердился.

Наконецъ, послѣ отчаяннаго задыхающагося вскрика, пустого захлебыванія, дѣло уладилось, и мать и ребенокъ одновременно почувствовали себя успокоенными и оба затихли.

— Однако и онъ бѣдняжка весь въ поту,—шопотомъ сказала Кити, ощупывая ребенка. — Вы почему же думаете, что онъ узнаетъ?—прибавила она, косясь на плутовски, какъ ей казалось, смотрѣвшіе изъ-подъ надвинувшагося чепчика глаза ребенка, на равномѣрно отдувавшіяся щечки и на его ручку съ красною ладонью, которою онъ выдѣлывалъ кругообразныя движенія.

— Не можетъ быть! Ужъ если бъ узнавалъ, такъ меня бы узналъ,—сказала Кити на утвержденіе Агаѳьи Михайловны и улыбнулась.

Она улыбнулась тому, что, хотя она и говорила, что онъ не можетъ узнавать, сердцемъ она знала, что не только онъ узнаетъ Агаѳью Михайловну, но что онъ все знаетъ и понимаетъ, и знаетъ и понимаетъ еще много такого, чего никто не знаетъ и что она, мать, сама узнала и стала понимать только благодаря ему. Для Агаѳьи Михайловны, для няни, для дѣда, для отца даже Митя былъ живое существо, требующее за собой только матеріальнаго ухода; но для матери онъ уже давно былъ нравственное существо, съ которымъ уже была цѣлая исторія духовныхъ отношеній.

— А вотъ проснется, Богъ дастъ, сами увидите. Какъ вотъ этакъ сдѣлаю, онъ такъ и просіяетъ, голубчикъ. Такъ и просіяетъ, какъ денекъ ясный,—говорила Агаѳья Михайловна.

— Ну, хорошо, хорошо, тогда увидимъ,—прошептала Кити.—Теперь идите, онъ засыпаетъ.

VII.

Агаѳья Михайловна вышла на цыпочкахъ; няня спустила стору, выгнала мухъ изъ-подъ кисейнаго полога кроватки и шершня, бившагося о стекла рамы, и сѣла, махая березовою вянущею вѣткой надъ матерью и ребенкомъ.

— Жара-то, жара! хоть бы Богъ дождичка далъ,—проговорила она.

— Да, да, ш-ш-шъ...—только отвѣчала Кити, слегка покачиваясь и нѣжно прижимая какъ будто перетянутую въ кисти ниточкой, пухлую ручку, которою Митя все слабо махалъ, то закрывая, то открывая глазки. Эта ручка смущала Кити: ей хотѣлось поцѣловать эту ручку, но она боялась сдѣлать это, чтобы не разбудить ребенка. Ручка, наконецъ, перестала двигаться, и глаза закрылись. Только изрѣдка, продолжая свое дѣло, ребенокъ, приподнимая свои длинныя, загнутыя рѣсницы, взглядывалъ на мать, въ полусвѣтѣ казавшимися черными, влажными глазами. Няня перестала махать и задремала. Сверху послышался раскатъ голоса стараго князя и хохотъ Катавасова.

«Вѣрно разговорились безъ меня,—думала Кити,—а все-таки досадно, что Кости нѣтъ. Вѣрно опять зашелъ на пчельникъ. Хоть и грустно, что онъ часто бываетъ тамъ, я все-таки рада. Это развлекаетъ его. Теперь онъ сталъ все веселѣе и лучше, чѣмъ весною. А то онъ былъ такъ мраченъ и такъ мучился, что мнѣ становилось страшно за него. И какой онъ смѣшной!» прошептала она улыбаясь.

Она знала, что мучило ея мужа. Это было его невѣріе. Несмотря на то, что, если бы у нея спросили, полагаетъ ли она, что въ будущей жизни онъ, если не повѣритъ, будетъ погубленъ, она бы должна была согласиться, что онъ будетъ погубленъ,—его невѣріе не дѣлало ея несчастія; и она, признававшая то, что для невѣрующаго не можетъ быть спасенія, и любя болѣе всего на свѣтѣ душу своего мужа, съ улыбкой думала о его невѣріи и говорила сама себѣ, что онъ смѣшной.

«Для чего онъ цѣлый годъ все читаетъ философіи какія-то?—думала она.—Если это все написано въ этихъ книгахъ, то онъ можетъ понять ихъ. Если же неправда тамъ, то зачѣмъ ихъ читать? Онъ самъ говоритъ, что желалъ бы вѣрить. Такъ отчего же онъ не вѣритъ? Вѣрно оттого, что много думаетъ? А много думаетъ отъ уединенія. Все одинъ, одинъ. Съ нами нельзя ему всего говорить. Я думаю, гости эти будутъ пріятны ему, особенно Катавасовъ. Онъ любитъ разсуждать съ нимъ», подумала она и тотчасъ же перенеслась мыслью къ тому, гдѣ удобнѣе положить спать Катавасова—отдѣльно или вмѣстѣ съ Сергѣемъ Иванычемъ. И тутъ ей вдругъ пришла мысль, заставившая ее вздрогнуть отъ волненія и даже встревожить Митю, который за это строго взглянулъ на нее. «Прачка, кажется, не приносила еще бѣлья, а для гостей постельное бѣлье все въ расходѣ. Если не распорядиться, то Агаѳья Михайловна по-

дастъ Сергѣю Иванычу стеленое бѣлье», и при одной мысли объ этомъ кровь бросилась въ лицо Кити.

«Да, я распоряжусь», рѣшила она и, возвращаясь къ прежнимъ мыслямъ, вспомнила, что что-то важное душевное было не додумано еще, и она стала вспоминать, что́. «Да, Костя невѣрующій», опять съ улыбкой вспомнила она.

«Ну, невѣрующій! Лучше пускай онъ будетъ всегда такой, чѣмъ какъ мадамъ Шталь, или какою я хотѣла быть тогда за границей. Нѣтъ, онъ уже не станетъ притворяться».

И недавняя черта его доброты живо возникла передъ ней. Двѣ недѣли тому назадъ было получено кающееся письмо Степана Аркадьевича къ Долли. Онъ умолялъ ее спасти его честь, продать ея имѣніе, чтобы заплатить его долги. Долли была въ отчаяніи, ненавидѣла мужа, презирала, жалѣла, рѣшилась развестись, отказать, но кончила тѣмъ, что согласилась продать часть своего имѣнія. Послѣ этого Кити съ невольною улыбкой умиленія вспомнила сконфуженность своего мужа, его неоднократные неловкіе подходы къ занимавшему его дѣлу и какъ онъ наконецъ, придумавъ одно единственное средство, не оскорбивъ, помочь Долли, предложилъ Кити отдать ей свою часть имѣнія, о чемъ она прежде не догадалась.

«Какой же онъ невѣрующій? Съ его сердцемъ, съ этимъ страхомъ огорчить кого-нибудь, даже ребенка! Все для другихъ, ничего для себя. Сергѣй Ивановичъ такъ и думаетъ, что это обязанность Кости — быть его приказчикомъ. Тоже и сестра. Теперь Долли съ дѣтьми на его опекѣ. Всѣ эти мужики, которые каждый день приходятъ къ нему, какъ будто онъ обязанъ имъ служить».

«Да, только будь такимъ, какъ твой отецъ, только такимъ», проговорила она, передавая Митю нянѣ и притрогиваясь губой къ его щекѣ.

VIII.

Съ той минуты, какъ при видѣ любимаго умирающаго брата Левинъ въ первый разъ взглянулъ на вопросы жизни и смерти сквозь тѣ новыя, какъ онъ называлъ ихъ, убѣжденія, которыя незамѣтно для него въ періодъ отъ двадцати до тридцати четырехъ лѣтъ замѣнили его дѣтскія и юношескія вѣрованія,— онъ ужаснулся не столько смерти, сколько жизни безъ малѣйшаго знанія о томъ, откуда, для чего, зачѣмъ и что̀ она такое. Организмъ, разрушеніе его, неистребимость матеріи, законъ сохраненія силы, развитіе—были тѣ слова, которыя замѣнили ему

прежнюю вѣру. Слова эти и связанныя съ ними понятія были очень хороши для умственныхъ цѣлей; но для жизни они ничего не давали, и Левинъ вдругъ почувствовалъ себя въ положеніи человѣка, который промѣнялъ бы теплую шубу на кисейную одежду и который въ первый разъ на морозѣ несомнѣнно, не разсужденіями, а всѣмъ существомъ своимъ, убѣдился бы, что онъ все равно что голый и что онъ неминуемо долженъ мучительно погибнуть.

Съ той минуты, хотя и не отдавая себѣ въ томъ отчета и продолжая жить попрежнему, Левинъ не переставалъ чувствовать этотъ страхъ за свое незнаніе.

Кромѣ того, онъ смутно чувствовалъ, что то, что̀ онъ называлъ своими убѣжденіями, было не только незнаніе, но что это былъ такой складъ мысли, при которомъ невозможно было знаніе того, что̀ ему нужно было.

Первое время женитьба, новыя радости и обязанности, узнанныя имъ, совершенно заглушили эти мысли; но въ послѣднее время, послѣ родовъ жены, когда онъ жилъ въ Москвѣ безъ дѣла, Левину чаще и чаще, настоятельнѣе и настоятельнѣе сталъ представляться требовавшій разрѣшенія вопросъ.

Вопросъ для него состоялъ въ слѣдующемъ: «если я не признаю тѣхъ отвѣтовъ, которые даетъ христіанство на вопросы моей жизни, то какіе я признаю отвѣты?» И онъ никакъ не могъ найти во всемъ арсеналѣ своихъ убѣжденій не только какихъ-нибудь отвѣтовъ, но ничего похожаго на отвѣтъ.

Онъ былъ въ положеніи человѣка, отыскивающаго пищу въ игрушечныхъ и оружейныхъ лавкахъ.

Невольно безсознательно для себя, онъ теперь во всякой книгѣ, во всякомъ разговорѣ, во всякомъ человѣкѣ искалъ отношенія къ этимъ вопросамъ и разрѣшенія ихъ.

Болѣе всего его при этомъ изумляло и разстраивало то, что большинство людей, его круга и возраста, замѣнивъ, какъ и онъ, прежнія вѣрованія такими же, какъ и онъ, новыми убѣжденіями, не видѣли въ этомъ никакой бѣды и были совершенно довольны и спокойны. Такъ что, кромѣ главнаго вопроса, Левина мучили еще другіе вопросы: искренны ли эти люди? не притворяются ли они? или—не иначе ли какъ-нибудь, яснѣе, чѣмъ онъ, понимаютъ они тѣ отвѣты, которые даетъ наука на занимающіе его вопросы? И онъ старательно изучалъ и мнѣнія этихъ людей, и книги, которыя выражали эти отвѣты.

Одно, что̀ онъ нашелъ, съ тѣхъ поръ какъ вопросы эти стали занимать его, было то, что онъ ошибался, предполагая по вос-

поминаніямъ своего юношескаго университетскаго круга, что религія уже отжила свое время и что ея болѣе не существуетъ. Всѣ хорошіе по жизни близкіе ему люди вѣрили. И старый князь, и Львовъ, такъ полюбившійся ему, и Сергѣй Ивановичъ, и всѣ женщины вѣрили, и жена его вѣрила такъ, какъ онъ вѣрилъ въ первомъ дѣтствѣ, и девяносто девять сотыхъ русскаго народа, весь тотъ народъ, жизнь котораго внушала ему наибольшее уваженіе, вѣрили.

Другое было то, что, прочтя много книгъ, онъ убѣдился, что люди, раздѣлявшіе съ нимъ одинаковыя воззрѣнія, ничего другого не подразумѣвали подъ ними и что они, ничего не объясняя, только отрицали тѣ вопросы, безъ отвѣта на которые, онъ чувствовалъ, что не могъ жить, а старались разрѣшить совершенно другіе, не могущіе интересовать его вопросы, какъ, напримѣръ, о развитіи организмовъ, о механическомъ объясненіи души и т. п.

Кромѣ того, во время родовъ жены съ нимъ случилось необыкновенное для него событіе. Онъ, невѣрующій, сталъ молиться и въ ту минуту, какъ молился, вѣрилъ. Но прошла эта минута, и онъ не могъ дать этому тогдашнему настроенію никакого мѣста въ своей жизни.

Онъ не могъ признать, что онъ тогда зналъ правду, а теперь ошибается; потому что, какъ только онъ начиналъ думать спокойно объ этомъ, все распадалось вдребезги; не могъ признать и того, что онъ тогда ошибался, потому что дорожилъ тогдашнимъ душевнымъ настроеніемъ, а признавая его данью слабости, онъ бы оскверняль тѣ минуты. Онъ былъ въ мучительномъ разладѣ съ самимъ собой и напрягалъ всѣ душевныя силы, чтобы выйти изъ него.

IX.

Мысли эти томили и мучили его то слабѣе, то сильнѣе, но никогда не покидали его. Онъ читалъ и думалъ, и чѣмъ больше онъ читалъ и думалъ, тѣмъ дальше чувствовалъ себя отъ преслѣдуемой имъ цѣли.

Въ послѣднее время въ Москвѣ и въ деревнѣ, убѣдившись, что въ матеріалистахъ онъ не найдетъ отвѣта, онъ перечиталъ и вновь прочелъ и Платона, и Спинозу, и Канта, и Шеллинга, и Гегеля, и Шопенгауера, тѣхъ философовъ, которые не матеріалистически объясняли жизнь.

Мысли казались ему плодотворны, когда онъ или читалъ, или самъ придумывалъ опроверженія противъ другихъ ученій,

въ особенности противъ матеріалистическаго; но какъ только онъ читалъ или самъ придумывалъ разрѣшеніе вопросовъ, такъ всегда повторялось одно и то же. Слѣдуя длинному опредѣленію неясныхъ словъ, какъ: *духъ*, *воля*, *свобода*, *субстанція*, нарочно вдаваясь въ ту ловушку словъ, которую ставили ему философы или онъ самъ себѣ, онъ начиналъ какъ будто что-то понимать. Но стоило забыть искусственный ходъ мысли и изъ жизни вернуться къ тому, что удовлетворяло, когда онъ думалъ, слѣдуя данной нити,—и вдругъ вся эта искусственная постройка заваливалась, какъ карточный домъ, и ясно было, что постройка была сдѣлана изъ тѣхъ же перестановленныхъ словъ, независимо отъ чего-то болѣе важнаго въ жизни, чѣмъ разумъ.

Одно время, читая Шопенгауера, онъ подставилъ на мѣсто его *воли*—*любовь*, и эта новая философія дня на два, пока онъ не отстранился отъ нея, утѣшала его; но она точно такъ же завалилась, когда онъ потомъ изъ жизни взглянулъ на нее, и оказалась кисейною, негрѣющею одеждой.

Братъ Сергѣй Ивановичъ посовѣтовалъ ему прочесть богословскія сочиненія Хомякова. Левинъ прочелъ второй томъ сочиненій Хомякова и, несмотря на оттолкнувшій его сначала полемическій, элегантный и остроумный тонъ, былъ пораженъ въ нихъ ученіемъ о Церкви. Его поразила сначала мысль о томъ, что постиженіе божественныхъ истинъ не дано человѣку, но дано совокупности людей, соединенныхъ любовью—Церкви. Его обрадовала мысль о томъ, какъ легче было повѣрить въ существующую, теперь живущую Церковь, составляющую всѣ вѣрованія людей, имѣющую во главѣ Бога и потому святую и непогрѣшимую, и отъ нея уже принять вѣрованія въ Бога, въ твореніе, въ паденіе, въ искупленіе, чѣмъ начинать съ Бога, далекаго, таинственнаго Бога, творенія и т. д. Но, прочтя потомъ исторію Церкви католическаго писателя и исторію Церкви православнаго писателя и увидавъ, что обѣ Церкви, непогрѣшимыя по сущности своей, отрицаютъ одна другую, онъ разочаровался и въ Хомяковскомъ ученіи о Церкви, и это зданіе разсыпалось такимъ же прахомъ, какъ и философскія постройки.

Всю эту весну онъ былъ не свой человѣкъ и пережилъ ужасныя минуты.

«Безъ знанія того, что̀ я такое и зачѣмъ я здѣсь, нельзя жить. А знать я этого не могу, слѣдовательно нельзя жить», говорилъ себѣ Левинъ.

«Въ безконечномъ времени, въ безконечности матеріи, въ безконечномъ пространствѣ выдѣляется пузырекъ-организмъ,

и пузырекъ этотъ подержится и лопнетъ, и пузырекъ этотъ—я».

Это была мучительная неправда, но это былъ единственный, послѣдній результатъ вѣковыхъ трудовъ мысли человѣческой въ этомъ направленіи.

Это было то послѣднее вѣрованіе, въ которомъ строились всѣ, почти во всѣхъ отрасляхъ, изысканія человѣческой мысли. Это было царствующее убѣжденіе, и Левинъ изъ всѣхъ другихъ объясненій, какъ все-таки болѣе ясное, невольно, самъ не зная когда и какъ, усвоилъ именно это.

Но это не только была неправда, это была жестокая насмѣшка какой-то злой силы, злой, противной, и такой, которой нельзя было подчиняться.

Надо было избавиться отъ этой силы. И избавленіе было въ рукахъ каждаго. Надо было прекратить эту зависимость отъ зла. И было одно средство—смерть.

И, счастливый семьянинъ, здоровый человѣкъ, Левинъ былъ нѣсколько разъ такъ близокъ къ самоубійству, что спряталъ шнурокъ, чтобы не повѣситься на немъ, и боялся ходить съ ружьемъ, чтобы не застрѣлиться.

Но Левинъ не застрѣлился и не повѣсился и продолжалъ жить.

X.

Когда Левинъ думалъ о томъ, чтó онъ такое и для чего онъ живетъ, онъ не находилъ отвѣта и приходилъ въ отчаяніе; но когда онъ переставалъ спрашивать себя объ этомъ, онъ какъ будто зналъ, и чтó онъ такое и для чего живетъ, потому что твердо и опредѣленно дѣйствовалъ и жилъ; даже въ это послѣднее время онъ гораздо тверже и опредѣленнѣе жилъ, чѣмъ прежде.

Вернувшись въ началѣ іюня въ деревню, онъ вернулся и къ своимъ обычнымъ занятіямъ. Хозяйство сельское, отношенія съ мужиками и сосѣдями, домашнее хозяйство, дѣла сестры и брата, которыя были у него на рукахъ, отношенія съ женой, родными, заботы о ребенкѣ, новая пчелиная охота, которою онъ увлекся съ нынѣшней весны, занимали все его время.

Дѣла эти занимали его не потому, чтобъ онъ оправдывалъ ихъ для себя какими-нибудь общими взглядами, какъ онъ это дѣлывалъ прежде; напротивъ, теперь, съ одной стороны, разочаровавшись неудачей прежнихъ предпріятій для общей пользы, съ другой стороны, слишкомъ занятый своими мыслями и са-

мымъ количествомъ дѣлъ, которыя со всѣхъ сторонъ наваливались на него, онъ совершенно оставилъ всякія соображенія объ общей пользѣ, и дѣла эти занимали его только потому, что ему казалось, что онъ долженъ былъ дѣлать то, что онъ дѣлалъ,—что онъ не могъ иначе.

Прежде (это началось почти съ дѣтства и все росло до полной возмужалости), когда онъ старался сдѣлать что-нибудь такое, что сдѣлало бы добро для всѣхъ, для человѣчества, для Россіи, для всей деревни, онъ замѣчалъ, что мысли объ этомъ были пріятны, но самая дѣятельность всегда бывала нескладная, не было полной увѣренности въ томъ, что дѣло необходимо нужно, и самая дѣятельность, казавшаяся сначала столь большою, все уменьшаясь и уменьшаясь, сходила на-нѣтъ; теперь же, когда онъ, послѣ женитьбы, сталъ болѣе и болѣе ограничиваться жизнью для себя, онъ, хотя не испытывалъ болѣе никакой радости при мысли о своей дѣятельности, чувствовалъ увѣренность, что дѣло его необходимо, видѣлъ, что оно спорится гораздо лучше, чѣмъ прежде, и что оно все становится больше и больше.

Теперь онъ, точно противъ воли, все глубже и глубже врѣзывался въ землю, какъ плугъ, такъ что ужъ и не могъ выбраться, не отворотивъ борозды.

Жить семьѣ такъ, какъ привыкли жить отцы и дѣды, то-есть въ тѣхъ же условіяхъ образованія и въ тѣхъ же воспитывать дѣтей, было несомнѣнно нужно. Это было такъ же нужно, какъ обѣдать, когда ѣсть хочется; и для этого такъ же нужно, какъ приготовить обѣдъ, нужно было вести хозяйственную машину въ Покровскомъ такъ, чтобы были доходы. Такъ же несомнѣнно, какъ нужно отдать долгъ, нужно было держать родовую землю въ такомъ положеніи, чтобы сынъ, получивъ ее въ наслѣдство, сказалъ такъ же спасибо отцу, какъ Левинъ говорилъ спасибо дѣду за все то, что онъ настроилъ и насадилъ. И для этого нужно было не отдавать землю внаймы, а самому хозяйничать, держать скотину, навозить поля, сажать лѣса.

Нельзя было не дѣлать дѣлъ Сергѣя Ивановича, сестры, всѣхъ мужиковъ, ходившихъ за совѣтами и привыкшихъ къ этому, какъ нельзя бросить ребенка, котораго держишь уже на рукахъ. Нужно было позаботиться объ удобствахъ приглашенной свояченицы съ дѣтьми и жены съ ребенкомъ и нельзя было не быть съ ними хоть малую часть дня.

И все это вмѣстѣ съ охотой за дичью и новою пчелиною охотой наполняло всю ту жизнь Левина, которая не имѣла для него никакого смысла, когда онъ думалъ.

Но кромѣ того, что Левинъ твердо зналъ, *что* ему надо дѣлать, онъ точно такъ же зналъ, *какъ* ему надо все это дѣлать и какое дѣло важнѣе другого.

Онъ зналъ, что нанимать рабочихъ надо было какъ можно дешевле; но брать въ кабалу ихъ, давая впередъ деньги, дешевле, чѣмъ они стоятъ, не надо было, хотя это и было очень выгодно. Продавать въ безкормицу мужикамъ солому можно было, хотя и жалко было ихъ; но постоялый дворъ и питейный, хотя они и доставляли доходъ, надо было уничтожить. За порубку лѣсовъ надо было взыскивать сколь возможно строже, но за загнанную скотину нельзя было брать штрафовъ; и хотя это и огорчало караульщиковъ и уничтожало страхъ, нельзя было не отпускать загнанную скотину.

Петру, платившему ростовщику десять процентовъ въ мѣсяцъ, нужно было дать взаймы, чтобы выкупить его; но нельзя было спустить и отсрочить оброкъ мужикамъ неплательщикамъ. Нельзя было пропустить приказчику то, что лужокъ не былъ скошенъ и трава пропала задаромъ; но нельзя было и косить восемьдесятъ десятинъ, на которыхъ былъ посаженъ молодой лѣсъ. Нельзя было простить работнику, ушедшему въ рабочую пору домой потому, что у него отецъ умеръ — какъ ни жалко было его, — и надо было расчесть его дешевле за прогульные дорогіе мѣсяцы; но нельзя было и не выдавать мѣсячины старымъ, ни на что ненужнымъ дворовымъ.

Левинъ зналъ тоже, что, возвращаясь домой, надо было прежде всего идти къ женѣ, которая была нездорова, а мужикамъ, дожидавшимся его уже три часа, можно было еще подождать, и зналъ, что, несмотря на все удовольствіе, испытываемое имъ при сажаніи роя, надо было лишиться этого удовольствія и, предоставивъ старику безъ себя сажать рой, пойти толковать съ мужиками, нашедшими его на пчельникѣ.

Хорошо ли, дурно ли онъ поступалъ, онъ не зналъ, и не только не сталъ бы теперь доказывать, но избѣгалъ разговоровъ и мыслей объ этомъ.

Разсужденія приводили его въ сомнѣнія и мѣшали ему видѣть, что должно и что не должно. Когда же онъ не думалъ, а жилъ, онъ не переставая чувствовалъ въ душѣ своей присутствіе непогрѣшимаго судьи, рѣшавшаго, который изъ двухъ возможныхъ поступковъ лучше и который хуже, и, какъ только онъ поступалъ не такъ, какъ надо, онъ тотчасъ же чувствовалъ это.

Такъ онъ жилъ, не зная и не видя возможности знать, что онъ такое и для чего живетъ на свѣтѣ, и мучаясь этимъ незна-

ніемъ до такой степени, что боялся самоубійства, и вмѣстѣ съ тѣмъ твердо прокладывая свою особенную опредѣленную дорогу въ жизни.

XI.

Въ тотъ день, какъ Сергѣй Ивановичъ пріѣхалъ въ Покровское, Левинъ находился въ одномъ изъ своихъ самыхъ мучительныхъ дней.

Было самое спѣшное, рабочее время, когда во всемъ народѣ проявляется такое необыкновенное напряженіе самопожертвованія въ трудѣ, какое не проявляется ни въ какихъ другихъ условіяхъ жизни и которое высоко цѣнимо бы было, если бы люди, проявляющіе эти качества, сами цѣнили ихъ, если бы оно не повторялось каждый годъ и если бы послѣдствія этого напряженія не были такъ просты.

Скосить и сжать рожь и овесъ и свезти, докосить луга, передвоить паръ, обмолотить сѣмена и посѣять озимое,—все это кажется просто и обыкновенно; а чтобы успѣть сдѣлать все это, надо, чтобы отъ стараго до малаго всѣ деревенскіе люди работали не переставая въ эти три-четыре недѣли втрое больше, чѣмъ обыкновенно, питаясь квасомъ, лукомъ и чернымъ хлѣбомъ, молотя и возя снопы по ночамъ и отдавая сну не болѣе двухъ-трехъ часовъ въ сутки. И каждый годъ это дѣлается по всей Россіи.

Проживя бо̀льшую часть жизни въ деревнѣ и въ близкихъ сношеніяхъ съ народомъ, Левинъ всегда въ рабочую пору чувствовалъ, что это общее народное возбужденіе сообщается и ему.

Съ утра онъ ѣздилъ на первый посѣвъ ржи, на овесъ, который возили въ скирды, и, вернувшись домой къ вставанью жены и свояченицы, напился съ ними кофею и ушелъ пѣшкомъ на хуторъ, гдѣ должны были пустить вновь установленную молотилку для приготовленія сѣмянъ.

Цѣлый день этотъ Левинъ, разговаривая съ приказчикомъ и мужиками и дома разговаривая съ женой, съ Долли, съ дѣтьми ея, съ тестемъ, думалъ объ одномъ и одномъ, что занимало его въ это время помимо хозяйственныхъ заботъ, и во всемъ искалъ отношенія къ своему вопросу: «что же я такое? и гдѣ я? и зачѣмъ я здѣсь?»

Стоя въ холодкѣ вновь покрытой риги съ необсыпавшимся еще пахучимъ листомъ лещиноваго рѣшетника, прижатаго къ облупленнымъ свѣжимъ осиновымъ слегамъ соломенной крыши,

Левинъ глядѣлъ то сквозь открытыя ворота, въ которыхъ толкалась и играла сухая и горькая пыль молотьбы, на освѣщенную горячимъ солнцемъ траву гумна и свѣжую солому, только что вынесенную изъ сарая, то на пестроголовыхъ бѣлогрудыхъ ласточекъ, съ присвистомъ влетавшихъ подъ крышу и, трепля крыльями, останавливавшихся въ просвѣтахъ воротъ, то на народъ, копошившійся въ темной и пыльной ригѣ, и думалъ странныя мысли.

«Зачѣмъ все это дѣлается?—думалъ онъ. — Зачѣмъ я тутъ стою, заставляю ихъ работать? Изъ чего они всѣ хлопочутъ и стараются показать при мнѣ свое усердіе? Изъ чего бьется эта старуха Матрена, моя знакомая? (Я лѣчилъ ее, когда на пожарѣ на нее упала матица), — думалъ онъ, глядя на худую бабу, которая, двигая граблями зерно, напряженно ступала черно-загорѣлыми босыми ногами по неровному жесткому току.— Тогда она выздоровѣла; но не нынче-завтра, черезъ десять лѣтъ ее закопаютъ, и ничего не останется ни отъ нея, ни отъ этой щеголихи въ красной поневѣ, которая такимъ ловкимъ, нѣжнымъ движеніемъ отбиваетъ изъ мякины колосъ. И ее закопаютъ, и пѣгаго мерина этого очень скоро,—думалъ онъ, глядя на тяжело носящую брюхомъ и часто дышащую раздутыми ноздрями лошадь, переступающую по двигавшемуся изъ-подъ нея наклонному колесу.—И ее закопаютъ, и Ѳедора подавальщика съ его курчавою, полною мякины бородой и прорванною на бѣломъ плечѣ рубашкой закопаютъ. А онъ разрываетъ снопы, и что-то командуетъ, и кричитъ на бабъ, и быстрымъ движеніемъ поправляетъ ремень на маховомъ колесѣ. И главное—не только ихъ, но меня закопаютъ, и ничего не останется. Къ чему?»

Онъ думалъ это и вмѣстѣ съ тѣмъ глядѣлъ на часы, чтобы расчесть, сколько обмолотятъ въ часъ. Ему нужно было это знать, чтобы, судя по этому, задать урокъ на день.

«Скоро ужъ часъ, а только начали третью копну», подумалъ Левинъ, подошелъ къ подавальщику и, перекрикивая грохотъ машины, сказалъ ему, чтобы онъ рѣже пускалъ.

— Помногу подаешь, Ѳедоръ! Видишь—запирается, оттого не споро. Разравнивай!

Почернѣвшій отъ липнувшей къ потному лицу пыли Ѳедоръ прокричалъ что-то въ отвѣтъ, но все дѣлалъ не такъ, какъ хотѣлось Левину.

Левинъ, подойдя къ барабану, отстранилъ Ѳедора и самъ взялся подавать.

Проработавъ до обѣда мужицкаго, до котораго уже оставалось недолго, онъ вмѣстѣ съ подавальщикомъ вышелъ изъ риги

и разговорился, остановившись подлѣ сложеннаго на току для сѣмянъ аккуратнаго желтаго скирда сжатой ржи.

Подавальщикъ былъ изъ дальней деревни, изъ той, въ которой Левинъ прежде отдавалъ землю на артельномъ началѣ. Теперь она была отдана дворнику внаймы.

Левинъ разговорился съ подавальщикомъ Ѳедоромъ объ этой землѣ и спросилъ, не возьметъ ли землю на будущій годъ Платонъ, богатый и хорошій мужикъ той же деревни.

— Цѣна дорога. Платону не выручить, Константинъ Дмитріевичъ,—отвѣчалъ мужикъ, выбирая колосья изъ потной пазухи.

— Да какъ же Кирилловъ выручаетъ?

— Митюхѣ (такъ презрительно назалъ мужикъ дворника), Константинъ Дмитріевичъ, какъ не выручить! Этотъ нажметъ, да свое выберетъ. Онъ христіанина не пожалѣетъ. А дядя Ѳоканычъ (такъ онъ звалъ старика Платона) развѣ станетъ драть шкуру съ человѣка? Гдѣ въ долгъ, гдѣ и спуститъ. Анъ и не доберетъ. Тоже человѣкомъ.

— Да зачѣмъ же онъ будетъ спускать?

— Да такъ, значитъ — люди разные; одинъ человѣкъ только для нужды своей живетъ, хоть бы Митюха, только брюхо набиваетъ, а Ѳоканычъ—правдивый старикъ. Онъ для души живетъ. Бога помнитъ.

— Какъ Бога помнитъ? Какъ для души живетъ? — почти вскрикнулъ Левинъ.

— Извѣстно какъ: по правдѣ, по Божью. Вѣдь люди разные. Вотъ хоть васъ взять, тоже не обидите человѣка...

— Да, да, прощай! — проговорилъ Левинъ, задыхаясь отъ волненія, и, повернувшись, взялъ свою палку и быстро пошелъ прочь къ дому. При словахъ мужика о томъ, что Ѳоканычъ живетъ для души, по правдѣ, по Божью, неясныя, но значительныя мысли толпой какъ будто вырвались откуда-то изъ заперти, и всѣ, стремясь къ одной цѣли, закружились въ его головѣ, ослѣпляя его своимъ свѣтомъ.

XII.

Левинъ шелъ большими шагами по большой дорогѣ, прислушиваясь не столько къ своимъ мыслямъ (онъ не могъ еще разобрать ихъ), сколько къ душевному состоянію, прежде никогда имъ не испытанному.

Слова, сказанныя мужикомъ, произвели въ его душѣ дѣйствіе электрической искры, вдругъ преобразившей и сплотившей

въ одно цѣлый рой разрозненныхъ, безсильныхъ, отдѣльныхъ мыслей, никогда не перестававшихъ занимать его. Мысли эти незамѣтно для него самого занимали его и въ то время, когда онъ говорилъ объ отдачѣ земли.

Онъ чувствовалъ въ своей душѣ что-то новое и съ наслажденіемъ ощупывалъ это новое, не зная еще, что это такое.

«Не для нуждъ своихъ жить, а для Бога. Для какого Бога? И что можно сказать безсмысленнѣе того, что онъ сказалъ? Онъ сказалъ что не надо жить для своихъ нуждъ, т.-е. что не надо жить для того, что мы понимаемъ, къ чему насъ влечетъ, чего намъ хочется, а надо жить для чего-то непонятнаго, для Бога, котораго никто ни понять, ни опредѣлить не можетъ. И что же? Я не понялъ этихъ безсмысленныхъ словъ Ѳедора? А, понявъ, усомнился въ ихъ справедливости? нашелъ ихъ глупыми, неясными, неточными?

«Нѣтъ, я понялъ его и совершенно такъ, какъ онъ понимаетъ, понялъ вполнѣ и яснѣе, чѣмъ я понимаю что-нибудь въ жизни, и никогда въ жизни не сомнѣвался и не могу усомниться въ этомъ. И не я одинъ, а всѣ, весь міръ одно это вполнѣ понимаютъ и въ одномъ этомъ не сомнѣваются и всегда согласны.

«А я искалъ чудесъ, жалѣлъ, что не видалъ чуда, которое бы убѣдило меня. Чудо матеріальное соблазнило бы меня. А вотъ чудо, единственно возможное, постоянно существующее, со всѣхъ сторонъ окружающее меня, и я не замѣчалъ его!

«Ѳедоръ говоритъ, что Кирилловъ дворникъ живетъ для брюха. Это понятно и разумно. Мы всѣ, какъ разумныя существа, не можемъ иначе жить, какъ для брюха. И вдругъ тотъ же Ѳедоръ говоритъ, что для брюха жить дурно, а надо жить для правды, для Бога, и я съ намека понимаю его! И я, и милліоны людей, жившихъ вѣка тому назадъ и живущихъ теперь, мужики, нищіе духомъ и мудрецы, думавшіе и писавшіе объ этомъ, своимъ неяснымъ языкомъ говорящіе то же,—мы всѣ согласны въ этомъ одномъ: для чего надо жить и что хорошо. Я со всѣми людьми имѣю только одно твердое, несомнѣнное и ясное знаніе; и знаніе это не можетъ быть объяснено разумомъ: оно внѣ его и не имѣетъ никакихъ причинъ и не можетъ имѣть никакихъ послѣдствій.

«Если добро имѣетъ причину, оно уже не добро; если оно имѣетъ послѣдствіе—награду, оно тоже не добро. Стало-быть, добро внѣ цѣпи причинъ и слѣдствій.

«И его-то я знаю, и всѣ мы знаемъ.

«Какое же можетъ быть чудо больше этого?

«Неужели я нашелъ разрѣшеніе всего, неужели кончены теперь мои страданія?» думалъ Левинъ, шагая по пыльной дорогѣ, не замѣчая ни жару, ни усталости и испытывая чувство утоленія долгаго страданія. Чувство это было такъ радостно, что оно казалось ему невѣроятнымъ. Онъ задыхался отъ волненія и, не въ силахъ идти дальше, сошелъ съ дороги въ лѣсъ и сѣлъ въ тѣни осинъ на нескошенную траву. Онъ снялъ съ потной головы шляпу и легъ, облокотившись на руку, на сочную, лопушистую лѣсную траву.

«Да, надо уяснить себѣ и понять», думалъ онъ, пристально глядя на несмятую траву, которая была передъ нимъ, и слѣдя за движеніями зеленой букашки, поднимавшейся по стеблю пырея и задерживаемой въ своемъ подъемѣ листомъ снытки. «Что я открылъ? — спросилъ онъ себя, отворачивая листъ снытки, чтобы онъ не мѣшалъ букашкѣ, и пригибая другую траву, чтобы букашка перешла на нее. Что радуетъ меня? что я открылъ?

«Я ничего не открылъ. Я только узналъ то, что я знаю. Я понялъ ту силу, которая не въ одномъ прошедшемъ дала мнѣ жизнь, но теперь даетъ мнѣ жизнь. Я освободился отъ обмана, я узналъ хозяина.

«Прежде я говорилъ, что въ моемъ тѣлѣ, въ тѣлѣ этой травы и этой букашки (вотъ она не захотѣла на траву, расправила крылья и улетѣла) совершается по физическимъ, химическимъ, физіологическимъ законамъ обмѣнъ матеріи. А во всѣхъ насъ, вмѣстѣ съ осинами, и съ облаками, и съ туманными пятнами совершается развитіе. Развитіе изъ чего? во что? Безконечное развитіе и борьба... Точно можетъ быть какое-нибудь направленіе и борьба въ безконечномъ! И я удивлялся, что, несмотря на самое большое напряженіе мысли по этому пути, мнѣ всетаки не открывается смыслъ жизни, смыслъ моихъ побужденій и стремленій. Теперь же я говорю, что я знаю смыслъ моей жизни: жить для Бога, для души. И смыслъ этотъ, несмотря на свою ясность, таинственъ и чудесенъ. Таковъ же и смыслъ всего существующаго. Да, гордость», сказалъ онъ себѣ, переваливаясь на животъ и начиная завязывать узломъ стебли травъ, стараясь не сломать ихъ.

«И не только гордость ума, а глупость ума. А главное—плутовство, именно плутовство ума. Именно мошенничество ума», повторилъ онъ.

И онъ вкратцѣ повторилъ самъ себѣ весь ходъ своей мысли за эти послѣдніе два года, начало котораго была ясная, очевидная мысль о смерти при видѣ любимаго безнадежно больного брата.

Въ первый разъ тогда понявъ ясно, что для всякаго человѣка и для него впереди ничего не было кромѣ страданія, смерти и вѣчнаго забвенія, онъ рѣшилъ, что такъ нельзя жить, что надо или объяснить свою жизнь такъ, чтобы она не представлялась злою насмѣшкой какого-то дьявола, или застрѣлиться.

Но онъ не сдѣлалъ ни того, ни другого, а продолжалъ жить, мыслить и чувствовать и даже въ это самое время женился и испыталъ много радостей и былъ счастливъ, когда не думалъ о значеніи своей жизни.

Что жъ это значило? Это значило, что онъ жилъ хорошо, но думалъ дурно.

Онъ жилъ (не сознавая этого) тѣми духовными истинами, которыя онъ всосалъ съ молокомъ, а думалъ, не только не признавая этихъ истинъ, но старательно обходя ихъ.

Теперь ему ясно было, что онъ могъ жить только благодаря тѣмъ вѣрованіямъ, въ которыхъ онъ былъ воспитанъ.

«Что бы я былъ такое и какъ бы прожилъ свою жизнь, если бы не имѣлъ этихъ вѣрованій, не зналъ, что надо жить для Бога, а не для своихъ нуждъ? Я бы грабилъ, лгалъ, убивалъ. Ничего изъ того, что составляетъ главныя радости моей жизни, не существовало бы для меня». И, дѣлая самыя большія усилія воображенія, онъ все-таки не могъ представить себѣ того звѣрскаго существа, которое бы былъ онъ самъ, если бы не зналъ того, для чего онъ жилъ.

«Я искалъ отвѣта на мой вопросъ. А отвѣта на мой вопросъ не могла дать мысль,—она несоизмѣрима съ вопросомъ. Отвѣтъ мнѣ дала сама жизнь въ моемъ знаніи того, что хорошо и что дурно. А знаніе это я не пріобрѣлъ ничѣмъ, но оно дано мнѣ вмѣстѣ со всѣми, *дано* потому, что я ниоткуда не могъ взять его.

«Откуда взялъ я это? Разумомъ, что ли, дошелъ я до того, что надо любить ближняго и не душить его? Мнѣ сказали это въ дѣтствѣ, и я радостно повѣрилъ, потому что мнѣ сказали то, что было у меня въ душѣ. А кто открылъ это? Не разумъ. Разумъ открылъ борьбу за существованіе и законъ, требующій того, чтобы душить всѣхъ, мѣшающихъ удовлетворенію моихъ желаній. Это выводъ разума. А любить другого не могъ открыть разумъ, потому что это неразумно».

XIII.

И Левину вспомнилась недавняя сцена съ Долли и ея дѣтьми. Дѣти, оставшись одни, стали жарить малину на свѣчахъ и лить молоко фонтаномъ въ ротъ. Мать, заставъ ихъ на дѣлѣ,

при Левинѣ стала внушать имъ, какого труда стоитъ большимъ то, что они разрушаютъ, и то, что трудъ этотъ дѣлается для нихъ, что если они будутъ бить чашки, то имъ не изъ чего будетъ пить чай, а если будутъ разливать молоко, то имъ нечего будетъ ѣсть и они умрутъ съ голоду.

И Левина поразило то спокойное, унылое недовѣріе, съ которымъ дѣти слушали эти слова матери. Они только были огорчены тѣмъ, что прекращена ихъ занимательная игра, и не вѣрили ни слову изъ того, что говорила мать. Они и не могли вѣрить, потому что не могли себѣ представить всего объема того, чѣмъ они пользуются, и потому не могли представить себѣ, что то, что они разрушаютъ, есть то самое, чѣмъ они живутъ.

«Это все само собой,—думали они,—и интереснаго и важнаго въ этомъ ничего нѣтъ, потому что это всегда было и будетъ. И всегда все одно и то же. Объ этомъ намъ думать нечего, это готово; а намъ хочется выдумать что-нибудь свое и новенькое. Вотъ мы выдумали въ чашку положить малину и жарить ее на свѣчкѣ, а молоко лить фонтаномъ прямо въ ротъ другъ другу. Это весело и ново и ничѣмъ не хуже, чѣмъ пить изъ чашекъ.

«Развѣ не то же самое дѣлаемъ мы, дѣлалъ я, разумомъ отыскивая значеніе силъ природы и смыслъ жизни человѣка?» продолжалъ онъ думать.

«И развѣ не то же дѣлаютъ всѣ теоріи философскія, путемъ мысли страннымъ, несвойственнымъ человѣку, приводя его къ знанію того, что онъ давно знаетъ и такъ вѣрно знаетъ, что безъ того и жить бы не могъ? Развѣ не видно ясно въ развитіи теоріи каждаго философа, что онъ впередъ знаетъ такъ же несомнѣнно, какъ и мужикъ Өедоръ, и ничуть не яснѣе его главный смыслъ жизни и только сомнительнымъ умственнымъ путемъ хочетъ вернуться къ тому, что всѣмъ извѣстно?

«Ну-ка, пустить однихъ дѣтей, чтобъ они сами пріобрѣли, сдѣлали посуду, подоили молоко и т. д. Стали бы они шалить? Они бы съ голоду померли. Ну-ка, пустите насъ съ нашими страстями, мыслями, безъ понятія о единомъ Богѣ и Творцѣ или безъ понятія того, что есть добро, безъ объясненія зла нравственнаго!

«Ну-ка, безъ этихъ понятій постройте что-нибудь!

«Мы только разрушаемъ, потому что мы духовно сыты. Именно дѣти!

«Откуда у меня радостное, общее съ мужикомъ знаніе, которое одно даетъ мнѣ спокойствіе души? Откуда взялъ я это?

«Я, воспитанный въ понятіи Бога, христіаниномъ, наполнивъ всю свою жизнь тѣми духовными благами, которыя дало мнѣ христіанство, преисполненный весь и живущій этими благами, я, какъ дѣти, не понимая ихъ, разрушаю, то-есть хочу разрушить, то, чѣмъ я живу. А какъ только наступаетъ важная минута жизни, какъ дѣти, когда имъ холодно и голодно, я иду къ Нему, и еще менѣе, чѣмъ дѣти, которыхъ мать бранитъ за ихъ дѣтскія шалости, я чувствую, что мои дѣтскія попытки съ жиру бѣситься не зачитываются мнѣ.

«Да, то, что я знаю, я знаю не разумомъ, а это дано мнѣ, открыто мнѣ, и я знаю это сердцемъ, вѣрою въ то главное, что исповѣдуетъ Церковь.

«Церковь? Церковь!» повторилъ себѣ Левинъ, перелегъ на другую сторону и, облокотившись на руку, сталъ глядѣть вдаль, на сходившее съ той стороны къ рѣкѣ стадо.

«Но могу ли я вѣрить во все, что исповѣдуетъ Церковь?» думалъ онъ, испытывая себя и придумывая все то, что могло разрушить его теперешнее спокойствіе. Онъ нарочно сталъ вспоминать тѣ ученія Церкви, которыя болѣе всего всегда казались ему странными и соблазняли его. «Твореніе? А я чѣмъ же объяснялъ существованіе? Существованіемъ? Ничѣмъ?—Дьяволъ и грѣхъ.—А чѣмъ я объясняю зло?.. Искупитель?..

«Но я ничего, ничего не знаю и не могу знать, какъ только то, что мнѣ сказано вмѣстѣ со всѣми».

И ему теперь казалось, что не было ни одного изъ вѣрованій Церкви, которое бы нарушало главное—вѣру въ Бога, въ добро, какъ единственное назначеніе человѣка.

Подъ каждое вѣрованіе Церкви могло быть подставлено вѣрованіе въ служеніе правдѣ вмѣсто нуждъ. И каждое не только не нарушало этого, но было необходимо для того, чтобы совершалось то главное, постоянно проявляющееся на землѣ чудо, состоящее въ томъ, чтобы возможно было каждому вмѣстѣ съ милліонами разнообразнѣйшихъ людей, мудрецовъ и юродивыхъ, дѣтей и стариковъ—со всѣми, съ мужикомъ, съ Львовымъ, съ Кити, съ нищими и царями, понимать несомнѣнно одно и то же и слагать ту жизнь души, для которой одной стоитъ жить и которую одну мы цѣнимъ.

Лежа на спинѣ, онъ смотрѣлъ теперь на высокое, безоблачное небо. «Развѣ я не знаю, что это—безконечное пространство и что оно не круглый сводъ? Но какъ бы я ни щурился и ни напрягалъ свое зрѣніе, я не могу видѣть его не круглымъ и не ограниченнымъ, и, несмотря на свое знаніе о безконечномъ пространствѣ, я несомнѣнно правъ, когда я вижу твердый го-

лубой сводъ, и болѣе правъ, чѣмъ когда я напрягаюсь видѣть дальше его».

Левинъ перестал ъ уже думать и только какъ бы прислушивался къ таинственнымъ голосамъ, о чемъ-то радостно и озабоченно переговаривавшимся между собой.

«Неужели это вѣра?» подумалъ онъ, боясь вѣрить своему счастью.—Боже мой, благодарю Тебя!—проговорилъ онъ, проглатывая поднимавшіяся рыданія и вытирая обѣими руками слезы, которыми полны были его глаза.

XIV.

Левинъ смотрѣлъ передъ собой и видѣлъ стадо, потомъ увидалъ свою телѣжку, запряженную Воронымъ, и кучера, который, подъѣхавъ къ стаду, поговорилъ что-то съ пастухомъ; потомъ онъ уже вблизи отъ себя услыхалъ звукъ колесъ и фырканье сытой лошади; но онъ такъ былъ поглощенъ своими мыслями, что онъ и не подумалъ о томъ, зачѣмъ ѣдетъ къ нему кучеръ.

Онъ вспомнилъ это только тогда, когда кучеръ, уже совсѣмъ подъѣхавъ къ нему, окликнулъ его.

— Барыня послали. Пріѣхали братецъ и еще какой-то баринъ.

Левинъ сѣлъ въ телѣжку и взялъ вожжи.

Какъ бы пробудившись отъ сна, Левинъ долго не могъ опомниться. Онъ оглядывалъ сытую лошадь, взмылившуюся между ляжками и на шеѣ, гдѣ терлись поводки, оглядывалъ Ивана кучера, сидѣвшаго подлѣ него, и вспоминалъ о томъ, что онъ ждалъ брата, что жена вѣроятно безпокоится его долгимъ отсутствіемъ, и старался догадаться, кто былъ гость, пріѣхавшій съ братомъ. И братъ, и жена, и неизвѣстный гость представлялись ему теперь иначе, чѣмъ прежде. Ему казалось, что теперь отношенія со всѣми людьми уже будутъ другія.

«Съ братомъ теперь не будетъ той отчужденности, которая всегда была между ними,—споровъ не будетъ; съ Кити никогда не будетъ ссоръ, съ гостемъ, кто бы онъ ни былъ, буду ласковъ и добръ, съ людьми, съ Иваномъ—все будетъ другое».

Сдерживая на тугихъ вожжахъ фыркающую отъ нетерпѣнія и просящую хода добрую лошадь, Левинъ оглядывался на сидѣвшаго подлѣ себя Ивана, не знавшаго, что дѣлать своими, оставшимися безъ работы, руками, и безпрестанно прижимавшаго свою отдувавшуюся рубашку, и искалъ предлога для начала разговора съ нимъ. Онъ хотѣлъ сказать, что напрасно Иванъ

высоко подтянулъ черезсѣдельню, но это было похоже на упрекъ, а ему хотѣлось любовнаго разговора. Другого же ничего ему не приходило въ голову.

— Вы извольте вправо взять, а то пень,—сказалъ кучеръ, поправляя за вожжу Левина.

— Пожалуйста, не трогай и не учи меня!—сказалъ Левинъ, раздосадованный этимъ вмѣшательствомъ кучера. Точно такъ же, какъ и всегда, вмѣшательство привело его въ досаду, и онъ тотчасъ же съ грустью почувствовалъ, какъ ошибочно было его предположеніе о томъ, чтобы душевное настроеніе могло тотчасъ же измѣнить его въ соприкосновеніи съ дѣйствительностью.

Не доѣзжая съ четверть версты до дома, Левинъ увидалъ бѣгущихъ ему навстрѣчу Гришу и Таню.

— Дядя Костя! И мама идетъ, и дѣдушка, и Сергѣй Ивановичъ, и еще кто-то,—говорили они, влѣзая на телѣжку.

— Да кто?

— Ужасно страшный! И вотъ такъ руками дѣлаетъ,—сказала Таня, поднимаясь въ телѣжкѣ и передразнивая Катавасова.

— Да старый или молодой?—смѣясь спрашивалъ Левинъ, которому представленіе Тани напоминало кого-то.

«Ахъ, только бы не непріятный человѣкъ!» подумалъ Левинъ.

Только загнувъ за поворотъ дороги и увидавъ шедшихъ навстрѣчу, Левинъ узналъ Катавасова въ соломенной шляпѣ, шедшаго, точно такъ размахивая руками, какъ представляла Таня.

Катавасовъ очень любилъ говорить о философіи, имѣя о ней понятіе отъ естественниковъ, никогда не занимавшихся философіей, и въ Москвѣ Левинъ въ послѣднее время много спорилъ съ нимъ.

И одинъ изъ такихъ разговоровъ, въ которомъ Катавасовъ очевидно думалъ, что онъ одержалъ верхъ, было первое, что вспомнилъ Левинъ, узнавъ его.

«Нѣтъ, ужъ спорить и легкомысленно высказывать свои мысли ни за что не буду», подумалъ онъ.

Выйдя изъ телѣжки и поздоровавшись съ братомъ и Катавасовымъ, Левинъ спросилъ про жену.

— Она перенесла Митю въ Колокъ (это былъ лѣсъ около дома). Хотѣла устроить его тамъ, а то въ домѣ жарко.—сказала Долли. Левинъ всегда отсовѣтовалъ женѣ носить ребенка въ лѣсъ, находя это опаснымъ, и извѣстіе это было ему непріятно.

— Носится съ нимъ изъ мѣста въ мѣсто,—улыбаясь сказалъ князь.—Я ей совѣтовалъ попробовать снести его на ледникъ.

— Она хотѣла придти на пчельникъ. Она думала, что ты тамъ. Мы туда идемъ,—сказала Долли.

— Ну, что ты дѣлаешь?—сказалъ Сергѣй Ивановичъ, отставая отъ другихъ и равняясь съ братомъ.

— Да ничего особеннаго. Какъ всегда, занимаюсь хозяйствомъ,—отвѣчалъ Левинъ.—Что же ты, надолго? Мы такъ давно ждали.

— Недѣльки на двѣ. Очень много дѣла въ Москвѣ.

При этихъ словахъ глаза братьевъ встрѣтились, и Левинъ, несмотря на всегдашнее и теперь особенно сильное въ немъ желаніе быть въ дружескихъ и главное простыхъ отношеніяхъ съ братомъ, почувствовалъ, что ему неловко смотрѣть на него. Онъ опустилъ глаза и не зналъ, что̀ сказать.

Перебирая предметы разговора такіе, какіе были бы пріятны Сергѣю Ивановичу и отвлекли бы его отъ разговора о сербской войнѣ и славянскаго вопроса, о которомъ онъ намекалъ упоминаніемъ о занятіяхъ въ Москвѣ, Левинъ заговорилъ о книгѣ Сергѣя Ивановича.

— Ну что, были рецензіи о твоей книгѣ?—спросилъ онъ.

Сергѣй Ивановичъ улыбнулся на умышленность вопроса.

— Никто не занятъ этимъ, и я менѣе другихъ, — сказалъ онъ.—Посмотрите, Дарья Александровна, будетъ дождикъ,—прибавилъ онъ, указывая зонтикомъ на показавшіяся надъ макушками осинъ бѣлыя тучки.

И довольно было этихъ словъ, чтобы то не враждебное, но холодное отношеніе другъ къ другу, котораго Левинъ такъ хотѣлъ избѣжать, опять установилось между братьями.

Левинъ подошелъ къ Катавасову.

— Какъ хорошо вы сдѣлали, что вздумали пріѣхать, — сказалъ онъ ему.

— Давно собирался. Теперь побесѣдуемъ, посмотримъ. Спенсера прочли?

— Нѣтъ, не дочелъ,—сказалъ Левинъ.—Впрочемъ, мнѣ онъ не нуженъ теперь.

— Какъ такъ? это интересно. Отчего?

— То-есть я окончательно убѣдился, что разрѣшенія занимающихъ меня вопросовъ я не найду въ немъ и ему подобныхъ. Теперь...

Но спокойное и веселое выраженіе лица Катавасова вдругъ поразило его, и ему такъ стало жалко своего настроенія, которое онъ очевидно нарушалъ этимъ разговоромъ, что онъ, вспомнивъ свое намѣреніе, остановился.

— Впрочемъ, послѣ поговоримъ, — прибавилъ онъ. — Если на пчельникъ, то сюда, по этой тропинкѣ,—обратился онъ ко всѣмъ.

Дойдя по узкой тропинкѣ до нескошенной полянки, покрытой съ одной стороны сплошною яркою Иванъ-да-Марьей, среди которой часто разрослись темно-зеленые высокіе кусты чемерицы, Левинъ помѣстилъ своихъ гостей въ густой, свѣжей тѣни молодыхъ осинокъ, на скамейкѣ и обрубкахъ, нарочно приготовленныхъ для посѣтителей пчельника, боящихся пчелъ, а самъ пошелъ на осѣкъ, чтобы принести дѣтямъ и большимъ хлѣба, огурцовъ и свѣжаго меда.

Стараясь дѣлать какъ можно меньше быстрыхъ движеній и прислушиваясь къ пролетавшимъ все чаще и чаще мимо него пчеламъ, онъ дошелъ по тропинкѣ до избы. У самыхъ сѣней одна пчела завизжала, запутавшись ему въ бороду, но онъ осторожно выпросталъ ее. Войдя въ тѣнистыя сѣни, онъ снялъ со стѣны повѣшенную на колышкѣ свою сѣтку и, надѣвъ ее и засунувъ руки въ карманы, вошелъ на огороженный пчельникъ, въ которомъ правильными рядами, привязанные къ кольямъ лычками, стояли среди выкошеннаго мѣста всѣ знакомые ему, каждый съ своею исторіей, старые ульи, а по стѣнкамъ плетня молодые, посаженные въ нынѣшнемъ году. Передъ летками ульевъ рябили въ глазахъ кружащіеся и толкущіеся на одномъ мѣстѣ, играющіе пчелы и трутни, и среди нихъ все въ одномъ направленіи, туда въ лѣсъ на цвѣтущую липу и назадъ къ ульямъ, пролетали рабочія пчелы съ взяткой и за взяткой.

Въ ушахъ не переставая отзывались разнообразные звуки то занятой дѣломъ, быстро пролетающей рабочей пчелы, то трубящаго, празднующаго трутня, то встревоженныхъ, оберегающихъ отъ врага свое достояніе, сбирающихся жалить пчелъ-караульщицъ. На сторонѣ ограды старикъ строгалъ обручъ и не видалъ Левина. Левинъ, не окликая его, остановился на срединѣ пчельника.

Онъ радъ былъ случаю побыть одному, чтобы опомниться отъ дѣйствительности, которая уже успѣла такъ принизить его настроеніе.

Онъ вспомнилъ, что уже успѣлъ разсердиться на Ивана, высказать холодность брату и легкомысленно поговорить съ Катавасовымъ.

«Неужели это было только минутное настроеніе и оно пройдетъ, не оставивъ слѣда?» подумалъ онъ.

Но въ ту же минуту, вернувшись къ своему настроенію, онъ съ радостью почувствовалъ, что что-то новое и важное произошло въ немъ. Дѣйствительность только на время застилала то душевное спокойствіе, которое онъ нашелъ, но оно было цѣло въ немъ.

Точно такъ же, какъ пчелы, теперь вившіяся вокругъ него, угрожавшія ему и развлекавшія его, лишали его полнаго физическаго спокойствія, заставляли его сжиматься, избѣгая ихъ, такъ точно заботы, обступивъ его съ той минуты, какъ онъ сѣлъ въ телѣжку, лишали его свободы душевной; но это продолжалось только до тѣхъ поръ, пока онъ былъ среди нихъ. Какъ, несмотря на пчелъ, тѣлесная сила была вся цѣла въ немъ, такъ и цѣла была вновь сознанная имъ его духовная сила.

XV.

— А ты знаешь, Костя, съ кѣмъ Сергѣй Ивановичъ ѣхалъ сюда?—сказала Долли, одѣливъ дѣтей огурцами и медомъ.— Съ Вронскимъ! Онъ ѣдетъ въ Сербію.

— Да еще не одинъ, а эскадронъ ведетъ на свой счетъ!— сказалъ Катавасовъ.

— Это ему идетъ,—сказалъ Левинъ.—А развѣ все ѣдутъ еще добровольцы?—прибавилъ онъ, взглянувъ на Сергѣя Ивановича.

Сергѣй Ивановичъ, не отвѣчая, осторожно вынималъ ножомъ тупикомъ изъ чашки, въ которой лежалъ угломъ бѣлый сотъ меду, влипшую въ подтекшій медъ живую еще пчелу.

— Да еще какъ! Вы бы видѣли, что вчера было на станціи,— сказалъ Катавасовъ, звонко перекусывая огурецъ.

— Ну, это-то какъ понять? Ради Христа, объясните мнѣ, Сергѣй Ивановичъ, куда ѣдутъ всѣ эти добровольцы, съ кѣмъ они воюютъ?—спросилъ старый князь, очевидно продолжая разговоръ, начавшійся еще безъ Левина.

— Съ турками,—спокойно улыбаясь, отвѣчалъ Сергѣй Ивановичъ, выпроставши безпомощно двигавшую ножками, почернѣвшую отъ меда пчелу и ссаживая ее съ ножа на крѣпкій осиновый листокъ.

— Да кто же объявилъ войну туркамъ? Иванъ Ивановичъ Рагозовъ и графиня Лидія Ивановна съ мадамъ Шталь?

— Никто не объявлялъ войны, а люди сочувствуютъ страданіямъ ближнихъ и желаютъ помочь имъ,—сказалъ Сергѣй Ивановичъ.

— Но князь говоритъ не о помощи,—сказалъ Левинъ, заступаясь за тестя,—а о войнѣ. Князь говоритъ, что частные люди не могутъ принимать участія въ войнѣ безъ разрѣшенія правительства.

— Костя, смотри, это пчела! Право, насъ искусаютъ!—сказала Долли, отмахиваясь отъ осы.

— Да это и не пчела, это оса,—сказалъ Левинъ.

— Ну-съ, ну-съ, какая ваша теорія?—сказалъ съ улыбкой Катавасовъ Левину, очевидно вызывая его на споръ. — Почему частные люди не имѣютъ права?

— Да моя теорія та: война, съ одной стороны, есть такое животное, жестокое и ужасное дѣло, что ни одинъ человѣкъ, не говорю уже христіанинъ, не можетъ лично взять на свою отвѣтственность начало войны, а можетъ только правительство, которое призвано къ этому и приводится къ войнѣ неизбѣжно. Съ другой стороны, и по наукѣ, и по здравому смыслу въ государственныхъ дѣлахъ, въ особенности въ дѣлѣ войны, граждане отрекаются отъ своей личной воли.

Сергѣй Ивановичъ и Катавасовъ съ готовыми возраженіями заговорили въ одно время.

— Въ томъ-то и штука, батюшка, что могутъ быть случаи, когда правительство не исполняетъ воли гражданъ, и тогда общество заявляетъ свою волю,—сказалъ Катавасовъ.

Но Сергѣй Ивановичъ, очевидно, не одобрялъ этого возраженія. Онъ нахмурился на слова Катавасова и сказалъ другое.

— Напрасно ты такъ ставишь вопросъ. Тутъ нѣтъ объявленія войны, а просто выраженіе человѣческаго, христіанскаго чувства. Убиваютъ братьевъ, единокровныхъ и единовѣрцевъ. Ну, положимъ, даже не братьевъ, не единовѣрцевъ, а простто дѣтей, женщинъ, стариковъ; чувство возмущается, русскіе люди бѣгутъ, чтобы помочь прекратить эти ужасы. Представь себѣ, что ты бы шелъ по улицѣ и увидалъ бы, что пьяные бьютъ женщину или ребенка; я думаю, ты не сталъ бы спрашивать, объявлена или не объявлена война этому человѣку, а ты бы бросился на него и защитилъ бы обижаемаго.

— Но не убилъ бы,—сказалъ Левинъ.

— Нѣтъ, ты бы убилъ.

— Я не знаю. Если бъ я увидалъ это, я бы отдался своему чувству непосредственному; но впередъ сказать я не могу. И такого непосредственнаго чувства къ угнетенію славянъ нѣтъ и не можетъ быть.

— Можетъ-быть, для тебя нѣтъ. Но для другихъ оно есть,— недовольно хмурясь, сказалъ Сергѣй Ивановичъ.—Въ народѣ живы преданія о православныхъ людяхъ, страдающихъ подъ игомъ «нечестивыхъ агарянъ». Народъ услыхалъ о страданіяхъ своихъ братій и заговорилъ.

— Можетъ-быть, — уклончиво сказалъ Левинъ,—но я не вижу; я самъ—народъ, и я не чувствую этого.

— Вотъ и я,—сказалъ князь.—Я жилъ за границей, читалъ газеты и, признаюсь, еще до болгарскихъ ужасовъ никакъ не

понималъ, почему всѣ русскіе такъ вдругъ полюбили братьевъ-славянъ, а я никакой къ нимъ любви не чувствую? Я очень огорчался, думалъ, что я уродъ или что такъ Карлсбадъ на меня дѣйствуетъ. Но, пріѣхавъ сюда, я успокоился; я вижу что и кромѣ меня есть люди, интересующіеся только Россіей, а не братьями-славянами. Вотъ и Константинъ.

— Личныя мнѣнія тутъ ничего не значатъ,—сказалъ Сергѣй Ивановичъ,—нѣтъ дѣла до личныхъ мнѣній, когда вся Россія—народъ выразилъ свою волю.

— Да, извините меня. Я этого не вижу. Народъ и знать не знаетъ,—сказалъ князь.

— Нѣтъ, папа... какъ же нѣтъ? А въ воскресенье въ церкви? —сказала Долли, прислушиваясь къ разговору.—Дай, пожалуйста, полотенце,—сказала она старику, съ улыбкой смотрѣвшему на дѣтей.—Ужъ не можетъ быть, чтобы всѣ...

— Да что же въ воскресенье въ церкви? Священнику велѣли прочесть. Онъ прочелъ. Они ничего не поняли, вздыхали какъ при всякой проповѣди,—продолжалъ князь.—Потомъ имъ сказали, что вотъ собираютъ на душеспасительное дѣло въ церкви, ну они вынули по копейкѣ и дали, а на чтó—они сами не знаютъ.

— Народъ не можетъ не знать; сознаніе своихъ судебъ всегда есть въ народѣ, и въ такія минуты, какъ нынѣшнія, оно выясняется ему,—утвердительно сказалъ Сергѣй Ивановичъ, взглядывая на старика-пчельника.

Красивый старикъ съ черною съ просѣдью бородой и густыми серебряными волосами неподвижно стоялъ, держа чашку съ медомъ, ласково и спокойно съ высоты своего роста глядя на господъ, очевидно ничего не понимая и не желая понимать.

— Это такъ точно,—значительно покачивая головой, сказалъ онъ на слова Сергѣя Ивановича.

— Да вотъ спросите у него. Онъ ничего не знаетъ и не думаетъ,—сказалъ Левинъ.—Ты слышалъ, Михайлычъ, о войнѣ?—обратился онъ къ нему.—Вотъ чтó въ церкви читали? Ты что же думаешь? Надо намъ воевать за христіанъ?

— Что жъ намъ думать? Александръ Николаевичъ, императоръ, насъ обдумалъ, онъ насъ и обдумаетъ во всѣхъ дѣлахъ. Ему виднѣй... Хлѣбушка не принесть ли еще? Парнишкѣ еще дать? — обратился онъ къ Дарьѣ Александровнѣ, указывая на Гришу, который доѣдалъ корку.

— Мнѣ не нужно спрашивать,—сказалъ Сергѣй Ивановичъ,—мы видѣли и видимъ сотни и сотни людей, которые бросаютъ все, чтобы послужить правому дѣлу, приходятъ со всѣхъ концовъ Россіи и прямо и ясно выражаютъ свою мысль и цѣль.

Они приносятъ свои гроши или сами идутъ и прямо говорятъ зачѣмъ. Чтò же это значитъ?

— Значитъ, по-моему,—сказалъ начинавшій горячиться Левинъ,—что въ восьмидесятимилліонномъ народѣ всегда найдутся не сотни, какъ теперь, а десятки тысячъ людей, потерявшихъ общественное положеніе, безшабашныхъ людей, которые всегда готовы—въ шайку Пугачева, въ Хиву, въ Сербію...

— Я тебѣ говорю, что не сотни и не люди безшабашные, а лучшіе представители народа!—сказалъ Сергѣй Ивановичъ съ такимъ раздраженіемъ, какъ будто онъ защищалъ послѣднее свое достояніе.—А пожертвованія? Тутъ ужъ прямо весь народъ выражаетъ свою волю.

— Это слово «народъ» такъ неопредѣленно,—сказалъ Левинъ.—Писаря волостные, учителя и изъ мужиковъ одинъ на тысячу, можетъ-быть, знаютъ, о чемъ идетъ дѣло. Остальные же восемьдесятъ милліоновъ, какъ Михайлычъ, не только не выражаютъ своей воли, но не имѣютъ ни малѣйшаго понятія, о чемъ имъ надо бы выражать свою волю. Какое же мы имѣемъ право говорить, что это воля народа?

XVI.

Опытный въ діалектикѣ Сергѣй Ивановичъ, не возражая, тотчасъ же перенесъ разговоръ въ другую область.

— Да, если ты хочешь ариѳметическимъ путемъ узнать духъ народа, то, разумѣется, достигнуть этого очень трудно. И подача голосовъ не введена у насъ и не можетъ быть введена, потому что не выражаетъ воли народа; но для этого есть другіе пути. Это чувствуется въ воздухѣ, это чувствуется сердцемъ. Не говорю уже о тѣхъ подводныхъ теченіяхъ, которыя двинулись въ стоячемъ морѣ народа и которыя ясны для всякаго непредубѣжденнаго человѣка; взгляни на общество въ тѣсномъ смыслѣ. Всѣ разнообразнѣйшія партіи міра интеллигенціи, столь враждебныя прежде, всѣ слились въ одно. Всякая рознь кончилась, всѣ общественные органы говорятъ одно и одно, всѣ почуяли стихійную силу, которая захватила ихъ и несетъ въ одномъ направленіи.

— Да это газеты всѣ одно говорятъ,—сказалъ князь.—Это правда. Да ужъ такъ-то все одно, что точно лягушки передъ грозой. Изъ-за нихъ и не слыхать ничего.

— Лягушки ли, не лягушки,—я газетъ не издаю и защищать ихъ не хочу; но я говорю о единомысліи въ мірѣ интеллигенціи,—сказалъ Сергѣй Ивановичъ, обращаясь къ брату. Левинъ хотѣлъ отвѣчать, но старый князь перебилъ его.

— Ну, про это единомыслiе еще другое можно сказать,— сказалъ князь.—Вотъ у меня зятекъ, Степанъ Аркадьевичъ, вы его знаете. Онъ теперь получаетъ мѣсто члена отъ комитета комиссiи и еще что-то, я не помню. Только дѣлать тамъ нечего—что жъ, Долли, это не секретъ, — а 8000 жалованья. Попробуйте, спросите у него, полезна ли его служба, онъ вамъ докажетъ, что самая нужная. И онъ правдивый человѣкъ, но нельзя же не вѣрить въ пользу восьми тысячъ.

— Да, онъ просилъ меня передать о полученiи мѣста Дарьѣ Александровнѣ,—недовольно сказалъ Сергѣй Ивановичъ, полагая, что князь говоритъ некстати.

— Такъ-то и единомыслiе газетъ. Мнѣ это растолковали: какъ только война, то имъ вдвое дохода. Какъ же имъ не считать, чтобы судьбы народа и славянъ... и все это?

— Я не люблю газетъ многихъ, но это несправедливо,—сказалъ Сергѣй Ивановичъ.

— Я только бы одно условiе поставилъ,—продолжалъ князь.— Alphonse Karr прекрасно это писалъ передъ войной съ Пруссiей. «Вы считаете, что война необходима? Прекрасно. Кто проповѣдуетъ войну,—въ особый, передовой легiонъ, и на штурмъ, въ атаку, впереди всѣхъ».

— Хороши будутъ редакторы!—громко засмѣявшись, сказалъ Катавасовъ, представивъ себѣ знакомыхъ ему редакторовъ въ этомъ избранномъ легiонѣ.

— Да что жъ, они убѣгутъ,—сказала Долли,—только помѣшаютъ.

— А коли побѣгутъ, такъ сзади картечью или казаковъ съ плетьми поставить,—сказалъ князь.

— Да это шутка, и нехорошая шутка, извините меня, князь,— сказалъ Сергѣй Ивановичъ.

— Я не вижу, чтобы это была шутка, что...—началъ было Левинъ, но Сергѣй Ивановичъ перебилъ его.

— Каждый членъ общества призванъ дѣлать свойственное ему дѣло,—сказалъ онъ.—И люди мысли исполняютъ свое дѣло, выражая общественное мнѣнiе. И единодушное и полное выраженiе общественнаго мнѣнiя есть заслуга прессы и вмѣстѣ съ тѣмъ радостное явленiе. Двадцать лѣтъ тому назадъ мы бы молчали, а теперь слышенъ голосъ русскаго народа, который готовъ встать, какъ одинъ человѣкъ, и готовъ жертвовать собой для угнетенныхъ братьевъ; это великiй шагъ и задатокъ силы.

— Но вѣдь не жертвовать только, а убивать турокъ,—робко сказалъ Левинъ.—Народъ жертвуетъ и готовъ жертвовать для

своей души, а не для убійства,—прибавилъ онъ, невольно связывая разговоръ съ тѣми мыслями, которыя такъ его занимали.

— Какъ для души? Это, понимаете, для естественника затруднительное выраженіе. Что же это такое душа?—улыбаясь сказалъ Катавасовъ.

— Ахъ, вы знаете!

— Вотъ, ей-Богу, ни малѣйшаго понятія не имѣю!—съ громкимъ смѣхомъ сказалъ Катавасовъ.

— Я не миръ, а мечь принесъ, говоритъ Христосъ,—съ своей стороны возразилъ Сергѣй Ивановичъ, просто, какъ будто самую понятную вещь, приводя то самое мѣсто изъ Евангелія, которое всегда болѣе всего смущало Левина.

— Это такъ точно,—опять повторилъ старикъ, стоявшій около нихъ, отвѣчая на случайно брошенный на него взглядъ.

— Нѣтъ, батюшка, разбиты, разбиты, совсѣмъ разбиты!—весело прокричалъ Катавасовъ.

Левинъ покраснѣлъ отъ досады не на то, что онъ былъ разбитъ, а на то, что онъ не удержался и сталъ спорить.

«Нѣтъ, мнѣ нельзя спорить съ ними,—подумалъ онъ:—на нихъ непроницаемая броня, а я голый».

Онъ видѣлъ, что брата и Катавасова убѣдить нельзя, и еще менѣе видѣлъ возможности самому согласиться съ ними. То, что̀ они проповѣдывали, была та самая гордость ума, которая чуть не погубила его. Онъ не могъ согласиться съ тѣмъ, что десятки людей, въ числѣ которыхъ и братъ его, имѣли право, на основаніи того, что̀ имъ разсказывали сотни приходившихъ въ столицы краснобаевъ-добровольцевъ, говорить, что они съ газетами выражаютъ волю и мысль народа, и такую мысль, которая выражается во мщеніи и убійствѣ. Онъ не могъ согласиться съ этимъ, потому что и не видѣлъ выраженія этихъ мыслей въ народѣ, въ средѣ котораго онъ жилъ, и не находилъ этихъ мыслей въ себѣ (а онъ не могъ себя ничѣмъ другимъ считать, какъ однимъ изъ людей, составляющихъ русскій народъ), а главное потому, что онъ вмѣстѣ съ народомъ не зналъ, не могъ знать того, въ чемъ состоитъ общее благо, но твердо зналъ, что достиженіе этого общаго блага возможно только при строгомъ исполненіи того закона добра, который открытъ каждому человѣку, и потому не могъ желать войны и проповѣдывать для какихъ бы то ни было общихъ цѣлей. Онъ говорилъ вмѣстѣ съ Михайлычемъ и народомъ, выразившимъ свою мысль въ преданіи о призваніи варяговъ: «Княжите и владѣйте нами. Мы радостно обѣщаемъ полную покорность. Весь трудъ, всѣ униженія, всѣ жертвы мы беремъ на себя; но не мы судимъ и

рѣшаемъ». А теперь народъ, по словамъ Сергѣевъ Ивановичей, отрекался отъ этого, купленнаго такою дорогою цѣной, права.

Ему хотѣлось еще сказать, что если общественное мнѣніе есть непогрѣшимый судья, то почему революція, коммуна не такъ же законны, какъ и движеніе въ пользу славянъ? Но все это были мысли, которыя ничего не могли рѣшить. Одно несомнѣнно можно было видѣть—это то, что въ настоящую минуту споръ раздражалъ Сергѣя Ивановича и потому спорить было дурно; и Левинъ замолчалъ и обратилъ вниманіе гостей на то, что тучки собрались и что отъ дождя лучше идти домой.

XVII.

Князь и Сергѣй Ивановичъ сѣли въ телѣжку и поѣхали; остальное общество, ускоривъ шагъ, пѣшкомъ пошло домой.

Но туча, то бѣлѣя, то чернѣя, такъ быстро надвигалась, что надо было еще прибавить шага, чтобы до дождя поспѣть домой. Передовыя ея, низкія и черныя, какъ дымъ съ копотью, облака съ необыкновенною быстротой бѣжали по небу. До дома еще было шаговъ двѣсти, а уже поднялся вѣтеръ, и всякую секунду можно было ждать ливня.

Дѣти съ испуганнымъ и радостнымъ визгомъ бѣжали впереди. Дарья Александровна, съ трудомъ борясь со своими облѣпившими ея ноги юбками, уже не шла, а бѣжала, не спуская съ глазъ дѣтей. Мужчины, придерживая шляпы, шли большими шагами. Они были уже у самаго крыльца, какъ большая капля ударилась и разбилась о край желѣзнаго желоба. Дѣти и за ними большіе съ веселымъ говоромъ вбѣжали подъ защиту крыши.

— Катерина Александровна?—спросилъ Левинъ у встрѣтившей ихъ въ передней Агаѳьи Михайловны съ платками и пледами.

— Мы думали, съ вами,—сказала она.

— А Митя?

— Въ Колкѣ, должно-быть, и няня съ ними.

Левинъ схватилъ пледы и побѣжалъ въ Колокъ.

Въ этотъ короткій промежутокъ времени туча уже настолько надвинулась своей серединой на солнце, что стало темно, какъ въ затменіе. Вѣтеръ упорно какъ бы настаивалъ на своемъ, останавливалъ Левина и, обрывая листья и цвѣтъ съ липъ и безобразно и странно оголяя бѣлые сучья березъ, нагибалъ все въ одну сторону: акаціи, цвѣты, лопухи, траву и макушки деревьевъ. Работавшія въ саду дѣвки съ визгомъ пробѣжали подъ крышу людской. Бѣлый занавѣсъ проливного дождя уже

захватилъ весь дальній лѣсъ и половину ближняго поля и быстро подвигался къ Колку. Сырость дождя, разбивавшагося на мелкія капли, слышалась въ воздухѣ.

Нагибая впередъ голову и борясь съ вѣтромъ, который вырывалъ у него платки, Левинъ уже подбѣгалъ къ Колку и уже видѣлъ что-то бѣлѣющееся за дубомъ, какъ вдругъ все вспыхнуло, загорѣлась вся земля и какъ будто надъ головой треснулъ сводъ небесъ. Открывъ ослѣпленные глаза, Левинъ сквозь густую завѣсу дождя, отдѣлившую его теперь отъ Колка, съ ужасомъ увидалъ прежде всего странно измѣнившую свое положеніе зеленую макушку знакомаго ему дуба въ серединѣ лѣса. «Неужели разбило?» едва успѣлъ подумать Левинъ, какъ все убыстряя и убыстряя движеніе, макушка дуба скрылась за другими деревьями, и онъ услыхалъ трескъ упавшаго на другія деревья большого дерева.

Свѣтъ молніи, звукъ грома и ощущеніе мгновенно обданнаго холодомъ тѣла слились для Левина въ одно впечатлѣніе ужаса.

— Боже мой! Боже мой! чтобъ не на нихъ!—проговорилъ онъ.

И хотя онъ тотчасъ же подумалъ о томъ, какъ безсмысленна его просьба о томъ, чтобъ они не были убиты дубомъ, который уже упалъ теперь, онъ повторилъ ее, зная, что лучше этой безсмысленной молитвы онъ ничего не можетъ сдѣлать.

Добѣжавъ до того мѣста, гдѣ они бывали обыкновенно, онъ не нашелъ ихъ.

Они были на другомъ концѣ лѣса, подъ старою липой, и звали его. Двѣ фигуры въ темныхъ платьяхъ (онѣ прежде были въ свѣтлыхъ), нагнувшись, стояли надъ чѣмъ-то. Это были Кити и няня. Дождь уже переставалъ и начинало свѣтлѣть, когда Левинъ подбѣжалъ къ нимъ. У няни низъ платья былъ сухъ, но на Кити платье промокло насквозь и всю облѣпило ее. Хотя дождя уже не было, онѣ все еще стояли въ томъ же положеніи, въ которое онѣ стали, когда разразилась гроза: обѣ стояли, нагнувшись надъ телѣжкой съ зеленымъ зонтикомъ.

— Живы? цѣлы? Слава Богу!—проговорилъ онъ, шлепая по неубравшейся водѣ сбивавшеюся, полною воды ботинкой и подбѣгая къ нимъ.

Румяное и мокрое лицо Кити было обращено къ нему и робко улыбалось изъ-подъ измѣнившей форму шляпы.

— Ну, какъ тебѣ не совѣстно! Я не понимаю, какъ можно быть такъ неосторожной!—съ досадой напалъ онъ на жену.

— Я, ей-Богу, не виновата. Только что хотѣла уйти, тутъ онъ развозился. Надо было его перемѣнить. Мы только что...—стала извиняться Кити.

Митя былъ цѣлъ, сухъ и не переставая спалъ.

— Ну, слава Богу! я не знаю, что говорю.

Собрали мокрыя пеленки; няня вынула ребенка и понесла его. Левинъ шелъ подлѣ жены, виновато за свою досаду, потихоньку отъ няни, пожимая ея руку.

XVIII.

Въ продолженіе всего дня за самыми разнообразными разговорами, въ которыхъ онъ какъ бы только одной внѣшней стороной своего ума принималъ участіе, Левинъ, несмотря на разочарованіе въ перемѣнѣ, долженствовавшей произойти въ немъ, не переставалъ радостно слышать полноту своего сердца.

Послѣ дождя было слишкомъ мокро, чтобы идти гулять; притомъ же и грозовыя тучи не сходили съ горизнота и то тамъ, то здѣсь проходили, гремя и чернѣя, по краямъ неба. Все общество провело остатокъ дня дома.

Споровъ болѣе не затѣвалось, а, напротивъ, послѣ обѣда всѣ были въ самомъ хорошемъ расположеніи духа.

Катавасовъ сначала смѣшилъ дамъ своими оригинальными шутками, которыя всегда такъ нравились при первомъ знакомствѣ съ нимъ, но потомъ, вызванный Сергѣемъ Ивановичемъ, разсказалъ очень интересныя свои наблюденія о различіи характеровъ и даже физіономій самокъ и самцовъ комнатныхъ мухъ и о ихъ жизни. Сергѣй Ивановичъ тоже былъ веселъ и за чаемъ, вызванный братомъ, изложилъ свой взглядъ на будущность восточнаго вопроса, и такъ просто и хорошо, что всѣ заслушались его.

Только одна Кити не могла дослушать его: ее позвали мыть Митю.

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ ухода Кити, и Левина вызвали къ ней въ дѣтскую.

Оставивъ свой чай и тоже сожалѣя о перерывѣ интереснаго разговора и вмѣстѣ съ тѣмъ безпокоясь о томъ, зачѣмъ его звали, такъ какъ это случалось только при важныхъ случаяхъ, Левинъ пошелъ въ дѣтскую.

Несмотря на то, что недослушанный планъ Сергѣя Ивановича о томъ, какъ освобожденный соракамилліонный міръ славянъ долженъ вмѣстѣ съ Россіей начать новую эпоху въ исторіи, очень заинтересовалъ его какъ нѣчто совершенно новое для него, несмотря на то, что и любопытство и безпокойство о томъ, зачѣмъ его звали, тревожили его, — какъ только онъ остался одинъ, выйдя изъ гостиной, онъ тотчасъ же вспомнилъ

свои утреннія мысли. И всѣ эти соображенія о значеніи славянскаго элемента во всемірной исторіи показались ему такъ ничтожны въ сравненіи съ тѣмъ, что дѣлалось въ его душѣ, что онъ мгновенно забылъ все это и перенесся въ то самое настроеніе, въ которомъ былъ нынче утромъ.

Онъ не вспоминалъ теперь, какъ бывало прежде, всего хода мысли (этого не нужно было ему). Онъ сразу перенесся въ то чувство, которое руководило имъ, которое было связано съ этими мыслями, и нашелъ въ душѣ своей это чувство еще болѣе сильнымъ и опредѣленнымъ, чѣмъ прежде. Теперь съ нимъ не было того, что бывало при прежнихъ придумываемыхъ успокоеніяхъ, когда надо было возстановить весь ходъ мысли для того, чтобы найти чувство. Теперь, напротивъ, чувство радости и успокоенія было живѣе, чѣмъ прежде, а мысль не поспѣвала за чувствомъ.

Онъ шелъ черезъ террасу и смотрѣлъ на выступавшія двѣ звѣзды на потемнѣвшемъ уже небѣ и вдругъ вспомнилъ: «Да, глядя на небо, я думалъ о томъ, что сводъ, который я вижу не есть неправда, и при этомъ что-то я недодумалъ, что-то я скрылъ отъ себя,—подумалъ онъ.—Но, что бы тамъ ни было, возраженія не можетъ быть. Стоитъ подумать,—и все разъяснится!»

Уже входя въ дѣтскую, онъ вспомнилъ, что такое было то, что онъ скрылъ отъ себя. Это было то, что если главное доказательство Божества есть Его откровеніе о томъ, что есть добро, то почему это откровеніе ограничивается одною христіанскою Церковью? Какое отношеніе къ этому откровенію имѣютъ вѣрованія буддистовъ, магометанъ, тоже исповѣдующихъ и дѣлающихъ добро?

Ему казалось, что у него есть отвѣтъ на этотъ вопросъ; но онъ не успѣлъ еще самъ себѣ выразить его, какъ вошелъ въ дѣтскую. Кити стояла съ засученными рукавами у ванны надъ полоскавшимся въ ней ребенкомъ и, заслышавъ шаги мужа, повернувъ къ нему лицо, улыбкой звала его къ себѣ. Одною рукой она поддерживала подъ голову плавающаго на спинѣ и корячившаго ножонками пухлаго ребенка, другою она, равномѣрно напрягая мускулъ, выжимала на него губку.

— Ну вотъ, посмотри, посмотри!—сказала она, когда мужъ подошелъ къ ней.—Агаѳья Михайловна права: узнаетъ.

Дѣло шло о томъ, что Митя съ нынѣшняго дня очевидно несомнѣнно уже узнавалъ всѣхъ своихъ.

Какъ только Левинъ подошелъ къ ваннѣ, ему тотчасъ же былъ представленъ опытъ, и опытъ вполнѣ удался. Кухарка, нарочно для этого призванная, нагнулась къ ребенку. Онъ на-

хмурился и отрицательно замоталъ головой. Кити нагнулась къ нему, онъ просіялъ улыбкой, уперся ручками въ губку и запрукалъ губами, производя такой довольный и странный звукъ, что не только Кити и няня, но и Левинъ пришелъ въ неожиданное восхищеніе.

Ребенка вынули на одной рукѣ изъ ванны, окатили водой, окутали простыней, вытерли и послѣ пронзительнаго крика подали матери.

— Ну, я рада, что ты начинаешь любить его,—сказала Кити мужу, послѣ того, какъ она съ ребенкомъ у груди спокойно усѣлась на привычномъ мѣстѣ.—Я очень рада. А то это меня уже начинало огорчать. Ты говорилъ, что ничего къ нему не чувствуешь.

— Нѣтъ, развѣ я говорилъ, что я не чувствую? Я только говорилъ, что я разочаровался.

— Какъ, въ немъ разочаровался?

— Не то, что разочаровался въ немъ, а въ своемъ чувствѣ; я ждалъ больше. Я ждалъ, что, какъ сюрпризъ, распустится во мнѣ новое, пріятное чувство. И вдругъ вмѣсто этого—гадливость, жалость...

Она внимательно слушала его черезъ ребенка, надѣвая на тонкіе пальцы кольца, которыя она снимала, чтобы мыть Митю.

— И главное, что гораздо больше страха и жалости, чѣмъ удовольствія. Нынче, послѣ этого страха во время грозы, я понялъ, какъ я люблю его.

Кити просіяла улыбкой.

— А ты очень испугался?—сказала она.—И я тоже, но мнѣ теперь больше страшно, какъ уже прошло. Я пойду посмотрѣть дубъ. А какъ милъ Катавасовъ? Да и вообще цѣлый день было такъ пріятно. И ты съ Сергѣемъ Ивановичемъ такъ хорошъ, когда ты захочешь... Ну, иди къ нимъ. А то послѣ ванны здѣсь всегда жарко и паръ...

XIX.

Выйдя изъ дѣтской и оставшись одинъ, Левинъ тотчасъ же опять вспомнилъ ту мысль, въ которой было что-то неясно.

Вмѣсто того, чтобы идти въ гостиную, изъ которой слышны были голоса, онъ остановился на террасѣ и, облокотившись на перила, сталъ смотрѣть на небо.

Уже совсѣмъ стемнѣло, и на югѣ, куда онъ смотрѣлъ, не было тучъ. Тучи стояли съ противной стороны. Оттуда вспыхивала молнія и слышался дальній громъ. Левинъ прислу-

шивался къ равномѣрно падающимъ съ липъ въ саду каплямъ и смотрѣлъ на знакомый ему треугольникъ звѣздъ и на проходящій въ серединѣ его млечный путь съ его развѣтвленіемъ. При каждой вспышкѣ молніи не только млечный путь, но и яркія звѣзды исчезали, но, какъ только потухала молнія, опять, какъ будто брошенныя какой-то мѣткой рукой, появлялись на тѣхъ же мѣстахъ.

«Ну что же смущаетъ меня?» сказалъ себѣ Левинъ, впередъ чувствуя, что разрѣшеніе его сомнѣній, хотя онъ не знаетъ еще его, уже готово въ его душѣ.

«Да, одно очевидное, несомнѣнное проявленіе Божества—это законы добра, которые явлены міру откровеніемъ и которые я чувствую въ себѣ и въ признаніи которыхъ я не то что соединяюсь, а волей-неволей соединенъ съ другими людьми въ одно общество вѣрующихъ, которое называютъ Церковью. Ну, а евреи, магометане, конфуціанцы, буддисты—что же они такое?—задалъ онъ себѣ тотъ самый вопросъ, который и казался ему опаснымъ.—Неужели эти сотни милліоновъ людей лишены того лучшаго блага, безъ котораго жизнь не имѣетъ смысла?» Онъ задумался, но тотчасъ же поправилъ себя. «Но о чемъ же я спрашиваю?—сказалъ онъ себѣ.—Я спрашиваю объ отношеніи къ Божеству всѣхъ разнообразныхъ вѣрованій всего человѣчества. Я спрашиваю объ общемъ проявленіи Бога для всего міра со всѣми этими туманными пятнами. Что же я дѣлаю? Мнѣ лично, моему сердцу открыто несомнѣнно знаніе, непостижимое разумомъ, а я упорно хочу разумомъ и словами выразить это знаніе».

«Развѣ я не знаю, что звѣзды не ходятъ?—спросилъ онъ себя, глядя на измѣнившую уже свое положеніе въ высшей вѣткѣ березы яркую планету.—Но я, глядя на движеніе звѣздъ, не могу представлять себѣ вращенія земли, и я правъ, говоря, что звѣзды ходятъ.

«И развѣ астрономы могли бы понять и вычислить что-нибудь, если бы они принимали въ расчетъ всѣ сложныя разнообразныя движенія земли? Всѣ удивительныя заключенія ихъ о разстояніяхъ, вѣсѣ, движеніяхъ и возмущеніяхъ небесныхъ тѣлъ основаны только на видимомъ движеніи свѣтилъ вокругъ неподвижной земли, на томъ самомъ движеніи, которое теперь передо мной и которое было такимъ для милліоновъ людей въ продолженіе вѣковъ и было и будетъ всегда одинаково и всегда можетъ быть повѣрено. И точно такъ же, какъ праздны и шатки были бы заключенія астрономовъ, не основанныя на наблюденіяхъ видимаго неба, по отношенію къ одному меридіану

и одному горизонту, такъ праздны и шатки были бы и мои заключенія, не основанныя на томъ пониманіи добра, которое для всѣхъ всегда было и будетъ одинаково и которое открыто мнѣ христіанствомъ и всегда въ душѣ моей можетъ быть повѣрено. Вопроса же о другихъ вѣрованіяхъ и ихъ отношеніяхъ къ Божеству я не имѣю права и возможности рѣшить».

— А, ты не ушелъ?—сказалъ вдругъ голосъ Кити, шедшей тѣмъ же путемъ въ гостиную. — Что ты, ничѣмъ не разстроенъ?—сказала она, внимательно вглядываясь при свѣтѣ звѣздъ въ его лицо.

Но она все-таки не разсмотрѣла бы его лица, если бъ опять молнія, скрывшая звѣзды, не освѣтила его. При свѣтѣ молніи она разсмотрѣла все его лицо и, увидавъ, что онъ спокоенъ и радостенъ, улыбнулась ему.

«Она понимаетъ,—думалъ онъ,—она знаетъ, о чемъ я думаю. Сказать ей или нѣтъ? Да, я скажу ей». Но въ ту минуту, какъ онъ хотѣлъ начать говорить, она заговорила тоже.

— Вотъ что, Костя! Сдѣлай одолженіе,—сказала она,—поди въ угловую и посмотри, какъ Сергѣю Ивановичу все устроили. Мнѣ неловко. Поставили ли новый умывальникъ?

— Хорошо, я пойду непремѣнно,—сказалъ Левинъ, вставая и цѣлуя ее.

«Нѣтъ, не надо говорить,—подумалъ онъ, когда она прошла впередъ его.—Эта тайна, для меня одного нужная, важная и невыразимая словами.

«Это новое чувство не измѣнило меня, не осчастливило, не просвѣтило вдругъ, какъ я мечталъ,—такъ же какъ и чувство къ сыну. Никакого сюрприза тоже не было. А вѣра, не вѣра— я не знаю, что это такое, но чувство это такъ же незамѣтно вошло страданіями и твердо засѣло въ душѣ.

«Такъ же буду сердиться на Ивана кучера, такъ же буду спорить, буду некстати высказывать свои мысли, такъ же будетъ стѣна между святая святыхъ моей души и другими, даже женой моей, такъ же буду обвинять ее за свой страхъ и раскаиваться въ этомъ, такъ же буду не понимать разумомъ, зачѣмъ я молюсь, и буду молиться, — но жизнь моя теперь, вся моя жизнь, независимо отъ всего, что можетъ случиться со мной, каждая минута ея — не только не безсмысленна, какъ была прежде, но имѣетъ несомнѣнный смыслъ добра, который я властенъ вложить въ нее!»

КОНЕЦЪ.

Примѣчаніе къ X тому полнаго собранія сочиненій Л. Н. Толстого.

Помѣщаемыя нами приложенія извлечены изъ того же источника, о которомъ упоминалось уже въ примѣчаніяхъ къ IX тому, а именно изъ корректурнаго экземпляра «Анны Карениной», хранящагося въ Публичной библіотекѣ въ Петербургѣ. Экземпляръ этотъ представляетъ весь романъ, напечатанный въ «Русскомъ Вѣстникѣ», а также и VIII (послѣднюю) часть, въ корректурахъ исправленныхъ Л. Н-чемъ для отдѣльнаго изданія; VIII часть, какъ извѣстно, печаталась отдѣльной брошюрой, такъ какъ содержаніе ея вызвало крупное разногласіе между редакторомъ «Русскаго Вѣстника» Катковымъ и Львомъ Николаевичемъ. Затѣмъ, когда романъ вышелъ отдѣльнымъ изданіемъ, VIII часть была присоединена къ нему безъ значительныхъ измѣненій.

Приложеніе къ X тому полнаго собранія сочиненій Л. Н. Толстого.

(II-й томъ «Анны Карениной»).

№ 1, ч. V, гл. 33.

Вронскому стоило только оглядѣть этихъ «настоящихъ», т.-е. своихъ, людей, направленіе ихъ взглядовъ, выраженіе лицъ, стоило замѣтить вниманіе, которое обращали на него встрѣчавшіеся знакомые, чтобы понять, какой теперь былъ общій интересъ этого круга. Интересъ этотъ былъ, съ одной стороны, объявленный женихъ извѣстной дѣвушки, который почти пьяный сидѣлъ въ ея ложѣ, и появленіе Карениной. Вронскій зналъ, что бракъ съ человѣкомъ, изуродованнымъ несчастною болѣзнію и пьянымъ, на который согласились родители потому, что отецъ жениха былъ въ большой силѣ, теперь, когда женихъ явился въ первый разъ въ публикѣ съ невѣстой, очень занималъ высшій свѣтъ; но онъ видѣлъ, что интересъ, возбужденный появленіемъ Анны, былъ еще сильнѣе, и что всѣ улыбки, шутки, пожатіе плечъ, выраженія негодованія,—все относилось къ ней.

№ 2, ч. VII, гл. 23.

Вронскій, съ своей стороны, никакъ не могъ понять, для чего она отравляла ихъ и такъ тяжелую жизнь и для чего наказывала, мучила его, пожертвовавшаго столькимъ для нея, тогда какъ онъ и на дѣлѣ и въ мысляхъ продолжалъ быть ей вполнѣ вѣрнымъ. Онъ не могъ простить себѣ и ей ту ошибку, въ которую она увлекла его—соединиться внѣ брака. Онъ теперь только понялъ всю тяжесть того положенія, въ которомъ онъ находился. Она практически была въ его власти, но эта самая беззащитность, слабость ея давала ей огромную власть надъ нимъ. Власть эту ей давала его честность и деликатность. И она злоупотребляла этою силой своей слабости. «Я твоя любовница, ты можешь бро-

сить меня». Она даже говорила ему это. И она какъ будто нарочно для того, чтобъ искушать его, вызывала его на борьбу. Онъ во всемъ готовъ былъ покориться и покорялся ей, но не въ той борьбѣ, на какую она вызывала его. Онъ не могъ уступить ей тамъ, гдѣ дѣло шло о всей его жизни. Нельзя было понять хорошенько, чего она требовала. То это было совершенно невозможное, какое-то смѣшное (ridicule) отреченіе отъ всѣхъ интересовъ жизни, то какое-то вѣчное влюбленное присутствованіе при ней, которое ему становилось противно, потому что оно требовалось. Хотя и нѣсколько разъ онъ говорилъ себѣ, что она жалка въ своемъ положеніи и надо быть сколько возможно мягкимъ и уступчивымъ съ ней, но онъ забывалъ это намѣреніе какъ только вступалъ въ отношенія съ ней. Его раздражала ея несправедливость и увѣренность въ силѣ своей слабости, и онъ становился въ положеніе отпора и часто, вызываемый ея неразборчивыми, оскорбительными нападками, самъ раздражался и говорилъ ей то, чего бы не должно было говорить. Кромѣ того, это очевидное теперь для него желаніе ея постоянно физически нравиться ему, кокетство съ нимъ, забота о позахъ, о туалетахъ, вмѣсто того, чтобы привлекать, иногда охлаждали его къ ней, отталкивавали даже.

3 2000 011 308 865